

Историческая библиотека

ФЕЛИПЕ
ФЕРНАНДЕС-
АРМЕСТО

ЦИВИЛИЗАЦИИ

Фелипе Фернандес-Арместо — известный современный историк, преподаватель Университета Миннесоты, лауреат нескольких профессиональных премий и автор международных бестселлеров, среди которых особое место занимает фундаментальный труд «Цивилизации».

Что такое цивилизация?

Чем отличается «цивилизационный» подход к истории от «формационного»?

И почему общества, не пытавшиеся изменить окружающий мир, а, напротив, подстраивавшиеся под его требования исключены официальной наукой из списка высокоразвитых цивилизаций?

Кочевники африканских пустынь и островитяне Полинезии. Эскимосы и иннуиты Заполярья, индейцы Северной Америки и австралийские аборигены.

Веками их считали в лучшем случае «благородными дикарями», а в худшем — полулюдьми, варварами, находящимися на самой низкой ступени развития.

Но так ли это в реальности?

Фелипе Фернандес-Арместо предлагает в своей потрясающей, вызвавшей множество споров и дискуссий книге совершенно новый и неожиданный взгляд на историю «низкоразвитых» обществ, стоящих, по его мнению, много выше обществ высокоразвитых...

ISBN 978-5-17-056644-0

9 785170 566440

ФЕЛИПЕ
ФЕРНАНДЕС-
АРМЕСТО

ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)
Ф43

Felipe Fernández-Armesto
CIVILIZATIONS

Перевод с английского Д. Арсеньева, О. Колесникова

Консультант-кандидат исторических наук Дмитрий Володихин

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
David Higham Associates Ltd и Synopsis.

Фернандес-Арместо, Ф.

Ф43 Цивилизации / Фелипе Фернандес-Арместо; пер. с англ.
Д. Арсеньева, О. Колесникова. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. —
764, [4] с.: 24 л. ил.

ISBN 978-5-17-056644-0 (ООО «Изд-во АСТ») (С.: Ист.библ.(новая))

ISBN 978-5-403-00426-8 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Оформление С. Власова

Компьютерный дизайн М. Хафизова

ISBN 978-5-17-056714-0 (ООО «Изд-во АСТ») (С.: Philosophy)

ISBN 978-5-403-00427-5 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн Н. Хафизовой

Что такое цивилизация?

Чем отличается «цивилизационный» подход к истории от «формационного»?

И почему общества, не пытавшиеся изменить окружающий мир, а, напротив, подстраивавшиеся под его требования исключены официальной наукой из списка высокоразвитых цивилизаций?

Кочевники африканских пустынь и островитяне Полинезии. Эскимосы и иннуиты Заполярья, индейцы Северной Америки и австралийские аборигены.

Веками их считали в лучшем случае «благородными дикарями», а в худшем — полулюдьми, варварами, находящимися на самой низкой ступени развития.

Но так ли это в реальности?

Фелипе Фернандес-Арместо предлагает в своей потрясающей, вызвавшей множество споров и дискуссий книге совершенно новый и неожиданный взгляд на историю «низкоразвитых» обществ, стоящих, по его мнению, много выше обществ высокоразвитых...

ISBN 978-985-16-6804-1
(ООО «Харвест») (Ист.библ.(новая))
ISBN 978-985-16-6805-8
(ООО «Харвест») (Philosophy)

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

© Felipe Fernández-Armesto, 2001
© Перевод. Д. Арсеньев, 2008
© Перевод. О. Колесников, 2008
© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Д. Володихин. Свежий взгляд на цивилизационный подход к истории</i>	5
Предисловие	9
Вступление. Цивилизационный зуд	19
<i>Цивилизирующий ингредиент</i>	21
<i>Вязкое окружение</i>	26
<i>Маска и Аполлон: современные определения и подходы</i>	28
<i>Контакты между цивилизациями и стремление к единству цивилизации</i>	40
<i>Процесс и прогресс</i>	43
<i>Перечень признаков цивилизаций</i>	46
<i>Назад к природе — согласно окружению</i>	49
<i>Два приветствия цивилизации</i>	52
Часть первая. Бесплодная земля	57
1. Царство льда	59
<i>За вратами Гога: свирепый север</i>	61
<i>Идущие за льдом</i>	66
<i>Те, кто одомашнили оленей</i>	68
<i>Друзья тюленьих пузырей: почтительное отношение к природе в американской Арктике</i>	74
<i>Лучше, чем цивилизация: инуиты в соперничестве с европейцами</i>	79
2. Смерть Земли	83
<i>Учиться у Хохокама: как создать цивилизацию в пустыне</i>	85
<i>Озеро червей: пределы цивилизации в Сахаре</i>	95
<i>Тревожные земли: пустыни как дороги между цивилизациями</i>	100
<i>Духи Обманчивых холмов: бушмены и цивилизация</i>	107
Часть вторая. Листья травы	113
3. Порывы ветра	115
<i>Неподатливые степи</i>	117
<i>Зодчие саванны</i>	126
<i>Империалисты Сахеля</i>	133
4. Дорога цивилизаций	145
<i>Пространства Гога: евразийские степи</i>	147
<i>Конфуцианец размышляет о дикости</i>	151
<i>Возникновение монгольского империализма</i>	157

<i>Монгольские дороги: столбовой путь цивилизации</i>	166
Часть третья. Под дождем	173
5. Дикие леса	175
<i>Слезы деревьев: человек учится уничтожать леса</i>	177
<i>Великая Влага: ранние цивилизации лесов</i>	
<i>Северной Америки</i>	188
<i>Длинные дома из вяза: цивилизация на вечнозеленом</i>	
<i>фронтире</i>	194
<i>Плавание на бревенчатом плоту: Европа после леса</i>	201
<i>Отступление деревьев: от леса к городам</i>	
<i>в Европе XII века</i>	203
6. Сердце тьмы	213
<i>Обитаемый ад: жизнь в болотах</i>	215
<i>Земля амазонок: вызов тропического леса</i>	223
<i>Язык в камне: майя низовий</i>	232
<i>Любимый змеями: цивилизация кхмеров Меконга</i>	238
<i>Город смерти: Бенин</i>	245
Часть четвертая. Блестящие поля грязи	251
7. Одинокие и равнинные пески	253
<i>Плодородная почва: ранние попытки</i>	
<i>интенсификации растениеводства</i>	255
<i>Сад Господень: аллювиальные архетипы</i>	265
<i>Отказ от рассеяния: долина великой реки</i>	268
<i>От Шумера к Вавилону</i>	274
<i>Из подземного мира: «дар Нила»</i>	282
8. О башмаках и рисе	295
<i>Печати в песке: затерянные города Инда</i>	
<i>и происхождение Индии</i>	297
<i>Просо и рис, река и река: возникновение Китая</i>	310
<i>Особенности цивилизации Шан</i>	319
<i>Феникс Востока: выживание Китая</i>	325
<i>Экспансия без изменений: китайское</i>	
<i>Великое пространство</i>	327
Часть пятая. Небесные зеркала	331
9. Облачные сады	333
<i>Высота и изоляция: классифицируем цивилизации</i>	
<i>высокогорий</i>	335
<i>Подъем к Тиауанако: предшественники инков</i>	343
<i>Места для богов: контекст ацтеков</i>	346
<i>Контрастные миры: сопоставление ацтеков и инков</i>	349
<i>Месть данников: среда и империя</i>	356

10. Подъем в рай	361
<i>Последнее Эльдорадо</i>	363
<i>Затруднения в Африке</i>	368
<i>Горы Расселас: цивилизация Эфиопии</i>	371
<i>Высокие дороги цивилизации: общий обзор</i> <i>азиатских торговых маршрутов</i>	381
<i>Взгляд вниз с Тибета</i>	386
Часть шестая. Водные границы	397
11. Земли богов	399
<i>Лабиринты островов: навигация полинезийцев</i>	401
<i>Пережившие изоляцию: Гавайские острова</i> <i>и остров Пасхи</i>	411
<i>Гнездо ветров: Алеутские острова</i>	418
<i>Порты, куда стремятся попасть: от</i> <i>Мальдивских островов до Мальты</i>	420
<i>Гибель рая: минойский Крит</i>	424
<i>Сотворение лагуны: Венеция как цивилизация</i> <i>малого острова</i>	428
12. Вид с берега	435
<i>Морской народ: приспособленные к волнам</i>	437
<i>Узкие берега: Финикия и Скандинавия</i>	440
<i>Атлантический предел</i>	450
<i>Беспокойство предела: ранняя фаза</i>	453
<i>«Равновесие суши и воды»: что манило цивилизацию</i> <i>от отмелей</i>	461
<i>Вдали от берега: определение морской цивилизации</i>	467
13. В погоне за муссонами	471
<i>Верхом на тайфуне: морская Япония</i>	473
<i>Караваны муссонов: арабы и их моря</i>	478
<i>Кольцо Змеи: моря Юго-Восточной Азии</i>	484
<i>Моря из молока и масла: морская Индия</i>	491
<i>Морская граница Китая: Фучжоу</i>	500
14. Традиции Одиссея	507
<i>Плуг и корабельный нос: разговор с Гесиодом</i>	509
<i>Погоня за Галатеей: Греция выходит в море</i>	511
<i>Зов Посейдона: Афины и море</i>	517
<i>Эллинистический круиз: пять чудес античности</i>	521
<i>Вокруг Среднего моря: древний Рим как</i> <i>морская цивилизация</i>	534
<i>Распространение классики: греческое и римское</i> <i>наследие расходится по всему миру</i>	541

Часть седьмая. Рассекая волны	553
15. Почти самая последняя среда	555
<i>Мусульманское озеро</i>	557
<i>Раннее развитие Индийского океана</i>	561
<i>Тень Васко да Гамы</i>	573
<i>Плавание Васко да Гамы</i>	584
16. Переплывая Атлантический океан	591
<i>Происхождение европейской Атлантики</i>	593
<i>Технологическая сторона проблемы</i>	606
<i>Власть культуры</i>	609
<i>Диктатура времени</i>	613
<i>Атлантическая цивилизация в черном и белом:</i>	
<i>имперская эра</i>	616
<i>Мир, созданный рабами</i>	624
17. Атлантика и то, что за ней	639
<i>Кризис и обновление атлантической цивилизации</i>	641
<i>Западная цивилизация: границы и ограничения</i>	654
<i>Следующая остановка после Атлантики</i>	667
Эпилог: сад Дерока Джармана	689
Примечания	693

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД НА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ

В нашей стране с начала 90-х годов бурно развивается цивилизационный подход к истории. Благо, в прошлом России есть несколько крупных теоретиков, посвятивших свои труды этой модели исторического развития. А два десятилетия назад обильные переводы сделали для специалистов, публицистов и широкой читательской аудитории доступными труды западных «цивилизационщиков».

Цивилизационный подход вошел в учебники и учебные программы. Им определяется «начинка» множества научных монографий, статей, историософских эссе и чудовищное количество дилетантских (под именем публицистических) выступлений. Иными словами, эта парадигма прочно вошла в научную, философскую и даже художественную культуру нашей страны.

Отчасти это было связано с необходимостью преодолеть монопольные позиции формационного подхода, поддерживавшегося марксистской идеологией. Цивилизационный подход в этом смысле сыграл роль первого могильщика, хотя его и пытались «скрещивать» с формационным — с большей или меньшей долей нелепости.

Книга Фелипе Фернандеса-Арместо «Цивилизации» — блестящий подарок тем, кто всерьез заинтересован этим направлением научной исторической теории. В том числе и автору этих строк, действующему «цивилизационщику».

Автор книги прекрасно знает основную литературу по цивилизационной теории, созданную в недрах европейской, а также американской исторической науки и философии. Он свободно владеет ею и отталкивается от нее, строя собственные положения. Жаль только, ему не довелось ознакомиться с собственно-русской цивилизационной мыслью. Так, за преде-

лами книги Фернандеса-Арместо остались столь крупные фигуры, как, например, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Гумилев и даже Н. Я. Данилевский. Это обидное упущение.

Однако в целом можно констатировать: в «Цивилизациях» основательный академический уровень соединяется с прекрасным языком и свободой теоретической мысли. У кого-то книга может даже вызвать ощущение избыточной легкости, слишком необычной для профессиональной науки. Но это было бы неверное впечатление. Из того, что Фернандес-Арместо силен как литератор и мыслитель, никак не вытекает слабость его как ученого. Скорее, напротив, его позиции только укрепляются от весьма эмоционального, наполненного сравнениями и живыми мыслями способа подавать материал.

Ядро воззрений Фернандеса-Арместо изложено в главах, где даются определения фундаментальным понятиям философии истории. Так, с его точки зрения, «...не существует исключительно истории человечества. История — «человеческая» наука: она слишком пропитана слезами, кровью, эмоциями и ненавистью, чтобы быть чем-то иным. Будь она «наукой» в старомодном понимании этого слова — областью изучения, в которой все происходит по неизменным законам, — в котором предсказуемы все последствия, я бы счел такую историю непривлекательной. Предмет науки о человечестве — человек, и все человеческое достойно внимания историка. Но чтобы понять человека правильно, его нужно увидеть в контексте с остальной частью природы. Мы не можем исключить себя из экосистемы, в которой существуем, разорвать «цепь существ», которая связывает нас со всем живым миром. Наш вид входит в огромное животное царство. И окружение, которое мы создаем для себя, вырубается, выдалбливается из того, что дала нам природа... Таким образом, история в определенном смысле — это историческая экология».

Из этой позиции совершенно естественно вытекает определение критериев, с помощью которых автор считает возможным выделять конкретные самостоятельные цивилизации и сравнивать их друг с другом. Фелипе Фернадес-Арместо предлагает рассматривать цивилизацию «...как взаимоотношения между человеком и природой...» Он дает читателям «...шкалу, на которой общества располагаются в соответствии со степе-

нию модификации своего окружения. Некоторые цивилизации, рассмотренные в книге, знакомы тем читателям, которые интересуются сравнительным изучением цивилизаций. Но это не следует принимать за одобрение привычных им критериев: это чисто практическая мера, призванная помочь соотнести мало-знакомые удивительные примеры с тем, что читатели уже знают. Это также способ показать, что многие общества, исключенные из традиционного списка цивилизаций, на самом деле соответствуют самым распространенным критериям или обладают характеристиками, которые принято считать признаками цивилизации». В качестве примера можно привести цивилизации, возникшие в мире полярных льдов, в частности, арктические сообщества — некоторые из них локализируются и на территории России. Прежде, среди теоретиков цивилизационного подхода к истории лед считался абсолютно неподходящей средой для возникновения и жизни цивилизаций. В рамках дефиниций, предложенных автором книги, этот запрет снимается, как и ряд других, ему подобных. В дальнейшем Фернадес-Арместо совершает обзор цивилизационных организмов, последовательно двигаясь от одной среды обитания к другой, от одних природно-географических комплексов к другим.

Насколько это снятие адекватно, решать самому читателю. Оно прежде всего необычно, оригинально, свежо. Это возможный взгляд, который невозможно записать в понятие «истина», поскольку он представляет собой пока не более чем интересную гипотезу. Автор этих строк, прочитав книгу, остался сторонником более традиционного взгляда, в рамках которого цивилизация все-таки не объединяется с природным окружением в нерасторжимое единство, а отделяется от него и рассматривается как определенная модальность развития культурных форм. Тогда наилучшим определением сути, подстраивающей под себя весь строй цивилизационного сообщества, будет совокупность религиозно-философских сверхценностей данного сообщества. Но... модель Фернадеса-Арместо имеет право на существование. А сила убеждения, с которой он отстаивает свои позиции, думается, зажжет немало сердец.

Дмитрий Володихин

*Много есть чудес на свете,
Человек — их всех чудесней.
Он зимою через море
Правит путь под бурным ветром
И плывет, переправляясь
По ревушим вокруг волнам.
Землю, древнюю богиню,
Что в веках неутомимо,
Год за годом мучит он
И с конем своим на поле
Всюду борозды ведет.
Муж, на выдумки богатый,
Из веревок вьет он сети
И, сплетя, добычу ловит:
Птиц он ловит неразумных,
Рыб морских во влажной бездне,
И стада в лесу дремучем,
И зверей в дубравах темных,
И коней с косматой гривой
Укрощает он, и горных
Он быков неутомимых
Под свое ведет ярмо.
Мысли его — они ветра быстрее;
Речи своей научился он сам;
Грады он строит и стрел избегает,
Острых морозов и шумных дождей;
Все он умеет; от всякой напасти
Верное средство себе он нашел.
Знает лекарства он против болезней,
Но лишь почует он близость Аида,
Как понапрасну на помощь зовет.*

*Софокл. Антигона¹
(Пер. С. Шервинского и Н. Познякова)*

*О руины! Я вернусь к вам за вашими уроками!
К. Ф. Волне. Руины²*

Предисловие

На самом деле это было небольшое библиотечное помещение, но в моем воображении оно превратилось в комнату Амалии. Стены в этой комнате подбиты бархатом, окна закрыты двойными занавесями. Занавеси окружают и постель. Хотя большинство граждан Аргентины середины XIX века жило в домах с земляным полами, пол в комнате Амалии устлан итальянским ковром, таким толстым, что по нему мягко ступать. Воздух насыщен ароматами. Свет со всех сторон затенен, погоде и природе вход воспрещен, и лишь бледно-золотой рисунок обоев «напоминает игру света среди облаков»¹.

Благодаря всеобщему интересу к необычному комната Амалии — одна из наиболее часто посещаемых в литературе, хотя сама ее обитательница — воплощение целомудрия. Ее очень легко себе представить: Хосе Мармоль очень подробно описал ее в своем объемистом романе 1851 года; говорят, его роман «Амалия» положил начало великой традиции, благодаря которой Аргентина превратилась в страну романистов. Утром, прежде чем сесть писать эту работу, я читал роман Мармоля.

Подобно всем жителям Буэнос-Айреса ее времени, Амалии постоянно приходилось что-то доказывать. Город был столицей фронта: в то время вся Аргентина помещалась в устье реки, а пампасы были уже вассальными, но малоисследованными территориями. Все в этом окружении вызывало страх. Куда ни глянь, открывалось безграничное приволье — просторы столь бескрайние, что порой казалось, что ты ослеп или оказался в пустоте: и река, широкая, как море, и море, широкое, как океан, и бесконечные равнины. В дне пути от города жили люди, которых горожане называли дикарями.

Здесь, чтобы быть убедительной, цивилизации належало стать преувеличенной и подчеркнутой.

Не все, кто стремятся быть цивилизованными, прячутся в кокон, закупоривают свои комнаты и отрезают себя от природы: тем не менее цивилизация есть продукт того, что я для себя называю эффектом Амалии. Цивилизация создает себе собственную обитель. Цивилизованность прямо пропорциональна удалению от неизмененного природного окружения, отличиям от этого окружения. Что же вызывает эффект Амалии? Не чутье, поскольку некоторые индивиды и даже некоторые общества его лишены; это почти универсальный импульс или раздражитель, которому, как я доказываю ниже, не в состоянии противиться ни одна обитаемая среда.

История — занятие скорее для лириков, чем для физиков, ведь прошлое недоступно нашим чувствам: мы можем узнать только впечатления тогдашних людей, их восприятие жизни. Но люди — часть огромного природного царства и неотделимы от своего окружения, от той мешанины экосистем, часть которой — они сами. Эта книга — история природы, частью которой является человек. В отличие от других попыток описать историю цивилизаций эта книга описывает среду за средой; а не период за периодом или общество за обществом. Отсюда ясно, в чем заключаются мои приоритеты. Моя цель — изменить наш подход к цивилизациям, представить их как результат взаимоотношений отдельного вида живых существ со всей остальной природой, как стремление преобразовать среду для удобства человека, а не как фазы социального развития, не как процесс коллективного самосовершенствования, не как кульминацию прогрессивного развития, не как просто подходящее название для культуры в более широком понимании и не как синоним совершенства, достигнутого избранными. Я не пытаюсь дать новое определение старому термину. Напротив, я возвращаюсь к его традиционному употреблению. Там, где слово «цивилизация» используется верно, оно означает тип среды, тип окружения; но это значение погребено под горами неверных истолкований и нуждается в том, чтобы его извлекли на поверхность.

Ни один способ классификации мира по типу среды нельзя считать удовлетворительным. Географы предпочитают

рассматривать среду, не измененную человеком, и классифицировать ее, описывая ряд природных экосистем. В большинстве случаев такие попытки приводят к выделению тридцати-сорока основных разновидностей. Но человек — составляющая природы. Большую часть систем, в которые он вписан, человек покорил и преобразил. В этой книге я попытался создать схему, основанную на чертах среды, наиболее ярко отражающихся в жизни человеческих цивилизаций. Но какой бы ясной и четкой ни была подобная классификация, в любой среде окажется множество разнообразных типов обитания и ниш. При этом признаки будут перекрещиваться и накладываться друг на друга. Существуют пустыни, где идут такие же сильные ливни, как в дождевых тропических лесах. Почти на всех широтах встречаются заливные аллювиальные равнины. Температура, почва, осадки, высота над уровнем моря, соседство с реками, озерами, морями, близость к горам, ветры, течения — все эти переменные факторы делают среды, относящиеся к одному классу, чрезвычайно непохожими, а в других случаях — очень похожими на среды из других классов. Огромное воздействие могут оказывать степень изолированности или возможности контакта — это позволяет перешагивать через горы и сжимать моря.

К тому же нельзя объяснить все влиянием среды. Один из уроков этой книги в том, что наиболее важны пограничные среды: цивилизация процветает в условиях изменяющейся среды, там, где существует множество микроклиматов, где почвы разнородны, где есть множество самых разнообразных ресурсов. Больше того, культура оказывает на среду свое независимое влияние. Мигранты иногда упорно придерживаются в новом мире своей культуры. Близость к соседним культурам, отношения с ними способны преобразовывать жизнь общества. Человеческие векторы определяют развитие цивилизаций, несмотря на природные преграды или даже вопреки им.

В любом случае классификация типов среды не есть точная наука. Предприняв ряд попыток, я отобрал категории, по моему мнению, наиболее полезные в практическом смысле. Читатель сразу заметит, что типы сред, в основном рас-

смотренные в этой книге, не являются взаимоисключающими или индивидуально однообразными, гомогенными. Многие цивилизации можно отнести не к одному типу среды, а к нескольким. Некоторые начинают свое развитие в одном типе среды, но в результате миграции, замещения или расширения заканчивают совсем в другом.

Хотя мой метод категоризации в основном восходит к географическому способу описания биосферы, я выработал несколько собственных разделов. Например, ни один географ не признает самостоятельным типом среды маленькие острова. Но в понятиях истории цивилизаций это не лишено смысла, поскольку существуют примеры, когда близость к морю при создании модальности общества перекрывает все остальные влияния среды. История Венеции или острова Пасхи показывает, насколько полезны подобные захватывающие сопоставления. Другую подобную категорию представляют высокогорья. Понятие «высота среды» зависит не от объективных критериев, а от относительных суждений; высота Тибета делает его цивилизацию совсем иным миром, нежели цивилизация Ирана, но их сопоставление весьма перспективно и позволяет сделать интересные выводы. Когда я рассматриваю Скандинавию вместе с Финикией или скифов с сию, я вовсе не утверждаю, что подобное есть выработка новых категорий; но констатирую, что это сравнение чрезвычайно эффективно. Никакой другой способ отбора и классификации материала не дает возможности найти столь полезные аналогии.

В каждой части этой книги рассматривается особый тип среды. Начинаю я со льда и пустынь, с тундры и тайги, с безводных местностей, покрытых сухими кустарниками, то есть таких сред, которые большинство считает враждебными цивилизации. Вторая часть рассматривает степи, непригодные для сельскохозяйственного использования из-за неплодородной почвы. Часть третья посвящена болотам, тропическим низинам и постледниковым лесам. И только посетив эти малоперспективные места, я перехожу к аллювиальным равнинам, где зачинается история всех наиболее известных цивилизаций. Затем я обращаюсь к категории, которую называю «высокогорье», — этот термин следует считать услов-

ным, не приписывая ему точного значения. Далее приходит черед цивилизаций, сформировавшихся под воздействием близости моря, на маленьких островах и узких изолированных побережьях. Сюда я включаю все те цивилизации, в которых главенствующим элементом — независимо от климата, за исключением течений и ветров, — стало само море. И наконец последняя категория — глубоководная среда, которая пока еще не стала родиной какой-нибудь цивилизации, но многим приходилось ее пересекать. Миграция, захват новых сред — эти темы встречаются почти на всех страницах книги; некоторые цивилизации путем расширения или замены сумели переступить границы среды своего возникновения и занять другие среды.

Вывод, к которому я хочу подвести читателя, — цивилизация может появиться где угодно. Мнение о том, что некоторые среды являются уникально благоприятными для зарождения цивилизации, вряд ли более оправданно, чем представление о том, что те или иные народы трудолюбивее, что есть более и менее ленивые расы. Конечно, справедливо, что развивать и сохранять цивилизацию в определенных условиях труднее, но не существует среды, которая не покорилась бы попыткам человека сделать ее обитаемой и приспособить к своим потребностям. Когда изучаешь одну цивилизацию за другой, видно, что места их создания хаотично разбросаны по всей поверхности земного шара и наиболее заметны там, где традиционная история цивилизаций это недооценивает. Наиболее грандиозные преобразования доиндустриальных степей мы находим в Африке (см. с. 119, 128). Самое творческое переустройство болот наблюдается в Америке задолго до появления «белого человека» (см. с. 232). Европейцы особенно хороши в уничтожении лесов — в сущности, они почти целиком вырубали их или сожгли, — но в иных типах среды, там, где их действия можно прямо сопоставить с достижениями других народов, результаты их деятельности не производят такого сильного впечатления.

В разных частях мира одинаковая среда вызывает разные реакции и решения. Поэтому среда, оказывая влияние на историю цивилизации, не определяет ее, хотя этот фактор бывает чрезвычайно сильным и дает одни результаты чаще дру-

гих. Вообще, я не уверен, что человеческий опыт, который мы объединяем в единое целое под заголовком «история», чем-нибудь определяется, детерминируется. Многолетний опыт изучения истории приводит к заключению, что развитие происходит случайно, в рамках, установленных материальными потребностями и силой воли. Иными словами, ход истории беспорядочен, причины непостижимы, а итоги проследить невозможно. Вероятно, в широком смысле было бы справедливо и полезно отметить, что различия между цивилизациями в одинаковой среде есть вопрос культуры. И в корне неверно было бы сказать — подобное утверждение несколько не подтверждается фактами; напротив, факты ему противоречат, — что некоторые части мира или особые наследственные черты порождают особую склонность к цивилизации.

Я пытался писать без претензий — и по отношению к уровню читателя, и по отношению к рассматриваемому материалу. Это экспериментальный труд, и его не следует принимать за окончательный результат. Я думаю о нем как об эссе, потому что, хотя работа и велика, она все же гораздо скромнее других попыток охватить всю историю цивилизаций (или, как предпочитают говорить некоторые авторы, историю цивилизации). Это пробная работа: рискованная, черновая, не имеющая прецедентов и призванная скорее провоцировать, чем умиротворять. Я писал ее словно в лихорадке, торопясь перенести на бумагу все, что хочу сказать, прежде чем забуду. Никакого сознательного обдумывания не было (хотя я много лет размышляю на эти темы). Мне никто не помогал подбирать материал, и лишь немногие специалисты выразили свое мнение или указали на ошибки. Это означает, что я рассчитываю на помощь читателей: они объяснят, в чем я не прав. Но такой способ работы дает большое преимущество — единство концепции, созданной целеустремленными усилиями.

Это полезно, поскольку тема очень широка и материал не поддается ограничениям. Я хотел предпринять сопоставительное изучение, но при этом пытался сказать нечто определенное и конкретное о большом количестве различных цивилизаций. Было бы очень скучно описывать их все, пытаясь ничего не пропустить; было бы совершенно незна-

дежно отбирать для изложения такие факты и сведения, которые вызвали бы всеобщее одобрение. Основные факты, как правило, хорошо известны и, следовательно, не нуждаются в подробном изложении. Поэтому я предпочел описывать цивилизацию за цивилизацией с необычных точек зрения, а не просто составлять обширный конспект. Лишь там, где речь заходила о цивилизациях, которым обычно не уделяют внимания, или которые вообще мало известны (например, цивилизации алеутов или баттамалиба), или просто недооценены, как цивилизации Фучжоу и фулани, — я был более обстоятелен; читателей, которым эти факты известны, я прошу о снисходительности. Никто не станет ожидать от меня, что я побываю во всех описанных местах и познакомлюсь с народами, изображенными на этих страницах; я включил гораздо больше свидетельств, специфических источников информации и ссылок на литературу, чем принято в подобных работах, во все не из желания показать свою эрудицию, но чтобы читатели увидели пробелы в моих знаниях: как обычно, я лавирую между доскональностью и широкими рискованными обобщениями, карабкаюсь через сугробы и ступаю по тонкому льду.

Отказавшись от обычного способа оценки, я стараюсь не судить о цивилизациях на основании списка их предполагаемых обязательных характеристик. И не пытаюсь делить цивилизации на «высшие» и «низшие» согласно своему мнению об их произведениях искусства или методах мышления. Напротив, поскольку цивилизация здесь рассматривается как система взаимоотношений между человеческим обществом и миром природы, степень цивилизованности измеряется по шкале, созданной самой этой цивилизацией.

Мое собственное отношение к цивилизации — где-то между любовью и ненавистью. Я похож на Амалию. Хоть я и провел всю жизнь в Англии, я так и не научился предпочитать природу культуре, что предположительно свойственно англичанам с их пристрастием к сельской жизни, спортом на открытом воздухе, породистым домашним животным, прогулками в любую погоду и садами, имитирующими естественный ландшафт. Мне нравится обработанный камень; я люблю, когда асфальт отделяет мои ступни от земли. Пасторальными видами мне лучше наслаждаться на расстоянии, в

крайнем случае из окна кабинета. К веселью и досаде своей семьи и друзей, я прячусь от природы в накрахмаленной одежде и прямоугольных комнатах, где удобства математически рассчитаны. Руины трогают меня, потому что я вижу в них раны цивилизации, полученные в долгой войне с природой. С другой стороны, я уважаю мудрость дикой местности, даже преклоняюсь перед ней, и меня не меньше трогают раны, нанесенные природе человеком.

Вопреки добровольной изоляции, в которой создавалась эта книга, я — признаюсь — наделал много долгов (но ни на кого не перекладываю вину за свои ошибки). Я в долгу перед теми, кто способствовал совершенствованию моего английского языка, но в одном я сопротивлялся их усилиям: я пишу, опираясь, как на костыли, на многочисленные аллюзии, и мне постоянно советовали больше объяснять, чтобы любой из моих читателей мог их понять. Но мне кажется, что текст, в котором все абсолютно ясно, неинтересно читать: часть удовольствия заключается в схватке с автором, в разгадывании одних аллюзий и в признании поражения перед другими. Цель таких аллюзий — вызвать в глубине сознания читателя ассоциации и чувства, которые не разбудишь напрямую. Кое-какие лакомые кусочки из числа тех, что я здесь подаю, прямо с пылу с жару; другие придется отыскивать в соусе. К тому же использование аллюзий — нечто вроде империализма и *jeu sans frontiers**. Больше не существует такой вещи, как общие знания, и каждый из нас удивляется невежеству окружающих. Сегодня утром (в день, когда пишу эти строки) я слышал проповедь в нашей церкви; священник говорил о «великих певцах свободы, таких как Мартин Лютер Кинг и Стив Биро из Южной Африки». «Это ошибка», — прошептал я сидевшей рядом молодой знакомой. Теперь я задумался, а знает ли она, кто такой Мартин Лютер Кинг**. *Où sont les neiges d'antan****.

* Игра без правил (фр.). — Здесь и далее прим. перев.

** В данном случае речь идет об ошибке священника. На самом деле деятеля освободительного движения Южной Африки зовут Стив Бико (Стивен Банту Бико, 1946—1977, казнен в тюрьме г. Претория).

*** О, где прошлогодний снег? (фр.)

Приглашения прочесть лекции дали мне возможность проверить мысли, изложенные в двух последних частях этой книги. За эти предложения (в порядке их поступления) я благодарю Институт политических исследований (Институт Каджана Дазара) в Куала-Лумпуре; факультет истории и испанских, португальских и латиноамериканских исследований Принстонского университета; Университет Ла Трoub; Конференцию, посвященную пятисотлетию Васко да Гамы, университетов Ла Трoub и Кертин; исторический факультет Гарвардского университета; Центр гуманитарных исследований и Программу изучения Британии Техасского университета в Остине; Крейнборгский колледж Лейденского университета; Лондонский Национальный морской музей; Совет Библиотеки Джона Картера Брауна; Совет Библиотеки Джеймса Форда Белла университета Миннесоты. Целиком работа была представлена в Нидерландском институте исследований в области гуманитарных и социальных наук (где я получил возможность закончить правку рукописи благодаря комфортным условиям этого института, неустойчивости работников, щедрости коллег и уважительному отношению к свободному времени). Во всех упомянутых местах я получил огромную помощь от такого количества участников обсуждений, что не могу перечислить все имена. Большая часть книги была написана в кабинете, через окно которого я видел корпуса и лужайки Университета Брауна; я очень многим обязан этому приветливому месту, живой атмосфере исторического факультета и вежливости и интересу, проявленным обитателями кампуса. Моя жена Лесли прочла рукопись. Части ее читали профессора Леонард Блассе, Виллем Бут, Джойс Чаплин и Джон Гудсблом, а также Себастиан Фернандес-Арместо и Федерико Фернандес-Арместо; все они проявили редкостное терпение и очень мне помогли. Существенные улучшения были внесены по советам моих замечательных издателей Билла Розена и Тани Стобб. Я в глубочайшем долгу перед директором Библиотеки Джона Картера Брауна доктором Норманом Файрингом, а также перед советом и несравненным штатом этой библиотеки: из всех известных мне мест это больше всего подходит для занятий. В особенности для изучения колониальной исто-

рии — именно для этого я туда приехал, и книга — толстое и разросшееся ответвление этих занятий. Я пришел к выводу, что вся история — это летопись колонизации, потому что все мы пришли туда, где находимся, из какого-то другого места.

*Провиденс, Род-Айленд, 3 мая 1998 года.
Пересмотрено в Оксфорде — Вассенааре
в июне — ноябре 1999 года.*

ВСТУПЛЕНИЕ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ЗУД

Цивилизации и цивилизация

Юбер. Меня привел к вам совершенно необычный случай.

Морколь. Я имею дело исключительно только с совершенно необычными случаями, мсье.

Рэмон Кено. Побег Икара³

— Тьфу! — негромко произнес Боб, и я тоже сморщил нос. Зловоние, обрушившееся на нас, не поддавалось описанию. Но тут мне пришла в голову мысль, что и многие запахи нашей цивилизации тоже не слишком деликатны. Как насчет запахов, нависающих над промышленными городами: смог, заводская вонь, выхлопы миллионов шумных автомобилей, запахи отбросов, доносящиеся из переулков? Я улыбнулся. Вероятно, алеут наморщил бы от них нос. Думаю, все зависит от того, к чему вы привыкли.

Тед Бэнк II. Родина ветров⁴

— Приходило ли вам в голову, — сказал он, — что цивилизация чертовски опасна?

Агата Кристи. Тень на стекле

Цивилизирующий ингредиент

На мрачной тусклой площади в центре Провиденса, в нескольких кварталах от того места, где я писал эти строки, рабочие строили между пустыми офисными зданиями искусственный каток. Вероятно, отцы города надеялись тем самым заморозить и вставить в рамку вспышку жизни, цвета, уравновешенности и очарования. Когда каток был закончен, он забавлял, но оставался холодным. Тем временем другие оптимисты пытались вырастить живую траву в Лапландии.

Некоторые читатели могут подумать, что усилия и тех и других ничего не говорят о цивилизации. Ведь даже лучшие в мире танцоры на льду все-таки кричаще безвкусны. Лужайки английских пригородов летом служат местом для проведения обрядов умственно отсталых: сплетен и глупых игр. Какая дикая местность хотела бы быть закованной в буржуазный шеллак?

Но мы рукоплещем строителям катка в бетонных джунглях и создателям лужаек на льду. Они олицетворяют ужасный парадокс созидания и разрушения, с которого начинается всякая цивилизационная традиция: зуд усовершенствования, стремление самыми невероятными способами изменить неподатливое природное окружение. Плоды цивилизации сомнительны: иногда среда великолепно преобразуется, иногда уродуется или уничтожается. Обычно результат располагается между этими двумя крайностями, хотя и сопровождается с многочисленными достижениями, перечисленными в монологе Софокла, приведенном в начале этой книги: обработкой земли, овладением волнами, покорением животных, строительством городов и созданием убежищ от непогоды.

Словом «цивилизация», как и многими другими терминами, рассчитанными на то, чтобы вызвать одобрение (например «демократия», «равенство», «свобода» и «мир»), часто злоупотребляли. Конечно, это тип общества¹. Трудности возникают, когда мы спрашиваем: «Какой именно тип?», или

требуем описания либо характеристики, или задаем неудобные вопросы о различиях — между, скажем, «цивилизацией» и «культурой» или «цивилизованным» и «нецивилизованным». В ходе множества неудовлетворительных традиционных попыток определить термин через его составляющие, выяснить, каким чудом простое общество становится цивилизованным, цивилизацию представляли как процесс, систему, состояние существования, психическую или генетическую предрасположенность или механизм социальных перемен. «Цивилизация» для разных людей имеет столь разный смысл, что трудно избавиться это слово от неверного понимания и вернуть ему полезное значение². Вероятно, стоит рассмотреть, как обычно используется это слово и как его намерен использовать я.

В широком смысле «цивилизация» в сознании человека означает область, группу или период, отличающиеся разительной целостностью образа жизни, мышления и чувств. В этом смысле мы можем говорить о «западной цивилизации» или о цивилизации Китая или ислама, или о «еврейской цивилизации», или о «классической цивилизации», или о цивилизации Возрождения, и читатели или слушатели приблизительно могут представить себе, о чем идет речь. Такое употребление понятия «цивилизация» оправдано удобством и узаконено всеобщим признанием; но оно неточно и не субстанционально, к тому же расколото субъективными оценками и восприятием. Столь же хорошо этой цели служили бы термины «общество» или «культура». Представление о целостности меняется от наблюдателя к наблюдателю; некоторые будут эту целостность полностью отрицать, другие не согласятся с предложенными категориями и изменят их.

Один из способов преодолеть это затруднение — признать, что есть особые целостности, обязательно отличающие цивилизацию, такие как общая религия, или идеология, или чувство принадлежности к «мировому порядку»; или же общая система письма, или взаимопонятный язык; или общие особенности технологии, агрономии или кулинарии; или устойчивые вкусы в искусстве; или некая комбинация всех этих признаков. Однако все подобные критерии — как я надеюсь показать — произвольны, и нет причин считать, что

некоторые социумы из-за наличия у них подобных признаков являются цивилизованными, в то время как другие особенности культуры, такие как танцы, или техника пророчеств, или привычки, связанные со сном, или сексуальная практика, — не обязательно свидетельствуют о цивилизованности.

На другом уровне слово «цивилизация» означает процесс коллективного самоотделения от мира, характеризующегося как «варварский», «дикарский» или «примитивный». Отсюда — общества, очевидно достигшие такого разъединения, называются «цивизованными». Данное использование понятия явно неудовлетворительно, поскольку «варварство», «дикарство» и «примитивизм» — не менее неопределенные термины, понимаемые по-разному, однако легко объяснить, как подобное мнение возобладало: оно восходит к Европе восемнадцатого века, когда политес и приличные манеры, разумность и вкус, рациональность и изысканность были ценностями, принятыми и поддерживаемыми элитой, стремившейся отвергнуть «низменную», «грубую» природу человека. Прогресс отождествлялся с отказом от природы; возвращение в ее лоно считалось упадком и слабостью. Люди могли быть вскормлены волками, но их судьба — строительство Рима. Дикари могли быть «благородными» и подавать примеры героической доблести и морального превосходства; но как только их изымали из их мира, они должны были отказаться от него навсегда³. Так называемый «дикий ребенок Авейрона» — мальчик, потерянный в детстве в лесах Тарна; он сумел выжить, в 1798 году был пойман и оказался объектом эксперимента в области цивилизации, который опекуны мальчика так и не сумели завершить. Возможно, самыми волнующими моментами его несчастной жизни, описанной его воспитателем, стали воспоминания о жизни в одиночестве.

К концу обеда, даже если он не хочет пить, он всегда с видом эпикурейца, который держит в руках бокал с изысканным напитком, наполняет свой стакан чистой водой и начинает пить маленькими глотками, понемногу. Но что в этой сцене представляет особенный интерес, так это где она происходит. Пьющий стоит у окна и смотрит на сельскую

местность, как будто в это мгновение счастья дитя природы пытается объединить то последнее хорошее, что только и пережило утрату им свободы: глоток чистой воды и вид освещенной солнцем местности⁴.

Эксперимент провалился, и его объект снова забыли: на сей раз его отдали под опеку доброй старушки в пригороде Парижа, и научный мир вспоминал о нем с чувством горечи и разочарования.

Наконец, термин «цивилизация» обычно используют для обозначения предполагаемой стадии или фазы, которую обязательно проходит история общества или которой общество достигает в кульминационный момент своего развития. Я нахожу такое употребление *a fortiori** отвратительным, потому что оно подразумевает определенный порядок или шаблон развития, а я не верю в порядок и скептически отношусь к развитию. Общества непрерывно меняются, но очень по-разному. Они не развиваются, не эволюционируют и не прогрессируют, хотя в определенных, вполне измеримых аспектах могут становиться лучше или хуже с точки зрения различных критериев. Они не соответствуют никакой модели и не движутся к какой-либо цели. История не повторяется, и общества не сменяют друг друга, хотя могут демонстрировать черты сходства, позволяющие отнести их к одной группе при классификации. Эти страницы полны примеров того, как теории социального развития создаются *à parti pris*** , чтобы узаконить одни решения и объявить незаконными другие. Когда в контексте такой теории упоминается «цивилизация», это слово всегда нагружено дополнительным смыслом: это может быть кульминация или кризис; сверкание или мрак; обозначение прогресса или упадка. Но это неизменно один из пунктов повестки дня, элемент программы, призванной превозносить или порицать.

Молодой человек, бродивший в конце XVIII столетия где-то между центром и окраиной французской империи, как

* Тем более, в еще большей степени (лат.).

** Умышленно, с умыслом (фр.).

мне кажется, пришел к вдохновляющим выводам. Прошлое его благородно и трагично, привычки одновременно загадочны и привлекательны. Семья его продала право родства за наличные, но он продолжает называть себя бароном де Лаонтемом. В 1702 году он оказался в Париже, городе, где — и незадолго до того как — слово «цивилизация» впервые приобрело современное значение⁵.

Обедневший бывший аристократ мечтал о своей любимой Канаде, где подростком искал счастья и где привык восхищаться естественным благородством жителей этой страны, которых называли «дикарями» (см. ниже, с. 196). «Как, — думал он, — гурон, перенесенный из своих диких лесов, отозвался бы о великолепии этого огромного города? Вырванный из своего нетронутого цивилизацией мира, с сознанием непредубежденным, незнакомым с ценностями цивилизации, гурон Лаонтема восхитился бы каменными зданиями Парижа. Но ему не пришло бы в голову, что они искусственного происхождения. Он предположил бы, что это природные скальные образования, случайно оказавшиеся пригодными для человеческого жилья. Подобное заблуждение как будто не раз становилось темой литературных произведений. Когда в начале восемнадцатого века «дикарь» с Сент-Килды увидел Глазго, «он заметил, что арки между колоннами церкви — самые замечательные пещеры, какие ему доводилось видеть»⁶. Удивление, испытанное «дикарем», — мера расстояния между окружением, созданным людьми, и природой. Оно преодолевает пропасть между цивилизованными условиями, к которым приходится адаптироваться, и совсем иным типом общества, в котором человек эволюционирует вместе с природой.

Приведенные примеры касаются самой сути проблемы цивилизации. Я предлагаю определять цивилизацию как тип отношений с естественной средой⁷, преобразованной таким образом, чтобы она удовлетворяла потребностям человека. Под цивилизацией я понимаю подобное общество. Я вовсе не утверждаю, что все цивилизации хороши (хотя некоторые из них мне нравятся) или плохи (хотя я сознаю их опасность). Один из уроков этой книги состоит в том, что цивилизации обычно чрезмерно эксплуатируют среду, часто до степени

самоуничтожения. Для некоторых целей — в определенных средах сюда входит и собственно выживание — цивилизация очень рискованная и иррациональная стратегия.

Вязкое окружение

Некоторые общества обходятся тем, что предоставляет им природа. Люди живут продуктами природы и населяют пространство, отведенное им природой, — или иногда строят жилища, имитирующие природные образования, из материалов, обеспечиваемых природой. Во многих случаях люди кочуют в связи с временем года. Иногда вносят небольшие изменения в среду, например углубляют или поверхностно украшают пещеры, держат в загонах или пасут нужных им животных, или для собственного удобства группируют растения, которые хотят выращивать. Реже решаются на более серьезные модификации, но только такие, которые способствуют выживанию и не должны становиться постоянными. Все подобные общества сделали по крайней мере один большой шаг в трансформации среды — научились пользоваться огнем, чтобы готовить пищу, избавляться от холода и уничтожать или воссоздавать растительность⁸. Я называю такие культуры цивилизованными только в соответствии со степенью, в которой они пытаются преобразовать естественное окружение.

Но стандарты цивилизации все же устанавливают общества, бросающие природе вызов, общества, склонные к риску, социумы, которые изменяют мир для собственного удобства. Они создают окружающие ландшафты своими силами; они стараются установить в среде свой порядок. Иногда они пытаются совсем отказаться от природы, утверждая, что человек не является частью экосистемы и царство людей несколько не соотносится с миром животных. Они пытаются «денатурализировать» человечество, выдавить из себя внутреннего дикаря, одомашнить его с помощью сложных нарядов и манер.

Шрамы, следы этой борьбы, мы видим в глубоких резких линиях, которыми цивилизация нагружает свою архитек-

туру, с помощью которых планирует свои поселения, оформляет сады и разделяет поля. Страсть к правильной геометрии — стремление преодолеть неровности и шероховатости природы — пропитывает всю историю человечества. В самых бескомпромиссных случаях цивилизация стремится усовершенствовать природу в соответствии с видениями пророка о конце времен, когда все углубления будут засыпаны, все холмы сглажены и все неровные места станут ровными: мир, созданный на духовном уровне, измеряется линейкой и организуется сообразно представлениям геометра.

Ради целей этой книги я предполагаю, что не существует исключительно истории человечества. История — «человеческая» наука: она слишком пропитана слезами, кровью, эмоциями и ненавистью, чтобы быть чем-то иным. Будь она «наукой» в старомодном понимании этого слова — областью изучения, в которой все происходит по неизменным законам, где предсказуемы все последствия, — я бы счел такую историю непривлекательной. Предмет науки о человечестве — человек и все человеческое достойно внимания историка. Но чтобы понять человека, его нужно увидеть в контексте с остальной частью природы. Мы не можем исключить себя из экосистемы, в которой находимся, разорвать «цепь существ», которая связывает нас со всем живым миром. Наш вид входит в огромное царство животных. И окружение, которое мы создаем для себя, вырубается, выдалбливается из того, что дала нам природа.

Таким образом, история в определенном смысле — это историческая экология. Это совсем не означает, что она должна быть исключительно материалистической, потому что многие наши взаимодействия со средой начинаются в сознании. Подобно геометрии цивилизаций, эти взаимодействия возникают в воображении и только потом воплощаются во вне. Все традиционные составляющие цивилизации основаны на идеях: города опираются на идею порядка, сельское хозяйство — на идею изобилия, законы возникли из надежды на утопию, письмо — из выдуманной символики.

Но вязкость природного окружения, в которое погружены общества, приводит к тому, что история цивилизаций не может сводиться исключительно к идеям и работе воображе-

ния. Она не может быть представлена только историей искусств или историей интеллекта. Она принадлежит почве, семенам и желудкам. Она должна включать в себя эпизоды развития технологии, ведь наиболее эффективный контакт с природой человек осуществляет с помощью своих инструментов. Это должна быть история питания, потому что именно тогда, когда человек ест и пьет, он становится и наиболее зависимым, и наиболее разрушительным. (Коллеги-историки критиковали меня за то, что я написал историю экономики преимущественно в терминах питания — но для большинства людей большую часть времени ничто иное не важно.) Эта история должна покрывать смысл обоих немецких слов: *Kultur* и *Zivilisation*⁹. История цивилизации должна строиться на сведениях из многих наук, в особенности археологии, антропологии, географии и истории искусства. Она должна заглядывать в места, редко посещаемые историками: на страницах этой книги вы скорее встретите материал о строениях баттамалибов, чем о стиле баухаус; здесь больше будет говориться об ацтеках, чем об Афинах, больше о кхмерах, чем о кватроченто. История цивилизации должна быть всеобщей: ее следует извлекать из далеких уголков прошлого, а не просто отыскивать в библиотеках и архивах. Вероятно, решение подобной задачи невозможно, но как же хочется предпринять такую попытку!

Маска и Аполлон: современные определения и подходы

Великий историк искусства Кеннет Кларк главную работу своей жизни посвятил истории цивилизации; он закончил ее такими словами: он не знает, что такое цивилизация, но ему кажется, что, увидев ее, он ее узнает. Ему принадлежит знаменитое — для некоторых критиков позорное — сравнение африканской маски и Аполлона Бельведерского, античной мраморной статуи неизвестного периода и происхождения, которую многие провозглашали воплощением прекрасного¹⁰. «Думаю, нет сомнений, — пишет Кларк, — что Аполлон воплощает более высокую степень цивилизации,

чем маска». Он объясняет, что Аполлон представляет существенную компоненту цивилизации — уверенность в будущем; в то время как маска пришла из мира, полного ужаса, мира, где природа господствует над человеком. Предпочтение Кларка — вопрос вкуса и личного суждения. Кларк считает цивилизованным такое общество, которое ценит долговременные произведения искусства и которое в широком смысле создает ради будущего¹¹.

Сегодня люди, мнящие себя цивилизованными, хотят принадлежать к обществу, которое дает своим членам достаточно времени и возможностей для творчества; которое позволяет большим количествам людей жить бок о бок и работать на пользу других; которое обладает техникой записи и передачи накопленной поколениями мудрости; которое старается приспособить природу к потребностям человек и в то же время не уничтожить естественную среду. Можно использовать критерий Кларка: «Когда я вижу цивилизацию, я узнаю ее». Но этот критерий не слишком помогает в определении цивилизации. Этот критерий отражает идеи, повсеместно принятые сегодня: наше представление о себе, какими мы хотели бы быть. Но оно совсем не обязательно применимо к другим культурам и другим эпохам. Все современные определения цивилизации как будто заражены этим же предубеждением. Его можно сформулировать так: «Я цивилизован, ты принадлежишь к культуре, а он варвар». Извлечь полезный смысл из нашего понятия цивилизации — на это надежда очень слабая; но, может быть, нам удастся избежать самых грубых искажений и предрассудков, той искаженной перспективы, которую Кеннет Кларк признает «личным взглядом».

Кто-то однажды сказал, что большая часть книг — это книги о книгах, и я совсем не хочу писать еще одну такую. Но читатели этой книги, пожелав углубиться в тему, могут захотеть узнать, как она соотносится с существующей традицией или насколько противоречит ей. Читатели, которые находят теории необязательными или неинтересными, могут пропустить следующие пятнадцать страниц: давая такой совет, я открыто даю понять, что сам считаю изложение этих теорий необязательным и неинтересным. Но поскольку мой проект весьма отличается от предыдущих вкладов в эту сфе-

ру, люди, уже знакомые с литературой на эту тему, могут потребовать теоретического обоснования, прежде чем читать дальше. С одной стороны, потребность, унаследованная от эмпиризма, заставляет нас стремиться сократить всякие предварительные рассуждения и перейти прямо к работе. С другой стороны, мы унаследовали и продолжаем создавать интеллектуальный мир, в котором нет ничего конкретного и все определения кажутся обманчивыми: «процессуальный» мир, где процесс никогда не завершается, где смысл никогда полностью не улавливается и где различия стираются. Мне не нравятся те, кто играет словами; я хотел бы, чтобы каждый вопрос преследовал определенную цель, чтобы говорилось нечто конкретное. Однако большинство определений цивилизации слишком жестки, надуманны и искусственны, они накладываются на действительность, а не исходят из нее. Часть этого раздела посвящена тому, что может быть названо «изучением цивилизации» со времен Первой мировой войны; в последующих трех разделах рассматриваются традиционные определения цивилизации и связанные с ними проблемы.

Было бы неверно утверждать, что история цивилизации — тема, которой наука пренебрегает, поскольку почти все написанное относится именно к этой области. Тем не менее справедливо и утверждение, что в последние годы не было серьезных попыток понять ее и представить читателям и слушателям. Между мировыми войнами эта тема была игровым полем исполинов: там обменивались ударами Освальд Шпенглер, А. Дж. Тойнби, В. Гордон Чайлд, Льюис Мамфорд и Элсворт Хантингтон. Можно сказать, что «цивилология» почти превратилась в академическую дисциплину. Великая война представлялась как «война за спасение цивилизации»; поэтому уместно было бы определить — хотя и после события, — что такое цивилизация и как и почему ее следует защищать¹².

Все проекты этого периода закончились неудачей. Шпенглер, своенравный гений, мучил читателей страшными предсказаниями и тяжелой прозой. У него была замечательная способность передавать суть конкретной цивилизации, приписывая ей какое-нибудь символическое звучание: например, западная цивилизация для него олицетворялась зву-

ками фуги Баха в кафедральном соборе¹³. Однако метафора, которая представляет суть его понимания проблемы, была инфантильной и неубедительной: цивилизация подобна живому организму, обреченному на гибель от одряхления. Определяя цивилизацию как «неизбежное будущее, судьбу» культуры, ее кульминационную фазу, «органически-логическое следствие, окончательное осуществление», Шпенглер вовсе не оценивает ее положительно. Культура не перерастает в цивилизацию, пока не начинает приходить в упадок. Она «неожиданно затвердевает, — говорит Шпенглер, — каменеет, ее кровь свертывается, силы исчезают, и культура становится Цивилизацией»¹⁴. Он утверждает, что знает средство, способное предотвратить упадок, но, как заметил один из многих суровых критиков, «элементы мрачного отчаяния неизбежны в действиях тех, кто предвидит будущее и чувствует себя орудием его прихода»¹⁵. Шпенглер отрицает, что он пессимист, — но это своего рода снисходительность к себе со стороны иеремий, которые опасаются, что их пророчества недостаточно мрачны.

Ни один из других соперничавших исполинов не смог выступить лучше. Чайлду не нравилось слово «цивилизация», и он старался избегать его, но закончил утверждением, что это более или менее оседлая жизнь: состояние общества, являющееся результатом двух «революций», первой — сельскохозяйственной (человек «контролирует свои пищевые припасы») и второй — «городской»¹⁶. Обработка земли и городская жизнь и раньше считались обязательными признаками цивилизации; позже Чайлд столь же произвольно добавил к ним письмо¹⁷. В работах Мамфорда и Хантингтона термин «цивилизация» бессовестно отягощался многочисленными смыслами и прилагался к тому, что они — соответственно — ненавидели или одобряли. Это совсем не означает, что их работы не имеют значения — напротив. Гениальность Хантингтона видна почти на каждой странице его многочисленных трудов, но два порока искажали эту гениальность и приводили к ошибкам: во-первых, пристрастие к любимым теориям, особенно к той, что долговременные климатические перемены вызываются механизмом, который называется «пульсацией»; это позволяло любое развитие, какое автор

признает цивилизованным, связывать с областью и периодом благоприятного климата¹⁸; во-вторых, предпочтение, отдаваемое собственной цивилизации, с чем он боролся, но чему тем не менее подчинялся. Он признавал за каждым народом свои стандарты цивилизации, но не мог отказаться от превознесения протестантской цивилизации северо-западной Европы и Новой Англии, где среда предоставляет «оптимальные условия» (см. ниже, с. 51). Во всех остальных направлениях — чем дальше от Йеля, тем хуже. Возможно, это проявление *mal de siècle**: Арнольд Тойнби сомневался в том, возможна ли цивилизация севернее Бостона.

Тойнби был неутомимым сторонником и защитником сопоставительного изучения цивилизаций и написал на эту тему чудовищно огромный труд: двенадцать томов, каждый из которых не меньше этой книги. Но этот левиафан в конце концов выбросился на берег. В начале работы Тойнби заверяет читателей, что существует «подлинное специфическое различие» между цивилизациями и так называемыми «примитивными обществами», и говорит о «мутировании» одних в другие¹⁹. Бесплезно читать еще две трети этого тома и остальные одиннадцать, чтобы узнать, в чем это различие. Самое близкое авторское указание на этот счет таково:

...в примитивных обществах, какими мы их знаем, мимезис (подражание, имитирование) направлен на старшее поколение живых и на покойных предков, которые стоят... за спиной живых старейшин, увеличивают их силу и повышают престиж... Всем правит обычай, и общество остается статичным. С другой стороны, в обществах в процессе цивилизации мимезис направлен на творческие личности, чьим указаниям следуют, потому что они пионеры на пути к общей цели человеческих усилий. В обществе, в котором мимезис направлен на будущее, «корка обычая» раскалывается и общество динамично движется курсом изменений и роста²⁰.

* Болезнь века (*фр.*).

Строго говоря, «примитивные общества» вообще не существуют: все мы — результат одинаково долгой эволюции. Смещение цивилизации с переменами, а перемен — с «ростом» кажется совершенно неоправданным: все общества меняются, и все стремятся к стабильности; и иллюзия неизменности культивировалась в обществах, которые было бы безумием исключать из числа цивилизованных. При взгляде в прошлое энтузиазм Тойнби в связи с «пионерами», лидерами, ведущими цивилизацию к коллективным целям, кажется ужасным. Это видно в работе, опубликованной сразу после прихода к власти Гитлера. Выражение «корка обычая» заимствовано Тойнби у Баджета*; английский закон и британская конституция — примеры институтов, покрытых такой коркой. Если бы утверждение, что лишь нецивилизованные общества обращаются к «старшему поколению» и мудрости предков, было бы справедливо, цивилизованным не считалось бы почти ни одно из обществ, достойных этого. Ибо если существует такое явление, как прогресс, его обязательной основой будет традиция. Ни одно общество не могло бы процветать, забыв о мудрости, накопленной в прошлом.

Тем не менее мысль о том, что цивилизации нацелены в будущее, наводит на размышления и приобрела большое, хотя и не всегда признаваемое влияние. Она лежит в основе поэтической характеристики цивилизации, данной антропологом, склонным к размышлениям об истории: «цивилизация самых далеких целей», то есть преобразование общества, направленное в будущее, а не в прошлое²¹. Я подозреваю, что именно эта мысль побудила Кларка определить цивилизацию как общество, обладающее смелостью строить будущее; она отозвалась в пессимизме Шпенглера и в современной атмосфере, проникнутой опасениями перед будущим. То, что Поль Валери называл «кризисом духа», подкреплялось убеждением, что цивилизации — поскольку они напоминают живой организм — «смертны»²². «Цивилизация, знающая, что она смертна, — как заметил типичный комментатор, — не может быть цивилизацией в подлинном смысле слова»²³.

* Уолтер Баджет, 1826—1877, английский экономист и журналист.

Ощущение обреченности, проникнутое пессимизмом, распространяется все шире по мере того, как двадцатый век демонстрирует все новые ужасы и катастрофы; но и период между двумя мировыми войнами был окрашен им.

Казалось, будущее принадлежит новым варварам, вообще отрекшимся от цивилизации, — коммунистам и нацистам, которые в своем стремлении уничтожить целые классы и народы отрекались от всяких человеческих ценностей. Михаил Тухачевский, лучший из генералов первой Красной Армии, грозил сделать так, что «мир опьянеет... мы войдем в хаос и выйдем из него, только полностью разрушив цивилизацию». Он хотел, чтобы Москва стала «центром мира варваров». Его программа достижения прогресса включала в себя сожжение всех книг, «чтобы мы могли окунуться в свежее дыхание невежества»²⁴. Отказ от цивилизации на противоположном правом фланге был менее явным, но латентное варварство было столь же ужасным и столь же глупым. Если Тухачевский мечтал о «возвращении наших славянских богов», то нацисты фантазировали о древнем народном язычестве и превратили Heimschutz — сохранение германского наследия в чистоте — в мистический поиск каменных кругов на сельских дорогах²⁵. Футуризм был направлением литературы и искусства, общим для обеих крайностей: война, хаос и разрушения прославлялись, традиции поносились и отвергались в угоду эстетике машин, морали силы и синтаксиса зауми²⁶. Примерно в это же время, после публикации работы Маргарет Мид о сексуальном взрослении на Самоа, возникла новая угроза цивилизации — со стороны романтического примитивизма. Мид, опираясь скорее на фантазию, чем на полевую работу, нарисовала картину сексуально свободного общества, незатронутого «недовольными», которых психология обнаруживает в цивилизации. На ее Самоа нагие подростки свободно резвятся, не зная никакого угнетения и запретов²⁷.

Вторая мировая война не устранила эти угрозы, но как будто сделала цивилизацию менее достойной изучения. После ужасов Холокоста и Хиросимы вкус к систематическому изучению цивилизаций так и не приобрел прежней смелости. Время от времени критики продолжали указывать на ошибки

и неверные допущения довоенных исполинов: я подростком прочел сокращенное издание первых шести томов Тойнби и, познакомившись еще в школе с безжалостным разоблачением Питера Гейла²⁸, решил никогда больше не возвращаться к трудам Тойнби. (Эту решимость я сохранял почти до завершения данной работы, когда обнаружил, что книги Тойнби полны мудрых мыслей). Филип Бэгли, которому больше удавалась критика чужих определений, чем создание собственных, закончил, к разочарованию читателя, тем, что приравнял цивилизацию к городам, что лишь переносит проблему на другой, еще менее удовлетворительный, термин²⁹. Тем временем поклонники и последователи Тойнби, которым казалось, что они могут улучшить его наследие, проводили конференции и организовали нечто вроде движения — с весьма скромными результатами³⁰. В тот же период социологи, которым цивилизация казалась потенциально полезной категорией, побуждали историков возобновить установление ее характеристик (правда, их почти не слышали) и предлагали сложные схемы «стадий», «фаз» и «циклов»: это скорее связано с тягой социологов к реальностям цивилизации, которые сложны и неуловимы и которые нужно расшифровать, прежде чем описывать³¹. Во время Второй мировой войны появилось множество американских учебников о «западной цивилизации»: я просмотрел лишь некоторые из них, но мне кажется, что их авторы брали на себя обязательство не сказать ничего нового. Наиболее привлекательные идеи этих десятилетий были предложены Кеннетом Кларком и Норбертом Элиасом.

Кларк, писавший для телевидения, находил концепцию цивилизации неудержимо привлекательной, возможно, потому, что ее очень трудно определить³². Элиас великолепно уклонился от обычного обязательства исследовать цивилизацию как предмет всеобщей истории. Он указывает — с гениальной способностью указывать на очевидное, однако такое, чего никто не замечал раньше, — что цивилизация — это западная концепция, опирающаяся на самое себя и беззастенчиво утверждающая, «что все в западном обществе за последние два или три столетия превосходит предыдущие или «более примитивные» современные общества»³³. Он рас-

смачивает историю в рамках того, что называет вежливостью или «политесом», — трансформацию стандартов поведения в западном обществе в соответствии с буржуазными и аристократическими ценностями современности, «переменами в сдерживании порывов и в поведении»³⁴, или того, что восемнадцатый век называл «усовершенствованием человека»³⁵. Это был очень многообещающий проект, приведший к поучительным результатам; но все же это не изучение истории цивилизации — или даже малой ее части. Ибо хотя «цивилизация» — западное слово, в данной работе она является концепцией, переводимой в универсальные термины.

На протяжении холодной войны две группы исследователей считали, что цивилизация — предмет, достойный изучения: во-первых, историки древности и археологи (они использовали это понятие без теоретического обоснования)³⁶; и во-вторых, немногие, верящие по сей день в прогресс. Из числа последних самым влиятельным и известным был Фернан Бродель. Термин «цивилизация» он использовал в своих трудах в рамках программы, способствующей тому, чтобы студенты и ученые мыслили широкими категориями. Самое полезное определение он приводит в работе 1963 года, написанной как учебник для средней школы. Иногда он применяет термин «цивилизация» как синоним слова «культура», а иногда как обозначение общества, которое, в его представлении, является последовательным образованием благодаря непрерывности, идентичности и единству идеологии³⁷. Он также ставит знак равенства между «подлинной цивилизацией» и «оригинальной культурой»; под последней он понимает культуру новаторскую и отличную от других³⁸. Он признает, что по крайней мере некоторые цивилизации можно классифицировать по их среде, и предлагает одну подобную классификационную группу, которую он называет «талассократические* цивилизации, дочери моря»; приводимые им примеры — Финикия, Греция, Рим и «собрание энергичных цивилизаций Северной Европы, сосредоточенных вокруг Балтийского и Северного морей, не забывая и Атлантический океан и цивилизации на его берегах», — рассматриваются в

* От греч. θάλασσα — море.

VII части этой книги³⁹. Термин «талассократический» кажется неточным, поскольку такими цивилизациями правили обычно военные или землевладельцы, но все эти цивилизации действительно можно поместить под одним заголовком из-за господствующего присутствия моря.

Тем временем неутомимый учитель и прогрессист сэр Джек Пламб, последний английский виг, выпустил грандиозное собрание томов, которые должны были составлять «Историю человеческих обществ». Убежденность Пламба в том, что основа истории — прогресс, делало цивилизации темой его трудов, и это слово постоянно возникает в названиях книг собрания. На несколько лет раньше и без всякого теоретизирования и даже попыток объясниться вышла великолепная серия работ под общим названием «История цивилизации». Джон Парри, редактор серии и автор вступительного тома, занимал кафедру истории океанов и сосредоточился на истории морских коммуникаций и их роли в культурном влиянии Европы⁴⁰. Все книги обеих серий были хороши, и многие заслуженно стали классикой, но ни в одной из них не рассматривается цивилизация. Это книги по истории, непонятно, что добавляет к ним употребление в некоторых названиях слова «цивилизация».

Другой ученый, который, подобно Пламбу, демонстрировал любопытное смешение страсти к прогрессу и консервативных привычек, сохранил живой традицию Тойнби — сравнительное исследование цивилизаций — в величайшей работе нашего времени «Наука и цивилизация в Китае»⁴¹. Как всех гениев, Джозефа Нидема мог подвести исключительный ум. Нидем проявляет странное и загадочное смешение англиканизма высокой церкви* и наивного маоизма. У него встречаются полубезумные утверждения, например, что китайские путешественники, о которых не сохранилось никаких документов, обнаружили центральноамериканскую цивилизацию⁴². Но его шедевр не сравним ни с одной современной работой в том, что меня больше всего восхищает: он полон учености, честолюбия, чувствительности, верности

* Направление англиканской церкви, тяготеющее к католицизму.

очевидному, смелости в спорах, страстного любопытства, неограниченного кругозора — и великолепного мастерства маневрирования в обширном океане материалов. Нидем умер, не завершив труд, но те несколько томов, что я прочел, изменили мой взгляд на мир. И теперь я вполне могу представить, как хранители Галактического музея, объективно изучая наше прошлое со своего наблюдательного пункта на краю Вселенной, помещают в центр экспозиции Китай, а западную цивилизацию втискивают в угол дальней витрины.

Теперь изучение цивилизации вернулось в академические программы, отчасти благодаря окончанию холодной войны, которое сделало ненужным изучение «блоков» и высвободило рабочую силу для исследования чего-нибудь другого; а также благодаря Сэмюэлю Хантингтону. Он предупредил, что теперь на смену различию идеологий приходит разница между цивилизациями, которая и будет определять конфликты будущего, и пригласил нас в «мультицивилизационный мир»⁴³. Этот призыв был услышан людьми, привыкшими к определениям в марксистской традиции, более или менее отождествлявшим цивилизацию и идеологию. Зону, где преобладает господствующая «космология», или модель устройства мира, и называли цивилизацией. Эта модель, конечно, всегда строилась и совершенствовалась в интересах правящей элиты⁴⁴. Хантингтон, который, явно вопреки собственному намерению, не смог нарушить этот подход, сделав религию связующим элементом цивилизаций⁴⁵, не смог удовлетворить потребность в определении и классификации цивилизаций, которые соответствовали бы тому значению, которое он придавал этому термину. Швеция на его карте мира принадлежит к тому же типу цивилизаций, что и Испания, а вот Греция — нет. Он отводит огромное пространство «буддийской цивилизации», в то же время сомневаясь, существует ли такая цивилизация⁴⁶. Однако следует отметить, что Хантингтон дал другим ученым возможность совершенствовать свои определения и классификацию.

Заманчиво удовлетвориться мыслью о том, что цивилизации ни к чему становятся объектом теорий; этот термин можно прагматически использовать для обозначения огромного числа классов — «самых больших групп людей»⁴⁷, на

которые мы делим человеческие общества, пытаюсь написать историю мира. Любая теория приводит к абсурду классификацию, с которой она начиналась: причина ли это для отказа от классификации или для отказа от теорий? Некоторые историки умудрялись писать о цивилизациях, не очень беспокоясь о том, насколько последовательны и непротиворечивы их классификации; они принимали как должное то толкование, которое можно с пользой применить, говоря об «Исламе», или о «Западе», или о «Китае»⁴⁸ — в духе того минимального определения, которое я сформулировал в предыдущем случае: цивилизация — «это группа или группы, которые считают себя цивилизацией»⁴⁹.

Следствие такого подхода — цивилизации становятся неотличимы от других типов общества; и если забыть, что границы и конфигурации постоянно меняются, или попытаться охватить весь мир, возникает сумбур типа «православной цивилизации» Хантингтона, которая включала Россию и Грузию, или его же «синическая цивилизация», куда входили Корея (но не Япония) и Вьетнам (но не Лаос), или «сирийская цивилизация» Тойнби, в которую с еще меньшими основаниями втискивались армяне и арабы. Не все принадлежат к крупным единицам «разумного изучения»; иногда объекты, которые действительно имеет смысл изучать, очень малы.

Для практических целей некоторые мыслители определяли цивилизацию как наименование очень больших комбинаций обществ, считая при этом, что формируют теорию. Выраженное чрезвычайно сложным языком, такое описание цивилизации действительно приобретает видимость теории. Так сформулировали, например, Дюркгейм и Маусс: «цивилизации — это сложные и единые системы, которые, не являясь политическим единством, могут тем не менее быть локализованы во времени и пространстве и которые обладают единым и своеобразным укладом жизни»⁵⁰. А. Л. Крёбер использовал термин «культура в целом»; он пытался придать этому некий мистический смысл, добавляя, что «культура в целом» — это «природная система», напоминающая форму жизни и отличающаяся «стилем», который охватывает все: от гастрономии и длины юбок до монументального искусства

и вкусов в области литературы⁵¹. Когда читаешь, что цивилизации — это «реальные, полные смысла единства, отличные от государства, или нации, или любой другой социальной группы»⁵², становится ясно: попытка создания теории не удалась. Мы вернулись к слегка видоизмененной версии Кеннета Кларка, основанной на доверии к инстинкту, — мы узнаем цивилизацию, когда видим ее, хотя не способны объяснить, что это такое⁵³.

Контакты между цивилизациями и стремление к единству цивилизации

Проблема определения конкретной цивилизации, поставившая в тупик многих исследователей, относительно проста по сравнению с определением цивилизации вообще. Однако можно утверждать, что первое зависит от второго: конкретную цивилизацию можно охарактеризовать, только зная, что такое цивилизация в целом. Конкретная цивилизация — это феномен, который легко регистрируется при эмпирическом изучении. Цивилизации существуют, их много, пусть даже в каждом отдельном случае мы испытываем затруднения, решая, вправе ли классифицировать данное общество как цивилизацию. В напоминающем глупую игру занятии некоторые ученые пытались пересчитать цивилизации: Тойнби насчитал их в целом двадцать одну⁵⁴, Кэрролл Квигли — «две дюжины»⁵⁵, для Сэмюэля Хантингтона сегодня мир вмещает «семь или восемь», а может, девять⁵⁶. Термин «цивилизация» — без конкретизации — представляет собой универсальный концепт, в существовании которого можно сомневаться, или же то, что я выше обозначил как «составляющая цивилизации»: особенность, присущую всему тому, что мы называем цивилизациями.

Все общества, которые я называю цивилизациями, действительно имеют нечто общее — программу систематических взаимоотношений с природой. Это не означает, что есть пределы возможных расхождений. Называя книгу «Цивилизации» (во множественном числе), я отвергаю утверждение, будто цивилизация неделима.

Это утверждение обычно выдвигается в двух контекстах: во-первых, когда термин «цивилизация» используется для обозначения человеческого общества в целом, а не для характеристики того, что есть у всех этих обществ; и во-вторых, когда он обозначает стадию, к которой стремятся по пути прогресса все общества. Нет никаких доказательств того, что у всех обществ есть единая тенденция, за исключением того, что все они — социальные структуры. Прогресс, направленный к достижению какой-либо исторической кульминации, будь то бесклассовое общество, или Век Святого Духа, или тысячелетний рейх, или либеральная демократия, или какой-либо еще «конец истории», — иллюзия. Таким образом, нет смысла рассматривать исторический прогресс — чтобы доказать или опровергнуть его существование. В этой книге история цивилизаций представлена как область сравнительных исследований, полная разрывов последовательности. Иногда я стараюсь вызвать это ощущение, резко и неожиданно меняя место действия.

Тем не менее читателей все же может преследовать сомнение: а не способны ли цивилизации слиться воедино и тем самым оправдать надежду верующих на итоговое единство человечества? Помимо истории взаимодействия цивилизаций с природой в этой книге рассматривается и другая история — история контактов цивилизаций друг с другом; она возникает в книге постепенно и к концу становится ее главным содержанием. Взаимная ассимиляция — часть, но все увеличивающаяся, этой истории. Мировая история есть история взаимоотношений людей. В самых репрезентативных эпизодах среда за средой — отражаются великие кросс-культурные темы: миграция, торговля, взаимовлияние, паломничества, миссионерская деятельность, войны, создание империй, широкие общественные движения, а также перемещения технологий, живых существ и идей. Некоторые среды, рассматриваемые в книге — пустыни, сухие степи и океаны, — скорее не места развертывания цивилизаций, а частично или полностью дороги между ними.

Эта тема обязательно должна быть рассмотрена, поскольку цивилизации питают друг друга. Возможно, потому, что для противостояния природе требуется определенное высо-

комерие, цивилизации обычно с презрением относятся к своим соседям. В представлении жителей Древней Греции и Древнего Китая остальной мир был населен ничтожными варварами. В Древнем Египте иноземцы считались неполноценными людьми. Думаю, это не просто пример распространённого нежелания видеть чужаков равными себе: известно, что в большинстве языков мира⁵⁷ нет общего понятия «человек»; это слово обозначает только тех, кто говорит на данном языке; точнее было бы сказать, что термин, которым группа идентифицирует себя, неэластичен. Это вовсе не значит, что чужаков не называют уважительными и даже почтительными словами. Подлинное презрение к чужакам — скорее грех, а не общераспространённая черта цивилизации.

Самоопределение членов цивилизации своеобразно, главным образом ввиду своей избирательности. Люди, принадлежащие к конкретной цивилизации, разделяют общее представление о том, что достижения этой цивилизации делают их особенными, не такими, как остальные. Даже враждующие цивилизации, как Древний Рим и Персия или средневековые христианство и ислам, признают, а иногда и поддерживают друг друга. Они подобны врагу, которого каждый видит в зеркале. Но даже в случаях, когда у цивилизаций есть соседи, сходство с которыми ощущается, они с надеждой ищут — порой в самых далеких частях света — других, как в фантастике взвешивают цивилизации обшаривают Вселенную в поисках разумной жизни. Хотя бывают исключения (см. ниже, с. 336–359), кажется, цивилизации трудно находить на высоком уровне материальных достижений без контакта с другими цивилизациями.

Следовательно, история цивилизаций включает и историю установления контактов между ними. Сегодня все сохранившиеся до наших дней цивилизации находятся в тесном контакте друг с другом. Говорят, что они сливаются в единую цивилизацию. Вопрос о возможности существования глобальной цивилизации рассматривается в конце этой книги; но даже если такая перспектива реальна, она лишь добавит очередную цивилизацию к множеству, но не сольет их в единое всеохватывающее целое.

Процесс и прогресс

В существующей традиции самые привлекательные и сжатые определения цивилизации в то же время и самые своеобразные. Для Оскара Уайльда, цивилизация — это то, что «ненавидит средний класс»; для Альфреда Норта Уайтхеда цивилизация обнаруживает качества «Истины, Красоты, Приключения, Искусства, Мира»⁵⁸. Ортега-и-Гассет определяет ее как «отложенную силу последнего прибежища»⁵⁹. Для Р. Дж. Коллингвуда, одного из немногих профессоров метафизики, которые заслуживают этого звания в двадцатом веке, это даже не тип общества, а нечто, предшествующее ему: мыслительный процесс, направленный на достижение идеальных социальных взаимоотношений «вежливости». На практике это означает уменьшение склонности к насилию, увеличение доброжелательности к чужакам и помощь распространению науки. В эссе, написанном во время войны и рассчитанном на демонстрацию нецивилизованности Германии, Коллингвуд неохотно признает, что слово «цивилизация» следует применять к обществам сообразно степени их участия в этом процессе⁶⁰. Тойнби, на миг утратив осмотрительность, говорит примерно то же самое: «продвижение к святости»⁶¹. В явно своекорыстной защите «класса досуга» Клайв Белл называет цивилизацию «разумом, смягченным ощущением ценности... и ощущением ценности, закаленным и заостренным разумом»⁶². Критики цивилизации в чем-то правы, когда проклинают цивилизацию как тиранию, нивелирующую положительные естественные качества человека муками соответствия. Краткие определения такого типа могут вдохновлять, они определенно выявляют предрассудки своих авторов, но не позволяют точно определить предмет изучения.

Однако «процесс» — все же потенциально полезная концепция. Те, кто считает, что смысл этого слова связан с его этимологией, утверждают, что, строго говоря, цивилизация должна быть процессом, потому что все слова на -изация, заимствованные из французского, означают процессы⁶³. Однако на «процесс», рассматриваемый в данном контексте, неизбежно накладывается — и искажает его — оттенок «прогресса». Особенно памятны и тревожны в этом смысле

попытки Фрейда, который склонен был рассматривать цивилизацию как совокупность культурных отложений — коллективное следствие сублимаций и репрессий индивидов. Он называл это «процессом на службе у Эроса, цель которого — объединить индивидов, а далее семьи, народы и нации в одно великое целое, в единое человечество»⁶⁴. Он пытался освободить человечество от разлагающей неудовлетворенности цивилизации — от чувства вины. Неудачным результатом этих усилий было «общество добрых чувств» — единая цель политиков и психотерапевтов современного запада. Очевидно, бессмысленно начинать с такой отправной точки историю цивилизаций — но мне оно вообще не нравится. Если мы хотим стать лучше, надо считать себя плохими.

Еще более пагубен прогресс, каким его представляют некоторые социологи: достижения человека, обусловленные исключительно быстрым развитием головного мозга, — выход на «определенный интеллектуальный и образовательный уровень... развивающаяся, живая, эволюционирующая эманация мозга», как заявил один из них⁶⁵. Возможна маскировка такого понимания каким-либо признаком или свойством — например, письменностью или государственностью как определяющей характеристикой цивилизации — «человеческий символизм, сформулированный на высоком абстрактном уровне значения», по выражению того же автора; но даже самый туманный язык не в состоянии скрыть то, о чем действительно идет речь. «Цивилизации в истории не только представляют разум как силу, — говорит наш автор, — но разум в его манифестированном человеческом облике присутствует во множестве древних человеческих валентностей или форм»⁶⁶. Подобное неряшливое мышление, сопровождаемое массой неуклюжих метафор, вряд ли вызовет уважение читателя; некоторых оно вводит в заблуждение. Такое понимание приводит к оправданию тирании, когда темп эволюции навязывается, а общества без необходимых «символов» — например, общества без письменности или не организованные как государства — относятся к группе неразумных и не достигших вершин эволюции.

Верящие в прогресс стремятся поместить цивилизацию в его конец. Согласно еще одному высказыванию Тойнби, ци-

вилизация — «это всегда конечное»⁶⁷. Цивилизация трактуется как состояние, которого общества достигают в процессе ухода от примитивизма, как неизбежная фаза эволюции, связанная с ростом разума и мозга или с усовершенствованием технологий; либо движущей силой цивилизации становится социальное развитие, в свою очередь определяемое экономикой и средствами производства либо же демографией и запросами потребления. Одна последовательность: охота, скотоводство, обработка земли, цивилизация; другая: племена, тотемные общества, «сложные» общества; еще одна ведет от племенных вождей к главам государств; еще одна — от суеверий и магии к религии; еще одна начинается со стойбищ и проходит через деревушки, поселки и города. Ни одна из подобных последовательностей не является подлинно универсальной, хотя некоторые из них способны описать определенные фазы развития конкретных обществ. Однако искушение рисовать прошлое исключительно как прогрессирующее удивительно сильна. Льюис Мамфорд, обладавший желчным взглядом на цивилизацию вообще, тем не менее находит в ней прогрессивную основу, благодаря которой «разбросанные поселения» сливаются в города, неписанные законы превращаются в писанные, «деревенские обряды» — в театральные постановки, а магия — в религию, «основанную на космических мифах, которые открывают обширные перспективы времени, пространства и власти»⁶⁸.

Язык эволюции во многом ответствен за то, что введенные в заблуждение люди считают высшим типом организации жизни цивилизацию — просто потому, что она появляется в истории поздно. Общества не эволюционируют, они просто меняются. Если «выживание самых приспособленных» — справедливый критерий, некоторые нецивилизации, приспособленные к определенным условиям лучше своих цивилизованных соперников (см., например, ниже, с. 78–82), следовало бы считать стоящими выше на лестнице эволюции.

Перечень признаков цивилизаций

Как только намечены контуры и установлено, что мы имеем дело с цивилизацией, наблюдатели немедленно пытаются определить, чем данная цивилизация отличается от остальных. Почти каждый теоретик представлял список критериев, которым обязано удовлетворять общество, чтобы быть признанным цивилизацией. Все подобные перечни бесполезны.

Все характеристики, традиционно приписываемые цивилизациям, поднимают проблемы, которые трудно или вообще невозможно решить. Часто утверждалось, например, что кочевые общества не могут быть цивилизованными: «цивилизация начинается с началом обработки земли и утверждением определенных форм сельской жизни»⁶⁹. Однако скифы и их преемники в азиатских степях создали поразительные и долговечные произведения искусства, возвели внушительные прочные постройки — вначале могильники, а позже сооружения для административных и даже коммерческих надобностей; они создали политическую и экономическую систему, которая — в случае монголов — оказалась внушительнее достижений тех их соседей, чья жизнь была гораздо более оседлой (см. ниже, с. 148–151, 157–172).

Города также часто считались средоточием цивилизованной жизни; но никто еще не сумел найти способ отличить город от других возможных организаций жизненного пространства. Некоторым из самых грандиозных сооружений, которые мы посетим в этой книге — таким, как Великий Зимбабве или Уксмал, — комментаторы отказывают в праве называться городами, хотя они были густонаселенными, прочными и долговременными. В средневековой Мексике, на Яве, в юго-восточной Европе медного века существовали народы, которые предпочитали жить относительно небольшими общинами в скромных домах; но это не мешало им накапливать огромные богатства, создавать удивительные произведения искусства, вести — в большинстве случаев — исторические записи (или нечто подобное), а на Яве — строить монументальные сооружения (см. ниже, с. 348, 467, 486–491).

Некоторые искатели определений настаивали на том, что гражданские общины должны формироваться экономически —

обычно путем предпочтения торговли или промышленности производству пищи. Напрасно: в большинстве социумов исторические общины, которые можно назвать городами, были частью окружающей среды, и значительная часть их населения зависела от сельского хозяйства. Отказать строго сельскохозяйственным обществам в статусе цивилизации значит обесценить почти все, чтобы было сделано; само по себе это не так уж плохо, но столь радикальный пересмотр требует тщательного обоснования. Однако такого обоснования нет. В любом случае экономика не создает города: города может создать только состояние сознания их обитателей. В Сан-тильяне дель Мар посреди улиц стоят загоны для скота, но с каждого каменного фасада на вас смотрит городская гордыня. В начале двадцатого века каждый городок в прериях американского Среднего Запада имел энтузиастов, которые утверждали городской статус этих маленьких поселков. Каждый метрополис на прежних фронтах существовал в воображении своих основателей (иногда, учитывая жалкие возможности, это были смехотворно грандиозные планы) задолго до того, как стать большим, или жизнеспособным, или экономически специализированным. Предположить, что город — явление «постаграрное», не просто ошибка; это грех — грех гордыни тех городов, какие мы имеем сегодня в индустриализованном мире. Настаивать, что наши стандарты универсальны, — преступление.

При попытках дать определение цивилизации в качестве важной составляющей часто предлагали письменность, но многие общества, достигшие грандиозных результатов, передавали воспоминания или сохраняли данные другими способами, среди которых — шнурки с узелками, палки с зарубками, папирусные карты, ткани и жесты. Принципиальную разницу между письменностью и другими иными методами выражения легче провозгласить, чем серьезно обосновать⁷⁰. Два произведения, которые оказали наибольшее воздействие на западную литературу, после Библии, — «Илиада» и «Одиссея», — скорее всего были созданы без записи и — подобно многим эпическим творениям древности — передавались по памяти, из уст в уста. Эпос почти в любой письменной традиции сохраняет эхо предыдущей эпохи благодаря традиции

устной. Китайские романы до середины двадцатого века делились на главы традиционными повторами рассказчиков и в конце каждой главы содержали «заманилки» — призывы бросить еще одну монетку в котелок. На страницах этой книги мы не раз увидим, что самое главное — то, что обязательно нужно сохранить, — многие общества передавали изустно и использовали письменность только для фиксации «мусора»: фискальных отчетов, торговых расписок.

Некоторые другие критерии — разделение труда, экономически структурированная классовая система, государственные или подобные им институты, органы создания и применения законов — совершенно очевидно взяты *à parti pris** из социального окружения людей, которые эти критерии предложили. Они существуют почти во всех обществах, и любое общество в той или иной степени может гордиться ими или жаловаться на них. Но ничего особенно цивилизованного в них нет⁷¹. Другие предполагаемые и желаемые критерии слишком неопределенны, чтобы быть полезными, или очень избирательны, или основаны на недостаточно полных данных относительно «эволюции» или «развития» обществ. Обычно такие данные сваливают в кучу в «лоскутный мешок со всякой всячиной», провозглашая это систематическим анализом. Редактор Вульфсоновских лекций 1978 года, «Происхождение цивилизации», рассуждает о возможном влиянии ирригации, технологии, популяционного давления, «эволюции социальных структур», «концепций собственности», идеологии и торговли⁷². В конце концов критериями, прошедшими отбор, оказываются городская жизнь, религия и грамотность: соответственно в лекциях рассказывается об их происхождении, но вопрос о происхождении цивилизации остается незатронутым.

Рассматривая цивилизацию как взаимоотношения между человеком и природой, я не просто воздвигаю вместо только что отвергнутых иной набор барьеров — другой перечень критериев, которым должны удовлетворять общества, чтобы носить звание цивилизованных. Я скорее предлагаю шкалу, на которой общества располагаются в соответствии со степе-

* Умышленно, с умыслом (*фр.*).

ную модификации своего окружения. Некоторые цивилизации, рассмотренные в книге, знакомы тем читателям, которые интересуются сравнительным изучением цивилизаций. Но это не следует принимать за одобрение привычных им критериев: это чисто практическая мера, призванная помочь соотнести малознакомые удивительные примеры с тем, что читатели уже знают. Это также способ показать, что многие общества, исключенные из традиционного списка цивилизаций, на самом деле соответствуют самым распространенным критериям или обладают характеристиками, которые принято считать признаками цивилизации.

Назад к природе — согласно окружению

Существуют четыре главных причины характеризовать цивилизации по их окружению. Во-первых, такой метод представляет собой смену перспективы, отход от стандартного анализа. Даже если эксперимент закончится неудачей, его стоит провести, потому что каждая новая точка зрения расширяет обзор. Историю мы видим сквозь густую листву: чем чаще меняем место наблюдения, тем больше замечаем.

Во-вторых, окружение — хотя и разделенное границами, которые являются следствием субъективных суждений, — реально и объективно: дождь и песок, жару и холод, лес и лед можно увидеть или почувствовать, измерить их интенсивность, в то время как классификация цивилизаций согласно, допустим, степени их «развития» неизбежно создается под влиянием симпатий наблюдателя. Критерии берутся с поверхности зеркала. Фазы и стадии, шаблоны и типы, обычно используемые для деления цивилизаций по значащим группам, придуманы учеными, а окружение между тем определено природой.

В-третьих, предлагаемый мной подход оправдан традицией. Термин «цивилизация» был создан в Европе XVIII века в попытке человека отделиться от остальной природы. Отчасти это было стремление к самоодомашниванию — к декорированию варварства средствами социальных ритуалов, манерами, правилами «вежливого» поведения. На более глубо-

ком уровне это же созидание отражало стремление переделать «нечеловеческую» природу: приручить диких зверей, вырастить с помощью науки новые полезные и красивые породы животных и растений, разбивать парки и сады, «улучшать» землю и в целом превратить окружающую среду в театр учтивости. Термин «вежливый» (polit), существующий в большинстве европейских языков, восходит одновременно к polish* и politeia**. Местность изучалась, измерялась и иногда преобразовывалась в воображении художников, которые изменяли ее элементы и сглаживали шероховатости. Голландский автор в 1797 году действительно определяет цивилизацию как преобразование природы⁷³. Одно из достоинств работ Тойнби — то, что он придерживался этой традиции. В 1919 году, задолго до того, как стать экологическим пророком и голосом всех защитников «биосферы», Тойнби сформулировал определение цивилизации как «процесса, в ходе которого человеческие существа все меньше и меньше меняются под воздействием природы... и все более приспособляются к своим потребностям. Я думаю, что это пункт, в котором человек неожиданно занимает место механических законов среды как решающий фактор в их взаимоотношениях»⁷⁴. К счастью, он забыл это определение или отказался от него, потому что никакого такого поворотного пункта нет и процесс приспособления среды является непрерывным и кумулятивным. Тем не менее Тойнби был пионером исторической экологии, он никогда не упускал среду, «окружение», в своих описаниях цивилизации, и его доктрина «вызова и отклика» — согласно которой окружение бросает вызов и заставляет цивилизацию реагировать — дает глубокую и полезную возможность идентифицировать цивилизацию (см. ниже, с. 429).

Наконец сам факт классификации цивилизаций по среде позволяет установить истину: никакая линейная или прогрессивная последовательность не объединяет историю цивилизаций; окружение не определяет эту историю строго, но

* Полировка, лоск, глянец.

** Система социальных и политических взаимоотношений в обществе.

мощно влияет на нее; разнообразие среды оказывается полезным; цивилизация начинается в конкретном специфическом окружении, но может завоевать, колонизировать или преодолеть другие окружения; люди разного происхождения могут проявлять себя как создатели цивилизации в самых разных средах. В этом мире нет мест, специально предназначенных для возникновения цивилизаций, и нет народов, особо пригодных для этого.

Из всего царства животных человек (за исключением паразитов, живущих в нашем организме и повсюду сопровождающих нас) — единственный вид, способный обитать на всей территории планеты. Используя жаргон экологов, можно сказать, человек обладает широкими «границами переносимости»⁷⁵. Суша и море, края ледниковых шапок и высочайшие горы — на Земле почти нет среды, в которой люди не смогли бы основать цивилизацию. Считалось, что цивилизация может возникнуть лишь в особых типах среды: не слишком суровых, таких как пустыни и ледники, потому что здесь у человека никогда не будет возможности накапливать богатство и пользоваться свободным временем; не слишком благоприятных, таких как плодородные равнины или леса, потому что здесь человеку не нужно чересчур много работать и кооперироваться для добычи и организации распределения пищи. Действительно, история человеческих достижений показывает, что одни типы среды легче приспособить к потребностям цивилизованной жизни, чем другие. Там, где есть пригодные для эксплуатации ресурсы и доступные средства транспорта и связи, цивилизации появляются раньше и живут дольше, чем в других местах. И все же способность человека вести цивилизованную жизнь в самых трудных и неблагоприятных условиях поражает. Сегодня самые дорогие земельные участки — в пустынях. Мечтатели говорят о колониях на морском дне и в космосе. Там, где человек способен выжить, может возникнуть цивилизация. Гости малых островов — и читатели этой книги, которые посетят эти острова косвенным образом, — увидят поразительные примеры цивилизаций, основанных в скудных, уязвимых, далеких и изолированных местах. Поразительные примеры достижений цивилизации существуют на высокогорье, на бедных почвах и в разрежен-

ной атмосфере. Дождевые леса, которые обычно признаются неподходящим окружением, скрывают самые великолепные из когда-либо созданных монументальных сооружений.

При ближайшем рассмотрении многие среды, считающиеся благоприятными, таковыми не оказываются. Плодородные речные долины, которыми все восхищаются как «колыбелями цивилизации», бывают сложными для освоения и непривлекательными районами, они бросают человеку чудовищный вызов и требуют героических усилий. На первый взгляд морское побережье в умеренном климате — самое удобное место для того, кто хотел бы основать цивилизацию; но практика свидетельствует, что такие места нуждаются в долгом и тяжелом труде, которому препятствуют погода, природные катастрофы и нападения соседей. Кажущееся превосходство европейского и североамериканского окружения, которое так привлекало и очаровывало Элсворта Хантингтона, объясняется попросту тем, что цивилизации в этих районах еще не уничтожены. Это неудивительно, поскольку они появились позднее; и можно предположить, что они продержатся дольше, чем цивилизации, исчезнувшие в слишком жарком или слишком влажном климате. Неужели такое длительное выживание, а не раннее появление — индикатор наиболее благоприятной среды?

Два приветствия цивилизации

Я слишком многое отвергаю, решат некоторые читатели; но я строю цепочку заключений, в которой не должно быть места сомнениям или недоразумениям. Элсворт Хантингтон, этот глубокомысленный янки из Йеля, в 40-е годы пришел к заключению, что допустимо говорить о «врожденной неспособности», когда «народы определенного типа постоянно упускают возможности усовершенствования, вполне для них доступные». В доказательство он приводит отказ австралийских аборигенов охотиться с огнестрельным оружием, нежелание бушменов ездить верхом и культурный консерватизм индейцев Эквадора⁷⁶. Другому наблюдателю то же самое может показаться разумным воздержанием.

Профессор, о котором идет речь, был человеком просвещенным, в особенности критически настроенным к собственным предрассудкам; он сомневался в том, что «отсталость цивилизации обязательно предполагает наследственную слабость умственных способностей», однако демонстрировал общий недостаток всех будущих защитников цивилизации: он слишком любил свою землю и свое время, чтобы подходить к остальному миру с иной меркой. Подобно Британу из «Цезаря и Клеопатры» Бернарда Шоу, он был варваром, который «верит, что законы его острова — это законы природы». Он пытался построить карту мира, распределив по ней цивилизации на основании количества автомобилей на душу населения⁷⁷. Он демонстрировал важность «внутренних способностей», сопоставляя Ньюфаундленд и Исландию: поскольку климат одинаков, огромное богатство исландцев, их образованность и изобретательность следует объяснить строгим отбором, который производился при рождении и воспитании, — в то время как всего один уроженец Ньюфаундленда удостоился статьи в «Британской энциклопедии»⁷⁸. Чрезвычайно трудоемкое сравнение — и совершенно неверное. Относительные процветание и образованность одного общества связаны со столетиями исторического опыта и не могут быть сведены к одной причине.

Как мы увидим на страницах этой книги, не вызывает сомнений, что некоторые африканцы успешно проявили себя как цивилизаторы в одном окружении, американцы — до появления европейцев — в другом, а европейцы и азиаты — у себя. Могучие цивилизации, чересчур грандиозные, чтобы характеризовать их в терминах качества, строились людьми всех цветов кожи и столь разных культур, что они не поддаются обобщению. Поэтому неверно считать, что народы какого-то особого происхождения не могут создать цивилизацию. Это применимо к определениям, основанным как на разнице в окружении, так и на теориях расы или культуры. Это утверждения людоеда, который чует кровь и грызет кости, или Нарцисса, не способного восхититься ничьим отражением, кроме собственного. Предпочтения при выборе цивилизации должны быть не менее рациональны, чем при выборе объектов благосклонности.

Признавать это — вовсе не значит одобрять бездумный релятивизм, который вообще не способен обнаруживать различия. Некоторые народы цивилизованнее других. Можно расположить цивилизации на шкале, не совершая отвратительную *bêtise** сопоставления по ценности: чем больше усилий проявляется в ответ на вызовы природы, тем цивилизованней общество. «Более цивилизованный» совсем не означает «лучший». В схожих понятиях, определяемых, например, степенью сохранения образа жизни, или уровнем питания, или жизненными стандартами, или продолжительностью жизни, «более цивилизованный» часто может означать «худший». Однако если на страницах этой книги я ставлю в вину некоторым цивилизациям злоупотребление природным окружением, надеюсь, читатель не воспримет это как обвинение подобной стратегии цивилизации вообще.

Наша планета — хрупкая песчинка в космосе, место проведения эксперимента. Она слишком много вынесла, чтобы погибнуть из-за нас. Но тем не менее она все равно погибнет. Наше пребывание здесь скоротечно: времени у человечества ровно столько, как надеялся Норберт Элиас, сколько нужно, чтобы «выбраться из нескольких тупиков и научиться делать совместную жизнь более приятной, достойной и осмысленной»⁷⁹. Нужно максимально использовать то, что мы имеем, пока мы это имеем. И это достижимо скорее путем своего рода космического кутежа, снисхождения к себе со стороны цивилизации, чем благодаря консервативному желанию продлить собственную историю. По крайней мере сам я предпочел бы провести жизнь в энергичных усилиях и умереть раньше, а не бесконечно гнить в самодовольстве; я предпочел бы быть частью цивилизации, которая меняет мир с риском пожертвовать собой, а не жить в обществе, которое лишь скромно «поддерживает» свои минимальные потребности. Я скорее принял бы участие в войне или присоединился к движению протеста, чем покорился превосходящей силе, поэтому я хочу принадлежать обществу, которое остро реагирует на вызовы природы, а не подчиняется им, лишь бы сохранить статичное равновесие. Высокие честолюбивые стремле-

* Глупость (фр.).

ния лучше удовлетворенности скромными достижениями. Если не достаточно напряженно вслушиваться в звуки космической гармонии, никогда не услышишь музыку, посланную Богом любовникам или поэтам.

Часто — и совершенно справедливо — утверждают, что общества — не создания из плоти и крови и поэтому неверно проводить аналогии между существованием общин и жизнью людей. Но в одном отношении общества подобны индивидам. И там и там добродетели и пороки перемешаны в том числе и у величайших святых и в самых политкорректных гостиных. На всякое доброе намерение приходится дурной поступок: каждый создает стандарты, с которыми подходит к другим. Цивилизации в сравнении с другими типами общества определенно не имеют монополии на добродетель. Но истинный плюралист может наслаждаться разнообразием, которое цивилизации вносят в жизнь. Тот, кто искренне любит и ценит культуру, уважает концепцию любого общества и не способен осуждать его.

Распространенное неверное понимание истории сводится к тому, что история подобна ловушке, из которой невозможно выбраться: все долговременные тенденции бесконечно продлеваются. На протяжении всей описанной истории человечества цивилизация всегда была одним типом общества среди многих; поэтому возникает искушение предположить, что так будет всегда. Громогласные пророчества обратного исходят из уст апокалипсических мечтателей и фантастов, которые предсказывают различные пути возврата к варварству: в результате чрезмерной эксплуатации природных ресурсов, отчего цивилизация в конце концов станет недопустимой роскошью; из-за деградации общества в гибнущих перенаселенных городах; из-за уничтожающих цивилизацию войн; из-за гигантских волн миграции, когда развитый мир затопят орды голодных и бедных; или из-за культурных революций, которые уничтожат элиту, отменят все традиции и подавят проявления хорошего вкуса (см. ниже, с. 675–681).

Самые грозные пророчества страдают сегодня тем же недостатком, что и пророчества Кассандры или Иеремии: возможно, они верны, но слишком очевидны и потому вызы-

вают пренебрежение. Я не хотел бы оспаривать эти предсказания, но считаю более вероятным противоположное: нас ждет не будущее без цивилизации, а скорее будущее без чего-либо иного. Мы живем в лаборатории человечества, окруженные разнообразнейшими моделями бытия, какие только возможны на нашей планете. В далеких мирах льда, джунглей и пустынь те, кто противостоит искушениям цивилизации, выказывают поразительную изобретательность ради сохранения своего образа жизни, своих привычек и жилищ; перемены там происходят очень медленно, и новшества появляются редко. Сомнительно, чтобы такое сопротивление продолжалось; скорее мы увидим капитуляцию перед соблазном и победу миссионеров и шахтеров, лесорубов и юристов.

Часть первая
БЕСПЛОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Пустыня, тундра, лед

В этой земле жили гиганты.

Бернабе Кобо. История Нового мира⁵

*Я видел место,
Где дуют яростные ветры,
Я научился жить там,
Где никто не живет,
Среди варваров,
В застывших, забытых Богом, безмолвных цар-
ствах льда,
Проклятый, как призрак, неистовствующий на
ледниках.
Забудьте меня, друзья!
Ваши лица выдают любовь и страх!
Здесь — на краю света,
Где лед слепит, а скалы рвут на части, —
Может выжить только страстный охотник и
только убегающий олень.*

Ницше. Aus Hoben Bergen

1. Царство льда

Лед и тундра как обитель человека

*Ледниковый век Европы. — Северная Скандинавия. —
Азиатская тундра. — Арктическая Америка. — Гренландия.*

...однажды вы спросили у меня о землях Севера: какое огромное и поразительно разнообразное количество объектов и народов находится там, какие удивительные особенности не известны другим народам; как человек и несметное количество животных Севера, цепенея от постоянного безжалостного холода, умудряются противостоять жестокости природы и свирепости климата, среди которых они живут; что поддерживает их жизнь и как замерзшая земля может производить что-нибудь питательное. И от забот сегодняшнего дня я обратил мысли к этой цели...

Олаус Магнус. Описание северных народов⁶

Одним словом, ничто не может здесь расти. Не стану говорить, что здесь нет городов... Сами дома не существуют... Одна ночь... может длиться два месяца. Холод такой сильный, что восемь месяцев в году земля и вода покрыты снегом и льдом... Учитывая все это, можно подумать, что эта страна населена только дикими зверями. Она должна быть пустыней. Но она обитаема.

Франческо Негри. Viaggio setentrionale⁷

За воротами Гога: свирепый север

Ледяные пустыни пользуются дурной славой мест, непригодных для развития цивилизации. Когда в 1868 году Соединенные Штаты купили Аляску примерно по два цента за акр, эту покупку в Конгрессе называли «деньгами, выброшенными за негостеприимную голую пустыню — в царстве вечного снега», где почва «постоянно промерзает на пять-шесть футов в глубину», а «климат не пригоден для жизни цивилизованного человека»¹. На самом деле большая часть Аляски расположена южнее Северного полярного круга и здесь, благодаря влиянию теплого Японского течения, зима мягче и средняя температура выше, чем, скажем, в Северной Дакоте или Миннесоте; но в последнем упреке есть некое правдоподобие. Во всяком случае, считается, что этот штат постоянно скован льдом и что в отличие от песчаных пустынь ледяные пустыни никогда не поддерживали цивилизацию, способную значительно менять природное окружение.

Работая над этой главой, я просмотрел множество блестящих раскрашенных литографий ледяного мира Аляски в книгах путешественников девятнадцатого века, которых притягивали громады льда и необычный новый мир отраженного и рассеянного света. Но, застревая на Аляске зимой, эти путешественники отчаивались, не могли справиться с климатом и окружающая обстановка угнетала их, замораживала мозг и удерживала творческие порывы. Типичны чувства, испытанные Джоном Россом:

Несмотря на всю свою яркость, эта земля — земля льда и снега — всегда была и всегда будет скучной, тусклой, однообразной пустыней, которая своим влиянием парализует мозг, мешает думать, делает ко всему равнодушным, как только — спустя день или два — перестает поражать своей новизной; ибо это картина однообразия, тишины и смерти².

Это среда, которая побуждает непривычный ум к самоубийству. По мнению исследователей предпоследнего столетия, в европейской и западноазиатской тундре «лемминги, вероятно, самые жизнерадостные обитатели страны»³. Когда в 1820-е годы Западную Австралию изучали как место возможного переселения, исследователи ошибочно сочли пустыню раем, потому что случайно оказались в ней в короткий дождливый период: но в тундре подобная ошибка невозможна даже в самое благоприятное время года. Даже летом она остается несомненно враждебной. Вечная мерзлота — это толстый слой неоттаивающей почвы, который исключает возделывание земли, не дает уходить растаявшему льду и образует обширные лужи, в которых в короткий, но очень напряженный жаркий сезон выводятся тучи мошки. Здесь невозможно даже добывать полезные ископаемые; первые исследователи делали раскопы в поисках кремня и охры, как в середине палеолита.

Лед — единственная среда, в которой цивилизация кажется невыносимой. Средневековые рассказчики чудесных историй утверждали, что побывали на северном полюсе, а романисты изобрели завоевание Северного полюса королем Артуром; но это им удалось только потому, что они не знали, каков на самом деле Северный полюс; они предполагали, что теплое течение делает его свободным от льда и пригодным для жизни⁴. Исследователи и фантасты изобретали «затерянные города» в самых разных типах среды (см. ниже, с. 109, 224), но не в этой. Единственное известное мне исключение — страшный рассказ Г. Лавкрафта, мастера жанра ужасов, творившего в 30-е годы, в нескольких кварталах от моей квартиры в Провиденсе. В произведении 1931 года — «Горы безумия» — Лавкрафт рассказывает об экспедиции «Мискатонского университета», которая наткнулась на руины города, воздвигнутого в Антарктике чудовищными существами миллионы лет назад:

Почти бесконечный лабиринт колоссальных правильных и геометрически ритмичных масс... вздымал потрескавшиеся и изъязвленные вершины над ледяным полем... на дьявольски древнем плоскогорье высотой в двадцать тысяч футов и в климате,

смертельном для человека. Только невероятная, нечеловеческая массивность огромных каменных башен и стен спасла ужасающие строения от уничтожения⁵.

То, что это эпизод фантастического рассказа в жанре ужасов, — свидетельство невероятности цивилизации во льду.

На протяжении большей части письменной истории цивилизованные авторы чувствовали большее родство с жителями песчаных пустынь, чем с людьми льда. Всегда легче было считать обитателей тундры чужаками. Особенно показательна и даже горька финская традиция исследований севера, поскольку север притягивает финнов узами явного родства. Великий лингвист Матиас Александр Кастрен, первый ученый, исследовавший в середине XIX столетия тундру самоедов, чувствовал себя среди «дальних родственников».

«Иногда, — пишет Кастрен, — мне казалось, что инстинкт, невинная простота и искренность этих так называемых детей природы во многих отношениях превосходит европейскую мудрость, но в целом в ходе своих путешествий по пустыне я с сожалением констатировал наряду с привлекательными чертами столько отвратительного, грубого и жестокого, что скорее жалел их, а не любил»⁶.

Последователь Кастрена финский филолог Кай Доннер в 1911 году на санях выехал из Томска, чтобы изучать самоедов и «бежать от реальности в удивительную страну легенд». Он буквально сорвал с себя бремя цивилизации — «костюмы, накрахмаленные сорочки, постельное белье, зубную щетку, принадлежности для бритья» — и нарядился в традиционную двухслойную одежду из шкуры лося, чтобы уберечься от температуры минус сорок по Фаренгейту⁷. Полный решимости провести зиму в Арктике, он в феврале 1912 года достиг Поккелки — «местопребывания Таза», «столицы всех самоедов реки». Как он обнаружил, «зал собраний» во «дворце» этого вождя был единственным жилищем, напоминавшим здание: «полуподземное сооружение с бревенчатыми

стенами» и очагом из глины и ветвей. Здесь на полу спали тридцать человек. Холод был такой сильный, что никто не раздевался; это место кишело паразитами и было пропитано зловонием. Хотя ежедневно на несколько минут показывалось солнце, «внутри всегда было темно, так как свет не мог пробиться сквозь затянутые льдом окна».

В зимнем караване торговцев мехом он понял, какой безжалостной может быть арктическая природа. Не на что было охотиться. Караван вез с собой замороженные туши, чтобы иметь какую-нибудь еду. Женщины глотали своих жирных вшей, «как конфеты». Даже в юрте, когда горел огонь, температура не поднималась выше нуля. Олени застревали в сугробах, и людям приходилось вести их, передвигаясь на снегоступах. Чай делали из черники, а табак — из березовой коры. Пришлось бросить вещи и укрыться, как остяки, за снежными стенами. У Доннера начались галлюцинации, он обморозился. В теплый день температура поднялась до четырех градусов ниже нуля. Доннер испытывал сильную романтическую привязанность к своим товарищам по путешествию в ледяной пустыне «среди дикарей, которых я научился любить и понимать»⁸.

Его рассказ продолжает долгую традицию, начатую этнографическими исследованиями времен Петра Великого. Русские редко испытывали характерное для финнов сочувствие «малым народам севера». Русские путешественники проклинают терпимость к этой «свинской жизни», когда люди спят с собаками, пахнут рыбой и даже разговаривая друг с другом не кланяются и не снимают приветственно шапки⁹. С другой стороны, те из них, кто в конце девятнадцатого века критиковал собственное общество, сумели разглядеть достоинства «естественных людей», ведущих тяжелую жизнь по законам природы и воплощающих «примитивный коммунизм» и мораль, «абсолютно свободную от пороков городской цивилизации»¹⁰. Представление, сформировавшееся в 1890-е годы у Фредерика Джорджа Джексона, английского исследователя Вайгача — «святого острова», на котором хотели быть похороненными не принявшие христианство самоеды, было тоже двойственным, хотя и не столь ярким, как у финнов и русских. Для него самоеды грязные и ленивые, но честные и простодушные: «они

просто кишат паразитами, от них нестерпимо разит», но они гостеприимны и «никогда не бранятся и не злословят»¹¹.

Те, кто был знаком с миром льда лишь по рассказам, представляли его себе аналогично. Во времена античности и лес считался обителью варваров. Перейти его границу значило пойти дальше даже варварства или, в оценке критиков цивилизации, предпочесть полное подчинение природе. Тацит в конце IV века н. э. в самом раннем дошедшем до нас описании таких народов — «исключительно диких и страшно бедных» — считает их жителями утопии, сбежавшими от тревог цивилизации:

Эти люди считают, что они счастливее тех, что потеют на полях и растрачивают силы в поисках своего счастья. Равнодушные к людям и богам, они достигли самой трудной цели: перестали испытывать гнет человеческих желаний¹².

Гуманисты XVI века оживили миф о варварской невинности саамов, «не знающих лихорадочной суеты... свободных от гражданских разногласий, живущих совместно без зависти, не зная обмана... не желающих участвовать в хитрых предприятиях... и не способных похищать чужую собственность»¹³. Но в то же время миф о благородных варварах всегда жил рядом с мифом о дикарях-полулюдях. В русских сказках XV—XVI веков самоеды упоминаются среди людей-зверей, *similitudinis hominis** средневековых легенд: летом они спят в море, иначе их шкура разорвется; зимой, когда у них из носов выходит вода и примораживает их к земле, они умирают; рот у них на верху головы и они, чтобы есть, кладут пищу под шапки; головы у них собачьи или растут ниже плеч; они живут под землей и пьют человеческую кровь¹⁴.

Даже сегодняшние апологеты жителей льда и охотников тундры скорее говорят о благородной дикости, чем рассматривают *soi-disant*** цивилизацию в ее собственных терминах. Нильс Валькепаа, один из самых рьяных современных за-

* Подобных людям (лат.).

** Так сказать (фр.).

щитников саами Северной Скандинавии, гордится тем, что их называют примитивным, считая, что это усиливает их сексуальную привлекательность, но тех же саами он без всякой иронии описывает как «низкорослых и сутулых... живущих в торфяных землянках и едящих все, что найдут на земле... Из-за рахита у них кривые ноги, а от дыма постоянно слезящиеся косые глаза»¹⁵.

Идущие за льдом

Впрочем, некоторые народы предпочитают лед. Когда в конце периода великого оледенения ледники начали отступать, эти народы Старого Света последовали за ними. На краю ледника, в захоронениях Скейтхолма (сейчас это побережье Балтийского моря) они оставили в мелких ямах свои кости, украшенные бусами, а также различные орудия и подарки из красной охры. По соседству в могилах лежат собаки — могучие, волкоподобные охотники, погребенные с трофеями своих охот (рога лосей, клыки кабанов); иногда у этих собак больше знаков почитания, чем у людей. Собаки были полноправными членами общества, в котором статус определялся охотничьей доблестью и умением: собаки вели людей, они были героями той жизни, которую сейчас описывают авторы детских приключенческих книг¹⁶. В этих краях собаки стали такой неотъемлемой частью жизни людей, что мифы часто называют их предками человека. Согласно рассказу Энонтеки, шведская принцесса оказалась в изгнании в Лапландии, и сопровождала ее только собака. Саами — потомки ее детей, и поэтому они «храбры и одеты, как короли»¹⁷.

Можно восстановить или вообразить маршрут, по которому охотники севера следовали за отступающим льдом. На стене пещеры в Южной Испании можно увидеть, как они жили четырнадцать тысяч лет назад: охотились, сражались, собирали мед. Земля наклонялась¹⁸. Солнце светило. После небольшого возврата холодов — вызванного, вероятно, потоками холодной воды с тающих ледников, — температура примерно десять тысяч лет назад снова начала подниматься, более или менее постоянно. Стада начали уходить на север¹⁹. За ними

последовали собаки — вначале волки, одомашненные, вероятно, для охоты на диких лошадей²⁰. Пришли в движение и люди²¹. Окружающая среда менялась, и на юге Франции росли груды костей оленя и кабана, лося и зубра. Согласно рисункам на стенах пещер танцоры надевали шкуры оленей. Некоторые племена неплохо жили в лесах, наступавших с юга, или поселялись в умеренном климате на плодородных почвах, на берегах судоходных рек и в горах, богатых охрой и оставленных ледниками; но собаки и их люди хотели следовать за северными оленями к сиянию отступающего льда²².

Многие авторы под влиянием чувства вины, или жалости, или неверия в привлекательность северной жизни утверждают, будто жителей севера гнали в безжизненные земли, что они не сами туда стремились; несомненно, истина где-то посередине, но совершенно очевидно, как сами саами вспоминают свои доисторические миграции. Их привело сюда «их собственное стремление к северным оленям»²³. В одном из мифов о происхождении народа рассказывается, что предок саами выбрал для жилья самую холодную землю, оставив юг брату, который был так слаб, что ему приходилось искать убежище от метели²⁴.

Средний этап движения идущих на север за льдом представлен поселением середины седьмого тысячелетия до н. э. Лепенски Вир в ущелье Железные Ворота на Дунае²⁵. Здесь шаманы вырезали над очагами в камне изображения чешуйчатых рыб; все жилища почти идентичны, одно больше прочих. Некоторые племена обратились к рыболовству и сельскому хозяйству; собаки стали охранять стада; но другие продолжали движение, как те, что жили в поселении Скейтхолм. По мере того как из льда и наводнений возникал тот мир, что мы знаем сегодня, жители тундры цеплялись за самые северные обитаемые земли и за общество тех животных, которых они знали и которые могли дать им пищу. Великая миграция привела их в арктическую тундру, где на самом краю границы лесов и за ней северные олени могли кормиться мхом. Здесь, среди низкорослых кустарников и карликовых берез или на скалистых склонах, где снег покрывает мох, олени острыми копытами выкапывают его из-под трехфутового снежного покрывала²⁶.

Те, кто одомашнили оленей

В 1884 году, когда Верховный суд Швеции рассматривал новый закон о пастбищах северных оленей, юрист Кнут Оливекрона утверждал, что саами, живущие за счет оленьих стад и обеспечивающие наличие жизни в Арктике, представляют собой остатки низшей культуры, обреченные естественными законами природы на уничтожение. Вмешаться в действие этих законов, чтобы спасти саами, значит препятствовать действию механизма природы, существующего во имя совершенствования видов, — выживания наиболее приспособленных, лучших. Члены суда не согласились с таким мнением. Они ответили, что Оливекрона и другие «дарвинисты» «игнорируют» тот факт, что «культура лапландцев единственная, которая соответствует обширным районам страны»²⁷.

Члены суда, хотя также не свободные от дарвинистских предрасположений, явно правы. Непрактично строить на льду, хотя в середине XVI столетия Олаус Магнус утверждал, что «в обычае северных народов с их умением предвидеть и — строить замки из снега и делать их прочными и долговременными, обкладывая снежные стены льдом; на таких замках они учатся искусству осады»²⁸.

В этой части планеты, где земля покрыта ледяным панцирем, где среда постоянно преобразуется крайними перепадами погоды, отказ от постоянных сооружений — проявление мудрости. Подчинение природным крайностям — разумное решение. Те, кто лучше других понимает природу, часто не пытаются очень сильно ее менять.

Однако самое характерное для жизни в древнем арктическом мире — поразительно грандиозные усилия приспособить природу к потребностям человека, удержать сезонные колебания погоды в сносных рамках и подчинить диких животных. Эти попытки нелегко понять людям, считающим себя цивилизованными, но в собственном контексте они поистине значительны. Я имею в виду культуру северных оленей центральных, или «горных», саами северной Скандинавии и ненцев, которые живут на берегу Северного Ледовитого океана между устьями Северной Двины и Енисея вместе со своими восточными соседями по сибирской тундре, эвенками, коряками и чукчами.

К IX веку нашей эры, когда норвежский посол Отер хвастался перед королем Альфредом собственным стадом в шестьсот голов²⁹, образ жизни, связанный с пастьбой северных оленей, уже вполне сформировался. Археологические данные за три с лишним тысячелетия свидетельствуют о постепенном росте значения северных оленей в жизни человека. Высшая стадия зависимости от этих животных приходится на первое тысячелетие н. э.³⁰ В течение столетий возникают и развиваются многие способы обращения со стадами: соединение пастьбы с охотой на диких оленей, отбор отдельных животных и управление миграцией стад.

Постепенно начинает преобладать то, что можно назвать контролируемым кочевым скотоводством: сочетание обычной жизни, в которой предпринимаются только сезонные переходы, с отдельными периодами кочевья, когда в нем возникает потребность. Подобно крупному рогатому скоту ковбоев Дикого Запада Северной Америки, северные олени обладают сильным стадным инстинктом; их можно надолго оставлять пастись в диком состоянии, потом загонять и перегонять на новые пастбища. По сравнению с крупными четвероногими арктического Нового Света европейские северные олени, даже в тундре, совершают относительно короткие переходы, обычно они мигрируют не больше чем на двести миль. Прирученного самца можно использовать как приманку, чтобы поместить в загон все стадо; сотрудничество с людьми — для оленей преимущество в поисках пастбищ: тем самым они получают помощь разведчиков и союзников против волков и росомых. Пастухи разводят костры, чтобы защитить оленей от мошки, преследующих их летом. Говорят, ненцы на берегу океана даже делятся с оленями рыбой, и у оленей быстро развивается удивительный и прекрасный аппетит к рыбе³¹. При менее «плотном» контроле оленей можно на целые сезоны предоставить самим себе, а люди и собаки следуют за ними.

Большие стада северных оленей — признак исключительно тундры, где это животное совершенно необходимо для жизни; жители лесов выращивают животных в небольших количествах и используют их как тягловый скот и как добавку к своему меню; свои стоянки они перемещают на небольшие расстояния. — никогда больше пятидесяти миль

за год; своих оленей они оставляют без присмотра, помещая их в загон только в случае необходимости. Напротив, традиционные обитатели тундры неотделимы от своих оленей. Ничто иное не способно сохранить им жизнь.

Документированный ритм жизни северных пастухов никогда не менялся: каждый год весной начинается первая миграция, стадо ведет прирученный самец, охраняют его собаки. Лето — сезон появления и выращивания молодняка; осень, включая сезон течи в октябре, проходит на временной стоянке, далее следует отбраковка и переход на «зимние квартиры»³². В наше время обычны стада в тысячи голов. За стадом в две тысячи северных оленей могут с помощью собак присматривать два-три всадника³³. Северные олени, пока они есть в достаточном количестве, дают буквально все необходимое для жизни; ненецкое слово *jil'er*, которым обозначается северный олень, одновременно означает и жизнь³⁴. Олени переносят грузы и тянут сани — лучших вожаков холостят, причем согласно саамской традиции человек, который это делает, отгрызает яички зубами³⁵. Оленей убивают ради мяса и шкур. Их кровь и костный мозг быстро дают огромное количество энергии; весенние рога, еще молодые и хрящеватые, считаются лакомством; из костей делают наконечники стрел и иглы, сухожилия используют как нитки и веревки; шкура с ее удивительно теплым мехом — каждый волосок захватывает воздух в капиллярную трубку — идеальный материал для арктической одежды и для сооружения юрт зимой. Главный продукт питания — мясо северного оленя; это мясо очень просто сохранять при помощи естественного высыхания или замораживания. Сегодня это одно из самых дорогих блюд в скандинавских ресторанах и основа богатства миллионеров-саами, о которых говорят за обеденными столами в Хельсинки и Осло.

Упоминания о некоторых технологиях, которые помогали саамам выживать, можно изредка встретить в средневековых описаниях. В тринадцатом веке Саксон Грамматик в своем «Скридфинни» восхищается лыжами, луками — возможно, самострелами — и копьями, юртами и использованием северных оленей для перевозки грузов. Но жизнь во льдах требует исключительной изобретательности, как четыре с

половиной века назад указал один из величайших историков арктического мира:

Так как народы жарких или умеренных областей явно не знакомы с морозом, снегом, инеем и воющими зимними бурями, они вряд ли могут представить себе разнообразие мастерства, приспособлений и инструментов, с помощью которых защищают свою жизнь и справляются с суровыми условиями жители севера... Ибо если Природа наградила свои создания множеством удивительных конечностей и соединений, чтобы сделать их завершенными, чего она не сделает ради удобства человека? По ее желанию человек рождается нагим и вскоре сталкивается с многочисленными трудностями, чтобы суметь преодолеть их с помощью своего ума и различных приспособлений. Природа также предписала, чтобы у человека всегда была под рукой помощь, когда его обступают препятствия, которые трудно преодолеть³⁶.

Среди приспособлений, упоминаемых — иногда с изрядной долей вымысла — в средневековых трудах, значатся полузакопанные — для сбережения тепла — в землю жилища, кладовые, поднятые на столбы от хищников, лассо, сани, снегоступы, плотины для ловли рыбы, ловушки для зверей, куда хищников приманивают и протыкают кольями, и хитроумные намордники, не дающие оленятам выпить все молоко матери, чтобы оставалось и людям. Но яркой картины всех особенностей северной жизни не было до середины XVI века, когда братья католики Джон и Олаус Магнумы собрали материал о мире, в котором они надеялись предотвратить Реформацию.

«Описание народов Севера» Олауса — одна из тех гениальных работ, которые не признаны миром. Олаус Магнус был настоятелем Стренгенского собора (позже номинальным архиепископом Упсалы); родную Швецию ему пришлось покинуть из-за протестантизма в государстве, которое рассматривало католическую церковь как свою жертву. Он с тоской изгнанника вспоминает родину. Гордится тем, что

подобен готу среди римлян, и в севере ему нравится все, кроме ереси. Он знает Арктику непосредственно, потому что в 1518—1519 годах был послан в эту область собирать церковную десятину; он утверждает, что добрался до 86 градуса северной широты; вероятно, тогда его и пленили обычаи и легенды саами. Его брат в 1526 году посетил Емтланд — южную провинцию Лапландии, «где из своего дохода больше тратил на помощь бедным, чем на собственные нужды»³⁷.

Вспоминая в Венеции и Риме север эпохи обращения в христианство, Олаус рисует его своего рода Новым Светом, полным богатств и чудес, где бесчисленные некрещенные души ждут вести о Христе. Он хлопочет об организации миссии, которая искупила бы влияние лютеран при королевских дворах Скандинавии. Он руководствовался давним принципом авторов учебников для миссионеров: чтобы обратить народ, нужно хорошо знать его культуру. Ему хотелось дать как можно больше правдивой и полезной информации миссионерам, которые отправляются в чрезвычайно необычный мир, где им придется отыскивать дорогу в снегу, пересекать ледяные поля и плыть, повинувшись незнакомым ветрам там, где бесполезен компас. Поэтому он намеревался рассказывать правду, но его все время искушало собственное идеалистическое представление об Арктике — стране «под великолепным сиянием комет», чистом мире белизны и сверкания; ледяном Эльдорадо; земле героев и образцов добродетели; источнике чудес в традициях записок средневековых путешественников, которые всегда подвергают испытанию доверчивость читателя.

К счастью, север так полон чудес, что их можно описывать всего лишь с небольшим преувеличением. Полуночное солнце создает беззвездное летнее небо. Луна сияет, «как неопалимая купина, к общему удивлению и ужасу». Об удивительной скорости саней можно повествовать с живостью рассказа о чудесах, так же как и об очевидном чуде — о рыбе, десять лет пролежавшей без разложения в холоде Финляндии. Вместе с великолепием северного сияния живописуется и «страшная сила» холода, который вызывает необычные явления природы: ломает корабли и гвозди, убивает животных, приклеивает губы к железу «словно нерастворимой смолой», меняет цвет горносталя. Олаус никогда не ис-

пытывает свойственного южанам оцепенения от холода. Он наслаждается новизной и разнообразием в мире, где даже туман не кажется блеклым. Он описывает разнообразные виды льда и «двадцать сортов снега»³⁸.

Последняя защита от природы — волшебство. Поскольку волшебство, магия — это способ совладать с природой, можно сказать, что оно — замена цивилизации или даже кочечное очищение цивилизационного импульса, делающее ненужными такие общераспространенные преобразования среды, как строительство городов, ирригация, скотоводство, сельское хозяйство, вырубка лесов, изменение местности и добыча полезных ископаемых. Поскольку жители севера почти никак не затрагивают природу, почти не преобразуют ее, доверчивые наблюдатели наделяли их волшебством необычной силы. Согласно Олаусу Магнусу, в Биармии, у самого северного народа, есть колдуны, «которые заменили оружие волшебством» и воюют, вызывая дождь³⁹. Однако большая часть упоминаемого им волшебства принимает формы пророчеств и гаданий, которые составляют прерогативу людей, близких к природе и хорошо ее знающих: они предсказывают погоду, предвещают периоды изобилия и голода, выслеживают зверей и армии, находят путь, следя за полетом птиц. Те, кого цивилизованная жизнь отделила от природы, считают все это чудесами.

Магия шаманов, которые овладевали душой вещей и призывали мертвых на службу живым, передавалась с помощью барабанного боя; этот обычай дожил до XVII или XVIII века, когда христианство его уничтожило. В некоторых племенах барабан шамана считался его оленем, на котором он уезжает в мир духов⁴⁰. Только немногие большие магические барабаны, некогда вдохновлявшие саамских охотников на медведей, сохранились до наших дней. Подобно книгам майя, они десятками и сотнями гибли от рук миссионеров. Искусство чтения их пиктографических изображений забыто, однако это не значит, что красные фигуры, начерченные соком ольховой коры на шкурах оленей, которые натягивались на барабаны, не рассказывали некогда истории, не подсказывали шаманам-читателям заклинания, или, согласно правдоподобным современным попыткам дешифровки, не изображали космические диаграммы или карты звездного неба.

Друзья тюленьих пузырей: почтительное отношение к природе в американской Арктике

Первые исследователи американской Арктики подозревали, что только магия может сделать здешний холод переносимым. Люди Мартина Фробишера, который стал свидетелем того, как в июле 1577 года, во время его последней экспедиции на север, выпал снег, захватили старуху и «заставили ее разуться, желая посмотреть, нет ли у нее раздвоенных копыт; но, увидев ее уродливость и шрамы, мы ее отпустили». Джон Дэвис, десять лет спустя побывавший в тех же широтах, наблюдал за действиями шаманов, которых он называет колдунами, «владеющими многими заклинаниями»⁴¹. Еще более далекая от нормы по сравнению с Европой и Азией Арктика Нового Света кажется еще менее пригодной для цивилизации и не способной уступить попыткам людей подчинить среду своей воле.

Если в Старом Свете люди следовали за отступающим льдом, то кажется более вероятным, что в Новом Свете обитатели льда пришли извне, по ледяному мосту между Азией и Америкой; возможность перехода возникла потому, что море промерзло досуха. Встретив в Новом Свете лед, эти люди остановились на его краю. Поселения, которые дали некоторым современным исследователям основания утверждать, что люди жили в Америке и до ледникового периода, все оказались более поздними⁴². Во всяком случае народы, которых мы называем инуитами и юпиками или более общим термином — эскимосами, пришли из Азии сравнительно поздно; они перебрались по ледяному мосту или переправились через море и заняли пространства, освобожденные после отступления ледников⁴³.

Вначале им приходилось держаться близ границы леса, чтобы иметь средства освещения и отопления; поэтому первые поселения в Новом Свете принадлежат обитателям леса или тундры, а не жителям ледяной пустыни. Однако у настоящих обитателей полюса возникает культура, совершенно не использующая древесину. Когда в 1818 году Джон Росс встретил на северо-западе Гренландии «арктических горцев», он решил, что те считают себя единственными обитателями

Земли, будучи отделены от всех прочих средой, непригодной для чьей-либо еще жизни⁴⁴. Гарпуны у них были из бивней нарвала, сани из китовых костей, а инструменты из метеоритного железа; поэтому они остались равнодушны к тому набору подарков, на который европейцы обычно рассчитывают при установлении дружеских отношений в других местах; однако деревянные предметы сразу вызвали у них алчность.

Главным изобретением, позволившим колонизировать ледяную пустыню — возможно, лишь в последнем тысячелетии перед христианской эрой, — стала масляная лампа, вырезанная из мыльного камня и заполненная жиром и ворванью тюленей и моржей. Вероятно, ее происхождение связано с обычаем подбрасывать в огонь каменных очагов комья жира⁴⁵. Это изобретение позволяло охотникам уходить от дома сколь угодно далеко, преследуя мускусных быков до их кладбищ на берегах Северного Ледовитого океана, поедая их внутренности, сваренные в тюленьем жире, или идя за стадами карибу, которые в поисках соли совершали далекие переходы. На карибу нельзя охотиться, когда пожелает охотник; приходится дожидаться начала зимы, когда шкура карибу становится пригодной для изготовления самой теплой одежды⁴⁶. А такая одежда необходима в местности, где зимой температура часто опускается до пятидесяти градусов по Фаренгейту, да и летом тоже бывает пятьдесят, но плюс. Необходимы также мясо и жир крупных млекопитающих; с середины ноября до середины января здесь в полдень царит сумрак, и даже летнее солнце светит косыми лучами, дающими мало тепла.

Освободившись от зависимости от леса, те, кто пользовались масляными лампами, получили возможность охотиться во льдах, где их ждала обильная морская добыча, где не было соперников и где климат позволяет сохранять гигантские туши крупных млекопитающих. Тюленей, насытившихся рыбой, можно было убивать копьями, когда они выныривали из-под льда, подышать. Моржей и тюленей можно было бить гарпунами с каяков в открытом море: хитроумные зазубренные острия оставались в теле жертвы, пока она не уставала; тогда ее подтаскивали, убивали и везли домой в

санях с полозьями из моржовой кости; сани тащили вручную. Подобно любому обществу, люди масляных ламп использовали пригодную для себя технологию, а от другой отказывались. Мы так одержимы своими обманчиво удобными моделями технического развития, что не в состоянии представить себе отказ от такой эффективной технологии, как использование лука и стрел; конечно, на это способны только умственно отсталые дикари! Но чтобы жить во льдах, нужна большая изобретательность, и охотники никогда не отказывались ни от чего полезного. Если судить по их резьбе на камне и кости, воображение у них было очень развито.

Лук — полезный инструмент для охоты в лесу на небольшую дичь, но не в мире льда с его крупными животными; исключение — война между племенами. Мы постоянно отказываемся от полезных технологий, не виня себя в варварстве: все труднее найти замену стоячим воротничкам, традиционным чернильным ручкам, механическим часам, трехколесным велосипедам и ширинке на пуговицах; все это во многих отношениях лучше той дряни, что их заменила. Большинство австралийских аборигенов отказались от лука, освоив более простую и эффективную технологию. Жители Тасмании отказались от всех орудий из кости, когда поняли, что могут обойтись без них. Японцы в XVII веке отказались от огнестрельного оружия; почему — объясняет аристократическая чувствительность: самураи не могли перенести унижения искусства войны. Жители Канарских островов до прихода испанцев были не единственным народом в мире, отказавшимся от мореплавания. Отказ от технологии — часть всеобщего процесса изменений и обычно предпринимается сознательно и по веским причинам⁴⁷.

Архитектура древних охотников во льдах вряд ли способна была отразиться на облике местности: они копали свои летние жилища в земле, обкладывали дерном и покрывали шкурами. Зимой они переселялись на ледяные поля, чтобы охотиться на тюленей, и тогда вырезали блоки плотно слежавшегося снега и строили снежные дома — «иглу», которые стали обязательным признаком рассказов об Арктике для детей. Однако эти охотники пользовались и камнем и создавали внушительные сооружения. Строили каменные

стены, загоняя карибу в озера, чтобы легче их убить⁴⁸; сохранились также немногие обрушившиеся постройки из сухого необработанного камня, которые относятся к первому тысячелетию нашей эры; назначение их неизвестно, хотя кажется вероятным, что это места для совершения обрядов.

В этих широтах изменение температуры на несколько градусов способно преобразовать экосистему, что происходит ежегодно, когда лето сменяет зиму и наоборот. Сумрачную полутьму изгоняет яркий безжалостный свет, жизнь выбирается из ущелий и трещин во льду — и забирается обратно, когда солнце исчезает и вновь сгущаются сумерки. Структурная перемена климата может изменить границы поселения, уничтожая целые виды и делая нелепым образ жизни, который продержался не одно столетие. Что-то в этом роде произошло примерно тысячу лет назад, когда относительно теплый промежуток нарушил привычный образ жизни охотников во льдах. Сменившая их культура, насколько мы можем судить, принадлежала тем, кто шел за охотниками. Ее распространяли морские мигранты; они двигались вдоль южного берега Северного Ледовитого океана с востока на запад по линии, которую мы называем Северо-Западным проходом⁴⁹. По крайней мере возможность подобной миграции продемонстрировал исследователь Джон Боксток, и это соответствует всем известным нам фактам.

Эскимосы, научившие Бокстока плавать на умиаке, прозвали его «Старая Ворвань», потому что он согласен был в случае необходимости есть что угодно. Умиак — совсем не крошечный кораблик; на первом умиаке, который увидел Боксток, помещались восемь или девять пассажиров с их багажом, юрта, две печи, мотор, бочонки на сто и на десять баррелей, два больших тюленя, десяток уток и пара гусей⁵⁰. Боксток купил умиак, построенный еще в тридцатые годы, и отремонтировал его традиционными материалами — деревянными распорками, привязанными веревками из кожи тюленя и крытыми пятью моржовыми шкурами. Толстые шкуры можно было сшивать, протыкая иглой не насквозь; тем самым создавалась водонепроницаемость швов. И хотя Боксток путешествовал с помощью мотора за бортом, он понимал, как древние мореплаватели совершали свой подвиг во

льдах: их лодки, которые набирают совсем немного воды, легко вытащить на берег; они легко уходят от плавучих льдов, которые останавливают корабли европейцев, и могут работать в глубине наземного пакового льда. Им легко было уворачиваться от плавающих льдин. Они в любой момент могли выйти на берег и устроить бивак под перевернутым умиаком⁵¹.

Специалисты предпочитают называть этих людей народом Туле; вообще-то это название поселения в Гренландии, но оно кажется вполне подходящим. Ультима Туле — последний предел — граница воображения классического периода; место на западе, где земля кончается. Жители Туле охотились на китов и, подобно алеутам (см. о них ниже, с. 418), на своих хрупких суденышках способны были выходить в открытое море и привозить китов; китов они убивали гарпунами, смонтированными на плотках, изготовленных из надутых мочевого пузыря тюленей и моржей. Отголосок обрядов, которые сопровождали изготовление и использование таких пузырей, можно увидеть во время Накаквика, или Праздника пузырей, который ежегодно отмечается на юго-западной Аляске в день летнего солнцестояния: считалось, что в пузыре содержится душа убитого животного, и охотники приветствовали эту душу в длинной череде пиров, танцев, маскарадов и ритуальных воскурений, прежде чем с соответствующими церемониями вернуть в море под лед⁵².

Эти люди охотились и на суше, с помощью собак, чрезвычайно для этой цели подходящих; но ранее таких собак в Северной Америке не было. Огромный размер добычи означал, что есть возможность кормить и большие собачьи стаи. Техника добычи китов годилась и для охоты на белых медведей; так добывали и зубы, пригодные для изготовления рыболовных крючков. Использовалась техника, специально предназначенная для охоты на белых медведей и моржей, греющихся на льдинах. Гарпуны привязывали к льдине, на льдину вытаскивали каноэ и позволяли раненому зверю тащить льдину, пока не настанет время его вытаскивать⁵³. Они строили летние дома на каркасах из китовых костей. Они вернули лук: у них были луки и кости с вырезанными сценами войны и охоты на карибу, которых копьями убивали в реках охот-

ники в лодках⁵⁴. В последующие столетия падение температуры и сокращение поголовья китов заставили их прибегнуть к приемам предков, в особенности при строительстве жилищ и при возврате к зимней охоте на тюленей. Народы, называющие себя сегодня инуитами и юпиками, это потомки народа Туле с добавкой традиционных арктических культур.

*Лучше, чем цивилизация:
инуиты в соперничестве с европейцами*

Лед становился прибежищем народов с задержкой развития, обреченных на уничтожение ходом прогресса и торжеством цивилизации, однако упрямо сохранявших традиционный образ жизни, столь непривлекательный для цивилизованных людей, что те вряд ли согласились бы соперничать в этом. Джон Росс спрашивает читателей:

Разве не судьба дикаря и нецивилизованного человека на этой земле уступать дорогу более изобретательным, более просвещенным, на чьей стороне знания и цивилизация? Таков закон мира, правильный закон; все жалобы тошнотворной филантропии с ее нелепыми или достойными порицания усилиями ничего не стоят против разумного и устойчивого порядка вещей⁵⁵.

Гости инуитов сегодня могут счесть, что эти предсказания оправдываются — не из-за предполагаемого порядка вещей, на который ссылается Росс, но потому что традиционную культуру уродуют и сметают глобализм, фетишизм потребления и потому что хрупкая среда может быть уничтожена или по меньшей мере повреждена современной технологией. Но если «порядок вещей» существует, он может предпочесть стратегию инуитов более цивилизованному подходу к природе — по крайней мере если долгосрочной целью является выживание. Инуиты предоставляют материал для проверки этой гипотезы: их историю включает нечто вроде поставленного эксперимента по соревнованию с цивилизо-

ванной, честолюбивой, агрессивной культурой из Европы, которую мы называем культурой Средних веков.

Примерно во время вторжения народа Туле в субарктическую Гренландию с противоположной стороны вторглись норвежцы. «Гренландия, — мешая вымысел с правдой (виду удаленности острова), пишет в XI веке Адам, епископ Бременский, — лежит далеко в океане против Шведских и Рифейских гор... Жители ее зелены от морской воды, почему остров и получил свое название. Люди здесь живут так же, как исландцы, однако более свирепы... Сообщают, что в последнее время туда проторило дорогу христианство»⁵⁶.

Вторжение носителей христианства было не менее впечатляющим, чем миграция народа Туле. В техническом отношении норвежцы по нашим стандартам были куда более развиты, чем люди Туле. Их активное отношение к природе — стремление подчинить ее, а не подчиняться ей, — в терминах этой книги было более цивилизованным. Их большие деревянные корабли, скрепленные железными гвоздями, должны были казаться инуитам с их маленькими каноэ грандиозными и необычными. В их городе Братталиде — самом дальнем форпосте средневекового христианства — было семнадцать монастырей (в период высшего расцвета) и каменные церкви с бронзовыми колоколами. Между 1189 и 1200 годами в Гардаре был построен из красного песчаника и мыльного камня крестообразный собор с колокольной, стеклянными окнами и тремя очагами. Дверные каменные перемычки в амбаре для хранения церковной десятины весили три тонны. Большие хозяйства позволяли вести аристократический образ жизни, там в огромных пиршественных залах собирались все подданные⁵⁷.

В первые годы поселения окружающая среда многое предлагала вновь прибывшим. Эрик Рыжий, первый руководитель норвежской колонизации «Гренландии», справедливо дал острову это название, — вероятно, чтобы привлечь мигрантов. Лесов здесь не было, но были заросли ив, карликовых берез и рябин, древесину которых можно было использовать. Не было зерновых, но росли песчаный колосок, спорыш, лен и много съедобных трав и ягод. Рыба и птица водилась в изобилии, паслись стада карибу — чего никогда

не было в Исландии. Моржи, нарвалы, лисы, горностаи, гаги, киты и полярные медведи — на всех этих животных можно было охотиться ради шкур и кости, ворвани и пуха. Соколов, если их изловить живьем, можно было продать на европейских рынках как царские подарки. Жители Гренландии платили ими церковную десятину и дань своим далеким сюзеренам в Норвегии. Для более повседневной и обыденной торговли поселенцы быстро вывели породу «гренландской овцы», руно которой ценилось очень высоко⁵⁸.

Что же касается их противостояния с инуитами, победили в нем инуиты. Норвежцев Гренландии оттеснили в относительно северный район их территории туземцы, которых они называли скрелингами. Ивар Бардарссон, представитель бергенского епископа, наделенный полномочиями решать мирские проблемы церкви в Гренландии, в конце 1340-х годов приплыл в поселение и узнал, что произошло. «Он был среди тех, кто отправился в Западное Поселение против скрелингов... и когда они прибыли туда, то не нашли никого, ни христиан, ни язычников, только немного одичавшего скота и овец, и они перебили это скот и овец ради пищи, погрузили, сколько могли, на корабли и отправились домой»⁵⁹. Этот отчет не подтверждается археологическими раскопками, но правдиво отражает веру современников в то, что произошло с колонией. В 1405—1409 годах, когда обедневший исландский дворянин Торстейн Олафссон с большим отрядом приплыл из Норвегии в поисках аристократической невесты, Восточное Поселение еще процветало. Гости всячески развлекали, и он принял участие в суде над соблазнителем одной из его предполагаемых невест, обвиненным в «черной магии»; однако в ту пору колония жила более изолированно и посещалась гораздо реже, чем раньше⁶⁰.

Традицию обвинять инуитов в гибели колонии подкрепило послание папы Николая V, содержащее ужасные вести о Гренландии, «расположенной, как нам говорили, на краю океана». Папа пишет, что «тридцать лет назад из соседней страны приплыли по морю варвары-язычники... и опустошили землю огнем и мечом, так что ничего живого не осталось на острове (который, как говорят, очень велик); уцелели только девять приходов в отдаленных местах и в горах, куда

захватчикам было трудно проникнуть»⁶¹. Этот инцидент, если он действительно имел место, как будто не уничтожил колонию полностью. Формальные отчеты молчат, но есть сведения в торговых документах английских купцов, которые посещали Гренландию в 1480-е годы.

Однако о все более трудной жизни гренландцев можно судить по оставленным ими перед исчезновением грудам костей. Они продолжали питаться тюленями, но на последних стадиях существования колонии уже не тюленями из гавани; этим тюленям мешали приплывать летние плавучие льды. Колонисты пытались сохранить свои стада, оставляя в рационе мясо овец, коз и диких карибу; но находить пастбища становилось все трудней. Исследования пыльцы показывают, что к концу Средневековья климат становится более влажным, и это могло вызвать дополнительные трудности. Данные о похолодании не подтверждаются иными доказательствами, но, кажется, заманчиво было бы считать эти свидетельства убедительными на фоне явных доказательств существования «малого ледникового периода» в Старом Свете в описываемый период.

Были ли последние колонисты убиты, или умерли от голода, или мигрировали по своей воле, у них как будто кончились возможности экологического выбора: климат становился все более суровым, а жизнь — трудной⁶². Поселенцы исчезли, и никто не знает, куда и как. Но ничто не смогло уничтожить образ жизни инуитов — до вторжения промышленной технологии XX века, потребительства, миссионеров, современной торговли и поп-культуры. Теперь за северным полярным кругом, где среда по определению враждебна человеку, существуют города⁶³. В Норильске с его двухсоттысячным населением дома стоят на вечной мерзлоте на сваях, квартиры отапливаются 288 дней в году, постоянно приходится убирать снег, а «уличное освещение вчетверо ярче, чем в русских городах, расположенных южнее». Похоже, в определенных средах цивилизация — это иррациональная стратегия, и здесь лучше подчиниться природе, чем пытаться приспособить ее для нужд человека.

2. Смерть Земли

Адаптация и контрадаптация в песчаных пустынях

*Юго-запад Северной Америки. — Северное Перу. —
Сахара. — Гоби. — Калахари.*

*Край без кровинки
Край колючего кактуса
Каменные истуканы
Воздвигнутые воспринять
Молитвенность мертвых рук
В мерцаньи кончающейся звезды.*

Т.С. Элиот. Полые люди
(Пер. Н. Берберовой)

Грех считать, что Природа, наделенная вечной плодovitостью творцов вселенной, страдает бесплодием, как какой-нибудь болезнью; не подобает человеку в здоровом рассудке верить, что Земля, обладающая божественной и вечной юностью, та, которую называют всеобщей матерью, та, что должна бесконечно давать блага, стареет, как стареют смертные. И я не верю, что подобное несчастье обрушивается на нас из-за капризов погоды; нет, это скорее наша вина; ибо то, с чем наши предки, занимаясь земледелием, обращались с величайшей заботой, мы передали нашим рабам, словно палачу для наказания.

Колумелла. De Agricultura⁸

Учиться у Хохокама: как создать цивилизацию в пустыне

«Здесь нет величия», — жалуется герой рассказа Эрики Вагнер.

Конечно, есть пустыня и есть такие места, как Большой Каньон, но что они делают с людьми? Заставляют чувствовать себя ничтожными. Ты стоишь на краю Большого Каньона и думаешь: стоит ли стараться, когда есть это, существующее миллионы и миллионы лет и превосходящее размерами все, что я когда-либо видел? Говорят, это возвышает, но я думаю, наоборот — люди падают духом¹.

По-моему, он прав. Тормозящее воздействие пустыни — ледяной или песчаной — могло бы вообще помешать цивилизации здесь возникнуть. Ни одна среда, кроме открытого моря, не может быть такой неподатливой, как то, что дает пустыня. Можно вырубать во льду, но он все равно вернется к форме, данной природой. Можно нагромоздить песок, но ветер разметет его. Там, где шатры и иглу сливаются с местностью, трудно вообразить преобразование этой местности. Грандиозная архитектура пустынь, ущелий, башен из камня и льда кажется непобедимой.

Герой Эрики Вагнер пытается на площадке для парковки в Аризоне, близ Финикса восстановить дух Стоунхенджа. Он видел телепрограмму о «загадках древних» и пришел к убеждению, что великие монументальные сооружения древности возведены при попытках обуздать и производить энергию — не обязательно с использованием астральных сил, геомантических заклинаний или мистической власти, но путем активизации честолюбия людей. Его чисто американский здравый смысл приводит к мысли, которая кажется безумной: из выброшенных автомобилей он с помощью экскаватора создает собственный Стоунхендж. Его проект никого не

оставляет равнодушным, вызывая энтузиазм или гордость, и к нему присоединяются многие.

Однако археологи будущего сочтут это его сооружение совершенно бесполезным — очередной «загадкой древних». «Ух ты, папа», — говорит мальчик. Стоунхенджу из подержанных автомобилей присущи все пороки постмодернистских улиц городов пустыни, которые так ненавидит герой: «Рестораны в форме гигантских хотдогов или ковбойских шляп, неряшливо оштукатуренные»². Хотя и в сниженной форме, они представляют традицию цивилизации — попытку преобразовать природу и сделать ее пригодной для использования человеком. Теоретики архитектуры призывают нас «учиться у Лас-Вегаса» именно потому, что сама смехотворность, само безвкусие города в пустыне и есть след человека на прежде не пригодном для обитания фронтире: победа китча над природой.

В сравнении с многими древними попытками преобразовать пустыню наши нынешние усилия кажутся ничтожными. В типичном американском городе в пустыне, куда не проникла еще даже постмодернистская ресторанная культура, шоссе идет по бесконечной пустыне как символ того, как мало времени люди стремятся провести здесь. Иногда по обочинам на короткие мгновения мелькают неприметно окрашенные постройки — серо-коричневые, серые или темно-серые, непрочные, непритязательно низкие, словно стыдящиеся или боящиеся выделиться на фоне дикой природы. Только рекламные щиты проявляют нечто похожее на честолюбие. Длинные заборы, увешанные рекламой, и дорожные знаки смотрят на машины, соперничая яркостью с небом, преграждая путь ветру и пыли. Ничто здесь не выглядит постоянным. Реклама делается так, чтобы ее легко было снять и выбросить; здания как будто готовы сложиться на ветру и превратиться в пыль.

Лас-Вегас кажется смелой, но не слишком предприимчивой попыткой — пустынный временный город в ухудшенном варианте³. Материал его архитектуры — электрические нити, которые загораются по ночам, когда пустыня погружается в темноту. Тогда исчезают бесконечные пустые пространства, не соизмеримые с городом, рядом с которыми его сооружения кажутся мелкими. Но стоит выключить электри-

чество, — и мало что остается: дороги и стоянки машин кажутся грязными пятнами, оставленными темнотой; «церкви для венчания», как только гаснут их неоновые вывески, снова становятся обычными бунгало. Большая часть казино, полных по ночам жизни, шумных, на самом деле всего лишь лачуги, днем сливающиеся с мертвой землей. Огромные рекламные щиты, несколько часов назад казавшиеся великолепными, при свете дня выглядят полуодетыми: распорки и провода свисают, как незастегнутые ширинки или спустившиеся чулки. Когда Вентури сделал Лас-Вегас знаменитым, можно было отойти в пустыню и посмотреть на профиль знаменитого «Стрипа»*, и только отель «Дюна» торчал из темноты — да и он не выглядел устойчивым и прочным: не здание, а скорее сморщенная картонная коробка, перевернутая ветром. Сегодня самое знаменитое казино, «Дворец Цезаря», предприняло смехотворную попытку создать новый антураж, но все его «цивилизационные» красоты — подделки. У статуи Венеры Милосской преувеличенно большие груди. Поскольку пропорции — и в этом здании, и во всем городе — искажены, колонны, поддерживающие фронтон, кажутся кривыми и тонкими. Охраняющие вход во «Дворец Цезаря» центурионы, которые величественно взирают на пустыню, поддерживают щит для афиш в стиле пригородного кинотеатра. В очертаниях города доминирует электрический абрис «пирамиды Хеопса» — прыщика, имитирующего изображение грандиознейшего триумфа человека над песком. В культурном отношении Лас-Вегас никогда не переставал быть пустыней.

Однако Финикс, где жил герой Эрики Вагнер, совсем другое дело. Первые жители современного города прибыли в конце 1860-х годов, и в этой как будто безжалостной пустыне на них большое впечатление произвели развалины древней ирригационной системы. Так возникло название города («Финикс»). Умело направленных вод реки Солт-ривер оказалось вполне достаточно, чтобы создать «аризонский сад». Новое поселение процветало, вдохновляя американцев на многочисленные попытки освоения пустыни в других частях

* Стрип, полоса — двухмильное продолжение главной улицы города, на котором расположены многочисленные отели.

Аризоны. Сегодня самая дорогая в мире недвижимость — в районе Финикса. Это девятый по величине город Америки. Пять поколений назад никто в здравом уме не захотел бы жить здесь; но сегодня Финикс так эффективно преобразовал окружающую среду, что в центре города вы не увидите ни следа пустыни, если не считать жары и немеркнущего неба. Безжалостная решетка улиц повторяет упорядоченную геометрию, которую цивилизация всегда стремилась наложить на природу, — сеть, в которой запутывается первозданное.

Хотя первые строители города предпочитали стиль миссий, подделки под кирпич-сырец или викторианскую готику, сегодня большая часть монументальной архитектуры повторяет геометрическую решетку и по вертикали, словно в стремлении колонизировать пустое небесное пространство. Но пустыня никогда не уходила далеко, и новая чувствительность к окружающей среде заставила строителей пригородов в последние годы пересмотреть свои взгляды и шкалу ценностей. С 1938 года Фрэнк Ллойд Райт сделал Финикс своей зимней базой. Стиль, который он выработал для строений в прериях, — стиль исключительно горизонтальный — оказался еще более *chez soi** в пустыне. С шестидесятых все хотели иметь дома, сливающиеся с природой, и с тех пор большинство сооружений строятся в расчете на незаметность среди кустов и скал. Сооружения известного архитектора Эдварда Б. Сойера младшего кажутся омытыми струями песка в пустыне, с трубами, изогнутыми, как кактусы⁴. На разных уровнях Финикс и побеждает пустыню, и покоряется ей. Прочность цивилизации во враждебной среде зависит от умения поддерживать равновесие между этими двумя стратегиями.

Недалеко — по американским стандартам — от Финикса герой Эрики Вагнер мог в одной из своих машин проехать на берег реки Сан-Педро и увидеть памятник одному из предыдущих усилий оставить в пустыне знак человеческого вызова. Каса-Гранде — пятиэтажное здание из кирпича-сырца. Когда оно было построено шестьсот лет назад, его окружали массивные внешние стены и лабиринт небольших строений. Этот форпост — последний аккорд долгой истории попыток

* У себя; на своем месте (*фр.*).

создания монументальных строений и сосредоточения населения там, где сегодня пустыня. Этот проект или серия проектов охватывал территорию нынешних штатов Аризона, Колорадо и Нью-Мексико на плоскогорье между верховьями рек Сан-Хуан и Джила.

Во времена великих строителей, в одиннадцатом и начале двенадцатого веков, земля здесь, вероятно, была не столь неприступной и суровой. Иногда река Солт-ривер разливалась — хотя недостаточно регулярно, чтобы создать аллювиальные почвы. Возможно, и осадков было больше, но дополнительное орошение было совершенно необходимо, чтобы выращивать урожай в летние месяцы, когда не дождешься и капли дождя. Если удавалось доставить на поля воду, можно было уверенно выращивать хлопок, кукурузу и бобы, не опасаясь резких скачков температуры, которые случаются на больших высотах. Для этого использовались длинные оросительные каналы; однако очевидно, что все более сухой климат начиная с двенадцатого века держал ирригационную систему в постоянном напряжении. Вначале правители реагировали занятием новых местностей, более амбициозным строительством и более строгой организацией труда. Но периодическое сокращение культурных областей и реорганизация поселений свидетельствуют о неуклонном упадке, перемежающемся кризисами.

По юго-западную сторону водораздела, в долине реки Джила, в области распространения культуры, которую археологи называют Хохокам, почти повсюду, куда бы ни вели каналы орошения, есть насыпные курганы и нечто вроде помещений для игры в мяч. Это следы более древней цивилизации в менее неблагоприятном окружении: определенно следы культуры, испытавшей влияние Мексики, управлявшейся элитой и полной сложных ритуалов. Археологи Северной Америки обычно противятся искушению классифицировать все по степени сходства с мексиканскими предшественниками; но здравый смысл позволяет представить, как идеи перемещались с юга на север по течению Рио-Гранде или по тропам через Каса-Гранде в Чиуауа. Здесь найдены предметы торговли ацтеков (чуть более позднего периода, чем города пустыни), здесь делали украшения на экспорт и

выращивали попугаев ара, перья которых высоко ценились в Мексике.

Это маршрут, по которому продвигалась цивилизация кукурузы, хлопка и некоторых зерновых; вероятно, приемы возделывания этих растений перемещались вместе с ними; далее следовали политические решения, необходимые для возделывания культур, — обществ сотрудничества, в которых сильное правление — обязательное условие для существования орошения. Конечно, некоторые политические решения и особенности оросительной техники могли возникнуть в традиции Хохокам независимо, без влияния с юга. По аналогии с лучше документированными обществами Мексики курганы Хохокама можно считать платформами для зрителей, где встречались правители и простые жители, а места для игры в мяч — аренами для демонстрации воинского мастерства. Относительно существовавшей до прихода испанцев игры в мяч рискованно делать обобщения: ее правила и функции различны в разных местах и существовали во многих вариантах. Но где бы в нее ни играли, она всегда была аналогией с войной⁵. И никогда — «спортом», предназначенным для развлечения зрителей и самих участников; скорее это была возможность проявить мужество и способствовать формированию класса воинов — скорее турнир, чем футбольный матч.

К северу от области Хохокам и по соседству с ней располагается культура, в некоторых отношениях производящая еще большее впечатление, с несомненными признаками государственности, политического единства, установленного на значительной площади — более 60 тысяч квадратных миль от Сан-Хуана на севере до реки Малая Колорадо на юге и от Колорадо до Рио-Гранде. Эти признаки — разветвленная сеть дорог, иногда до тридцати футов в ширину; дороги расходились во все стороны от нескольких центров у большого каньона реки Чако. Существование такой разветвленной и сложной сети дорог можно объяснить только двумя причинами: либо наличие какого-то неизвестного нам ритуала, требовавшего тесной связи между поселениями; либо тем, что дороги использовались для передвижения армий. Дороги соединяли поселки, очень своеобразные и богатые. Обычно поселение строилось вокруг площади неправильной

формы; ее обступали большие круглые помещения и лабиринт маленьких прямоугольных строений, и все это — окруженное циклопическими внешними стенами. Главные здания каменные и выложены тесаным камнем. Крыши из гигантских сосновых стволов с ближайших гор — ошеломляющая демонстрация богатства и власти в безлесной пустыне. Политическое единство обеспечивалось или навязывалось массовыми казнями, о чем свидетельствуют пугающие груды костей жертв; кости расколоты, раздроблены, словно на пиру каннибалов. Но, подобно многим другим чересчур честолюбивым строителям пустынь, народ каньона Чако, по-видимому, перенапряг свои силы. Эра строительства внезапно и быстро завершилась в середине двенадцатого века, когда продолжительная засуха сделала жизнь невозможной⁶.

Эксперимент Чако окончился неудачей, и жители ушли далеко от полей, в горы, где можно было защитить свои убежища в скалах. Культура Хохокама реорганизовалась и просуществовала еще около ста лет. Но пустыня не всегда так легко уничтожала человеческие поселения. В подходящей среде эти поселения могли расцвести снова и снова, даже в эпоху доиндустриальной технологии. Дж. П. Набан, этноботаник, изучавший одну из самых сухих пустынь на Земле, обнаружил, что общины папаго в Соноре, как только позволяет погода, переходят к аграрному образу жизни, используя лужицы воды на поверхности для выращивания быстро созревающих бобов⁷. Подобные эксперименты могут привести к сложной постоянной сельскохозяйственной культуре того типа, что неоднократно встречается в прошлом и сегодня удивляет нас в сухих мрачных местностях.

Остатки самой поразительной такой культуры можно найти в Северной пустыне Перу, которая узкой полосой тянется вдоль побережья океана и за которой встают Анды. За исключением непредсказуемых лет, когда Эль-Ниньо устраивает наводнения, здесь практически не бывает дождей, кроме соленого шершавого дождя песка, выпадающего почти каждую ночь. Естественно, здесь почти ничего не растет, кроме кактусов — того типа, что изображались на древней керамике, обломки которой можно по-прежнему откопать в пыли; но в прочих отношениях это очень странная пустыня. Хотя она

лежит всего на пять градусов южнее экватора, здесь прохладно — средняя температура всего 60 градусов по Фаренгейту — и влажно из-за приходящих из океана туманов. Равнину пересекают небольшие реки, и в первые века нашей эры у рыболовов побережья была возможность орошения.

Археологи называют этих людей, чья культура процветала в промежутке между 100 и 750 годами нашей эры, единым именем «Моче», как будто это действительно было единство; но здесь почти несомненно существовало много небольших государств. Внимание и воображение этих людей оставалось обращенным к морю, и даже когда они становились земледельцами и оросителями, их больше занимали богатые рыбой воды течения Гумбольдта и холодные приливы Тихого океана. На их ярко раскрашенной керамике изображены охота на морских львов, связанные пленники, кувшины, полные добычи, и лодки с лихорадочно гребущими воинами.

Насколько можно судить по рисункам, сохранившимся на керамике, районы, удаленные от моря, тогда тоже еще не знали сельского хозяйства: на рисунках связанных пленников ведут в зарослях кактусов и охотятся на оленей в горах. Даже речные берега были мертвы: никакое количество воды не оживит пески без удобрений. Однако море давало средства превратить пустынные берега рек в сады: с мест гнездования морских птиц вверх по течению перевозили гуано. Искусственно создавались небольшие оазисы, где выращивали одомашненных индюков и морских свинок, а также растили кукурузу, тыкву, перец, картошку, маниоку, тропические фрукты и орехи, которые эти люди так любили, что изображали в золоте и серебре⁸.

Жизнь политической элиты можно представить себе, заглянув в могилы. Под кирпичными платформами, воздвигнутыми посреди самых плодородных полей как сцены для королевских ритуалов, лежат в золотых масках среди свидетельств исчезнувшего богатства божественные владыки; эти свидетельства — ушные подвески с изображениями оленей, уток и воинов и картинами охоты; скипетры со сценами человеческих жертвоприношений; ожерелья из сморщенных голов в золоте или меди с золотыми глазами; колокольчики, украшенные изображением принесенных в жертву и богов,

которым жертвы приносились; искусно изображенное божество взмахивает костяным ножом. В Сан-Хосе-де-Моро нашли погребение женщины, чьи конечности — в пластинах из драгоценных металлов, а головной убор из серебряных кисточек⁹.

История Моче демонстрирует как возможности пустыни, так и границы этих возможностей. Несмотря на свидетельства грандиозных богатств и власти, среда оставалась неустойчивой, а экология хрупкой. По образцам льда, взятым на леднике Квелкайя на юге перуанского высокогорья и на леднике Уаскаран Кол на вершине севернее, установлено, что в середине шестого века в этих краях было несколько продолжительных засушливых периодов. Поскольку мы почти не понимаем символический язык Моче, трудно с уверенностью толковать развитие традиционной иконографии в следующем столетии; но можно заметить изменение ритуалов и, следовательно, новые политические шаги, предпринятые в ответ на ухудшение климата. Если так, то такие приемы помогли немного продлить существование цивилизации. Во второй половине восьмого столетия не строятся новые курганы, не орошаются новые поля и не создается прежняя великолепная керамика. Напротив, на южную часть долины Моче наступают песчаные дюны, и орошаемые земли сокращаются.

Усилия подчинить пустыню цивилизации были вновь предприняты на севере строителями большого города Чан-Чан. Сегодня этот город — скопление бугров и возвышений в песке, словно обрушился огромный замок из песка. Кирпич-сырец, из которого строились городские дома, под действием Эль-Ниньо промок и исчез. Но все равно сразу видна точная, правильная геометрия цивилизованного города. В пору своего расцвета, в тринадцатом и четырнадцатом столетиях нашей эры, этот город занимал восемь квадратных миль и был полон сказочных богатств, что, в свою очередь, давало возможность развивать мастерство кузнецам и ювелирам. Их творения из золота потом развозили караваны лам; эти караваны останавливались в центре города. Труды этих ремесленников делали могилы такими кладезями богатства, что испанцы в колониальную эпоху не раз говорили о том, что их нужно раскапывать.

Жизнь города поддерживали восстановленная в большом масштабе ирригационная система Моча и заготовка больших запасов продуктов на случай засухи или наводнений. У большинства горожан рыба теперь была редким блюдом; ради мяса держали стада лам, что объясняет большое количество протеина в найденных археологами образцах¹⁰. В тяжелые годы Эль-Ниньо разрушал каналы, но плотины позволяли их восстановить¹¹. Государству, чтобы выжить, приходилось быть жестоким. Правители города были одержимы безопасностью. Их жилища защищали от народа высокие стены, навесные башни и выдвижные лестницы.

Завоевания обеспечивали новых подданных и новых врагов. Чан-Чан на самом деле был столицей империи. Царство Чимор, столицей которого он был, объединило большую часть побережья — полосу в 800 миль длиной. Расширение территории, как это ни парадоксально, стало причиной слабости государства. Завоевания пришлись на период, когда расширение ирригационной системы Моче остановилось; на заключительной стадии завоеваний, в начале XV века, обеднела даже царская казна Чан-Чана. Поэтому можно заключить, что правители Чимора использовали завоевания, чтобы восполнить то, чего им не хватало дома. Такую стратегию трудно вести бесконечно: завоеванные негодовали, но карательные действия поневоле были скромными, чтобы не повредить поступлению дани. Империя Чиму существовала около ста лет. Когда с гор спустились инки и уничтожили ее, они не повторили ошибку: население они изгнали или переселили, и Чан-Чан разрушался, всеми забытый.

Тем не менее Чимор — значительный эксперимент в области долгожительства по стандартам цивилизации в пустыне. Обычно таким цивилизациям не приходится ждать нападения завоевателей. Природа без помощи людей проделывает эту работу. Катастрофа, разразившаяся в культуре Моче, как будто проделала то же самое с другой попыткой одолеть враждебное окружение — на южной окраине той же самой пустыни. По вполне основательным причинам Наска — так называют эту культуру — любимица искателей археологических загадок. Люди Наска жили в ущельях, еще более негостеприимных и сухих, чем люди Моче, и создали уникальную

и приводящую в замешательство форму монументального искусства — смелые натуралистические рисунки на поверхности пустыни, такие огромные — до тысячи футов в ширину — что полностью их можно рассмотреть только с высоты, на которую создатели рисунков не могли подняться. Это не просто следы богоподобного творчества — они постоянно заставляют работать воображение.

Красная и черная пленка окислов на голой поверхности камня сохраняет эти произведения искусства. Буквальное отсутствие дождей также способствует их сохранности. На рисунках змеящиеся рыбы, летящие колибри, баклан, распахнувший в полете крылья, гигантская обезьяна, поразительно реалистичный паук. Есть также прямые линии, по видимому, никуда не ведущие, удивительные геометрические фигуры, в том числе спирали, трапеции и треугольники, и все это творцы рисунков изобразили с изумительной точностью. Рисунки интерпретировались с разной степенью фантастичности как геометрические чертежи, календари и взлетные полосы для «колесниц богов»¹².

Озеро червей: пределы цивилизации в Сахаре

Ирригационная система Наски должна была быть еще более сложной и изобретательной, чем у Моче, потому что с помощью подземных акведуков использовала грунтовые воды. Насколько мне известно, единственную параллель этой системе можно найти в районе, который сегодня считается самым негостеприимным в Сахаре. Феззан в глубине территории Ливии скрывает почти тысячу миль ирригационных галерей, вырубленных в известняке и проводивших воду из подземных источников. Вода поступала на поля одной из самых малоописанных и загадочных цивилизаций, которой правил народ, известный грекам и римлянам под названием гараманты. Поселения в Феззане со всех сторон были окружены пустыней. Это не были обычные оазисы, потому что опирались на сложную гидравлическую систему, использовавшую огромный запас грунтовых вод. Сахара — пустыня, состоящая из трех уровней: песок лежит на известняке, а под известняком

вода, собирающаяся с окрестных гор в подземное море. Финики — главный продукт в истории пустыни, — судя по содержанию мусорных куч гарамантов, не были здесь основой хозяйства; не было его даже просо; напротив, гараманты (или их рабы, или их крестьяне) там, где легко можно было добывать воду, выращивали пшеницу и ячмень (который они вывозили на территорию римлян) в менее благоприятных местах.

Происхождение гарамантов неизвестно, хотя существует множество малообоснованных теорий. Невозможно также доказать, что именно они создали базис, на котором выросла эта цивилизация: оросительная система могла быть созданием завоеванного ими народа. Хотя гараманты жили на территории, располагающей собственной древней системой письма, и находились в контакте с теми, кто использовал еще четыре или пять алфавитов, они не оставили никаких записей — даже в тех кратких формах, какие хорошо сохраняются в пустыне. Когда о них впервые сообщил Геродот, гараманты представляли собой элиту, торгующую рабами; как пишет Геродот, «на колесницах, запряженных четверками лошадей, они охотились на черных»¹³. Римские изображения гарамантов полны варварской экзотики: лица с ритуальными шрамами и татуировками под увенчанными страусовыми перьями шлемами.

Однако их государство, вне всякого сомнения, было многолюдным и долгоживущим, а цивилизация — богатой и очень заметной. Нужно делать скидку на хвастовство завоевателей, но в 19 году н. э., когда Рим потерял терпение из-за набегов гарамантов, утверждалось, что Корнелий Бальб завоевал 14 их городов. Он оставил в их столице памятник, который стоит среди развалин и бесконечных песков¹⁴. В 569 году н. э. у гарамантов все еще был царь, который смог заключить мир с Византией и принять христианство. Был царь и в 668 году — больной царь, согласно написанному много позже отчету, кашлявший кровью, когда сдался мусульманским захватчикам и те тащили его в цепях. После этого гараманты исчезают из всех источников и уходят в неизвестность, которая так привлекает современную науку.

Можно сомневаться в достижениях гарамантов; но их государство прожило удивительно долго, а пустыня вокруг

него становилась все более сухой. Цивилизация не обязательно самая подходящая стратегия выживания в таких условиях, но даже гарамантов пережили куда менее честолюбивые и заметные общины в Феззане. В 1967 году Джеймс Веллард рассказал о своем посещении местности, которой ранее правили гараманты. Его целью была страна последних уцелевших «поедателей червей», нескольких сотен сахарских давадов, которые называют себя «забытыми Богом». В незапамятные времена они нашли своего рода убежище от захватчиков и грабителей в отдаленном оазисе, с озерами с солоноватой водой, слишком неплодородном и сухом, чтобы привлечь внимание других общин. Жили они в основном плодами своих финиковых пальм. А в озерах, которые в этой абсолютно безводной местности питают подземные источники, давады в торговых количествах добывали углекислый натрий (соду) и уникальный вид моллюсков, живущих только в солоноватой воде этих озер; в самом Феззане эти моллюски пользуются большой известностью как средство, усиливающее половую потенцию; но гости с Запада обычно отзываются о них отрицательно: слизистые и вонючие. Во времена Велларда давадов изредка навещали туареги и обменивали на «червей» сигареты и масло.

С подобной местностью трудно что-либо сделать, и давады жили в полном подчинении природе. Селились на берегах озер, но не плавали по ним. Их единственным строительным материалом были пальмовые листья и блоки извести, из которых построены их мечети. Они плели веревки, но не вязали, не ткали и не шили. У них нет глины и поэтому нет глиняной посуды. Ни в одной их деревне Веллард не видел колес. Моллюсков ловили женщины, привязав к шестам веревочные корзины; с такими корзинами они прочесывали отмели. Никто не пытался увеличить количество моллюсков искусственным выращиванием¹⁵.

Давады кажутся людьми, которых земля, лишенная надежды, вынудила жить по инерции, в бездействии. Они не соответствуют обычным представлениям о приноравливании к жизни в пустыне, ведь они не кочевники. Но в одном отношении они следуют классической методе кочевников: отказываются от всего, что не является абсолютно необходи-

мым для жизни, и не предпринимают ничего честолюбивого и рискованного, такого, что привело цивилизации Моче и Наска к гибели, а Чиму и гарамантов — к победам. Сахара внушает покорность. Даже когда она была плодородной, лесистой и изобиловала дичью, огромная равнина, ныне засыпанная песком, заставляла людей чувствовать себя маленькими и слабыми. Охотники, изображенные на наскальных рисунках и резьбе десяти тысячелетней давности, робко прячутся от гигантских хищников с их острыми зубами и большими рогами — или мертвыми лежат у их ног¹⁶.

Пустыню обычно определяют по количеству осадков — в типичном случае это местность, где годовой уровень осадков составляет меньше двенадцати дюймов. Однако суть пустыни — отсутствие средств к существованию, что зависит еще от целого ряда факторов: качества почвы, температуры, силы ветров и солнечного освещения. Пустыней следует считать местность, в естественных условиях лишенную пригодной для человека пищи, где люди, чтобы выжить, вынуждены радикально приспосабливаться к окружению. Там, где пустыня не позволяет проводить орошение или где нет местных источников питания, таких, из каких кормятся давады, редкие разбросанные сосредоточения воды и пищи притягивают к себе и вызывают раздоры. Естественный способ приспособиться к жизни в пустыне — это способ бедуинов: зависимость от сезонных перегонов скота на краю пустыни, где высокогорья и дикая растительность на разных высотах обеспечивают скотоводам временные пастбища, или — в глубине пустынь — возвращение к полностью кочевому образу жизни.

Самые отъявленные кочевники в современном мире — несомненно сахарские туареги. Представление жителей Запада об обитателях пустыни сформировано романтической традицией, согласно которой туареги отказываются жить под крышей и отличаются неукротимостью. Они живут одной жизнью с природой и не покоряются никому из людей. Их культура проникнута ревностно соблюдаемыми особыми обрядами, которые делают их не похожими на соседей: плотно закрытые лица мужчин; постоянное использование креста как символа и мотива, не имеющее параллелей в исламе; уникальный статус женщин, которые ходят с открытыми ли-

цами, владеют имуществом, завещают его и передают права и статус по материнской линии.

Исключительно необычно по стандартам кочевников то, что у туарегов есть своя письменность — почти не измененная система древней ливийской письменности, известной по надписям с IV века до нашей эры. Туареги пользуются этой письменностью очень избирательно: ее знание передается женщинами и используется только для любовных писем и для нанесения заклинаний на предметы домашнего обихода; эпос и баллады, которые звучат у мужских костров, за пределами шатров (царства женщин), никто не записывает. Туареги прежде всего отличает бескомпромиссный аристократический дух. Для них (кроме женщин и мужчин, которые по происхождению считаются святыми) война — единственное достойное занятие. Чистота крови оберегается с фанатичной строгостью. Доблесть ставится выше богатства. Ценится лишь то имущество, которое можно измерить в терминах добычи, например скот или легко перевозимые ценности. Цель жизни — престиж, и нет ничего позорнее унижения.

Была предпринята хорошая попытка доказать, что туареги — прямые потомки гарамантов¹⁷. Возможно, так оно и есть, но по стандартам гарамантов главное звено экосистемы туарегов появилось очень поздно. Это верблюд. Воевать можно только на верблюдах, а войны — основа самоопределения туарегов. У племен туарегов набеги на лагеря — ритуальное действие: имущество безостановочно циркулирует, но жизни не отбираются; такие набеги — всего лишь подготовка к настоящему делу, то есть к сбору дани с торговых караванов, захвату рабов и управлению торговлей на окраинах пустыни. Такие виды деятельности подразумевают долгие трудные переходы и быстрое возвращение в пустынные логова. Хронология одомашнивания и распространения верблюдов очень спорна. Однако несомненно, верблюд — не туземное сахарское животное и до последних веков существования Римской империи (возможно, вплоть до четвертого или пятого веков нашей эры) он использовался на северном побережье Африки редко и лишь для пахоты.

Ключ к успеху кочевой жизни — смешанные стада; объясняется это сезонными вариациями кормления молоком у

разных видов¹⁸. Но без большого количества верблюдов общины туарегов вынуждены были бы держаться районов пустыни, легко доступных для врагов или слишком открытых для соперничества с другими группами. Гордость туарегов требует отказа от любой пищи, кроме типичной для кочевников. Когда в начале XVI века в одном из туарегских лагерей принимали Льва Африканского, ему и его спутникам подали просяной хлеб, но их хозяева пили только молоко и ели только мясо, которое подавали ломтями, жареными на листьях,

и большое количество пряностей из земли черных... Принц, заметив наше изумление, дружелюбно объяснил, что родился в пустыне, где нет ни травинки, и что его народ ест только то, что производит их земля. Он сказал, что у них зерна хватает лишь на то, чтобы достойно принимать проходящих незнакомцев¹⁹.

Лев, как и многие исследователи и ученые после него, заподозрил, что этот отказ — лишь демонстрация. При желании кочевники могут получить зерно путем торговли, обмена или грабежа; могут собирать его в диком виде; для туарегов, чья система ценностей не позволяет самим собирать или молоть зерно, это означает необходимость приобретать работников или рабов у оседлых племен за пределами пустыни. Таким образом, война — важная экономическая деятельность, которая поддерживает их биоценоз.

Тревожные земли: пустыни как дороги между цивилизациями

Кажется, пустыни требуют от человека покорности и душат цивилизации. Но в истории им отводится очень важная роль, как и морям и океанам, — роль пространств, через которые общаются цивилизации. Ранее процветание туарегов зависело от транссахарских маршрутов, соединявших цивилизации Средиземноморья с цивилизациями Сахеля (см. ниже, с. 129, 134). Дороги через Гоби и Такламакан были ча-

стью паутины «шелкового пути», который связывал цивилизации на обоих краях Евразии. Даже если пустыни сами не порождают цивилизации, они помогают оплодотворить те, что их окружают. Ислам достиг Сахеля через Сахару; китайские наука и технология разошлись по всей Евразии частично морскими путями, но и через пустыни, которые пересекает Шелковый путь (см. ниже, с. 167–169)²⁰.

Какие испытания выпадают на долю каравана, пересекающего самую сухую часть Сахары, живо описал Ибн-Баттута, который совершил свое путешествие в то время, когда сахарская торговля золотом достигла своего пика, — в середине XIV века; других дорог тогда не было, морской путь вокруг западного выступа Африки, подводящий ближе к источникам золота, еще не был открыт. Потребовалось два полных месяца, чтобы пересечь пустыню от Сиджилмассы в Марокко до Валаты на границе империи Мали. Никаких дорог не было видно, «только песок, раздуваемый ветром. Можно видеть песчаную гору в одном месте, а потом она передвигается на другое». Поэтому проводники обходились очень дорого: проводник самого Ибн-Баттуты был нанят за тринадцать миткалей золота. Говорили, что лучшие проводники — слепые: в пустыне, где демоны играют с путниками и хитростью заставляют их заблудиться, на зрение полагаться нельзя. Через двадцать пять дней путники миновали Тагазу, город, где добывали соль, самый необходимый привозной товар в Мали. В этом городе дома строили из блоков соли, солоноватой была и драгоценная вода. Следующий этап пути обычно составляли десять дней вдали от каких бы то ни было источников воды — за исключением той, что можно извлечь из желудков дикого скота, который иногда бродит по пустыне. Единственными другими живыми существами были вши, а единственной пищей — пустынные трюфели. Последний перед Валатой колодец находился в трехстах милях от города в земле, «населенной демонами», где «нет видимых дорог или троп... нет ничего, кроме песка, туда и сюда переносимого ветром». Однако Ибн-Баттута находил пустыню «сверкающей, яркой» и закаляющей дух — пока в нескольких днях пути от Валаты путники не вступили в еще более жаркую местность. Здесь приходилось идти по ночам. Прибыв к

месту назначения, автор, потомок многих поколений ученых и мудрецов, счел землю черных разочарованием. А когда узнал, что местное представление о гостеприимстве — чашка скисшего молока с небольшим количеством меда, решил, что ничего хорошего ждать не приходится²¹.

Представление о пустыне создавалось под влиянием рассказов путешественников по Сахаре. Но Шелковый путь гораздо длиннее и проходит через много природных зон, которые по производимому впечатлению соперничают в рассказах путешественников. Пустынным районам свойственна успокоительная предсказуемость и поэтому рассказчики обычно говорят о других препятствиях, возникающих в связи с сезонными переходами. «Три с половиной года в пути дались тяжело, — пишет в начале своего рассказа Марко Поло, — из-за снега, дождей, разливов рек и яростных бурь в странах, через которые им пришлось проходить, и из-за того, что зимой ехать трудней, чем летом»²². Но это не совсем верно. Марко Поло говорит о многочисленных опасностях, но опасности пустыни у него всегда на переднем плане. Он никогда не жалуется на грабителей, на бюрократические задержки и вымогателей-чиновников, но пустыня Такламакан его очень тревожит.

На краю этой пустыни караван остановился неделю передохнуть и заготовить продуктов на месяц. Обычное правило для таких караванов: чем больше, тем безопаснее. В то же время караван не мог насчитывать более пятидесяти человек с животными — большому количеству не хватило бы воды в тех скромных источниках, которые встретятся в следующие тридцать дней: в редких оазисах у соленых болот или в ненадежных реках с блуждающим руслом, которые к тому же могли буквально вымерзнуть на пустынном холоде среди однообразных барханов²³. Но самая большая опасность — заблудиться, «когда пустынные демоны манят и уводят с дороги».

«Да, — пишет Марко, — даже днем люди слышат голоса духов, и часто вам чудятся звуки многих инструментов, особенно барабанов, и звон оружия. Поэтому путники всегда держатся поближе друг к другу. Прежде чем лечь спать, они ставят знак, указывающий направление, в котором нужно идти. А на

шеи всех своих животных вешают колокольчики, так что, слыша звон этих колокольчиков, не дают животным уйти и заблудиться»²⁴.

Упомянутые демоны вряд ли производят большой шум, чем «крик духа орла», описанного в китайских источниках; не могут они превзойти и драконов, которые не давали спать китайцам даже в начале двадцатого века, когда Оурел Стайн исследовал города пустыни и обнаружил рукописи, почти тысячу лет накапливавшиеся в Танхуане²⁵. В представлении художника XIV века демоны черные и безжалостные; танцуя, они размахивают оторванными лошадиными ногами²⁶. Монголы рекомендовали отгонять их, намазав шею лошади кровью. Песчаные бури — это проделки демонов, чтобы сбить путников с дороги: небо неожиданно темнело, в воздухе появлялись тучи пыли, ветер швырял булыжники и передвигал большие камни, которые могли упасть на людей и животных.

Путеводитель для следующих в Китай изобиловал советами. «Нельзя бриться, нужно непременно отрастить длинную бороду». В Тане, на берегу Азовского моря, нужно нанять хорошего проводника, сколько бы это ни стоило. «Если же купец хочет в Тане взять с собой женщину, он может это сделать». При выезде из Таны необходимо запастись мукой и соленой рыбой всего на двадцать пять дней: «прочее съестное, в особенности мясо, вы найдете в изобилии». Важно, чтобы тебя сопровождал близкий родственник; иначе в случае смерти купца в дороге, «безопасной днем и ночью», его имущество будет конфисковано²⁷. Дорога описывается подробно и измеряется днями пути между городами под защитой монгольской полиции. На каждой стоянке указывается курс обмена. Для каждого участка пути рекомендуются разные средства передвижения: телега, запряженная быками или лошадьми (в зависимости от того, как быстро вы хотите передвигаться и сколько готовы заплатить) — до Астрахани; верблюжий караван или караван вьючных мулов — до речной системы Китая. В дороге расплачиваются серебром, но по приезде в Китай серебро придется обменять на бумажные деньги²⁸.

Переезд обходился дешево, а вот экипажи — дорого. На оплату всей дороги предлагалось затратить одну восьмую

часть взятого с собой серебра. Впрочем, если включить все расходы и стоимость слуг, обратный путь обходился на одно вьючное животное во столько же, сколько путь вперед. Хотя путникам удобнее было ехать верхом на лошадях, коммерческий транспорт основывался на использовании верблюдов. Соблазненные составителями карт XIV века, купцы по пути в Китай нагружали верблюдов своего каравана тюками самой разной формы; каждый верблюд нес от четырехсот до пятисот фунтов, ему нужно было меньше корма, чем лошадям, и его копыта не тонули в песке²⁹.

Так как путь был очень долгим и трудным, купцам приходилось перевозить небольшое количество ценных товаров и держаться дорог между горами Тянь-Шаня и Куньлуня, где располагались поселения и оазисы, где можно было возобновить запасы пищи и встретить заросли дикого лука, «который лучше травы... и спасает от верблюжьей вони, которая чрезвычайно сильна»³⁰. Ключ к использованию дорог через пустыню — вода, которая стекает с окружающих гор и пробивается на поверхность из подземных источников. Единственное заметное исключение, единственный водный путь, который и в центре Гоби остается на поверхности, — это река Эдзин-Гол, берущая начало в горах Наньшань и оканчивающаяся в болотистых озерах. Здесь для охраны путников возносил семидесятифутовые каменные стены с семьюдесятью башнями город Кара-Хото — Эдзина Марко Поло; этот город почти несомненно обязан своим существованием торговле, поскольку он слишком велик, чтобы снабжаться лишь тем, что позволяет выращивать Эдзин-Гол³¹. Но он не единственный: на пустынных участках Шелкового пути много городов-путевых станций, с пещерами, приспособленными для удобства путников, и с монастырями эпохи Тан. Постепенно, между 1878 годом, когда доктор А. Рейгель наткнулся на то, что счел остатками римского города, и началом Первой мировой войны, все эти города были обнаружены, раскопаны и нанесены на карты³².

Наиболее известный их открыватель и исследователь — Оурел Стайн, Индиана Джонс эдвардианского периода. Он бродил по пустыням Центральной Азии, где стояли забытые крепости, а в черных степях между горами располагались пу-

тевые станции. В поисках сокровищ он дошел до Танхуаня. Здесь за тысячу лет до наших дней купцы укрывались от жары и холода в приспособленных для жилья пещерах. Ко времени появления Стайна купцы давно исчезли, но монахи остались; они присматривали за храмами среди голых скал и песков, где ветер гонял пыль. Когда Стайн подъезжал к этому месту,

стало видно множество темных углублений, преимущественно маленьких... они неправильными ярусами покрывали поверхность скалы от подножия до вершины... Тут и там на поверхности скалы видны были лестницы, соединяющие пещеры... я сразу заметил фрески, которыми покрыты стены пещер на всю глубину, сколько видно от входа. «Пещеры Тысячи Будд» были населены... изображениями самого Просветленного³³.

Внутри, в запечатанном помещении, находились сокровища, которые искал Стайн, — тысячи буддийских рукописей и торговых контрактов, которые монахи считали слишком священными, чтобы их читать.

После долгих стараний Стайн договорился с одним более уступчивым монахом. Происходило это в жаркий безоблачный день, когда стражники спали, «усыпленные добрым дымом опиума». Монах

набрался смелости, чтобы открыть передо мной грубую дверь... ведущую в углубление в каменной скале... При виде небольшого помещения у меня широко раскрылись глаза... В свете лампы, которую держал монах, стали видны груды набросанных без всякого порядка связок рукописей... В оставшемся свободном пространстве едва хватало места для двух человек³⁴.

На пещерных росписях Танхуаня изображены караваны в пути, поклонение купцов святыням и даже портреты оставшихся дома членов их семей. Истолковать рукописи оказалось труднее: Стайн был недостаточно хорошим сиоло-

гом, чтобы их прочесть. Однако постепенно они были расшифрованы, и стало ясно огромное значение этих пещер в мировой истории. Из рукописей видно, что Танхуань был большим перекрестком всего света, где встречались культуры Евразии, — местом, где, согласно одной из надписей на стене пещеры, «кочевники и люди Высокого Китая общались друг с другом», «горлом Азии», где дороги «к западному океану» встречаются, как артерии на шее³⁵. Пещеры в скале были местом отдыха путников, прошедших тысячи миль; они соединяли Китай, Индию, Центральную Азию и то, что мы сегодня называем Ближним Востоком; они сливались с другими системами коммуникации, которые достигали Японии и Европы, пересекали Индийский океан до юго-восточной Азии, доходили до Аравии и восточной Африки.

Дорога, ведущая сюда из Китая, — так называемая «Извилистая дорога» — самая негостеприимная из всех, потому что проходила вдали от источников воды с гор, по пустыне, где были только барханы и камни, где «не видно людей, — как говорили погонщики караванов, — и где горька вода для питья»³⁶. В середине XVII века, когда Китай начал завоевания на западе и по Гоби в глубины Синдзяна шли армии и караваны, был обнаружен более северный путь. Он начинался близ Пайлинь Мяо, где горы Ланшань отступают от изгиба Желтой реки и «сходятся все дороги Монголии»³⁷, и шел по предгорьям, где есть вода благодаря рекам, питающихся на восточном Алтае.

Путешествие проходило этапами, от яма до яма — то есть от одной военной путевой станции до другой; их разделяло около двух дней пути, там можно было сменить лошадей, а путники спали в козьих шкурах, вывернутых шерстью внутрь. Дорогу между станциями находили по верблюжьему навозу, который вдобавок служил топливом там, где не было зарослей тамариска. «Покажите мне верблюжий навоз, — говорил один из спутников Оуэна Лэттимора в его путешествии по Гоби в 1926 году, — и я дойду куда угодно»³⁸. К западу от Эдзин-Гол лежал участок в четыре дня пути — участок пустыни, покрытой черным гравием; его приходилось преодолевать форсированным маршем при ограниченных запасах воды. Здесь верблюды гибли во множестве, поранившись

о раскаленные камни; Лэттимор на всем пути видел много верблюжьих туш³⁹.

За исключением так называемого «Черного Гоби», в пути повсюду можно было возобновить запасы продовольствия, купив у пастухов-торгутов тощих овец: стоили такие овцы дорого, потому что их шерсть высоко ценилась. С 1690-х до 1770-х годов дорога через Гоби стала еще более трудной, потому что торгутов, которые весьма рационально охраняли и использовали ее, вынудили переселиться на далекие берега Волги. Однако китайцы быстро поняли, что Синьцзян можно успешно колонизировать и присоединить к своему государству, только если пустыня будет проходима. Поэтому они попросили торгутов вернуться на родину, предварительно в буквальном смысле уничтожив наследственных врагов этого племени⁴⁰.

После пустыни главным препятствием были горы: Тянь-Шань на юге и Алтай — севернее дороги к сердцу Монголии. Тянь-Шань, «Небесные горы», которые видны из пустыни Такламакан, одни из самых грозных на Земле: длиной 1800 миль, шириной 300 миль и высотой до 24 тысяч футов. Обрамленной ими среде добавляет своеобразие углубление среди гор — это Турфанская впадина глубиной в 500 футов ниже уровня моря. Оуэн Лэттимор в 1926 году попытался пройти Мертвой Монгольской тропой, но его остановили «дьявольские» ветры, «несущие снег, жесткий, как песок», в то время как тысяча верблюдов сжимает зубы от холода «с криком, пронзающим уши, как гвоздем»⁴¹. «До дней монголов, — объясняет в 1341 году пекинский епископ, — никто не верил, что земля за этими горами обитаема... но монголы, с Божьего соизволения, ценой огромных усилий, пересекли их... и я тоже»⁴².

Духи Обманчивых холмов: бушмены и цивилизация

В конечном счете, хотя цивилизации контактируют через пустыни и существуют пустыни, которые можно приспособить для цивилизованной жизни, тирания природы остается самой жестокой там, где меньше всего средств к

поддержанию жизни. Показательный случай (архетип, в терминологии некоторых ученых) жизни на грани возможного — бушмены пустыни Калахари: народ, который согласно распространенному представлению настолько далек от попыток изменить окружающую среду «под себя», что, напротив, сам претерпел любопытную адаптацию, не встречающуюся ни у кого, кроме соседей бушменов, коикоев. Запасы жира, накапливающиеся в ягодицах и на бедрах бушменских женщин, как будто предназначены природой для выживания в периоды голода и засухи⁴³.

Частично из-за этого свидетельства зависимости от природы и отчасти, возможно, потому что эти особенности анатомии вызывают в памяти фигурки с утолщенными частями тела, которые так ценили древние скульпторы и гончары во многих частях света, бушменов хочется классифицировать как «архетип примитивов»; часто говорят, что они представляют случай сохранения первобытного образа жизни, предположительно характерного в ушедшие времена всеобщей охоты и собирательства для предков всего человечества. Подобно другим предполагаемым архетипичным примитивным народам — жителям островов Фиджи или тасманийцам, которых художники в прошлом изображали как обезьян, — бушмены живут «на самом краю земли»⁴⁴; в одном из самых изолированных районов южного полушария. Американская экспедиция, отправившаяся в 1925 году на их поиски, открыто провозглашала, что ищет «недостающее звено» между человеком и обезьяной, и утверждала, что нашла его⁴⁵. В то же время пресловутая загадка Калахари стала еще притягательнее из-за распространившихся слухов о затерянных городах. Известный своими фантазиями исследователь, «великий» Дж. А. Фарини утверждал, что обнаружил обработанные камни, «принесенные в далеком прошлом сюда руками людей... для сооружения грандиозных общественных зданий»⁴⁶. В результате представления о необычности бушменов усилились: бушмены казались необъяснимо примитивными в среде, способной поддерживать цивилизацию.

Я называю их «бушменами», хотя это может показаться возвратом к устаревшему термину, поскольку модный современный термин «сэны» по меньшей мере столь же недо-

бен: он навязан извне, означает нечто вроде «грабитель» и несет пейоративные, уничижительные коннотации с питанием падалью, нищенством и побирательством⁴⁷. Бушмены в наше время являют собой поразительную перемену в статусе маргинальных «примитивов»: ранее все соседи поносили их, даже койкой плевались, упоминая их⁴⁸; на них охотились и их истребляли и банту, и буры. Неукротимость делала их непригодными для использования — только захваченных детей удавалось превратить в рабов, но при этом бытовали многочисленные рассказы о маленьких беглецах, которые неоднократно с риском для жизни стремились вернуться к своему племени. Именно эта особенность, заставлявшая презирать их как неисправимых дикарей, привлекала тех, кто романтизировал жизнь бушменов из-за благородства, которое она символизировала, — из-за их непокорности как сути свободы. Когда в начале 1950-х годов Лора Маршалл начала свои полевые антропологические исследования в стране бушменов, никто не верил, что ее команда искренне интересуется этими никчемными воришками; предполагалось, что на самом деле они ищут алмазы⁴⁹.

Успешным создателем пересмотренного образа бушменов стал Лорен ван дер Пост. Он чувствовал мистическое родство с ними, которое впервые ощутил в детстве благодаря своей няньке, принадлежавшей к смешанной расе. Его «поиск» места обитания бушменов в глубинах пустыни был отчасти коммерческим проектом: экспедицию сопровождала съемочная телевизионная группа Би-би-си, — но одновременно и исполнением обета, данного во время войны, на грани смерти в японском лагере для военнопленных. Ван дер Пост считал бушменов самыми первыми обитателями того, что он в своем обычном стремлении к драматизации именовал «землей своего рождения»; для него бушмены были в определенном смысле «стражниками», последние несколько столетий охраняющими свои земли от жестокостей и развращенности Южной Африки.

Бушмены сохраняли абсолютную естественную мораль, у них все было общим достоянием, они заботились о чужаках и убивали «невинно», только ради сохранения своей жизни. Когда наконец спустя месяцы поисков в пустыне ван дер

Пост обнаружил настоящего «дикого бушмена», он восхищался им с явным напряженным эротизмом. Бушмен был «удивительно красив. Даже его запах соответствовал суровости неприрученной земли и дикого животного существования. Этот запах был таким же древним и провоцирующим, как улыбка Моны Лизы»⁵⁰.

Автор воспринимает роль почетного бушмена с карикатурной серьезностью. Однажды он пережил разочарование, когда его надежды заснять ежегодные встречи бушменов у священных вод холмов Тсодило (или Обманчивых) не оправдались. Камеры отказали; ван дер Пост немедленно уверился, что духи холмов рассердились за то, что группа нарушила табу: по дороге его спутники застрелили бородавочника и поэтому «пришли в крови». Похоже, табу не было аутентичным — изобретение проводника, который знал, как воздействовать на чувствительного гостя, — поскольку повсюду виднелись следы бушменских пиров и остатки убитой ими дичи. Тем не менее ван дер Пост привел в замешательство спутников, настояв на том, чтобы они написали духам письмо с извинением и закопали его в бутылке под скалой со священным изображением антилопы канну, «которое служило явным доказательством способности творить за пределами плоти и крови собственного существа»⁵¹.

Современное окружение бушменов почти не делает уступок потребностям цивилизации. Их любимый район Калахари вполне оправдывает свое старое название «Жаждающий вельд»⁵². Большая его часть покрыта слоем песка толщиной от десяти до двенадцати футов. На пространстве центральной Калахари площадью свыше четырех тысяч квадратных миль есть только девять постоянных и четыре полупостоянных источника воды. На высоте в 3600 футов над уровнем моря проявляются все неприятные особенности пустыни. Летом обычная температура — от 95 до 115 градусов по Фаренгейту; по ночам она падает почти до нуля. Холмы на северной окраине пустыни, в местности, известной как Доуб-да (двойная вода) — по двум постоянным водным источникам, дают начало трем подземным рекам. Бушмены способны добывать воду из-под земли, высасывая ее через тростинки, или собирать в недолговечные сосуды — углубления среди

корней деревьев⁵³. В центральной пустыне, где вообще нет постоянных источников воды, а углубления бывают влажными лишь 60 дней в году, обитатели рассчитывают на арбузы, полные воды, на клубни, на определенный сорт алоэ и на жидкость, которую можно обнаружить в желудках редко встречающейся дичи⁵⁴. И всюду люди следят, не упало ли что из облаков. «Упало ли?» — спрашивают они, «...и мы думаем о богатых ягодных зарослях, которые тянутся, сколько хватает глаз, и об орехах монгонго, устилающих землю»⁵⁵.

Свыше половины рациона бушменов составляют дикие съедобные растения обширных зарослей скрэба. Ценное дополнение дает мед, собираемый так, как научился ван дер Пост еще в детстве: пчел усыпляют наркотическим дымом. Остальное дает дичь. Поэтому главные знания бушменов относятся к ботанике, а их химия и технология посвящены подготовке оборудования для охоты. Ван дер Пост благодаря ружью, прихваченному по совету жены, пользовался среди бушменов репутацией великого охотника и мог наблюдать за этой областью их жизни. Он видел, как они плетут из дикого сизаля тетивы и ловушки⁵⁶, как бушмены берут из растений и желез ящериц яды для острия стрел: особый для каждого вида в соответствии с его размерами и выносливостью⁵⁷. Он видел их стрелы, состоящие из трех частей, так что, если стрела попадала в цель, головка оставалась в теле животного и охотники, даже не видя кровавых следов, знали, что цель поражена. Он изучал их методы выслеживания добычи, столь тонченные, что бушмены способны определить след конкретного животного и пройти по нему среди отпечатков целого стада. Он вместе с ними шел по следу раненых животных, пока яд не начинал действовать и охотники не приканчивали добычу копьями. В одном случае он шел за охотниками, которые без остановок пробежали двенадцать миль, преследуя свою любимую добычу — большую антилопу канна; убив ее, они устроили пир с импровизированными песнями⁵⁸. Но такие пиры редкость. Обычное меню состоит из дикобразов и долгоногов, и целый ряд табу как будто разработан для того, чтобы дети и старики получали свою порцию мяса⁵⁹.

Романтический образ бушменов, живущих в гармонии с природой, не следует принимать за абсолютную истину.

В борьбе за скромные ресурсы выживания в экосистеме, часть которой он составляет, бушмен соперничает с другими видами. Подобно всем остальным, он ищет в природе то, чем сможет воспользоваться. Но в пустыне, где окружение дает так мало средств к жизни и в их поисках приходится постоянно бродить, лучшая стратегия — сотрудничество. Бушмен сливается с бушем, прячется от животных, на которых охотится и которые могут охотиться на него. Его временные жилища напоминают скрэб в пустыне. Иногда он строит их из камней, когда этот материал есть под рукой: неглубокие убежища, куда он заползает и спит в относительной безопасности. Но только в этом случае он приближается к переделке окружения или возведению формальных сооружений. Его музыка, песни и танцы, едва окончившись, уносятся ветром. Его священные ритуалы — паломничество к постоянным источникам воды, оставление мертвых, чтобы их пожирал бог-стервятник, — не оставляют никаких следов.

Это самое большое приближение к жизни вообще без цивилизации. Но и здесь есть наука, и мораль, и любовь, и скромная роскошь. И по многим критическим показателям успеха такой образ жизни лучше цивилизации. Города и дороги Хохокама и каньона Чако лежат в развалинах, сейчас это бугры и рытвины. Пыль покрывает Хара-Хото под низким небом и облаками пыли. Моче и Чиму исчезли, и теперь приходится восстанавливать их облик по мрачным карикатурам, которые они любили изображать в своих орнаментах и на глиняной посуде. Цивилизации, воздвигнутые в пустынях, были величественным предприятием, но до сего дня, когда Лас-Вегас и другие подобные города могут жить благодаря огромным поставкам ресурсов извне, такие цивилизации неизменно исчезали. А бушмены, вопреки соблазнам цивилизации, наступлению соперников, массовым убийствам и постоянной враждебности окружения, никуда не делись.

Часть вторая
ЛИСТЬЯ ТРАВЫ

Невозделываемые степи

— Как же ты пустилась в края, куда дорога только сильному? — спросил он. — Разве ты не знала, что, перейдя Большую реку, ты на том берегу оставишь друга, чей долг всегда оберегать таких, как ты, — юных и слабых.

— О ком вы это?

— О законе...

Джеймс Фенимор Купер. Прерия⁹

Дни человека, как трава; как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его.

Псалом 102

3. Порывы ветра

Прерии и травянистые саванны

Великие равнины. — Африканская саванна. — Сахель.

Наваб Сирвар Хан считал, что занятия сельским хозяйством нужнее торговли; рассказывают, как он доказывал свою точку зрения; это случай можно привести. Беседуя с Лохани на эту тему, он приказал принести колос ржи, растер его руками, а потом сосчитал зерна. Он сказал, что Лохани ездит в Дели или Джайпур в страшную жару и испытывая множество лишений, и если, вернувшись, зарабатывает две рупии на одной, то делает еще один заворот на своем тюрбане, подбоченится и объявляет: я — большой человек. «А я, — сказал Сирвар, — спокойно остаюсь дома с семьей; на одно зерно, которое я кладу в землю, я получаю сорок зерен; на одну рупию получаю сорок рупий. Так чье занятие лучше: твое или мое?»

Ч. Массон. Рассказы о путешествиях в Белуджистан, Афганистан и Пенджаб¹⁰

Неподатливые степи

Степям следовало бы быть гостеприимными к цивилизации. Отбирая растения, богатые маслом, крахмалом и протеином, ранние оседлые общества могли создавать запасы пищи, превосходящие почти все, что способна предоставить питательного дикая местность. Среди самых впечатляющих итогов упомянутого отбора — рожь, просо, кукуруза (см. ниже, с. 189, 234, 313, 344) и пшеница; наиболее успешные виды по современным меркам прогресса.

Пшеница не так приспособляема, как человек, который лучше всех прочих видов способен выживать в любой среде с помощью удивительного дара — разрабатываемых им технологий; но история распространения пшеницы по свету более драматична: пшеница вторглась в большее число сред, умножалась и эволюционировала быстрее, чем любой известный организм, без всяких исключений. Сегодня пшеница занимает более шестисот миллионов акров поверхности планеты. Мы считаем ее символом цивилизационной традиции, потому что она воплощает триумф подчинения природы нашим потребностям; — эту траву мы превратили в пищу; этот никому не нужный продукт диких степей наука преобразовала, чтобы поддерживать цивилизацию; вот доказательство непреодолимой настойчивости, с которой человек доминирует в любой экосистеме, куда сам входит как одно из звеньев.

Ни один рельеф «Торжество цивилизации», какие часто украшают фронтоны наших академий и музеев, не будет считаться завершенным без изображения колосьев. Однако я могу представить себе мир, в котором такой взгляд покажется смехотворным. Несколько лет назад я выдумал созданий, которых назвал хранителями Галактического музея; приглашаю читателей взглянуть на наш мир их глазами — из далекого будущего с огромного расстояния в пространстве и времени и с той объективностью, которая для нас недостижима, поскольку мы включены в историю; они увидят наше прошлое совсем не так, как его видим мы. Возможно, они

отнесут нас к числу паразитов, жертв самообмана, которых пшеница использовала, чтобы распространиться по планете. Или, возможно, усмотрят почти симбиотические отношения со съедобной травой; мы взаимные паразиты, зависим друг от друга и вместе колонизируем мир.

Пшеница важна для настоящего и для будущего; однако в другом отношении она для нашего прошлого нехарактерна. Несмотря на растущее значение нескольких злаков, из которых пшеница — самый главный, большинство разновидностей, с которыми мы соседствовали на протяжении всей истории, были непригодны для возделывания и имели значение лишь как украшение. Если вы пролетите над Абу-Даби или Бахрейном и увидите раскинувшиеся в песках роскошные лужайки, или изумленно заметите с воздуха частное поле лапландского миллионера для игры в гольф, словно космический ювелир укрепил среди голого камня огромный самоцвет, вы, пожалуй, решите, что несъедобную траву тоже можно высаживать, бросая вызов природе. Но, подобно полям пшеницы и кукурузы, это поздние творения, воплощающие прихоть. В целом степная растительность обычно несъедобна для человека, зато пригодна для других животных, жвачных или обладающих лучшим пищеварением. Поэтому степи были домом для скотоводов и охотников, но и им никогда не позволяли надолго осесть на одном месте. «Трава вянет» — такие образцы непостоянства вполне оправданы в мире широчайших степей и прерий, где дождливые периоды коротки и переход от зелени к пыли происходит очень быстро. Большую часть года стада вынуждены кочевать.

Великие травянистые степи находятся там, куда не добрались ледники (почвы здесь слишком сухие и неплодородные для лесов), а также в субтропической нише между экваториальными лесами и пустынями. Эти огромные пространства, все расположенные в северном полушарии, типичны для данной категории. Евразийские степи изогнуты, точно лук, на пространстве от Манчжурии до западного берега Черного моря, севернее гор и пустынь Центральной Азии. Великая североамериканская равнина раскинулась от Скалистых гор до долины Миссисипи и до Великих озер, полого опускаясь к северу и востоку. Североафриканская саванна и

Сахель полосой пролегли через весь континент между Сахарой и поясом дождей.

Почти на всем протяжении истории евразийская и американская среды имели много общего: обе были более единообразны и заросли более цепкой травой, чем их африканская параллель, с редкими вкраплениями лесистой местности, если не считать языка «лесостепи» в Центральной Азии. Здесь практически не было съедобных растений, да и вообще росли немногие виды, преимущественно разновидности колючих трав. В Африке, наоборот, мы видим, как подлинные травянистые равнины Сахеля переходят на юге в саванны; здесь заметно гораздо большее разнообразие: перемежающиеся вкрапления деревьев, более влажный климат, много хорошей, пригодной для возделывания почвы и гигантская кладовая дичи. Даже в районах, больше всего напоминающих степи, местные травы разнообразнее и сочнее азиатских или американских. Заливные равнины Нигера и Сенегала дают поля, которые особенно пригодны для выращивания проса. Поэтому в такой среде у жителей Африки было историческое преимущество. Если судить по обычным меркам — размаху сельскохозяйственной обработки земли, оседлости, появлению производства, возникновению городской жизни, монументальной архитектуре и письменной культуре, — цивилизации в этом поросшем травой районе Африки изменили природу более заметно, чем цивилизации других континентов.

В прошлом жители Великих равнин Северной Америки не делали ни малейших попыток энергично взяться за свое природное окружение. Даже в 1827 году, к которому относится описанное Джемсом Фенимором Купером в «Прериях» вторжение скваттеров, постепенно приведшее к тому, что равнины превратились в местность, полную богатых крестьянских хозяйств и больших городов, эта земля казалась лишенной будущего, «огромной страной, не способной прокормить значительное население»¹. Здесь не хватало экологического разнообразия, которое так способствовало расцвету цивилизаций Сахеля; эта равнина могла служить и служила, подобно европейской степи, дорогой, связывающей соседствовавшие с ней цивилизации; но даже в эпоху их высшего

расцвета и великолепия города на юго-западе между Рио-Гранде и Колорадо (см. выше, с. 85–92), а также курганы в долине Миссисипи на востоке (см. ниже, с. 188–194) были сравнительно малозначительными явлениями и никогда не приводили к таким обильным и плодотворным межкультурным и междисциплинарным обменам, как между цивилизациями Старого Света, что и сделало степи жизненно важным звеном.

Сегодня Великие равнины — это «житница мира»; здесь мы находим самое продуктивное в истории человечества сельское хозяйство, а также, при сравнительно недавней истории, достигшее удивительных успехов на нагорьях к западу и к югу от этого района скотоводство на ранчо. Кажется невероятным, что земля, столь основательно и тщательно преобразованная для нужд человека, так долго оставалась дикой; существовали лишь редкие бедные фермы, а немногочисленное население занималось в основном охотой на американских бизонов. Но затем пришельцы из Старого Света совершили чудо — привезли лошадей и коров, одомашненных животных, неизвестных в Новом Свете со времен плейстоцена. Потом пришел человек, рыхливший почву мощными стальными плугами. В ход пошли сорта пшеницы, выведенные научной агрономией, способные процветать в неустойчивом климате и на почве, не обработанной ледниками. Другие принесли промышленную инфраструктуру. Они построили железные дороги, чтобы перевозить зерно на расстояния, ранее казавшиеся экономически невыгодными. Они собирали дома из заготовленных промышленным способом бревен и сколачивали их дешевыми гвоздями. Строители и горожане создавали все больший спрос на производимое на ранчо мясо. А магазинные ружья уничтожили жизненно важные звенья предыдущей экологической системы: стада бизонов и людей, на них охотившихся².

Первые европейцы ожидали найти здесь цивилизации, но лишь потому, что не знали, как на самом деле выглядят эти равнины. В 1539 году чернокожий слуга миссионера, отправленный хозяином вперед на поиски неизвестных народов севернее Мексики, перед смертью, в жару и бреду, рассказал нечто, внушившее надежды тем, кто его слышал: впе-

реди — Сибола, один из семи больших городов в центре Северной Америки. Он больше Теночтитлана. Его храмы, по слухам, усажены изумрудами³. Воздействие подобных слухов можно видеть на карте, сделанной в Каталонии Хуаном Мартинесом: позолоченный компас указывает прямо от Чиуауа и Синалоа на многоцветный район никогда не существовавших городов со множеством куполов и башен⁴.

Франсиско Васкес де Коронадо повел на поиски этих городов отряд из двухсот отборных всадников, за которыми двигался обоз с тысячью рабов и слуг, гнавших мулов и скот — запас пищи. Утверждали, что Сибола лежит «за горами», поэтому, оставив в апреле 1540 года известную территорию, отряд дальше отыскивал дорогу очень просто — поднимался к водоразделу Моголлон Рим, а потом спускался по течению. Оставив обоз далеко позади, Коронадо на высокогорье столкнулся с жестоким голодом; кое-кто из солдат умер, поев ядовитой травы. Через два месяца отряд вышел на наезженные дороги и увидел первый город — город пуэбло Хавихух. Испанцы нашли оседлую культуру, но это не было Эльдорадо, которое они искали.

Поиски Сиболы привели к открытию скромных поселений «хороших людей», как считали испанцы, «скорее пахарей, чем воинов»⁵, у которых не оказалось никаких изумрудов, только небольшое количество бирюзы. Однако здесь Коронадо впервые услышал о том, что назвал «страной коров», — о равнинах американских бизонов⁶. Самого бизона он впервые увидел вытатуированным или нарисованным на теле одного из членов посольства, которое привезло из города пуэбло Тзиките на границе травянистых равнин щиты, обтянутые бизоньими шкурами, одежду и головные уборы. Отправившись вместе с посольством, возвращавшимся домой, Коронадо нашел обаятельного проводника, пользовавшегося сомнительной репутацией человека, который «говорит с дьяволом в кувшине воды»⁷. Проводник немного владел языком науати — а может, был из племени, которое позже называли команчами и чей язык имеет общее происхождение с языком ацтеков. Привлеченный рассказами о государстве, в котором есть сорокавесельные каноэ с носами из золота⁸, Коронадо решил воспользоваться советом этого про-

водника — несомненно, вдобавок искаженным ошибками перевода, — и повернуть на север, где должна находиться богатая городская культура, называемая Квивира. Он ехал по «равнине столь обширной, что я не смог достичь ее конца, хотя проехал свыше трехсот лиг»⁹; и там не было места, где не паслись бы бизоны.

Рассказы испанцев о народах этой равнины не только отражают реалии жизни, зависящей исключительно от бизонов, но и предрассудки наблюдателей, которым нецивилизованная жизнь кажется привлекательной и отталкивающей, благородной и отвратительной. Туземцы не едят ничего, кроме мяса бизонов; они одеваются в шкуры бизонов, перевязывая их ремнями из бизоньей шкуры; спят в вигвамах из шкур бизонов и носят мокасины из бизоньей шкуры. На испанцев произвело впечатление бесстрашие, с каким местные жители встречали чужаков, их природное радушие, но застольные манеры этих людей, по мнению тех же испанцев, свидетельствуют о варварстве. Зажав кус мяса зубами, придерживая его рукой, они

большим кремневым ножом отрезают мясо и глотают его полупрожеванным, наподобие птиц. Они едят сырой жир, не грея его, опустошают кишки, наполняют их кровью... и пьют ее, когда испытывают жажду. Распоров брюхо корове, они выбрасывают пережеванную траву, а оставшуюся жидкость выпивают, утверждая, что в ней содержится сущность живота¹⁰.

Такие обычаи легко принять за неразумные — за признак звериной природы, которая по законам того времени оправдывала завоевание и порабощение дикарей более развитыми людьми, — но это типичный способ приноровиться к ограниченной диете и сухой местности (см. выше, с. 99, 110).

После пяти недель бесплодных поисков в земле, «плоской, как море», Коронадо решил, что проводники его обманывают; но индейцы, которых он встречал, на вопрос о Квивире указывали на север. И он принял смелое решение в лучших традициях конквистадоров — отправив большую

часть отряда и весь обоз домой, он всего с тридцатью всадниками по компасу направился на север. Испанцы питались бизонами и подражали Тесею в лабиринте, нагромождая горы бизоньего навоза как ориентиры на время возвращения.

Коронадо наконец обнаружил Квивиру там, где сейчас Коровий ручей, в округе Райс штата Канзас, на краю зоны относительно высокой травы, которая растет гуще по мере опускания равнины. Хваленые «города» оказались селениями из торфяных хижин, в которых жили кирикири «с глазами енотов» и с татуированными лицами; они с огромным трудом возделывали участки земли в прериях; их деревни располагались вдоль реки Арканзас, постепенно уходя на запад. Ни земледельцы, ни охотники в общем не преуспели в преобразовании природы с той технологией и ресурсами, что были в их распоряжении. Однако Коронадо преобразил их мир: он привел в него лошадей. Верховом он сумел за две недели убить копьем пятьсот бизонов. Хотя пешие туземцы могли убить много дичи, используя ловушки, охотничьи способности всадника — явление совсем другого порядка. Это было откровение будущего — будущего еще столь далекого, что прошло сто лет, прежде чем лошадь стала обязательным спутником человека на этих равнинах; тем не менее это было преобразованное будущее.

Охота верховом сделала равнины желанным местом для жизни. Если раньше, чем белые люди стали серьезно соперничать за господство в этой местности, она стала ареной борьбы неуклонно растущего количества народов-иммигрантов, хлынувших с востока, от Миссури, под давлением белых строителей империй. У этих народов аграрные традиции сочетались с кочевым скотоводством. Все они стремились пасти табуны и охотиться на бизонов, а это вело их в районы, где есть и пастбища, и пахотные земли. Равнина начала напоминать «котел народов», как в евразийских степях. К концу XVIII века грозили стать монголами этой равнины индейцы племени сиу. Это были кочевники, возможные строители империи или по крайней мере склонные к господству; они стали ужасом оседлого мира во все еще нетронутых районах верховья Миссури¹¹.

Даже перейдя к кочевому образу жизни благодаря лошадям и сделав охоту на бизонов экономичным занятием, сиу сохранили интерес к своей традиционной лесной экологии; завоевав равнины, они дошли до новых лесов на западе, где по-прежнему особо престижной считалась охота на оленей. Их «кладовой мяса» стали Черные холмы, которые они отвоевали у киова, чайенов и кроу. Завоевание арикари и омахи было облегчено способом, типичным для белого империализма применительно к не имеющим иммунитета народам, — распространением оспы¹². Сиу придерживались типичных ценностей имперского общества: воинскую доблесть они ценили превыше других качеств и статус связывали с количеством и распределением военной добычи. Не белый человек привел империализм на эти равнины: он явился как соперник начинавшей формироваться империи сиу. Тем временем добыча огромного количества бизонов привела к появлению излишков для торговли, что в свою очередь ввело в рацион охотников зерно, в обряды — виски, а в арсенал — ружья. По мере роста количества лошадей равнины становились источником продовольствия для растущих по их краям поселков. Распространению смертельно опасных болезней европейского происхождения, вероятно, способствовала торговля. Железный конь сменил своих предшественников в традиции, уже установленной лошадьми из плоти и крови. Вторжение железных дорог и индустриальной Америки стало лишь завершающим, хотя и наиболее разрушительным эпизодом в целом ряду преобразований.

Согласно традиционным изложениям истории травянистых степей такие трансформации следуют обычному шаблону и направлены на благо. Начинаются они с цивилизующих усилий соседних аграрных культур. Хотя равнины могут быть непригодными к сельскохозяйственному использованию без мощной промышленной технологии, это не лишает их жителей возможности учиться у оседлых соседей. Или они могут измениться, даже не имея такого намерения, ввиду предположительно неизбежного влияния экономически предрасположенных процессов. В этом смысле богатства, обретенные в качестве трофеев, подкупных даров и в результате торговли, превращают общество кочевых племен во взаимо-

связанную структуру. Вместо права старшинства и обязательств братского долга появляется военный вождь, отряды вооруженных пастухов сменяются военными формированиями, узы крови замещаются экономическими связями, вместо кланов появляются классы. Государственная власть — или, как минимум, личная власть всеобщего лидера, — становится тем, что «раздает серьги», перераспределяет ресурсы; постепенно вырастает мощная централизованная система делегации полномочий, размеры и сила которой определяются успешностью лидера в собирании богатств¹³. Вот так травянистые степи ненадолго подпадают под показной империализм, принуждающий к захватническим войнам с ближайшими соседями, от благосостояния которых он полностью зависит.

Империализм сиу имеет длинный список предшественников, более или менее соответствующих модели социологии травянистых равнин, изначально предложенной марксистским ученым, изучавшим гуннов. Пониманию Великих североамериканских равнин очень помогает сравнение с другими случаями возникновения империализма на равнинах Азии и Африки; но ближе всего аналогии с историей территории, где природные условия наиболее сходны, — с аргентинской пампой, которая в тот же период испытала аналогичное воздействие фермеров и горожан с окраин, а также новых экономических возможностей, обеспеченных лошадьми, крупным рогатым скотом и овцами. Здесь мир белых был не единственным источником богатства и культурного влияния: в начале современного периода новые виды экономической деятельности в пампасах включали скотоводство и добычу полезных ископаемых, что позволило обитателям пампасов открыть новые торговые маршруты с Чили и усвоить уроки руководства большими территориями у арауканов — оставивших сильное впечатление воинов с юга американского юго-запада, которые успешно сохраняли независимость за пределами Испанской империи. К середине XVIII века вожди с рек Рио-Негро и Колорадо — например Какаполь, «Аттила пампасов», и его сын Кангаполь, «Эль Браво», Храбрец, — сумели превратить свой пост временного военного вождя в наследственное правление. Они организовали выгодную тор-

говлю шкурами гуанако, содержали огромные гаремы, дабы подчеркнуть свой статус, производили на приезжавших к ним иезуитов такое впечатление, что те называли их «монархами над всеми остальными», выставляли тысячи воинов и грозили Буэнос-Айресу¹⁴. В 1789 году Алессандро Маласпина, самопровозглашенный апостол Испанского Просвещения, сумел проехать через пампасы и клеймить культуру скотоводов; он полагал, что «обычай купаться в крови забитого скота заставляет людей забыть все принципы религии и общества»¹⁵.

Подобные примеры наводят на размышления, но их можно понять только с учетом двух обстоятельств: во-первых, истории районов наиболее плодovитого империализма травянистых равнин, евразийской степи, туземные цивилизации которой были скромны и вызывали у соседей презрение или страх, но при этом служили проводниками культурных влияний, жизненно важных для истории цивилизации; и во-вторых, с учетом истории африканского Сахеля, где честолюбие людей, стремившихся переделать природу, заставило вырасти в траве города. Первое — дорога цивилизаций, второе — их колыбель. Для первого знакомства наиболее подходит колыбель.

Зодчие саванны

Батаммалиба современного Того и Бенина называют себя словом, которое означает «истинные зодчие земли»¹⁶. Возможно, «зодчие» — слишком тенденциозный перевод частицы «ма», которую лучше перевести как «строители», потому что все дома батаммалибов строятся по одной модели, из которой не делается никаких исключений. Дом обязательно круглый с круговой террасой на сваях; центральный вход в эллиптической башне, окруженной зерновыми башнями, коническими, остроконечными, крытыми тростником. Строительный материал — кирпич-сырец, солома, грубо обработанные бревна. Метод строительства стереотипный. Однако, как эти люди гордятся своими сооружениями, производит сильное впечатление. И результаты строительства, кстати,

прекрасны: над внешней стеной возвышается с неизменной аккуратностью и элегантностью множество башен; крытые конусы зачаровывают. Каждый дом — отдельный микрокосм. План поверхности пола, его ориентация и расположение относительно плана всей деревни образуют диаграмму прохождения солнца, причем входная дверь обязательно смотрит на закат. Хранилища зерна устремляются вверх, словно в мольбе, обращенной к небу, или в подражание живым деревьям; поверх кирпича-сырца каждая башня раскрашена под цвет крыши. В воображении батаммалибов небо — это дерево, а звезды — его плоды. Каждое здание — повторение того, что сделал создатель Куйе, когда творил мир: возведение деревянных свай, заполнение промежутков землей, обозначение углем границ и религиозная церемония освящения с приношением в жертву цыпленка и коровы¹⁷.

Несмотря на то, что можно назвать нерушимой этикой сооружения домов, батаммалибов не интересуется строительством городов или создание государств. Деревни у них маленькие, и каждый дом стоит отдельно, далеко от остальных. Для их культуры характерно отсутствие стадного инстинкта, она вообще почти антисоциальна. Каждый дом — автаркия, с собственными помещениями для животных, со всем необходимым для запаса пищи и ее хранения. Существуют дома для общественных обрядов, но они редки: это общество не стремится к солидарности и единству. Этот народ обитает в далекой саванне в частности потому, что многие поколения упорно уклонялись, насколько возможно, от создания государства и старались держаться подальше от правительственного вмешательства. Все это означает предпочтение жизни цивилизованной, но обособленной и довольствующейся тесным пространством. Батаммалибы живут, сознательно, планомерно и регулируемо преобразуя Землю Куйе. Вокруг их деревень борозды, оставленные плугами, повторяют горизонтальный аккуратный декор фасадов.

По меркам саванн места их жительства очень пригодны для строительства. Местность расположена высоко (хотя здесь все равно жарко, температура колеблется от 65 до 115 градусов по Фаренгейту) и вся изрезана ручьями, стекающими с гор Атакора. Летом идут обильные дожди, так что тра-

вянистую степь и скраб оживляют лесистые участки. Этот район давно производит излишек зерна, который шел в обмен на изделия из железа, посуду, ткани и раковины каури.

В столь же благодатном районе, на несколько минут широты южнее, ньюпы Нигерии традиционно вели — а в некоторых отношениях по-прежнему ведут — удивительно контрастный образ жизни. Они не строили так хорошо, как батаммалибы, хотя их дома богато украшены снаружи, но любили городскую жизнь и тесноту, жили в городских конгломератах с тысячами обитателей, поддерживали тесные торговые связи с другими народами и создали «Черную Византию» со сложной политической структурой и большими армиями всадников. Во времена завоевания фулани, в начале XIX века, их король, как утверждалось, держал в дворцовых конюшнях 5555 лошадей¹⁸. Такие различия трудно объяснить окружающей средой или какими-то обстоятельствами, связанными с упадком: они отражают предпочтения каждого народа, которые выступают все ярче по мере роста культуры.

Сельскохозяйственные государства и общины на западе африканской саванны процветали в гораздо большей степени, чем в евразийской степи. На первый взгляд, это кажется удивительным. Саванна гораздо меньше степи. Расположенная южнее, она зажата между очень сухой и безводной пустыней и дождевыми лесами, которые не поддаются цивилизации, в то время как степи связывали цивилизации, расположенные на одной широте, и могли благотворно влиять друг на друга. Джаред Даймонд в своем справедливо прославленном эссе об истории континентов указывает, что коммуникации на сопоставимых широтах быстро разносят влияния, потому что при таких горизонтальных перемещениях жизнь приспособляется быстрее, чем при переходах через большие климатические зоны мира¹⁹. Он утверждает, что отчасти именно этим объясняется появление в Евразии наиболее значительных культур, поддающихся количественному определению в таких отношениях, как военная эффективность, техническая смелость, материальное процветание и сопротивление убийственным эпидемиям в пору мировых контактов. Африка, Америка и Австралия оказались в менее выгодном положении, потому что их области обмена мень-

ше, а при межкультурной коммуникации приходилось преодолевать широкие климатические пояса.

Однако в меньшем масштабе Сахель все же воспроизводит существенные особенности степи: это тоже была — во всяком случае потенциально — дорога через весь континент; здесь тоже возникали соперничающие империи с большими кавалерийскими армиями — большие, но уязвимые и недолговечные. Здесь никогда не было такого широкого господства империй, как в степях, где некоторые государства занимали территорию всей степи и соединяли окраины Евразии; если бы и здесь возникли такие государства, наша история могла бы быть совершенно другой! Цивилизации излучины Нигера в древности могли соединиться с христианской Нубией или Эфиопией, сделав «горизонтальный» обмен культур через всю Африку столь же обогащающим, как распространявшиеся с севера на юг ислам и транссахарская торговля. Культурное перекрестное оплодотворение стремится поддерживать культурные новации; оно определенно имело такие последствия в Евразии, и если бы Сахель стал коммуникационным коридором Африки с востока на запад, Африка не уступила бы Европе в техническом развитии; это отставание в более поздний период погубило сопротивление западному империализму.

Если сахелианский имперский эксперимент не распространился на весь коридор, это отчасти объясняется установившимся в районе равновесием — долговечностью знаменитого королевства вокруг озера Чад, «оседлавшего» Сахель и преградившего дорогу целому ряду империй, которые возникали дальше на западе. В сравнении с евразийскими степями Сахель представляет собой узкую полосу, и такую преграду, как королевство Борну, трудно было обойти: евразийские завоеватели могли свободно направлять своих коней в любую сторону от дома, в то время как завоеватели из Сахеля не могли преодолеть пустыню или зараженные малярией южные окраины саванны.

Первые арабские рассказы о берегах озера Чад, относящиеся к IX веку, полны презрения к «тростниковым хижинам», отсутствию городов и убогой одежде жителей, которые ходили преимущественно в набедренных повязках²⁰. Однако

постепенно распространение ислама завоевало уважение арабов, привлекло иммигрантов из северного Магриба и побудило королей даровать земли мусульманским ученым и святым людям. Незадолго до 1400 года, возможно, из-за наступления Сахары или угрозы со стороны кочевников пустыни, центр жизни растущего королевства, которое позже станет известно как Борну, переместился с северного на западный берег озера. У него был преимущественный доступ к мавританской науке, бюрократии и технологии; в XVI веке здесь впервые в Сахеле появилось огнестрельное оружие, пришедшее из Турции и Испании. В худшем случае королевство могло рассчитывать на образованные озером труднопроходимые болота. Административную эффективность этого государства можно оценить по традиционной песне сборщиков налогов Борну:

Бедные как трава,
Они корм для лошадей;
Работай, бедняк, чтобы мы могли есть²¹.

Относительно спокойная смена правителей привела к появлению таких личностей, как умерший в 1497 году Али Хадж, который провозгласил себя калифом, или Алома, который правил примерно с 1569 по 1600 год; «он провел триста тридцать войн и тысячу набегов», выбирая для своих вылазок сезон уборки урожая, чтобы уничтожить его плоды. По обе стороны возникали и исчезали государства, но ни одно из них не могло превзойти Борну — до появления на берегах озера Чад французов.

Однако если судить по обычным стандартам, самые древние и поразительные достижения Сахеля расположены еще западнее, где Нигер несет свои воды, а с ними торговые суда в богатые районы. Мечеть Джанны, вероятно, самое недооцененное здание мира: огромное сооружение из гладкого кирпича-сырца, похожее на конфету, — как будто великан отлил карамельку, украшенную огромным количеством башенок и шпилей. Современное здание построено только в 1907 году, но в соответствии с очень древней традицией — это попытка воссоздать роскошную внешность оригинала

тринадцатого века, уничтоженного в 1830 году исламскими пуристами за его соблазнительную красоту²². В Джанне и его ближайшем предшественнике, а также в районе, где они располагались, с третьего столетия н. э. существовали городская жизнь, торговля и промышленность. Поселок фермеров и ремесленников существовал в месте, которое сегодня называется Дженне-Джено; здесь разливы делают почву плодородной. Просо и — с первого века н. э. — туземный рис могли прокормить такое плотное население, что королевские указы «выкрикивались с башен укреплений и передавались глашатаями от одной деревни к другой»²³.

Еще более увеличивало местные запасы металлов и пищи то, что средний Нигер был естественной зоной торговли, куда стекались и где перераспределялись соль с севера, местная медь, рабы с юга, но главное — золото из богатых шахт Сенегамбии и Средней Вольты. Из государств, которые разбогатели на торговле, сделавшей их сильными, динамичными и агрессивными, первое известное — Гана, располагавшаяся далеко от территории своей современной тезки, в местности Сонинке к западу от среднего Нигера; оно существовало с IX века. Его столицей был Кумби-Салех; путники рассказывали о его домах из камня и древесины акации, а в королевском дворе находилось много конусообразных сооружений. Говорили, что короля выбирает священная змея с особо чувствительным носом: она вынюхивает у претендентов королевские качества.

Вокруг королевского города расположены крытые куполами дома и священные рощи, где живут колдуны, верховные жрецы их религии. Здесь также находятся идолы и могилы их королей. Рощи охраняются, и никто не может войти в них и узнать, что там. Здесь же королевская тюрьма; если кто-нибудь в нее попадает, о нем больше ничего уже не узнать... Их религия — язычество и обожествление идолов. Когда король умирает, над его могилой строят огромный деревянный купол... Приводят людей, которые подавали королю пищу и питье. Потом закрывают дверь купола и заваливают ее ковриками и

разными тканями. Собираются люди и покрывают купол земель, пока он не превращается в большой курган... Они приносят жертвы своим мертвецам и в качестве приношений подносят опьяняющие напитки²⁴.

В 1076 году Кумби-Салех сровняли с землей и перебили всех его жителей фанатики — конница на верблюдах, альморавиды, которые сами называли себя словом, означающим одновременно отшельника и солдата; это были искатели аскетического ухода от мира и суровости бивачного быта. Они стали защитниками ортодоксии, героями святых войн. Но они пришли из неокончательно исламизированных глубин Сахары, и вопреки усилиям мусульманских пропагандистов очевидно, что они были подобны своим соседям, современным туарегам: их версия ислама была приспособлена к условиям пустыни, и в ней присутствовало множество остатков языческого культурного контекста, из которого они возникли: закрытые лица мужчин и власть женщин.

Выдающейся женщиной мира альморавидов — если верить записанным позже, но вполне достоверным рассказам — была грозная Зайнаб аль-Нафзавийя. В Сахаре середины XI века она славилась своей красотой, богатством и влиянием. «Некоторые утверждали, что с ней разговаривает джинн, другие называли ее ведьмой». Все стремившиеся к власти искали ее руки, но она всем отказывала, пока по божественному вдохновению не избрала Абу Бакра бин Умара аль-Ламтуни, несравненного погонщика верблюдов. Согласно легенде, она привела его с завязанными глазами в подземное убежище, полное золота, и сказала, что через нее Бог дает все это ему, но, когда отпустила его, «он не знал, ни как вошел в сокровищницу, ни как ушел из нее»²⁵.

Считается, что Абу Бакр в 1070 году основал Марракеш. Но в глубине души он был человеком фронта. Покинув юг, чтобы завоевать язычников и черных, он развелся с Зайнаб, передав ее своему двоюродному брату. «Я не могу жить без пустыни, — сказал он этой паре, вернувшись. — Я вернулся, только чтобы передать вам власть»²⁶. Он погиб в битве, как утверждают, в Лунных горах, где предположительно начина-

ется Нил; но в Мавритании его могиле поклоняются как могиле святого²⁷.

Гана стала жертвой традиционной ненависти: кочевников пустыни к оседлым жителям и торговцам; фундаменталистов к легкомысленным язычникам; аскетов к изнеженности; считающих себя праведными нищих к богатым золотом городам. Но каким-то образом это государство оправилось от удара альморавидов. Рассказы середины XII века говорят о последовательно мусульманском государстве, где король почитал истинного калифа и с примерной доступностью осуществлял правосудие. У него был дворец с застекленными окнами; его правление символизировали огромный природный золотой слиток, золотое кольцо, к которому он привязывал свою лошадь, его шелковый наряд, его слоны и жирафы: все это создавало в исламском мире впечатление не только братства по вере, но и чужеземной роскоши. Однако государство оказалось недолговечным. После периода стагнации и упадка государство Сонинке было завоевано, а город Кумби окончательно уничтожен вторгнувшимися язычниками неизвестного происхождения²⁸.

Империалисты Сахеля

История Ганы полна загадок, но следующее великое государство — объект множества мифов и исторических сведений. История жизни Сундиаты, основателя империи Мали, следует обычному руслу судьбы африканского короля из легенд. В детстве он был искалечен, женщины над ним смеялись, его незаконно лишили наследства. Доблесть и — согласно традиции благочестия — защита ислама позволили ему в неизвестном точно году в середине XIII столетия н. э. превозмочь колдовство врагов и вернуть свое законное место. Властвуя над своим народом мандинго, он создал воинственное государство, объединившее земли, прежде входившие в империю Ганы, и присоединившее еще несколько торговых государств на восточном берегу излучины Нигера. Историческую достоверность основы этой легенды гарантирует свидетельство великого магрибского историка XIV века

Ибн-Калдуна, имевшего доступ к ныне утраченным королевским хроникам Мали.

Сердце империи Сундиаты помещалось в междуречье Нигера и Сенегала, примерно на крайнем юго-западе современного государства с тем же названием. Элита этого государства, говорившая на языке манде, правила и своей родной, и империей, обнимавшей со всех сторон Сахель, раскинувшейся до пустынь на севере и до тропических влажных лесов на юге. Через эту империю, через руки благоразумных монополистов золото шло на север, к купцам, чьи караваны пересекали Сахару, направляясь в порты Средиземноморья. Местонахождение золота оставалось тщательно охраняемой тайной²⁹. Согласно всем данным, в том числе и письменным отчетам, это золото приобретали в ходе «немой» торговли: товары оставляли в каком-либо месте, покупатели оставляли взамен золото; в результате его происхождение обросло самыми неожиданными теориями: оно растет как морковь; его вырубают из стволов пальм; его в виде слитков приносят муравьи; его добывают обнаженные люди, живущие в норах. Вероятно, истинное место добычи этого золота — район Буре в верховьях Нигера, а также истоки рек Гамбия и Сенегал. Вдобавок золото могло приходиться и из долины Вольты³⁰.

Жители центрального Мали никогда не контролировали добычу золота; стоило их правителям попытаться установить контроль над золотоносными землями, и обитатели этих земель начинали нечто вроде «пассивного сопротивления» или «промышленной забастовки», прекращая добычу. Но Мали контролировало доступ с юга к торговым центрам Валата и Тимбукту на окраинах Сахары. Поэтому торговля была в руках правителей, которые забирали себе дань — слитки, оставляя купцам золотую пыль.

В середине XIV века правитель Мали, которого мандинго называли манса, считался самым богатым королем Земли. Мали было так богато, что привозная соль, пересекавшая территорию империи, втрое или вчетверо возрастала в цене. Когда манса Муса в 1320 году отправился в паломничество в Мекку, он взял с собой пятьсот верблюдов, нагруженных золотом; его дары египетским святилищам и знатным людям вызвали инфляцию, по разным источникам достигавшую два-

дцати процентов. Европейские картографы украшали территорию Мали городами с позолоченными куполами, что было лишь небольшим преувеличением. Манса привез с собой из Египта архитектора для строительства мечетей и дворцов в Тимбукту и Гао; сохранился фрагмент михраба*, а также зал для приемов в южной столице Ниани, основанной Сундиатой на краю лесов для контроля за торговлей орехами кола и золотом. Здесь, согласно Ибн-Калдуну, манса построил «удивительный дворец, весь в куполах, покрытых штукатуркой и украшенных ослепительно яркими арабесками»³¹.

В 1352 году самый известный мусульманский путешественник выступил из Танжера в свое последнее большое странствие через пустыню Сахару, чтобы воочию увидеть империю Мали. Хотя говорили, что Ибн-Баттута был мало знаком с наукой, в действительности он получил типичное для сына магрибского аристократа образование. Совершив паломничество в Мекку, он почувствовал страсть «к странствиям по земле». Рассказы путешественника при дворе его повелителя в Фесе выслушивали с изумлением и приукрашивали при многократном повторении. Однако его свидетельства, которые дошли до нас из первых рук, чрезвычайно убедительны. Ко времени путешествия через Сахару он уже побывал на востоке Африки, в Индии, Аравии, Персии, землях Золотой Орды и предположительно в Китае, и его способности наблюдателя были в самом расцвете. Впервые с малийскими чиновниками он встретился в Валате. «Здесь, — жалуется он, — из-за их грубости и презрения к белому человеку я пожалел, что прибыл в их страну». Ибн-Баттута немедленно пережил культурный шок. Пища вызывала у него отвращение: он ведь не знал, сколько стоит привезти издалека драгоценное просо. Облегчаясь в воды Нигера, он рассердился, заметив, что за ним наблюдают: впоследствии он узнал, что наблюдателя приставили к нему для защиты от крокодилов. Его тревожили бесстыдство и вообще свобода женщин, но он одобрил то, как детей приковывают и держат на цепи, пока они не выучат Коран; он хвалит также «отвра-

* Изукрашенная ниша в стене, обращенная к Мекке, к которой поворачиваются во время молитвы.

щение черных к несправедливости». Когда он добрался до дворца правителя, его поразила скромность самого мансы на фоне окружающей роскоши. На зонте повелителя сидела золотая птица, его шапка, колчан и ножны были из золота, но чтобы он проявил щедрость, следовало пристыдить его вопросом: «Что я скажу о тебе другим правителям?» Некоторые особенности придворного этикета показались путешественнику нелепыми, особенно проказы поэтов, одетых в перья, «с деревянными головами и красными клювами». Посольство людоедов, которому манса подарил рабыню, явилось поблагодарить за дар: руки послов были в крови жертвы, которую они только что сожрали. К счастью, пишет Ибн-Баттута, «они сказали, что есть белого человека вредно, потому что он неспелый»³².

Однако Ибн-Баттуту невольно поражало церемониальное величие двора Мали. Он решил, что манса вызывает у своих подданных большее преклонение, чем любой другой повелитель. Черные государства обычно не приводят арабов в восторг; тем более показательны удивление и восхищение Ибн-Баттуты и его последователя Ибн-Амр-Хаджиба. Все окружающее мансу поражает величию: его полная достоинства походка, сотни его слуг, их позолоченные посохи, унижение — лечь на живот и «посыпать пылью» голову, — которому подвергаются просители, прежде чем получают аудиенцию; многочисленные необычные табу: того, кто в присутствии повелителя будет в сандалиях или чихнет, а манса услышит, следует убить³³.

Основу армии мансы составляла кавалерия. До нас дошли терракотовые изображения всадников Мали. Аристократы с тяжелыми веками, кривящие губы, с которых слетают приказы, с высокомерно поднятыми головами, увенчанными шлемами с перьями, неподвижно сидят на конях в сложной упряжи. У некоторых кирасы или щиты за спиной, кожаными полосами они обматывают талию. У коней поводья в виде гирлянд, а бока украшены сложными рисунками. Всадники управляют лошадьми, натягивая короткий повод. Мощь этой кавалерии позволила к середине XIV века утвердить власть мансы от Гамбии и низовьев Сенегала на западе до долины Нигера в районе Гао на востоке и от верхнего Нигера на юге

до Сахары на севере. За кавалерией следовали торговцы, устанавливая свои правила. Торговый город, который назывался Вангара или Диула, основал колонии за пределами непосредственной власти правителя, например поселок в Бего, на северо-западной границе страны Акан, где купцы скупали золото у вождей лесных племен. Манде в XIV веке были торговым народом, властным народом умелых воинов и искусных ремесленников. Но, подобно многим перспективным империям далеких земель в конце Средних веков, Мали пало жертвой собственной изоляции³⁴.

Разъедаемая восстаниями и вторжениями извне, империя ослабла из-за соперничества в самом своем сердце. С 1360 года началась борьба за власть между потомками мансы Мусы и его брата мансы Сулеймана. К концу века отделились племена сонгхей, жившие ниже по Нигеру; Мали потеряла и Гао. Это был тяжелый удар: Гао обеспечивало удобный проход от лесов к пустыне, а значит, торговая монополия Мали могла пострадать. В 1430-х годах туареги из пустыни захватили Валату и Тимбукту. Два десятилетия спустя, когда португальская экспедиция, продвигаясь по реке Гамбии, установила первый засвидетельствованный прямой контакт между форпостами Мали и европейскими исследователями, власть мансы распространялась только на территорию исконного обитания народа манде.

Каприз судьбы, лишивший европейцев возможности увидеть великую черную империю в период расцвета, кажется одним из самых трагичных и ироничных эпизодов истории. Известное только по рассказам, Мали было великолепно и величественно. На картах с острова Майорка начиная с 1320 года и особенно в Каталанском атласе примерно 1375—1385 годов манса изображается как римский император, только с черным лицом. Бородатый, в короне, он сидит на троне, держа в руках символы своей власти — державу и скипетр; он представляется не дикарем, а мудрым и образованным человеком, независимым владыкой, равным любому христианскому королю. На фоне таких представлений знакомство с Мали в период упадка вызвало горькое разочарование. Близкое знакомство породило презрение, и потомков мансы стали изображать уродами, как изображали чернокожих на португаль-

ской сцене в XV—XVI веках: это грубые стереотипы расовой неприязни, со свисающими обезьяньими гениталиями³⁵.

Сменившее империю Мали государство сонгхеев никогда не достигало такой власти над торговлей, как Мали в период расцвета. И поэтому не выглядело таким мощным и долговечным. Его основатель Сони Али был «королем-волшебником», и имамы обличали его язычество и уклончивую политику в отношении ислама. «У него был советники» (жалуется аль-Магли, апостол фулани),

специально отобранные, и когда он хотел поступить по-своему, он призывал их и спрашивал: «Разве это не соответствует закону?», и они отвечали: «Да, конечно, ты можешь это сделать», — и всегда оправдывали его эгоистические желания³⁶.

Наследник Сони Али Мухаммед Турей привел сонгхеев в основное русло ислама. Это был выходец из простонародья, полководец, узурпировав трон, он с роскошью совершил паломничество в Мекку, которое щедростью раздаваемой милостыни и блеском золота повторило знаменитое паломничество мансы Мали Муссы примерно за сто семьдесят лет до этого. Его вступление на престол и правление можно отнести к важнейшим событиям в истории: именно его покровительство и победы его армии способствовали распространению мусульманства в Сахеле. Благодаря Мухаммеду переход ислама через Сахару утвердился и его будущее как господствующей на западе Африки религии было надежно обеспечено³⁷.

Союз трона и мусульманской интеллигенции помог сделать страну сонгхеев любимицей Бога; развивалась торговля, ведь у купцов появилось ощущение безопасности; у успешных религиозных организаций накапливались средства, что привело к появлению скромной разновидности капитализма³⁸. Строились новые каналы, плотины, открывались новые источники воды, выкапывались резервуары, расширялись обрабатываемые земли, особенно под рис; хотя этот злак был известен в районе давно, его начали выращивать в больших количествах.

Однако вслед за верой идут армии, и золото Сонгхея стало большим искушением для потенциальных захватчиков, решающихся пересечь пустыню. В 1580-х годах султан Марокко Ахмад аль-Мансур решился на такую попытку. Пустыню можно пройти, говорил он своим советникам. Что преодолевает торговый караван, может преодолеть и хорошо организованная армия. В 1588 году султан потребовал от Сонгхея новую огромную цену за доставку через Сахару соли. Это была сознательная провокация. В ответ Сонгхей дерзко прислал подарок: саблю и меч. Девять тысяч верблюдов сопровождали марокканскую армию, в составе которой были и пятьсот стрелков-морисков (христиан, перешедших в ислам) под командованием испанского капитана, и артиллерия на верблюдах. Считается, что в течение стотридцатипятидневного перехода длиной в полторы тысячи миль погибла половина этой армии. Но уцелевшие благодаря огнестрельному оружию легко преодолели сопротивление вооруженной копьями кавалерии Сонгхея³⁹.

Марокко превратило Сахель в свою колонию, заселенную двадцатью тысячами поселенцев, но не смогло удержать завоеванное. После смерти аль-Мансура поселенцы, многие из которых породнились с местными жителями, создали небольшие государства креолов и метисов и контролировали золотой поток, не подчиняясь Марокко. Двести лет в Сахеле не было единого центра власти и никакое восстановление империи не казалось возможным. Сонгхей представлял собой остаток прежней государственной мощи; материальная культура района пришла в упадок. Когда в 1854 году Хайнрих Барт добрался до бывшей столицы Сонгхея Кого, «некогда одного из самых великолепных городов земли негров», он увидел небольшой поселок с малорослыми жалкими обитателями»⁴⁰.

Империи возникали с запада на восток. Мали смело Гану, Сонгхей сменил Мали, и центр каждой последующей империи располагался все восточнее. Последняя империя Сахеля тоже возникла на востоке, между Сонгхеем и Борну, в районе, где ранее находилось много небольших государств хауса, которые можно назвать городами-государствами. В этой местности ислам приняли не везде. Вряд ли он мог произве-

сти впечатление на крестьян хауса, живших в скромных деревнях по берегам рек; ислам был принят при дворе правителей, куда приглашали мусульманских учителей и образованных слуг, но где кампания массовой исламизации населения не пользовалась одобрением. Короли не хотели отказываться от части своей власти над подданными, передав ее имамам и святым людям, или отдавать право интерпретировать законы толкователям шариата. Позиции ислама были сильнее у скотоводов, у народа фулани, который на протяжении нескольких поколений переселялся сюда с севера. Некоторые фулани оставались кочевниками, другие перешли к оседлому образу жизни, но не отказались от традиции владеть большими стадами. Поскольку фулани были мусульманами — они утверждали, что перешли в ислам в конце XV века, — из них формировалось преимущественно чиновничество, а также общины ученых, селившихся в пригородах.

Предсказуемое напряжение — между мусульманами и язычниками, скотоводами и оседлыми аграриями, королями и духовенством — в любой момент могло привести к войне и перераспределению власти. Когда вспышка насилия произошла и в начале XIX века возникла империя фулани, в центре событий оказался один человек. Узуман дан Фодио мог улыбкой успокоить толпу и криком собрать армию⁴¹. Его вдохновлял пример яростных реформаторов-ваххабитов Южной Аравии, и он подражал им в действиях и построении отношений. Как и они, он страстно обличал недостаток веры и преследовал людей нечистой жизни; но почитал святых и мистиков, которых ваххабиты уничтожали. Он назвал себя «волной из волн Джибрила», учителя, склонного к мистике, научившегося в Мекке восхищаться ревностью ваххабитов. К своему сожалению, Узуман так и не смог лично совершить паломничество в Мекку, но учение Джибрила познакомило его с современными тенденциями ислама. Харизматический дар побуждал его думать о себе как об «Обновителе веры», предсказанном пророками, и предтече Мехди, чье пришествие ознаменует космическую борьбу с Антихристом и конец света⁴².

В экологических терминах империя фулани была еще одной попыткой скотоводов использовать потенциал Сахеля

для сезонных перегонов скота, а в геополитических — еще одним неудачным шагом к объединению Сахеля. В риторике правителя преобладали религиозные мотивы. Узуман получал указания непосредственно от Бога, и эти указания поступали к нему в форме видений. Свою миссию он начинал как гражданин мира, он просвещал язычников и вел верующих к высшим эталонам. Его популярность привлекла к нему внимание многих властителей, и у него сложились близкие отношения с Юнфой, королем Гобира, который, возможно, верил, что своим тронном обязан волшебной силе, приписываемой шейхам. Но призывы Узумана к единству всего ислама окружающие повелители не приветствовали: его власть над фулани и учеными представляла угрозу, которая усиливалась с ростом числа его приверженцев. К тому же его учение будоражило крестьян, недовольных высокими налогами и произволом.

Юнфа и другие правители, выслушивая призывы, тянули время, а Узуман терял терпение и становился все воинственней. В 1794 году ему было следующее видение: в присутствии Бога, всех пророков и святых «его опоясали Мечом Истины, дабы он обнажил его против врагов Бога»⁴³. Но даже после этого он в течение десяти лет не решался начать джихад: согласно традиционному объяснению последователей Узумана, к этому его побудила лишь попытка Юнфы убить самого Узумана и поработить мусульман-хауса. Однако Узуману было уже под пятьдесят, и, вероятно, ему не терпелось исполнить свой обет. Провозглашение войны против неверных — неверными он со своеобразным великодушием именвал всех, кто противостоял ему, — стало решающим моментом его жизненного пути, постоянно восходившего к нетерпимости, непреклонности и ужасу.

Он был избран вождем вдохновенных им армий, но его роль была подобна роли в битвах Моисея. Он молился, а тем временем его сын, очень хорошо знавший военную литературу и историю, заботился о снабжении армий и руководил боевыми действиями. Города-государства хауса были ослаблены постоянными войнами друг с другом. Выдержав несколько кампаний, мусульманская армия набрала разгон, который постепенно позволил ей овладеть большинством горо-

дов земли хауса, и к 1820-м годам империя простерлась от границ Борну далеко за Нигер; у нее появилась заново построенная из обожженной на солнце глины столица — город Сокото; это было предприятие в русле великих цивилизаторских традиций, сознательный вызов дикости. Говорят, Узуман одобрил этот замысел из тех соображений, что разлагающее богатство никогда не придет в такое голое каменистое место⁴⁴.

Награды за мученичество, обещанные воинам Узумана, показывают, до чего трудно вести войну с недостойными целями:

У тебя будет семь городов, населенных темноглазыми красавицами. У каждой красавицы будет семьдесят красивых платьев. Желания каждой красавицы будут исполнять десять тысяч рабов. Когда красавица захочет обнять своего мужа, ее объятие будет длиться семьдесят лет. Красавицы будут делать это снова и снова, пока не устанут. У них не будет никакой другой работы, только приносить радость⁴⁵.

Неудивительно, что, подобно всем другим армиям аскетов, фулани в конце концов поддались искушениям плоти. Еще до окончания войны один из приближенных Узумана Абдалла бин Мухаммад обличал тех,

чья цель — править странами и народами, чтобы наслаждаться и приобретать высокие звания... собирать наложниц, нарядные одежды и лошадей; въезжать в города, а не сражаться на поле битвы, и, пожиная плоды святости, не брезговать и добычей, и взятками, и лютнями, и флейтами, и барабанным боем⁴⁶.

Хотя в XIX веке кое-кто из европейцев с презрением воспринял империю Сокото как далекую, изолированную и отсталую, это была страна городов в традициях цивилизации Сахеля. У шейха, который дружелюбно встретил великого

исследователя Хайнриха Барта, были астролябия и книги Аристотеля и Платона на арабском языке; он хорошо знал историю всего ислама, но особенно Испании⁴⁷. Грамотность не была привилегией священников, она была широко распространена среди горожан и даже среди крестьян и рабов⁴⁸. В середине столетия в Кано, крупнейшем городе империи, насчитывалось тридцать тысяч жителей, его окружала одиннадцатимильная стена с тринадцатью воротами⁴⁹. При домах купцов были обширные дворы; многочисленные мечети свидетельствовали о крепости веры; в городе было много дворцов эмиров — изящных, просторных, с большими приемными, построенных из стволов пальм, не подверженных термитной порче. Барт описывал империю как процветающее государство, особенно на фоне соседних государств и тяжелого, враждебного климата. Продовольствия в стране хватало, экспорт был разнообразен. Главными предметами вывоза были мягкая козья кожа, красивый многоцветные ткани, украшения, хлопок, индиго и табак. Эра правления Сокото известна отсутствием голода в земле хауса⁵⁰.

Государство фулани — или халифат, как его называли правители, — просуществовало сто лет. По меркам региона это нормально. Сонгхей тоже был империей сто лет, Мали — двести. Наибольшего могущества империя Сокото достигла вначале, а при наследниках Узумана, когда инерция завоевания сошла на нет, на окраинах империи проявилось стремление к разъединению, постепенно ослабившее и центр. Эмиры, правившие в бывших городах-государствах, на практике были не менее самостоятельны, чем короли, их предшественники. Хауса как будто не приняли религию фулани полностью, хотя большинство их покорно перешло в ислам. И когда в начале XX века фулани бросил вызов империализму белых, хауса оставались по большей части равнодушными.

Хотя халифат ослабел, он, вероятно, продолжал бы существовать, не вмешайся Британская империя. Здесь, как и во многих других уголках планеты, где в конце XIX века Британская империя расширяла свои границы, неагрессивные меры властей монополии имели причиной подстрекательские крики и призывы на местах; аналогичные случаи приводятся в нашей книге относительно Тибета и Бенина

(см. ниже, с. 248, 387, 395). В северной Нигерии интересы Британии тогда представлял государственный деятель, не знающий себе равных в отстаивании этих интересов, бескорыстный слуга британской самоуверенности сэра Фредерик Лугард. Пограничные конфликты по обычным поводам: работорговля, прием белых купцов и миссионеров — не могли разрешиться из-за слепой приверженности фулани догматам своей веры. Калиф не желал иметь никаких дел с неверными. Он даже не принимал дипломатические посольства. Столкновение сразу выявило техническое превосходство одной стороны: последняя сахельская империя рухнула 7 июля 1903 года, когда под огнем единственного тяжелого полевого орудия и четырех пулеметов Гатлинга погибли и сам калиф, и тысячи его воинов. Но цивилизации Сахеля стоит сравнивать с теми, что возникали в евразийских степях и американских прериях до индустриализации: африканские достижения почти во всех отношениях производят большее впечатление.

Последний калиф, можно сказать, сам подписал смертный приговор своей империи — в письме, полном достоинства и верности традициям своего народа. В мае 1902 года, уже впадая в старческую слабость и чувствуя, как его государство рухнет вокруг него, он отправил Лугарду такое письмо.

От нас тебе. Знай, что я не разрешу ни одному из твоих людей жить среди нас. Сам я никогда не примирюсь с тобой и не позволю в дальнейшем с тобой общаться. Поэтому больше между нами не будет никаких других отношений, кроме тех, что возможны между мусульманами и неверными, — священной войны, как указано нам Всемогушим. Нет власти больше власти Бога Всемогущего⁵¹.

4. Дорога цивилизаций

Евразийская степь

*И кажется мне она прекрасной порослью на
могилах.*

Уолт Уитмен. Листья травы¹¹

Как далек восток от запада.

102 псалом

Пространства Гога: евразийские степи

Здесь вы чувствуете ветер. Холод, когда он дует с гор Центральной Азии, принося в степь сорокаградусный мороз. Как жалит пыль, проникая вам в глаза, волосы и поры, когда он вихрем несет ее по степи. Как ветер обжигает лицо, потемневшее от летнего загара, чувствуете его демонические капризы в весенних дождях. Иссушенные осенью, зимой степи покрываются слоем снега, таким тонким, что скот выкапывает из-под него траву копытами. Обычно степная топография лишена выдающихся особенностей, рельеф кажется плоским и однообразным, но некоторые его части полны сюрпризов. В 1856 году русский географ Петр Семенов решил пересечь степь или «погибнуть в этой попытке». Детство он провел в черноземной русской степи и потому не был готов к тому, что встретил восточнее: «куполообразные порфирные холмы» и хребты Киргизии, разбросанные лесистые участки «лесостепи»¹. Это разнообразие — преимущественно разнообразие крайностей, но, подобно всякой капризнице, степь скрывает суровость под маской очарования, даже безмятежность. Когда в 1962 году Йорген Биш пересекал степи Монголии, он останавливался у дорожных насыпей и груд камней, отмечавших дорогу, по которой столетиями проходили всадники, и восхищался тем, как ветер колышет траву, и та под его порывами и яростным солнцем из серой становится серебристой. Он миновал акры разнообразных цветущих растений, росших на почве, которую никогда не обрабатывал человек: чистых ярких эдельвейсов, алых смолевок, желтых льнянок, крапивы «и целого моря подмаренника настоящего»². Аналогичное впечатление от степи получил путешественник, оказавшийся двести лет назад на Дону:

Земля казалась покрытой богатейшими и самыми прекрасными на земле цветами... Даже в жаркий день прохладный ветерок разносил множество цветочных запахов, и воздух благоухал. В небе пел жа-

воронок, и тысячи пестрокрылых насекомых летали или сидели на цветках... Горлицы, доверчивые, как ручные голуби, садились на наш экипаж³.

Легко восхищаться красотой степи из экипажа или машины. Но тем, кто смотрит на нее изнутри, в менее защищенной обстановке, степь всегда казалась источником разрушений — колыбелью чудовищ, убежищем неразумных людей с песьими головами, родиной гуннов. Согласно легенде, именно здесь Александр Македонский оставил Гога и Магога связанными за медными вратами. Но незапертые врата между Великой Китайской стеной и Карпатами оставляли достаточно простора, чтобы кочевники могли перегонять стада, вести войны и создавать временные империи. Слишком впечатлительные или предубежденные путешественники и сегодня могут ощутить здесь угрозу «затаенной жестокости»⁴.

Возможно, благодаря требовательному окружению и сопряженному с постоянной борьбой образу жизни этот регион стал родиной ранних (и производящих сильное впечатление) технических новшеств. В середине пятого тысячелетия до н. э. в поселении Средний Стог, в среднем течении Днепра, где река течет на восток, всадники оставили груды мусора, полного конских костей. Это были первые известные люди, кому удалось одомашнить лошадь. Из могил третьего тысячелетия до н. э., задолго до подобных же в Западной Европе, извлечены крытые фургоны на больших колесах из цельной древесины, запрягавшиеся быками. Эти фургоны замурованы, словно для загробной жизни, в подземных помещениях, выложенных камнем, с крышей, на которую насыпалась широкая груда камней. В это время в мире было мало обществ, достаточно богатых, чтобы погребать объекты такого размера, сложности и ценности. Этот центральный степной район может быть родиной перевозки грузов на животных на всем пространстве от Атлантики до Китайского моря. Древнейший экипаж, который можно назвать колесницей, датируется началом второго тысячелетия до н. э. и найден на Южном Урале⁵. Кибитки, которые находят в степных погребениях первого тысячелетия до н. э., полны изделиями искусных кузнецов, работавших и по железу, и по драгоцен-

ным металлам. Сезонные перегоны скота или даже просто кочевой образ жизни дают свободное время для технических изобретений и проявлений творческого духа, которые часто изумляют оседлых соседей, но обычно и представляют угрозу. Здесь же, в степях, изобрели и стремяна — тайное оружие, позволявшее кавалерии кочевников наводить ужас на оседлых соседей население, пока столетия спустя те не овладели этой технологией. Тем временем по краям степи в оазисах и у подножий гор возникала городская жизнь⁶.

Древнегреческие авторы единодушно признавали, что жители степей (они называли их скифами и сарматами) принадлежат к чужому миру, древнему и угрожающему. Геродот, чрезвычайно интересовавшийся степняками, рассказывает о сказочных находках Арестея из Проконнеса, который, «одержимый Фебом», предпринял таинственное путешествие в земли за Доном, в край «одноглазых аримаспов, за чьими владениями грифоны охраняют золото, а еще дальше живут гипербореи, чьи земли доходят до самого Океана». Арестей так и не вернулся и свою историю рассказал — в стихах, как и подобает поэту, — явившись призраком⁷.

На другом уровне жители степи были постоянными партнерами по регулярной торговле; греческие ремесленники изображают сцены из их повседневной жизни: степняки доят овец или штопают одежду из овечьих шкур. Эти изображения делались по заказу скифских вождей и перекликаются с изображениями на изделиях их собственных златокузнецов, например на сферической золотой шапке из царского кургана Куль-Оба, между Азовским и Черным морями, где бородатые воины в рубашках и поножах показаны в мирной жизни или по крайней мере в перерывах между войнами: они перевязывают друг другу раны, дергают зубы, натягивают тетивы, расседлывают лошадей и рассказывают о чем-то у костров. Эти всадники считались в первую очередь охотниками, и только во вторую — воинами. Даже в разгар битвы такого воина мог отвлечь пробегающий заяц. Очевидно, они и сами себя так рассматривали, поскольку охота на зайцев — любимая тема их искусства; например на терракотовый скульптуре из Керчи в Крыму охотник в капюшоне вместе с собаками преследует зайца⁸.

В могилах вождей второй половины первого тысячелетия до н. э. в долине Волги находят множество греческих и кельтских изделий, попадавших сюда по торговым путям. Через Крым и его окрестности скифы получали доступ к греческим товарам Боспорского царства. Здесь располагался «Скифский Неаполь», занимавший сорок акров, окруженных каменной стеной, торговый центр, самый большой, а то и единственный скифский город, ведь поселения в глубине скифской территории могли принадлежать другому народу — финнам, которых скифы терпели ради богатой дани. В глубине степей чувствовалось влияние метрополии. Сарматская королева первого столетия н. э., чье изображение мы видим в центре диадемы, найденной в Новочеркасске, в греческом наряде, с греческой прической, глядит так, словно считает себя Афиной. У нее над головой кормятся фиговыми листьями превосходно изображенные олени; а может, это лошади, по степной традиции украшенные рогами; устройство для укрепления таких украшений мы видим в сибирских могилах пятого века до н. э.; здесь головной убор представляет собой смесь войлока, меди и позолоченного конского волоса⁹.

Однако далеко не все степные народы надолго задерживались, чтобы познакомиться и даже подружиться с соседями. Степь — это гигантская дорога, побуждающая к долгим миграциям, а лошадь — мощное средство передвижения. Окраинные евразийские цивилизации в обоих концах степи неоднократно сталкивались на своих границах с новыми соседями, которые начинали вторгаться в их пределы. И при каждом появлении, при каждом вторжении процесс окультуривания или ассимиляции, отторжения или поглощения неизбежно повторялся. Например, между пятым и десятым столетиями христианский мир последовательно поглотил или уничтожил следующие «волны» агрессоров: гуннов, которые словно потеряли стремление к жизни в ту ночь, когда Аттила на своей свадьбе умер от потери крови; аваров, которых Карл Великий, в конце концов окружив, застиг, когда их ослабило спокойствие и обременяла непомерная добыча; болгар, которые под стенами Константинополя выменивали на человеческие черепа золотые чаши, чтобы из них пил их великий хан Крум; и мадьяр, поселившихся на венгерской равнине и став-

ших защитниками христианства, которых с почетом принимали и обхаживали в Византии и Риме. Восточная Европа была «землей вторжений»¹⁰.

В тот же период аналогичные события происходили и в Китае. В середине V века, когда Римская империя подверглась нашествию гуннов, у границ Китая китане (возможно, жертвы какой-то неведомой степной катастрофы) предприняли похожую цивилизационную попытку: они торговали лошадьми, выращивали просо и со временем создали империю, соперничавшую с самим Китаем. Тем временем уйгуры, киргизы, располагавшие, как говорят, кавалерией в сотни тысяч всадников, и другие тюркские народы устанавливали с Китаем разнообразные отношения: иногда их прогоняли обратно в степь, иногда от них откупались — с помощью дани, замаскированной под подарки, или же держали под неусыпным наблюдением вне установленных границ, например, за Великой Стеной, отчего пограничные города существовали в состоянии постоянной тревоги. Уйгуры — впечатляющий пример неустойчивой китаизации: они построили город «роскошной архитектуры» с двенадцатью железными воротами, но продолжали совершать разрушительные набеги через границу. В 759 году принцесса Нинь-Куо, которую силком выдали за уйгурского кагана, спаслась от смерти: ее согласно уйгурской традиции должны были принести в жертву после смерти мужа. Но ей удалось ограничиться тем, что «разрезать лицо и плакать согласно их обычаям»¹¹.

Конфуцианец размышляет о дикости

Отношение Китая к постоянному присутствию варваров — смесь опасений с уверенностью в цивилизационном потенциале культурных контактов — можно проследить в жизни и работе одного из самых замечательных ученых-администраторов империи, Оуян Сю. Стоит проследить за трагическими поворотами его жизни, которая свидетельствует: кое-что в политике никогда не меняется. Родился он в 1007 году в Сычуани, где его отец был мелким чиновником; его семья только недавно выдвинулась из неизвестности. Когда ему было четы-

ре года, отец умер и Оуяна вырастил дядя в провинциальной глуши, которую Оуян Сю впоследствии всегда вспоминал с отвращением: «грубый и некультурный Суйчжоу», — и где сам он стал примером усердного самообразования.

В молодости я жил близ реки Хан, в захолустье, где не было ученых. Более того, семья моя была бедной, и в доме не было ни одной книги. Однако к югу от города жила известная семья Ли; их сын стремился к учению. Мальчиком я часто играл в их доме. Однажды я заметил в стенной нише побитую корзину, в ней оказались старые книги... В них не хватало страниц, было множество опечаток, и сами страницы были в беспорядке. Я попросил у Ли разрешения взять эти книги себе¹².

Оуян Сю дважды проваливался, экзаменуясь на должность, из-за необычного стиля своей прозы — первого признака индивидуальности, радикального отношения к традиции. Впоследствии это и поспособствует его карьере, и омрачит ее. Хотя он прославился как мыслитель и государственный деятель, величайшим его даром и основой дожившей до наших дней репутации стал литературный талант. «Поскольку письмо — это ловушка на Пути, — писал он, — разве можно не думать о том, как излагать свои мысли?»¹³

При третьей попытке он, руководимый ученым, на которого произвела впечатление одаренность молодого человека, сдал экзамен одним из первых. И получил назначение в провинцию, где чувствовал себя бессильным и стоящим на краю жизни:

Когда на рассвете распахиваются ворота рынка, торговцы врываются в них, и купцы занимают свои места. Одни приносят вещи, которые хотят продать, другие приходят с деньгами в поисках нужного товара. Есть также бездельники без денег, они просто бродят со спущенными рукавами. Можно подумать, что город Ло-ян — самый большой рынок в мире. Здесь есть такие, кто пришел покупать, и такие, кто

расхваливает свои товары и продает их. Я жил в этом большом городе, но ни мое официальное положение, ни поведение не производили впечатления на других, а на мое мнение о том, что хорошо и что плохо, никто не обращал внимания. Я был одним из тех людей без средств, что бродили со спущенными рукавами¹⁴.

В 1034 году Оуян Сю сделал большой шаг в своей бюрократической карьере: его перевели в столицу придворным библиотекарем. При дворе, раздираемом борьбой различных кланов, он не мог снискать общую любовь. В «партии реформ», к которой принадлежал и он, большинство считало, что изменение системы отборочных экзаменов на должности поможет им потеснить партию власти. Однако Оуян Сю искренне верил в реформы как в средство улучшить служение императору. Когда он написал письмо в защиту опозоренного реформатора, его сняли с должности и сослали в И-лян, у входа в ущелье Янцзы, «в незнакомую полуцивилизованную местность».

Этот эпизод борьбы за власть привел его на «дикий запад» Китая, на колониальный фронт, который предстояло китаизировать и использовать в борьбе с угрозами Китаю. Переселенцев привлекали сюда источниками соли, этими «колыбелями богатства», а также возможностью выращивать чай и рис. Против туземных племен провели «кампанию по умиротворению». Символом нового порядка стала вырубка леса на «запретных холмах»: лес понадобился для строительства дорог и домов. Со временем обе части Сычуани: романтическая первозданность «ручьев и пещер» на горном западе и завидные «небесные кладовые» на богатом востоке стали неотъемлемо китайскими.

Оуян Сю передает пионерский дух этого цивилизационного предприятия в диком мире в своих стихах, где живо описывает жизнь приграничья...

Пурпурный бамбук и голубые леса
заслоняют солнце.
Зеленые кусты и красные апельсины сверкают
на лице осени,

Как румяна. Дороги повсюду крутые,
люди сгибаются под тяжестью поклажи.
Живя у реки, туземцы все отличные пловцы.
Каждое утро рынки рыбы и соли полны народа.
У непризнанных святынь весь праздник
слышны звуки барабанов и лютеи.
Ветер ревет, как пламя, эхом отзываясь
в пустынном городе.
Сильные дожди обрушивают утесы в реку¹⁵.

... и в музыке своей любимой цитры:

ее звуки напоминают грохот утеса, падающего в ущелье, гром раскалывающихся камней, и звон ручья, спадающего с высокой горы, и бурю в тишине ночи, и горький плач опечаленных мужчин и одиноких женщин, и страстные любовные призывы птичьей пары. Глубина печали и глубина смысла делают эту музыку наследницей музыки... Конфуция¹⁶.

Недоброжелатели при дворе заставили Оуяна Сю долго пробыть в изгнании в приграничном районе. Однако в конце 1030-х годов он вновь получил официальное назначение при императорском дворе, вначале как библиотекарь, а потом как политический обозреватель и составитель декретов. Ему представилась возможность принять участие в своего рода «возрождении» — попытке возврата к древней этике и письменности, к чистоте стиля и неподкупности. Он и его сторонники реформировали систему экзаменов на должность с двумя целями: чтобы воплотить в ней дух служения обществу и чтобы получить новых государственных служащих из самых разных мест. По старой системе на экзамене проверяли только искусство композиции, особенно стихотворных текстов, а также умение запоминать тексты. На новых экзаменах задавали вопросы относительно стандартов этики и о том, как государство может лучше служить народу.

Из собственных эссе Оуяна Сю очевидно, что это была консервативная революция. Его целью было «восстановление совершенства древних времен» — идеального века, «ко-

гда церемонии и музыка проникали повсюду». Культурность Оуяна Сю делала его личностью, типичной для всякого значительного общества со своими правилами вежливости: это был горожанин, слегка разочарованный и чувствительный. В его стихах воспеваются пение птиц и крепкие напитки; это сделало его уязвимым для моралистов из его собственной партии и для сторожевых псов противника.

Он и сам был моралист, в сентенциозной и полной вражды атмосфере склонный к снисхождению к самому себе. Результат был предсказуем. Оуяна Сю преследовали обвинения в неподобающем поведении. Он споткнулся на собственном принципе: «Единство взглядов и стыд — главные методы укрепления личности. Без единства приемлемо все. Без стыда все возможно»¹⁷.

Вначале его племянница, чьим опекуном он был, обвинила его в 1045 году в том, что он изнасиловал ее, перед тем как выдать замуж. По главному обвинению его оправдали, но признали виновным в том, что землю, купленную в приданое племяннице, он зарегистрировал на свое имя. Его карьеру прервало трехлетнее изгнание в Чучоу, где, как пишет сам Оуян, он ежедневно напивался. Восстановив свою репутацию, он вернулся ко двору и здесь пережил пик реформ, но в 1067 году разразился новый скандал, от которого Оуян Сю так никогда и не оправился. Его обвинили — по-видимому, ложно, так как никаких доказательств не было представлено, — в связи с его старшей невесткой и выслали в провинцию, где он занимал разные должности, пока в 1071 году ему не разрешили уйти в отставку.

Между тем он стал свидетелем торжества более радикальной партии, политику которой не одобрял: партия, которую возглавлял Ван Ань-ши, руководствовалась мистическим идеализмом, вдохновляемым буддизмом; Оуян Сю чуждался буддизма. Ван считал жизнь подобной сну и ценил «достоинства сна» не меньше практических результатов. Идею об ответственности правительства он довел до крайности и искал совета «у крестьян и служанок»¹⁸. Начальным пунктом реформ он сделал современные проблемы, а не древние модели. Оуян Сю удалился в одиночество и забвение своего «павильона старого пьяницы», и теперь его тре-

вожило лишь одно, чтобы «будущие поколения не смеялись надо мной»¹⁹.

Как официальное лицо Оуян Сю всегда был сторонником взвешенного и осторожного отношения к проблеме враждебности степняков. Он доказывал, что в конечном счете цивилизация всегда выиграет в столкновении с варварами; там, где варвара нельзя удержать, его остановит стыд; там, где его невозможно обуздать силой, на него подействует пример; если не отбить кулаком, можно отразить легким движением пальцев; там, где нельзя покорить войной, можно это сделать милостью. Или, говоря словами другого реформатора,

отложи... доспехи и луки, используй мирные слова и щедрые дары... пошли принцессу, чтобы получить дружбу... доставляй товары, чтобы обеспечить прочные связи. Хотя это унизит достоинство императора, но положит конец войне на трех границах... Кто станет истощать ресурсы Китая, чтобы ссориться со змеями и свиньями? Нападения варваров в прошлые времена сравнимы с укусами оводов или комаров... Сейчас время укрепить дружбу и противиться распространенным требованиям... заставить негодяев принять нашу человечность, и они погасят огни на границах. Это будет великим приношением на алтарь наших предков²⁰.

Такую политику принимали без радости. Оуян Сю вспоминает историю древней принцессы, которую выдали замуж, чтобы смирить некоего северного принца. «Кто выдаст дочь хана за варвара?» Она подставила нефрит своего лица бесчувственному песку и ветру и сочиняла музыку, чтобы смягчить свое одиночество. «Принцесса с нефритовым лицом умерла на краю света», но ее музыка вернулась домой, где ее играют во внутренних покоях девушки с тонкими пальцами; они не в силах представить себе «пустое небо», навевшее эту музыку, или «желтые облака на бесконечных просторах». «Откуда им знать, что эти мелодии могут разбить сердце?»²¹

Возникновение монгольского империализма

В течение описанного периода и все последующие две-сти лет степь оставалась людским котлом, постоянно кипевшим, иногда перекипавшим, углубляться в который было очень опасно. Соседи, считавшие себя цивилизованными, редко осмеливались на это. Все изменилось в XIII веке, когда впервые в истории — во всяком случае, насколько нам известно — на всем пространстве степи возникло единое государство.

Подобно всем великим революциям, эта начиналась в крови, но кончилась конструктивно. Когда союз монгольских племен, ставший центром разрастающегося государства, впервые начал угрожать соседям, казалось, он несет гибель цивилизации — истребляет оседлых жителей, стирает с лица земли города, презирает то, что его враги считали высокой культурой. Однако этот же союз сыграл уникальную реформирующую роль в истории цивилизации Евразии. Вначале людей за пределами степи, от христианского мира до Японии, объединил страх перед самым страшным завоевателем, какого когда-либо порождала степь; потом тот же самый завоеватель навязал им единый мир. И на сто лет после первоначального ужаса монгольского завоевания степь стала дорогой быстрых связей, она соединила окраины огромной территории и способствовала распространению культуры по двум континентам.

Монгольское завоевание зашло дальше и длилось дольше, чем все предшествующие кочевые империи, отчасти благодаря доблести и харизме отдельно взятого военного предводителя. Сегодня память о Чингисхане сводится к двум мифам. Во всем мире его имя — синоним безжалостности и жестокости; в Монголии он превращен в народного героя (кстати, при коммунистах его имя почти не разрешалось упоминать, поскольку его образ не вязался с образом «типичного миролюбивого монгола») ²². О том, какое впечатление он производил на современников своим неподкупным варварством, свидетельствует история Чан Чуна, даосского мудреца, вызванного к Чингисхану в 1219 году. «Долгие годы, проведенные в пещере в скалах», сделали этого мудрого человека почитаемым повсюду; но в возрасте семидесяти одного года он «готов был явиться по призыву двора Дракона» и предпринять трудное

трехлетнее путешествие, чтобы прибыть к хану, к подножию Гиндукуша. Но были принципы, которые мудрец не желал нарушать даже ради хана. Он отказался ехать с новыми обитательницами ханского гарема и не поехал через места, «где нет овощей» — он имел в виду степи. Однако он пересек пустыню Гоби, поднялся на «горы страшного холода» и проследовал по диким местам, где его сопровождающие смазывали лошадей кровью, чтобы отогнать демонов²³. Один из его учеников в своем рассказе приводит слова самого Чингисхана, демонстрирующие качества, которыми восхищался Чан Чун: «Небеса устали от чрезмерной роскоши Китая. Я остаюсь в дикой местности на севере. Я возвращаюсь к простоте и снова ищу умеренности. Я ношу ту же одежду и ем ту же пищу, что пастухи и конюхи, и обращаюсь с солдатами как с братьями»²⁴.

Насилие, свойственное степям, обратилось вовне, к соседним цивилизациям. Чингисхан сумел навязать степному миру беспрецедентное единство. Созданный им союз племен действительно представлял объединенное усилие жителей степи, направленное против окружавших степь оседлых жителей. Он был одушевлен единой простой идеологией: Бог дал монголам право завоевать весь мир, и это право подкреплено вселяемым страхом. После смерти Чингисхана набранная союзом инерция привела армии монголов в 1241 году на берега Эльбы и в 1258 году на берега Адриатики. В 1260 году они добрались до края Африки. В 1276 году завершили трудное завоевание Китая, побудив пехоту пересечь рисовые поля, где не могла действовать монгольская конница, и используя осадную технику против городов, так как здесь не помогала обычная монгольская тактика ведения войны.

В письмах, отправленных из императорского двора в то время, когда монголы готовились к завершению войны, звучат трагические ноты. В 1274 году вдовствующая мать императора Цзин Сяо рассуждала о том, в чем вина Китая:

Падение империи, я думаю, есть следствие неустойчивости нашей морали. Сердце благожелательного и заботливого неба выражено в звездах, но мы не послушались их. Изменения земной орбиты предсказывали наводнения, но мы не обратили на

них внимания. Звуки печального плача слышались повсюду в природе, но мы не стали искать причину. Голод и холод охватили наши армии, но мы не смогли их утешить²⁵.

Последняя битва произошла в 1275 году при Чанчао. В ней участвовал поэт И Тинкао:

Миллион человек нагрянули с запада.
Не было сил сопротивляться,
Одни в сражении, приготовившись умирать,
ощущали мы острый запах пыли на поле битвы.
Никто не выжил, чтобы рассказать о случившемся,
О том, как солнце садилось за стены,
о зеленом свечении смерти²⁶.

В феврале 1276 года, когда все его советники разбежались и мать готовилась к бегству, молодой император написал монгольскому хану письмо, в котором отрекся от престола:

Я, правитель великой империи Сун, Чжао Сянь, сотни раз склоняю голову, передавая этот документ Вашему Величеству, Милостивому, Сверкающему, Возвышенному и Доблестному Императору... Я, Ваш слуга, и царственная вдова денно и ночью жили в тревоге и страхе. Мы хотели сохранить жизнь, чтобы продолжить династию в изгнании. Но расположение Неба изменилось, и Ваш слуга решил измениться вместе с ним... Ваш слуга, возможно, одинок и слаб, но мое сердце, переполняемое чувствами, не может смириться с перспективой внезапного уничтожения трехсотлетнего имперского алтаря моих предков. Будет ли этот алтарь заброшен или сохранен в целости, зависит исключительно от новой морали, которую Вы принесете на трон²⁷.

Месяц спустя другой поэт, Ван Юаньлин, ожидая окончания сопротивления в Линане, последней крепости империи, слышал:

Толпы придворных в императорских покоях...
За закрытыми жемчужными ставнями
Слушали топот множества бородатых всадников
Перед дворцом²⁸.

Таковы были картины гибели государства. Глубину полученной травмы можно увидеть в тех немногих литературных произведениях, какие сохранились от тех дней: предсмертные записки самоубийц, горестный плач о судьбе любимых, исчезнувших в хаосе, убитых или обращенных в рабство. Годы спустя Ни Пичуан, настоятель даосского монастыря, вспоминает утрату жены: «Я до сих пор не знаю, приняли ли тебя за другую по причине твоей красоты и можешь ли ты, окруженная лошадьми, по-прежнему покупать косметику»²⁹.

Куда бы ни двинулись монгольские армии, их страшная слава опережала их. Армянские источники предупреждают жителей запада о приближении «предтеч Антихриста... ужасных внешне и не знающих жалости... которые к убийству стремятся с радостью, точно на свадебный пир или на оргию». По Германии, Франции, Бургундии, даже по Испании, где о монголах раньше никогда не слышали, а теперь постоянно видели их в кошмарных снах, прокатилась волна слухов. Говорили, что монголы похожи на обезьян, лают, как собаки, едят сырое мясо, пьют мочу своих лошадей, не знают законов и не проявляют милосердия³⁰. «Моя величайшая радость, — говорил, согласно этим слухам, Чингисхан, — проливать кровь врагов и заставлять плакать их женщин»³¹. Осада монголами городов неизменно заканчивалась бойней, в ходе которой, как в Герате, погибало все население города. Когда монголы захватили Багдад, последний калиф был затопан насмерть — акт надругательства, долженствовавший выразить презрение монголов к врагам.

Однако в монголах было не только то, о чем свидетельствуют эти картины. В конце своего пути Чингисхан превратился в законодателя-провидца, покровителя науки и искусства, строителя мощной империи. Чтобы понять созидательную силу монголов, превосходящую их разрушительные возможности, нужно отвернуться от варварства на полях

битв и посмотреть на кочевников в домашней обстановке: их образ жизни сохранился почти без изменений среди шатров и стад кочевников наших дней. Восстановить его можно по страницам записей посла-францисканца, который ярко описал то, что увидел при дворе наследника Чингисхана в 1253 году. Посланный королем Франции, который надеялся установить дипломатические отношения с монголами, он в мае на корабле переплыл Черное море и двинулся в кибитке по степи.

«Через три дня, — пишет он, — мы встретили монголов, и я почувствовал, что мы вступаем в другой мир». К ноябрю он добрался до Кенкека, «голодный, умирающий от жажды, замерзший и истощенный». В декабре он поднялся высоко в страшные горы Алтая, где среди ужасных скал читал «Отче наш», чтобы отогнать демонов». И наконец в Вербное Воскресенье 1254 года он вступил в монгольскую столицу Каракорум. Тогда она выглядела ненамного более постоянной, чем лагерь кочевников. Сегодня здесь только руины³².

Брат Вильям Рубрукский всегда утверждал, что он простой миссионер; но встречали его как посла, а сам он проявил незаурядные качества разведчика. Он понимал, что у сезонных миграций монголов есть научная основа и что именно с ними связано их военное могущество. «Каждый командир, — пишет он, —

в зависимости от того, сколько людей в его подчинении, знает границы своих пастбищных земель, знает, где пасти стада летом и зимой, весной и осенью»³³.

Вильям не упускает ничего полезного или любопытного. Но у него есть и вообще характерный для монахов-миссионеров интерес к местной культуре. Его наблюдения многие столетия оставались непревзойденными. И сегодня в монгольской юрте можно увидеть тот же общий план, то же расположение вещей и мебели, те же социальное пространство и образ жизни, какие описывал Вильям³⁴.

Основанием юрты служит обруч из переплетенных ветвей, «опора стен тоже из ветвей, сходящихся вверху к другому, меньшему обручу, из которого выходит наружу труба

типа каминной». Стены покрыты белым войлоком, выбеленным мелом или зачерненным; «и верхнюю часть стен украшают разными красивыми рисунками». Лоскутное одеяло у входа покрыто изображениями птиц, зверей и деревьев.

Эти жилища достигают тридцати футов в поперечнике. Я сам измерил расстояние между колесами кибитки в двадцать футов, и, когда жилище ставят на кибитку, оно выдается по обеим сторонам по крайней мере на пять футов. Быков, перевозивших кибитку с жилищем, я насчитал двадцать два... Ось кибитки величиной с корабельную мачту, и один человек стоит у входа в жилище на кибитке и управляет быками³⁵.

Внутри вся обстановка такая же, как и сегодня.

Когда они сгружают свои дома, то устанавливают непременно входом на юг... кибитки с вещами ставят по обе стороны от юрты на расстояние в половину броска камня, так что жилище стоит между двумя рядами кибиток, как между двумя стенами³⁶.

У каждой жены хозяина дома — своя юрта. Постель хозяина располагается напротив входа, у северной стены. В противоположность китайским правилам почтительности женщины сидят с восточной стороны, а мужчины справа от хозяина. Онгходд — войлочные изображения предков — расставляются вдоль стен над головами хозяина и хозяйки, и между ними помещается образ духа-хранителя; другие изображения, украшенные выменем коровы и кобылы, висят соответственно над головами мужчин и женщин. Вся семья собирается в юрте той жены, которую хозяин выбрал на ночь; здесь пьют, совершив предварительно возлияния предкам. «Я бы все для вас нарисовал, — уверяет Вильям читателей, — да не умею»; тем не менее его словесные описания очень точны и позволяют все наглядно представить³⁷.

Вильям живо изображает местность — такую ровную, что одна женщина может управлять тридцатью кибитками,

связанными веревками. «Нигде, — пишет Вильям, — у них нет постоянного города», а о «городе, который придет», то есть о небесном Иерусалиме, — «они вообще не знают».

Они разделили между собой Скифию, которая начинается от Дуная, где встает солнце, и каждый племенной вождь, в зависимости от того, сколько людей в его подчинении, знает границы своих пастбищных земель, знает, где пасти стада летом и зимой, весной и осенью.

Он описывает рацион, отражающий экологию степей. Хотя у монголов много разновидностей скота, лошадь — главный партнер в их экосистеме; для них она была почти так же важна, как американский бизон для жизни человека на Великих Равнинах. Основная пища летом — кобылье молоко. Внутренности и мясо лошадей, умерших естественной смертью или переживших свою полезность, давали вяленое мясо и колбасы на зиму. «Очень хорошую обувь» делают из «задней части лошадиной шкуры». Пьют, по примеру склонной к пьянству элиты, перебродившее кобылье молоко, что сопровождается обрядами: возлияниями онгходду и по всем четырем сторонам света, музыкальным сопровождением, соревнованием в количестве выпитого, которое заканчивается тем, что побежденного хватают за уши и сильно дергают, «заставляя извергнуть содержимое желудка, а сами в это время хлопают в ладоши и танцуют вокруг него»³⁸.

Вильям рассказывает о жизни ханского двора и подробно передает свои беседы с постоянно пьяным Монгкой, внуком Чингисхана, — беседы, в которых, несмотря на хвастовство и самодовольство хана, раскрываются черты, которые сделали монголов его эпохи великим народом: терпимость, приспособляемость, уважение к традициям. «Мы, монголы, верим, — говорит Монгка, если Вильям правильно его понял, — есть лишь один Бог, в Ком мы живем и в Ком умираем, и к Нему всегда обращены наши сердца». Расставив руки, он добавил: «Но так же как Бог дал разные пальцы ладоням, так Он дал людям разную веру»³⁹.

Наступивший мир не изменил кочевого образа жизни монголов, но о терпимости завоевателей к другим культурам свидетельствуют слова хана Монгки — хан Хубилай говорил Марко Поло примерно то же самое. Поэтому монголы, сохраняя на родине традиционный уклад, в других странах готовы были частично усвоить иные привычки. Например, в Китае они переняли обычаи завоеванного общества. Когда один из его полководцев предложил уничтожить десять миллионов китайских подданных, Чингисхан не согласился и постановил взамен взять в виде налогов с этих десяти миллионов 500 тысяч унций серебра, 80 тысяч отрезков шелка и 400 тысяч мешков зерна. Знамя с хвостом яка, под которым сражался Чингисхан, его наследники заменили тенью китайского зонтика. Основатель империи передвигался верхом на лошади, а его внуку для переезда требовались четыре слона. Для его предков хорош был самый простой дом, а хан Хубилай выстроил в Шантунге дом наслаждений из позолоченного тростника.

Кое-кто из китайских подданных негодовал на чужеземные обычаи хана: на возлияния перебродившего кобыльего молока, которые он совершал перед богами, на варварские пиры с поеданием мяса в огромных количествах, на его приближенных, которых он отбирал вовсе не из конфуцианской элиты, точнее, вообще за пределами Китая. Марко Поло сообщает, что всем китайцам

ненавистно правление великого хана, ибо он поставил над ними степняков, большинство которых мусульмане, китайцы же не могут этого вынести, поскольку считают себя рабами. Более того, великий хан не имеет титула правителя Китая, потому что захватил эту страну силой. Оттого, не доверяя людям, он поставил у власти жителей степи, сарацин и христиан, которые связаны с его двором и преданы ему лично, но не являются коренными китайцами.

Действительно, Хубилай оставался монгольским ханом; но он же был подчеркнута китайским императором, совер-

шал положенные обряды, одевался на китайский манер, изучил язык, покровительствовал искусствам, сохранял традиции и защищал интересы китайских подданных. Марко Поло, служивший при его дворе кем-то вроде Шахерезады мужского пола и рассказывавший необычные истории о разных концах света, называет его «самым могущественным повелителем людей, земель и сокровищ со времен Адама до наших дней»⁴⁰.

Соппротивление и обширность мира ограничили стремление монголов к завоеванию вселенной. В 1241 году христианский мир спасся благодаря тому, что из-за целого ряда кризисов наследования монгольские орды повернули назад. В 1260 году одно из редких поражений заставило их покинуть Африку; их разбила армия энергичного египетского султана, который похвалялся, будто встает нагой из ванны, чтобы прочесть срочное сообщение, и получает в Дамаске ответ из Каира за четыре дня⁴¹. Ведя кампании южнее и восточнее Китая, хан Хубилай достигал лишь скромных и временных успехов. На Яве монголы лишь сменили одного туземного правителя другим, но не установили своего постоянного господства. В Кашмире и Вьетнаме собранная добыча не оправдала стоимость кампании. Везде первоначальный успех сводили на нет огромные расстояния, климат и неуступчивость враждебно настроенного населения. Яву, которую, будь она покорена, могла бы стать первой заморской колонией самой первой морской империи, защитили муссоны. От Японии армии Хубилая отогнали убийственные ветры — божественные тайфуны, которые превращают подветренные берега в смертоносную летнюю ловушку⁴². Западная Европа жила в безопасности благодаря своей удаленности и непривлекательности. В 1296 году монгольская армия, «подобно ураганному потоку мучений»⁴³, попыталась вторгнуться в Индию, города которой заполнили беженцы, но понесла большие потери и повернула назад.

В истории обычны случаи, когда пыл завоевателей угасал, а кочевников соблазнял более мягкий образ жизни завоеванных. Монголов укротил их успех. Ответственность за империю и контакты с оседлыми народами цивилизовали их. Монгольский ужас, достигнув пределов и обратившись к ми-

ру, научился искусству мирной жизни. Вильям Рубрукский описывает фонтан во дворце Каракорума:

На серебряном дереве трубящий ангел; дерево оплетает позолоченный змей и охраняют его серебряные львы; из их пастей льется кобылье молоко, а с ветвей дерева струятся ручейки разных напитков, сделанных из риса, молока или меда; эти напитки подают на пирах хана.

Парижский мастер, создавший этот фонтан, все еще оставался в Каракоруме⁴⁴. Типичный пример того, как монгольская дорога, протянувшаяся вдоль всей степи, способствовала распространению влияний в обоих направлениях.

Монгольские дороги: столбовой путь цивилизации

Осознав преимущества цивилизации, которые способны давать дороги, монголы тотчас стали дорожной полицией. Например, в 1246 году Джованни Плано Карпини проехал на монгольских лошадях три тысячи миль за 106 дней. Дорожные порядки кажутся нам странными — но они составляют жизненно важную часть нашей истории. Без установленного монголами мира трудно представить, что дальнейшая история западного мира развивалась бы знакомым нам образом: ведь именно эти дороги донесли до Европы китайские идеи, способствовали продвижению на запад технологии и раскрыли перед европейцами картину обширности мира. Роль монголов в истории не заканчивается на границах их империи: ее можно увидеть повсюду, куда вели дороги.

Они привели уникального исследователя Раббана Саумы из столицы хана Хубилая Таи-ту в Париж.

Раббан Саума проехал не по степной дороге, а южнее, по охраняемому монголами пути через Персию. Мы отправимся вместе с ним: искушение проехать с единственным известным китайским свидетелем, побывавшим в средневековой Европе, поистине непреодолимо. Выбор южного маршрута

определялся идеями, которые вдохновляли путешественника. Как христианин-несторианец, он, отпущенный из своего монастыря, хотел побывать в Иерусалиме и посетить общины своих единоверцев, от щедрот которых рассчитывал обеспечить свое существование. А это означало движение по Шелковому пути, на котором через определенные промежутки располагались несторианские монастыри. В уцелевшем и сильно отредактированном экземпляре дневника он мало рассказывает о местах, знакомых его читателям, пока не добирается до Ильханата — монгольского государства с центром в Персии. Здесь он встретился с патриархом несторианской церкви Маар Денной: это произошло в Марагхе (нынешний Азербайджан), тогдашней интеллектуальной столице западного монгольского мира. Здешняя библиотека насчитывала четыре тысячи книг, а недавно построенная обсерватория была известным центром разработки научных технологий и местом встречи ученых — отлично расположенное пристанище на идущей в западном направлении дороге восточной мудрости. Патриарх предсказал, что путешествие Раббана завершится успешно, и тут же начал делать все, чтобы помешать ему продолжить путь, вначале назначив его своим личным представителем при дворе Ильхана, а затем искушая повышением, для чего требовалось вернуться в Китай.

Даже смерть патриарха не освободила Раббана: напротив, ее сложные последствия еще глубже погрузили его в политическую жизнь Персии, потому что его друг и спутник, китаец, ставший известным под именем Мар Ябаллаа, был избран на патриарший трон. И Раббан Саума не сумел выполнить свои заветные желания: продолжить путешествие или, если не удастся, удалиться в монастырь. Но в 1286 году, через десять лет после выезда из Китая, Ильхан поручил ему дипломатическую миссию, отправив в западные христианские королевства, договориться о союзе против общего врага — султаната мамелюков Египта.

На пути в Рим Раббан стал свидетелем извержения вулкана Этна и сражений анжуйской войны; в Риме ему была оказана уникальная честь: его принял конклав, собравшийся для выборов очередного папы. Но пока папа не был избран, никакие серьезные переговоры не были возможны, и поэтому

Раббан решил все-таки добраться до Парижа, откуда в последнее время не раз уходили крестоносцы. И здесь впервые за все время он обнаруживает интересы за рамками дипломатического поручения и религиозных проблем. Он признает Париж интеллектуальным центром, не уступающим Марагхе, с известными школами астрономии, математики, медицины и теологии. Перед возвращением в Персию он дает причастие королю Англии, в Вербное воскресенье 1288 года сам получает то же таинство из рук вновь избранного папы Николая IV и чувствует, как сотрясается земля в Великую Пятницу, когда собравшаяся конгрегация произносит «аминь». Однако привезенные им многочисленные письма не содержат согласия на союз с монголами. В них только призывают Ильхана креститься, несториан реформироваться, а католиков при дворе Ильхана сохранять верность⁴⁵.

Миссия Раббана Саумы показала, насколько все-таки велика Евразия: пространство, через которое монгольский мир перебросил мост, было тем не менее трудно преодолеть с точки зрения культуры. Единственным общим языком, который был знаком и Раббану и переводчикам, оказался персидский, и по многочисленным ошибкам, допущенным Саумой в понимании западной жизни и политики, очевидно, что при переводе терялось очень многое. Например, он принял дипломатически сформулированные возражения за согласие, а уверения в уважении Христа — за готовность согласиться с его религиозными доктринами. Тем не менее то, что он завершил свое путешествие тогда, когда Марко Поло и другие западные путешественники проделали нечто подобное в противоположной стороне света, свидетельствует об эффективности стремлений монголов сделать Евразию доступной. Действительно, текст Раббана Саумы, при все своей превратности и неполноте, представляет собой поразительное доказательство взаимной достижимости противоположных краев огромного пространства земли. Трудно не прийти к тому заключению, что революционный опыт западной культуры того времени: технологический прогресс, новации в искусстве, взгляд на реальность глазами новой науки — отчасти объясняется влияниями, пришедшими по дорогам, которые создали и охраняли монголы.

Постепенно и сами монголы переносили в степи условия удобной городской жизни. В начале второй половины XVI века возник Коке Кота, «Синий город», постоянная столица вблизи нынешней границы Внутренней и Внешней Монголии. Его основатель Алтан-хан отчасти сохранил традиции предков: так, он лечил свою подагру, сбрасывая в ущелье тела принесенных в жертву, но в то же время окрестности своей столицы он усеял буддийскими монастырями, посылал за переписчиками в Пекин и организовал запись переводов на таблички из древесины яблони⁴⁶.

Однако в истории цивилизации степи сыграли роль не колыбели, а катализатора. Монгольский мир совпал с периодом наиболее интенсивных трансевразийских коммуникаций, которые были перенаправлены или проводились более безопасно в направлении, которое они приняли бы и без этого. Например, бумага была китайским изобретением, которое уже добралось до запада через арабов: говорят, тайна ее производства была раскрыта в Самарканде китайским техником, взятым в плен в битве при Таласе в Фергане в 751 году (см. ниже, с. 389). Но лишь в конце XIII века ее оценили в Европе как главный вклад в то, что мы сегодня называем информационной технологией. Порох и домна, впервые добравшись до Европы в монгольский период, воспринимались вначале как проявления волшебства. С последствиями для будущего развития, которые трудно переоценить, западная наука становилась все более похожей на давнюю китайскую традицию као-чен: более эмпиричной, более опирающейся на чувственное восприятие, более склонной к наблюдениям за природой как подготовке к подчинению сил природы⁴⁷.

В Парижском университете, которым так восхищался Раббан Саума, ученые культивировали истинно научный способ постижения архитектуры мира. Конечным продуктом стали на редкость вразумительные системы знаний и веры, разработанные парижскими энциклопедистами XIII века, особенно в трудах величайшего интеллекта века (одного из величайших во все века) Фомы Аквинского, от чьего всевидящего внимания, организованного в точных категориях, не ускользало ни что из известного из опыта и практики. Недалеко от Парижа, в Шартре, можно увидеть картину такого

рода, где на стекле систематически изображено строение вселенной. Это измеримая вселенная, изображенная французским художником с помощью циркуля; она подобна пушистому шару, зажатому в щипцы⁴⁸.

Роджер Бэкон, профессор Парижского университета 1240-х годов, утверждал, что научные наблюдения могут подтвердить Священное Писание, что медицинские эксперименты способны расширить знания и спасти жизнь и что с помощью науки можно усмирить и обратить в истинную веру неверных. Современники с подозрением относились к его интересу к язычникам и мусульманским книгам; но его труды по оптике свидетельствуют об уверенности века в реальности объектов восприятия и надежности сил, которые открывают их нашему зрению. Его образ — образ мудрого сокольника, способного извлекать уроки из опыта, привлекал наиболее безжалостного экспериментатора века императора Фредерика II, чье презрение к общепринятому принесло ему славу «ошеломляющего мир». Император был знатоком соколиной охоты и гордился тем, что знает о ней больше Аристотеля. Говорят, он приказал вскрыть брюшную полость двум людям, чтобы изучить различное влияние сна и физических нагрузок на пищеварение; что он вырастил детей в тишине, «чтобы решить вопрос, заговорят ли они на древнееврейском языке, который был самым первым языком, или на греческом или арабском, или на языке своих родителей; но трудился он напрасно, потому что все дети умерли»⁴⁹.

С одной точки зрения реализм, который все отчетливее проявляется в картинах западноевропейских художников, есть результат роста престижа чувств: нарисовать то, что видишь своими глазами, значит наделить достоинством предмет, который ранее считался недостойным искусства. Молитвы по четкам, появившимся в начале XIII века, побуждали верующих представлять себе священные таинства с яркостью картин повседневной жизни, будто увиденные воочию. Так искусство связало науку и религиозные чувства своего века. Живопись, представленная в церквях францисканцев, вводит зрителей в священные места, они словно становятся свидетелями жизни Христа и святых. Она вызывает сильные эмоции своим неслыханным реализмом — зритель смотрит на мир

таким же взглядом, как новые мыслители-ученые. Она любовно описывает природу: воронов, которым молится святой Франциск, животных, пейзажи, солнце и луну, которых святой называл сестрами и братьями.

Эти эксперименты и достижения воображения не ставили западную науку в один ряд с китайской, в которой наблюдение и эксперимент господствуют в научной традиции с первого тысячелетия до н. э.⁵⁰ Единственное слово, которым когда-либо называли даосские монастыри, означает «наблюдательная башня» — платформа, с которой можно наблюдать природу и давать естественные объяснения ее явлениям. Конфуций считает даосизм суеверным фетишизмом, но даосы противоречили собственной мистике доктриной о том, что для человека, который должен покорить природу, она подобна диким животным или врагам: чтобы ее приручить или покорить, вначале нужно ее узнать. Такой взгляд способствовал развитию научной практики наблюдения, эксперимента и классификации⁵¹. Прodelкам Фредерика II предшествовали опыты легендарного Цзу Сина, который вскрыл грудную клетку своему двоюродному брату, чтобы проверить, действительно ли у сердца мудреца семь отделов; увидев крестьян, переходящих вброд ледяную реку, он приказал сломать им ноги, чтобы проверить действие низкой температуры на костный мозг⁵². Изобретения, новые для Запада, в Китае были уже старыми: бумага, порох, компас. В большинстве основных технологий, преобразивших мир, Китай опередил Запад на срок от одного до тринадцати столетий. XIII век стал периодом, когда большинство этих открытий начало перемещаться на Запад. И монгольский мир стал главным средством этого перехода.

Но почему другие травянистые степи не сыграли подобной роли? Почему контакты через американскую прерию или пампасы имели до XIX века такие слабые результаты? И почему взаимообогащение цивилизаций на разных концах Евразии не повторилось в африканском Сахеле? В Америке развитие затормозили два неблагоприятных обстоятельства: позднее начало и расположение прерий в направлении север-юг, что означало необходимость при установлении контактов между цивилизациями пересекать климатические барьеры.

Как мы увидим (см. ниже, с. 188–190), подобные контакты время от времени устанавливались, но в очень скромном масштабе и с неясными последствиями. В Африке мы видели, что политическая история Сахеля не благоприятствовала распространению культур на далекие расстояния: рост любой империи наталкивался на препятствия — на юге это было государство Борну, на севере — кочевники пустыни; не нашлось народа, который сыграл бы объединяющую роль монголов в Евразии или сиу на Великих американских равнинах. Как ни парадоксально, но для создания долговременных империй африканская саванна чересчур богата по сравнению со степью или прериями: здесь возникали региональные культуры, которые довольствовались ограниченным местным окружением. Государства с имперскими амбициями расширялись здесь вдоль торговых маршрутов, ориентированных с севера на юг и нацеленных на соединение края пустыни с краем тропического леса. Расширение с востока на запад в Сахеле оказалось относительно невыгодным. Тем не менее, хотя он никогда не был эффективным средством связи между цивилизациями, этот район дал еще более впечатляющие результаты, породив самобытные цивилизации, более значительные по обычным меркам цивилизованной жизни, чем в любом другом сопоставимом окружении.

Часть третья
ПОД ДОЖДЕМ

*Цивилизации тропических низин
и постледниковых лесов*

*Птицы строят гнезда — но я не строю;
Я, евнух времени, лишь стою напряженно,
И ничто не может разбудить меня.
О Ты, Бог Жизни, пошли дождь моим корням!*

Джерард Мэнли Хопкинс. Поистине
справедлив Ты, Господи

...Когда, например, в деревне около Дерпта (современный Тарту) испытывали необходимость в дожде, обычно трое мужчин взбирались на высокие ели в священной роще. Один из них в подражание грому бил молотком по котелку или небольшому бочонку; второй в подражание молнии высекал искры из горящих головней, а третий — его называли «вызыватель дождя» — разбрызгивал во все стороны воду из сосуда с помощью связки веток. Чтобы положить конец засухе и вызвать дождь, девушки и женщины из селения Плоска приходили ночью нагими к околице и лили там воду на землю. На большом острове к западу от Новой Гвинеи — его название Гальмагера, или Гилоло, — шаман вызывает дождь, разбрызгивая воду по земле веткой, сорванной с определенного вида дерева. В Сераме достаточно посвятить кору дерева определенного вида духу и бросить ее в воду...

Дж. Фрейзер. Золотая ветвь¹²

*Почему я больше не в наших лесах,
Вдали от этих смертельных берегов?
Это вы, жестокие, вы и ваши законы,
Это вы, кого следует называть дикарями.*

Гурон: комедия¹³

5. Дикие леса

Постледниковые леса и леса умеренного пояса

*Случаи обезлесивания. — Американский Юг. —
Североамериканские леса умеренного пояса. — Европа.*

Сейчас только углубление в земле и покрытые землей камни подвала остались от жилища, и земляника, ежевика, малина, лещина и сумах растут здесь на солнечном газоне; сосна или искривленный дуб стоят на месте очага, а там, где когда-то был камень порога, растет душистая черная береза. Иногда можно увидеть яму от источника; когда-то из него струилась вода, но теперь здесь сухо и все поросло травой; или вода ушла в глубину и будет открыта заново когда-нибудь в будущем; сейчас она под плоским камнем, покрывшимся почвой, когда ушли последние люди.

Торо. Уолдо, или Жизнь в лесу¹⁴

Кто знает, придут ли сюда когда-нибудь в поисках выгоды или занятия люди вырубить лес, но кто бы они ни были, какому бы закону ни подчинялись, я назову их варварами. «Я запрещаю вам делать это... Это лес королей, епископов, принцев, крестьян... он не принадлежит ни вам, ни мне. Он принадлежит только Богу».

Стефан Жеромский. Puszcza Lodlowa¹⁵

Слезы деревьев: человек учится уничтожать леса

Запасшись письменным разрешением архиепископа Лионского, Роббер де Моле и его товарищи вернулись в 1098 году в монастырь, чтобы набрать достаточно людей для осуществления нового монашеского предприятия. К ним присоединился 21 доброволец, и они

углубились в дикую местность, известную как Сито и расположенную в епископстве Шало, куда редко заходили люди и где жили только животные, потому что вся местность была покрыта густыми лесами и колючим кустарником. Когда божьи люди пришли сюда и поняли, что чем менее привлекательна эта земля для мирян, тем больше она подходит им, они, срубив лес и расчистив кустарник, принялись строить монастырь¹.

Это было настоящее колонизаторское предприятие на неисследованном фронтире. Это также было чем-то вроде реконкисты — возвращение богу земли язычников. В лесу жили демоны, феи, эльфы, древесные духи и «зеленые человечки» — в лесу или в деревьях с изменчивой внешностью. Здесь с дубов и сосен спрыгивали гиганты, полные злых намерений; деревья могли ходить на корнях, они следили за вами невидимыми глазами и способны были сцапать своими ветвями. Лес был полон неизгнанного зла; в нем жили существа первобытного мира, они скрывались в тенях и перебежали между корнями и ветвями рощ, которые многие поколения считали священными. Чарльз Кингсли точно описал восприятие лесов Центральной Европы сознанием тех, кто в Средние века жил к западу от них:

Земля ночи и чудес... полная лосей и быков, медведей и волков, рысей и росомах, а может, и чу-

довищ пострашней... ибо здесь царило варварство, отвратительней самой из отвратительных черт цивилизации... люди-деревья, люди, принимающие облик зверей, великаны, чудовища, оборотни, здесь таились браконьеры, воры и преступники, многие из которых жестокие маньяки; обнаженные, жили они в ямах и пещерах и не знали иного закона, кроме своей злобы и похоти; они ели человеческую плоть; и горе женщине, ребенку или невооруженному мужчине, который попадет в их безжалостные когти².

Лес проникнут языческой чувственностью. Даже поляны укутаны тенью, в которой таятся воспоминания о нимфах и сатирах. На толстом слое листвы под ногами сохранились отпечатки их тел и следы. Почва леса, пропитанная смолистым запахом сосны, помнит их непристойные обряды. В такой среде пуританину типа Мильтона очень легко представить себе колдунов и чудовищ, «поклоняющихся Гекате». В языческих рощах росли священные деревья, которые христианские святители срубали на церкви или кресты. Свидетели утверждают, что святой Мартин встал на то место, куда должно было упасть срубленное священное дерево: он отразил его крестным знаменем. Святой Бонифаций привлек множество последователей хладнокровием, с которым предназначил священный дуб Гисмар для строительства часовни. Карл Великий придал войне с саксами священный характер, вырубив в 772 году рощу Ирминсул — рощу «мирового дерева»³. Эфиопский монах XII—XIII веков святой Такла Хейманьот уничтожал «дьявольские леса» (см. ниже, с. 377). Другой эфиопский святой, король Йемрехана Крестос, заслужил в XII веке упрек Сатаны, когда начал рубить леса на строительство зданий:

Почему ты заставляешь меня покидать мои скалы, где я жил, когда так много людей поклонялись мне и были моей радостью?.. И тогда Йемрехана срубил все деревья и кусты и сжег их огнем⁴.

Самый распространенный символ христианства представляет собой срубленное или выкорчеванное дерево, со срезанными ветвями и с прибитым к нему человеком.

Светским спутником христианства в Средние века был рыцарский эпос, в котором также заметна антипатия к лесу. Воображаемый *homo silvester*, «дикий лесной человек», изображен противником рыцаря в бесчисленных произведениях искусства, он свирепо и страстно бросает вызов своему цивилизованному сопернику, он «ест сырым мясо и рыбу»⁵ и соревнуется в овладении землями и женщинами. У всех цивилизаций, уничтожавших леса, были такие привидения. Энкиду, волосатый спутник Гильгамеша, побуждает его сразиться с еще более волосатым чудовищем за обладание лесом в Ливане⁶. Мохнатые лесные люди — распространенные персонажи китайских страшных рассказов и фантазий. Слово «органгутан» на малайском означает «лесной человек». Чжоу Дагуань сообщает о том, что жители Ангкора боятся человекоподобных жителей леса (см. ниже, с. 240). В зале для приемов султана Альгамбры изображен лесной человек. На границах большинства цивилизаций непокорные жители лесов служили источником представлений о зверском поведении лесных людей. В христианском мире, который в Средние века успешно приручил лесных обитателей, даже дикие люди в воображении художников могли становиться более цивилизованными. Они стали геральдическими поддерживающими фигурами в бесчисленных рыцарских гербах и даже украшениями дверных проемов в доминиканском колледже в Вальядолиде. На баварской картине XV века женщина учит одного из таких лесных людей играть в шахматы⁷.

В главном зале замка Бинч художник нарисовал в 1549 году балетную сцену; на ней дикие люди в обвислых зеленых одеяниях сражаются с горгонами, а затем послушно уходят по приказу красиво одетых женщин⁸. Даже самые свирепые дикие люди средневековой литературы удивительно благородны и рыцарственны. Дикий лесной человек был соперником сэра Гавейна в английской поэме XIV века «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь». Чтобы встретиться с ним, герой должен пересечь дикий лес из «огромных развесистых дубов». Он встречается со змеями и волками, с медведями и кабанами, с

привидениями и древоподобными гигантами, называемыми «энтейны». Его «едва не убил холод», когда он спал на голых камнях, а птицы на деревьях жалобно кричали от холода. Охотники, владевшие лесом, встретили его как человека, который может научить их «ловкости вора» — вежливому поведению — и «благородной речи». Дети природы чувствовали, что находятся в обществе воспитанного человека. Противник Гавейна был сам похож на лес: волосы как трава; фигура и осанка как у дерева. О нем сказано, что он «повелитель самых диких лесов земли», что «ударами руки он причиняет смерть» и что он «дьявольски умен». Однако встретившись с ним, Гавейн обнаружил, что Зеленый Рыцарь — это предшественник благородных дикарей: он уважал договоры и мог поучить нравственности сидящих за Круглым столом⁹.

Но коль скоро дикого человека могли цивилизовать контакты с миром ферм и городов, то и цивилизованный человек мог в лесу сблизиться с природой. В средневековой Европе считалось, что охотники обладают той же «дурной кровью», что и их дикие соседи: живя в лесу, они перенимают обычаи хищников, охотятся так же, как звери: они остро ощущают запахи, умеют неслышно выслеживать и яростно сражаться — они могут стать «взбешенными». Действительно, они подвергались риску заразиться бешенством: укус больного животного превращал людей в зверей и подтверждал миф о «черной крови»¹⁰. Лес был не просто отсутствием цивилизации — он был ее врагом.

На границах христианского мира лес исчезал вместе с распространением крещения, точно так же как в тропиках он исчезал при распространении ислама (ибо после того, как их эллинистические предшественники уничтожили деревья на некогда лесистых просторах, превращая его в бревна, смолу и топливо, мусульманам пришлось столкнуться в умеренном климате лишь с немногими лесами): в восточной Бенгалии с XIII по XVIII век в джунглях возникали мусульманские мечети, вокруг них появлялись поселки и лес исчезал¹¹. В Китае, где бизнес был в большей степени делом мирским, обширные северные и тропические леса в основном оставались нетронутыми до самого XX века, но вот леса умеренного

пояса стали самой первой жертвой распространения обработки почвы. В «Книге Од», относящейся, вероятно, к началу первого тысячелетия до н. э., описаны веселые лесорубы, размахивающие топорами. Это удивительно напоминает описанный Гомером звон железных лезвий, раздающийся в лесах¹².

Трудно страшиться природных ресурсов, которые так быстро исчезают, и в долгой истории Китая рациональная политика лесоводства соответственно насчитывает много столетий. Как и пейзажная живопись, идеализирующая лесные сцены. Однако там, где первичный лес уцелел, он по-прежнему способен вызвать отвращение, которое засвидетельствовано у цивилизованных европейцев. Великий поэт VIII века н. э. Ли Бо утверждал, что побывал на «диком Западе» средневекового Китая — прошел по лесам бамбука и сосны, которыми правит «Хозяин демонов» и в котором живут кочевые племена. Он писал:

Легче подняться на небо,
Чем пройти по дорогам Сычуаня,
И тот, кто слышит рассказы об этом,
Бледнеет от страха.

Согласно позднему сатирику, Ли Бо, который был известным пьяницей, видел горные леса только в пьяном воображении:

Там, где касалась страницы его кисточка,
рождались облака и туманы.
Тысячи диких утесов, десятки тысяч опасных вершин,
невообразимых, несравненных,
Но для Ли Бо эта дорога была равна, как равнина,
Он напивался во дворце женщин
перед Его Величеством.
А протрезвев, не мог вспомнить стихи,
которые написал¹³.

Однако высокогорные леса действительно существовали; и чтобы найти их, не нужно было далеко забираться на

восток. Почти тысячу лет спустя работники, которые рубили лес для императорского дворца в Пекине, докладывали:

Здесь, в глубине гор и в пустых ущельях, где раньше никогда не бывал человек, сохранились деревья от дней дикости и хаоса. Это лес дикий, буйный и исключительно опасный. В горах живут ядовитые змеи и кровожадные хищники. Здесь есть пауки размером с колесо телеги, их паутина свисает до земли, как сеть; в нее попадают тигры и леопарды, которых пожирают пауки¹⁴.

В христианском мире страх перед лесами постепенно исчез под воздействием литературы, опыта и топора дровосека; средневековые святыни и договоры о псовой охоте смело бросали лесу вызов; в конце XVIII и в XIX веках по лесным тропам до самого короля эльфов и Гензеля и Гретель прошли этнографы, собиравшие народные сказки. Все это было процессом демистификации леса, сопровождавшим другой процесс — уничтожения лесов. Это была тропа, пробитая просвещением в колючих кустах и зарослях. Но лесные заросли не находили достойного хроникера, пока в конце XIX века не появился сэр Джеймс Фрейзер.

В дикий лес его привел исключительно цивилизованный поиск: потребность приукрасить и прояснить стандартный тест классического учебного плана — объяснить происхождение легенды о золотой ветви, которую Эней, герой поэмы Вергилия, должен был сорвать, чтобы доказать свое царское происхождение. Во времена Вергилия большинство лесов средиземноморского побережья уже было срублено, как сбривают щетину на подбородке: за триста лет до этого Платон оплакивал леса Аттики, «где теперь только пища для пчел и в крышах зданий еще можно увидеть балки из стволов деревьев»¹⁵. Теофраст, биограф Аристотеля, считал, что в Греции его дней стало меньше дождей, потому что вырубил лес¹⁶. Но участки леса уцелели, поиск привел Фрейзера к тому, что он считал подлинным лесом с древними березами и дубами, «картиной того, какой была Италия в далеком прошлом»¹⁷, уцелевшей, не привлекая вни-

мания художников, на склонах потухшего вулкана вблизи Рима.

Озеро Немо, как и в старину, обрамлено лесами; весной здесь распускаются цветы, такие же свежие, как две тысячи лет назад. Озеро так глубоко лежит в старом кратере, что его поверхности редко касается ветер. Со всех сторон берега, одетые роскошной растительностью, круто спускаются к воде. Только на севере узкая полоска ровной местности связывает озеро с подножием холмов. Такова сцена трагедии¹⁸.

Здесь новый хранитель храма Дианы должен был убить своего предшественника, чтобы получить титул Короля Леса. С тяжелыми последствиями для всей будущей антропологии, одержимой этой темой, Фрейзер истолковал этот обряд, которому должно было предшествовать срывание ветки с определенного дерева, как жертву божеству или царю-божеству, как замену человеческим жертвоприношением смерти божества. Фрейзер был апостолом идеи научного изучения истории человечества, но мотивы его деятельности часто сомнительны. «Мы можем обнаружить, — высказывал он свои чаяния, — что цепь, которая связывает наши представления о божественном и представления дикарей, едина и неразрывна»¹⁹. За двадцать пять лет трудов «Золотая цепь» выросла до двенадцати томов. Какое-то время вся наука находилась под влиянием работы Фрейзера, и хотя впоследствии мода от него отвернулась: академические традиции — это своего рода река Лета, они всегда отправляют гигантов в забвение, — антропологи до сих пор одержимы многими его идеями.

Тема «Золотой ветви» и в особенности глав о священных лесах и рощах, — память, сохраненная в природной среде, которая, насколько нам известно, существовала здесь всегда. У деревьев нет бессмертия, но есть изменчивость. У них есть жизнь, они способны ощущать опасность, к чему скалы и горы остаются равнодушными. Их надо сажать и выращивать, но когда они умирают и весной возрождаются, когда

оплодотворяют слоями перегноя почву, на которой растут, они провозглашают жизненный цикл, обещающий человеку бессмертие.

Фрейзер собрал огромное количество примеров запрета на уничтожение деревьев. Например, ирокезы предпочитали делать каноэ из деревьев, упавших по естественным причинам, а не лишать гигантов права на жизнь. Даяки не рубили старые деревья, а поваленные ветром смазывали кровью, дабы умиротворить их души. В провинции Гуйян на юге Китая дровосеки не прикасаются к баньяну, чтобы не вызвать его мести. Для племени ваника на востоке Африки срубить пальму — преступление не менее тяжкое, чем матереубийство. От Палатина до Филиппин, от Тигра до Того лесорубы просят у дерева прощения, прежде чем срубить его²⁰. Эрихтону, который срубил дерево в священном лесу Деметры, дриады внушили неутолимый голод²¹. В рассказе китайского писателя XX века Хун Мая семья передумала рубить на дрова сосну, которая росла на семейном кладбище, потому что во сне явился седобородый старик и предупредил: «Мы жили в этом дереве триста восемьдесят лет, и судьбой нам назначено превратить его в гроб... Почему вы считаете, что можете срубить нас, когда захотите?»²²

Поэтому понятно, что жители леса вырубают леса неохотно. Уничтожение лесов происходит в результате завоеваний извне или из-за культурных изменений внутри — вроде действий монахов из Сито, идеологически предубежденных против леса. Только в этом случае страх перед деревьями превосходит страх перед их вырубкой. На тех, кто не живет в нем, лес действует угнетающе. Листва поглощает свет раньше, чем он достигнет глаз. Деревья возвышаются в полутьме, и наросты на их ветвях напоминают кулаки. В политическом воображении западного мира леса давно приобрели двусмысленность. На каждый побег дерева свободы рождается густой куст деспотизма, и на каждое майское дерево есть дерево висельников. В средневековых лесах размещались заповедные королевские охотничьи угодья, и они же служили убежищем для шаек «веселых людей». Для Блейка дубы — это деревья тирании²³, в то время как для большинства его соотечественников они — страж эгалитаризма. В англо-амери-

канской традиции у тори существовал «королевский дуб», уравновешивавший «Дуб конституции» вигов и патриотов. Леса, которые Джеймс Фенимор Купер любил как стражей первичной неиспорченной морали, находятся на той же широте, что и те полные языческих видений, которые почитал Геринг. Для польских борцов за свободу в XIX веке лес был двойственным символом независимости: для них он был и укрытием после поражения от превосходивших их численностью русских, и местом заточения, в котором они оказались зимой, когда кончились припасы²⁴.

Для тех, кто пришел с полей и из городов, леса опасны: эта среда требует, чтобы с ней боролись с помощью топора и огня — ведь в ней скрываются ваши природные враги, в ней можно заблудиться и умереть с голоду. Пока в северном полушарии на огромном постледниковом поясе существовал лес, он был слишком велик, чтобы от него убежать. Уйти от него можно было, только вырубив. Он олицетворяет дикую природу и бросает вызов цивилизационному инстинкту. Судя по готовности, с которой те, кто описывал лес, прибегали к архитектурным сравнениям, лес представлял собой искушение и для строителей. Колоннады древних храмов имитируют древесные стволы, а арки — кроны деревьев; ветви послужили образцом для балок и распорок. Портики храмов подобны священным рощам²⁵. Витрувий объясняет происхождение зданий стремлением родившихся в лесу «людей, подобных зверям», воссоздать окружение, уничтоженное огнем, «сплести стены» из уцелевших ветвей и раздвоенных подпорок²⁶. Архитектура готического Возрождения в равной степени вдохновлялась и восхищением природными формами, и соображениями средневековой эстетики²⁷. С тех пор архитекторы, которые хотели сделать свои сооружения как можно более естественными, часто обращались к имитации деревьев. У меня в памяти работы Гауди: интерьер церкви Колония Гуэль, в которой поддерживающие столбы подобны древесным стволам; гротескная внешность Каса Мила, поражающая зрителя своей примитивной жизненной силой, подобно встающей из болота мангровой роще²⁸. То, как создают свои сооружения природные строители: птицы и бобры, — могло подсказать жителям леса возможность преобразования

своей среды обитания, не имеющую аналога в других окружениях. Бобры, которые валят деревья и расчищают поляны, показали полезный пример людям, занятым обработкой земли.

Более того, почва лесов умеренного климата после расчистки оказалась весьма пригодной для возделывания. Правило истории, из которого есть много исключений, в том, что леса уничтожались для получения пахотных земель по мере истощения почвы. Леса северного полушария росли там, откуда ушли большие ледники ледникового периода. Они образовали гигантскую темную полосу на лбу планеты там, где недавно сверкал лед. В пределах этой полосы и вокруг нее в принципе, если температура достаточно надолго поднимется выше 50 градусов по Фаренгейту и даст возможность деревьям расти, может появиться лес из высоких деревьев. Если подходящим окажется и ежегодное количество осадков — свыше 15 ½ дюймов, — условия подойдут и для широколиственных деревьев, которые представляют собой почти совершенную среду для жизни человека.

За этим порогом существует большое разнообразие, определяемое сортами деревьев, комбинацией этих сортов, разной почвой и колебаниями температуры. В умеренном климате есть участки леса, где выпадает вдвое больше необходимого количества осадков, как на северо-западном побережье Америки или на западном берегу Северного острова Новой Зеландии. В этих областях пища естественно производится в таком изобилии, что почти никакое приспособление среды не нужно. Другие леса едва в состоянии поддерживать жизнь человека. Умеренные леса по краям редуют и переходят в кустарники, которые, в свою очередь, сменяются тундрой, точно так же как тропические леса переходят в саванну. Кустарники и мелколесье переходят в пустыню или сменяются болотами. Большинство народов мигрирует между соседними природными зонами в поисках удобной среды. Некоторые самые смелые и перспективные примеры цивилизации возникали, как мы увидим, на стыке различных сред обитания.

Степень приспособления варьирует от способа подсечки и выжигания до полного уничтожения лесов. Нас очень ин-

тересует вопрос, почему одни леса уничтожены и уступили место большим городам со всеми признаками цивилизации, в то время как другие, не менее удобные, остались приютом обществ с гораздо более скромными притязаниями или общин, вполне удовлетворяющихся жизнью в лесу. До некоторой степени это вопрос о разнице между Новым Светом, где жители леса создавали более поздние и относительно скромные цивилизации, и Старым Светом, где леса умеренного пояса быстро исчезли под топором цивилизации.

Проблема была «решена» утверждением о наличии у туземных жителей Америки некоего недостатка, который удерживал западное полушарие в отсталом варварском состоянии, пока не явились европейцы и не усовершенствовали среду; в 1747 году просвещенный французский натуралист Жорж-Луи Бюффон восстал на утопическую традицию в описании Нового Света, которая в его время преобладала и, как он признавал, во многом обязана пропагандистской литературе империалистов и колонизаторов. Он нарисовал альтернативную Америку, континент трудного климата, карликовых животных, кривых растений и умственно отсталых людей. Последователи Бюффона развили эти нападки: самым решительным из них оказался Корнель де По, автор статьи для книги, заменившей просветителям Библию, — для «Энциклопедии»; он считал, что западное полушарие опасно для тех, кто решится в нем поселиться. Подобные взгляды привлекали внимание — и последователей, они вызывали споры и порождали научные сомнения в концепции благородного варварства. Но дух пионеров оставался неустрашимым. На приеме в Париже Томас Джефферсон дал эффектный ответ сторонникам таких взглядов: он указал на то, что все присутствующие американцы выше своих французских гостей и что в Америке есть немало туземных племен, представители которых в росте не уступают европейцам²⁹. Ответ на подобные воззрения можно найти в следующих двух главах этой книги: в некоторых природных зонах за пределами умеренного пояса, в частности в тропических лесах и на определенных типах высокогорий, туземные американские цивилизации могут производить не менее сильное впечатление, чем любые цивилизации Старого Света. Не успел де По сформулировать

свою теорию о врожденной отсталости американцев, как археологи начали добывать из-под камней главной площади Мехико³⁰ и из-под земли в городе майя Паленке³¹ великолепные свидетельства существования древних американских цивилизаций (см. ниже, с. 232).

Не следует думать, что развитие цивилизаций доевропейской Америки задерживала экологическая чувствительность «природных американцев». Модный романтический миф связывает все особенности жизни Америки до прихода европейцев с экологической корректностью и называет туземных жителей «едиными с природой». Люди повсюду выбирают определенную стратегию, справляясь с ограничениями, налагаемыми средой; ни один народ от природы не добродетельнее, или невиннее, или иррациональнее других; всем приходится иметь дело с другими видами, эксплуатировать их или охотиться на них. Эти реакции располагаются на непрерывной шкале между безжалостным подчинением природы потребностям человека и разумным приспособлением самого человека к потребностям окружения. В истории западного полушария, как, я надеюсь, мы увидим, есть примеры обеих крайностей: одни народы практиковали в обращении с экосистемой, частью которой были они сами, сотрудничество и благоразумную сдержанность, другие безжалостно стремились преобразовать мир в соответствии со своими представлениями. Умеренность, с какой доевропейские обитатели американских лесов обращались со своим окружением, нельзя всовывать в готовую теорию; к ней следует подходить, собирая свидетельства и обдумывая в сравнительной перспективе.

Великая Влага: ранние цивилизации лесов Северной Америки

Ортодоксальное направление в археологии, известное как «диффузионизм», давно отвело жителям лесов Северной Америки статус культурных нахлебников, способных перейти к сельскому хозяйству, лишь когда извне появляются подходящие виды растений и соответствующие инструменты;

однако, подобно многим хорошим начинаниям, сельское хозяйство может возникнуть независимо у разных народов. Растения, на культуре которых оно первоначально основывалось в северных частях Нового Света, — это туземные растения, способы их возделывания были разработаны здесь же³². Вводящий в заблуждение своим названием «иерусалимский артишок»* культивировался — или по крайней мере использовался — в туземных лесистых районах Северной Америки еще в третьем тысячелетии до н. э. Различные сорта подсолнечника и лжедурнишника давали семена, из которых выжимают масло. Марь, горец и другие растения можно измельчать в муку³³. Тыквы, бутылочные и крупноплодные, тоже туземные растения, очень легко применить в сельском хозяйстве.

Когда появилось «волшебное растение» тропиков — кукуруза, или маис, в течение нескольких столетий его буквально игнорировали: кукуруза пришла в этот район с юго-запада в третьем веке, но до конца девятого столетия, пока не появились новые, выведенные в этой местности сорта, никак не влияла на сельское хозяйство. Когда кукуруза начала распространяться, это происходило так же, как в других районах: потребовались коллективные усилия и организационные меры со стороны элиты (см. выше, с. 90–94, ниже, с. 220, 234–237, 349–360). В соответствии с родом местности нужно было по-разному готовить почву: участки требовалось разграничивать валами или приподнимать; расчищать лес. Появление дополнительной пищи потребовало властных структур. Надо было собирать урожай, охранять собранное, организовать распределение. Множество людей было мобилизовано для сооружения курганов, укреплений, для участия в религиозных обрядах и театрализованных выступлениях правителей, которым нужны были высокие платформы для проведения обрядов. Можно предположить, что на участках, близких к религиозным центрам, выращивалась ритуальная пища или что эти участки представляли личную собственность; окружавшие их большие общинные поля, ве-

* У нас это растение известно как земляная груша, или топиамбур.

роятно, пополняли общественные запасы зерна и крахмалистых семян.

Распространение кукурузы совпало с этими новшествами; но это не значит, что одно вызвало другое. Даже сельскохозяйственные общины, возделывавшие в основном местные растения и тыквы и жившие в убогих деревушках и на индивидуальных фермах, развивались примерно так же, как цивилизации кукурузы. Они тоже создавали большие огороженные территории геометрически правильной формы, замечательную керамику и изделия из меди и слюды и воздвигали нечто похожее на захоронения знатных людей. И не стоит думать, будто явление чуда кукурузы было небесным благословением хотя бы в смысле разнообразия рациона; люди не стали жить дольше, и здоровья у них не прибавилось: напротив, кости и зубы едоков кукурузы из долины Миссисипи несут на себе следы большего количества болезней и болезней более тяжелых, чем у их предшественников³⁴.

Самый показательный и понятный пример — области распространения в IX—XIII вв. н. э. цивилизации, основанной на кукурузе, расположены в долине Миссисипи и в долинах других равнинных рек там, где сезонные разливы реки образовали естественные возвышения. Создававшиеся на протяжении столетий, эти районы стали колыбелью сельскохозяйственных культур. Несколько более удаленные от реки пространства прудов и озер были идеальным местом ловли рыбы, которая дополняла растительную диету. Среда — источник пищи, которую жителям тропиков, например майя, приходилось обеспечивать с огромным трудом и изобретательностью, строителям курганов в долине Миссисипи была предоставлена самой природой.

Церемониальные центры украшены рисунками, напоминающими центральноамериканскую традицию, с платформами, на которых возвышались здания с разнообразными помещениями; эти здания свободно группировались вокруг больших площадей; невозможно и неразумно предполагать, что на эти сооружения не повлияли эстетические и политические идеи великих цивилизаций юга. Курганы росли, отмечая проход по земле сменяющих друг друга поколений: каждое увеличение высоты курганов — новая глава истории,

которую строители видели непрерывной, так что запись каждой новой фазы накладывалась на предыдущую без всяких промежутков и различий³⁵.

Можно представить себе ритуал, проводившийся в этих священных местах. В одном таком месте в Джорджии найдены медные статуэтки танцующих шаманов в сложных одеяниях божеств — в масках, с крыльями; они доводят себя до экстаза под треск погремушек, сделанных из человеческих черепов³⁶, и, может, прыгают между столбами священных пергол или деревянных изгородей, которые кое-где еще не совсем сгнили. В исторические времена у натчезов в низовьях Миссисипи был распространен культ предков, и на таких курганах поддерживался негасимый огонь³⁷. Даже в относительно маргинальных и бедных поселениях, как в Спайро в Оклахоме, на самой западной границе постледниковых лесов, правителей переносили и погребали в массивных паланкинах, одетыми в богатые ткани, украшенными раковинами и жемчужинами с далекого океана. Свита в виде жертв сопровождала правителя на похоронах. То, что в могилах рядом с мертвецами постоянно находят раковины для питья, свидетельствует о ритуальном пьянстве, как в могилах «народа кубков» в Европе бронзового века. Фантастические образы, доминировавшие в этих обрядах и, несомненно, вызванные напитками, изображены на чашах: символические существа-химеры, крылатые пауки, рогатые рыбы, пумы со змеями вместо хвостов, кошки с перьями на головах.

Кахокиа на восточной окраине современного Сент-Луиса, близ озера Подкова, — великолепнейшее зрелище, хотя расположено почти на самом северо-западном краю культурной области, к которой принадлежит. Пограничное положение этого поселения было одной из причин его успеха, позволяя ему быть коммерческими «воротами» между зоной соответствующей культуры и ее окружением³⁸. Трудно судить о размерах и великолепии этого поселения; сегодня прямо по нему проходит шоссе, а развалины более поздней культуры — пригороды индустриального Сент-Луиса — скрывают его окраины и уродуют окружающую местность. По расчетам поселение занимало пять с половиной квадратных миль. Его

центральный курган высотой в сто футов — «великолепная груда земли», по оценке одного из первых исследователей, который побывал здесь в 1810 году и «смотрел на курган почти с таким же изумлением, с каким смотришь на египетские пирамиды»³⁹. Сравнение вполне удачное: занимающее примерно тринадцать акров основание кургана не уступает основанию самой большой египетской пирамиды.

Город, размещавшийся на этой площади, каким представляли его себе некоторые посетители кургана, мог бы быть масштаба Филадельфии в пору своего расцвета; в действительности Кахокиа около 1200 года занимал не больше пятой части всей площади, и в застроенной части жило десять тысяч человек⁴⁰. Но это было самое крупное и тщательно застроенное поселение в большой дуге строителей курганов от озера Лонг-Лейк на севере до Карр-Крик на юге и от современного Сент-Луиса на западе до восточного края долины Миссисипи и озер Макдугласа и Гран-Мараис-Лейк. Во все стороны от этой дуги расходятся подобные, но меньшие поселения, которые как будто образуют семейство или группу родственных центров обитания строителей курганов от Митчелла до Мэтьюса вдоль берега и от Пфеффера по крайней мере до Лонга в верховьях соответственно Иллинойса и Миссури. Размеры и центральное положение Кахокиа в региональном мире придают ему значение фокуса доисторической зоны поселений; его видимое превосходство способствовало возникновению представления о том, что здесь была столица какого-то государства: «постоянный центр, качественно отличное место»⁴¹ или по меньшей мере культурный центр, влияние которого распространялось во всех направлениях. Все сказанное о хронологии развития Кахокиа весьма предположительно, но, кажется, поселение существовало в течение множества столетий, пока неожиданно не разрослось и не приобрело много новых сооружений — при том, что одновременно множество более мелких поселений в том же регионе были покинуты или переживали период упадка: это совпадение искушает приписать подъем Кахокиа какой-то имперской модели.

Могины этого поселения принадлежат знатным покойникам. Среди их сокровищ — инструменты и украшения из

меди, кости и покрытые медью черепаховые панцири, золотые и медные маски (в одном случае) и тысячи морских раковин из Мексиканского залива, которые так далеко от моря должны были представлять торговую ценность высшего качества и пробы. Время шло, и в могилах элиты появлялось все больше прекрасно сделанных наконечников стрел: очень ценное указание на характер изменения культуры Кахокиа, хотя истолковать его трудно. Чем бы они ни были — доказательством успеха (или приписываемого успеха) на войне и на охоте или просто свидетельством богатства, эти наконечники стрел были личным аристократическим имуществом в обществе с социальным расслоением, вооруженном и готовом к стычкам. Лишившись своего политического значения, Кахокиа оставалось священным местом, и глиняную посуду, раковины, фигурки из мыльного камня и головки небольших топоров, которые, вероятно, принимали участие в забытых ритуалах, доставляли сюда за сотни миль и накапливали столетиями после того, как сами строители курганов вымерли или рассеялись.

Когда накапливается множество ценных объектов, а погребений нет, заманчиво предположить, что существовал храм. Среди внушительного количества таких предметов, найденных к юго-востоку от Кахокии — сейчас на этом месте большой центр продажи автомобилей, — есть резьба, которая позволяет заглянуть в мифическую историю или систему символов. Женская фигура приручает змею в виде бутылочной тыквы со множеством хвостов. Другая женщина, стоя на коленях на плетеном коврикe, держит в руках только что сорванный стебель кукурузы⁴². Изображения и фрагменты из других поселений повторяют некоторые из этих тем: хранительницы зерна и повелительницы змей — некоторые из женщин держат блюда в жесте преподношения — не давали покоя воображению ремесленников Кахокии.

Некоторые поселения этого типа еще сохранились до времени появления первых испанцев 1540—1541. Отдельные дожили и до XVII века. Однако то, что большинство этих поселений было покинуто, не имеет никакого отношения к завоевателям. Век строителей курганов был недолог. Их мир сформировался в XI столетии и был экономически успешен и

артистически продуктивен всего двести лет. После периода застоя или упадка поселения культуры Миссисипи были покинуты своими обитателями, примерно за четыре поколения, в конце XIII — начале XIV веков. В своем роде это даже бóльшая загадка, чем гибель городов классических майя: последние по крайней мере хорошо документированы в период своего расцвета, и совершенно очевидна хрупкость экологической системы, обеспечивавшая их существование (см. ниже, с. 234–237). Поселения Миссисипи были уязвимы для наводнений; хотя их среда обитания могла прокормить население, сельскохозяйственные культуры, на которые рассчитывало это население, не могли распространяться шире и, вероятно, использовались в полной мере. В этой местности кукуруза по сравнению с другими культурами — пища менее подходящая (и поэтому производство кукурузы менее пригодно для социальной организации), чем на более возвышенных и сухих местах, где существовало меньше способов поддерживать жизнь.

Длинные дома из вяза: цивилизация на вечнозеленом фронтире

Еще не добравшись в 1623 году до зоны широколиственных лесов во время «своего долгого путешествия в страну гуронов», отец Сагар пришел в большое волнение от перспективы оседлой, хорошо организованной и богатой жизни для фермеров-иммигрантов в Канаде. К волнению примешивался и изрядный гнев. Купцы в Квебеке ничего не делали для обработки земли: они довольствовались тем, что богатели на торговле мехами, и боялись, «что испанцы выгонят их, если они сделают землю более ценной». Однако местные священники и миссионеры разбили сад, который показал возможности этой земли. До своей цели на северных берегах Великих озер путешественник добрался, глубоко пораженный плодородием почвы (горох из нее выскакивает, поспевший для котла), а также «прекрасными лесами, превосходящими все в других провинциях Канады разнообразием деревьев и их плодов»⁴³.

Но эти умеренные леса не стали родиной цивилизации, сопоставимой с теми, что возникли в таких же условиях в Европе; не было у них и прошлого, как у государств майя и кхмеров в лесах тропиков. Отношения между заливными равнинами Миссисипи и большими лесами умеренного пояса на севере и востоке напоминают отношения между центром ольмеков и дождевыми лесами южнее их (см. ниже, с. 219–223). Но связи, подобные тем, что существовали между краем болотистой местности и лесами средней части Центральной Америки, никогда не возникали в относительно более разнообразных районах Северной Америки. В северных районах, где долгие холодные зимы препятствуют возделыванию кукурузы, лес был слишком ценен, чтобы его вырубать: природная дичь и растительность оставались главными составляющими рациона на всех уровнях общества.

После прихода кукурузы главным достижением в истории северных лесов стало появление совершенно особого типа социального пространства — длинного дома. Общества с прочными семейными связями тяготеют к собиранию как можно большего числа родственников под одной крышей. Но в период так называемого позднего Средневековья в некоторых поселениях на северо-востоке лесного региона жилища стали огромными — в самых крайних случаях до 300 футов длиной. Более поздние экземпляры не столь, но все же достаточно велики, чтобы свидетельствовать об обществе, основанном на сознании коллективного единства, клановых чувствах и общих ценностях. Ирокезы строили свои длинные дома из вяза — и не из каких-либо практических соображений, насколько нам известно, а из-за того, что отличает это дерево от других: вяз сам выбирает себе место для роста и не смешивается с другими деревьями.

Существовали общества, в которых был силен дух соревнования: здесь излишки энергии направляли на войны; но модель длинного дома сознательно предназначалась для создания союзов, конфедераций и консолидированных поселений. В «исторические» времена, засвидетельствованные белыми наблюдателями, на лесном полу длинных домов сидели и беженцы от туземных войн и европейских колонизаторов, и те, кто опустошил свои леса дальше к востоку. У европей-

ских миссионеров и «философов» были среди них свои любимцы — гуроны, которые, в глазах почитателей, лучше всего воплощали природную мудрость наряду с явной способностью к цивилизации. Отец Сагар стал одним из зачинателей того, что можно назвать гуронофилией: его рассказ о них изобилует свидетельствами их доброты по отношению к нему и друг к другу, их склонности к миру с чужаками и равенству между собой. Он противопоставляет техническое мастерство гуронов-строителей, фермеров и изготовителей каноз «гнусности» их соседей, говорящих на алгонкинских языках.

Эта традиция была подхвачена просвещенным критиком Старого Света Луи Арманом де Лом д'Арсе, который именовал себя титулом, проданным его семьей за наличные, — сиром де Лаонтеном. Рупором его вольного антиклерикализма стал изобретенный им собеседник-гурон по имени Адарио — своего рода серьезный Пак*, с которым он прогуливается по лесу, обсуждая несовершенство перевода Библии, достоинства республиканизма и свободной любви. Адарио стал прообразом туземного гурона у Вольтера. Он говорит, что «король Франции — единственный свободный француз, ибо один может наслаждаться достойной восхищения свободой французов»⁴⁴. Романтиков и революционеров он привлекает своим описанием простых супружеских отношений: Лаонтен утверждает, что гуронская женщина выражает согласие, задув факел, который несет избранный ею партнер. В другом отношении сочетание качеств гурона: любовь к миру и воинская доблесть — кажется очень показательным. Согласно Лаонтену, пятьдесят гуронов, «вооруженных только камнями»⁴⁵, способны остановить пять тысяч французов. Более того, наряду с другими племенами Великих озер у них есть традиционная система знаков для обозначения номеров, дат и названий местности, которая может стать ядром прекрасной письменности. Гуроны записывают количество воинов и раненых, исход битв, длину пути, расположение мест встречи и полей битв⁴⁶.

* Речь идет о персонаже комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».

Пьянящая красота мифа о гуронах в Европе была разбавлена поставленной в Париже в 1768 году комедией неизвестного автора, которая также послужила Вольтеру источником создания образа мудреца-гурона. Герой комедии демонстрирует все качества естественного человека — как охотник, любовник и воин в войне с Англией. Он путешествует по миру с интеллектуальными целями — «увидеть, как он устроен». Побуждая его одеться, как одеваются французы — предполагается, что он тоже француз, ему говорят, что нужно следовать моде; он отвечает: «среди обезьян, но не среди людей». «Если ему не хватает знакомства с трудами великих мудрецов, — замечает один из его хозяев, — то у него есть избыток чувств, что я оцениваю более высоко. И, боюсь, став цивилизованным, он обеднеет». Став жертвой любовного треугольника, типичного для комедий того времени, гурон призывает толпу сжечь крышу и пробить стены тюрьмы, где томится его возлюбленная. Поэтому его арестуют за подстрекательство к мятежу: «преступление его очевидно: призыв к восстанию». Это кажется более замечательным предсказанием 1789 года, чем «Великое кошачье убийство»*. Таким образом, культ благородного дикаря вдохновлял популярных политиков и предвещал революцию⁴⁷.

Чтобы определить перспективы просвещения в лесах, заманчиво остановиться и исследовать подлинную жизнь гуронов. Однако для изучения возможностей и ограничений лесной цивилизации больше подходят соседи и враги гуронов ирокезы, потому что для них характерны цепкость и упорство в выживании, впечатляющая материальная культура, изобретательные политические традиции и поддающиеся

* Эпизод из истории Франции. В 30-е годы XVIII века работники типографии, расположенной на улице Сан-Северин, страдали от ночных воплей кошек, не дававших им спать. Получив разрешение хозяина, работники переловили кошек, устроили во дворе суд над ними, приговорили к смертной казни и повесили. Этот эпизод неоднократно изображался в народных комедиях и действительно стал одним из предвестников судьбы аристократов в годы революции.

оценке военные успехи и поражения. Ирокезы говорили на том же языке, что и гуроны, у них общие основные элементы культуры, но они никогда не становились любимцами белых людей: для этого они вели себя слишком вызывающе, были несговорчивы как враги и ненадежны как союзники.

Ирокезы — название союза пяти племен, занимавшего в период расцвета, в то время, которое можно назвать Средневековьем и началом современности, полосу наиболее продуктивного леса от верховьев реки Гудзон до западного берега озера Эри. В начале XVIII века к союзу добавилось шестое племя — тускарора из Каролины. Наиболее пригодные для жизни леса с большим количеством ресурсов для выгодного образа жизни располагаются на границе между вечнозеленой и листопадной растительностью; там, где открывался доступ к болотам, озерам и рекам, появлялась возможность использовать разнообразные типы окружения, что часто способствует зарождению цивилизации. Такова была территория ирокезов, и ни одна другая местность с лесами больших размеров не сравнится с нею в этом отношении.

На западе лес переходил в травянистую равнину; на севере и на востоке лесная растительность становилась более однообразной; к югу не было великих озер, а значит, и больших прибрежных территорий, которые использовали все племена ирокезов, кроме могауков, самого восточного племени союза. Более того, как заметил отец Сагар, климат между северными и южными берегами Великих озер становится все более благоприятным для сельского хозяйства, когда углубляешься в земли ирокезов: граница местности, где свыше 140 дней в году возможны заморозки, что делает невозможным выращивание кукурузы, проходит к северу от озер Онтарио и Эри и вдоль южного берега озер Гурон и Мичиган.

Именно разнообразие условий леса, в котором они жили, позволило ирокезам вести сезонные переходы без устройства постоянных поселений или городов. Год у ирокезов состоял из времени посадки, сбора урожая, рыболовства, охоты и сбора кленового сока. Сок следовало собирать в кленовых рощах ранней весной. Кукурузу сажали в другом месте, вблизи длинного дома. Зиму лучше всего проводить в раз-

бросанных лагерях, с подвижными охотничьими группами. Периодически места расположения поселков приходилось менять из-за истощения почвы и опустения леса. Тем не менее в подходящее время года здесь могло быть сосредоточено значительное население. Самым крупным поселением в районе Великих озер в XVII веке был Каскаскиа на Иллинойсе; в 1680 году здесь насчитывалось свыше семи тысяч жителей⁴⁸, но обычно поселки гуронов и ирокезов насчитывали примерно тысячу человек.

Питалось население характерной триадой, своего рода культурным посланием юга: кукуруза, бобы, тыква. Вкусом, запахом, ощущением жизни ирокезов можно насладиться при помощи кукурузной каши на тарелке из коры и запаха измельченного в порошок табака — кашу едят, а табак вдыхают духи, упоминаемые почти в любом ирокезском мифе. Чтобы без металлических инструментов расчищать искусственные поляны для посадки, деревья нужно было валить с большим трудом — кольцевать их и выжигать: на стволе на высоте в два-три фута над землей кольцом вырезали кору, внизу наваливали ветки и поджигали их; так поступали до тех пор, пока пень не прогорит. «Расчистка леса, — пишет отец Сагар с нехарактерной для него недооценкой, — представляет собой проблему»⁴⁹. Народные воспоминания о технике вырубki и выжигания можно увидеть на картине, на которой уцелевшие представители племени сенека изобразили мир духов своих предков: предки обрабатывают участки между высокими пнями⁵⁰ и сохраняют традиции охотничьей магии, которыми готовы поделиться и с потомками в обмен на почитание и подношения.

Не зная более эффективной технологии вырубki, ирокезы и их соседи не могли обходиться без леса. Однако было бы ошибкой считать, что они были привязаны к длинным домам своей технической неизобретательностью. Общества разрабатывают ту технологию, в которой нуждаются. Едва им перестает нравиться их среда обитания, они находят способы изменить ее. В отличие от их европейских и азиатских двойников у жителей леса Северной Америки не было перед глазами примера, который пробуждал бы их недовольство. А что касается стратегии выживания, то в культурах юго-

запада и юга строительство городов не принесло плодов. Не было и вызова лесам со стороны враждебных идеологий, как в случае ненавидевшей леса римской религии или христианства. Всякий раз, надевая ритуальные «личины» — изображения мифических существ, увиденных во снах или в листве, когда они перебегают от дерева к дереву⁵¹, ирокезы провозглашали свою верность лесу. Духи представляются в виде голов без тел, с длинными раскачивающимися волосами, с выпуклыми глазами, растянутым ртом, высунутым языком, толстым или приплюснутым носом — или с любой комбинацией этих черт, — и требуют кукурузную кашу и табак. В благодарность они придают маскам лечебную силу и позволяют шаману выдерживать жар, когда он рукой загребает уголья и сдувает горячий пепел на больного.

Ирокезы получили в свое распоряжение первую в истории Соединенных Штатов резервацию и все еще владеют несколькими участками первичного леса, предоставленными им людьми с меньшим количеством экологических запретов. Упадок начался в XVII веке с прекращением роста населения, вероятно, связанным, как и во всем остальном Новом Свете, с распространением европейских болезней, к которым у туземцев не было иммунитета. Сокращение населения привело к изобилию ресурсов из-за потока беженцев в район Великих озер и из-за все более смертоносной конкуренции, связанной с торговлей мехами. Спрос в Европе на меха сказался на лесе индейцев так же, как потребность в рабах — на туземных царствах западной Африки. Это не главная причина насилия, но она усугубила насилие, тем более введя огнестрельное оружие. Вначале в нескольких войнах воины-ирокезы, вооруженные английскими ружьями, грозили превратить весь район Великих озер в ирокезскую империю; но жертвы расширяющегося влияния ирокезов сопротивлялись с помощью французского оружия, пока в 1701 году не был заключен общий мир. Вражда Франции и Англии до 1763 года и Англии и Америки с 1776 года позволила племенам индейцев сохраниться; но Американская революция разрушила союз племен: племена союза встали на стороны обоих соперников. Победа колонистов привела к началу создания системы резерваций, которая почти лишила ирокезов их тра-

диционных земель. Большая часть резерваций, созданных в 1780-е и 1790-е годы, была уничтожена в середине следующего столетия, когда в живых оставалось всего около пяти тысяч ирокезов. Сегодня ирокезы живут в городах и практически неотличимы от остальных американцев, за исключением времени праздников, когда они собираются в длинных домах, разыгрывают сцены в масках и рассказывают об истории своего народа.

Плавание на бревенчатом плоту: Европа после леса

С невероятной приверженностью римским чувствам и точностью их передачи Линдсей Дэвис недавно снял серию детективных фильмов и триллеров о Риме времен Веспасиана. В одном из них герой исполняет поручение на краю все еще заросшей лесами Европы сразу за пределами империи⁵². То, что он видит, ему очень не нравится: чуждый мир, дикие звери, вредный воздух, странные звуки, нависающий подлесок, «грибы как морщинистые лица», свисающие с древних деревьев, и римский лагерь, пустой, если не считать костей жертв массовой бойни. Лес — страна диких племен, где и человек и природа одинаково смертельно опасны для римлян.

После не слишком настойчивых попыток Рим решил, что участки сплошного леса, который все еще покрывал большую часть североевропейской равнины и предгорья за Рейном, не стоит цивилизовать. Германия Тацита покрыта дикими лесами и болотами. Он признает, что эту местность можно превратить в сельскохозяйственные угодья, но германцы предпочитают своих низкорослых коров. У них мало золота и серебра — но не из-за благородного самоотречения, а просто из-за неизлечимой бедности⁵³. У них не только нет городов, «они даже не хотят, чтобы их дома стояли по соседству друг с другом», а предпочитают «жить отдельно, там, где им понравится источник, роща или лужайка... Они не строят каменные стены и не покрывают крыши камнем, устраивая жилища из грубо срубленных стволов деревьев или

выкапывая в земле и покрывая грудой навоза»⁵⁴. Пища у них простая — дикие плоды, свежая дичь и свернувшееся молоко. «Они удовлетворяют голод без приготовления сложных блюд и без приправ. Но в удовлетворении жажды они не проявляют такой похвальной умеренности». Чтобы их завоевать, лучше всего дать им сначала опьянеть⁵⁵.

В целом области, колонизированные римлянами, — участки северной или приатлантической Европы — уже находились под влиянием средиземноморского примера и городского образа жизни и туземцы там уже свели большую часть своих лесов. Для Тертуллиана «известная дикость» прежних веков сменилась обитаемым лесом, который в свою очередь нуждается в прореживании⁵⁶. Это произошло сравнительно рано и прошло сравнительно успешно не только потому, что народы годились для цивилизации, а главным образом потому, что местные почвы подходят для сельского хозяйства: лес был вырублен там, где светило средиземноморское солнце, грело атлантическое течение и почва была достаточно мягкой для слабых легких плугов. Там, где почва была слишком холодной и влажной для пшеницы или слишком тяжелой для плуга, лес не тронули. В некоторых местах вдоль границы у путников создавалось впечатление, что римские дороги натываются на деревья.

Стук топора сопровождало шлепанье мастерков. Антитезис леса и идеал, ради которого вырубались деревья, — это город. Хотя на западе с упадком и гибелью Римской империи города сокращаются, идеал никогда не забывался, он был просто подвергнут христианизации. Немецкий епископ X века привез домой из Вероны вид этого города, который все еще выглядит римским. На картине видна всего одна церковь, но много старинных храмов и укреплений, а также «величественный, памятный большой театр, построенный ради твоего великолепия, Верона». Написанная в восьмом веке стихотворная похвала городу первые двадцать четыре строки отводит зданиям, возведенным в честь римских богов. Но даже если эту часть города хвалили, одновременно ее и отвергали. «Посмотрите, — говорит поэт, — как прекрасны были здания нечестивцев, которые не знали закона Господа и поклонялись идолам из дерева и камня». Истинное величие Веро-

ны, считает поэт, заключается в мощах трехсот ее святых, которые «сделали этот город богатейшим из городов Италии» и стали «святейшими хранителями и защитниками его парпетов»⁵⁷.

Неудивительно поэтому, что любое проникновение христианской веры, городской жизни и римского самосознания в лесной мир за границами Римской империи происходило за счет деревьев. В конце VIII века Карл Великий с огромным трудом сумел покорить Германию вплоть до Эльбы отчасти потому, что жители леса уже до некоторой степени преобразовались по образу франков. Они приобрели привычку к оседлой аграрной жизни, усовершенствовали технику рубки деревьев, вывели сорта ржи и использовали тяжелые плуги для обработки бывшей лесной почвы. В середине десятого века на фронтире появилась своя столица — великолепный Магдебург, в котором на резьбе по слоновой кости император Оттон I, окруженный святыми, предстает перед Христом. Но все это были незначительные шаги по сравнению с той великой экспансией, которая предстояла западному христианскому миру в XII веке.

Отступление деревьев: от леса к городам в Европе XII века

В 1132 году в городе Кайфын из деревьев, срубленных в горах Чин-Фен, «которые оставались неприступными со времен Тан»⁵⁸, был построен новый дворец. Примерно в то же время на другой конце евразийского материкового массива тоже становилось все труднее отыскать необходимые для строительства деревья: лес отступал перед топором, и строители отчаянно боролись за материал для балок и опор.

Например, аббат Сюже из Сен-Дени был маленьким человеком с большими амбициями: он хотел построить самую красивую в мире церковь и заполнить ее драгоценностями, золотом и Божьим светом, чтобы она так походила на рай, как только можно на земле. Аббата по сей день можно видеть таким, каким он и хотел остаться в нашей памяти: простертым у ног Богородицы на витраже в церкви

Девы Марии его аббатства. Образы, возникавшие в его сознании, сохранились в лепных украшениях дверей церкви и на полях иллюстрированных рукописей: лесорубы, плотники, каменщики и скульпторы, они рубят лес и вырубают камень, чтобы превратить простой материал в произведения искусства.

Когда труд, который начал аббат, был почти завершен, он спросил у своих плотников, где найти деревья, чтобы из них получились большие балки для крыши созданного его воображением здания. Тот же вопрос он задавал плотникам в Париже. «Здесь таких нет, — отвечали они. — Не осталось лесов». С обычным для экспертов безразличием они указывали на множество трудностей. Балки такого размера нужно везти издалека. На это потребуется много времени. И стоить будет дорого.

«Когда я лег в постель после заутрени, — пишет Сюже, — я подумал, что мне стоит самому сходить в ближайший лес. Я встал пораньше, отложил все дела, взял с собой размеры бревен, которые нам были необходимы, и отправился в лес Ивлен. По пути мы остановились в долине Шеврозе и созвали лесников из нашего леса и местных жителей, хорошо знающих этот лес. Мы расспрашивали их под присягой. Можно ли найти здесь — неважно, сколько трудов на это потребуется, — стволы нужного нам размера? Они улыбались — они бы посмеялись над нами, если бы посмели. «Во всей этой местности невозможно найти ничего такого». Мы разбранили их и снова, вооружившись мужеством веры, принялись обыскивать лес; и через час нашли дерево, подходящее по размерам. И вот, пробираясь через заросли в глубинах леса, в самых глухих чащобах, мы за девять часов отыскали двенадцать деревьев (именно столько нам было необходимо), к общему изумлению, особенно свидетелей. Когда их привезли к священной базилике, мы с восторгом положили их над новой крышей во славу Господа нашего Иисуса. И больше ни одного такого ствола найти было невозможно»⁵⁹.

Так зародился новый архитектурный стиль — новый взгляд на мир. Это была часть обширного проекта по приручению дикой Европы, в которой в то время восемьдесят процентов территории севернее Альп были покрыты лесом. Готическая архитектура стала стилем, приноровившемся к сокращению лесов: готические постройки воздвигались с экономным расходом древесины, без лесов⁶⁰. Бенедиктинцы, самый динамичный монашеский орден столетия, не соглашался с взглядами Сюже на архитектуру, но создавал не менее монументальные памятники. Бенедиктинцы вырубали леса и загоняли стада и повозки с впряженными в них быками в самую глушь; слишком часто теперь на месте их больших аббатств мы видим только развалины.

Примерно в то же время, когда аббат Сюже вырубал последние большие деревья в центре Франции, епископ Отто Бамбергский с несколькими спутниками пустился в путь, чтобы принести христианство в Померанию. Его капеллан Херборд вел дневник путешествия:

Миновав замок Уч на границе Польши, мы вступили в огромный густой лес, который отделяет Померанию от Польши. Идти этой дорогой так же трудно, как и описать ее: мы вполне могли погибнуть. Ибо ранее никто из смертных не проходил через этот лес, за исключением герцога [Польского], возжелавшего собрать дань для дальнейшего покорения всей Померании. Он прорубил для своей армии просеку, оставляя на деревьях знаки и срубая с них ветви. Мы держались этих знаков, но с большим трудом — из-за змей, и самых разных диких зверей, и гнездящихся на ветвях назойливых аистов, которые раздражали нас своими криками и хлопаньем крыльев. В то же время болотистая почва засасывала колеса наших телег и фургонов: за шесть дней мы с трудом преодолели лес и оказались на берегах реки, которая образует границу Померании⁶¹.

Таким путем, углубляясь в леса и болота, ученые того времени знакомились с целыми народами. Прежде чем вы-

глянуть наружу из окон, открытых благодаря колониальной и коммерческой экспансии в сторону Азии и Африки, они принялись разглядывать незнакомые лица жителей фронтиров и крепостей собственного мира. Наиболее представительным таким исследователем был, вероятно, Джеральд Уэльский, чье путешествие через Уэльс и Ирландию было по существу знакомством с собственными корнями: этот англоязычный, норманизированный ученый исследовал собственное кельтское происхождение. Жителей Уэльса он осуждал за кровосмешение и неразборчивость в половых связях, ирландцев — как и их будущие завоеватели англичане — называл дикарями и язычниками. Для Джеральда варварство ирландцев символизировали два волосатых голых дикаря в рыбацкой лодке, выловленных английским кораблем у берегов ирландской провинции Коннут и пораженных видом хлеба. С другой стороны, валлийцы обладали типичными достоинствами народа пастухов, «в котором нет нищих, потому что все принадлежит всем». Разрываясь между конфликтующими представлениями об изучаемом предмете, Джеральд выработал сложную модель социального развития. «Ирландцы, — писал он, — дикий лесной народ... они питаются одними дикими животными и сами живут, как они; это народ, который еще не отказался от самого первого образа жизни — пасторального»⁶².

Открытия Джеральда были типичны для того времени, когда окружающая среда открылась не только для поселения и возделывания земли, но и для торговли и путешествий. Паломник и автор путеводителя для паломников, известный под именем «Омери Пико», рассматривал себя как носителя цивилизации по пути к гробнице святого Иакова в Компостеле; путь его пролегал по горам, где обитали ужасные дикари, ведущие отвратительно животную сексуальную жизнь и отравлявшие реки, чтобы продать путникам свое вино. Отшельники и короли объединились, чтобы построить на этом пути дороги, мосты и постоянные дворы, которые становились оазисами цивилизации. На постоялом дворе Ролана в Ронсево паломникам обещали мягкие постели, стрижку и «услуги красивых и скромных женщин»⁶³.

За расширяющимся фронтиром скромные технические революции увеличивали производительность труда: тяжелые

плуги с крепкими лезвиями глубже вспахивали почву. Более эффективные мельницы, развитие металлургии, новые производства, особенно оружия и стеклянной посуды, — все это расширяло возможности торговли и приток богатств. За время этих перемен, между началом одиннадцатого и серединой тринадцатого веков, население Западной Европы удвоилось.

В числе плодов этого процесса была и реурбанизация — оживление старых городов и перенесение городской модели на новые земли. «Человечество, — согласно Джеральду Уэльскому, — переходит от лесов к полям и от полей к городам и городским общинам». Экспансия — не просто завоевание или расширение торговли: это экспорт культуры. Лучше всего измерять этот процесс ростом городов — способа организации жизни, который в то время считался единственно цивилизованным. Даже древние города сумели пережить новое возрождение городского духа. Как сказал Исидор Севильский: «Город делают стены, но городская община состоит из людей, а не из камня»; по мере строительства новых городов оживало и осознание своей общности в старых. Община Вероны показана на фронтоне собора в момент своего создания, как его традиционно себе представляли: святой Зенон «с безмятежным сердцем дарует людям достойные подражания примеры». На фасаде церкви святой Анастасии он представляет собравшихся горожан Святой Троице. Во время городских собраний эти картины, символически выражавшие гражданское единство, способствовали его укреплению. В Милане место собраний перед церковью Святого Амвросия украшено картиной такого же таинства: святой Амвросий создает общину. В реальности в X веке коммуны — собрания горожан, считающих себя единым целым, — стали институтами гражданского управления лишь в очень немногих случаях, в большинстве городов они возникают лишь в конце XI — начале XII веков. В этот период, словно произошел возврат к античным временам, во многих городах Италии появляются «консулы». В середине XII века Отто из Фрейзинга считает независимое городское самоуправление типичным для северной Италии. Вместо того чтобы вручить управление какому-нибудь знатному защитнику — епископу,

или дворянину, или аббату, — города становятся собственными «хозяевами» и даже распространяют свою юрисдикцию на прилегающую сельскую местность. «Трудно во всей округе найти благородного или знатного человека, — сообщает Отто, — который не признавал бы власти города». Как следствие некоторые города превращались в независимые республики и создавали союзы независимо и вопреки своим предполагаемым «правителям»; другие безуспешно пытались добиться такого статуса.

Дважды, в 1140-е и 1150-е годы, Рим изгонял папу и провозглашал свою независимость. Святой Бернар, самый известный монах того времени, осуждал мятежников. «Ваши предки сделали Рим почитаемым. Вы сделали его презираемым. Теперь Рим — это ствол без ветвей и лицо без глаз, он погружен в темноту, потому что папа был вашей головой, а кардиналы — вашими глазами. Теперь яснее истина Божьего пророчества о том, что враг человека в его собственном доме. Это начало зла. Мы опасаемся еще худшего»⁶⁴. Однако поведение мятежников соответствовало врожденному представлению о том, что такое цивилизация: убежденности в том, что римская древность — лучший образец, и тому предположению, что городская жизнь порождает добродетель. Таким образом, горожане наделялись способностью самоуправления и правом руководить более дикими местностями. У горожан Сантьяго де Компостела были аналогичные представления: в 1117 году они пытались сжечь своего прелата в его дворце вместе с королевой. В 1140-е годы олдермены Лондона получили право именоваться «баронами»: небесные покровители, чьи изображения украшали печати олдерменов: святой Павел и святой Томас Бекет — оба были противниками принцев. Подобная самооценка подкреплялась растущими размерами и богатствами городов. Правящие институты государств начали перемещаться в города.

На другом конце христианского мира Новгород и Псков, расположенные за пределами зерновых земель, на урожай с которых приходилось рассчитывать горожанам, продолжали бороться с неблагоприятным климатом. Эти города чаще страдали от голода, чем от врагов-людей. И сегодня стены Новгорода мрачно смотрят на окружающую беззащитную

дикость. Однако контроль над перевозкой грузов по Волге позволил городу разбогатеть. В нем никогда не жило более нескольких тысяч человек, но его развитие отражено в архитектурных памятниках: в 1040-е годы построены кремль и пятиглавый собор; в начале XII века, когда усиливается борьба за власть между князьями и городской аристократией, возведены несколько княжеских дворцов; и в 1207 году — купеческая церковь святой Параскевы на торговой площади.

С 1136 года общинный дух в Новгороде побеждает. Революция в Новгороде означает возникновение города-государства по античной модели — возникновение республиканской коммуны, как в городах Италии. Наследственный князь Всеволод был изгнан. В летописях и грамотах сохранились имена революционеров: купец-старшина Болеслав, городской глашатай Мирошка, или Мирослав Гвятинович, и советник Васята. В списке предполагаемых грехов Всеволода ясно отражены представления о буржуазных ценностях: «Почему он не заботился об обычных людях? Почему стремился... вести войны? Почему не сражался храбро? И почему делам правления предпочитал игры и развлечения? Почему у него было столько кречетов и собак?»⁶⁵ Епископ Нифонт оказался на стороне старого порядка: он отказался венчать нового князя, ведущего войну против Пскова, в котором укрепился князь Всеволод; церковная поддержка впоследствии предоставила изгнанному князю посмертное утешение: он был канонизирован⁶⁶. Таким образом, девизом горожан было: «Если князь нехорош, в грязь его!»

Мир городов, возникший вслед за топором, был разбросан среди полей и лугов. Иногда ландшафт, который представляли себе христианские цивилизаторы, оживал. Он изображен на стенах сиенской Синьории художником XIV века Амброджо Лоренцетти. Он создавался из леса людьми с воображением вроде вроцлавского епископа Томаса, который в 1237 году разработал план преобразования восьми тысяч акров «темного дубового леса» на берегу Нисы. За сто лет этот лес превратился в местность, полную деревень и хуторов с харчевнями, мельницами и церквями⁶⁷.

В более концентрированном виде аналогичную работу проделывали в дикой местности бенедиктинцы, создававшие

аббатства того типа, с какого началась эта глава. Аббатство самого святого Бернара, к его досаде, превратилось в образец идиллической сакрализованной жизни. Обитатель или посетитель XII века так любовно описывает свои впечатления: «Хотите представить себе картину Клерво? — спрашивает он у своих читателей, которым повезло меньше, чем ему. — Нижеследующее написано, чтобы служить вам зеркалом. Представьте себе два холма и меж ними узкую долину, которая расширяется при приближении к монастырю». Он гордится любым усовершенствованием природы: тем, как ручьи перекрыты шлюзами или как они приводят в действие пивоварню, мельницу и красильную мастерскую; каналами, проводящими воду на поля; он наслаждается травянистым садом, особенно в жаркую погоду; он прославляет преобразованную природу «на склонах холмов с их щетиной из деревьев», где он собирает хворост и срывает «новые черенки, чтобы не мешали крепкому дубу приветствовать высоту неба, лайму — распускать свои тонкие ветви, гибкому ясеню, который с готовностью разделяется в высоте, березе с кроной в виде веера расправлять ее на всю ширь». Но больше всего ему нравится луг,

место, которое радует глаз, оживляет слабый дух, успокаивает тоскующее сердце и вызывает восхищение у всех, кто ищет Господа. Оно пробуждает в сознании небесное благословение, к которому все мы стремимся, потому что улыбающееся лицо земли с его множеством оттенков приносит наслаждение взору и ласкает ноздри сладким благоуханием... И вот, наслаждаясь внешностью, я получаю еще большее удовольствие от тайны под поверхностью⁶⁸.

Идиллия этого монаха отчасти была пасторальной.

Исчезая, леса Европы умеренного пояса сменялись средой из четырех составляющих: поселков, возделанных полей, пастбищ и используемых лесов. Дополнительные продукты и добавки к рациону, которые давали крупный рогатый скот и овцы, ресурсы силы, которые обеспечивало использование

быков, лошадей и мулов, — все это делало пастбища важной частью постлесной экологии. Более того, в конечном счете они послужили одной из причин относительно высокой иммунности населения Европы к смертоносным эпидемиям: стада становились резервуарами инфекций, к которым у пастухов и хозяев поневоле вырабатывался иммунитет⁶⁹. В этом отношении цивилизации, подбиравшие себе ниши в американских лесах, где не было крупных одомашненных четвероногих, выглядят сравнительно куда более уязвимыми. В этом причина противоположной судьбы лесов в двух полушариях. Когда в Америке появились лошади и быки, леса начали исчезать почти так же стремительно, как в Старом Свете. Сменившие их города становились столь же огромными и разнообразными и располагали столь же разнообразной системой экологического управления. В других типах окружения, таких как тропические низины, пустыни или высокогорья, где жители Нового Света имели в своем распоряжении одомашненных животных отряда верблюжьих, например лам, или где обладание такими животными имело меньше значения, приспособление природы происходило столь же успешно, как и в Европе (см. с. 92–94, 219–237, 342–360).

Леса, которые европейцы не могли вырубить, они называли именами святых и одомашнивали в воображении. Экспансия оседлого и городского образа жизни в средневековой Германии превратила бескрайний лес, который так пугал Тацита, в целый ряд аккуратных лесов с точно помеченными на картах границами. Эти леса пересекались дорогами, были испещрены садами и пастбищами и осветлены полянами, где располагались охотничьи домики. На гравюре Себастьяна Мюнстера, изображающей Шварцвальд, лев не лежит мирно рядом с ягненком, зато медведи и кабаны на фоне прекрасного пейзажа дружелюбно возлежат рядом с фавнами и благородными оленями⁷⁰. В конечном счете леса превратились в сады, аллеи, орнаментальные гроты, городские бульвары и парки. Булонский лес, где некогда нимфы встречались с сатирами, стал местом прогулок Жижи и Гастона*. Склоны

* Очевидно, имеется в виду кинокомедия Винсента Минелли.

холмов заново засаживаются геометрически правильными рядами хвойных деревьев, которые любой тиран приветствовал бы как усовершенствование природы. И как последняя месть деревьям, в духе имитации леса, которая выполнялась ранними строителями Витрувия, мы придаем бетонным опорам вид деревьев и украшаем дома, сооруженные без деревянных основ, пластиковыми балками.

6. Сердце тьмы

Тропические низины

*Остров Фредерика Хендрика. — Земля ольмеков. — Низовье
Амазонки. — Низовья земли майя. — Долины кхмеров. —
Город Бенин.*

*В тропическом климате бывает определенное время дня,
когда все горожане прекращают работу,
чтобы раздеться и пропотеть.
Это одно из тех правил, которым повинуются даже
глупцы,
потому что солнце слишком знойно
и нужно избегать его ультрафиолетовых лучей.*

Ноэль Ковард. Бешеные псы и англичане

Предположение, будто цивилизация не может существовать в тропиках, наталкивается на противоположную традицию. И Господь знает лучше!

Ибн-Калдун. Муккадима¹⁶.

Обитаемый ад: жизнь в болотах

Где находится обитаемый ад — в каком уголке Земли люди живут в самом смертоносном окружении, в самом нездоровом климате, на самой неплодородной почве, в насыщенном болезнями воздухе, с самой плохой погодой? Читатель этой книги навестил уже немало мест, подходящих на эту роль. Кто, кроме рожденных в местной культурной среде, согласился бы жить с давадами в Сахаре или с самоедами в Тазе? В истории человечества несколько каторжных поселений сознательно устраивались в таких местах, где условия существования были бы мучительны для обитателей; например, на острове Дьявола или на островах группы Ревилладжиджедо, где едва удастся прокормиться. Остров Марчимбар у северного побережья Австралии и сегодня вполне может претендовать на определение «обитаемый ад»: по статистике здесь самая высокая смертность, самый высокий уровень преступности и болезней, связанных с нарушением правил гигиены и неразборчивостью в половых связях, и наиболее широко распространена наркомания. Жителей острова, которых привозили сюда силой и безжалостно эксплуатировали, буквально оставили гнить.

Место, которое выбираю я, может показаться более гостеприимным, поскольку его успешно осваивали оседлые фермеры. Но остров Фредерика Хендрика, который сегодня называют также Колепом и Долак, близ южного берега Новой Гвинеи, пользуется дурной славой как край ядовитых болот, нездоровых испарений, кустарников без тени и крайних перепадов жары и холода. Среда более мрачная и угнетающая, чем в Фазане или Тазе; во всяком случае, здесь нет захватывающего великолепия мира барханов или льда; и в отличие от колоний, которые заселялись насильственно, островитяне, каким это ни покажется невероятным, выбрали его добровольно. Следовательно, это естественный обитаемый ад — обитаемый в более истинном смысле, чем там, куда людей привозили насильно и насильственно принужда-

ли выживать. На 4250 квадратных милях острова в конце 1970-х годов жили семь тысяч человек; тогда традиционный образ жизни и методы использования болот в основном сохранились.

Остров подобен миске со скошенным ободком: почти все возвышенные территории расположены по краям, так что дожди собираются в затопленной середине. Здесь почва настолько болотистая, что один из самых известных географов, изучавших этот остров, говорил, что различие между сушей и водой исчезает¹. Дожди бывают обильные, но они настолько капризны, что невозможно рассчитать время посадки и уборки урожая. Плодятся тучи mosкитов. В сухой сезон так много грязи, что передвигаться пешком невозможно, а узкие каналы, соединяющие деревни, постоянно забиваются илом и густой зловонной слизью, поэтому передвижение на каноэ тоже затруднено. Холода такие сильные и наступают так стремительно, что ежегодные вспышки пневмонии считаются нормой; но большую часть года солнце так печет, что передвигаться по острову, почти лишенному древесной растительности, можно лишь по ночам.

Современные антропологи не торопятся осуждать культуры за гигиенические стандарты, отличающиеся от представлений современного Запада. Но на острове Фредерика Хендрика грязь, забивающая водные пути, покрывает и людей настолько, что они сливаются с окружением. Ведущий специалист по туземному образу жизни не может не упомянуть толстый слой грязи, который постоянно покрывает тело туземцев. Иногда грязь, «если она становится помехой», соскребают ножом. Чтобы избавиться от вшей, волосы заклепывают грязью, а потом срезают, при этом внутренняя поверхность срезанных волос покрыта коркой из вшей². Это загадочная земля дикарей, где люди кажутся загнанными природой в жизнь, отвратительную, жестокую и короткую; здесь природа становится злейшим, коварнейшим и самым неумолимым врагом человека. Смертоносные болота, как традиционно утверждают (это утверждение не соответствует истине), заселялись людьми, не способными прожить нигде больше, беглецами, ради безопасности скрывающимися в самых труднодоступных местах. Первые европейские исследо-

ватели, описавшие остров в 1623 году, ни разу не видели туземцев, но, судя по их жилищам и утвари решили, что те должны быть «низкорослыми, бедными и жалкими»³.

Однако люди, живущие здесь, пришли по собственному желанию и сотворили чудеса с тем немногим, что дает им природа. Традиционные деревни жителей болот, пока их в новые времена не сменили сразу покинутые сборные казенные жилища, поражали очевидцев, как «тропическая Венеция»; туземцы передвигались на столь узких каноэ, что ноги в них приходится ставить одну перед другой. Дома в болотах соединяли искусственные насыпи, которые позволяли пользоваться жилищами днем и ночью. Так как деревьев здесь нет, дома сооружались из саговых пальм и покрывались тростником, который укладывался на кольца из ротанга. Слой травы или листьев толщиной в тридцать дюймов, уложенный старательно и с огромным трудом, защищал от москитов.

Грядки, на которых и сегодня выращивают пищу, сделаны из грязи, как и платформы, на которых стоят дома. Между комьями глины для крепости проложены слои тростника. На строительство одной насыпи уходят годы — особенно для ямса и сладкого картофеля, которые требуют большей высоты над уровнем воды, чем таро; поэтому насыпи для посевов готовят год за годом, понемногу, минимизируя зря затраченные усилия. Насыпи требуют постоянного присмотра и ухода, потому что в сухую погоду трескаются, а в дожди затопляются. Работа продельвается сообща. Вознаграждается она возлияниями: пьют вати, местный спиртной напиток, который в случае необходимости распределяется между работающими. Обычай и условия жизни делают коллективную работу необходимой. Таро, ямс и многие другие основные виды продуктов на период беременности объявляются табу, поэтому семья, ожидающая ребенка, зависит от милости коллектива. Изготовление вати — весьма специализированное ремесло, известное лишь нескольким индивидам, на чье сознание своей социальной ответственности рассчитывает община.

Культ вати, ранее распространенный повсеместно (хотя он отсутствовал на крайнем западе острова), показывает, на-

сколько требовательна и одновременно щедра бывает природа острова. Частые ночи почти полного паралича, вызванного действием вати, смягчают трудности жизни; но природа вати такова, что для того, чтобы средство подействовало, его нужно принимать с большим количеством пищи, которая тотчас выходит в виде рвоты — и, следовательно, не имеет питательной ценности. Только люди, располагающие достаточными запасами пищи, могут так расточительно с ней обращаться. Сельское хозяйство не единственный ее источник: существенное пополнение дают дикие продукты. Стебли папоротника мапия можно измельчать в нечто вроде муки; в отличие от клубней эта мука хорошо сохраняется в засуху; легко ловятся и убиваются кенгуру, когда в сезон дождей они цепляются за немногие небольшие участки суши; у берегов изобилие рыбы, которую тоже легко поймать: для этого туземцы отравляют участки воды, а потом яд растворяется в море⁴.

Если жители острова Фредерика Хендрика сумели столько добиться в явно малопригодных для жизни обстоятельствах, нас не удивит, если мы обнаружим, что на более пригодных для жизни болотистых равнинах цивилизации сыграли существенную роль в истории. На высокогорьях, где вода уходит во внутренние бассейны, сельское хозяйство довольно часто возникает в болотах, например в Новой Гвинее (см. с. 363–364) или в затопляемых районах, и составляет экономическую основу больших империй, как в случае ацтеков (см. ниже, с. 356). Изучая зарождение обработки земель, археологи сосредоточились на сухих землях, где образцы древних продуктов хорошо сохраняются, стратиграфически четко располагаются и обнаруживаются вблизи очагов, которые легко определить, — как в легендарных мексиканских поселениях, раскопанных Ричардом Макнишем, когда он изучал историю культивирования кукурузы⁵. В болотистой местности такие свидетельства быстро исчезают, возможны лишь случайные находки, которые трудно и долго собирать. Свидетельства существования ранних агрокультур в болотистых местностях Центральной Америки, Новой Гвинее и отдельных районов Африки только начинают появляться на свет.

В то же время в Европе население болотистых местностей пользуется дурной славой у своих соседей; например, русские, поляки и украинцы, живущие вокруг припятских болот, считают этот район опасным и примитивным; презрение англичан к ирландцам часто проявляется в воображаемых образах болотных существ. Однако два района прибрежных болот: Венецианский архипелаг (см. ниже, с. 428–434) и морское побережье Голландии (см. ниже, с. 461–467) — стали родиной великолепнейших и монументальнейших достижений западной цивилизации. Как мы видим, цивилизация может возникнуть и на раскисшей почве.

Наиболее поразительный случай находим в Мексике. Свыше трех тысяч лет назад народ, построивший город, известный как Ла-Вента, проник в мангровые болота низовий Табаско и соседних районов или вышел оттуда — точно неизвестно. Эти люди основали цивилизацию, оказавшую огромное влияние на всю древнюю историю Центральной Америки, а по мнению некоторых ученых, и на более поздние цивилизации этого района. Культуру Ла-Венты обычно называют ольмекской. Этот термин вводит в заблуждение, потому что археологи и историки искусства обозначали им очень многие и совершенно различные явления. Это слово обозначает стиль статуэток и рельефов — вернее, множество таких стилей, поскольку единство объектов, которые в течение ста лет относили к ольмекским, так и не доказано. Слово «ольмек» применяется также для названия культурного «синдрома», который обнаруживается в самых различных центральноамериканских средах и не связан специфически с болотами. Но термин слишком привычен, чтобы его отбрасывать, и, хотя существует почти столько же мнений, сколько специалистов, почти нет сомнений в том, что культура ольмеков возникла в болотах: следы самого древнего проживания мы находим в низинах, в манграх, на границе с болотами, тропическими лесами и по берегам океана. Подобно некоторым цивилизациям высокогорий (см. ниже, с. 336–342), основатели ольмекского мира жили на фронтире, на границе многих микросред, испытывая их обогащающее воздействие. Хотя самый ранний известный монументальный центр построен к концу второго тысячелетия до н. э. на возвышении

над рекой Коатцакоалк, раннее возникновение агрокультурного потенциала в болотах не противоречит данным других цивилизаций (см. ниже, с. 364).

Сельское хозяйство в болотах Табаско существовало за тысячу лет до того, как возникли первые церемониальные центры и образцы монументальной скульптуры, которые мы связываем с ольмекской цивилизацией. Здесь всегда было вдоволь пищи для людей — ее давали и сбор урожая, и охота. В водах болот жизнь изобильна, много и птиц, которые питаются болотными организмами. Поражает не то, что люди процветали в таком изобилии, а то, что они начинали крупное строительство и вырабатывали сложный городской образ жизни — строили на непригодной для возделывания почве, создавали в жарком и влажном тропическом климате монументальные памятники. Этот переход совпадает с появлением высокоурожайных сортов кукурузы, пригодных для подобной среды. Вместе с бобами и тыквой — культурами, замечательно растущими на насыпях в болотах — кукуруза завершила священную триаду растений, которые постоянно изображаются на головных уборах богов и вождей⁶. Первоначально сельское хозяйство в этом районе развивалось на природных возвышениях; возможно, для расширения площади могли воздвигаться искусственные насыпи или по крайней мере извлеченный грунт насыпали на природные дамбы, поднимая их над уровнем разливов. В каналах между платформами и возвышениями можно было разводить рыбу, креветок, черепах и, возможно, кайманов; а до возведения искусственных насыпей это можно было делать в природных водоемах. Все еще широко распространено представление, будто строители подобных монументальных каменных церемониальных центров могли использовать рабочую силу и накапливать энергию, которая требовалась для таких работ, вырубая лес, поджигая пни и сажая семена непосредственно в пепел (см. выше, с. 199), но это представляется совершенно неубедительным. Насколько нам известно, ни одно общество, использовавшее подобную технологию, нигде не достигало таких высот. В конце второго тысячелетия н. э. в ольмекском поселении в районе города Сан-Лоренцо имелись вместительные резервуары, сложная

дренажная система; построенный по сложному плану город состоял из множества дорог, площадей, пирамид и искусственных курганов.

Даже в столь ранний период цивилизации Нового Света обнаруживали общие для культур этого полушария характеристики: строительство курганов, эстетика, склонная к симметрии, города, растущие вокруг квадратных храмов и площадей, высокопрофессиональная элита (вожди, писцы и жрецы), увековеченная в монументальном искусстве; совершаемые правителями обряды, связанные с кровопролитием и человеческими жертвами; основанная на традициях шаманизма религия с многочисленными кровавыми обрядами и жертвоприношениями и вкус к выступлениям впадающих в экстаз вождей и жрецов; агрономия, основанная на большой троице выращиваемых культур; торговля на большие расстояния, обнимающие всю центральноамериканскую область периода ее высшего расцвета — если справедливо полагать, что нефрит, который использовали ольмеки, доставлялся из Гватемалы, а предметы искусства ольмеков находят по всей территории. Все это вовсе не означает, что ольмеки — прародители всех центральноамериканских цивилизаций, тем более цивилизаций всего Нового Света. Модель диффузионистов почти повсеместно опровергнута находками археологов, пытавшихся ее подкрепить; ольмеки лишь часть истории целого созвездия цивилизаций, возникших в самых разных и далеко отстоящих местах. Однако отрицать влияние ольмеков невозможно: оно сказывается в истории самых разных общин⁷.

Наше представление об ольмеках возникло на основе их самых поразительных памятников: старейших монументальных скульптур Центральной Америки — колоссальных голов, обычно из базальта, созданных в духе того, что можно было бы назвать коммерческим подходом. Камни и колонны весом до сорока тонн доставлялись по суше и по воде на расстояние в сто миль, и скульпторы обрабатывали их в двух стилях: в первом случае изваяние напоминает ягуара; во втором — это приплюснутая голова человека, обычно с миндалевидными глазами. Лучшие из этих скульптур на редкость выразительны: напряженные, наморщенные лбы, холодная

усмешка на властных губах. Когда смотришь в холодные, жесткие глаза такого лица, названного с типичным академическим равнодушием «Колоссальная голова номер восемь», чувствуешь присутствие некоего ольмекского Озимандия⁸. Некоторые головы восходят к тринадцатому веку до н. э. Они входят в общественном сознании в перечень явлений, который можно назвать чувствительностью к ольмекам: ни в какой центральноамериканской цивилизации человеческой голове не придавали столько значения; великолепие круглых натуралистических форм особенно заметно на фоне тяжелых прямоугольных очертаний скульптур большинства следующих за ольмеками цивилизаций.

Ритуальные площади и платформы того же периода лучше всего представлены поселением Ла-Вента, построенным на том, что сегодня представляют собой остров, окруженный мангровыми болотами; камни для этих сооружений вырубались и привозились более чем за 60 миль. В центре этого города курган высотой почти 100 футов. Один из дворов украшен мозаичной мостовой, которая, как принято считать, напоминает стилизованную маску ягуара, сознательно закопанную ее создателями. Аналогичные приношения закопаны перед другими зданиями, возможно, по той же причине, по какой мощи святых тайно помещали в основания церквей.

Изображение церемонии, погруженное в песок, возможно во исполнение обета, позволяет нам представить, что происходило на вершине платформы. Перед рядами стоячих стел — фигуры с разбухшими головами (что, возможно, свидетельствует о сознательной деформации черепа), одетые лишь в набедренные повязки, с ушными украшениями, собрались в круг. Рты у них раскрыты, осанка расслабленная, цель их — для нас — непостижима. Такие же фигуры на других изображениях окружают ягуара-оборотня — маленькое существо, полуягуара, получеловека — или несут факелы и эмблемы фаллического культа. Или стоят на коленях, или сидят в позе готовности, словно им предстоит шаманское превращение в ягуара, изображенное на других работах⁹.

Правителей хоронили в саркофагах из прочных материалов, с изображением существ, которых правители представ-

ляли в жизни: существо с телом и пастью каймана, с глазами ягуара, с мохнатыми бровями¹⁰. Лицо этого изображения напоминает усатые морды оборотней-ягуаров, которые часто фигурируют в искусстве ольмеков, в скульптурах, изображающих момент превращения шамана в зверя¹¹. Правители лежат в помещениях с колоннами, с украшениями из нефрита и стилизованными орнаментами, среди прочих прекрасно сделанных предметов. Их изображение можно увидеть на скамьеподобных базальтовых тронах из Ла-Венты, на которых они сидели, проливая кровь, и свою собственную, и пленников, таких как изображенные на пьедестале тронов покорные фигуры, привязанные к центральной фигуре в орлином головном уборе, которая подалась вперед, словно обращаясь к аудитории.

Эти посредники между человеком и природой покорили благоприятную среду, но все же не настолько благоприятную, чтобы бесконечно поддерживать существование цивилизации. Последние большие сооружения Ла-Венты и Сан-Лоренцо были созданы, вероятно, в IV веке до н. э. На последующих этапах цивилизации Центральной Америки уходят от болот в дождевые леса, где над вершинами деревьев поднимают свои крыши-гребни города майя. Прежде чем проследовать туда, я предлагаю совершить экскурсию в самый большой тропический лес нашей планеты — лес Амазонки, чтобы оценить возможности такой среды для экспериментов в оседлом образе жизни. Эта экскурсия поможет продемонстрировать, что за пределами собственно берега реки подчинить человеческим потребностям тропический лес еще труднее, чем болота.

Земля амазонок: вызов тропического леса

В 1596 году, вспоминая свою неудачную экспедицию в Гвиану, сэр Уолтер Рэли представлял себе, как все могло бы быть, если бы ему повезло. Он мог бы:

отправиться к великому городу Маноа или хотя бы захватить другие города и поселки, поближе, и

тогда возвращение было бы царским; но Бог не захотел в то время помочь мне: если бы мне предстояло то же самое, я бы охотно посвятил этому всю жизнь, а если бы кто-нибудь другой сумел туда добраться и завоевать эти места, заверяю его, что он совершил бы больше, чем Кортес в Мексике или Писарро в Перу... принц, которому достанется все это, получит больше золота и станет повелителем большей империи, с большим числом городов и людей, чем король Испании или турецкий султан¹².

Никакого «великого золотого города», о котором говорит Рэли, не существовало, не было в лесу Гвианы и других городов и никаких следов двора инков в изгнании, который, как он считал, находится здесь. Но такова уж старая мечта исследователей: наткнуться в «джунглях» на забытую цивилизацию. И никто не переживал это так часто, как Джон Ллойд Стивенс, журналист, зачинатель современной археологии майя, в своих пионерских экспедициях 1830-х и 1840-х годов. Это ощущение великолепно передано в гравюрах его сотрудника Фредерика Катервуда, который изображал статуи и здания майя, выглядывающие из листвы, которая была к ним так близко, будто они поросли ею. В отчетах Стивенса, прекрасно владевшего пером, чувствуется возбуждение и радость первооткрывателя. Читатель вместе с ним пробирается сквозь густой подлесок и напрягает взгляд, стремясь увидеть объекты, которые нельзя увидеть, пока не подойдешь к ним вплотную. Например, в 1841 году в Майапане, согласно Стивенсу, «мы первыми осматривали эти руины. Столетиями их никто не видел, никто о них не знал, их оставили бороться с тропической растительностью»¹³. Когда Пьер Лоти, самозванный «пилигрим в Ангкор», завершил свое паломничество, храм был уже подновлен, но Лоти сумел передать ощущение внезапного открытия под зеленью леса: «Я смотрел на покрытые деревьями башни, возвышавшиеся надо мной, и неожиданно похолодел: я увидел глядящую на меня огромную улыбку, потом другую на другой стене, потом три, потом пять, потом десять, они появлялись со всех сторон. За мной наблюдали со всех направлений»¹⁴. Когда в

1814 году Корнелису показали Боробудур, двести человек шесть недель вырубали растительность, чтобы видны были очертания сооружения¹⁵.

Однако в нашем представлении «джунгли» — густой лес тропических низин — это среда, враждебная строительству, сельскому хозяйству и вообще любым предпосылкам цивилизации. Наряду с заманчивыми картинками затерянных городов существует и даже преобладает противоположный образ тропического леса. Согласно популярному мифу эта роскошная среда — источник легкой беззаботной жизни, где плоды сами падают в раскрытый рот; она дает столько съестного, что жизнь становится ленивой, несовместимой с огромными усилиями, которых требует создание цивилизации. Для этого нужен «английский сагиб», равнодушный к измятой одежде, или какой-то другой чужак, не понимающий джунгли по-настоящему, чтобы победить инерцию и преобразить среду плантациями и городами. Этот взгляд до того далек от истины, что трудно усмотреть в нем какие-либо достоинства: это откровенно расистское оправдание действий эксплуататоров и губителей природы, которые, используя теорию классов, представляют свои жертвы, обитателей леса, низшими существами, отсталыми и не способными развиваться самостоятельно.

Осведомленные люди знают, что плодородия почвы тропического леса недостаточно, чтобы производить пищу в изобилии: тесное соседство соперничающих видов означает, что съедобные растения встречаются редко. Именно поэтому лесные собиратели должны постоянно перемещаться, именно поэтому неопытные исследователи умирают от голода в этих как будто бы изобильных регионах. Действительно, в густых дождевых лесах плодородная почва редка: необходимые растениям минералы в условиях влажной жары быстро истощаются; плодородный слой тонок, а содержание окислов алюминия и железа и кислот очень высоко¹⁶. Интенсивное сельское хозяйство даже в дождевых лесах требует оросительных каналов и тщательно разбиваемых полей и участков, какие создавались майя в тропических низинах Центральной Америки, или оно должно опираться на аллювиальную почву, подобно той, на плодах которой вырос Ангкор в чуть менее

влажном климате на берегах озера Тонлесап, где сухой сезон длится дольше.

В любом случае — и как изобильный, и как смертоносный — тропический лес кажется неблагоприятным для возникновения цивилизаций. Его иногда считают вообще не пригодным для цивилизации: в этом суть мифа о Тарзане — аристократ по происхождению превращается в джунглях в человека-обезьяну. На другом уровне Тарзан пробуждает еще одну тему леса — извращение нормального. Образ амазонок несет те же функции. Первые испанские завоеватели назвали эту реку в честь воительниц, которые, как они считали, скрываются в глубинах леса, там, куда не пробраться пришельцам; когда Себастьян Кабо, пользуясь их отчетами, создавал свои карты, он изобразил испанцев сражающимися с этим легендарным врагом, как герои на фризах множества греческих храмов, которые приручали амазонок, живущих в условиях столь диких, что это за пределами человеческой природы¹⁷.

Справедливо, что в тропических лесах цивилизации достигают периода зрелости медленнее, чем в других средах. Например, амазонский лес — по-прежнему лаборатория образцов-народов, которые оставлены природой в состоянии так называемой неразвитости. Некоторые из них живут в таком состоянии уже тысячи лет, и только в последнее время их затрагивает программа «первого контакта» бразильского правительства. Но пятьсот лет назад даже Амазонка продемонстрировала возможности цивилизации на взморье. В конце 1541 года появились первые испанские путешественники: 58 человек приплыли на плоту, сколоченном на месте гвоздями, выкованными из металлического лома, и в нескольких каноэ, выпрошенных или украденных у индейцев. Это была часть типичной злополучной экспедиции искателей мифических богатств — «земли корицы», которая предположительно находилась в районе Перу, но в глубине континента. Отчаянно нуждаясь в пище, путешественники с помощью весел и шестов добрались до Амазонки по реке Напо. «Выяснилось, — писал отец Каспар де Карвахаль, — что, вопреки нашим ожиданиям, на протяжении двухсот лиг нигде не найти еды». Напротив, «Господь дал нам открыть

новое и неслыханное» — первую зарегистрированную навигацию по Амазонке от впадения в нее Напо до Атлантического океана. На речном берегу, который путники наблюдали с воды, жила изменчивая цивилизация, захваченная в момент своего возникновения.

Приключение началось случайно. Это чересчур интересная история, чтобы ее пропустить. Навигаторы не собирались бросать своих товарищей в лагере. Вначале их гнал голод. Потом, когда поиски пищи не увенчались успехом, им не хватило сил на обратный путь против течения. Много дней плыли они по течению, не в состоянии добраться до берега, и отец Каспар отслужил мессу, «как делают на море», не освящая тело Христово, чтобы случайно не выронить его за борт. 8 января 1542 года, после двадцати дней плавания, они причалили к берегу, и индейцы пожалели их и накормили. Это дало им силы продолжить плавание, достичь моря и построить бриг. Больше всего они нуждались в гвоздях. Двое солдат с опытом механиков построили кузницу; мехи изготовили из сапог тех, кто умер от голода; пережигая дерево, получили древесный уголь для плавки. Собрав все остатки металла, не трогая только оружие и самое необходимое снаряжение, они за двадцать дней изготовили две тысячи гвоздей. Так в дождевой лес Амазонки пришел Железный век.

Строительство брига пришлось отложить, пока не добрались до места с большим количеством пищи. Испанцы так и не научились сами добывать провизию, но отыскали плотно заселенную полосу, где индейцы занимались разведением черепах; здесь путникам удалось раздобыть достаточно мяса черепах с «добавкой жареных кошек и обезьян». Потребовалось тридцать пять дней на то, чтобы построить корабль и проконопатить его индейским хлопком, вымоченным в смоле, «которую по просьбе капитана принесли туземцы».

Вскоре их корабль стал военным. Большую часть мая и июня они пробивались сквозь враждебные каноэ, отбиваясь в основном из самострелов: порох не просыхал. Все это время они жили на припасах, добытых во время вылазок в деревни индейцев. 5 июня произошла встреча, давшая великой реке ее название.

В одной деревне они обнаружили укрепленное святилище, окруженное изображениями ягуаров. «Здание производило сильное впечатление, на него стоило посмотреть, и мы спросили индейца, для чего оно». Тот ответил, что здесь они поклоняются символике своих повелителей — «амазонок». Ниже по течению испанцы слышали разговор, который истолковали так, будто на севере существует могучая империя женщин-воительниц, в которой семьдесят деревень, много золота, серебра, соли и лам. Должно быть, этот рассказ подсказан наводящими вопросами самих испанцев, которые к тому же неправильно понимали ответы туземцев. Вскоре экспедиция вышла в Атлантический океан, пройдя вниз по течению реки, по собственной оценке, 1800 лиг, и по Европе начали расходиться рассказы об испанцах, героически сражающихся с амазонками¹⁸.

Хотя рассказ об амазонках был очевидной выдумкой, вера в близость великой цивилизации соответствовала реальному опыту испанцев на реке. Рассказ Карвахалья дает ценный урок изучающему эоисторию реки. Эта среда без адаптации не способна поддерживать жизнь многочисленного населения, но амбиции цивилизации способны продуктивно адаптировать ее. И эти амбиции уже действовали. Хотя испанцы на протяжении «четырехсот миль» не могли найти пищи естественного происхождения, они видели густонаселенные города и поселки с тысячами обитателей, живущих в прочных деревянных домах. Это перспективное общество жило за счет разведения черепах, ловли рыбы и возделывания горького маниока — растения, смертельно ядовитого, если оно неправильно приготовлено, но исключительно питательного; после извлечения яда оставались только углеводы¹⁹. Археологи подтверждают данные Карвахалья. На острове Марахо в устье Амазонки в аналогичной среде с V по XV века н. э. существовало общество строителей больших курганов и дамб, от которого осталось мало свидетельств для убедительной характеристики; однако собранные материалы, среди прочего масса тесно расположенных очагов и сложная керамика, позволяют делать сопоставления с народами, которые считают «цивилизированными», например с ольмеками и строителями курганов на Миссисипи (см. выше, с. 190).

С точки зрения возделывания почвы, поведение реки на равнинах, известных в Бразилии как *вареа*, можно считать образцовым. В отличие от Нила река разливается медленно, давая фермеру время убрать урожай, а потом быстро убывает; за несколько дней уровень воды возвращается к минимуму, и фермер успевает спокойно заняться севом²⁰. Если платформы и дамбы достаточно высоки, кукуруза, которая созревает за 120 дней, но не переносит обводнения после прорастания, позволяет собирать по два урожая за год. Однако во все время, о котором имеются данные, основной культурой во всем бассейне Амазонки оставался маниок, «одно из наиболее продуктивных и наименее требовательных растений, выведенных человеком»²¹.

В конце XVII и в начале XVIII веков иезуит Сэмюэль Фритц, «апостол Амазонки», посвятивший карьеру защите созданной им на берегу реки миссии от португальских работорговцев, отметил то, что уцелело от протоцивилизации *вареа*. На берегах реки, известной как Омагуа, были участки маниока и дома,

обычно расположенные на островах и речном побережье; все низко лежащие земли затоплялись во время разливов; и хотя опыт учит их, что в разлив они остаются без своих насыпей и вообще без средств к жизни, они не решаются оставить свои жилища и устроить плантации на возвышенных местах вдали от реки, ссылаясь на то, что их предки искони жили на Великой Реке²².

Раздражение Фритца знакомо многим людям с Запада, которые пытались работать с обитателями затопленных тропиков: убежденность в том, что на сухом месте будет лучше, стоило жизни многим жителям острова Фредерика Хендрика. В 1689 году Фритц сам два не умер с голоду во время разлива реки. В то время он жил ниже по реке среди юримагуа, которых он считал речным звеном связи с мифом об амазонках из-за их традиции, согласно которой в бою участвовали и мужчины, и женщины. Но лишения Фритца были скорее результатом его неопытности в тропиках, чем недос-

татков туземной агрономии: ему пришлось просить милостыню²³.

Он отметил, что местные жители убирают урожай в январе и феврале, прежде чем река разливается (с марта по июнь); запасы кукурузы они держат в домах, а маниок и кассаву* оставляя в ямах, которые заливают вода, иногда на год или на два года,

...и хотя сладкий и горький маниок может загнить, когда его выжмут, он становится лучше и питательнее, чем в свежем виде, и из него делают напитки, муку и хлеб. Пока продолжается разлив, люди живут на платформах, сделанных из древесной коры, выходят и входят в свои дома на каноэ, и в этом нет ничего странного, ведь вся их жизнь проходит в реках и лагунах в гребле и рыбалке, и в этих занятиях они искусней любого другого народа.

Когда спустя поколение следующая экспедиция проникла вниз по течению, большинство племен, описанных первой экспедицией, уже исчезло. Судьба их неизвестна: вероятно, их уничтожили болезни, завезенные исследователями. Даже в лучшие времена культуры тропического леса хрупки и неустойчивы.

В глубине леса, за пределами узкой полосы хозяйствования в стиле омагуа, создание цивилизации — еще более опасная стратегия. Западные критики туземной агрокультуры обычно говорили, что лес, вырубленный до основания, дает пригодную к обработке почву; сегодня они предпочитают восхвалять экологически ответственную агрокультуру, которая довольствуется малыми урожаями и сосредоточена на сборе естественных продуктов. Конфеты «Тропический лес» — прекрасное политкорректное лакомство, делающее упомянутый взгляд усладой вкусовых пупырышков: в США такие конфеты продают вместе с мороженым или в батончиках в

* Кассава — разновидность маниока, так называемый «маниок полезнейший».

пестрых обертках с туканами и попугайчиками, и мрачный темный лес превращается в яркий, многоцветный и внушающий оптимизм. Однако традиционная туземная агрономия неприятна защитникам бережной эксплуатации леса не меньше, чем алчным губителям леса, которые хотят заменить джунгли пастбищами. Топор и огонь — почти универсальный метод подготовки земли для посевов. Ответственные практики, индейцы с реки Тапахос, тратят на расчистку полосы леса шириной в 350 футов три дня. Но потом ее приходится два месяца просушивать и поджигать. Посадку осуществляют, делая палкой углубление в почве, помещая в углубление саженец или зерно и притаптывая. Пожар восстанавливает в почве некоторое количество питательных веществ. Ветви срубленных деревьев нарочно оставляют вокруг, чтобы отпугнуть вредителей и обеспечить следующие фазы пополнения почвы питательными веществами; тем не менее компенсировать быструю утрату почвой плодородия никогда не удастся там, где не накапливается гумус. Такая система побуждает общину постоянно передвигаться, и никакой участок в глубине леса не удастся возделывать больше трех лет²⁴.

Трудно отказаться от впечатления, что жители тропических лесов были настойчивы и агрессивны в приспособлении среды настолько, насколько позволяла природа. Есть племена, ограничивающиеся собирательством; о таких людях можно сказать, что они живут в полном подчинении природе; но гораздо чаще в регионе виден «след человека». Разговоры о «девственном» или «первобытном» лесе обычно слишком преждевременны²⁵. Кое-какие культуры региона приблизились к такому уровню амбиций и преобразования природы, который даже придиричivé и требовательные испанские наблюдатели признали цивилизованным. На этом фоне неудивительно — или, во всяком случае, не столь удивительно, как могло бы быть, — что существуют две величественные по любым меркам цивилизации, которые на протяжении многих столетий выживали в поясе тропических лесов на равнинах, где ежегодное количество осадков приближается к девяноста дюймам. Майя в том районе, что сегодня является югом Мексики и северной частью Центральной Америки, и кхме-

ры в центральной Камбодже показывают, какое величие может сочетаться с героической выносливостью в этой требовательной среде.

Язык в камне: майя низовий

В длительный период напряженного созидания, примерно между 200 годом до н. э. и 900 годом н. э., майя построили сотни городов, вздымавших свои крыши над тропическим лесом. Они также создали — а, возможно, заимствовали у ольмекского прототипа — единственную разумную и последовательную письменность в Новом Свете, способную передать любую человеческую мысль. С помощью этой письменности они вели исторические хроники, такие подробные, что мы больше уверены в датах жизни царей династии V века н. э. Макав в Копане, на территории современного Гондураса, чем, скажем, их современников — европейских монархов. Цифровая система майя, включавшая ноль, использовалась для астрономических расчетов, охватывавших миллионы лет. Профессиональные художники создавали произведения потрясающего (по любым стандартам) качества: тонкую резьбу по нефриту, столь твердому материалу, что только он сам может оставить на себе углубления; глубоко врезанную в мыльный камень портретную скульптуру; роскошные курьельницы из Копана; глиняную посуду и гипсовые статуэтки; тонкую роспись на вазах; фрески, сверкающие киноварью свежепролитой в войнах и жертвоприношениях крови; росписи и орнаменты множества стилей — от эффектного реализма до точной геометрии.

Мир майя — это мир городов, которыми правили — по крайней мере в наиболее документированный период — цари-воины. Мы можем увидеть, как они выглядели в жизни²⁶. Пакаль из Паленке (615—684 гг. н. э.) погребен под пирамидой, стены которой покрыты записями о победах его династии. На погребальной плите он изображен как прародитель божественной расы царей. Из его чресл растет священное дерево сейба, корни которого пьяно изгибаются, ствол расширяется от плодородия, а крона покрывает весь мир. Кауак

Скай, царь Квиригуа (725—784 г.), то данник, то соперник Копана, правил относительно небольшим государством; но в своей столице он соорудил самую большую в мире майя церемониальную площадь, украсив ее по крайней мере семнадцатью своими монументальными скульптурными изображениями. В Копале самая длинная в мире надпись на камне, вырезанная на монументальной лестнице, описывает происхождение и завоевания царей. Слегка напрягая воображение, вы можете по фрагментам из Британского музея восстановить сцену, в которой царь Якс Пак (763—810 г.) удаляется в помещение, украшенное космическими изображениями, чтобы извлечь кровь из своего пениса. Отчасти эта церемония связана с необходимостью впасть в состояние, подобное сну, когда приходят видения, с помощью которых цари общаются с богами. Жены царей также общались с богами, протыкая язык острием и пропуская в отверстие ремешок. Когда появлялись цари при всех регалиях, как Щит Ягуара из Яксчилана 12 февраля 724 г. н. э., принимающий из рук жены маску ягуара — его лицо все еще залито жертвенной кровью, — они становились представителями или олицетворением богов, возглавляли свои общины в церемониях или военных кампаниях²⁷.

Самым большим из городов майя был, вероятно, Тикаль на обширной плоской равнине в гватемальской области Петен. Благодаря исключительно подробным археологическим данным и историческим записям мы можем проследить путь этого города от зарождения через величие к неожиданной финальной катастрофе — путь, характерный для всех больших центров цивилизации майя в низинах. Исторические записи Тикаля фиксируют легендарные даты с 1139 года до н. э., но свидетельства наличия монументальных зданий появляются только около 400 г. н. э., а культ царей в изображениях и надписях возникает лишь в третьем столетии н. э. Имена царей известны нам с 292 года н. э.

Вокруг грандиозных храмов и церемониальных площадей проживало около пятидесяти тысяч человек. Большинство из них жило в соломенных хижинах, поддерживаемых столбами, как изображено на рельефе стены одного из аристократических дворцов — и сегодня большая часть сельско-

го населения живет в таких же домах. В узких каналах между тщательно воздвигнутыми платформами разводили моллюсков и рыбу, а на платформах выращивали тыкву, перец, чили, плоды рамонового дерева, которое и в наши дни выращивают в садах, и прежде всего — кукурузу²⁸.

Кукуруза исключительно питательна и ценна в энергетическом отношении. Большинство цивилизаций Нового Света до прихода европейцев полностью зависело от нее (см. выше, с. 89–94, 189 и ниже, с. 344–349). Как и многие туземные народы Америки, майя считали ее божеством: те, кто выращивал ее на полях, были слугами бога кукурузы; в благодарность бог приносил себя в жертву в форме пищи. Но в ответ требовал жертвоприношений. Когда царь не исполнял свою роль военного вождя, его задачей становилось умиротворение природы и бога: он приносил в жертву свою кровь и жизни жертв, людей и животных, захваченных на войне или на охоте; охотники приносили в город на своих плечах пекáри, или оленя, как на рельефе в музее города Мерида, или молодых ягуаров, чьи кости находят в большинстве мест жертвоприношения.

В XIX и на протяжении почти всего XX века большинство ученых считали майя исключительно мирным народом наблюдателей звезд, которым правили цари-философы. В низинах уцелели только календарные надписи, и литература возвышенных территорий, описывавшая кровавые династические конфликты, считалась более поздней и не характерной. Кровавые сюжеты картин из построенных позже городов Юкатана были достаточно красноречивы; но, например, те сцены, что украшают двор для игры в мяч в городе Чичен-Итца, на которых победители отрубают головы побежденным, можно было отбросить как результат разлагающего влияния жителей центральной Мексики или даже как символические, не имеющие никакого отношения к реальной жизни. Картины, найденные в том же городе и изображающие военные сцены, можно было толковать как иллюстрации к мифам. Статуи и стелы царей в низинах считались изображением богов. Однако в 1946 году в Бонампаке на реке Узумачинта были заново открыты фрески VIII столетия н. э.: картины войны и ритуального убийства плен-

ных, изображенные с любовным реализмом и непосредственностью. Их можно было убедительно объяснить только как часть традиции, которая спустя триста лет вызвала, например, появление картин «военных художников» в Чичен-Итце.

Когда в 1950-е годы ученые начали расшифровывать письменность майя, постепенно стала вырисовываться истинная картина жизни этого общества. Во-первых, стало очевидно, что в надписях содержится большое количество имен реальных людей: это были записи о подлинных событиях в истории этого мира, а не только наблюдения за небом и движением звезд и планет. Педантично точная хронология, сложная математика, тщательные астрономические наблюдения — все это подчинялось единой цели: изложению истории династий. В надписях перечислялись имена и годы правления царей, акты их самопожертвования, их предки; их войны и принесение в жертву пленных. Дворы для игры в мяч, ранее считавшиеся аренами, на которых игроки подражали движению небесных сфер, теперь стали тем, чем были в действительности, — площадками для упражнений военной элиты. В 1973 году на конгрессе в городе Паленке в лихорадочном взрыве вдохновенной энергии исследователи за одну сессию прочли всю историю города, охватывающую большую часть VII и начало VIII веков н. э.²⁹ Недавно было высказано предположение, что подобное толкование исторической природы записей майя также ошибочно и ученые упустили легендарные и пропагандистские элементы этих текстов³⁰. Тем не менее открытие всей забытой истории исчезнувшей цивилизации — словно вдруг освободился язык, придавленный камнями, — несомненно стало одним из самых выдающихся эпизодов в жизни современной науки. Прочтение хроники непрерывных кровопролитных войн послужило отрезвляющим уроком.

Успехи Тикаля в производстве пищи и, следовательно, в возможности мобилизации воинов давали этому городу преимущество в непрерывных войнах с соседями за земли и пленных для принесения в жертву. Но достоинства такого положения оказались сомнительными. Тикаль превратился в магнит, притягивавший завоевателей; он стал ценным при-

зом и для местной аристократии в борьбе за власть. Событие, которое кажется проявлением имперской агрессии, записано в 378 году н. э.: знатный человек из Тикаля, известный историкам по имени в надписи — его звали Курящая Лягушка, стал правителем соседнего города Уаксактун. Внутренняя политика самого Тикаля была очень бурной. Возвышение Курящей Лягушки совпало с государственным переворотом, совершенным правителем по имени Кривой Нос, но в 420 году сыну Кривого Носа, Грозовому Небу, пришлось силой возвращать власть, захваченную представителями другой династии, и он украсил свой памятник длинным текстом, оправдывающим эти действия. Другая революция, в 475 году, сопровождалась сменой стиля, в котором изображались цари, и заметной фальсификацией генеалогических записей в целях пропаганды³¹.

Быстрая смена правителей в VI веке кажется связанной с экономическим упадком. В 562 году Тикаль был завоеван соперничающим городом Караколом. Памятники были уничтожены. В последующее столетие, когда проблемы эксплуатации среды тропического леса стали трудноразрешимыми, город сильно уменьшился. Однако в 682 году к власти пришел царь, остановивший упадок. Иероглифом, обозначающим имя этого царя — его звали Какао, — служил стручок какао: какао было большой ценностью, оно вывозилось на север, где не растет в естественном виде. Цветение времен Какао было основано на новом подходе к возделыванию почвы, приспособленном к производству ценных продуктов на экспорт. Какао гордился своей ролью в истории: он стал основоположником культа Грозового Неба. На годовщинах великих событий прошлого Тикаля он проливал свою кровь. Какао был покровителем искусств: на алтаре, который он в 711 году посвятил заметному в его царстве астрономическому явлению, сохранилось единственное известное стихотворение классического периода майя. Но прежде всего он был неутомимым строителем, и своей красотой Тикаль обязан преимущественно ему. На закате и по сей день можно увидеть его огромную статую, нависающую над городом на вершине пирамиды, которую Какао построил в качестве своего мавзолея. В этом мавзолее он и был похоро-

нен вместе со 180 кусками отличного нефрита и резьбой на кости, изображающей, как боги провожают его в подземный мир³².

После 869 года нет никаких дат истории Тикаля и не создано никаких произведений монументального искусства. Хотя было предложено несколько различных теорий — революция, вторжение извне и некая обширная психологическая травма, — кажется, город потерпел поражение в борьбе с враждебным окружением. Останки жителей последнего периода явно свидетельствуют о недоедании. В течение столетий все прочие большие города низин ждала такая же или похожая судьба.

Однако это не стало концом цивилизации майя, которая отступила в более благоприятную среду на высоты Гватемалы и в известняковые холмы Юкатана, где вскоре возобновилась или продолжилась интенсивная городская жизнь. Несмотря на периодические экологические катастрофы, некоторые центры, например Иксимче или Майапан, сохраняли свое значение вплоть до прихода в XVI веке испанских захватчиков: от них остались прекрасные романтические поселения, но они никогда не повторяли особенности, которые производят такое сильное впечатление в городах «классической эпохи». Исчезли надписи на камне и небольшие каменные скульптуры. Масштабы деятельности стали меньше, чем у предков, и жители городов не тратили силы на монументальные памятники и бесполезную науку. Однако это был тот же народ с наследием из мифов и воспоминаний, восходящих к классическому периоду. В их написанных на коре книгах отражались тот же календарь и та же смесь истории и пророчеств, пока — начатое в 1540-е годы и завершившееся в 1697 году — испанское завоевание не прекратило последовательный ход истории майя.

Великолепие городов низины так и не повторилось: шло время, и поселения редели и уменьшались. Никогда уже не находилось достаточно рабочей силы для возведения монументальных сооружений, не было и средств для содержания художников и ремесленников прошлого. Величие цивилизации майя стало народной легендой, и низинные города поглотил лес — как замок Спящей Красавицы, чтобы впослед-

ствии они были открыты археологами. В этом отношении, как и во многих других, пример майя заставляет вспомнить Ангкор.

Любимый змеями: цивилизация кхмеров Меконга

Ангкор — сам себе документ: одна из самых великолепных и могучих руин мира, город, построенный почти тысячу лет назад, заросший лесом и возрожденный археологией текущего столетия. Он пробуждает у камбоджийцев гордость за предков: большой храм Ангкор Вата — единственное в мире здание, изображенное на государственном флаге. Ангкор помог также в создании наиболее разрушительной современной идеологии: для красных кхмеров он символизировал высоты, которых может достичь изолированное аграрное общество, в котором нет индустриальной технологии, а буржуазия истреблена. Для любого современного посетителя это убедительное определение цивилизации: торжество монументального воображения над непокорной враждебной природой.

Культурная область с центром в Ангкоре представляет собой обширный район — от Сиамского залива до Вьетнама и от Сайгона до долины реки Менам, — по которому рассеяны кхмерские памятники. Это исключительно культура низин, постоянно преследуемая страхом перед жителями гор Дангрэк на севере или воюющая с ними. Долгая история монументального строительства начинается с VI века н. э.; особенно интенсивно строительство ведется с конца VIII века; сосредоточено оно в основном в самом Ангкоре, который с середины VI века становится резиденцией королей, и вокруг него. Окружение, измененное легкими прикосновениями, пересоздавалось в соответствии с городскими представлениями о совершенстве, как ландшафтные сады Англии XVIII века. В результате появились законы, защищавшие охотничьи угодья, цветники и рощи, посвященные богам, где уничтожение леса было запрещено, а осквернители — оставлявшие испражнения и мочу — приговаривались к пребыванию

в одном из тридцати двух адов, изображенных в храмах города³³.

Все процветание района Ангкора зависело от сельского хозяйства. Государство кхмеров в отличие от многих других на востоке, юге и юго-востоке в период, который мы считаем Средневековьем, не имело ни шахт, ни больших торговых флотов, ни развитой промышленности. Изобилие, обеспечивающее жизнь большого города, есть результат своеобразной гидравлической особенности Меконга. Разлившись от муссонных дождей, река становится чересчур многоводной для собственной дельты и течет вспять, затопляя равнины вокруг озера Тонлесап. Вследствие этого почва настолько плодородна, а вода так хорошо сберегается и направляется в резервуары, что можно собирать по три урожая риса в год.

Подобно городам майя, большие монументальные комплексы кхмеров выростали в результате расширения государства, как центры тяготения в городах, которые меняли свое значение со сменой династии и в соответствии с замыслами королей. По экологическим соображениям столица кхмеров могла перемещаться лишь в узких пределах, но всю область Анггора усеяли священные резервуары, церемониальные центры и ритуальные комплексы — по мере того как сменяющие друг друга короли, часто после кровавой борьбы за трон, возрождали королевские святилища и дворцы. Итоги позволяют вспомнить мир майя: путешественники испытывают постоянное изумление, неожиданно натыкаясь на сооружения из отлично обработанного камня, отделенные от окружающего лесом. Есть и другие сходства: хотя архитектурные сооружения Ангкора плотно одеты резьбой и статуями, которые словно свисают с башен пышными складками и драпировкой, изредка становится видна четкая геометрия основных конструкций: все прямоугольное, точное, напряженное и опирается на своеобразные каменные леса — в каждом здании тысячи вертикальных каменных столбов и горизонтальных антаблементов. Как и города майя, города кхмеров созданы словно для жизни вне их и для выставления украшений напоказ. Большинство внутренних помещений низкие, мрачные и укромные, зато площади и дороги под

открытым небом роскошно украшены, с них в высоту и во все стороны открываются прекрасные виды. В обеих культурах монументы служат для наблюдений за астрономическими явлениями и воспроизводят божественную математику вселенной. Скульптуры и надписи майя классической эпохи сосредоточены на двух темах: соблюдении календаря и прославлении царей. В кхмерской традиции, напротив, искусство было посвящено изображению неба, пока в XII веке король Сурьяварман II не проявил огромную храбрость, приказав изобразить себя на стенах самого большого здания — величайшего в мире храма Ангкор Ват. Консервативные подданные должны были счесть такое решение короля святотатством. Ранее монументальных скульптур удостоивались только покойные монархи или королевские предки. Отныне культ живых королей начал вытеснять культ бессмертных богов.

Изображения Сурьявармана часто встречаются в одной из галерей храма; он окружен всеми атрибутами кхмерского короля, бросающими вызов природе: зонт защищает от солнца, веера спасают от духоты; завитки роскошного одеяния должны свидетельствовать об искусственном ветерке³⁴. В руке он держит мертвую змею; возможно, это отсылка к рассказу о его предке: тот в молодости отнял трон у предшественника, прыгнув на королевского слона и убив короля, «как Гаруда, опускаясь на вершину горы, убивает змею». Ангкор Ват, его гармония и совершенство определяют идеологию, оправдывавшую власть короля: он открывает новую эру; сотворение мира воспроизводится в рельефах вместе с космическими войнами между добрыми и злыми богами и извлечением из океанов эликсира жизни, означающим начало нового века в цикле браманистической космологии — кри-таюги³⁵.

Согласно индуистской традиции эта новая эра должна была длиться 1 728 000 лет. Сурьявармана свергли около 1128 года, вероятно, меньше чем через десять лет после коронации, когда он потерпел ряд поражений в войнах во Вьетнаме и Камбодже. Но великолепие Ангкора возрождалось снова и снова. Чжоу Дагуань, участник китайского посольства 1296 года к кхмерам, оставил описание Камбоджи

во все еще великую эпоху, когда «белый зонт короля» Сриндавармана простирался над страной, в которой во времена спорной преемственности быстро раскрывались и закрывались зонты многих претендентов на трон. Чжоу находит, что «хоть это и земля варваров, они умеют почитать своего короля». Сриндаварман передвигается в золотом паланкине, занавеси которого раскрывают, заслышав звуки раковин, девушки, чтобы показать монарха на его покрытом львиной шкурой троне. Все прижимаются головами к земле, пока раковины не смолкнут и демонстрация власти не продвинется дальше.

Чжоу одобряет такие проявления почитания, но некоторые варварские обычаи вызывают у него отвращение. Он осуждает открытое проявление гомосексуальных предпочтений, с помощью которого, как он утверждает, делались назойливые и настойчивые попытки соблазнить китайцев. Он осуждает непостоянство кхмерских женщин, верность которых не выдерживает двадцатидневной разлуки с мужем. Его чрезвычайно интересует обычай лишения девственности — это делают пальцами специально нанятые монахи, хотя проделки монахов — одна из основных тем конфуцианской литературы, а рассказ об этом обычае мог быть выдумкой. Его восхищение многим из увиденного отравлено невыносимой жарой, которая, как он считает, объясняет частое купание и рост болезней. Он разделяет страх кхмеров перед варварскими племенами лесов и гор, которые проводят время, истребляя друг друга с помощью луков, копий и ядов. С другой стороны, в описании столицы кхмеров заметно восхищение городским образом жизни.

«Такие сооружения, считаем мы, давали китайским купцам основание восхвалять Камбоджу как землю богатую и благородную», — пишет он, рассказывая о семимильной стене с пятью воротами. Куда он ни посмотрит, его ослепляет блеск золота, что свидетельствует о ценности камбоджийского экспорта: ведь здесь ничего не производится естественно. На востоке золотые львы возвышаются по краям золотого моста, который стоит на гигантских опорах, украшенных изображениями Будды. Над золотой башней в центре города возвышается другая, медная. В королевском дворце

спальня расположена на верху третьей башни, тоже из золота; здесь, по слухам, политическая стабильность государства укрепляется совокуплениями короля с девятиглавой змеей. Эту легенду как будто легко возвести к подлинному кхмерскому обычаю: личность короля — суть королевской легитимности — заключена в скульптурном изображении фаллоса, символизирующем власть бога-творца. Эту скульптуру хранят в центральном храме города, в символическом центре горы вселенной, где король тайно общается с богом. Огромное количество изображений змей в Ангкоре должно было убедить Чжоу в единстве змеи и бога³⁶.

В записках Чжоу много сведений о непосредственно предшествующей истории кхмеров. Большинство монументов, которыми он восхищается, датируются временем великого короля Джайявармана VII, который умер примерно за три четверти века до этого. Стены, рвы, южные ворота и башни Ангкор Тома, на чем основаны описания Чжоу, — лишь центр большой строительной кампании, которая окружила столицу храмами и дворцами, дорожными станциями и, как говорили, сотней с лишним больниц, украшенных гигантскими человеческими лицами. На стеле в Та Проме имеется резная надпись с провозглашением политики общественного здравоохранения Джайявармана:

Он испытывал более сильное сочувствие к подданным, чем к самому себе, потому что страдания подданных — это в большей степени страдания короля, чем его собственные страдания... Полный глубокого сочувствия к добру в мире, король выразил желание: я хочу благодаря этой доброй работе суметь спасти все души, брошенные в океан существования. Пусть все короли Камбоджи, стремящиеся к добру, продолжат мое дело и даруют себе, своим потомкам, своим женам, своим чиновникам, своим друзьям праздник спасения, и пусть никогда не будет никаких болезней³⁷.

Распределение ресурсов для больниц показывает и масштаб, и источник богатства кхмеров: ежегодно 81640 данни-

ков из 838 деревень давали по 11192 тонны риса плюс 2 тонны 1 центнер 91 фунт кунжута, 2 центнера 107 фунтов кардамона, 3402 мускатного ореха, 48 000 доз противовоспалительного средства, 1960 коробок с мазью от кровотечения, а также соответствующие количества меда, сахара, камфоры, черной горчицы, кумина, кориандра, фенхеля, имбиря, острых ягод кубеб, ароматных трав, корицы, горьких слив миробалан и уксуса из ююбы, плода лотофагов.

Наиболее эффективным профилактическим средством была молитва, и стела, воздвигнутая при основании храма в Та Проме, описывает его богатства; храм был в 1186 году посвящен образу матери Джайявармана как «женскому совершенству». Храм получал дань из 3140 деревень. Приношения включали набор золотых сосудов, весящих 10 центнеров, и такой же набор сосудов из серебра, 35 бриллиантов, 40620 жемчужин, 4540 драгоценных камней, огромную золотую чашу, 876 китайских покрывал, 512 шелковых простынь и 523 зонта; ежедневные поставки продуктов для пяти тысяч постоянных обитателей включали рис, сливочное и растительное масло, молоко, патоку, семена и мед. Культовые церемонии ежегодно требовали поставок воска, сандалового дерева и 2387 наборов одежды для 260 изображений.

«При сих добрых деяниях, — заключает надпись, — король с крайней преданностью матери произнес молитву: за добрые дела, которые я совершил, пусть моя мать, освобожденная от океана переселений, наслаждается пребыванием в Будде³⁸».

Торжество буддизма как государственной религии, возможно, связано с преданностью жены Джайявармана, которая в своем горе, когда он уезжал на войну, искала утешения «в безмятежной тропе мудреца, идущего между пламенем мучений и морем страданий»³⁹. Байон — «золотая башня» Чжоу Дагуаня — обладает солидной центральной массой, что заставляет вспомнить центральные возвышения древних кхмерских столиц; но во внутренних помещениях башни не индуистский образ Деваджары, как в предыдущих королевствах, а Будда, который должен символизировать апофеоз

короля-основателя, чьи изображения «смотрят во все стороны» с наружных фриз. Переход к господству при дворе буддизма, начатый Джайяварманом, продолжался в дни Чжоу, потому что корни индуизма были очень прочны. Город построен по тому же плану, что и храм: оба повторяют божественную конструкцию мира, общую для космологии индуизма и буддизма: центральная гора, концентрические окружности, каменная внешняя стена, окружающие воды. Поскольку боги оставляют природу сработанной грубо, люди должны приводить ее в порядок, в соответствии с божественными идеалами. Рамакандра Каулакара, архитектор XI века из Ориссы, где при господстве мусульман воздвигнуты лучшие индуистские храмы, уловил главные принципы строительства Ангкора:

Создатель... составляет план вселенной в соответствии с мерой и числом... Он прототип и модель строителя храмов, который в своем лице объединяет архитектора, священника и скульптора... Малую вселенную надлежит создавать с уважением к вселенной обширной... Она должна соответствовать... ходу солнца и движениям планет... Совсем не простая арифметическая операция, которую можно выполнить, прикладывая измерительную линейку... поскольку план храма... синтезирует орбиты солнца, луны и планет... он символизирует и периодическую последовательность времени: дня, месяца, года⁴⁰.

Королевская столица, воздвигнутая в XI веке Удайадитиаварманом II, раскинулась вокруг центральной башни, на которой есть характерная надпись: «Считая, что центр вселенной обозначен Меру, он подумал, что подобает иметь Меру в центре столицы»⁴¹. Надписи, помещенные Джайяварманом VII по углам святилища Ангкор Тома, в той же традиции сравнивают центральную башню, внешние стены и окружающий их ров: «Первая пронзает своей вершиной яркое небо, второй уходит вниз, в непостижимые глубины мира змей. Эта гора победы и этот океан победы, построенные

королем, означают возвышение его великой славы»⁴². В правление Джайявармана ученый брамин из Бирмы еще мог приехать в Камбоджу, чтобы поучиться у многих «известных знатоков Вед», которые жили здесь. Санскритские надписи, которые исчезли в соседнем королевстве Чампа в 1253 году, в Камбодже делались до 1330-х годов⁴³.

Вслед за тем монументальное строительство в Ангкоре прекратилось больше чем на сто лет. Не следует принимать на веру миф красных кхмеров: ангорское государство было не просто замкнутым сельскохозяйственным обществом. На одном из рельефов Байона изображен морской мир юго-восточной Азии, часть которого составляет и Ангкор: моря изобилуют рыбой, они полны рыбацких лодок, прогулочных яхт с крытыми палубами, боевых и торговых кораблей с глубокими трюмами. Но кхмеры не занимались торговлей с дальними странами, как делали истинно преуспевающие государства позднего Средневековья, например Шривиджая или Маджапахит (см. ниже, с. 484–491). Не могла элита Ангкора и бесконечно платить армиям, как не могла строить в прежних масштабах. Все труднее становилось продавать рис за золото. Начиная с XII века на северо-востоке Азии появились новые обширные районы производства риса; почвы, не такие плодородные, как в Ангкоре, подверглись воздействию новых технологий под руководством правителей и религиозных организаций. Динамичное и агрессивное тайское государство богатело, а Ангкор пребывал в застое. Со временем в 1430-е годы кхмеры ушли в более компактный оборонительный круг в Пномпене и, после того как тайцы унесли все, что смогли унести, покинули Ангкор и бросили его на милость леса.

Город смерти: Бенин

К разочарованию исследователей, в тропической Африке нет ничего подобного Тикалю или Ангкору. Но есть Бенин. В первые столетия европейской заморской экспансии великолепие Бенина восстановило легко утраченную белыми людьми веру в способность черных создавать собственные

цивилизации. Ослепительный образ средневекового Мали, пленивший воображение латинского христианского мира, быстро померк при непосредственном знакомстве (см. выше, с. 134). В Конго португальские монархи обращались с местными королями как с равными, и знатные чернокожие могли становиться князьями и епископами. Но близкое знакомство порождает презрение, и португальцы, жившие в колониях, считали туземцев презренными и жалкими существами. Даже великолепие Эфиопии показалось разочаровывающим после того возбуждения, которое вызвала в Европе легенда о пресвитере Иоанне. В 1570-е годы португальцы не смогли покорить Мвене Мутапу, но в западной литературе это место рассматривалось как необычное и экзотически варварское (см. ниже, с. 370).

С другой стороны, Бенин долгое время был исключением из общего презрительного отношения. В 1668 году, изображая его в своих работах, голландский гравер показал город большой и правильный, украшенный высокими шпилями, на которых сидят большие птицы, явные послания небес, хорошо знакомые нам по уцелевшим образцам бенинских изделий в бронзе. Одно из таких изделий — туземная модель королевского дворца в Бенине с богато украшенными стенами и элегантно конической крышей над центральным залом — свидетельствует, что версия гравюр, хотя и преувеличенная, имеет под собой реальное основание⁴⁴.

Слава и известность Бенина постепенно росли с начала XV века, когда город впервые выделился из множества мелких общин⁴⁵. Удивительно, что эти края вызвали уважение европейцев, пусть и заслуженное: здесь очень жарко и влажно, это настоящий инкубатор лихорадки, и такой климат обычно считался несовместимым с цивилизацией. Здесь выпадает до восьмидесяти дюймов осадков в год; когда идет дождь, в зале для королевских аудиенций невозможно слышать голоса. Согласно отчетам 1538 года и последующим⁴⁶ королевский двор полон зловония разлагающихся остатков человеческих жертвоприношений. Здания дворца, хотя и прочные и величественные, с чеканными рельефами и орнаментальными медными пластинами, сделаны из глины — материала, традиционно недооцениваемого европейскими

судьями от архитектуры. Но преимущество Бенина в том, что он стал известен европейцам в конце XV века, в период своего высшего расцвета. В сознании европейцев смелость на войне и в искусстве ставили этот город на особое место среди городов-государств низовьев Нигера. Искусство и война объединялись в культе королей: правитель считался божественным существом, не нуждающимся ни в пище, ни в сне.

Два вида искусства, в которых бенинские ремесленники достигли высочайшего уровня, соединялись в алтарных приношениях: выразительные медные головы изображали стилизованных королей и их матерей; с середины XVIII века к ним добавились слоновьи бивни со сложной резьбой, укрепленные в специальных углублениях голов и вздымающиеся над ними, как плюмаж. Письменности в Бенине не было, но дворцовые декоративные щиты, украшенные чеканными рельефами с картинами придворной жизни или изображениями исторических сражений, «были как указатели на картах... и на них ссылались во время споров об этикете»⁴⁷.

На алтарных кольцах, назначение которых сегодня забыто, стервятники рвут на части связанные, искалеченные тела побежденных врагов, рты у которых заткнуты. Алтарь украшен копьями, щитами, мечами и отрубленными головами. Массивные земляные укрепления, которые возводились из грунта, извлеченного из ныне не существующих рвов, — «земляная летопись долгого процесса слияния полурассеянных общин... в городское сообщество, которое нуждается в защите на уровне города»⁴⁸. Консолидация которая произошла в середине XV века, превратила Бенин в город-завоеватель, постепенно приобретающий подданных, дань и рабов со все более обширной территории, занимавшей к началу XVII века свыше пятисот миль вдоль Нигера до самого моря, включавшей колонизованные болотистые леса на реке Бенин и подчиненные общины вплоть до Лагоса⁴⁹.

Помимо человеческих жертвоприношений, которые должны были принести успех в войнах и хороший урожай, в жертву приносили также крокодилов, ильную рыбу, орехи кола, пальмовые листья (символизирующие пальмовое вино), скот карликовых пород, специально выводившихся для леса⁵⁰, и детей. Церемониальную пищу тщательно упаковывали

и ели в небольших количествах. Орехи кола, которые королевские слуги подавали с большим почтением, обладали горьким вкусом и стимулирующим действием: король дарил их посетившим его вождям, и они служили роскошной приправой⁵¹. По крайней мере с начала XVI века основной пищей служил ямс. Богатство Бенина определялось не сельским хозяйством, а торговлей. Причем основу этой торговли составляли не рабы, как в соседнем королевстве Дагомея, возможно потому, что, когда случался избыток рабов, жители Бенина предпочитали использовать их сами, или потому, что европейских покупателей отпугивал слишком высокий уровень смертности по сравнению с прибрежной работорговлей. Королевство не было богато металлами: медь оно ввозило, и уже из готовой меди делался сплав, из которого создавались произведения искусства. В некоторые периоды ценился местный хлопок, и по крайней мере поначалу европейскую торговлю привлекала в Бенин приправа, известная как хвостатый, или бенинский, перец⁵². До бума пальмового масла в конце XIX века главным ресурсом Бенина была слоновая кость, и в XVIII веке именно Бенин был ее основным поставщиком в Европу⁵³.

Но к тому времени королевство уже состарилось. В XVII веке изнеженные, праздные обы прекратили войны, при дворе господствовали ритуалы, правители почти не покидали пределы дворцов, проигрывали целые состояния и проводили время в своих гаремах из пятисот наложниц. Акензуа I, необычайно честолюбивый оба, в 1690-е годы попытался возродить мощь королевства, но это вызвало гражданскую войну и дальнейшее ослабление влияния Бенина на подчиненные общины⁵⁴. Некоторые превосходные образцы бенинского искусства свидетельствуют о возвращении процветания в XVIII веке. Бенин никогда не зависел от экспорта рабов и потому не пострадал от упадка этой торговли; если другие государства в середине XIX века развалились, Бенин уцелел; но если государства-соперники процветали ввиду растущей потребности в пальмовом масле, Бенин проводил изоляционистскую политику, отгородившись от мира.

Равнодушие к торговле стало поводом для британской интервенции. А человеческие жертвоприношения, которые в

течение XIX увеличились в числе и стали утонченно жестокими, создали предлог. Оба Овонравмен, захвативший трон в 1891 году, попробовал защититься от британского империализма; но его власть над королевством слабела, и он был не в силах отменять приказы и распоряжения непокорных вождей. Резня в британской миссии в 1896 году произошла без одобрения Овонравмена⁵⁵. Но ответный удар англичан был неотвратим. Газеты призывали к завоеванию и аннексии Бенина, «к священной войне против города смерти»⁵⁶. Фотографии, сделанные участниками карательной операции, показывают пришедший в упадок город и королевский дворец, запущенный и разрушающийся — еще до того, как британская артиллерия превратила его в бесформенные развалины.

Все цивилизации или протоцивилизации тропических низин либо не доживали до зрелости, либо после короткого расцвета приходили в упадок. Следы этих цивилизаций поглощали джунгли или болота. Хотя некоторые тропические низины в изобилии дают продукты, в большинстве сред равновесие непрочное и цивилизации хрупки. Но почти любую цивилизацию почти в любой среде побеждала и превращала в руины природа: долговечность и великолепие некоторых грандиозных усилий цивилизаций в тропиках удивляет больше, чем их конечное поражение.

Существует явное сходство в том, какие решения принимали строители цивилизаций в тропических лесах и болотах: в некоторых отношениях Ангкор напоминает город майя; курганы ольмеков и Маджахаро похожи; политическое устройство Бенина, представлявшее собой полное соперничества объединение городов-государств, обнаруживает сходство с политической вселенной майя. Однако различия более заметны. Возможно, нам никогда не удастся найти удовлетворительное объяснение, почему в тропиках усилия людей приводят к столь различным результатам: почему омагуа или люди Маджахаро не достигли в строительстве масштабов ольмеков; почему жители острова Фредерика Хендрика не добились сколько-нибудь заметных достижений; почему майя сумели преодолеть ограничивающее воздействие своего исключительно трудного окружения и достигли уровня, не имеющего параллелей в других тропических лесах, за ис-

ключением Ангкора, где условия были гораздо более благоприятными; и в более общем виде — почему некоторые тропические леса стали родиной великих цивилизаций, другие были лишь слегка затронуты в попытках преобразования, а в третьих жители довольствовались тем, что дает природа, не пытаясь усовершенствовать ее. Пока ответа на этот вопрос нет, можно сделать только один вывод: попытки создания цивилизаций в тропических лесах предпринимались часто и часто успешные. Тропический лес и болота — это среда, которая удивляет нас своей неожиданностью, как «затерянный город в джунглях», неожиданности здесь встречаются так часто, что мы их почти ожидаем.

Часть четвертая
БЛЕСТЯЩИЕ ПОЛЯ ГРЯЗИ

*Аллювиальные почвы
в сухом климате*

Великолепная грязь!

Майкл Фландерс и Дональд Суэн.

Песнь гиппопотама

*Я знаю Нил. Когда он приходит на поля, его приход
дает жизнь каждой ноздре.*

Стела в храме Хнума, приписываемая Джосеру

7. Одинокие и равнинные пески

Вводящие в заблуждение случаи на Ближнем Востоке

*Заливная равнина Карсамба. — Долина Иерихона. —
Шумер и Египет.*

*Они сажают многие сорта зерна,
В этих зернах влажная жизнь.*

.....

*Полоса за полосой, они пропалывают всходы.
Теперь в должном порядке они жнут;
Плотно уложены их копны —
Миллионы и мириады копен.*

.....

*И не только здесь так.
И не только сейчас так.
Давным-давно было так.*

А. Уэйли. Книга песен¹⁷

Однажды рано утром в Афганистане я встретил группу людей, одетых в многоцветные разукрашенные кафтаны, широкие шаровары и остроносые туфли. У них было два барабана, и они пели и танцевали, размахивая в воздухе серпами. За ними следовала группа женщин, в чадрах, но, очевидно, тоже празднично настроенных. Я остановился и спросил на ломаном фарси: «Это свадьба или что-то другое?» Они удивленно посмотрели на меня и ответили: «Нет, ничего подобного. Мы просто идем жать пшеницу».

Джек Р. Харлан. Хлеба и люди¹⁸

Плодородная почва: ранние попытки интенсификации растениеводства

Грязь хлюпает и переливается. Но если ее высушить на солнце, вылепив из нее кирпичи, и обжечь эти кирпичи в специальной печи для обжига, из нее можно строить прочные здания. Подходящий сорт грязи может создать основу цивилизации: плодородная почва, пропитанная жизнью, в свою очередь формирует общество, вознаграждая коллективные усилия большими количествами пищи. В Древней Месопотамии в обязанности царя входила формовка первого кирпича для нового храма. На аккадских печатях изображены боги, создающие мир из грязи. Они смешивают грязь, делают из нее кирпичи, поднимают их по лестницам и ряд за рядом выводят кладку¹.

Повторяющиеся наводнения разносят эту грязь по полям, и она — в особенности аллювиальная грязь, постоянно возобновляемая разливающимися реками, — чрезвычайно богата питательными веществами, которые способствуют процветанию растительности. На такой почве можно работать: в нее легко сажать, не вспахивая и не внося удобрения, ей легко придавать любую неестественную форму для строительства домов и плотин. Аллювиальная почва позволяет кормить плотное население — особенно если хозяйство эффективно организовано сильной элитой. Правители, контролирующие производство и распределение пищи, могут использовать свое богатство для преобразования окружения, для превращения среды из грязи в город, могут воздвигать гигантские монументы, вести легкую, полную развлечений жизнь, содержать класс образованных людей и заказывать произведения искусства.

Цивилизация не «зарождается» на аллювиальных почвах (хотя они могут в этом помочь). Так же как и возделывание растений. Но такой тип среды порождает особый тип хозяйства, что в свою очередь ведет к особому типу цивилизации: к форме своеобразного сельскохозяйственного массового

производства, основанного на выращивании одного-двух основных видов зерновых; при этом земля покрывается каналами — ирригационными и отводящими излишек наводнений — и засаживается растениями, «неестественными» в том смысле, что они не могли появиться и не могут выжить без участия человека. Этот тип растениеводства представляет крайнее проявление стремления к цивилизации. Он поддерживает многолюдные, урбанизированные, высоко организованные общества: человеческие муравейники, тиранию коллективных целей.

Часто утверждалось, что «гидравлика» таких обществ приводит к деспотизму². Более справедливо считать их примерами обычной утопии, рожденной идеалистами и окаменевшей на практике. Сложность управления водой — или даже в более общем виде управления кампанией по покорению природы — делает такие общества добычей организаторов; то же самое можно сказать и о проблеме создания и сохранения разумных запасов пищи. Корни сверженности, которая может привести к крайней эксплуатации среды, к ослаблению и разрушению созданного, лежат ниже уровня ила, в глубинах человеческих стремлений — стремлений к цивилизации.

Аналогичные решения проблемы прокорма большого населения и управления им принимались независимо и в других средах (см. выше, с. 90–94; ниже, с. 356–360); так что, хотя аллювиальные почвы особо благоприятны, одним их плодородием невозможно объяснить зарождение в древности интенсивного сельского хозяйства. Наше собственное растениеводство — его прямой потомок: наши засеянные пшеницей прерии — все равно что увеличенные зерновые поля древности. Поэтому легко понять, почему ученые до самого последнего времени считали, что наши далекие предки стремились стать похожими на нас: мы считаем свои методы лучшими и поэтому каждый шаг к ним рассматриваем как прогрессивный и представляем его логичным итогом рациональной предусмотрительности. Но чем больше мы узнаем о раннем растениеводстве цивилизаций аллювиальных долин, тем более удивительным кажется то, что любое общество отказалось от «первоначального богатства» охоты и собира-

тельства в изобильной среде, чтобы отяготить себя такой непродуктивной и беспокойной системой³.

Традиционно в работах о происхождении интенсивных агрокультур не ставился вопрос о том, почему люди захотели перейти к ним — это считалось само собой разумеющимся; выяснялось только, как им могла прийти в голову такая мысль, как будто в ней есть нечто революционное⁴. Но теперь, когда мы знаем, что переход от собирательства происходил часто и независимо в самых разных средах и в большинстве их становился все более интенсивным, его больше нельзя считать странным или необычно редким. Интенсификация растениеводства на аллювиальных почвах тоже больше не кажется революционным шагом: и растениеводство, и собирательство — части единого целого в управлении источниками пищи; в крайних случаях их трудно отделить друг от друга⁵. «Даже примитивнейшее общество охотников-собирателей, — очень хорошо сказал один из современных ученых, — прекрасно знает, что семена прорастут, если их посадить»⁶. Агронмия древних аллювиальных долин попросту другая, лишь более удивительная часть этого единого целого.

Культивированные зерновые, опора древних систем хозяйства, в любом случае менее питательны, чем дикие разновидности, которые они заменяют, хотя дают больший урожай и в целом требуют меньше работы при приготовлении в пищу. Однако до того как приготовить из зерна еду, его нужно вырастить. А это тяжелейшая работа, требующая гораздо больше времени и усилий, чем собирательство, например, дикорастущего зерна. По мере сужения диеты человек становится все уязвимее для голода и болезней. Крестьянин обречен на борьбу с вредителями. Ирригационные каналы превращаются в рассадники болезней. Оседлое население, живущее в тесноте, становится легкой добычей опасных болезнетворных микроорганизмов. Рост рождаемости — он обычно характеризует процесс перехода к растениеводству — обновляет резервуар не имеющих иммунитета жертв вирусов и тем самым способствует их возникновению и развитию⁷. Тем временем, вместо того чтобы стать всеобщим дополнительным источником питания, охота делается привилегией

элиты, а разнообразие диеты — наградой за власть. Великие достижения цивилизации — грандиозные монументы, воздвигнутые народом для удовлетворения элиты, — для большинства означают больше труда и больше тирании⁸.

Это не оправдание романтического представления о нравственном превосходстве обществ «копья и пращи», где преобладает охота и собирательство. Эти общества хорошо знакомы с кровопролитиями и тоже раздирались неравенством, как и те, что опирались на агрокультуру, только у них это выражалось по-другому⁹. Люди, занимавшиеся интенсивным земледелием, отказывались не от лесной невинности золотого века, но от некоторых практичных преимуществ. Джек Р. Харлан, агроном, один из великих пионеров исторической экологии, выразил это как нельзя лучше:

Этнографические данные свидетельствуют, что народы, не занимающиеся земледелием, делают все то же, что и земледельцы, но не работают так много и напряженно. Собиратели изменяют и расчищают растительность с помощью огня, сажают семена, выращивают клубни, защищают растения, владеют участками земли, домами, рабами или отдельными деревьями, устраивают праздники первого сбора, молятся о дожде и об увеличении урожая... Они собирают семена трав, молотят, веют и мелют, готовя муку... Они выкапывают корни и клубни. Они извлекают яд из ядовитых растений, делая их съедобными, а ядом усыпляют рыбу и убивают дичь. Они знакомы со многими лекарственными растениями и составами. Ими известна цикличность жизни растений, они знают времена года, знают, где и когда с наименьшими затратами труда собрать наибольший урожай дикорастущих растений. Есть свидетельства того, что диета собирателей была лучше, чем у земледельцев, что голод у них случался реже, здоровье было крепче — меньше хронических болезней и не так повреждены кариесом зубы. Поэтому следует спросить: зачем заниматься земледелием? Зачем отказываться от 20-часовой рабо-

чей недели и от удовольствия охоты, чтобы непрерывно трудиться под солнцем? Зачем больше работать ради менее питательной пищи и менее постоянного ее поступления? Зачем призывать голод, болезни, эпидемии и жизнь в тесноте?¹⁰

Можно уклониться от необходимого объяснения, сославшись на то, что интенсификация труда в земледелии неизбежна: это часть «курса истории», или неотвратимого прогресса. Но у истории нет никакого курса; в ней нет ничего неотвратимого, и прогресс в целом все еще ожидается. Часто причиной интенсификации труда и выработки новой технологии называют потребность в новых ресурсах, либо из-за роста населения, либо из-за истощения других источников¹¹. Но эти объяснения не соответствуют данным хронологии. Невозможно показать, что в нужное время и в нужном месте исчезли или даже заметно уменьшили численность виды, пригодные для охоты. Конечно, в районах с наиболее развитым земледелием население растет, но это, вероятно, не причина, а следствие¹². Демографическое давление объясняет, почему нельзя отказаться от интенсификации хозяйства без риска катастрофы, но не объясняет, почему эта интенсификация началась. Наконец, интенсификация сельского хозяйства возможна только в районах с изобильными ресурсами: кажется более разумным утверждать, что именно изобилие, а не нехватка — предпосылка подобного развития.

Бесполезность всех разновидностей материалистических объяснений развития массового земледелия толкает исследователей к религии или, в более общем виде, к культуре. Действительно, ошибка — пытаться объяснить все особенности цивилизации только рационально или, по меньшей мере, в соответствии с рационализмом экономистов. Теперь, когда мы подвергли экономический либерализм проверке и выяснили, что если его принцип и действует, то весьма несовершенно¹³, мы можем отбросить один из наиболее стойких древних мифов о природе человека. Человек — не экономичное животное. Просвещенный эгоизм далеко не всегда руководит нашими решениями, особенно когда мы принимаем их коллективно. Праздность и коварство более общая че-

ловеческая характеристика, чем просвещенный эгоизм, и люди редко избирают долговременные цели, для достижения которых нужно принести в жертву ближайшее время или свободу. Во всяком случае, человек, заботящийся о выгоде исходя из известных данных о получаемой отдаче на затраченные усилия, никогда не сделал бы выбор в пользу систем, на которые опирались в долинах Евфрата, Нила, Инда и Желтой реки.

Поэтому заманчиво согласиться с мнением ученых, которые объясняли сделанный в древности выбор интенсивного земледелия религиозными причинами¹⁴. Пахота, проделывание углублений в земле, посадка и орошение — это все глубоко «культовые» действия: обряды рождения и воспитания бога, который будет вас кормить; обмен жертвоприношениями — работы на пищу. Способность земли производить пищу в большинстве культур трактуется как божественный дар, или проклятие, или тайна, украденная у богов героем данной культуры. Животных одомашнивали не только ради пищи, но и для жертвоприношений и гадания. Многие общества выращивают растения, которые участвуют в религиозных обрядах, но не употребляются в пищу, например курения, или наркотические средства, или жертвенная кукуруза некоторых высокогорных общин в Андах (см. ниже, с. 344). Там, где растения — боги, труд земледельца — поклонение им.

Происхождение разных видов агрономии или особых систем агрокультуры нельзя рассматривать в отрыве от жизни практиковавших их обществ. Часто культурные предпочтения трудно объяснить на основе простого расчета материальной выгоды. Косьба травы на сено — один из традиционных праздников рабочего класса в Англии. Заготовка сена — общепризнанно одна из менее трудных задач при уборке урожая, и в английском сленге «убирать сено» по-прежнему означает «хорошо проводить время». В рассказе Джека Харлана, приведенном в качестве эпиграфа в начале этой главы, афганцы, направлявшиеся на уборку урожая, были нарядно одеты и весело настроены. Уборка урожая — повод для общего праздника и выражения благодарности, а это сплачивает общество, стирает различия, способствует ухаживаниям и

прекращает споры и вражду. «Восточные деспоты», которые заставляют население строить ирригационные системы, знают, что это помогает сплотить народ. Они действуют в соответствии с этикой благодушного человека, который постоянно вмешивается в чужие дела и организует соседей для демонстрации в защиту прав. Иррациональный труд может быть благодатным, как узнали жители Финикса, помогая строить копию Стоунхенджа, упомянутую в начале второй главы. Произведенная пища должна быть съедена, это открывает дальнейшие возможности для организации общества, ибо, как сказал однажды мудрец, «если душа — это своего рода живот, то что такое духовное общение, как не совместная еда?» Общества, скрепленные общими празднествами, и лидеры, любящие проявления щедрости, всегда найдут, как использовать интенсивное земледелие и накопленные запасы пищи. Монументальная цивилизация — функция своеобразной общительности¹⁵.

В определении выбора, который делает народ в отношении своего окружения, культура важнее разума и даже материальной потребности. Именно поэтому агрокультура не обязательно возникает там, где по меркам разума или согласно предсказаниям детерминистов для нее существуют благоприятные условия. В Калифорнии и в Южной Африке есть участки самой плодородной в мире почвы, где сегодня произрастают самые ароматные и размещаются сочные фрукты и самые производительные виноградники. Оба эти района были заселены уже за много тысячелетий до того, как поздние пришельцы попытались заняться здесь земледелием, и то самого примитивного типа: койкой Капской провинции так и не ушли дальше скотоводства; Калифорния кишела племенами разного происхождения, которые много веков оставались охотниками и собирателями, а рядом, в гораздо менее благоприятных условиях пустыни Сонома уже практиковалось земледелие.

Куда удивительнее выбор в пользу агрокультуры сделана народами в других средах: ведь если окружение кормит вас, зачем его менять? За исключением долины Желтой реки в Китае климат в период возникновения интенсивных методов обработки земли во всех регионах был слишком сухим,

чтобы выращивать достаточные урожаи без использования речной воды для орошения. Но земледелие, в особенности в интенсивных формах, ставших общераспространенными, во все не единственный выбор, обеспечивающий жизнь. Эти регионы окружены разнообразными микросредами, среди которых и богатые дичью угодья, и области произрастания диких злаков, близко расположенные и вполне пригодные для сбора урожая методами собирателей¹⁶.

При попытках понять причину возникновения раннего интенсивного земледелия нельзя упускать из виду еще три обстоятельства. Во-первых, земледелие в этих обществах может быть частью «пакета» или синдрома цивилизации: его можно объяснить победой цивилизационного зуда, стремления человека цивилизовать, изменять, перекрашивать, душировать природу, переносить в поля геометрию городов. Во-вторых, земледелие, о котором мы говорим, может быть следствием, а не причиной сопровождающих его появление социальных перемен. Каковы бы ни были первичные методы заготовки пищи, народы, живущие в затопляемых долинах рек, переносящих ил, ради безопасности должны были коллективно противостоять наводнениям: каналы и дамбы необходимы для защиты собранного продовольствия и домов; возможно, в некоторых случаях это были народы, изгнанные соперниками из областей, богатых дичью и благоприятных для охоты. Мысль о том, что первые обитатели речных берегов скорее всего были беженцами, отрезвляет: по грубым, но реальным стандартам того времени их жизнь уступала жизни окружавших их «варваров».

Наконец, существует хорошо известная аналогия, к которой, однако, в данном тексте мы еще не обращались: выбор, сделанный европейским обществом XIX века в пользу индустриализации. Конечно, жизнь европейских крестьян не была счастливой и беззаботной аркадией; но она была гораздо лучше бедного, отвратительного и грубого бытия городской фабрики. Доиндустриальным ремесленникам приходилось проходить через строгое ученичество, и они попадали в западню непреодолимых социальных различий, но у них сохранялись определенная независимость и контроль над условиями своей работы. Хотя в долговременной перспективе

индустриализация улучшила условия жизни, это потребовало от рабочих многочисленных жертв: жизнь их была тяжелой, тела изуродованы, они были лишены детства в ужасный «период приспособления»; и это была не бескорыстная жертва, а катастрофа, навязанная алчными и богатыми.

Данные объективной статистики, например, не оставляют никаких сомнений в последствиях воздействия атмосферы ранних текстильных фабрик: сильное потоотделение, слабость, нарушения пищеварения, затрудненные движения, ухудшение кровообращения, умственная отсталость, ослабление нервной системы, разрушение легких и отравления ядовитым машинным маслом и красителями. На фабриках середины XIX века обычно действовал 14- и даже 16-часовой рабочий день. Отупляющий голод равнодушные медицинские власти называли главной причиной восприимчивости рабочих к болезням. Трущобы ранних промышленных городов были инкубаторами болезней и беспорядков. Вырванное из привычных ритмов деревенской жизни население трущоб было уязвимо для подъемов и спадов промышленной экономики, которые могли обычную бедность за одну ночь превратить в страшную нищету¹⁷.

Как возникновение массового земледелия признавалось неизбежным торжеством разума и прогресса, так и начало массового промышленного производства даже критиками его крайностей оправдывалось по тем же причинам. Например, в Европе XIX века социалисты, которые проклинали влияние последствий индустриализации на жизнь рабочих, в то же время воспевали марш истории к неизбежной кульминации. Сегодня, когда мы все еще не расчистили развалины, оставшиеся от индустриальной революции, ошибки прогрессистов избежать легче. Людей, приручивших пар, мы не считаем превосходящими остальное человечество интеллектом, нравственностью или воображением. То же самое можно сказать и о тех, кто в древности одомашнил растения.

Причины всеобщего принятия индустриализации со всеми ее недостатками помогают понять, почему массовое земледелие терпели поддерживавшие его общества. Оно приходило, так сказать, украдкой. Первые его стадии были вполне благоприятными, и лишь набрав большую инерцию, новое

явление уничтожило здоровье и счастье своих жертв. В случае индустриализации этот процесс можно проследить по картинам художников, по их взгляду на происходящее. Все художники конца XVIII века разделяют то, что можно назвать взглядом Циклопа на промышленность: это односторонний романтический взгляд на кузницу Вулкана, как на картине 1760-х годов работы Дюрамо, где изображена фабрика по производству селитры, или на пейзаже 1801 года Лотербурга, где мы видим изображение Коалбрукдейла: зловонные испарения печей заключены в пасторальную рамку. Рядом с этой картиной в Музее науки в Лондоне висят и другие, отражающие более поздние фазы. В середине XIX века Уильяму Иббитту Шеффилд кажется городом из утопии, сливающимся с окружающими холмами. Ровное зеленое свечение ничуть не затронуто дымом пятидесяти труб, вздымающихся параллельно церковным шпилям. Преобразованный ландшафт представляет собой расположенные рядом на большой площади шахту и железнодорожные пути, запасные ветки и гаражи. На переднем плане отдыхают рабочие, играют дети, а буржуазная семья с гордостью смотрит на город. И совсем иначе Лоури изобразил в 1922 году безмятный город, откуда изгнаны всякие следы природы, за исключением полосок мрачного неба, видимого между дымными пятнами. В газовом свете и в мрачных тенях механически передвигаются похожие на спички люди с бледными, лишёнными конкретных черт лицами. На заднем плане, как олицетворение духовных ценностей, словно исчезает призрачный собор¹⁸.

Мы можем увидеть пропагандистские изображения о пользе массового земледелия на стенах храмов и на посуде древнего Египта и Шумера: полные муки мешки, крестьяне с идеальной внешностью, сады, раскинувшиеся под сенью колодезных журавлей¹⁹. На ранних стадиях земледелия на заливных долинах такой взгляд на него оправдан, потому что, пока это производство пищи не стало монопольным и не определяло организацию всей жизни, оно вносило полезное разнообразие и производило обогащающее действие. Производители зерна оказались так же зависимы от него, как мы зависим от промышленности: за определенным порогом, ко-

гда земледелие набирает размах и начинает стимулировать демографический рост, концентрация населения становится слишком велика, чтобы поддерживать его жизнь другими способами.

Сад Господень: аллювиальные архетипы

Все агрокультуры изменяют окружающую среду и представляют цивилизационный порыв в действии, но всего заметнее это — в свое время — на аллювиальных почвах в сухом климате. Начало процесса преобразования можно воссоздать на примере самых ранних известных поселений, которые имеют право называться городами или по крайней мере потенциальными городами — это «протогородские поселения» Иерихон и Катал-Хююк.

Окружение древнего Иерихона — на высоте в 650 футов ниже уровня моря, на дне глубокой впадины — на взгляд, на вкус, на ощущение кажется совершенно бесперспективной: земля, обожженная дыханием дьявола, зловонно горячая, покрытая корой серы и соды, загрязненная рекой, влекущей рыбу к смерти в соленом море. Но одиннадцать тысяч лет назад картина была иной: древние стены смотрели на аллювиальный веер, намытый с Иудейских холмов многочисленными притоками реки, текущей на юг от Галилейского моря. Река Иордан переносила много ила. Это объясняет извилистость ее русла среди древних серых отложений мергеля и гипса, лежащих сегодня на месте озера, когда-то занимавшего всю долину. На ее берегах когда-то росли библейские «джунгли Иерихона», откуда львы нападали на овчарни, чем грозил Бог раю²⁰. В результате для жителей пустынь эта часть долины Иордана была «подобна саду Господа»; сами они, как израильтяне колена Иисусова, были из этого сада изгнаны. За эту землю постоянно воевали, ее часто завоевывали и на долгие периоды опустошали, разрушая города. Это было стратегическое звено, охраняющее доступ «через прорезанные реками в стенах долины проходы из пустыни в прибрежную Палестину»²¹. Те, кто хотел здесь жить, должны были укреплять свои поселения.

Репутацию «древнейшего города мира» Иерихону создали строения, относящиеся к десятому тысячелетию до н. э.: это прочные сооружения со стенами толщиной два фута, с кирпичной кладкой и каменным фундаментом²². Старейшие раскопанные укрепления со сторожевой башней, по сей день возвышающейся над руинами на двадцать футов, с определенной долей уверенности можно отнести к восьмому тысячелетию²³. Культуру обитателей раннего Иерихона невозможно реконструировать за исключением дразнящих деталей: они хранили черепа, словно наделяя их жизнью и личностью, придавали им черты лица с помощью штукатурки. Они изготавливали нефритовые амулеты. Они, по-видимому, приносили в жертву детей, отрезая им голову над оштукатуренным бассейном²⁴. Они питались зерном, выведенным из диких разновидностей ячменя и пшеницы, которые были частью естественной растительности заливных равнин. Город занимал десять акров: пространство для трех тысяч или чуть большего числа людей. И сегодня площадь аллювиальной полосы достаточно велика, чтобы прокормить такое количество даже при сборах одного урожая за год, если предположить, что дополнительные продукты дают охота и скотоводство²⁵.

Иерихон, несомненно, не единственный такой город: нам предстоит открыть еще немало подобных. Можно провести сравнить его с Катал-Хююком, построенном из кирпичей на аллювиальной равнине на территории современной Турции свыше семи тысяч лет назад. Почва, питавшая население, была создана наводнениями в дельте реки Карсамба; река впадала в ныне исчезнувшее озеро. Питаясь пшеницей и бобами, люди заселили городское пространство в тридцать два акра: муравейник жилищ, соединенных не улицами, как мы их понимаем, а дорогами, пролежавшими по плоским крышам. Дома одинаковой конструкции, стены, двери, очаги и даже кирпичи одинаковой формы и размера²⁶. Другие подобные поселения пока не найдены, но Катал-Хююк, несомненно, не был уникальным явлением: в этом же районе уцелели стенные росписи, доказывающее существование другого, аналогичного поселения; товары для торговли поступали сюда с гор Тавра и даже с Красного моря. Небольшие поселения в долине Иордана, похожие на Катал-Хююк,

были связаны с этим городом; такова, например, деревня Кайону, в которой жили строители насыпей из черепов, совершавшие жертвоприношения на полированных каменных плитах.

Менявшие продукты своего ремесла на сырье, жители города были богаты по меркам своего времени и владели сокровищами: острыми лезвиями, зеркалами из обсидиана и изделиями, полученные с помощью плавки меди, технику которой они со временем разработали. Но они никогда не были защищены от капризов природы. И поклонялись символам ее мощи: быкам с чудовищными рогами и вываленными языками; присевшим перед прыжком леопардам; гигантским кабанам со смеющейся мордой и торчащей на спине щетиной. Большинство горожан умирало в возрасте двадцати-тридцати лет, их трупы ритуально скармливали стервятникам, а кости хоронили затем в общих могилах.

Катал-Хююк существовал почти две тысячи лет, но, когда питавшие местность воды иссякли, город был обречен. Даже в период высшего расцвета, в начале шестого тысячелетия до н. э., плодородных земель было немного, а связи с окружающим миром ненадежны. Слишком ограниченные ресурсы не позволили этому городу стать значительным историческим экспериментом по созданию великой цивилизации. Может, это и несправедливо, но большинство ученых вообще не признают его цивилизацией²⁷.

Цивилизацию общепризнанных масштабов можно создать только на основе концентрации ресурсов. Ресурсы можно концентрировать только при наличии хороших связей. И в своей длительной истории человечество использовало сообщение по водным путям. Морская технология помогла цивилизациям перешагнуть через моря. А за последние пятьсот лет мы научились переплывать и океаны. Но на протяжении большей части истории самыми обычными путями передвижений на значительные расстояния и торговли были реки, и именно на таких водных путях возникали цивилизации. Реки, которые обеспечивали и аллювиальную почву, и торговые маршруты, породили самые знаменитые цивилизации древности: цивилизации Месопотамии, «Междуречья» Тигра и Евфрата (большая часть этой территории теперь принадле-

жит Ираку), долина Нила в Египте, долина Инда в Пакистане и равнины Желтой реки в Китае.

Все эти цивилизации погибли или претерпели трансформацию между четвертым и вторым тысячелетиями до н. э. Но их влияние было столь велико, что справедливо будет сказать: именно они сформировали наше представление о цивилизации вообще. Что мы представляем себе, когда слышим слово «цивилизация»? Сфинксы и пирамиды, зиккураты и клинописные таблички, бронзу эпохи Шан и Великую стену, обветренные остатки былых городов в местности, превратившейся в пустыню. По ошибочной, но очень цепкой традиции археологи даже называли эти ранние миры речных долин «колыбелью» цивилизации — тем зародышем, от которого цивилизация распространилась по всему миру.

Отказ от рассеяния: долина великой реки

В этих местах начинаются обычные истории цивилизации. Помещая их в книге относительно поздно и отводя им не самое главное место среди обитателей лесов и степей, я рискую навлечь на себя обвинения в извращенности или любовании этим. Но я делаю это сознательно, желая выделить три важных положения; читатель уже должен был их заметить, но, чтобы застраховаться от непонимания, сформулирую точнее. Во-первых, историю цивилизаций нельзя излагать хронологически без того, чтобы впасть в заблуждение. Если у цивилизации и было историческое начало, момент появления на свет, мы не знаем, когда это произошло. Например, прежняя уверенность в том, что Шумер — первая культура, достойная называться цивилизацией, рассеялась под влиянием растущего понимания того, что различные составляющие цивилизации из нашего традиционного списка признаков возникали в разное время и в разных местах: земледелие возникло в районах Новой Гвинеи (см. ниже, с. 350–354) и на юго-востоке Азии, а возможно, и в Перу раньше, чем в Шумере и долине Иордана²⁸. Благодаря недавним находкам мы получим образчики существования того, что можно назвать письменностью, в Китае и, возможно, на юго-

западе Европы раньше, чем в Шумере. Старейшим обнесённой стеной городом, мы сейчас считаем Иерихон, но первые монументальные здания, согласно современным представлениям, возникли на Мальте (см. ниже, с. 422–424).

В любом случае все традиционно идентифицирующие элементы цивилизованной жизни возникают очень незаметно, неравномерно, с частыми отступлениями и компромиссами. Соотношение между земледелием и собирательством в жизни обществ, практикующих оба занятия, — а большинство человеческих общностей относится именно к этой обширной группе — меняется таким образом, что нанести на карту результаты возможно далеко не всегда, не исключая критический момент, когда это соотношение решительно склоняется в одну сторону. Охотники часто меняют пастбища своей добычи, поджигая лес, устраивая изгороди или просто перегоняя животных. Собиратели обычно оставляют в земле семена. На Андаманских островах женщины, собирая плоды дикого ямса, возвращают на место его стебли, чтобы «обмануть Пулугу», капризную богиню, которой принадлежит ямс²⁹. В Таиланде в начале 1960-х годов «красные археологи» в поисках следов существования раннего земледелия нашли в пещере хранилища зерна, очевидно, оставленного для посадки 12 тысяч лет назад³⁰.

Во-вторых, свержение с трона Шумера, Египта, Китая и Инда, отказ от признания их ведущей роли позволяет поместить их в контекст, в котором они сами становятся понятнее. Они входят в один класс сред, где возникает цивилизация, — класс не обязательно лучший или более благоприятный. К этому месту книги читателю, который был настолько снисходителен, что добрался до него, должно быть ясно, что цивилизационный импульс распространён чрезвычайно широко. Почти любое окружение, в котором способен жить человек, испытало на себе его стремление приспособить среду к человеческим потребностям. И преобразование природы в болотах и лесах может быть не менее впечатляющим, чем на почти не знающих дождей речных берегах.

Наконец, в-третьих, стремление поставить цивилизации этих древних речных долин во главе списка подкрепляет то, что я называю диффузионистской иллюзией.

Люди всегда говорили о «распространении» цивилизации из одного места в другие, а не о ее возникновении другими путями. Мне кажется, причина тому — две формы самообмана. Первая — это похвала самому себе. Если мы предполагаем (из чего обычно люди всегда исходили на протяжении своей истории), что наш образ жизни — вершина человеческих достижений, нам необходимо представить его уникальным или по крайней мере редким: когда находишь много примеров того, что считал уникальным, приходится объяснять это рассеиванием. Но в действительности цивилизация — явление вполне заурядное, цивилизационный порыв настолько распространен, что преобразует почти любую пригодную для жизни среду. Народы, которые перед лицом природы согласны отказаться от этого порыва или сильно его сдерживают, встречаются гораздо реже тех, кто, подобно нам, сокрушает природу, делая из нее то, что мы одобряем. Отношение таких сдержанных культур объяснить гораздо труднее, чем отношение культур цивилизованных.

Второй самообман — это вера в то, что можно назвать ошибкой миграционистов, сильно искажавшей представление предшествующих поколений о далеком прошлом. Наши представления о доисторических временах формировались в конце XIX и в начале XX веков, когда Европа переживала свою великую имперскую эпоху. Опыт этих времен внушил самозванным империалистам веру в то, что цивилизация — нечто нисходящее от высших народов к низшим. Предоставленные самим себе, варвары так и остались бы некультурными и нецивилизованными. Представления того времени почти без изменений проецировались на прошлое. Стоунхендж считался чудом, на которое люди, реально его построившие, не были способны — точно так же как белым пришельцам казалось, что развалины Великого Зимбабве оставлены чужаками (см. ниже, с. 369) или постройкой городов майя (см. выше, с. 232) руководили откуда-то издалека. Царские золотые сокровища начала бронзового века из Уэссекса ошибочно приписывались царю Микен. Сложность эгейской дворцовой жизни (см. ниже, с. 425) считалась заимствованной с Ближнего Востока. Почти любое достижение, любое серьезное изменение в доисторическом мире ученые-мигра-

ционисты рисовали как нечто подобное последующему европейскому колониализму и приписывали влиянию мигрантов, или ученых, или людей превосходящей культуры, рассеявших тьму варварства своим цивилизационным просвещением. Ученые, перед глазами которых была священная история евреев или рассказы Геродота о переселениях народов, имели все основания доверять своим чутью и опыту и наносить прогресс цивилизации на карту. Результатом стало оправдание картины того времени: мир, в котором народы размещены по старшинству, разложены по полочкам сообразно своим способностям, полагавшимся врожденными³¹.

Но ученая мода меняется с культурным контекстом, и сегодня «процессуальные изменения» считаются причиной тех перемен, что ранее приписывались рассеиванию и миграциям. Народам совсем не обязательно учиться земледелию у соседей, хотя в некоторых случаях они, конечно, могли это делать; процесс, приводивший к этому в одной части земного шара, мог повториться и в другой. То же самое касается письменности или одинаковых способов хранения и передачи информации. Больше не считается, что великие цивилизации речных долин, ранее называвшиеся «первичными» или «зародышевыми», оказывали формирующее влияние друг на друга, тем более представляли модель цивилизации, которая сознательно, по цепочке подражаний принималась во всем мире³².

Некоторые устаревшие положения относительно рассеяния элементов цивилизации дожили до наших дней, причем они располагают доказательствами разной степени надежности. Например, письмо часто считалось, а кое-кем и сегодня считается месопотамским изобретением, которому подражали повсюду. Различные аспекты прикладных наук и математики западного мира возводятся к Египту. Инд, как мы увидим, превозносят — со страстной верой, которая еще нуждается в доказательствах, — как сердце Индии. Большая часть изобретений, которые, не считая последнего времени, помогали людям подчинить среду, восходит к Китаю.

Некоторые из упомянутых и подобных заимствований, несомненно, имели место. Цивилизации должны испытывать самые разные влияния, иначе они завянут или начнется за-

стой³³. Эпоха Шан, вероятно, заимствовала погребальные обряды у культур долины Янцзы, некоторые виды искусства — из Центральной Азии, колесницу — у степняков и практику пророчеств — у соседей с севера и юга³⁴. Но это очень общая картина взаимовлияний, так все цивилизации обогащают друг друга. Ошибочно полагать, будто цивилизации в разных природных средах не способны развиваться самостоятельно без помощи народов древних речных долин. Например, попытки доказать, что цивилизация в Америку принесена египтянами или китайцами, кажутся глупыми: общего очень мало, и всякое сходство крайне поверхностно. Царей Копана (см. выше, с. 232) изображали с бородой, которая сделала бы честь любому китайскому мандарину; но они нисколько не похожи на китайских императоров³⁵. Монументальные здания и сложная математика и астрономия были известны в отдельных частях Западной Европы задолго до влияния, которое оказало на этот район восточное Средиземноморье. Письменность возникала независимо, разными способами в удаленных друг от друга частях света.

Действительно, масштаб и стремительность расширения наших знаний о ранних системах письма привели хронологию и само определение понятия письменности в хаос. Какое количество информации должна передавать система, чтобы ее можно было назвать письмом? Были ли письмом палки с зарубками или шнурки с узелками (см. ниже, с. 350, 387)? Картины-надписи в Месопотамии — картины или надписи?³⁶ Ответ на эти сложные вопросы может привести к радикальному пересмотру традиционных схем. Язык предков современных китайцев представлялся неясным, пока не были изучены четкие надписи на гадательных костях эпохи Шан, относящиеся ко второму тысячелетию до н. э.; однако кажется несомненным, что система записи информации с помощью символов обнаружена в Китае на глиняных сосудах из Пан-По, внутреннего района культурной зоны Янцзы; эта посуда относится к четвертому тысячелетию до н. э. Символы можно также трактовать как номера или клейма гончара: вряд ли это надписи, поскольку символы просты и используются каждый раз по одному. Так письмо это или нечто недостойное такого названия? Панцири черепах, обнаруженные недавно в

Вуяне, относятся к еще более раннему времени — по меньшей мере на тысячу лет; но на них есть знаки, которые можно объяснить только одним — это система символических представлений. Благоговение, которое нам следовало бы испытывать при мысли о том, что соединение изолированных символов способно передавать рассказы и давать доказательства, рассеялось из-за давнего знакомства с такой возможностью. Некоторым культурам потребовались тысячелетия, чтобы сделать такой шаг, пусть даже систему письма они использовали для других целей: написания ярлычков, гадания, решения бюрократических задач, записи заклинаний.

В прошлом ложное представление о «рассеянии» было так сильно, что возникновение цивилизации считали возможным только в долинах аллювиальных рек³⁷. Теперь мы можем уверенно отбросить это предположение. Аллювиальные почвы не были, как принято считать, средой, единственно пригодной для рождения цивилизаций в древние времена. Однако они давали определенные преимущества и обладали несомненными чертами сходства: плодородная почва делала речные долины непохожими на окружающие земли. Как следствие, у обитателей долин вырабатывалось ощущение отчетливой самоидентификации, отличной от соседних земель, жителей которых презирали как варваров. У всех этих цивилизаций существовала необходимость контролировать разлив и направлять воду по каналам, чтобы земледелие давало максимальный эффект. В результате возникали могучие государства и образ жизни, основанный на совместном труде. Плодородие позволяло этим государствам создавать запасы продовольствия, а это — одна из важнейших предпосылок цивилизации: уверенность в будущем.

Все это не означает, что жизнь граждан цивилизаций долин была легкой. Если по очереди посмотреть на эти среды, то мы увидим: во-первых, что все они очень требовательны, даже потенциально опасны; во-вторых, с каким трудом давались этим цивилизациям достижения.

От Шумера к Вавилону

Отсюда начинается основная часть историй цивилизации, и здесь, по традиционному представлению, «зарождается история» — между нижним течением Тигра и Евфрата, близ того места к западу, которое когда-то покрывал Персидский залив и которое теперь заболочено. Археологи, раскопавшие поселения и расшифровавшие письменность людей, живших здесь в четвертом, третьем и втором тысячелетиях до н. э., почти все им сочувствовали: находки свидетельствовали, что здесь жили искусные ремесленники, писатели с развитым воображением, предприимчивые купцы, патриотически настроенные политики, дельные чиновники и юмористы со склонностью к сатире. На протяжении двух тысячелетий развития их искусства собственное представление этих людей о себе остается неизменным: любители музыки, пиров и войн с большими круглыми головами и толстыми животами. Их ощущение собственного отличия от соседних народов, вероятно, было оправдано: другой язык; себя они считали чем-то единым; сегодня это единство называется Шумер.

Это был народ, строивший корабли в безлесной местности, создававший шедевры из бронзы в районе, где невозможно отыскать металл, воздвигавший сказочные города без камня и перекрывавший реки, как и сегодня делают живущие в районе местных болот арабы, с помощью хвороста, тростника и почвы. Их земля не только бедна ресурсами — среда откровенно враждебна человеку. «Созреет ли зерно? — спрашивает пословица. — Не знаем. Высохнет ли оно? Не знаем»³⁸. Природа, персонифицированная в шумерской литературе, выглядит злобной. Солнце ослепляет людей и сжигает землю. Под ветром земля «трескается, как горшок»³⁹.

Сегодня, под тем же солнцем и ветром, реки Тигр и Евфрат текут из далекой земли дождей по выжженной пустыне, как струйки по оконному стеклу. В пятом и шестом тысячелетиях до н. э., когда здесь возникало земледелие, район, вероятно, не был таким сухим — сейчас здесь ежегодно выпадает от шести до восьми дюймов осадков, а летняя температура превышает 120 градусов по Фаренгейту. Тем не менее и тогда дожди в центре Шумера выпадали редко и в основном

зимой. Даже несмотря на орошение здешнее лето, слишком жаркое и сухое, не позволяло производить пищу для ранних городов, поэтому их жители рассчитывали на зимние урожаи пшеницы и ячменя, лука, льняного семени, чечевицы, кунжута и вики. Необходимы были трудоемкие земляные работы — чтобы поднять жилища над уровнем разлива и сохранить воду для использования. О сложностях политического и экономического управления на протяжении всей эры месопотамской цивилизации на берегах Тигра и Евфрата рассказывает комический диалог из Аккада.

Слуга, повинуйся мне, — начинает хозяин. — Я дам пищу нашей стране.

Дай, хозяин, дай. У того, кто дает пищу этой стране, собственный ячмень остается, но доход от процентов на отданное становится огромным.

Нет, слуга, я не дам пищу моей стране.

Не давай, хозяин, не давай. Отдавать все равно что любить... рождать сына... Тебя проклянут. Съедят твой ячмень, а тебя уничтожат⁴⁰.

Когда здесь выпадает дождь, он обрушивается потоком, принесенным бурей, а небо освещается блеском молний. «По приказу разгневанного бога, — пишет древний поэт, — буря уносит страну». Наводнения, которые создают залог жизни — аллювиальную почву, — капризны и опасны. Вода Нила и Инда прибывает и спадает постепенно, в предсказуемом ритме, но Тигр способен разлиться в любое время, он сносит плотины и переливается через дамбы. В другое время пустынные песчаные бури душат земледельцев и губят посевы. Авторы произведений месопотамской литературы — самой древней художественной литературы, дошедшей до нас в письменной форме, — изображают мир, в котором господствуют или который по крайней мере накрывают своей тенью боги бури и наводнения.

Верховный бог Энлил —

«Призвал бурю, что уничтожит землю... бури выли в небе... ураган, безжалостный, как волна наводнения, поглощает корабли.

Все это собрал он у основания неба и зажег со всех сторон опаляющий жар пустыни. Как жар полдня, жег этот огонь»⁴¹.

Земля и вода — благожелательные силы, соединившиеся для создания аллювиальной почвы, — тоже воспеты в стихах. Земля как дом растений персонифицирована в образе Нинту и изображалась за кормлением грудью, в окружении младенцев и зародышей. Вода, оплодотворяющая землю, представлялась богом мужского пола — Энки, способным «очистить рот Тигра и Евфрата, сделать растительность пышной, создать плотные облака, дать в изобилии воду всем пахотным землям, заставить зерно поднять голову из борозды, превратить пустыню в пастбище». Но это все же были подчиненные божества, которыми всецело распоряжаются буря и наводнение.

В самом известном произведении литературы Месопотамии, эпосе «Гильгамеш» (существующая версия этого эпоса записана примерно в 1800 году до н. э., но основана на гораздо более древней традиции), природные силы, создающие естественную среду Месопотамии, создают и историю. Когда на героя поэмы нападает чудовище, изрыгающее огонь и чуму, боги вмешиваются и ослепляют нападающего палящим ветром. Когда Гильгамеш плывет по Океану Смерти в поисках тайны бессмертия, он встречает лишь одну семью, пережившую катастрофу, разразившуюся по божественному капризу: древнее наводнение уничтожило все остальное человечество, и даже сами боги в «страхе, как собаки, жались к стене»⁴².

Образ Гильгамеша — поэтическое новшество, вплетенное в материал легенд, ко времени написания поэмы бывших уже древними. Но существовал и реальный Гильгамеш: во всяком случае, в одном из исторических источников упоминается царь с таким именем. В поэме цитируется пословица об этом историческом Гильгамеше: «У кого когда-нибудь была такая власть?» Это пятый король города Урук в XXVII веке до н. э. (согласно наиболее распространенной хронологии). В поэме упоминаются некоторые подлинные чудеса его города: стены, сады, зал с колоннами на священной ограж-

денной территории, которая устраивалась в центре каждого города.

К концу четвертого тысячелетия до нашей эры Шумер уже был страной городов, подобных Уруку; в каждом городе свое божество и посвященный ему храм, свой царь, ведущий войны с соседями. Рядом существовали и скотоводческие общины, которые редко упоминаются в записях, но жители которых, возможно, символически представлены в образе волосатого, мохнатого дикого человека Энкиду, который — после соответствующего окультуривания: стрижки, бритья, одевания — становится в поэме спутником и союзником Гильгамеша. Скотоводы были маргинальным элементом, до конца не принятым высокомерным городским шумерским сообществом.

Самым знаменитым стал один из самых маленьких городов шумеров. Ур, согласно Библии родина Авраама, прославился войнами, центральной ролью в торговле и плодами своего успеха: царскими могилами поразительной роскоши и изобилия, а также высокими зиккуратами конца третьего тысячелетия до н. э. Самые большие из этих зиккуратов были так знамениты, что спустя пятнадцать веков после того, как их построили люди, считались творением богов. Большой зиккурат был построен для украшения города в тот период, когда Ур стал чем-то вроде столицы Шумера. Это удивительное развитие событий противоречило традиционной раздробленности шумерской политики. Предоставленные самим себе, воинственные шумерские города-государства никогда не сумели бы объединиться надолго. Однако вторжение извне предопределило необходимость такого шага. Разделенные города в середине тысячелетия были завоеваны захватчиками с севера Месопотамии; король-завоеватель Саргон был одним из величайших строителей империй древнего мира, чьи армии, говорят, доходили до Сирии и Персии.

Такую обширную империю невозможно сохранить надолго. Через пару столетий туземные шумерские силы вернули себе инициативу и изгнали наследников Саргона. На какое-то время главным шумерским городом как будто стал Лагаш, северный сосед Ура, а его правитель Гудеа — самым почитаемым шумерским царем; сохранилось двадцать семь

его статуй. Но в какой-то не вполне определенный момент, около 2100 года до н. э., Гудеа сместил правитель Ура Ур-Намму, чья династия и придала Уру его прославленный облик с внушительными зиккуратами и устрашающими стенами. Спустя несколько лет дань (в соответствии с записями на глиняных табличках) поступала в Ур даже с иранских нагорий и ливанского побережья. Цикл царской жизни в имперском Уре: победа, сбор дани и празднование — великолепно отображен на некоем предмете третьего тысячелетия, вероятно, резонаторе арфы.

Во втором тысячелетии до н. э. по неизвестным причинам центр экономической жизни Месопотамии постепенно смещается вверх по течению рек. Перемены русла рек делали города беспомощными. Накапливающийся ил все дальше отодвигал корабли от берегов. Войны в дальних концах Персидского залива и исчезновение некоторых больших городов в долине Инда (см. ниже, с. 300–308), вероятно, повредили торговле. Иммигранты и чужаки из «варварских» племен истощили силы Шумера. Тем временем на севере возникли новые экономические возможности: экономическое развитие создало, в частности, новые рынки или расширило старые — в Сирии, на иранских плоскогорьях, в Анатолии. Архивы Эблы в Сирии свидетельствуют о важности этого города как торгового центра и о его связях с Месопотамией. Здесь торговля была монополией государства, а купцы — его послами. Десятки иностранных городов поставляли золото, серебро и ткани на рынки и в сокровищницы Эблы. Это был также промышленный центр по производству тканей и выплавке золота, серебра и бронзы. Несмотря на плодородие местности, это прежде всего был торговый центр, где скапливались большие излишки продуктов. Согласно расчетам ведущих экспертов в царском зернохранилище находилось продовольствия на восемнадцать миллионов обедов. В одном из сохранившихся отчетов о проверке упоминаются двенадцать сортов пшеницы, большое количество вина, масла и восемьдесят тысяч овец⁴³.

Тем временем Ур превратился в культовый туристический центр. Шумерский язык из средства повседневного общения постепенно становился — как сегодня латынь в за-

падном мире или валлийский в церквях Патагонии — церемониальным языком. Армии Саргона распространили по всему течению Тигра и Евфрата свое северное наречие. Шумерские города исчезали, сохранялись лишь их названия — в титулах завоевателей с высокогорий и пустынь, как средство прославления и легитимизации новых правителей.

В результате политический центр власти переместился из Ура и вообще из Шумера в Вавилон, чуть выше по Евфрату. Несмотря на периоды разрушений и упадка, вызванные чужеземным завоеванием, Вавилон, хотя и сильно уменьшившись, пережил все опустошения и на протяжении половины тысячелетия оставался скромным региональным центром в тени иноземных империй, колеблясь между автономией и независимостью. Вавилон оставил неизгладимые следы в истории: кодекс законов — краткое и осовремененное изложение творений шумерских законодателей, которое царь середины восемнадцатого столетия до н. э. Хаммурапи получил, по его словам, непосредственно от бога солнца; репутацию центра искусств, которая сделала «висячие сады» Вавилона одним из пресловутых семи чудес света; вклад в математику и астрономию, оказавший сильное влияние на последующее развитие науки у египтян, греков и арабов. К исходу седьмого столетия до н. э. конец, казалось, был близок: Вавилон терпел поражение в длительной и шедшей с переменным успехом оборонительной войне с ассирийцами — народом с северного берега Тигра, который сочетал уважение к прошлому Шумера с уверенностью в непобедимости собственной военной машины.

В 689 году ассирийский царь Сеннахериб, известный тем, что нападал на Иерусалим, «подобно волку на овчарню», жестоко отомстил вавилонянам за непокорность и нежелание подчиниться мощи Ассирии. Он уничтожил или изгнал население, разрушил главные здания, выбросил их камни в реку и прокопал поперек города каналы с целью превратить его в болото. Сын Сеннахериба сжалился над городом из-за его великого прошлого и снова застроил его, но в следующем поколении Ашурбанипал вернулся к политике мести.

Как утверждают, в 649 году он изгнал из города полмиллиона человек, а чтобы помешать возвращаться в дома, объ-

явил: «Я приношу оставшихся в жертву духу моего деда Сеннахериба». Теперь название «Вавилон» приобрело мистическую силу как центр сопротивления коренного населения Ассирии. Но фортуна переменчива: Ассирия перенапрягла свои силы на всем течении Евфрата и потерпела поражение от врагов на других фронтах. Набопалассар (625—605 годы до н. э.), как он сам себя называет в надписи, «сын ничтожного человека», уловил благоприятный момент для «сопротивления» и возглавил движение. Он похвалялся тем, что «нанес поражение Ассирии, которая издавна заставляла народ земли склоняться под ярмом»⁴⁴.

Вавилон снова стал метрополией империи, заполнив вакуум, образовавшийся после падения Ассирии. Высший расцвет Вавилона, несомненно, приходится на долгое правление Навуходоносора II (605—562 годы). Его воинская доблесть описана в Библии, где его проклиняют как осквернителя храма Соломона, который увел евреев в рабство и сокрушил египтян в битве при Кархемише. Однако главным памятником ему стали строительные проекты. Он слывет легендарным строителем. Именно ему приписываются два вошедших в поговорку чуда света: висячие сады на террасах, которые, по слухам, он построил для своей наложницы, и городские стены, столь широкие, что по ним могли проехать четыре колесницы в ряд. Он прославился и тем, что возродил древнюю славу, восстанавливая зиккураты и городские стены по всей Месопотамии. Уцелевшие фрагменты его строений: львы, быки и драконы — важно прогуливаются на глазированном кирпиче. Навуходоносор был мастером театральных жестов, он умел привлечь к себе внимание и заслужить высокую оценку. Но трудно отделаться от впечатления, что его слава зиждется на хрупком фундаменте и что под глазурью его показные сооружения были не слишком прочными⁴⁵.

Например, висячие сады демонстрируют одновременно и успех пропаганды Навуходоносора, и ускользающую природу свидетельств, на которых эта пропаганда основана. Вавилон находился так далеко, его так редко посещали, что можно сомневаться в том, видели ли греки своими глазами сады, о которых писали. Тем не менее эти сады обладали неодолимым очарованием и попадали во все перечни чудес.

Согласно описанию греческого путешественника висячие сады представляли собой каскад террас высотой в городские стены, опиравшихся на столбы и арки, достаточно прочные, чтобы выдержать вес «слоя земли для посадки больших деревьев». К деревьям подавалась вода из Евфрата. Предполагалось, что это напоминание о горном ландшафте Месопотамии. Висячие сады — единственное из семи чудес света, не имевшее открыто религиозного назначения, но дающее прекрасное представление общей цели всех этих чудес: вызов природе в гигантском масштабе, изменяющий ландшафт и использующий полив для борьбы с силой тяжести.

Навуходоносор был выдающимся строителем и обладал таким невероятным самомнением, что был вполне способен на такую работу. Но висячие сады не упоминаются ни в одном вавилонском документе, и не найдено никаких археологических свидетельств их существования, хотя те же раскопки подтвердили истинность других легенд Вавилона. Поэтому ученые предположили, что рассказ о висячих садах — романтический вымысел греческих обманщиков или результат смешения Вавилона с Ниневией, где ассирийские монархи-садовники тоже были творцами ошеломляющих эффектов. Это, несомненно, делает висячие сады самым большим чудом из всех — единственным, поразившим мир одной силой внушения⁴⁶.

То ли Навуходоносор перенапряг силы города, то ли династия больше не давала сильных правителей, но Вавилон больше никогда не переживал великих эпох. В 539 году он без боя сдался пришельцам из Персии. После этого у города не было местных правящих династий. К тому времени, как в начале христианской эры географ Страбон приехал посмотреть на руины Вавилона, удары завоевателей и равнодушные правителей «превратили город в пустыню». «Великий город, — пишет Страбон, — стал великой пустыней». Однако цивилизация в Месопотамии оказалась удивительно стойкой. Она пережила цивилизации районов Персидского залива и Инда, где города пустовали уже полторы тысячи лет (см. ниже, с. 300–302). Другая сравнимая цивилизация выдержала испытание еще успешнее: расположенная вдоль Нила, она очень постепенно приходила в упадок и трансформировалась

до неузнаваемости. Жителям Месопотамии попадать в Древний Египет удобнее всего было с востока, морем. Мы можем сделать остановку на этом маршруте и взглянуть на древнюю торговлю в Красном море.

Из подземного мира: «дар Нила»

Этим достижением царица гордилась больше всего: когда она умрет, люди будут ее помнить. Поэтому картины, рассказывавшие об этом достижении и относящиеся, вероятно, к середине второго тысячелетия до н. э., покрывают половину стены под колоннадой ее храма. Но царица Хатшепсут не стала бы тратить столько богатства и душевных сил на определенно фантастическое путешествие — морскую экспедицию на край известного египтянам мира, в страну благовоний и слоновой кости, пантер и обезьян, черепах и жирафов, золота, черного дерева и сурьмы, — только с пропагандистскими целями.

Ей требовалось великолепное обрамление — экзотические редкости, которые сделают ее загадочной и компенсируют недостаток легитимности: ибо она, и это единственный такой пример, провозгласила себя верховным владыкой Египта, присвоила роль живого божества, которую не могла играть женщина. И это ей удалось. В Египте, как и в других соседних с ним странах древности, богатства и пилигримы считались тем более святыми и дорогими, чем удаленнее были страны, откуда они явились⁴⁷. Как в ранние времена современной Европы, где кунсткамера считалась частью обязательного монаршего антуража. Но Хатшепсут хотела чего-то большего. В качестве дара богу, создающему царей, она хотела разбить сад благовонных деревьев, а деревья можно было привезти только из страны Пунт. Божественное происхождение было частью мифа ее самооправдания: ибо, подобно истинному фараону, она была зачата в любви богом Амон-Ра, проникшим в тело ее матери «с потоком дивного благовония и всеми ароматами земли Пунт»⁴⁸.

Мы не знаем, где находился Пунт, но путешествие включало в себя длительное плавание на юг по Красному

морю. Любое плавание под парусами по Красному морю — дело долгое и опасное из-за очень тяжелых погодных условий; из росписей на стенах храма Хатшепсут очевидно, что Пунт — тропическая или полутропическая страна, расположенная вблизи моря, с распознаваемой африканской культурой. Хотя ученые не пришли к соглашению относительно происхождения товаров из Пунта, лучше всего подходит Сомали, и при этом следует учитывать перемены в животном и растительном мире этой страны за три с половиной тысячи лет. Сегодня мы считаем Сомали одной из самых бедных и неразвитых стран. Для древних египтян это был источник приключений и богатств. Оттуда привозили небольшие, но дорогие предметы; однако египтянам приходилось посылать за ними целых пять кораблей, ведь то, что они предлагали в обмен, было менее ценным и занимало большой объем. Если Пунт специализировался на предметах роскоши, то Египет был могучим производителем пищи, с экономикой, всецело ориентированной на интенсивное земледелие. Плавание в Пунт было не просто встречей двух культур: здесь встречались контрастные экологии, и между ними время от времени происходил обмен.

Если только египетский текст не похвальба, что вполне возможно, жителей Пунта поразило прибытие каравана исследователей. «Как вы смогли добраться до этой земли, не пройдя по земле Египта? — спрашивали они, вздымая руки к небу. — Вы спустились по небесной дороге или, — добавляли они, словно это было столь же невероятно, — приплыли по морю?» Колумб утверждал, что островитяне, встретившие его после первого трансатлантического плавания, использовали такие же слова и такой же жест. Позже это стало общим местом литературы о путешествиях, призванным показать хозяев новых земель неразвитыми и готовыми к подчинению⁴⁹.

Египетские художники изображают жителей Пунта карикатурно, подчеркивая в них черты варварства и простоты: их царь невероятно толст, а у придворных большие отвислые губы. Обмен, как утверждается в тексте, оказался очень выгодным для предусмотрительных египтян, которые оценивали товары сообразно своим представлениям; с точки зрения купцов из Пунта, обмен тоже, возможно, был вполне удовле-

творителен. Во всяком случае сокровища Пунта были совсем иного типа, чем то, что могли предложить египтяне, и великолепны по-своему. Пунт владел «всеми чудесами», в то время как Египет предлагал «все хорошие вещи». Золото Пунта взвешивали с помощью гирь в виде быков, а благовонные деревья посадили в большие горшки и перенесли на египетские корабли. Египтяне заплатили за них «хлебом, пивом, вином, мясом и фруктами»⁵⁰.

Таким образом, Египет был машиной, производящей пищу, а экономика фараонов настроена на повседневное изобилие — изобилие не индивидуальное, потому что большинство населения питалось хлебом и пивом в количествах, едва достаточных для жизни⁵¹, но изобилие запасов на черный день, находящееся в распоряжении государства и жрецов. В сухой, сожженной местности, периодически затопляемой непостоянными паводками, бросить вызов природе — это не только преобразовать ландшафт и воздвигнуть уходящие к небу пирамиды: прежде всего это вопрос запасаения продуктов на случай катастрофы, чтобы сделать человечество неуязвимым даже для тех невидимых сил, которые командуют разливами. В храме, построенном как усыпальница Рамсеса II, были склады, позволявшие запасти столько продуктов, чтобы кормить в течение года двадцать тысяч человек. Гордо изображенные на стенах гробницы везира собранные им налоги иллюстрируют меню для прокорма империи: мешки ячменя, груды хлебов и орехов, сотни голов скота⁵². Государство как создатель запасов существовало не для распределения и перераспределения продуктов — об этом заботился рынок, а для спасения от голода. Когда «год голода» заканчивался, согласно старой традиции, записанной в позднем тексте — во втором столетии до н. э., — люди, «бравшие хлеб в хранилищах, уходили»⁵³.

Сбор и сохранение зерна были так же жизненно важны, как система контроля над паводками — именно потому, что уровень паводков был различным. В народной памяти сохранились воспоминания о «семи тощих годах», когда «каждый поедал своих детей»⁵⁴. Пророк мог пригрозить повторением времени, когда «реки Египта опустеют» и их берега занесет песком⁵⁵. В эпоху Рамсесидов сообщалось о катастрофически

слабых паводках. В гробнице из Амарны показано хранилище продуктов изнутри: шесть рядов запасенных продуктов, в том числе мешки с зерном и груды сушеной рыбы на полках, которые стоят на кирпичных столбах⁵⁶. Необходимым приложением к такой дальновидности становилось сильное государство. Зерно нужно было принудительно отбирать в виде налогов, перевозить под охраной и хранить под приглядом.

То, как египтяне воспринимали свое окружение, подтверждают данные исторической экологии: по образцам почвы установлена хронология высыхания. К середине третьего тысячелетия до н. э. Египет был уже «Черной» землей между «Красными» землями; соотношение узких полосок почвы, намытой наводнениями, и медленно высыхающей пустыней было примерно таким же, как сегодня. За то же тысячелетие число сюжетов у художников, изображавших охоту на диких животных, заметно сократилось, а местность, некогда изобиловавшая дичью, превратилась в скраб, песок и голый камень⁵⁷. Дожди становятся редкостью. Вода с неба, говорится в набожной молитве фараона солнцу, самом известном произведении египетской литературы, это божественный дар чужеземцам, изливающийся из «небесного Нила»⁵⁸. «Вкус смерти» — это приступ жажды⁵⁹. «В других землях идут дожди, — сказал египетский жрец Солону, — но в нашей... вода никогда не падает на наши поля сверху: напротив, она естественным путем приходит снизу»⁶⁰.

Нил был не только источником дающей жизнь почвы, но и столбовой дорогой через всю эту длинную узкую страну. Когда умирал владелец флота, на стенах его гробницы могли изобразить корабли, как в гробнице главного министра одиннадцатой династии Мекет-ра в Фивах, где нарисованы яхты, баржи, грузовые корабли, доставлявшие провизию на кухню, и рыбачьи лодки. Царское плавание по реке начиналось от «причалов фараона» с кирпичными усыпальницами и манежами для колесниц⁶¹. Модели кораблей — самые обычные детали царских гробниц. На стенах гробницы в Фивах можно и сегодня увидеть, как нагруженные зерном, кувшинами с маслом и кипами сена баржи на веслах идут на рынок⁶². Перевозка по реке — одно из общих свойств земного и

небесного мира египтян. Фараона середины третьего тысячелетия Хеопса снабдили транспортным средством, чтобы сопровождать бессмертных, переправляющихся на небо. В яме по соседству с его пирамидой лежит баржа, которая перевезла тело фараона к месту погребения. Нынешняя фаза раскопок связана с соседней ямой, где погребено небесное средство транспорта: корабль для плавания через тьму вдобавок к флоту, который ежедневно возвращает к жизни солнце. Земной Нил вполне заслуживает название артерии цивилизации. Культура и торговля могли свободно перемещаться по его течению до самых порогов. К тому же река способствовала политическому объединению. Ибо египетская империя по форме напоминала веер — длинная ручка Нила соединялась с расправленной дельтой. На протяжении тысяч лет непрерывного существования государства память о его отдельном существовании неизменно сохранялась. Фараоны носили двойную корону, а традиционный перечень династий начинался с Менеса, культурного героя, объединившего оба царства и основавшего в месте соединения город Мемфис.

Здесь и до появления орошения существовала жизнь. Сложные ирригационные системы способны создавать собственный микроклимат, подобный атмосфере садов и огородов с росписей, украшавших стены гробниц Фив: в ручьях цветут кувшинки; садовник работает колодезным журавлем, у его ног свернулась собака (колодезный журавль — изобретение третьего тысячелетия: ведро укрепляется на специальной перекладине, его можно опускать, наполнять, поднимать, выливать из него воду, и все это проделывает один человек). Но даже без подобных остроумных изобретений территория египетской культуры обладала большим природным разнообразием, которое теряется при обобщении. Особенно богата видами была дельта с ее кишачими жизнью болотами, с большим количеством добычи для собирателя и охотника. Представление египтян о дикой природе формировалось под влиянием болот в той же степени, что и под влиянием пустыни. Охота Небумана изображена среди зарослей папируса и тростникового проса, водных растений и птиц⁶³. Капители столбов делались в виде стеблей лотоса и папируса. Фараон Рамсес из девятнадцатой династии построил в дельте город;

похвала этому городу включает яркое описание его роскошных окрестностей,

полных всякого добра... его пруды полны рыбы, а озера — птицы. Его луга зелены... на берегах растет инжир; на песках множество дынь... Его хранилища так наполнены ячменем и эммеров [одна из разновидностей пшеницы], что поднимаются почти до неба.

Не забыты лук и лук-порей, огородный салат, гранаты, яблоки, оливки, инжир и сладкий виноград, «красная рыба, которая кормится цветами лотоса», а также заросли тростника и папируса⁶⁴. Хотя Верхний Египет более единообразен, между заливными полями и пустыней располагаются полосы пастбищ. Подобно другим средам, благоприятным для цивилизации, Египет представлял собой перекресток, где встречались разнообразные природные окружения.

И все же болота обладали меньшим потенциалом, чем плодородная почва. Разливы Нила определяли и продуктивность, и ограниченность здешнего земледелия. Обновление почвы было необходимо, потому что между разливами содержание азота в ее верхних двадцати дюймах сокращается на две трети. Сколько бы ила ни наносил Нил, верхний обрабатываемый слой всегда оставался очень тонким⁶⁵. Поэтому жизнь земледельца зависела от разливов. Но сами разливы нуждались в коллективном управлении: нужны были дамбы, плотины и каналы на разном уровне, чтобы отводить воду туда, где она нужна, сохранять и подавать на дальние поля. На головке булавы царя четвертого тысячелетия он сам изображен копающим канал⁶⁶. Согласно популярному афоризму, бытовавшему на два тысячелетия позже, «для страдальца судья подобен дамбе: он помогает ему не утонуть»; продажный судья — «это протекающая дамба»⁶⁷. Результатом осушения, прокладки каналов и рвов стало возникновение мира в цивилизованной форме, с его точностью и геометрическим рисунком. Геродоту этот мир показался перевернутым вверх тормашками, вырванным из привычного природного порядка⁶⁸. Египтяне сочли бы это комплиментом.

Узость Черной земли рождала тревогу. В отношении египтян к окружающему миру уравнивались высокомерие и неуверенность. Пустыня служила защитой от нападений варваров: если Египет был окружен почти необитаемыми землями, цивилизациям с более плодородными территориями на границах постоянно грозили нападения грабителей и захватчиков. С другой стороны, пустыня была царством Сета — хаосом, угрожавшим одолеть космический порядок. Презрение к его обитателям стало частью самооценки цивилизации. Душевное равновесие особенно необходимо в периоды победы варваров, например, когда в середине второго тысячелетия из ливийской пустыни пришли правители-гиксосы.

Подобно многим другим кочевым завоевателям оседлых культур, гиксосы египтянизировались, прежде чем их уничтожил реванш местного населения. Триста лет спустя освобождение от загадочного «народа моря», победившего хеттов и, как утверждали, угрожавшего многим государствам бронзового века и побеждавшим их, Рамсес III приписывал собственной доблести и подготовке, которой руководили божеества: речное устье «стало подобно стене из-за боевых кораблей... ржание лошадей... я был доблестным богом войны, стоящим на их головах».

Когда пришли те, с моря, перед ними встала стена пламени в устье, а с берегов их окружила стена копий. Их тащили, бросали на берег, убивали и сваливали грудями...⁶⁹

Несмотря на все природные катастрофы и нападения варваров, Египет выстоял, он оставался самим собой более трех тысяч лет, пока не влился в римский мир. Религия менялась, но эти перемены не были успешными до прихода христианства. Однако постепенное губительное растворение египетской цивилизации в более широкой средиземноморской можно наблюдать на примере погребальных традиций фараонов, в фаюмских портретах, которые смотрят на нас с крышек саркофагов в период греческого и римского влияния. Эти чувственные лица входят в обширную галерею персона-

жей Средиземноморья. Искусство имперского Египта стало одним из провинциальных стилей искусства имперского Рима. Некоторые цивилизации погибают в результате перемен в окружении — иногда вызванных непомерной эксплуатацией со стороны этих самых цивилизаций; другие меняют свой характер, перемещаясь из одной среды в другую; наконец, некоторые покоряются завоеваниям или революциям. Но в данном случае мы имеем дело с исчезновением цивилизации, вызванным размыванием культуры.

Мы строим, чтобы дать живым радость, а мертвым — дом. Огромное количество архитектурных памятников, посвященных гробницам, пантеонам и усыпальницам, отражает это нормальное соотношение приоритетов. В конце концов, мы проводим гораздо больше времени мертвыми. Но ни одна цивилизация не демонстрировала подобное отношение так решительно, как египетская. Похоронная практика именно в силу своей важности не раз становилась предметом революционных изменений, но наше представление о египетской цивилизации в целом определяется прежде всего одним из ранних новшеств в этой традиции. За тысячу лет в древнем Египте была построена почти тысяча пирамид. Но составителей перечней чудес всегда вдохновляли три огромных примера этой традиции, стоящие в ряд в Гизе, в виду современного Каира. И сегодня тот же комплекс захватывает воображение туристов и подкрепляет доверчивость сторонников оккультных чудес. Ибо хотя это старейшее из семи чудес древнего мира, оно единственное из всех уцелело. Построено оно было в середине третьего тысячелетия до н. э. на протяжении трех долгих правлений, чтобы хранить тела трех фараонов четвертой династии: Хеопса, строителя самой первой и самой большой из пирамид; Хефрена, чей монумент, хотя и несколько меньший по размерам, производит более сильное впечатление, потому что стоит на возвышении; и Микерин, который, не в силах соперничать с предшественниками размахом строительства, породил моду на пирамиды меньших размеров.

Здесь ярко выражены все качества, которые восхищают в сооружениях древности: пирамиды очень заметны, поскольку возвышаются на плоской местности и приковывают

внимание, как только становятся видны. Они высокомерны, ибо лишь уверенность царей, считающих себя богами, может вдохновить на такое титаническое предприятие. Они внушают благоговение, сверкая в мареве пустыни, ибо кажутся олицетворением духовной силы (или для впечатлительных и доверчивых людей — волшебной энергии). В свое время они были роскошны: одетые сверкающим камнем, увенчанные блестящей верхушкой, возможно, из золота. Они представляют собой вызов природе — рукотворные горы на пустынной равнине, колоссальные камни среди песка, совершенные и точные сооружения в мире, вооруженном инструментами, самые острые из которых — медные. Они не только оригинальны в художественном смысле, но и хитроумны в техническом: архитектурная форма пирамиды родилась сразу в готовом виде. Самая большая пирамида была в сущности и самой первой, потому что ей предшествовали только незначительные эксперименты. Нам так трудно представить себе технику сооружения подобных построек, что она до сих пор предмет ученых споров.

Но прежде всего пирамиды огромны — а в древности первым условием чудесности был размер. Наполеон, взирая с почтением на великую пирамиду Хеопса во время кампании 1798 года, думал, что в пирамидах столько камня, что из него можно соорудить стену вдоль всей Франции. Внутри самой большой из них, по современным расчетам, можно поместить римский собор Святого Петра, лондонский — Святого Павла, и еще останется место для соборов Флоренции и Милана. В течение четырех тысяч лет великой пирамиде принадлежала слава высочайшего сооружения мира. Геродот, первый путешественник, оставивший ее подробное описание, положил начало традиции проводить поразительную статистику: туристический справочник его дней говорил Геродоту, что на редис, лук и чеснок для ста тысяч рабочих, двадцать лет строивших пирамиду, было израсходовано пять миллионов фунтов серебра⁷⁰.

Самые удивительные особенности пирамид были недоступны древним авторам, потому что оставались сокрыты под самой пирамидой. Наиболее трудная часть работы — выравнивание и подготовка строительных площадок. Основание

великой пирамиды отклоняется от идеально правильного не более чем на полдюйма. Квадрат основания настолько точен, что длина сторон в девять тысяч дюймов отличается не более чем на восемь дюймов. Измерительные шнуры и угольники не могли дать такую точность. При возведении стен строители пирамид использовали астрономические наблюдения, определяя направление на север по сечению дуги орбиты одной звезды в северной части неба: ориентация великой пирамиды относительно оси север-юг отклоняется от точного направления меньше чем на одну десятую градуса⁷¹.

Когда площадка была размечена, потребовалось добыть камень и привезти его с дальнего берега Нила. Известняк можно вырезать медными пилами и обрабатывать — это трудоемко, но эффективно — трением песка. Однако гранит, из которого сделан корпус сооружения, как будто не поддается технологии того времени. Плиты весом в пятьдесят тонн и больше нужно было добывать, вбивая еще более твердые камни или делать каким-нибудь абразивным материалом канавки и потом загонять в них клинья. Можно представить, сколько труда для этого понадобилось: на строительство великой пирамиды ушло не менее двух миллионов плит.

Их тащили на салазках по заранее подготовленным дорогам, и колеи все время поливали водой. Для того чтобы перетащить самую тяжелую плиту, нужно примерно 170 человек. Плиты в период самого высокого паводка переправляли через Нил и укладывали у основания гигантского пандуса. Длинные прямые пандусы использовались для подъема плит на нужную высоту: в этом нет сомнений, потому что археологи обнаружили их остатки. Однако чтобы наклон позволял перетаскивать тяжести на самую вершину, длина пандуса должна быть больше мили, и вероятно — это подсказывает здравый смысл, потому что прямых доказательств нет, — камни в самые верхние ряды кладки поднимали дюйм за дюймом, опираясь на прокладки. Блок к тому времени еще не изобрели, а леса, даже если их можно было возвести на такую высоту, не выдержали бы тяжести плит⁷².

Массовый труд необходим был только во время нильских паводков, когда крестьяне не могли заниматься своей обычной работой. Было даже высказано предположение, что

тайной целью сооружения пирамид была необходимость занять рабочих в периоды безработицы. Армии рабов, действующие под бичом надсмотрщиков, — выдумка, основанная на недостатке информации. Постоянные работники были специалистами. Сохранившиеся надписи на плитах свидетельствуют о профессиональной гордости рабочих каменоломен: «Отряд мастеров: великая белая корона нашего фараона!» Обработка и окончательная шлифовка плит, вырубка внутренних помещений и переходов царской усыпальницы — все это тоже требовало работы профессионалов. Тем не менее пирамиды следует рассматривать как плод жесточайшего деспотизма — потрясающую трату ресурсов ради прославления царей. Сегодня мы склонны считать великие произведения искусства порождением творческой свободы художника. Но почти на всем протяжении истории справедливо как раз противоположное. В большинстве обществ только жестокая власть и чудовищное самомнение тирана или угнетающей элиты были способны подстегнуть усилия и мобилизовать ресурсы для создания великих произведений искусства.

Но даже и в этом случае для того, чтобы замысел пирамид возник и воплотился, требовался отдельно взятый гений. По сохранившимся остаткам моделей и начерченным на плитах известняка планам можно с уверенностью судить о профессионализме архитекторов. Хотя имена архитекторов пирамид Гизы неизвестны — возможно, визирь Хемон, руководивший строительством пирамиды Хеопса, был и ее проектировщиком, — оригинальная идея создания пирамид традиционно приписывается Имхотепу, архитектору одного из фараонов третьей династии. Он увенчал усыпальницу своего господина уменьшающимися платформами, расположенными одна над другой, создав таким образом «ступенчатую пирамиду» и «лестницу в небо». Переход к стилю истинных пирамид, с гладкими сторонами, произошел при смене династий, в конце двадцать седьмого столетия до н. э. по традиционной хронологии.

Даже на фоне предшествующих ступенчатых пирамид третьей династии появление подлинных пирамид четвертой династии было ошеломляюще смелым новаторством. Поклонники псевдонауки «пирамидологии» придумывают са-

мые необычные «объяснения», основанные на «расшифровке» комбинаций чисел, заложенных, как утверждается, в пропорциях великой пирамиды. Пирамиды рассматривались как хранилище исторических дат, как приспособление для предсказания будущего, как дар пришельцев из космоса и как магический храм геомантов. Все эти теории основаны на нежелании признавать пирамиды тем, чем они были на самом деле: царскими усыпальницами.

Чтобы понять, зачем Хеопсу понадобился монумент столь потрясающих пропорций и столь оригинальный по форме, нужно попытаться проникнуть в сознание древнего египтянина. Понять, почему фараон выбрал это строительство, поглотившее огромное количество труда и занявшее лучшие умы своего времени, главным делом своей жизни, нам поможет попытка увидеть пирамиды так, как их видели люди того времени. На ключевом камне, изготовленном для фараона пятой династии, сохранилась надпись, вкратце передающая смысл строительства пирамид: «Пусть лицо царя будет открыто, чтобы он мог видеть Повелителя Горизонта, когда поднимется на небо! Пусть камень позволит царю сиять, как боги, несокрушимые повелители вечности!» Индивидуальные наименования, под которыми пирамиды были известны египтянам, передают ту же игру слов для достижения апофеоза: «Хеопс принадлежит горизонту», «Микерин божественный»⁷³. Смерть для древнего египтянина была самым важным событием жизни: Геродот сообщает, что египтяне даже размещали гробы в пиршественных залах, чтобы они напоминали пирующим о вечности. Ни один дворец фараонов не дождал до нашего времени, и мы знаем о них только по росписям и украшениям могил: усыпальницы строились с расчетом на вечность, а на жилища для преходящей жизни не стоило тратить усилий. Устремленные вверх, пирамиды переносили своих обитателей в мир звезд и солнца. Тот, кто видел очертания пирамид Гизы на фоне восхода, поймет их связь со словами из древнего текста, адресованными солнцу царем, ставшим бессмертным: «Я сошел по твоим лучам, как по наклонному спуску». Пирамиды со сверкающими полированными сторонами, под позолоченной или полированной шапкой должны были еще больше напоминать солнечные лучи!⁷⁴

Хотя речные долины древности нельзя считать прародителями других цивилизаций, они оказали огромное влияние на весь мир. Египетская и месопотамская цивилизации пришли в упадок, но то, что осталось из их наследия, было усвоено последующими цивилизациями: в случае Египта это Греция и Рим, в случае Месопотамии — Персия. Две другие древние цивилизации, выросшие на аллювиальных почвах, в Индии и в Китае, на первый взгляд, закончили прямо противоположным. Города Хараппы кажутся сознательно покинутыми. Ни одни развалины городов прошлого не вызывают такого ощущения заброшенности, как эти. С другой стороны, в Китае земли, где начиналась цивилизация, до сих пор обитаемы; здесь не только непрерывно существовали поселения, но и никогда не ослабевал цивилизационный порыв. Как мы увидим в следующей главе, непрерывность китайской цивилизации в некоторых отношениях сильно переоценивалась, но общее утверждение о необыкновенной ее прочности и выносливости в целом справедливо. Тем не менее при более внимательном анализе Индии и Китая выявляются существенные общие черты: обе эти цивилизации сумели выйти за границы территории своего происхождения и освоить новые места. Отчасти следствием этого стала чрезвычайная устойчивость и живость цивилизационных традиций. Это следствие не достигалось сознательно и не было предсказуемо, но, быть можно, нам удастся ретроспективно установить некоторые события и влияния, сделавшие его возможным.

8. О башмаках и рисе

*Отказ от территории происхождения
в Китае и Индии*

Инд, реки Желтая и Янцзы

Значит, вы думали, что это эхо — Индия?

Э.М. Форстер. Путешествие в Индию

*Мы как будто находим в этой неясности сущность
долгого прошлого Китая.*

Танидзаки Юнисюро. Хвала тени¹⁹

Печати в песке: затерянные города Инда и происхождение Индии

Он называл себя Чарльз Массон. «Если какой-нибудь глупец поднимется так высоко, — написал он у основания одного из будд Бамьяна, — пусть знает, что здесь до него был Чарльз Массон».

Он прожил полную приключений жизнь джентльмена-археолога, исследуя в 1820-е и 1830-е годы загадочный Восток. Писал романы о своих приключениях, проникнутые моралистическим ощущением переменчивости мира и одновременно грубоватым вкусом к разврату. По его собственным словам, он был бесстрашен, влюбчив, невезуч, но Провидение хранило его. Из различных источников нам известно, что он бывал в местах опасных, отдаленных и ранее не посещавшихся. Его подход напоминает подход Уилфрида Тезигера: он сближался с людьми низкого социального статуса и видел то, что никогда не открывается привилегированным посетителям. Он был хорошим наблюдателем и репортером. В XIX веке британские военные в Афганистане опирались на его данные. Еще он был дезертиром из английской армии, скрывавшим свою подлинную личность, и Мюнхгаузенем, вызвавшим недоверие у современников.

В 1826 году он искал «знаменитый алтарь Александра», когда ему показали кирпичные крепостные стены огромного города, как говорили, «разрушенного приходом Провидения, вызванным похотью и преступлениями повелителя». Чтобы спастись от гнуса, он поднялся на самое высокое место развалин и здесь его посетило озарение, какие часто приводят к открытиям.

Невозможно было рассмотреть картину перед нами и глядеть на землю, на которой мы стояли, не видя, что здесь есть все признаки Сангалы Арриана, — каменная крепость, озеро, точнее, болото в северо-восточном углу; курган, защищенный тремя

рядами колесниц... и ров между курганом и крепостью, который завершал окружение крепости и откуда на нас были нацелены военные машины¹.

И эти яркие детали, и сходство с Сангалой существовали лишь в воображении Массона²; но город был совершенно реален. Увы, сто лет спустя он был раскопан, опознан, его кирпичные укрепления — разобраны, а кирпич увезен за сто миль на строительство железной дороги в Лахор; его вначале отказывались исследовать, как город, «которому всего двести лет». На самом деле Хараппа — один из величайших городов уникальной цивилизации, которая процветала в долине Инда свыше четырех тысяч лет назад³.

Современная мода сводится к перспективе, в которой древние цивилизации речных долин вокруг Иранского плато рассматриваются одновременно. Я предпочитаю говорить об Инде и Желтой реке, потому что вместе они иллюстрируют проблему перехода цивилизации из одной среды в другую. Их пути прямо противоположны: культура Желтой реки расширялась или распространялась, не прерывая своей целостности, вопреки неоднократным завоеваниям извне и переменам внутри. Мир Инда исчез, если не считать некоторых следов на поверхности земли и под ней, под нанесенной ветром пылью; но, если наука правильно определила ее путь, эта цивилизация переместилась в другие части Индии. По мнению самых знающих и здравомыслящих современных авторитетов Реймонда и Бриджит Оллчинов, «она послужила форматизирующей моделью для многих классических и даже современных особенностей индийской цивилизации»⁴.

В ходе своей истории цивилизация Инда установила контакты за Аравийским морем; но сама цивилизация была доморощенной. Ее самые ранние и небольшие города имели больше общего с поселениями нагорий Белуджистана, чем Ирака. На территории этой цивилизации условия несравнимо более разнообразны, чем в Египте, и ей, как и цивилизации Месопотамии, приходилось использовать многие микросреды. Ее можно изучать в различных регионах и местностях — таков излюбленный метод современных специалистов, но что поражает в ней сильнее всего, так это культурная одно-

родность: жители любого ее города или деревни чувствовали бы себя в других городах и деревнях как дома. Расположение улиц, конструкция домов, сооруженных из одинаковых кирпичей, иногда обожженных в печи, иногда высушенных на солнце, расположение административных и жилых зон — все это почти всегда одинаково.

Предположение, что это удивительное постоянство основано на политическом единстве, не оправдано. Шумерский мир в некоторых отношениях был почти так же единообразен, но политически — разделен. Внутри обществ майя (см. с. 232 и сл.) и древних греков (см. с. 509 и сл.) существовали общие и устойчивые ценности и верования, что не мешало членам этих обществ вцепляться друг другу в глотки. Но размер и единство долины Инда производят сильное впечатление и без ссылок на предполагаемый централизм политики, о котором при современном уровне знаний ничего достоверного сказать невозможно. Форпосты этой цивилизации доходили до Шортугала в северном Афганистане, где шла торговля лазуритом и медью, и на ранней стадии развития цивилизации — до «города караванов» Мундигака: здесь, за грозными крепостными стенами с квадратными бастионами, ряды круглых столбов с пилястрами, сейчас изъеденных эрозией, но по-прежнему огромных, подобны ребрам гигантского зверя, некогда смотревшего на равнину, на торговые пути⁵. Как и в этих колониях в холмистых и пустынных местностях, уклад жизни долины Инда был воссоздан и в морском порту Лотал, в земле риса и проса на берегу Камбейского залива; города «метрополии», напротив, жили в основном за счет пшеницы и ячменя⁶. Некоторый недостаток прямых свидетельств об этом государстве восполняют данные археологии и искусства. Это было жестко стратифицированное и жестко управляемое общество. Огромные склады свидетельствуют о распределительной роли государства; иерархически расположенные жилища — о классовой или даже кастовой системе. Огромные коммунальные помещения, возможно, связаны с организацией людских ресурсов. Были это солдаты? Рабы? Ученики? Тщательная система избавления от отходов — их в глиняных сосудах помещали под улицами — походит на работу специалиста по городскому

планированию, подкрепленную редким обстоятельством — муниципальной властью, одержимой идеей чистоты. Одинаковые кирпичи должны были производиться в государственных печах для обжига. Внушительные крепости включали пространства, которые могли выполнять какие-то функции, связанные с элитой, как просторный бассейн для купания в самом большом из городов Мохенджо Даро; но отсутствие царских дворцов или аналогичных объектов, использовавшихся в царских культурах других цивилизаций, делает заманчивым предположение о республиканском или теократическом — когда правит коллегия жрецов — государственном устройстве Хараппы. Такие рассуждения опасны: в случае с майя они оказались ложными, как только были расшифрованы надписи, открывшие нам утопавший в крови мир царей-воинов, правивших городами-государствами (см. выше, с. 109). Но в городах Хараппы нет особенно богатых могил, а скелеты не свидетельствуют о больших различиях в питании, что характерно для классовой структуры других цивилизаций⁷. Элита была, но, очевидно, отличия ее были в другом.

Заказчики и художники Хараппы не оставили скульптур, за исключением небольших терракотовых и редких бронзовых статуэток. Если они и занимались искусством, то более недолговечными его видами, но несколько дошедших до нас работ скульпторов превосходны. На голове стилизованной фигуры из Мохенджо Даро, с миндалевидными глазами и волнистой бородой, диадема или лента с чем-то похожим на оправу для драгоценных камней. Просторное одеяние перекинута через плечо; то, что осталось от левой руки, протянуто вперед в явно символическом или ритуальном жесте. Этого человека называют царем-жрецом или царем-философом, но подобные ярлычки бессмысленны: в отсутствие контекста, с которым бы он соотносился, можно привести только простое описание.

На всем пространстве мира Хараппы использовалась одна система письма. Его расшифровка вполне в пределах возможного; в сущности, кажется, эта мечта близка к осуществлению⁸. Но эта расшифровка не принесет ни потока данных о высокой политике, как расшифровка письменности майя, ни богатой информации о дипломатии и даях, как архивы Ма-

ри, Амарны и Эблы. Дошедшие тексты содержатся только на глиняных печатях или на табличках амулетов, все они пришли из сферы торговли, на них вмятины от канатов или мешковины, в которую грузили товары; их находят также в грудах отбросов.

Хотя точное содержание надписей на печатях пока неизвестно, сами печати рассказывают нам о том, каким видели или представляли себе мир их хозяева. На печатях мы находим шедевры: реалистические изображения животных, особенно рогатых зебу, кормящихся тигров и элегантных безгорбых быков, принимающих к объекту, похожему на курительницу для благовоний. Однако более характерны отступления от реализма, они включают смеющихся слонов и носорогов, а также загадочные мифологические сцены: возможно, волшебные превращения: момент трансформации человека в тигра, морской звезды в единорога, рогатой змеи в цветущее дерево, а в одном случае — человека в дерево, осеменяемое вставшим на задние ноги быком. Распространенный мотив — изображение дерева, которое защищает обезьяноподобная фигура, сражающаяся с тигром; оба рога⁹.

Города и интенсивное земледелие на аллювиальных почвах Инда, кажется, было более уязвимым, чем в Египте, Месопотамии и Китае. Многие поселения такого уровня сложности существовали всего несколько столетий. Некоторые были покинуты в начале второго тысячелетия до н. э. Причина их превращения в развалины вызвала бурные споры ученых — сторонников теории внезапной и насильственной смерти от рук чужаков-захватчиков и градуалистов, считавших причиной постепенное изменение экологии и климата. Было бы удивительно, если бы в истории этих городов не было эпизодов насилия, вызванных захватами, мятежами, нападениями соседей или комбинацией всех трех элементов; но выводы о подобных травматических эпизодах, сделанные на основании данных ранних раскопок (кости жертв массовых убийств, следы огня на городских стенах), оказались преждевременными. У жертв так называемого массового убийства почти нет следов ранений¹⁰. Но после таких катастроф жизнь других поселений продолжалась вплоть до второй половины второго тысячелетия до н. э. Климат становился все засуш-

ливее, а тектонические колебания могли изменить русло рек¹¹. Огромная восточная дельта Инда Сарасвати, некогда очень густонаселенная¹², исчезла, поглощенная наступавшей пустыней Тар. Но даже этого недостаточно, чтобы объяснить, почему опустели города на Инде, который год за годом продолжал приносить плодородный ил на обширные поля. Очевидно кризис поставок, связанный с засухами или нарушениями экологического равновесия деятельностью населения, отразился и на других ресурсах — на скоте и продуктах из глубины территории, которые служили дополнением к поступавшим с полей пшенице и ячменю. Жители могли бежать от эпидемии смертоносной малярии, следы которой заметны на костях погребенных и которая неизбежна, если мелкие водоемы при посредстве людей превращающейся в стоячие воды¹³. Мы просто не знаем, почему отсюда ушли люди и куда они ушли.

Не помогает и попытка связать исчезновение городов с так называемой «миграцией индоевропейцев». Это один из самых цепких вымыслов мировой истории, подкрепляемый внешне убедительной, но на деле ложной логикой. Когда в конце XVIII века впервые отметили систематическое сходство грамматики и словаря европейских, индийских и иранских языков, соблазн сделать предположение, что все эти языки возникли из общего праязыка, был непреодолим. Говоривших на «праиндоевропейском» языке представляли благоразумными и рассудительными людьми, чьи миграция и завоевания распространили их язык во все стороны от прародины, которую с тех пор ищут ученые; этот «поиск Грааля» провел их повсюду: от северного полюса (одна школа всерьез стояла за это место) до Гималаев. Но в этом научном выводе все основано на предположениях: нет никаких доказательств того, что праязык когда-либо существовал или что была прародина, в которой жил народ-прародитель; археология также не дает никаких свидетельств предполагаемых миграций.

Само представление о едином общем языке вполне понятно: ученые гуманистической традиции сопоставляли языки, как рукописи, — от множества вариантов к единому источнику. Однако аналогия с рукописями обманчива. Насколько нам известно, языки всегда разделяются на диалекты, которые

оттеняют один другой или переходят друг в друга; их взаимодействие на пограничных территориях с чужими языками приводит к появлению модификаций и гибридов. Один из методов установления прародины индоевропейцев заключается в сопоставлении названий растений и животных в индоевропейских языках; общие для этих языков термины должны дать представление о том, где жили индоевропейцы до начала миграции. Но в словарь праиндоевропейского языка могли внести свой вклад несколько разных сред. Действительно, поскольку в этом языке были слова для обозначения равнин и гор, рек и озер, снега и льда, а также названия растений и животных самых разных видов, родина праиндоевропейцев, согласно полученным этим методом данным, должна была отличаться невероятным разнообразием природы или быть так велика, что это бы отрицало само понятие прародины.

Аналогичные попытки предпринимались для восстановления образа жизни носителей этого предполагаемого языка. Предприятие рискованное; уже замечено, что если бы нам пришлось делать вывод о первоначальной культуре носителей латинского языка на основании общих слов романских языков, нам пришлось бы предположить, что древние римляне были христианами, пившими кофе и курившими сигары. Подобные сопоставления, сделанные с дисциплинирующей осторожностью, позволяют с известной долей достоверности предположить, что у носителей праиндоевропейского языка были лодки, повозки и собаки; они поклонялись персонифицированным силам природы и приносили в жертву скот; трудом, молитвами и войной у них занимались особые группы с — вероятно — разным статусом; они приводили в дом невест, жалели вдов, укрепляли свои поселения и выпускали газы. Но даже ограниченный набор таких черт — его, не выходя за пределы разумного, можно несколько расширить — может характеризовать не единую общность, но опыт различных групп. Часто высказывалось предположение, что праиндоевропейский язык развивался в изоляции, как за воротами Гога или за преградами из льда или гор, но это явная фантазия, созданная теми, кого поразила невозможность получить надежные данные.

Языки распространяются не только с помощью миграций и завоеваний. Небольшие пограничные поселения, тор-

говля, миссионерство да и вообще любые культурные контакты приводят к тому же результату. Иногда то, что началось как заимствованный лингва франка*, заменяет местный язык или настолько радикально видоизменяет его, что он становится новым языком. Или язык, усвоенный элитой, может распространиться на все общество. Слова, подобно дарам, предназначенных для храмов и дворов царей, способны пересекать границы. Во всяком случае, некоторые языки отнесены к индоевропейским на основе тонкого ствола слов, побегов синтаксиса и морфологии, которые вполне могли быть пересажены с другого ствола. В пылу споров о происхождении индоевропейцев легко забыть, что «индоевропейский» — это классифицирующий термин, отражающий скорее взгляды ученых, чем реальность рассматриваемых языков и путь их развития. Приписывать общее происхождение всем говорящим на индоевропейских языках так же глупо, как считать, что все, кто сегодня говорит по-английски, — родом из Англии или что все говорящие на суахили принадлежат к единой этнической группе¹⁴.

Попытки расшифровать письменность Хараппы еще не решили проблему языка, на котором говорили люди, оставившие эти надписи, но по соседству с цивилизацией долины Инда — вероятно, с середины второго тысячелетия до н. э. — жили племена, говорившие на индоевропейских языках, и их устная литературная традиция слишком хороша, чтобы ее упускать. Когда, спустя много столетий устной передачи, Ригведу записали, она сохранила мощь, способная унести слушателей и читателей в утраченный век героев; как и в эпосе Гомера — возможно, относительно Гомера это предположение неверно, — здесь сохранились подлинные воспоминания о бронзовом веке.

Если объективно рассуждать, люди, чьи гимны разрушению записаны в Ригведе, совсем не похожи на вооруженных железом кочевников-ариев, каких видели читатели в девятнадцатом и начале двадцатого веков. Это был явно оседлый народ, живший в Пенджабе неопределенно долгое время —

* Жаргон, составленный из элементов многих средиземноморских языков, средство общения моряков и контрабандистов.

не пришельцы и не кочевники. Им нужен был мир жирного изобилия, пропитанный маслом из молока буйволиц, текущий молоком и медом¹⁵. Использование лошадей и колесниц вполне совместимо с оседлым образом жизни: многие оседлые народы в войне рассчитывали на военную элиту на колесницах. Эти люди ценили выпивку и хвастовство. Их связанные с поклонением огню обряды включали сжигание вражеских домов, а их самый любимый бог Индра по праву именовался «разрушителем городов», но у него это была лишь часть общей роли разрушителя, куда входило также стирание с лица земли гор и уничтожение змей¹⁶. Но, однако, некоторые города как будто уже лежали в развалинах, когда их видели авторы Ригведы¹⁷; из этих городов жители бежали, «изгнанные богом огня», они «ушли в другую землю»¹⁸.

Если последние представители цивилизации долины Инда действительно ушли, то куда? Когда цивилизация вновь возникла, это произошло в долине Ганга, но через несколько столетий, в другом природном окружении, где льют обильные дожди и растут густые леса и где железные топоры расчищали поля для пахоты (см. ниже, с. 338). В период существования цивилизации долины Инда колонизация долины Ганга не происходила, нам об этом ничего не известно: единственные артефакты, найденные здесь и относящиеся к названному времени, это запасы медной посуды, не вполне аналогичной предметам из долины Инда, но связанной с ними декоративным сходством¹⁹.

Нет и никаких прочных доказательств того, что элементы цивилизации Хараппы уцелели в последующей культурной истории Индии. Материальное свидетельство перехода цивилизации в район Ганга — обломки глиняной керамики: тщательно воссозданные, они стоят в витринах: глазированная посуда, напоминающая посуду Хараппы²⁰. Города и укрепления, предшествовавшие появлению этой посуды в долине Ганга, лишены красноречивых признаков порядка, свойственного Хараппе: ни печатей, ни гирь и прочих средств измерения, ни одинаковых кирпичей. Интересные аналоги рисунков на печатях и божественной иконографии найдены в раннем индийском искусстве, но они кажутся распределенными несистематически. Читатель, взглянувший на научную

литературу со стороны, не сможет удержаться от впечатления, что нежелание некоторых ученых признать, что мир Хараппы канул в забвение, объясняется благоговением перед этим миром. Тем, кто изучает цивилизацию Индии, кажется, что она заслуживает древней родословной, восходящей к городам Инда, а эти города в свою очередь заслуживают многочисленного и долгоживущего потомства. Мы все еще ждем появления свидетельств реальной непрерывности культурной традиции, несомненных доказательств того, что она преодолела «темные» столетия индийской цивилизации.

Заманчиво сопоставить исчезновение цивилизации Хараппы или даже объяснить его «общим кризисом» бронзового века. В период, который можно с уверенностью, хотя и с некоторой неизбежной неопределенностью определить как конец второго тысячелетия до н. э., некоторые наиболее известные мировые цивилизации рухнули, а прогресс других цивилизаций остановился из-за все еще загадочных катастроф. Централизованная экономика, которой руководили из дворцовых лабиринтов, исчезает. Торговые пути забываются. Жители покидают поселения и памятники. Меркнет великолепие эгейского бронзового века (см. ниже, с. 424–428, 510–511). Хеттская империя в Анатолии становится добычей захватчиков, а египетская едва не гибнет под натиском загадочного «народа моря», который завоевал ее. Нубия исчезает из записей. В Туркмении, на севере Иранского плоскогорья, относительно молодые, но процветающие города-крепости Окса, такие как Намазга и Алтин, о которых мы все еще знаем очень мало, превращаются в жалкие деревушки. За «общим кризисом» последовали «темные века» разной продолжительности в разных местах.

Один случай в особенности напрашивается на сравнение с тем, что произошло в Индии. Проблема унаследования позднейшей индийской цивилизацией того, что уцелело из культуры Хараппы, имеет поразительно близкую западную параллель. Как и цивилизация долины Инда, «микенская» цивилизация, занимавшая южную окраину Греции, некогда считалась переселенной с Ближнего Востока, но теперь рассматривается как результат длительного регионального «процесса». В микенские времена на Пелопоннесе существовало

несколько городов-государств, которыми правили цари, чьей основной деятельностью были война и охота на львов, что привело к полному исчезновению этих хищников. Дворы этих царей размещались во дворцах, снабженных большими складами для перераспределения пищи, как в Пилосе, где на множестве глиняных табличек описывается тяжелый и утомительный труд многочисленных чиновников: сбор налогов, распределение социальных обязанностей среди представителей класса землевладельцев, мобилизация ресурсов для общественных работ и заготовки сырья для производства и торговли; бронзовые изделия и благовонные масла, изготовлявшиеся в дворцовых фабриках Пилоса, вывозились в Египет, Хеттскую империю и в северную Европу.

В обязанности чиновников, вероятно, входило и снаряжение правителей на войну, которая в микенском обществе велась почти постоянно: все города были сильно укреплены. Города-государства воевали не только друг с другом, они ощущали и угрозу со стороны варваров из глубины территории; в конечном счете эта угроза их и погубила. Воины в шлемах в форме головы кабана, изображенные на стенах Пилоса, сражаются с одетыми в шкуры дикарями. Подвергаясь разрушительным землетрясениям, испытывая крайнее напряжение от войн, микенские города опустели в последнем веке тысячелетия. Но после периода полной неизвестности элементы их культуры столетия спустя возродились. Возрождение письма в Греции произошло примерно в то же время, что и в Индии, в VIII столетии до н. э. Как и в Индии, это была оригинальная система, совершенно не такая, как письмо прежних жителей местности, но записаны с ее помощью традиции, в промежуточные столетия передававшиеся в устной форме. Воспоминания греков о микенской древности, возможно, неточны, но их очень много, в то время как в литературе классической Индии нет бесспорных аллюзий эпохи Хараппы. Греки жили там же, где и их микенские предшественники, и были окружены руинами, напоминавшими о прошлом, в то время как индийцы ведической эры создавали свою цивилизацию совсем в другом окружении, вдали от Инда. Это делает более сомнительным предположение о переселении цивилизации Хараппы к Гангу. Однако теоретиче-

ски эта пропасть преодолима, и мы слишком мало знаем о Ганге периода «темных веков», чтобы выносить окончательное суждение.

Между тем для сопоставлений существует хорошо документированная аналогия. Махавамса, хроники существовавшего много лет «Львиного царства» Шри-Ланки, обманчивый документ: сохранившиеся версии были записаны в VI веке н. э. в буддийском окружении, которое диктовало тенденциозную правку: сакрализацию сингалезцев, освящение их земли и оправдание их завоеваний. Рассказ о ранней истории царства включает повествование о зачатом львом принце и о сражениях с любвеобильными демоницами. Основатели царства изображены в традициях сказаний о море: они изгнанники, выброшенные на берег бурей, они освобождены от грехов, которые проклинаятся, но никогда не описываются. Хроники передают традицию гораздо более древнюю, чем сам текст, но трудно поверить, что их составители хорошо осведомлены о периоде, который описывают, за тысячу лет до начала повествования²¹. Однако историю царства они начинают с правдоподобного события: колонизации в VI в. н. э. заросшего тропическим лесом острова морскими путешественниками из Камбийского залива. Сингалезцы — «львиный народ», как они сами себя называли, — говорили на одном из индоевропейских языков, и нам неизвестны их контакты с Хараппой. Добравшись до Шри-Ланки, они, должно быть, застали здесь нетронутую более раннюю цивилизацию, хотя свидетельства ее существования весьма неопределенны. Оказавшись на острове, они принялись за строительство в огромных масштабах и модифицировали окружение более решительно и новаторски, чем делали обитатели долины Ганга, хотя их мудрецы были менее изобретательны и не оставили ничего, способного соперничать с трудами по логике и математике, с литературой и философией, созданной в долине Ганга в середине первого тысячелетия до н. э.

Центр раннего царства располагался на относительно сухом северном плато, где выпадают обильные дожди — до 60 дюймов в год, но часты и длительные засухи. Дожди выпадают между октябрём и январём, их приносят северо-восточные муссоны. Второй период дождей — обычно в ап-

реле и мае. Летом, пишет этнограф Джеймс Броу, чья полевая работа привела его в самое сердце этой местности, «тонкий слой почвы растрескивается, скраб никнет под безжалостным солнцем, а сильные ветры разносят повсюду пыль»²².

Существует проведенная природой граница, которую дождь преодолеть не в состоянии.

...Есть пункты, где линия, разграничивающая две зоны, влажную и сухую, так узка, что через милю попадаешь словно в другую страну: весь характер растительности меняется... Дикие цветы принимают новые формы и пахнут иначе, в кустах поют другие птицы; резко меняется характер обработки земли; и кончается богатство²³.

Сегодня поля риса в сухой зоне орошаются водой из огражденных земляными насыпями деревенских резервуаров, куда собирают дождевую воду в сезоны муссонов. Но на весь год воды иногда не хватает. Даже учитывая возможные перемены климата, приходится признать, что сингалезские колонисты и их туземные предшественники не могли строить большие города, не проявляя чудес гидравлической изобретательности.

Их достижения в сбережении и использовании водных ресурсов в большом масштабе делают их достойными приемниками «гидравлической» цивилизации, исчезнувшей в долине Инда. В Мадуре Ойя поток воды из искусственных озер шириной шесть миль был перегороден оригинальными водонепроницаемыми шлюзами. Даже до принятия буддизма, что традиционно относят к III веку до н. э., Анурадхапура была великолепной большой столицей с самым большим в мире искусственным резервуаром воды. Что же нам сказать о золотом веке Шри-Ланки? Был ли это очередной случай возрождения индийской цивилизации, возникшей в результате миграции с места происхождения — из долины Инда или из какого-то другого места поблизости? Или это предостережение против поспешных заключений, в который раз демонстрирующее, что цивилизации возникают независимо в различных средах и более заметны своими отличиями, чем предпо-

лагаемым общим происхождением? Связь вокруг или поперек Индии вопреки свидетельствам, убеждающим в обратном, была, скорее, путем торговли и влияния, чем пуповиной.

Просо и рис, река и река: возникновение Китая

Вымыслы, в которые верят люди, в культурном отношении существеннее фактов, которые они игнорируют. Обычно утверждают — ошибочно, — что единственная созданная человеком постройка, которую можно увидеть из космоса, это Великая китайская стена. Традиция приписывает ее создание — она возникла путем соединения целой серии более ранних укреплений — Ши Хуан-ди, который именовал себя — или его наименовали — «первым императором». Он мобилизовал семьсот тысяч рабочих, построил сеть дорог и каналов и, когда умер, был похоронен с шестью тысячами глиняных статуй солдат и слуг, которые должны были сопровождать его в следующей жизни. Он был мастером театральных жестов в демонстрации силы: обычно это признак неуверенности и стремления преодолеть противоположную репутацию. Ибо он был варваром-завоевателем, пришедшим с окраины культурной китайской области, и его грамотные подданные предпочитали трактовать его как разрушителя, а не создателя. Основать династию ему не удалось, организованное им возрождение принесло сомнительные результаты. Но его связь со стеной заставила почитать его — вероятно, незаслуженно, — как основателя Китая.

Стена столько раз перестраивалась, что мы не уверены, что она все еще напоминает первоначальное сооружение. Но она стала символом достижений китайской цивилизации и в течение многих столетий представляла для китайского народа олицетворение его единства. На других фронтах Китай защищали природные препятствия, естественные преграды: грозные горы, обширное море. Но Стена олицетворяла программу самоограничения и исключения чужаков. Во времена, которые мы называем Средними веками, ее регулярно изображали на картах Китая: двойной ряд точек или грозный длинный зигзаг по краю цивилизации, как след гигантского

зверя-стража. За исключением очень кратких периодов ослабления уверенности, китайцы всегда считали себя народом, избранным небом и обладающим уникальной цивилизацией. Подобно многим другим подобным притязаниям, эту традицию можно считать вредной, но правитель Китая всегда считал себя правителем всего мира — по крайней мере той его части, которая имеет значение. «Территорию за Пустыней (внешней зоной), — сказал Сан Куочи, — не стоит наносить на карты, хотя туда и могут пролечь следы повозок»²⁴.

Несмотря на такое утонченное и имеющее прочное основание представление о себе, большую часть своей истории китайцы не впадали в самодовольство. Граница их самоопределения, кажущаяся такой застывшей, непрерывно перемещалась. Китай стал огромным благодаря агрессивности в завоеваниях, предприимчивости в колонизации и готовности к принятию и поглощению чужаков. Начало этого процесса создания страны и цивилизации неясно. Традиционное упрощение дает китайской цивилизации один или два «стартовых пункта», с которых государство и культура, сегодня называемые китайскими, начали распространяться посредством своего рода «переизлучения». Однако среди многих местностей, которые сегодня входят в Китай и где земледельцы и строители бросали вызов природной среде, особенно привлекают внимание два района, оба на равнине Желтой реки, но разделенные варварами. Нижняя область обширна: она доходит до моря в районе Челейского залива, а на западе простирается до Шансийского плато, где река выносит на равнину горные породы. Вторая — небольшая долина выше по течению, где в Желтую реку впадает река Ло. Сегодня это непривлекательные районы: жаркие летом, очень холодные зимой, когда на них обрушиваются ледяные резкие ветры, а реки заполняются льдинами. Быстрые разливы вызывают катастрофические наводнения²⁵. Холодные северные ветры, которые делают климат труднопереносимым, приносят из Монгольской пустыни толстый слой пыли, создавая хрупкую желтую почву, почти бесплодную без орошения.

Древние песни, собранные в «Ши Цзин», воспевают труд по расчистке полей, удалению кустов и корней. «Зачем они делали это в древности? Чтобы мы могли сажать наше зерно,

наше просо, чтобы просо наше было обильным»²⁶. Пробы пыльцы подтверждают эти факты. Китайская цивилизация зародилась в местности, которая на протяжении тысячелетий становилась все более засушливой; но когда древние земледельцы начали расчищать поля, это все еще была своего рода саванна, где участки, заросшие травой, перемежались с деревьями и кустарниками²⁷. Аллювиальная долина все еще была частично занята широколиственными лесами. Виды, выращенные китайской цивилизацией, были того сорта, что могут совершать чудеса для человека, особенно в средах на границе между контрастирующими экосистемами, где разнообразие средств существования собирается, как плодородный ил в скальных бассейнах. Земледелие возникло на пересечении двух длительных процессов: постепенного роста засушливости и благоприятной диверсификации, последовавшей за ледниковым периодом.

Тысячи лет спустя, в период, к которому относятся многочисленные археологические находки и в который зарождается письменность, оба эти процесса были еще заметны. Во втором тысячелетии до н. э. еще в изобилии встречались азиатские буйволы: в отложениях этой эпохи найдены останки тысячи с лишним таких животных наряду с другими обитателями болот и лесов, такими, как милу (олени Давида), дикие кабаны, серебристые фазаны, бамбуковые крысы, а иногда даже носороги²⁸. Это разнообразие отчасти объясняет силу и богатство двора и городов эпохи Шан: сюда ввозили экзотические товары и высококалорийную пищу. Наиболее поразительный пример такой торговли — тысячи привозившихся с Янцзы и из-за нее черепаших панцирей, от которых зависела политика Китая во втором тысячелетии до н. э., потому что это было главное средство указаний оракулов — передатчиков посланий из другого мира: эти послания содержались в черепаших панцирях и раковинах, которые следовало нагревать, чтобы они треснули. Линии разлома, как линии на руке, в которые вглядывается гадалка, содержали ответы богов. Но эти предсказания будущего дают нам богатые сведения о прошлом. Они подтверждают существование более разнообразного окружения и влажного климата: предсказания, записанные (выцарапанные) на костях, сообщают о

длительных дождях, двойном урожае проса и даже о полях риса. В первом тысячелетии до н. э. поэссса могла воспевать любовь, одновременно срывая щавель с влажной почвы Шанси²⁹.

Даже в условиях влажного климата долина Желтой реки не может прокормить цивилизацию, основанную на посадках риса. Как и другие цивилизации примерно того же периода и в таких же средах, Китай вначале зависел от массового производства одного типа пищи. Легендарный предок наиболее успешной династии того времени был известен под именем Ху Чи — «Правитель Проса». В народной памяти, когда он впервые посадил просо,

Оно было тяжелое и высокое,
оно росло и поднималось...
оно кивало и свисало...
Поистине счастливые зерна были посланы нам с неба,
черное просо, с двойными зернами,
просо, с розовыми и белыми побегами³⁰.

Династия Шан также была связана с просом: когда к концу второго тысячелетия до н. э. дворцы династии Шан были покинуты, посетители с тоской видели просо, растущее среди развалин³¹. Западная цивилизация использовала просо только как корм для птиц, может быть потому, что из него нельзя приготовить дрожжевой хлеб. Но это высокопитательный продукт, в нем много углеводов и жиров и больше протеина, чем в твердых сортах пшеницы.

В самых ранних китайских письменных памятниках упоминаются две разновидности проса, и обе обнаруживаются при археологических раскопках поселений пятого тысячелетия до н. э. Оба сорта почти несомненно не завезены извне, в Китае это местные растения³². Они выносливы к засухам и растут на щелочных почвах. Самые ранние земледельцы возделывали просо на участках, очищенных путем сжигания леса, и добавляли к нему продукты скотоводства и охоты: мясо одомашненных свиней и собак, диких оленей и рыбу.

Как ни удивительно, но остатки древнего образа жизни уцелели в горах одной из наиболее индустриализованных и

технически передовых стран — на Тайване. В 1974—1975 годах Уэйн Фогг наблюдал такую технику работы: наклонный участок с углом подъема в 60 градусов выбран потому, что «огонь вверх по склону горит жарче». Участок просушивался, иногда в нем делались ямки, затем сажались семена, вышелушенные руками и ногами. Чтобы отогнать птиц и других вредителей, на участок ставят шумные чучела или волшебные приспособления — миниатюрные деревянные лодки, окруженные пальмами или тростниками и накрытые сверху камнями. Каждую метелку проса срывают руками, бросают в корзину, которую крестьянин несет на спине, а когда метелок набирается достаточно, их связывают в снопы, укладывают в груды и переносят домой³³. Традиционные стихотворения описывают дела крестьянского года: проделывание ямок в холодной земле, охота на енотов, лис и диких кошек, «чтобы добыть шкуры для господина»; крестьяне также выгоняют из-под кроватей цикад и выкуривают больших крыс, которые поедают просо в стогах³⁴.

Все это наводит на размышления. Даже сегодня такой тип земледелия технически крайне примитивен. Но во времена династии Шан он кормил, вероятно, самое плотное в мире население и позволял выводить в поле армии в десятки тысяч человек. Достаточно высокий урожай можно было получить только при смене полей: позже альтернативу просу, которой требовала подобная система, составили соевые бобы, но неизвестно, когда это произошло — возможно, не раньше середины первого тысячелетия до н. э., если доверять рассказу о том, что господин Хуан из Чи впервые привез бобы домой из военного похода против варваров джун в горах в 664 году³⁵. Пшеница появилась очень поздно и всегда была запятнана чуждым происхождением: «та, что пришла»; в надписях об урожае пшеницы говорится как о принадлежащем соседним племенам, его следует уничтожать³⁶.

А рис? Символом изобилия и главным блюдом в меню он стал в процессе, неотделимом от создания самого Китая, — в процессе расширения и окультуривания, в котором силились две разных среды. Территория ранней китайской цивилизации чересчур холодна и суха для выращивания риса, и сегодня рис в больших количествах здесь можно выращивать

только с применением современных средств агрономии. Дикие разновидности риса здесь росли, и, возможно, в течение тысячелетий небольшие участки с огромным трудом использовали для выращивания риса; но рис не мог соперничать с просом как основной продукт питания или как главная культура интенсивного земледелия. Жители долины Желтой реки признавали рис элементом кладовой цивилизации, но не выращивали его в больших количествах. Этнографы древнего Китая не оставили достоверных систематических описаний, но по дошедшим от них сведениям все-таки известно, каковы были варвары: они многосторонне передали жизнь китайцев. Они жили в пещерах и носили шкуры³⁷. Они не говорили на понятном языке. И не выращивали рис, как племена предшественники колонистам на Янцзы у Цзинлинь Кана. Мир народов, выращивающих рис, во втором тысячелетии до н. э. был соблазнительным фронтиром.

Современные ученые много спорили о том, как лучше описать процесс создания Китая: как распространение во вне, расхождение от ядра Желтой реки к реке Янцзы или как объединение различных общин в бассейнах обеих великих рек, причем все эти общины в равной степени можно назвать «протокитайскими». Потребуется невероятное и героическое соединение добродетелей: опыта и объективности, — чтобы разрешить этот спор, но такая попытка кажется ненужной. Колонизационное движение кнаружи от Желтой реки достаточно очевидно; позднейшие поэты вспоминают о нем как о завоевании, которое охватило вначале долину Хуай, потом Янцзы, как в песне о герое примерно XI века:

Теперь мы владеем также Квеем и Мунгом
И пройдем до крайних границ на востоке,
Даже до государств у моря...
Племена хвае, мэн и ми,
И племена на юге —
Все поклянутся нам в своей верности³⁸.

По позднейшим воспоминаниям, войны и колонизация середины первого тысячелетия открыли «тысячи лиг до четырех морей»³⁹.

За этим обычным преувеличением скрывается подлинная экспансия, которая пронесла культуру бассейна Желтой реки до южных притоков Янцзы. Но колонисты и конквистадоры могли смешиваться с другими общинами в долгий период, на исходе которого человечество стало делиться на две категории, характерные для китайской этнологии на протяжении всей истории: на «китайцев» и на «варваров». Было бы неразумно предполагать, что империализм обязательно порождает государство с центральной властью в течение всего того периода, который мы считаем периодом складывания китайской культуры: между великой столицей Шан, размещавшейся вначале у Чен-чу, затем во второй половине второго тысячелетия до н. э. переместившейся чуть севернее к Аньяну, и далекими форпостами и поселениями могло существовать много градаций власти. Последовательность династий — традиционно за два тысячелетия, до возвышения Ши Хуан-ди, их насчитывают три — возможно, говорит о соперничестве между государствами, примерно равными по силе, и об объединяющих завоеваниях. Однако в конечном счете Китай стал примером редкого развития: цивилизация, существующая без значительных перерывов и эмоционально отождествляемая с одним государством.

В смещении войны и мира цивилизация, рожденная на Желтой реке, постепенно распространялась на юг по равнинам, пересеченным лишь реками; со временем она пересекла горы и оказалась на территории с контрастным климатом, в бассейне реки Янцзы, где ранее наблюдалось некое параллельное развитие. Строители империи с севера вначале, еще до 1400 года до н. э., основали колонию в районе Панлончена, но она не интегрировалась в культурном отношении в мир Желтой реки до последнего тысячелетия до н. э. Здесь, на новых южных землях, в том, что должно было быть непроходимыми влажными джунглями, создавались поля для выращивания риса: для этого требовался огромный труд. Хотя колонисты принесли с собой новые разновидности растений и новые методы, их деятельность растворилась в существовавшей традиции влажного, болотистого региона в нижнем течении Янцзы, где рис выращивали по крайней мере с середины третьего тысячелетия до н. э., а может, и с 5000 года до

н. э. Многочисленные орудия труда: затупленные каменные топоры, кости буйволов — говорят о том, как делалась эта работа⁴⁰. Даже когда поля расчищены, их нужно постоянно вспахивать, разрыхлять и боронить. По ним надо прогонять стада буйволов, чтобы они размягчили и удобрили почву. Тем временам на горных склонах можно разбивать плантации чая и шелковицы.

Мы то, что мы едим, и возникновение значительной и долго просуществовавшей зоны возделывания риса сделало Китай таким, каков он есть. Хотя рис не самый совершенный источник питания — если ограничиться только одним видом пищи, картофель лучше, — но на его счету непревзойденный рекорд в успешном прокорме очень густого населения. И не только из-за его питательных свойств: рис как растение обладает дополнительными достоинствами. Он не поддается вредителям — в этом отношении он лучше зерна или хлопка, а хранится почти так же хорошо, как пшеница. Плодородность рисовых полей возобновляется, когда паводки приносят питательные вещества. Почва на таких полях мягкая и легко поддается обработке, а вода препятствует росту многих сорняков.

Слияние двух миров — влажного тепла и сухого холода, риса и проса — с тех пор создавало основу всех государств Китая. Если колонисты шли с севера и включали долину Янцзы в китайский мир, то агрономия и технология, на которые они опирались, приходили с противоположной стороны. В юго-восточной Азии задолго до того, как эти территории вошли в современный Китай, возделывание риса имело долгую историю, насчитывавшую не одно столетие и даже тысячелетие. Виды, наиболее пригодные для одомашнивания, первоначально, во время великого всемирного потепления, свыше десяти тысяч лет назад, росли вдоль южного края Гималаев. Современный уровень знаний позволяет считать, что земледельцы северного Китая вначале экспериментировали с видами азиатского юго-восточного происхождения и вместе с новыми дикими разновидностями вывели в теплом влажном климате Янцзы несколько сортов риса; возможно даже, что привлекательность риса и продолжавшееся последовательное высыхание северных земель стимулировали экспан-

сию на юг во втором тысячелетии до н. э. Когда быстро созревающий рис в начале второго тысячелетия до н. э. был перенесен из юго-восточной Азии в долину Янцзы, производство могло удвоиться: можно было накормить население средневекового Китая, пережившего «демографический взрыв»⁴¹.

Междуречье как модель цивилизации обладает двумя отличительными особенностями. Во-первых, если в других частях света цивилизации возникали и исчезали, история цивилизации в Китае поражает своей непрерывностью. Сегодняя культура Китая определенно восходит к той культуре, которая зародилась в бассейне Желтой реки около четырех тысяч лет назад. Ничего подобного нельзя сказать о Египте или Месопотамии и только с большими поправками — об Индии. Во-вторых, бассейны рек были подлинными «колыбелями», они не принимали цивилизацию откуда-либо извне. Перечень культурно значимых импортированных новинок очень скромн⁴². Отсюда и из иных центров, которые науке еще предстоит открыть, влияние цивилизации распространилось на другие народы. Это означает не то, что другие цивилизации усвоили представление об элементах цивилизованной жизни от Китая (хотя некоторые, несомненно, усвоили: Япония, Корея и юго-восточная Азия), но что народам, составляющим современный Китай, был передан общий «культурный пакет» в готовом виде. Рим совершил нечто подобное, «романизируя» варваров, как и средневековое латинское христианство, распространившее границы римского наследия на восток и на север (см. ниже, с. 541–547). Но Рим пал, а западное христианство никогда не отличалось политической общностью. В мире было множество долговременных влияний и трансформаций. Но ни один халифат не мог долго объединить мусульман, как не было и продолжительного «единства англоговорящих народов».

Китай приобрел современный громадный размер — его население превосходит население всей Европы и Америки вместе взятых — не столько распространением культуры, сколько завоеванием новых народов и территорий: оба эти процесса по большей части неразделимы, и мирная ассимиляция слабого государства равносильна завоеванию. Соглас-

но конфуцианской традиции, красноречиво представленной ловким чиновником XI века Оуяном Сю, цивилизация всегда побеждает в столкновениях с варварами. Варварский мир будет покорен, и, если его нельзя победить в войне, он будет побежден милостью и удержан соблазнами⁴³. Как ни удивительно, но эта формула действовала. Большинство народов, принявших китайскую культуру, не были по происхождению китайцами, но стали считать себя таковыми. В течение ряда столетий фукьены, мяо, наси, накка и многие другие народы растворились в более многочисленном населении Китая⁴⁴. Этот процесс сопровождался потерями, он был связан с жертвоприношением целых культур. И сегодня меньшинства: мусульмане, жители Макао, тибетцы и космополитически настроенные обитатели Гонконга — чувствуют угрозу этой мощной гомогенизирующей истории.

Особенности цивилизации Шан

Хотя и не так рано, как в Месопотамии, Египте и долине Инда, первая известная цивилизация Китая демонстрирует те же «модельные» особенности, которые связаны с цивилизациями повсюду: государство, совместный труд по преобразованию местности, монументальные перемены в окружающей природе, письменность, металлургия, массовое земледелие, строительство городов. Здесь возникло обширное государство, занявшее большую часть северной равнины. Здесь устройство общества и его политика определялись необходимостью совместно действовать на большом пространстве, чтобы управлять водными ресурсами и распределять пищу. Здесь огромные дворцовые комплексы, откуда осуществлялось управление, частично использовались и как центры распределения пищи: гигантские склады хранили запасы основных продуктов. Тот же процесс вызвал и появление письменности, вначале как инструмента торговли, политики и религии, потом как средства художественного выражения. Согласно легенде, письменность была изобретением культурного героя, вдохновленного следами птичьих лап. На самом деле это была мирская выдумка, изначально предназначенная для простав-

ления на глиняной посуде клейм изготовителей, подобных знакам собственности на печатях Хараппы и руническим ярлычкам (см. выше, с. 48, 300; ниже, с. 445).

Споры о местном происхождении китайской металлургии ярко разгорелись под действием мехов ложного предположения: будто «переход» технологий от «каменного века» к «веку бронзовому» помогает установить момент «зарождения» цивилизации. Подобные споры бесполезны. Сама обширность и длительность производства эпохи Шан делает это производство совершенно особым; а если принять во внимание отчетливые технические отличия и небывалый стиль, оригинальность отразится во всех блестящих поверхностях. Утверждения, что медь-де выплавляли еще в пятом тысячелетии до н. э., основаны на нехарактерных находках, вырванных из контекста; но это нельзя считать невозможным⁴⁵. Бронза производилась уникальным методом, который вызвал появление уникального искусства, мгновенно отличаемого от бронзы других цивилизаций. Формы для отливки делались из глины: вначале ею обмазывали модель, потом ее просушивали и вырезали тонкие детали будущего предмета еще до обжига. Почти все дошедшие до нас сосуда эпохи Шан имеют ритуальное назначение, это видно по изображенным животным: все они предназначались для жертвоприношений, и люди тоже.

Гидравлика — часть технологии, общей для людей Шан и других цивилизаций лессовых долин. Там, где Желтая выносит на равнину собранную в горах дождевую воду, она неожиданно расширяется. Паводки порождают плодородную почву. Здесь дождей мало, но воды для орошения достаточно: многолюдное общество в таком районе может существовать только при наличии организации, необходимой для орошения. Легендарного императора-механика Юя Великого прославляли за то, что «обуздал воду и заставил ее течь по большим каналам». Легенда рассматривает его достижения как плоды накопленного опыта: отец Ю попытался усмирить наводнение с помощью особой почвы, охранявшейся богами: эта почва, будучи увлажненной, расширилась; за свою самонадеянность и дерзость он был превращен в камень⁴⁶. Величайшими достижениями легендарного императора были ра-

ны, нанесенные им природе: он прорывал горы, поворачивал течение рек, затоплял местность и заставлял рисовые поля подниматься над наводнением.

В поэтической народной памяти строительство городов, столь огромных, «что барабаны не были слышны повсюду», относится к периоду до Шан. Тогда принцы строили города на пустом месте, с помощью отвеса и измерительной линейки. Древний принц Тан-фу (основоположник династии Ху Чи)

Пошел направо, потом пошел налево,
Он размечал границы, проводил деление.
Он впервые измерил локоть*, он проложил акры...
И потому его прозвали Господином Работ,
Прозвали его Господином Множеств.
Он заставил всех строить дома;
Их отвесы были прямыми;
Они связывали доски и воздвигали остовы домов;
Они в точном порядке возводили храмы⁴⁷.

Несомненно, во времена Шан Китай был отчетливо городской цивилизацией. Расширение царства обозначено основанием новых городов — скромных поселений, типа Панлун-чена, «Город свернувшегося дракона» в Хуан-пи, или Хупея, менее половины квадратной мили площадью, но с дворцом губернатора или правителя, окруженным колоннадой из 43 столбов⁴⁸. «Множества» — это чен-джен, которых призывали для работ к господину или на время сбора урожая; они жили на этой земле, и их не изгнали. «Благородный человек, — как выразился поэт первого тысячелетия до н. э., — не ест хлеб безделья», но вообще хлеб ему дает труд других.

Первый период великой экспансии совпадает со временем политического единства. Кости для предсказаний рассказывают о жизни и обязанностях царей конца второго тысячелетия до н. э.: оракулы часто сообщают о выслушивании докладов и раздаче приказов; о получении дани: проса, черепаших панцирей, лопаток; цари проводили жизнь в поездках по тысячам поселений. Царские дороги, воссозданные на

* Мера длины.

основании этих предсказаний оракулов, отражают политическую географию: цари с грохотом перемещались вверх и вниз по большой вертикальной артерии царства вдоль восточного рукава изгиба Желтой реки, объезжали города и поместья к югу от реки, до Хуаи, и иногда севернее до самой реки Янцзы. Царь был обычно занят на войне или на дипломатических переговорах, предмет которых составляли среди прочего браки. Позже императоры называли это «распространением своей милости». Для солдат «заботы нашего повелителя» означали раны, холод и грязь, переход «от несчастья к несчастью», разлуку с любимыми и жилища «подобные логовам тигров и буйволов... в дикой пустыне»⁴⁹. Военная служба, уплата налогов и послушание закону не могли быть навязаны исключительно угрозой смертной казни, хотя такая угроза часто звучала.

Но прежде всего царь был посредником между людьми и богами: он совершал жертвоприношения, советовался с оракулами и следовал их советам, он вспахивал почву, молился об урожае и дожде, основывал города. Охота — единственное развлечение, удостоившееся внимания оракулов: но если царь половину времени проводил на охоте, можно предполагать, что это было функциональное занятие, способ развлечь советников и послов, потренировать всадников, проверить границы и обеспечить добавление к обычному меню⁵⁰. Ученые утверждают, что отмечают в этих документах усиление делового тона: ссылки на сны и болезни сокращаются, заметнее становятся лаконичность и оптимизм. Иногда гадальные кости открывают нам революционные перемены в совершении обрядов — свидетельство того, что цари, отбросив рамки традиции, старались оставить в мире собственный след. Таким явным радикалом был Цзу Цзя, который сократил приношения мифическим предкам, горам и рекам и увеличил — историческим и непрямым предкам, а также установил фиксированный календарь отправления подобных обрядов⁵¹. Вне всякого сомнения, он сознательно модифицировал практику правления предшественников, за одним исключением — за исключением У Дина, самого прославленного и продержавшегося дольше прочих правителя династии.

У Дин — самый живой образ второго тысячелетия до н. э., он наиболее ярко присутствует в позднейшей традиции и наиболее полно воплощен в памятниках своего времени. Хронология его правления полна неясностей, но он жил, должно быть, в XIII веке до н. э. Его помнят как ходившего войной к четырем морям, и правил он своей империей так легко, по словам Меншеса (Мен-Цзу), «словно катал ее на ладони»⁵². Он был великим охотником; в одном случае оракул предсказывал ему добычу «тигра одного, оленей сорок, лис сто шестьдесят четыре, безрогих оленей сто пятьдесят девять и так далее»⁵³. Одна из его шестидесяти четырех жен похоронена в самой богатой усыпальнице того времени вместе со слугами, собаками и лошадьми, а также тысячами раковин каури и сотнями предметов из бронзы и нефрита. Хотя остается место для сомнений, ведь тогда существовал обычай называть многих людей одинаковыми именами, особенно на женской половине дворца императора, в архивах того времени мы почти несомненно встречаем упоминания об этой царице. У Дин неоднократно советовался с оракулами по поводу ее родов и болезней. Она была одной из его трех главных жен и спутницей в путешествиях — не только женой и матерью, но активной участницей принятия политических решений. У нее была собственная земля, на которой стоял обнесенный стеной город, и она могла мобилизовать три тысячи воинов, которыми командовала лично.

Царь служил заменой шамана — он воспринимал «остроухую, остроглазую» мудрость призраков и духов, восстанавливал связь с небом, которая могла прерваться из-за беззаконий тяжелого времени⁵⁴. Однако следует помнить, что оракулы опирались на иную технологию установления истины, нежели шаманы, впадавшие в транс⁵⁵. Указания, полученные от красноречиво говорящих костей, отличаются от того, что дают обряды экстатической одержимости; они представляют собой тексты, открытые для объективного анализа, хотя, конечно, тоже непостижимы для непосвященных. Использование черепашьих панцирей ослабило влияние шаманов и передало наиболее важные политические функции волшбы — предсказание будущего, истолкование воли духов — в руки государства. Царь стал хозяином мирского чиновничества,

которое записывало и сохраняло результаты гаданий. Из писцов постепенно вырабатывался корпус историографов, запасавших свидетельства, на основе которых можно было надежнее предсказывать будущее.

На этой стадии идеология правления была прагматической: правители эпохи Шан утверждали, что явились осуществить божественную справедливость в отношении прежней, несомненно, мифической, династии, последний представитель которой нарушил свои обязательства правителя, «не проявляя бережливость». К началу первого тысячелетия до н. э. выработалась доктрина божественного избрания правителя: мандат неба снизошел на дом Чу⁵⁶. Трактаты ученых, все более поздние относительно возникновения Китая, которое они описывают, изображают милосердных правителей, выше всего ценивших искусство мира. Желтый император, мифическая доисторическая фигура, считается изобретателем повозки, лодки, бронзового зеркала, котла для приготовления пищи, самострела и «игры типа футбола»⁵⁷. В стихотворениях и народных легендах преобладают сведения о кровавых делах царей, наследовавших право жизни и смерти древних предводителей кланов. Первоначально правление обозначалось топором: до нас дошли изображения этих символов публичной казни, снабженные злобной улыбкой и острыми зубами⁵⁸. «Ваши языки должны быть покорны закону, — предупреждал император эпохи Шан своих подданных в более позднем, но репрезентативном высказывании, которое с одобрением цитирует поэт следующей династии, — чтобы наказание не постигло вас, ведь тогда раскаяние будет бесполезно»⁵⁹.

Богатство и война были неразделимыми сущностями правления царей. Могилы некоторых правителей династии Аньян от 1400 до 1100 годов до н. э. демонстрируют природу их власти: тысячи низок раковин каури, которые до появления в Китае монет служили деньгами; бронзовые топоры и колесницы; сотни сложных изделий из нефрита, бронзы и кости, бронзовые сосуды небывалого качества, отлитые в керамических формах, лакированная посуда и сотни людей, принесенных в жертву, чтобы служить царям в будущей жизни или освящать их сооружения и могилы. Фундамент такого правления был шатким: войны, ритуалы, оракулы —

все это очень рискованные орудия власти, они уязвимы для прихотей судьбы. Хотя китайские историки традиционно относят начало нового периода к 1100 году и связывают его с приходом к власти династии Чу, никакого резкого разрыва в культурном развитии нет — даже когда правителей династии Чу сменили многочисленные соперничающие царства VIII века до н. э. Такое развитие часто повторялось в китайской истории. Всякая раздробленность оказывалась временной, всякая революция сменялась обратным движением, и каждое сжигание книг приносило ценные результаты.

Феникс Востока: выживание Китая

Последующие столетия разъединения и соперничества не уничтожили цивилизацию; в некоторых отношениях они даже стимулировали ее развитие. Возникли новые технологии, наряду с бронзой постепенно стало употребляться железо. С заменой колесниц, которые монополизировали поля битв вплоть до VIII столетия до н. э., огромными пешими армиями, менялось и общество. Вследствие торговли, несомненно, связанной с появлением около 500 года до н. э. монетной системы, росли познания Китая об окружающем мире, хотя до восстановления политического единства дальние дипломатические связи не вносили серьезного вклада.

Тем временем границы Китая раздвигались не только к югу, но и за истоки Желтой реки, где возникло государство Чин, охраняемое рекой и горами. Оно стало самым сильным из воинственных государств и, покорив все остальные, выдвинуло Ши Хуан-ди как всеобщего правителя.

Вероятно, возможности человеческого мозга наиболее широко раскрылись благодаря деятельности мыслителей, известных под коллективным именем «Ста Школ». Их возможность заниматься науками опиралась на богатство правителей, которые надеялись использовать силу их мысли. В середине первого тысячелетия до н. э. Конфуций, ученый, перебивавшийся от двора к двору в поисках идеального правителя, оставил наставления, которые до наших дней продолжают оказывать влияние на политику и повседневную жизнь китай-

цев. Для Конфуция, как и для большинства мыслителей Ста Школ, которым приходилось терпеть предательство и насилие своего времени, главная добродетель — верность: верность Богу, государству, своей семье и истинному смыслу употребляемых слов.

Значение Конфуция — это напоминание о том, насколько наш мир в долгу перед его миром. Его влияние можно сравнить с влиянием Будды, охватившим всю Индию и восточную Азию; считается, что Будда жил одновременно с Конфуцием; он учил, что счастья можно достичь сочетанием мысли, молитвы и благонравия. Столетием раньше учение Зороастра в Персии и еще раньше — Упанишады в Индии играли аналогичную роль. На западной оконечности Евразии почти через два столетия после Конфуция философы Греции, особенно афинские учителя Платон и Аристотель, учили отличать добро от зла и правду от лжи, и их мысли используются по сей день. Между тем составители Ветхого Завета, завершившие ко времени Аристотеля большую часть работы, оставили текст, до сих пор непревзойденный по своему влиянию. Поразительно, но наш способ мыслить и вести себя на протяжении всего периода того, что мы сегодня называем цивилизованным миром, отнесен и даже определен мыслями, записанными за тысячу лет до рождения Христа⁶⁰.

Конфуций был частью бурлящего жизнью мира идей. Подобно большинству творений авторов Ста Школ, его труды были почти уничтожены в ходе «культурной революции», в период сжигания книг, идеологической тирании и отказа от интеллектуализма, проповедовавшегося Ши Хуан-ди. Благодаря трудам продолжателей и систематизаторов его репутация сохранилась гораздо лучше, чем у его соперников и современников. Изредка революционеры вновь поджигали костры книг и провозглашали новые пути, завезенные извне. Но сила китайской цивилизации одолела их всех. В XIV веке движение Белого Лотоса проповедовало фанатическую разновидность буддизма, но когда предводители этого движения захватили власть, они от прежних убеждений отказались. В XIX веке революционеры тайпины заимствовали свои основные идеи у христианства, но их влияние, значительное в свое время, прекратилось после их поражения. В XX веке

успешная революция, возглавленная Мао Цзэдуном, провозглашала своей основой политические и экономические теории немецкого коммуниста Карла Маркса. Мао даже призывал сжечь книги Конфуция. Но через тридцать лет после революции от марксизма отказались. Конфуцианство продолжает играть в создании китайского общества и китайских ценностей формирующую роль, которую оно играет уже давно. А вот чужеземные завоеватели всегда подчинялись превосходству китайской цивилизации, даже когда побеждали на полях битв китайские армии. Так произошло со страшными варварами, соседями государства в эпоху Сун, и с монгольскими завоевателями в XIII веке, и с маньчжурами в XVII. Монгольская династия правила Китаем с 1280 по 1368 года, а маньчжурская — около трехсот лет, и хотя китайские подданные всегда думали о своих правителях как о чужестранцах, сами правители быстро проникались китайскими традициями.

Экспансия без изменений: китайское Великое пространство

Империя, доставшаяся в наследство от Ши Хуан-ди, была слишком неустойчивой, чтобы просуществовать долго, но на протяжении всей китайской истории она воссоздавалась и расширялась. Империя династии Хан, существовавшая с 202 года до н. э. до 189 года н. э., на карте кажется прообразом Китая всех последующих эпох, она занимала не только долины рек Желтой и Янцзы, но и Западной реки, которая впадает в море у Кантона, и простиралась от Великой стены на севере до Аннама на юге и до Тибета на западе. Время от времени вопреки многим препятствиям и отступлениям Китай переходил и эти границы, включая в себя еще более чуждые и незнакомые среды: земли дровосеков Квейчу, Дикий Запад эпохи Тан; Сычуань, «страна ручьев и пещер», соляных шахт, племен, «не готовящих пищу», и «запретных холмов» стали новыми пограничными землями в эпоху Сун. Во времена, которые мы называем началом современности, когда наша традиционная историография занята короткоживущими воинственными европейскими империями, Китай соз-

дал обширную и по большинству стандартов гораздо более прочную империю на смежных землях — на острове охотников за оленями Тайване и в маньчжурских степях, где стало появляться все больше огороженных и вспаханных участков и лагерей собирателей женьшеня. В легендарный «иной мир» Синьхуана, в царство пустынь и гор за переходом Джайгуан переселенцы принесли персики, пионы и магазины, торгующие классическими текстами⁶¹.

Приспособляемость, способность расширяться, эластичность китайской цивилизации переводит ее в иной класс относительно других цивилизаций речных долин, возникших на наносных почвах. Китайская цивилизация переросла все остальные. Сочетание ее внутренней увязанности, прочности и магнетизма поражает, поскольку при таком росте и размерах сохранить эти свойства очень трудно. Преимущества экосистем Желтой реки во времена Шан и более ранние не определяют уникальность истории Китая, но относятся к числу условий, породивших эту уникальность.

Ни одна цивилизация не умела приспособиться к столь многочисленным и различным средам без радикальных изменений или без разрыва политических связей. В XIX веке, когда расширение Китайской империи стало невозможно, экспорт людей и культуры продолжился и под внешней оболочкой гегемонии Запада. Из всех народов мира больше всего колонистов и в наибольшее количество районов планеты дали именно китайцы⁶². И никаких признаков ослабления китайского потенциала и к мирной колонизации, и к имперскому расширению, нет. Более того, в последнее время эта традиция расширения ожила и активизировалась: в начале 1950-х годов Китай реаннексировал Тибет и вторгся в Корею; он вернул себе Гонконг и Макао и ведет активные, не раз перераставшие во вспышки насилия, пограничные споры практически со всеми соседями.

Более того, оставаясь в своих нынешних границах, Китай оказал огромное влияние на остальное человечество: например, экспортировал письмо и многие виды искусства в Японию, распространил свои интеллектуальные традиции на большую часть юго-восточной Азии, передал Западной Европе и всему миру целый ряд революционных технологий.

До последних трех столетий большая часть изобретений и технических новшеств, которые резко изменили жизнь человека, приходила из Китая; самые известные из таких новшеств — бумага, печатный станок, домна, соревновательные экзамены, порох и, наряду со многими новшествами в мореплавании, компас. Долго сдерживавшаяся инициатива Китая зависела от наличия путей переноса и доступа к банку данных остального мира. Самые ранние шаги в преодолении этих препятствий не задокументированы, но вполне вероятно, что китайские путешественники пересекали Евразию уже во втором столетии до н. э., а вскоре затем китайские товары морем достигли Эфиопии. Возникновение контактов с Китаем во времена, которые мы называем античностью и Средневековьем, лучше всего иллюстрирует обратный поток информации в Китай: здесь возник архив знаний мира, которого не было у других цивилизаций.

Рассказ эпохи Тан отлично это иллюстрирует. В самый расцвет династии Тан, в 872 году, путешественник из Ирака посетил императора И-цзуна.

Император приказал принести шкатулку со свитками, поставил перед ним и передал переводчику со словами: «Пусть посмотрит на своего господина». Узнав портрет пророка, я сказал:

— Это Ной со своим ковчегом, который спас его во время всемирного потопа...

Услышав эти слова, император рассмеялся и сказал:

— Ты узнал Ноя, а что касается ковчега, то мы в него не верим. Он не достиг ни Китая, ни Индии.

— А это Моисей со своим посохом, — сказал я.

— Да, — ответил император, — но значение его невелико и народ его малочислен.

— А вот, — сказал я, — Иисус, окруженный апостолами.

— Да, — сказал император, — он жил недолго. Его миссия длилась только тридцать месяцев.

Тут я увидел Пророка на верблюде... и меня одолели слезы.

— Почему ты плачешь? — спросил император. — Его народ основал великую империю, хотя сам он не дожил до ее завершения⁶³.

Полагаю, этот рассказ неверен, хотя это не значит, что он не имеет ценности. Очевидно, автор создавал сатирический текст, подготавливая переход к христианам и иудеям. Но Китай здесь изображен правдиво — это картина отвлеченного превосходства, владения информацией, восприятия знаний всего мира. Рассказ помогает понять, почему Китай дожил до наших дней и по-прежнему растет, распространяет свое влияние, в то время как другие цивилизации, возникшие в такой же обстановке, давно исчезли. Цивилизации Месопотамии и Индии погибли еще в древности, а Египет растворился в другой цивилизации. Китай пережил переход границ территории своего зарождения; первоначальный прыжок на четыре-пять градусов по широте стал прообразом дальнейшей экспансии буквально во все виды среды обитания. Это торжество динамизма, агрессии, честолюбия и успешного окультуривания. История, начавшаяся на полоске грязи, захватила весь мир. Китайский потенциал трансформации остального мира еще не израсходован — а значит, еще будет расходоваться.

Я вспоминаю школу, уроки, на которых мы читали оды Горация. И наткнулись на строку, в которой поэт льстит своему покровителю, рассказывая о том, как Мecenат занят государственными делами и среди всего прочего тревожится из-за того, что задумали китайцы. Я не мог поверить, что дела Китая имели значение для Рима времен Августов. Теперь я думаю иначе. Конечно, Гораций преувеличивал. Мecenат дружил с поэтами, и они обращались с ним фамильярно. Патрон должен был понять шутку, скрытую в строке Горация: его государственная деятельность носит оттенок аффектации или претенциозности, она слегка показная. Однако чем старше я становлюсь, тем больше верю, что Мecenат действительно думал о Китае. Главный вопрос всего остального мира неизменно таков: «Что дальше сделает Китай?» Этот вопрос никогда не потеряет своей злободневности. И нам следует задать его себе и сегодня.

Часть пятая

НЕБЕСНЫЕ ЗЕРКАЛА

Цивилизации высокогорий

*Горные овцы вкуснее,
Но овцы долин жирнее,
Поэтому мы решили, что лучше
Забрать жирных овечек.*

Томас Лав Пикок
Боевая песня Динаса Вавра

Горцы здесь жили задолго до того, как были завоеваны; точно так же они долго жили до того, как стали цивилизованными.

Сэмюэль Джонсон. Путешествие на
западные острова Шотландии²⁰

9. Облачные сады

Высокогорные цивилизации Нового Света

Центральная Америка и Анды

*Койоты хотят
всех нас превратить в койотов,
и тогда они лишат нас
всего того, что нам принадлежит,
плодов нашего труда,
утомительного труда.*

Джоэль Мартинес Эрнандес²¹

*Из-за сильного холода, порождающего убийствен-
ные морозы, земли высокой сьерры не могут исполь-
зоваться для выращивания фруктов и овощей... и мы
можем включить сюда большие участки ниже по
склону, которые также остаются необитаемыми...
Есть земли, которые хоть и находятся в теплом
климате, из-за состава почвы непригодны для обра-
ботки... поскольку в этих горах множество утесов и
расщелин, и куманикой заросли целые лиги. В других
горах почва хорошая, но они столь высоки и неров-
ны, что на них нельзя работать. Все названные при-
чины делают такие земли негодными ни для обра-
ботки, ни для жизни, как я сам часто замечал, про-
езжая по многим из этих областей.*

Бернабе Кобо. История Нового Света²²

Высота и изоляция: классифицируем цивилизации высокогорий

Это был долгий подъем. Эрнан Кортес причалил корабль к берегу и сосредоточил внимание на туманных сообщениях о богатстве верховного вождя ацтеков. «Веря в величие Господа, — писал он, — и в мощь королевского имени их высочества, я решил отправиться и найти его, где бы он ни был». Дорога вела вверх. Отряд завоевателей поднимался от Чапалы «по тропе такой крутой и неровной, каких нет в Испании... Бог знает, как мои люди страдали от жажды и голода и особенно от снежных бурь и дождей»¹. Они пересекали пустынные плато, где их мучил голод и жгло солнце, и преодолевали высокогорные проходы, где приходилось бороться за каждый глоток ледяного разреженного воздуха.

Современники Коперника, они на этой высоте приносили жертвы не только золоту, но и научному любопытству. Разведывательный отряд попытался подняться на заснеженную вершину вулкана Попокатепетль почти 18 тысяч футов высотой, «чтобы узнать тайну дыма... но не смогли из-за большого количества снега, который там лежит, и вихрей пепла, прилетавших с горы, а также потому, что не могли выдерживать сильный холод»². Приблизившись к столице ацтеков, Кортес позволил туземцам вести отряд через высокие переходы, где подозревал засаду — «не желая, чтобы они считали нас трусами».

Он и его люди выросли в горной (по европейским меркам) стране; но метрополия, которую Кортес нашел в конце своего пути, была расположена на невиданной для испанца высоте, насколько нам известно. Ярко раскрашенные, покрытые кровью жертв храмы Теночтитлана поднимались у озера на высоте 7500 футов над уровнем моря в долине, окруженной иззубренными пиками. Они словно были выше жизни, выше реальности. Теночтитлан напомнил пришельцам мрачный заколдованный город злодея-волшебника из популярного романа того времени³. Кортес, который льстил себе, воз-

нося хвалу завоеванным местам, посчитал этот город не менее прекрасным, чем Севилья.

Кажется удивительным, что он считал свои усилия оправданными и искал культуру так высоко. В целом высокогорья на взгляд жителей низин кажутся враждебными цивилизации. Для соседей из низин «горец» обычно синоним слова «варвар», а свои страхи жители равнин оправдывают ссылками на историю, географию и мифы. Рассказы о колдовстве, инцесте и зверствах оставили глубокие следы на склонах гор⁴. Горцев часто считают «примитивными» беженцами, загнанными в горы наступающей цивилизацией; там, где они живут, редко встречаются плодородные почвы, и выращивать растения гораздо труднее, чем в долинах. Даже скот, пасущийся на горных пастбищах, принадлежит к более худым и мускулистым видам; к тому же недостаток пастбищ заставляет горцев вести полукочевой образ жизни. Долины, разделенные горами, порождают партикуляризм. Жители таких долин осознают свою независимость, к тому же их языки часто взаимно непонятны, и это усложняет сотрудничество в преобразовании окружения и создании больших государств.

Омери Пико, автор путеводителя для пилигримов XII столетия, предупреждал читателей относительно горских общин на дороге в Компостелло: «они нецивилизованы и не похожи на наш французский народ, они сношаются с мулами и не умеют вести себя за столом»⁵. Томас Платтер, швейцарец, желавший в XVI веке получить образование в Германии, столкнулся с презрительным отношением к себе из-за того, что вырос в горах⁶. Доктор Джонсон, утверждавший, что презирает шотландцев, сравнивал их в необходимости стать цивилизованными «с чероки — или, лучше, с орангутанами» и утверждал, что до союза с англичанами «стол у них был такой же скудный, как у эскимосов, а дома грязные, как у готтентотов». Он поддался любопытству современного этнографа, ищущего «примитивные народы»; как он сам признавался, ему хотелось посетить прошлое⁷.

Однако реальность высокогорных обществ часто противоречит подобным утверждениям. Благодаря природной перспективе горцы смотрят на мир сверху вниз. Да, общи-

нам горцев не хватает богатой наносной почвы, которая кормила ранние цивилизации в речных долинах; нет у них и доступа к далеким торговым маршрутам, какими пользовались островные и приморские цивилизации (см. ниже, с. 401–470). Тем не менее у них есть другие преимущества, искупающие эти недостатки, и именно эти преимущества заставляли исследователей искать затерянные миры и Эльдorado на плато и горных вершинах — и иногда даже находить их там.

Высокогорья дают убежище от климатических крайностей за пределами умеренной зоны, смягчая жару тропического лета: высокогорные цивилизации процветали на тех самых широтах, где мы встречаем непреодолимые пустыни и непроходимые джунгли. Они могут занимать долины и области с внутренним орошением, где течет вода, накапливаются соли и создается пригодная для земледелия почва. Горы обуславливают климатическое разнообразие, укрывают небольшие зоны микроклимата, шлют дожди в определенном направлении и обеспечивают пригодные для сельского хозяйства склоны и долины с разным уровнем температур.

Например, поднимаясь в исторической Армении от жаркой долины Аракса к Кавказу, можно встретить любую среду: аллювиальные почвы, пригодные для выращивания фруктов, овощей и хлопка — до 4000 футов; поднявшись чуть выше, встретишь более сухие почвы под кукурузу, фрукты и орехи; выше 5000 футов — горные леса и заснеженные вершины, где вряд ли возможно выращивание зерновых; и горные пастбища выше 7000 футов, где летом можно пасти стада⁸. В самой нижней точке средняя температура лета часто превышает 90 градусов по Фаренгейту; в самой высокой точке, где живет человек, она падает до сорока градусов ниже нуля, и здесь людям приходится уходить в убежища, чтобы выжить. Травы с таких склонов сыграли большую роль в возникновении земледелия, поскольку вначале были одомашнены именно такие местные разновидности растений. Всякий, кто создает государство или раннюю систему обмена, получает в подобных местах разностороннюю экономику, позволяющую строить впечатляющие театры жизни

общества, как в первом тысячелетии до н. э. в государстве Урарту с его высокогорными крепостями, сорокамильным каналом и хвалебными надписями вокруг озера Ван, или как в государстве Багратидов в X и XI веках н. э.: об их «городе тысячи и одной церкви» Ани и по сей день напоминают несколько куполов и шпилей среди полуразрушенных камней и заросших травой холмов.

Благодаря разнообразию природных условий питание горцев бывает гораздо богаче и разнообразнее, чем у их соседей с низин. Поэтому у них есть возможность лучше кормить отряды воинов и легче переживать голод и неурожай. Заметно — мы это увидим, — что расположенные на большой высоте центры традиционной центральноамериканской цивилизации, например Теотиуакан или Теночтитлан, отличались гораздо большей устойчивостью и бурной жизнью, чем имперские столицы, основанные в нижних долинах с более хрупкой экологической основой, вроде Монте-Альбан или Тула. За весь известный нам период прошлого жители высокогорий Эфиопии и Новой Гвинеи по-разному, но добились большего успеха в поддержании высокой плотности населения, чем обитатели окрестных низин.

Но прежде всего у цивилизаций высокогорий есть преимущество безопасности. Горы можно успешно оборонять. Поразительное долгожительство цивилизаций самых недоступных горных районов мира, вероятно, объясняется именно их недосыгаемостью. Иногда, как в Андах и Новой Гвинее, неприступность становилась побочным продуктом изоляции; иногда, как в Тибете и Эфиопии, столетия жизни цивилизации защищала горная стена, не мешавшая связи с дальними местностями. Когда высокогорье занято единым государством, это государство может получать продукцию со всех окружающих низин: так, ацтеки обложили данью побережья и леса, и тысячи носильщиков втаскивали на спинах эту дань в свои горные убежища; так Тибет имперского периода снимал сливки с трансевразийской торговли и отнимал урожай пшеницы даже за границей Китая⁹; так было у строителей империи на Индийском плато, где «за кольцом скал в безопасности Дакшинапататапати, повелитель Декана, стал одним из великих правителей мира и украсил

свою страну великолепными храмами, высеченными в скалах и украшенными замечательными росписями и скульптурами, которые до сих пор составляют гордость этой земли»¹⁰.

Самые крупные горные цивилизации — те, что отвечают традиционным критериям великих цивилизаций, — сохраняли свое превосходство столетиями и даже тысячелетиями лишь с небольшими перерывами. Не раз повторявшиеся темные века андской цивилизации невозможно связать с какими-либо свидетельствами завоевания извне. Центральноамериканские нагорья уязвимы для проникновения из пустынь на севере — вероятно, последними из таких пришельцев были ацтеки; но такие пришельцы обычно в свою очередь покорялись соблазнительной природе культуры высокогорий. Много подобных миграций выдержала эфиопская цивилизация. Только Ирак и Декан — родина самых низко расположенных цивилизаций такого типа — неоднократно подвергались завоеванию и преобразованию. Тибет попал под влияние монголов, но, как мы увидим, следствия этого влияния оказались незначительными; эта страна постоянно подвергалась давлению расширявшегося Китая и его притяжению, но почти на всем протяжении своей истории успешно этому сопротивлялась. И лишь столкновение с европейскими завоевателями обнаружило ограниченность безопасности высокогорий. Но и в этом случае завоевателям требовалось очень много времени.

В этом отношении горцы Нового Света (Центральной Америки и Анд) выделяются из общего ряда, поскольку почти сразу покорились конкистадорам. Большинство их крепостей пало перед испанцами — возможно, правильнее было бы сказать «перед коалициями врагов, созданными или предводительствуемыми испанцами», — в 1520—1530-е годы. Принято считать, что это произошло ввиду превосходства европейской военной технологии, перевесившей преимущества высокогорья. Но в этот же период начался целый ряд кампаний, в которых эфиопы сражались с армиями Сомали и с теми, кого они называли «турками»; противники вначале были вооружены лучше оборонявшихся, у них были и мушкеты, и пушки. В 1890-х годах Эфиопия отстояла свою независимость в борьбе с еще более сильными завоевателя-

ми. В 1570-х годах высокогорное государство Мвене Мутапа, в некоторых отношениях наследник другого великого средневекового государства, Зимбабве, изгнало португальских завоевателей, которые также превосходили их в военной технологии. Хотя единство Мвене Мутапа постепенно, шаг за шагом, подтачивалось изнутри, государство просуществовало до XIX века, когда было побеждено местным соперником — Нгони. Тем временем государства, занимавшие территории великих азиатских цивилизаций Тибета и Ирана, оказались уязвимыми для своих непосредственных соседей — китайцев и турок соответственно, но не испытывали серьезного давления со стороны европейцев; и только в XX веке наконец покорилась и Эфиопия.

Поэтому уничтожение высокогорных цивилизаций не есть исключительное явление, объясняемое неминуемостью какого-либо единственного пути развития или уязвимостью для врагов одного типа. Подобно всей истории высокогорий, это уничтожение можно понять лишь изнутри, как часть истории взаимоотношений между высокогорными средами и людьми, в них жившими.

Сущность высокогорной среды в том, что вокруг нее или рядом с ней расположены низины: больше ничего общего высокогорные среды не имеют. Некоторые народы находят условия высокогорного существования на высоте 2000 или 3000 тысячи футов над уровнем моря, другие — на высоте 10 000 футов; соответственно существует огромная разница в том, что предоставляет им среда. Очевидно, такова разница между узкими долинами, где живут самые разнообразные организмы, например в Новой Гвинее или в Андах, и большей частью Анд, обширных плато, где нужно осваивать огромные пространства ради более разнообразного питания; мы рассматриваем два этих разных типа сред вместе, во-первых, потому, что жители плато обычно используют и примыкающие к ним долины или укрываются у подножий холмов и гор внутри этих плато, где встречаются богатые почвы; во-вторых, потому, что вопреки возможным предсказаниям теории, у жителей горных долин часто развивается такая же имперская прожорливость, как и у обитателей плато. Большие царские дороги инков и Ахеменидов пересекали

самые разные местности, но везде несли одну и ту же информацию — о распространении царской власти.

Следует подчеркнуть еще одно отличие. Некоторые высокогорные цивилизации зародились не в горах: это культуры низин, вытесненные завоевателями или чуждым влиянием. Одно из преимуществ жизни на высоте в том, что сверху можно обрушиваться, как волк на отару, и уносить с собой драгоценные влияния. Высокогорье позволяет горцам строить цивилизации, завоеывая низины, господствуя над ними или вытесняя соседей снизу. С низин центр цивилизации может переместиться на соседние горы и плато.

Например, цивилизация майя, возникшая в низинах, продолжила свое существование в горах и на плато Гватемалы и Юкатана, после того как примерно в IX веке н. э. большие города «классической эры» в низинах погибли в результате войн, революций и экологических катастроф. Ранние индийские цивилизации расцветали в речных долинах, но центры империй, господствовавших в истории субконтинента, располагались, как правило, на северных плато. История образования Китая иногда толкуется как рассказ о завоевании Китая государством Чин, самым западным и самым высокогорным из всех воинственных государств. Согласно правдоподобной, хотя и недоказанной гипотезе цивилизация инков — еще один аналогичный пример: добыча с низин, захваченная при завоевании прибрежного царства Чимор, вместе с ремесленниками, которых инки пригнали с побережья, была направлена на строительство и украшение Куско¹¹. Аналогичные доводы позволяют возводить эфиопскую цивилизацию к сабейскому государству в Аравии (см. ниже, с. 482), а цивилизации высокогорий Центральной Америки — к городским и художественным традициям ольмеков с болотистых берегов (см. выше, с. 219).

Было бы, однако, неверно полагать, что высокогорные цивилизации — всегда результат деятельности тунеядцев или мигрантов, зависящих от инициатив с низовий. Иногда горцы создают цивилизации с нуля, из тех ресурсов, что у них под рукой. Результаты обычно скромны по сравнению с культурами, подверженными влиянию широких контактов,

но это потому, что ортогенез предполагает изоляцию, а изолированным культурам не хватает импульсов, возникающих при соперничестве и воздействиях извне. Так, возникшие на высокогорьях культуры Великого Зимбабве и Новой Гвинеи не оказывали на наблюдателей такого влияния, как культуры, сложившиеся в результате множества различных влияний. Иногда ортогенетические и гетерогенетические особенности бывают так тесно перемешаны, что о цивилизации невозможно сказать, было ли ее родиной высокогорье или она возникла в низинах.

Однако существует близкая корреляция между местом, занимаемым высокогорной цивилизацией на обычной шкале технической и политической сложности, и степенью ее изоляции. Области, не имеющие значительных дальних контактов, например Новая Гвинея, могут выработать оседлый образ жизни и изобретательную агрономию, но использовать примитивные орудия и не обладать сложной политической жизнью; цивилизации с ограниченными контактами, как Уганда или Руанда и Бурунди, могут развить обработку металла и создать большие соперничающие государства, но без городского образа жизни. Те, у кого есть коридоры доступа к широкому миру — Эфиопия или Зимбабве — могут создавать монументальные сооружения и — в случае Эфиопии — предпринимать серьезные попытки преобразовать окружение. Те же, у кого есть привилегия доступа к великим торговым путям и путям коммуникации — Тибет, Иран или Декан — наслаждаются всеми достоинствами и радостями цивилизации. Стоит рассмотреть целый ряд примеров, начиная с Нового Света, потому что здесь высокогорные цивилизации имеют долгую, но существенно разную историю: две обширные культурные области, в Центральной Америке и в Андах, создали сложную сеть обмена на огромном расстоянии, но столетиями оставались почти закрытыми для внешнего мира и — что особенно поражает — ничего друг о друге не знали.

Подъем к Тиауанако: предшественники инков

Два высокогорных района Америки были плодовитыми инкубаторами цивилизаций: Мексика и Анды. В XVI веке н. э. оба эти района стали театром драматических и разрушительных столкновений между испанскими конквистадорами и горными империями. В итоге вокруг ацтеков и инков возникла атмосфера трагической романтики. Они стали символами изменчивости, потому что ранее никакая другая цивилизация в этих районах не знала таких достижений и не исчезала так внезапно. Такой подход вдвойне ошибочен. События имперской истории Америки не ограничиваются травмой, нанесенной прибытием испанцев: в прошлом в обеих культурных сферах часто имели место завоевания и смены элит, а обычный порядок жизни продолжался: элита, живущая в больших городах с монументальными постройками, оправдывающая свое существование сложной идеологией, угнетала, защищала и перераспределяла большое сельское население. В этом отношении колониальный период очень напоминает время ранних империй. Достижения и судьба инков и ацтеков становятся более понятными в контексте очень долгой предыдущей истории цивилизации в областях, которые они занимали, и их окрестностях.

Например инкам, которые начали создавать империю из своей расположенной в долине крепости Куско примерно в 1430—1440-х годах н. э., предшествовала империя со столицей Уари в долине Айякучо на высоте в 9000 футов над уровнем моря. В центре города располагались казармы гарнизона, спальни и общественные кухни, а вокруг жило не менее двадцати тысяч горожан. Похоже, у столицы были города-спутники по всей долине Айякучо, и, как утверждают, другие города с такой же планировкой вплоть до Наски (см. выше, с. 95) были ее колониями. Как государство и столица Уари просуществовал только двести лет — с VII по IX века н. э., но он почти на сто лет пережил другого предшественника: Тиауанако возле озера Титикака, который в первые несколько столетий н. э. превратился во внушительный город с высокими храмами, высокостенными дворами и мощными крепостями. Еще древнее — они датируются второй полови-

ной второго тысячелетия до н. э. — остатки церемониальных центров на высокогорье Каджамарка, которые могли быть окружены городами или протогородами, а может, и большими складами патерналистского государства, где пища запасалась для дальнейшего распределения. Некоторые из них заслуживают названия царств, как основанное около 1000 г. до н. э. Кунтур-Вази с его богатыми золотом могилами и золотыми коронами из гроздьев голов людей, принесенных в жертву¹².

Города низин с их воображаемым великолепием основаны еще раньше: город в Ла-Флорида в долине Римак, где строительство началось около 1750 года до н. э., стоял на платформе в тридцать акров, и даже сегодня его развалины достигают в высоту двадцати трех футов¹³. К XIV веку в сухой долине Моче большие маски ягуаров охраняли сложное расположение дворов, помещений и колоннад, построенных из речных булыжников¹⁴. Но при современном уровне знаний было бы преждевременно утверждать, что путем миграции, завоевания или распространения влияния традиция монументального строительства поднимается из низин в горы.

Почти все города первого тысячелетия до н. э. — от долины Ламбейек на севере до Паракаса на побережье Тихого океана на юге — обнаруживают столько общих черт в украшениях, будто поклонялись одному пантеону богов, что привело к появлению гипотезы о существовании раннего сверхгосударства, предшественника империи инков. Можно говорить по крайней мере о единой «культурной области», в которую входили и высокогорья, и низины. Центр этой области находился в громаднейшем святилище в Чавин-де-Уантар, в Кальеон-де-Кончукос, горном храме оракула, который, похоже, был оборудован как место всеобщего паломничества¹⁵.

Почти повсюду монументальное строительство вдохновлял образ кукурузы, которая постепенно распространилась по высокогорьям как наиболее подходящая культура; здесь создавались сложные оросительные системы, которые позволяют собирать два урожая в год и переносили интенсивное земледелие на ранее недоступные высоты. Создание

запасов зерна был одной из функций церемониальных центров, таких как Чирипа в глубине территории, на берегу озера Титикака¹⁶.

За пределами распространения кукурузы, однако, главным продуктом питания был универсальный клубень, родина которого в Андах, — картофель.

За границы области распространения кукурузы вырвался самый грандиозный город из всех здесь существовавших, Тиауанако, который за длительный период строительства — с II по XI столетие — занял свыше сорока акров на высоте, превосходящей высоты Лхасы. Это была поистине Нефелоккигия — небесный город, задуманный Аристофаном как пародия на одержимость греков городским строительством (см. ниже, с. 514). Ворота этого города слишком величественны, чтобы не быть триумфальными, слишком огромны и монументы, чтобы не впасть в самовосхваление, его фасады слишком грозны, чтобы не быть имперскими. Посевы на участках земли, расположенных на платформах, позволяли прокормиться сорока с лишним тысячам жителей города; платформы строились из камней, которые скрепляли глиной, а сверху покрывали почвой; от резких перемен температуры посевы защищали многочисленные каналы, несшие воду озера Титикака. Участки такой формы уходили на десять миль от берега озера и могли производить свыше тридцати тысяч тонн картофеля в год: более чем достаточно для такого города¹⁷. В Тиауанако, в защищенных и невероятно ухоженных садах при храмах, можно было выращивать и кукурузу, по крайней мере для ритуальных целей, а также большое количество местного злака квиона, который, по слухам, прежде игнорировали, но теперь он вошел в моду.

В промежуток между падением Тиауанако и возникновением империи инков, насколько нам известно, на высокогорьях предпринимались лишь очень скромные попытки создания цивилизации. Поэтому то предположение, что инки были наследниками или хранителями традиций, завещанных Тиауанако, кажется фантастическим. Однако разрушенные труды гигантов видны до сих пор. Эти прецеденты могли помнить или даже сохранять в отдельных местах, используя при преобразовании природы: при одомашнивании диких

растений с использованием разнообразия среды и устройении колоний в совместимых эконисах. Эксперимент инков во многом был возобновлением — конечно, в грандиозных масштабах — старой техники приспособления природы к потребностям человека.

Места для богов: контекст ацтеков

Тем временем ацтеки в своей культурной зоне были наследниками столь же долгой череды внушительных и агрессивных городов-государств. Подобно инкам, они могли видеть руины прежних цивилизаций и культур подчиненных народов или народов-жертв, живших ниже их — на всех уровнях до самого океанского побережья. Например, в первом столетии до н. э. на высоте 6000 футов над уровнем моря проводился самый изощренный городской эксперимент в Америке — в Теотиуакане, где жилища занимали свыше восьми квадратных миль. Сложные резные платформы и пирамиды этого города в сознании ацтеков, по-видимому, играли ту же роль, что и развалины Тиауанако у инков. Почти несомненно Тиауанако послужил для империи инков своего рода прецедентом. Трудно преодолеть впечатление, что Теотиуакан был столицей гигантского государства. Его дипломатические связи с государствами майя осуществлялись почти за тысячу миль. В низовьях Петена царя тикала по имени Грозное Небо изобразили в пятом веке с телохранителем из Теотиуакана (см. выше, с. 236). Среди зданий Теотиуакана были и такие, что явно предназначались для размещения гостей из далеких низин, подобно павильонам колониальных общин на Большой выставке.

Жители города окружали себя скульптурами и резьбой, фрагменты которых сохранились. Мир их подчинялся распоряжениям неба, которое представлено в виде крылатого змея насыщенных, плодородных оттенков, с колоссальными челюстями, играющими роль рога изобилия; пот этого змея выпадает дождем. Под небом расцвечены роскошными красками деревья с большими, изогнутыми плоскими корнями. Говорящие птицы производят раскаты грома и мечут из-под

крыльев молнии. Пернатый ягуар сыплет искры из когтей. Жрецы в масках змей разбрызгивают кровь из изрубленных рук людей, принесенных в жертву, или протыкают костяными ножами человеческие сердца. В явной аналогии с человеческими жертвоприношениями койоты вырывают сердце у оленя, который кричал — на уцелевшей росписи он все еще кричит — от боли¹⁸. Это искусство экологически хрупкого образа жизни: здесь плодородие зависит от дождей и от милости непостоянных богов.

Тем временем в Монте-Альбане, в долине Оаксака юго-западнее Мексиканской долины возникло нечто вроде государства: здесь местность пониже, от 4660 до 5700 футов; но недостаток дождей вынуждал жителей проводить разнообразные эксперименты в области орошения: рыть колодцы, сберегать дождевую воду, устраивать каналы¹⁹. Это государство родилось в третьей четверти последнего тысячелетия до н. э. в ходе внезапной «городской революции», связанной с укреплением горного склона. И оставалось — возможно, непрерывно — центром высокой культуры более или менее постоянного развития, пока с ошеломляющей внезапностью не погибло, просуществовав 1200 лет. Строители (обычно, хотя, вероятно, ошибочно их называют тем же именем, что и современных сапотеков) оставили удивительно искусно сооруженные памятники и надписи, которые все еще не расшифрованы; у них были огромные имперские амбиции, чему остались кровавые свидетельства — росписи и резьба с изображением груд отрубленных у пленных воинов гениталий. Но дальнейшие рассуждения о природе этого государства и широте влияния его правителей не подкреплены никакими данными. Названия-глифы покоренных общин, имеющиеся на зданиях города, относятся к соседним местностям в радиусе от пятидесяти до ста миль, а ко времени гибели города распространение керамики стиля Монте-Альбан охватывало примерно такое же пространство²⁰.

Даже если эти факты свидетельствуют о постоянных политических взаимосвязях, все равно государство было небольшим и вряд ли сопоставимым по влиянию с Теотиуаканом. Скудость местных ресурсов заставляет удивляться тому, что здесь было основано и долго просуществовало

государство; однако в отличие от Теотиуакана и Теночтитлана оно никогда не простирало свою власть и влияние далеко.

Народы того же региона в эпоху ацтеков, микстеки и сапотеки, жили относительно небольшими общинами и известны скорее работами по золоту, украшениями из перьев и иллюстрациям к рукописям, чем монументальным искусством. Недавние работы по расшифровке рисованных генеалогий сапотекских правителей открыли перед нами две группы представителей элиты с общими предками, вроде сапотекского героя, известного под календарным именем 5–Тростник²¹. Представлен в генеалогиях и величайший из всех культурных героев Центральной Америки, которого обычно зовут по элементам его имени-глифа 8–Олень Тигриный Коготь. По данным генеалогий его жизнь с определенной уверенностью можно датировать 1063—1115 годами н. э.²² Этот герой выделяется среди всех персонажей микстекской истории, представляя жизнь центральноамериканских монархов: частые женитьбы, многочисленное потомство, посещение святилищ, посредничество между богами и людьми, совещания с предками, мирные переговоры и прежде всего — ведение войн. Он умер, как жил: образ центральноамериканского царя, принесенный в жертву, расчлененный и увековеченный в эпизоде, ярко представленном в генеалогии правителей небольших городов Тилантонго и Тетцакоалко, которые хотели, чтобы их запомнили как потомков героя. Он был родом из низин в районе Тутутепека и подвизался в основном среди микстекских общин побережья. Его завоевания, ярко отраженные в рисованных генеалогиях, заставили ученых говорить об «империи Тутутепека», но его деятельность более понятна в контексте напряженной борьбы за власть, приносившей уважение и позволявшей собирать дань и накапливать пленников для жертвоприношений, но при этом без обязательного расширения влияния или прямого правления. Похоже, империи в Центральной Америке возникали скорее на высокогорьях.

В сопоставимых показателях государства высокогорий превосходят своих соседей и предшественников с меньших высот. Они существовали дольше, росли или распространяли

свою власть на большие расстояния или сочетали все три элемента. Когда в VIII веке н. э. по неизвестным причинам влияние Теотиуакана ослабло, столицей стал Тула; этот город после его столь же загадочной гибели в конце XII века на протяжении столетий с благоговением и страхом вспоминали в Мексике. Он был известен как «Сад Богов», и его многочисленные колонны и аккуратные церемониальные площади, орошенные кровью жертв, должны были оправдывать это название. Однако находился он в чрезвычайно коварной местности, где необходима ирригация и где продолжительные засухи смертельны. Почти несомненно главную роль в том, что город был покинут, сыграла экологическая катастрофа²³. Ацтеки в каком-то смысле считали себя наследниками его обитателей.

Контрастные миры: сопоставление ацтеков и инков

Наука рассматривала цивилизации Центральной Америки и Анд с огромного расстояния, так что различия между ними как будто исчезали. Окружение характеризовалось как почти одинаковое; некоторые черты сходства действительно необходимо подчеркнуть: неприступность горных крепостей, смягчение на большой высоте крайностей тропического климата, ограниченный доступ к животному протеину, почти повсеместное распространение одного и того же ритуального источника пищи — кукурузы. Культуры этих двух народов казались наблюдателям тоже почти одинаковыми. Часто, например, отмечалась общая для обеих культур парадоксальная базовая технология. В обоих регионах строили монументальные каменные здания, но не знали арок; в обоих регионах передвигались на большие расстояния без колес и оси. И те и другие предпочитали городскую планировку, символизирующую космический порядок, строго геометрическую и симметричную. И там, и там инструменты, оружие и украшения делали до появления европейцев только из мягких металлов. В обеих культурах были способы записи информации, определяемые как протописьмо: логографическая сис-

тема глифов в Центральной Америке, которая идеальна для сохранения статистической, календарной и генеалогической информации, но в которой изложение событий возможно только с применением мнемонической техники, и кипу, или узелковое письмо Анд, которое так же хорошо, как линейное письмо В, подходит для административных записей, но не увековечило никакой литературы в обычном смысле этого слова — по крайней мере, пока никакие такие записи не расшифрованы²⁴.

Явно одинаковая среда, казалось, порождала одинаковые политические последствия. В обоих регионах время от времени возникали относительно крупные политические образования, которые первые пришельцы из Европы характеризовали как империи. Оба региона в тот же период поражали наблюдателей своими религиозными обрядами, требовавшими человеческих жертвоприношений и соответственно таких методов правления и ведения войны, которые давали нужное количество жертв. Оба были завоеваны сравнительно небольшими отрядами испанских авантюристов, причем внешне одинаковыми методами.

Действительно, конквистадоры видели и отмечали это сходство. Например, когда в 1528 году Франсиско Писарро начал завоевание Перу, он следовал стратегии, впервые примененной Эрнаном Кортесом на несколько лет раньше в Мексике: захватил местного верховного вождя, которого называл «императором», и пытался контролировать обширный регион с самыми разнообразными условиями с помощью марионеточного правителя. В обоих случаях такая стратегия не увенчалась успехом, и оба плененных правителя вскоре были смещены или убиты конквистадорами. В Мексике, где был изобретен этот метод, он показал, как мало понимали конквистадоры то, с чем столкнулись: политическая власть в регионе была разделена, и управлять им из одного центра оказалось невозможно. По иронии судьбы в Перу, где тенденции к централизации были сильнее и где существовало воплощение преданности империи в виде единого вождя, подобная стратегия оказалась более пригодной.

«Империя» ацтеков была свободной гегемонией, связанной лишь сложной системой обмена данью; все связи завер-

шались в Теночтитлане, но пересекались и перекрещивались по всей культурной области. Насильственное переселение использовалось редко, и было очень мало общин, где бы правили губернаторы, непосредственно назначенные в Теночтитлан, или стояли бы постоянные гарнизоны: самый ранний и, вероятно, наиболее надежный источник отмечает всего двадцать два таких пункта. Господство ацтеков обеспечивали не непрерывная бдительность или постоянные институты власти и контроля, а страх перед подвижными армиями и карательными рейдами. По пространству в 200 000 квадратных миль последний правитель водил армии взад и вперед, «завоеывая» города, которые согласно сохранившимся спискам уже входили в его государство. Гегемония ацтеков не была и монополией: она распространялась на целую сеть городов вокруг озера Текскоко, которые пользовались привилегиями при распределении дани. Совокупная система союзов обеспечивала сотрудничество более отдаленных общин; союзники в прилегающих районах время от времени могли меняться. Судя по ранним колониальным источникам или по копиям воспоминаний о мире до завоевания, ко времени появления испанцев три общины «за горами» обладали в этой системе особым статусом. Тлакскалтека, Уэкзотсинка и Чолултека тоже платили — или обязаны были платить — дань курительными палочками, оленьими шкурами и пленниками для жертвоприношений; но жители Тлакскалтеки участвовали и в ритуальном обмене пленными с ацтеками, известном как «цветочные войны». Отношения были неравными и часто становились враждебными: Тлакскалтека стала первым союзником Кортеса, а Чолултеку заставили отколоться от своих союзников, по собственному признанию Кортеса, убийством трех тысяч жителей в их собственной столице.

Система инков, вне всякого сомнения жесткая и унифицированная, какой ее и описывали, включала гораздо больше элементов последовательности и охватывала гораздо большее пространство. Государство было более обширным и более строго регулируемым, чем у ацтеков. Столь крупная империя, существующая в столь враждебной местности и охватывающая множество различных культур, не

могла существовать без практического перепоручения и распределения прав и обязанностей, а также без множества хорошо смазанных соединений. Однако больше всего поражают элементы строгого контроля из центра: центры традиционных региональных союзов и вражды к инкам могли быть снесены и превращены в пустыню, как Чиму, процветающий город, предыдущая столица империи, опустошенный внезапным нападением завоевателей-инков (см. выше, с. 94). Десятки и сотни тысяч жителей лишались домов и насильственно переселялись туда, куда требовала политика инков. Уайна Капак, последний перед приходом испанцев правитель, переселил, как утверждалось, сто тысяч рабочих, чтобы построить себе загородную резиденцию в Квиспагуанке. Он согнал 14 000 со всей империи крестьян, чтобы разбить кукурузную плантацию в Кочабамбе²⁵. Региональную элиту вынуждали или заставляли посылать своих подрастающих отпрысков в Куско для усвоения ими имперской идеологии. Дороги и имперские вестники создали сложную систему связи, которая позволяла быстро доставить послание и столь же быстро получить ответ.

Контрастирующей политике ацтеков и инков соответствуют и другие, более глубокие различия. Трудно представить себе более разные народы. Искусство инков свидетельствует, что они представляли себе мир болезненно, бескомпромиссно абстрактным. Ткачи и кузнецы, изображая людей и животных, делают их единообразными и правильными. Подобное же единообразное представление отражено и воплощено в поразительной архитектуре: тщательно отделанные гигантские каменные плиты, неизменная симметрия, исключение любых изгибов или наклонов, любых подробностей, которые подражали бы природе. Искусство инков менее натуралистично, чем искусство ислама. Даже если веревки с узелками, хранившие записи, содержали повествовательные тексты, которые мы сейчас не можем прочесть, как считают некоторые ученые, вряд ли их содержание можно было бы сравнить с картинным письмом жителей Центральной Америки, ярко передававших любую тему. Наиболее характерное искусство ацтеков, искусство, в котором они выступили новаторами и которое по крайней мере мне кажется необычным

для центральноамериканской традиции, — это реалистиче-ская скульптура. Лучшие образцы ее малых форм отражают тщательное наблюдение за миром природы. Двое — люди, но в то же время с чертами обезьян — сидят обнявшись, на-клонив головы, и обмениваются взглядами, словно задают друг другу вопросы. Змея с зияющей пастью и злобным взглядом лениво протягивает длинный раздвоенный язык над кольцами своего тела. Ветер изображен в виде танцующей обезьяны с животом, раздутым метеоризмом, с поднятым хвостом: она выпускает газы. Койоты стоят с наклоненными головами, прислушиваясь или готовые прыгнуть. Кролик напряженно принюхивается к пище или опасности, нос у не-го задран и сморщен, словно дергается²⁶.

Подобное различное восприятие мира возникло в кон-трастных средах. При сравнительном рассмотрении «Ново-го Света» ацтеков и «Нового Света» инков обнаруживаются различия, еще более поразительные, чем сходства. Анды образуют длинную тонкую цепь: империя инков растяну-лась более чем на тридцать градусов долготы. При движе-нии с востока на запад вершины, покрытые облаками и орошаемые дождями, оказываются в самых разных средах. Крутизна гор означает огромное разнообразие сред, сосре-доточенных на малых площадях. Между морем и снегом различные экозоны расположены ярусами. Травянистые пу-ны*, занимающие высоты от 12 до 15 тысяч футов, переме-жаются полосками возделываемой почвы там, где она со-храняет тепло или влагу.

Травами же Мексиканского плато кормятся одомашнен-ные четвероногие: лама, альпако и викунья, и по всему плато разбросаны остатки древних загонов. Расположенные ниже долины обычно страдают от недостатка дождей, хотя обще-ства, способные организовать систему орошения, могут ис-пользовать воду из зоны снегов на горных вершинах. Струк-тура долин позволяет существовать исключительному разно-образию микроклиматов и животных и растительных видов, которые составляют весомую прибавку к универсальной диете из картофеля, кукурузы, бобов, чили, орехов и сладкого

* Высокогорные плато Южной Америки.

картофеля. Благодаря близости источников даров леса и моря у подножия гор торговля или империализм в этом регионе в силах обеспечить потребности высокого уровня жизни. Патриотически настроенный натуралист конца XVIII века, считавший Перу «самым великолепным примером деятельности природы на Земле», нашел для описания разнообразия Анд красочный запоминающийся образ: «После создания африканских пустынь, благоухающих роскошных лесов в Азии, умеренного и холодного климата в Европе Бог принес в Перу все то, что разбросал на остальных трех континентах»²⁷.

Относительное распределение кукурузы и картофеля — свыше ста пятидесяти местных культивируемых сортов — показывает, как действовала в этом регионе политическая экология. Европейские свидетели заметили и описали священные обряды, связанные с возделыванием кукурузы, но не увидели ничего подобного относительно картофеля, который в этой части Америки занимал в рационе куда более значительное место. По их словам, «половина индейцев только им и питается». Действительно, у этих двух продуктов были разные социальные функции — и разные места в экосистеме. На высоте 13 тысяч футов кукурузу можно выращивать лишь в небольших количествах — ее с огромным трудом выращивали на огородах жрецов для обрядовых целей. Большая часть мира инков располагалась именно на таких высотах, где существование цивилизации, основанной на крупномасштабном выращивании кукурузы, возможно лишь в нишах, где местные сорта приспособились к условиям, варьирующимся от смертоносной сухости до разрушительного холода. Это были царства картофеля, который, если имеется в достаточных количествах, способен дать все необходимое, в чем нуждается организм. Местное население питалось картофелем, но картофель считался пищей низов, к нему относились с презрением. Кукуруза хранилась на складах, часто расположенных гораздо выше зоны ее выращивания, где ею можно было кормить армии, пилигримов и царские дворы, разбавляя в церемониальных случаях ритуальной чичей²⁸.

То, как Анды резко и неожиданно вздымаются на равнине, обуславливает экологическое разнообразие и политиче-

ские возможности гор. Мексика, напротив, представляет собой в основном широкое плато свыше 6000 футов высотой, на котором встречаются и горы, и долины, но без той резкости конфигурации, которая дает Андам их чрезвычайное разнообразие. Когда в Мексике жители высокогорья нуждались, скажем, в хлопке с низин или в какао из тропических районов — а и то и другое было весьма существенно по меркам процветавших здесь цивилизаций, — эти продукты приходилось привозить издалека. Ацтеки не могли существовать без хлопка и какао: хлопок нужен был для войны (он использовался при изготовлении стеганых панцирей) и для тепла, какао для обрядов и в пищу (это был напиток элиты, его в особых случаях пили дымящимся из кувшинов с тонкой талией, изображенных в ацтекских памятниках письменности). То же самое, хотя и в меньшей степени, можно сказать и о резине для мячей: это был очень важный привозной товар, приходивший с жарких низин, а роскошные украшения придворных делали из нефрита, который добывали на юге, на высокогорьях Гватемалы; эта культура зависела от далеких контактов и обменов²⁹. В рисованной книге периода начала колонизации, где приводятся воспоминания о минувших днях, перерыв в торговле рассматривался как повод для войны. Дошедшие до нас тщательные чиновничьи записи обмена и дани свидетельствуют о существовании централизованной системы распределения, а раздачи зерна в Куаутитлане во времена голода вспоминали и после испанского завоевания³⁰.

Высокогорная среда благоприятствует выращиванию кукурузы и бобов — двух источников углеводов, представлявших собой основные продукты. Главным дополнением к ним служили тыква и перец чили. Кукурузная каша и плоские лепешки готовились по рецептам, собранным миссионером-этнографом XVI века: белая тамала* с бобами в форме раковины; тамала, просушенная на солнце, с тем же гарниром; белая тамала с кукурузными зернами; тамала из кукурузного теста в соке лайма; тамала, размягченная в

* Мексиканское блюдо, толченая кукуруза с мясом и красным перцем.

древесной золе; тамала с мясом и желтым чили; тамала с цветками кукурузы и с добавкой семян и фруктов; тамала, подслащенная медом. Семена, которые назывались чиа, можно было размолоть и готовить из них аналогичные блюда³¹.

Общины у озера Текскоко могли ценой огромного труда выращивать все эти растения и использовать такой рацион. Им приходилось извлекать плодородную почву со дна озер и строить острова и островки — своего рода местную разновидность культуры курганов, «плавучие сады», последние остатки которых еще можно увидеть в исчезающем озере Сочимилко там, где его еще не поглотил современный город, Мехико³²; сегодня это любимый район марьячи*. Но для больших городов такого земледелия мало. «Плавучие сады» не могли дать достаточно пищи³³. Слишком ограничен поставляемый ими набор продуктов. К тому же они не дают хлопок. Земледелие на таких курганах порождает имперские амбиции.

Месть данников: среда и империя

Ацтеки Теночтитлана, например, были господствующей общиной небольшой конфедерации, расположенной вокруг озера. Они умели успешно защищаться, но им не хватало основных ресурсов. Приходилось в войнах захватывать продукты и хлопок в соседних регионах. Скромность и суровость их приозерной жизни показана на росписи, рассказывающей об основании города: среда представлена болотами, скалами и колючими кустарниками; скромная тростниковая хижина, а над ней — колья для вражеских голов. Под этим изображением идет перечень завоевательных войн, которые в конечном счете привели ацтеков к реке Пануко на севере и к Ксоконокско на юге.

Ко времени появления в 1519 году в Мексиканской долине испанских конквистадоров восемьдесят или девяносто

* Стиль мексиканской народной музыки, а также группы и музыканты этого стиля.

лет успешных войн превратили Теночтитлан в великолепную, изобильную грабительскую столицу, где на берегу озера теснилось не менее восьмидесяти тысяч жителей. Как мы видели, большая часть империи не управлялась непосредственно из Теночтитлана, в подчиненных городах не стояли ацтекские гарнизоны, но ацтеки силой или угрозами заставляли платить дань, необходимую для поддержания роскоши, к которой они уже привыкли. Из их собственных записей следует, что необходимая ежегодная дань составляла 123 400 хлопковых одеяний и доспехов из хлопка, в которые герои-воины одевались, изображая из себя богов, — ведь хлопок не растет на высоте озера Текскако. На небольшой площади, которую занимал город, негде было выращивать пищу, и поэтому ее тоже привозили из подчиненных городов: 244 000 бушелей кукурузы в год и соответствующее количество бобов, а также какао с низин. В перечне дани, которую получали ацтеки, — многочисленные экзотические продукты из отдаленных районов империи, от них зависела жизнь при дворе и отправление обрядов: тонко сработанные золотые изделия, бусы из нефрита и янтаря, розовые раковины, шкуры оцелотов и перья редких птиц, курения для обрядов и резина для мячей. Наконец, империи необходимо было воевать ради притока пленников: человеческая кровь умиротворяла богов, человеческая плоть делала мужественными воинов, черепа жертв превращали в кубки и пили из них во время ритуальных празднований побед³⁴.

Империя инков функционировала благодаря внушаемому ею ужасу и получаемой дани, но ее структура была predeterminedena длинной горной дугой, вдоль которой она сформировалась. Историки раннего колониального периода, сравнивая инков с римлянами, преувеличивали единообразие их политических институтов и централизованную природу правления. Тем не менее оставленные инками свидетельства того, как они управляли своей высокогорной империей, красноречиво рассказывают о способах распространения их влияния: это уникальная система горных дорог. Ее протяженность — свыше 12 тысяч миль и 30 градусов широты. Между Уарочири и Джауджа дорога проходит на высоте 16 700 футов. На всем протяжении этой системы вплоть до

высоты 13 000 футов разбросаны постоянные дворы, где жили работники, которым платили едой и отупляющими дозами кукурузного пива³⁵. Дороги проходили по изумительным мостам вроде знаменитого моста Уакача («Святой мост») над ущельем реки Апуримак в Курахаси, длиной 250 футов, состоящего из тросов толщиной в человеческое тело.

Создавшие такую дорожную систему и наладившие производство вещей для удовлетворения самых насущных потребностей инки были прекрасными организаторами массовых работ. Например, насильственно переселенные в долину Кочабамба колонисты прибывали из столь далеких местностей, как Куско и Чили. Государство обогащала дань в виде товаров и рабочей силы. Например, из Уанкайо в долине Чийона поступала определенная часть всего, что здесь производилось: коки, перца чили, мате для заваривания, сушеных птиц, фруктов и раков. О богатствах, сосредоточенных в Куско, можно судить по рассказу о выкупе, полученном за верховного инки Атауальпу: это комната, заполненная золотом. В рассказах потрясенных испанцев говорится о садах Храма Солнца, «где земля была покрыта комьями золота и засажена искусно сплетенными золотыми стеблями кукурузы»³⁶. Испанские солдаты считали, что крепость Саксауаман достаточно велика, чтобы вместить гарнизон из пяти тысяч человек: единственный камень, сохранившийся на нижней террасе этой крепости, высотой 28 футов и, как полагают, весит 355 тонн.

Подобно государству ацтеков, империя инков подкрепляла свои законы ужасом и умиротворяла богов человеческими жертвоприношениями. Рассказывают, что Уайна Купак приказал бросить в озеро Ягуар-Коча тела двадцати тысяч воинов Каранки после их поражения, а на его погребении были принесены в жертву четыре тысячи человек. Однако системы ацтеков и инков имели структурные слабости. Судя по способности содержать большое население — подобная его плотность в этих местностях не повторялась в течение сотен лет, — они были достаточно эффективны. Судя по их работам, особенно по ацтекским произведениям искусства и инженерным подвигам инков, они добивались огромных успехов. Но инки сами приговорили себя к междоусобным

конфликтам, мобилизовав огромные ресурсы в культе покойных Верховных Инков в Куско: эта все более трудно дающаяся традиция вызвала недовольство в сильной пограничной столице Кито и привела к гражданской войне, которой сумели воспользоваться испанские конквистадоры³⁷. Государство ацтеков стало уязвимым из-за сложной сети отношений с данниками, которые поддерживали это государство: когда подчиненные общины начали отказываться платить дань — а они делали это, поддавшись уговорам испанцев, — Теночтитлан не мог выжить.

Более того, угнетательская природа обеих систем привела к появлению большого числа внутренних врагов: город Тлаксалтека за горным хребтом к востоку от Мексиканской долины предоставил испанцам воинов для нападения на Теночтитлан; во всяком случае именно такое впечатление создают уцелевшие источники, в которых воины-аборигены, с перьями на головах, с высоко поднятыми копьями, идут в атаку, а испанцы предпочитают руководить из-за арьергарда, как герцог с Плаза Торо³⁸. Аналогичную роль союзника испанцев играл в поражении инков Уанка из долины Мантаро. Сопrotивлявшиеся инки были заперты в крепости Вилкамбамба и уничтожены в 1572 году. После завоевания в 1521 году Теночтитлан был снесен, и на его месте построен город Мехико³⁹.

Однако память о прошлых цивилизациях продолжала формировать историю Нового Света. Воспоминания об инках вдохновляли восстания колониального периода. Современное государство Мексика считает себя в определенном смысле наследником ацтеков, использует их символы и подражает их архитектуре. Нынешнее возрождение самосознания коренных жителей Америки по всему Новому Свету в долгу перед древними культурами — многие из этих культур, даже в самой Мексике и в Андах, уничтожены белыми человеком — и стимулирует их изучение и переоценку.

Империя ацтеков держалась на необходимости. У инков подобной потребности в объединении обширной территории и доставки дани издалека не было. Природа Анд такова, что все необходимые продукты можно получить в границах не-

скольких градусов — или даже долей градуса — долготы. Однако наблюдатель из космоса, призванный извне определить самую впечатляющую земную империю начала XVI столетия, опираясь в своих суждениях на критерии окружения, а не на стандарты технологической продвинутой или военной силы, склонен будет выбрать инков. Ни одно государство того периода не обладало таким количеством самых разнообразных сред: в империи инков от экватора до субарктики встречались все типы ландшафта и мест обитания, известные человеку.

10. Подъем в рай

Высокогорные цивилизации Старого Света

Новая Гвинея, Зимбабве, Эфиопия, Иран, Тибет

Склоны гор поросли лесами, берега ручьев пестреют цветами; каждый порыв ветра приносит со скал аромат, и из каждого рта на землю капает фруктовый сок.

Сэмюэль Джонсон. Расселас. Цитируется по книге Т. Пэкхема «Горы Расселас»²³.

...Воздух такой чистый, и ветер божественно шуршит в вершинах старых сосен!

Мистер Майлстоун. Дурной вкус, мисс Тенория. Дурной вкус, уверяю вас. Здесь местность усовершенствована. Деревья срублены, камни увезены; это восьмиугольный павильон, точно в центре вершины; и в нем, на самом верху павильона, вы видите лорда Литтлбрейна, разглядывающего местность в телескоп.

Томас Лав Пикок. Хэдлонг-Холл²⁴.

Последнее Эльдорадо

Начало последней легенде об Эльдорадо положил французский моряк, застрявший среди каннибалов на северном побережье Новой Гвинеи в 1870-х годах. Луи Треганс утверждал, что ушел от побережья в глубину местности и наткнулся на богатую золотом империю с городами и ездящими верхом аристократами, которых он называл орангуоками¹. Рассказ его мог не показаться невероятным. Читатели ничего не знали об описываемых им горах кроме того, что они существуют. Ни один путешественник раньше не бывал в тех краях. Никаких письменных сведений не было. Но рассказ оказался лживым. На Новой Гвинее не было лошадей — и вообще четвероногих крупнее свиней; не было и никакой металлургии; местные жители предпочитали золоту, которое есть в реках, редкие раковины с далекого моря. Не было и великой империи; были сотни, а то и тысячи крошечных воинственных образований.

Тем не менее реальность оказалась даже диковиннее выдумки Треганса. Не испытывающая внешних влияний, не потревоженная извне, Новая Гвинея создала один из немногих независимых мировых центров возникновения земледелия². Здесь, неведомое никому за пределами острова, тысячами процветало густое население. Когда в июне 1930 года золотоискатель Майкл Лихи впервые увидел за хребтом Бисмарка травянистые равнины, он предположил, что землю здесь расчистили лесные пожары; но ночью он в ужасе увидел огни тысяч бивачных костров. Он и его люди всю ночь провели без сна, с оружием в руках³.

Предки тех, кто разжигал эти костры, покрыли свою местность той упорядоченной решеткой полей и каналов, что составляет признак любой цивилизации Земли. Исследователи, направленные в 1932 году новогвинейской корпорацией «Голдфилдз», сразу поняли это, когда пролетели над долиной Ваги с ее квадратными садами и аккуратными прямоугольными домами. Однако при ближайшем рассмотрении

высокогорье показалось старателям и горным инженерам, которые первыми его исследовали, менее впечатляющим; ведь они оценивали цивилизацию по меркам материального богатства и технического развития. Здесь они могли за горсть раковин или стальных лезвий покупать женщин и свиней. Могли запугать и покорить воинов щелканьем зубных протезов и мыть в реках золото, не пробуждая алчности в местных жителях. «Белый человек, — казалось Майклу Лихи, — может идти куда угодно, вооруженный только тростью для ходьбы»⁴. Казалось, Новая Гвинея — родина в лучшем случае потенциальной цивилизации, остановленной в своем росте отсутствием технической изобретательности.

В действительности местные жители использовали природу, насколько это было им нужно и насколько позволяли их средства. У них не было доступа к металлам, из которых можно было бы изготовить орудия; поэтому их цивилизация застряла в каменном веке. Не было крупных животных, которых можно было бы приручить или пасти. Некоторые традиционные признаки цивилизации вроде письма или монументальных сооружений им были не нужны. Но у них были и классические преимущества горной родины. Долины и склоны высотой 5000 футов изолировали их от негостеприимных джунглей, в то же время не закрывая доступ к таким растениям, которые можно с пользой адаптировать. Местные жители использовали разнообразие микроклиматов, почв и растительности, типичное для окружения высокогорной цивилизации.

Например, в 1970-е годы племя нарегу численностью в две с половиной тысячи человек занимало восемь с половиной квадратных миль, но у каждой семьи были жилища в четырех или пяти разных местах; поэтому жители могли использовать лучшие участки для выращивания сладкого картофеля, сахарного тростника и бобов, рощи орехов пандан (продукта леса, адаптированного горцами) и пастбища для свиней. Деликатесы с низин, выращивать которые горцы не могли, вроде смолы диких саговых пальм, они получали посредством торговли с лесными кочевниками⁵. Район обладал и специализированной местной промышленностью: одно из самых недоступных племен, баруйя, было обнаружено толь-

ко в 1951 году, когда офицер патруля решил отыскать, где производят местный продукт — своего рода растительную соль⁶. Распределительные функции, которые в минойской цивилизации или у династии Хан выполняли дворцовые склады, на Новой Гвинее осуществлялись посредством периодических пиров, а земельные участки классифицировались по их пригодности к выращиванию самых распространенных продуктов: орехов пандан, бананов, сахарного тростника и других.

Когда в этом регионе возникло земледелие — возможно, десять тысяч лет назад, вслед за резким изменением климата при расколе «Большой Австралии» и образовании пролива между Австралией и Новой Гвинеей, — оно, вероятно, возникло на западных нагорьях, используя местные разновидности таро и ямса. В некий более поздний период (если не изменится современное понимание скудных археологических источников), на более сухом западе с той же целью начали использовать медленно растущий клубень *Pueraria lobata*⁷. В болоте Кук уже девять тысяч лет назад существовали дренажные и отводные каналы и насыпные участки для таро⁸. Часто предполагают, что до появления одомашненных источников протеина эти поля давали только дополнение к продуктам охоты, но это меню могло расшириться и за счет деревьев и кустарников окружающих сухих склонов: в обществах, практикующих болотное земледелие, обычно не оставляют без внимания местные возможности возделывания сухих участков. В сочетании со свиной, бананами и сахарным тростником, которые, вероятно, начали использовать до второго тысячелетия до н. э. или в самом начале этого тысячелетия, болотная растительность становилась достаточной основой существования весьма многолюдного, но строго ограниченного местностью населения; дополнительное производство для ритуального обмена свиньями и другими продуктами поддерживало существование общин в равновесии.

Появление сладкого картофеля произвело революцию в новогвинейском земледелии: оно позволило перейти границы болотистых участков и освоить склоны, потому что заморозки, способные погубить сладкий картофель, случаются лишь на высоте 6500 футов, а вообще выращивание такого

картофеля возможно до высоты 8000 футов⁹. Новая агрономия обеспечивала большие урожаи и позволяла кормить быстро возросшее население и поголовье свиней. Никто не знает, когда это произошло. Пока маршрут распространения сладкого картофеля не установлен, но это растение почти несомненно пришло со своей родины вместе с путешественниками из Нового Света или с Азиатского материка, где первые документированные свидетельства его появления относятся к XVI веку; на протяжении двухсот пятидесяти лет нет никаких доказательств его более раннего появления, а в некоторых местностях начало его возделывания относится к еще более позднему периоду¹⁰.

Рост населения и споры из-за участков земли превратили высокогорья в арену войн. Изоляция и пересеченная местность создали здесь самые раздробленные в мире общины. «Мы думали, кроме нас и наших врагов, никого не существует», — сказал в 1980-е годы старейшина племени кеговаги ученому-интервьюеру, когда его попросили вспомнить о жизни до контактов с внешним миром¹¹. Антропологов очень тревожило явно непродуктивное насилие, типичный метод общения соседних племен; степень этого насилия казалась беспрецедентной. Объяснения давались разные: источник протейна для воинов-каннибалов; «адаптивная» реакция на социальные нужды, такие как племенное единство; потребность осуществлять произвольно понимаемое правосудие; это насилие называли «порочным кругом, из которого нет выхода» — мрачным следствием традиции мщения, не знающей разумных границ, и проклятием культуры, в которой молодые люди живут в общих помещениях, где процветает стадный инстинкт¹². Культуры высокогорий Новой Гвинеи не поддаются обобщению; здесь существует тысяча различных языков, и большинство местных жителей никогда не выходит за пределы своего племени, за исключением особых собраний для обмена невестами; но у всех племен существует общая система ценностей, в которой страсть ведет к контактам, а горе утоляется насилием¹³.

Судя по знаменитому среди антропологов инциденту, такие же мрачные тенденции в культуре зафиксированы у охотников за головами племени илонгот в Ренато-Розальдо:

«гнев, рожденный печалью, — сказали местные жители ученому, — заставляет человека убивать, потому что ему нужно место, «куда поместить свой гнев»¹⁴. Насилие ради насилия ценилось гораздо выше, чем нам хотелось бы думать. Среди охотников за головами племени дживаро в Эквадоре постоянную атмосферу ужаса поддерживает вездесущий культ мести. В молодых людях искусственно вызывают порывы к самоубийству, для чего их кормят галлюциногенами, а войны с соседями не имеют ничего общего с территориальными претензиями, потому что дживаро презирают земли соседей¹⁵.

В результате возникает сложный, полный соперничества мир, близкий к «состоянию природы», каким его себе представляли устаревшие теории социальных контактов. Не совсем верно будет утверждать, что на высокогорьях Новой Гвинеи рука каждого человека поднята против соседей; но непрерывное, технически неизобретательное насилие крошечных общин, направленное друг против друга, заставляет считать эту цивилизацию неудовлетворительной, не способной обеспечить безопасность жизни, необходимую для уверенности в будущем. После грандиозного прорыва к всеобщему благу, сделанного девять тысяч лет назад, общины высокогорий Новой Гвинеи словно остановились в своем развитии.

Вот что происходит с народами, лишенными стимулов к дальним контактам. Горцам не приходилось отражать вторжения захватчиков, у них не было обмена идеями с партнерами по дальней торговле, не было потребности в усовершенствовании технологии, не было соперничающих цивилизаций. То, что горцы оставались почти неизвестными цивилизациям с равнин (см. выше, с. 336), вероятно, есть одно из следствий изолированности их окружения. Поэтому высокогорные цивилизации лучше классифицировать по степени их изолированности, чем по высоте местности или по другим внутренним характеристикам среды их обитания. Если Новая Гвинея представляет случай крайней изоляции, великие высокогорные цивилизации Африки находятся посередине шкалы: недоступность высокогорий здесь смягчает существование узких коридоров, дающих доступ к морю.

Затруднения в Африке

В XIX веке европейские империи захватили почти всю Африку к югу от Сахары. Одно из оправданий, которые обычно выдвигали империалисты, заключалось в том, что они несут цивилизацию людям, не способным достичь ее самостоятельно. Африку называли «черным континентом», поскольку большая ее часть не была нанесена на карты и о ней не было письменных сведений. Применительно к регионам южнее Сахары это определение значило также «непросвещенная» — обреченная навечно пребывать в темноте и невежестве, рассеять которые способны лишь пришельцы.

Справедливо, что многие африканские окружения враждебны цивилизации в традиционном смысле. Пустынные и полупустынные пространства занимают почти весь север, северо-восток и юго-запад континента. На западе, в районе сильных дождей, все занято густым лесом. Внутренние контакты здесь очень затруднены. Внутренняя поверхность, поднятая древней эрозией, резко спускается к нижним плато; продвижение по рекам, кроме Нила, невозможно из-за водопадов и порогов. Повсеместно распространены болезни. На протяжении всей «письменной» истории этот регион остается эндемическим очагом малярии.

Тем не менее цивилизация способна преодолеть — по крайней мере временно — почти любые препятствия, создаваемые природой. Например, на западе Африки замечательные образчики создания государств, городского образа жизни и технических знаний возникли самостоятельно, без помощи извне. Дженна на Нигере была городским центром примерно в 400 году н. э., когда еще не известны никакие культурные контакты через Сахару. Вскоре после этого Ифе, в местности, удаленной от самого глубоководья Гвинейского залива, стал центром металлообработки, особенно бронзы и меди. В 1154 году в Сицилии географ аль-Идриси писал о прошлом Судана как земли знаменитых городов. Царства Гана в XI и Мали в XIV веках оба проложили маршруты торговли золотом по Нигеру до самого Средиземноморья и приобрели блестящую репутацию среди европейцев и арабов. Цари Мали строили дворцы и мечети из кирпича и нанимали

поэтов из Андалусии. Восхищавшие европейцев образы черных царей эпохи Средневековья: роскошно одетые монархи, заполняющие иллюстрированные карты Африки, или процессии черных волхвов, поклоняющихся Иисусу, на картинах художников, — не плоды фантазии, но отражение реального, хотя и несовершенного знания о великолепии этих богатых золотом дворов (см. выше, с. 131, 134).

Но самые перспективные среды Африки южнее Сахары располагались на высокогорьях на востоке континента. Плоскогорья Уганды, а также Руанды и Бурунди пригодны для земледелия и поддержания жизни густого населения, хотя, вероятно, слишком изолированы для создания сложных уровней материальной культуры; как и Новая Гвинея, которую они напоминают своими условиями, они также не подходили для длительных экспериментов по созданию крупных государств, хотя и в меньшей степени. Более благоприятные условия складывались в районах, имеющих доступ к морю, особенно на плоскогорье между реками Лимпопо и Замбези, а также на Эфиопском нагорье, где и были достигнуты наиболее впечатляющие и устойчивые результаты.

На Зимбабвийском плато наибольшее впечатление производит Великий Зимбабве; грандиозные руины этого поселения всегда вызывали недоверие у поборников превосходства белого человека, утверждавших, что африканцы не способны к творческому созиданию. Португальский историк середины XVI века Жоао де Баррос рассказывает об этих руинах со страхом и благоговением: «они обладают грандиозным величием», и «симметрия их стен, размеры камней и колоннад — все это совершенно». Но он же с презрением отзывается о предположении, будто это результат местного строительства: «Сказать, как и кем построены эти здания, невозможно, потому что у жителей этой местности нет никаких традиций такого рода и нет письменности; сами они считают это работой дьявола, потому что, сравнивая развалины с другими сооружениями, не могут поверить, что их мог сделать человек»¹⁶.

На самом деле «зимбабве», или «места, обнесенные оградой», между XII и XVI веками были распространены политическими центрами к югу от реки Замбези. Не только

Великий Зимбабве — грандиозные поселения раскопаны в Манквени и Чумнунгва¹⁷, к югу от реки Саби, а остатки других подобных центров разбросаны по всей местности. Время их расцвета — XV век, когда строились каменные здания с вентиляцией, а питавшуюся говядиной элиту хоронили с золотыми украшениями, изделиями из железа, большими медными слитками и китайским фарфором, привезенным через Индийский океан. Традиция преуменьшения, вероятно, отчасти представлена в продолжающемся споре о том, можно ли классифицировать Великий Зимбабве как город: почти невозможно избежать статуса, который традиционная историография закрепила за городским образом жизни как за предпосылкой к существованию других показателей превосходства. Но был ли Великий Зимбабве городом или не был, он часть цивилизации: с монументальными зданиями, с торговлей на большие расстояния, с экономической специализацией и развитыми технологиями.

Баррос и последующие европейские комментаторы оплакивают заброшенность этих поселений, но она означает не исчезновение или закат общества, а перемещение центра тяжести. Это перемещение традиционно связывают с военной кампанией во второй четверти XV века, проведенной вождем племени розви Нятсимкой Матотой, который завоевал середину долины Зимбабве — пограничную территорию на северном краю Зимбабвийского плато, богатую тканями, солью и слонами. Правитель принял титул Мвене Мутапа, или «господин завоеванных народов», и этот титул был перенесен на государство. В середине XV века завоевания распространяются на восток, к побережью, и соответственно меняются торговые маршруты¹⁸.

Те, кто в XVI веке путешествовал по Мвене Мутапа, обычно плыли по реке Замбези до ее слияния с Мазое, откуда оставалась пять дней пути по долине Мазое до торговых ярмарок, где можно было купить золото Мвене Мутапа. К этому времени империя занимала всю территорию, какую хотел ее правитель. Границы на севере и юге защищали реки, населенные мухами цеце. На западе раскинулась пустыня Калахари, а на востоке природную преграду образовали горы Иньянга. Возможно, именно грозные природные препятствия

на границах Мвене Мутапа спасли это государство. Самое серьезное нападение португальцев в 1571—1575 годах было отбито и завершилось заключением торгового соглашения. Португальские авторы, ни во что не ставившие другие африканские государства, восхищались Мвене Мутапа, отождествляя его с царствами сабеев и Офиром. Репутация экзотики и роскоши подкреплялась рассказами об амазонках, составлявших гвардию правителя, и о росписях, на которых изображались большие армии и элита на слонах. В течение примерно половины века, начиная с 1638 года, португальские миссионеры и авантюристы непрерывно находились при дворе правителя, и золото Зимбабве стало важным источником питания для все расширяющейся торговой сети португальцев в Индийском океане. Поэтому империя выжила; она никому не покорилась, а просто увяла: составлявшие ее общины становились все более самостоятельными и (особенно в XVII веке) часто попадали в руки «людей, желавших стать королями», — португальских головорезов, которые «становились туземцами» и создавали собственные надель¹⁹.

Горы Расселас: цивилизация Эфиопии

Археологи все еще склонны преуменьшать достижения культуры Зимбабве и Мвене Мутапа. Однако невозможно сомневаться в высоком — по традиционным критериям — статусе собственной цивилизации Эфиопии. В последнее время Эфиопия, земля революции, непрерывного насилия, партизанской войны и «библейского голода», столь свирепого, что в 1984 году он вызвал сочувствие всего мира, — эта Эфиопия пользуется незавидной славой. Но в Йехе и Метаре и сегодня можно увидеть датируемые V веком до н. э. остатки цивилизации, которую египтяне считали равной своей.

Добраться сюда очень трудно. Географу X века Ибн-Хакалу Эфиопия казалась «огромной страной без определенных границ» и землей, недоступной из-за окружающих пустынь и заброшенности²⁰. Когда в 1520 году прибыло первое португальское посольство, подъем на высоты поразил участников; у португальского отряда, отправленного в 1541 году

для защиты высокогорий от вторгшихся мусульман, подъем занял шесть дней «по очень неровным дефиле», где пушки приходилось тащить на спине, потому что «груженные верблюды и мулы не могли пройти»²¹.

По уцелевшим археологическим данным очевидно, что подъем к величию Эфиопия начала в первом веке н. э. в Аксуме, на участке самого высокого плоскогорья, 7200 футов, примерно на полпути между реками Мереб и Такеззе, где температура никогда не меняется больше чем на несколько градусов²². Экономическая основа великолепия этой цивилизации до сих пор неизвестна. Мы считаем Аксум торговым государством, потому что так считал внешний мир и в частности так его описывали греческие источники. В «Периплусе Эфиопского моря» это государство названо источником слоновой кости и обсидиана; примерно в то же время Плиний называл его источником всех экзотических товаров Черной Африки: носорожьего рога, шкур бегемотов, черепаших панцирей, обезьян и рабов. Пятьсот лет спустя греческий путешественник сообщает о торговле с внутренними областями, которая обогатила Аксум золотом. В погребениях Аксума найдены товары издалека: из Китая и Греции. Частое использование греческого письма наряду с местным гезским языком и алфавитом свидетельствует о наличии космополитической общины, которая вначале была преимущественно купеческой. Товары уходили во внешний мир — в Средиземноморье и Индийский океан — через порт Адулис на Красном море или — в более поздние времена — через Массаву или Зейлу. Высокогорье господствовало над длинной горной долиной, ведущей на юг и богатой золотом, цибетином, рабами и слоновой костью.

Однако коридор, ведущий в Адулис с высокогорья, был узким. Навигация в Красном море — дело трудное и на протяжении большей части истории оставалось прерогативой местных капитанов, знатоков своего дела. Более вероятно все-таки, что торговля для империи была побочным занятием и государство существовало не только ради нее.

Ручка веялки в руках доаксумского бога высокогорий и колосья пшеницы, изображенные на аксумских монетах, могут указывать на возможную основу государства: оно воз-

никло на высокогорных террасах, засеянных просом и черным местным злаком, тефом, с такими мелкими зернами, что «десять зерен равны одному горчичному зернышку»²³. Или основой его существования стали почвы долины, вспахиваемые быками и орошаемые из горных ручьев с помощью дамб из обработанного камня. Здесь можно было снимать два или даже три урожая в год. В надписях перечисляются такие виды пищи, как пшеница, пиво, вино, мед, мясо, растительное и животное масло²⁴. Выращивание кофе и проса, с древности традиционных для Аксума, делает эфиопскую цивилизацию уникальной; в городе Аксуме уже на заре нашей эры могли жить мастера и ремесленники, о чем свидетельствуют найденные резцы для обработки шкур и слоновой кости²⁵.

В традиционной эфиопской литературе садоводческое искусство считается признаком святости или царского происхождения. Пустошь Святого Пантелеймона была высоким холмом без деревьев и воды, а которую святой сочетанием труда и чудес превратил ее в орошаемый сад²⁶. Святой Аарон, славный чудесами, в XIV веке насадил поливные оливковые рощи²⁷. Во многих хрониках отмечается царское деяние — закладка сада цитрусовых. Например, в конце XV века Баэда Мариам заложил много плантаций цитрусовых деревьев, виноградников и сахарного тростника на новой границе государства на востоке и юго-востоке²⁸. Посадки и орошение были лишь одним аспектом, правда, самым важным, более общего предприятия: покорения враждебной природы. В знаменитом инциденте XIII века святой Язус Моа чудесным образом разжал челюсти крокодила, укусившего царя Йекуно Амлака²⁹.

В эфиопской истории есть постоянные темы, которые можно проиллюстрировать эпизодами любого периода. Однако самый поразительный аспект истории цивилизации города Аксума относится к сравнительно ранним временам. Памятники Аксума отличаются величиной: от прекрасно выделанной шкатулки из слоновой кости, от примеров технологически изобретательной работы по металлу до огромных квадратных усыпальниц с кирпичными арками и сложного мавзолея с десятью галереями, ведущими в центральный коридор. Наиболее поразительные памятники — три огромные

стелы, каждая из куска местного гранита, две из которых все еще на месте. Одна стела в 1930-е годы, во время итальянского вторжения, была увезена в Рим как трофей жадного и безвкусного империализма Муссолини. Третья стела в законченном виде достигала ста футов в высоту и весила почти 500 тонн. Она массивнее любого египетского обелиска — вообще массивнее любого искусственно изготовленного монолита.

Чтобы представить себе город в дни его величия, нужно не просто воссоздать и воздвигнуть в сознании эти замечательные камни, в некоторых случаях имитирующие многоэтажные здания и украшенные резными изображениями ястребов и крокодилов, но и добавить четырехэтажный царский дворец и усеять церемониальный центр возвышениями для тронов из чистого мрамора, покрытых надписями; об этих тронах рассказывают посетители города начиная со второго века н. э. Между ними должны были быть расставлены золотые, серебряные и бронзовые статуи, потому что о них рассказывают посетители древнего города и о них же говорится в царских надписях.

На эти надписи, выгравированные на небольшой стеле, мы опираемся при изучении политической истории Аксума. Несколько столетий город молчит; затем в начале IV века камни вдруг начинают говорить. Царь Эзана стал записывать сведения о своих войнах, о своей милости и жестокости по отношению к пленным: указывалось точное количество мужчин, женщин и детей, убитых или поработанных в войнах; тщательно подсчитывается добыча — крупный рогатый скот и овцы; перечисляются клятвы покорности, принесенные завоеванными; количество зерна, мяса и вина, полученных в качестве дани; расположение карательных отрядов в отдаленных частях империи, куда ссылали побежденных; подношения в виде статуй и земельных наделов, сделанные богам в ознаменование побед.

Это была хищная и кровожадная, но в некоторых отношениях и возвышенная тирания. Документы Эзаны полны заявлений о благе народа и о монаршем долге перед народом. Время шло, и в записях о войнах все больше места уделяется их оправданию. Враги «напали на наш караван и уничтожили

его, после чего нам пришлось взяться за оружие»³⁰. Царь города Мероитес испытал всю тяжесть правосудия Эзаны только после того, как был обвинен в хвастовстве, нападениях, нарушении договоров и отказе торговать — «он не стал меня слушать... и сыпал проклятиями»³¹.

Эти все более настойчивые оправдания почти несомненно связаны с проникновением в царское окружение христианства. Римский император Константин принял христианство в 320-е годы, возможно, даже в 312 году, когда, по преданию, перед битвой на Мильвианском мосту ему было видение креста. Эзана, чье правление совпадает во времени с правлением Константина, последовал его примеру, вероятно, в середине столетия³². Ранее он, согласно обычаю предков, называл себя «сыном Махриба» — бога войны, который в греческих переводах с гезского приравнивается к Аресу. Неожиданно эти утверждения исчезают, и теперь царь ведет войны во имя «Царя Небесного и земного», которому обязан своим престолом. Постепенно осознание царем своего места в мире все больше определяется теологией, а это свидетельствует о том, что надписи стали делать христианские священники. «Во имя Бога и силой Отца, и Сына, и Святого Духа, — читаем на его последнем монументе, — я не могу рассказать о Его милостях, потому что мой дух и мои уста не в состоянии передать все, что Он сделал для меня... по моей вере в Христа Он сделал меня повелителем царства»³³. Принадлежавшие дохристианскому культу стелы теперь, когда началась долгая история Эфиопии как оплота христианства, были опрокинуты и брошены. Отныне артистические и архитектурные традиции языческого Аксума стали производить христианские памятники. В старом соборе святой Марии Сионской в Аксуме, где здание по сей день стоит на первоначальном фундаменте, можно еще разглядеть фрагменты кладки святилища, построенного в IV веке царем Эзаной.

Для Эфиопии принять в IV веке христианство означало стать частью растущей общей культуры Ближнего Востока, разделить религию многих греческих и индийских торговцев Индийского океана и вершины треугольника новых христианских государств Византии, Армении и Эфиопии. Перспективы царства с новыми возможностями торговли и паломни-

чества расширялись. Однако ничто не могло преодолеть географической изолированности Эфиопии: даже в период самых интенсивных контактов с римским миром здесь возникали своеобразные, особые черты культуры. Ее священников назначали в Александрии, столице — в самые критические времена — ереси монофизитов, которые недооценивали человечность Христа и считали его исключительно божественным; когда во второй половине V века в Римской империи монофизитов начали преследовать, Эфиопия приняла самых известных из них, и с тех пор существование эфиопской церкви как особой ветви христианства стало неизбежным³⁴.

Сумей Эфиопия покончить со своей изолированностью, она, подобно Риму и Персии, могла бы претендовать на статус империи со всемирными притязаниями. Такая возможность широко признавалась. В VIII веке воспоминания об Эфиопии все еще сохранялись и таили в себе очарование и престиж: на стене дворца калифа в Иордане царь Аксума изображен рядом с византийским и персидским императорами и вестготскими монархами³⁵. Завоевательный поход царя Калеба в Южную Аравию в начале VI столетия мог выражать именно претензию на такой статус; но честолюбие царя ничем не было подкреплено. К этому времени традиция делать на камне записи о царских победах прекратилась; на Эфиопию опустился «темный век»; события этого времени, при современном состоянии знаний, не восстанавливаются. Эфиопия, которая играла периферийную роль в истории классического мира, оказалась полностью вовлечена в его падение. Ее цивилизация не была бесследно стерта с лица земли, как персидская; ее государство не разрушилось, как Римское; однако Эфиопия стала жертвой таких же факторов: нападения «варваров», требовавших своей непомерной доли плодов цивилизации, прекращения роста городов, территориальных уступок, вызванных подъемом ислама и арабскими завоеваниями.

Все эти феномены в VII столетии усилили изоляцию высокогорья. К IX веку Эфиопия превратилась в осажденную империю, почти полностью окруженную врагами. Монументальное строительство как будто полностью прекратилось. Осуществлять политический контроль из центра стало трудно или невозможно. Давление кочевников, проникавших с

севера, заставило многие семьи переселиться южнее. Мы читаем о таинственных дьявольских правительницах, которых позднейшие летописцы вспоминают как чудовищных и гадких; в X веке они захватили власть и осквернили святыни; они представляются олицетворением противоестественного и скандального хаоса демонического происхождения³⁶. «Бог разгневался на нас, — приказал записать беглый царь. — Мы стали бродягами... Небеса больше не посылают дождь, и земля больше не дает нам плодов»³⁷.

Природные факторы, сыгравшие свою роль в закате и новом возрождении Эфиопии, нелегко установить: литературные свидетельства сводятся к реваншу язычества и последующему восстановлению христианства. Переезд двора из Аксума кажется по крайней мере понятным в контексте увеличившихся в «темные» века трудностей фермеров: холмы обезлесели, лес срубили на дрова и древесный уголь; почва истощилась из-за слишком интенсивного использования; эрозию усилили сильные дожди, которые в VIII веке, кажется, даже затопляли здания³⁸. Многие склоны вообще лишились почвы вплоть до каменной основы. Ниже старых вулканических холмов некогда плодородная почва превратилась в пыль³⁹. Аксум так и не вернул себе своего древнего величия: центр тяготения государства переместился на запад или на юг; но Аксум оставался священным городом и, как магнит, притягивал царей, стремившихся к легитимизации: здесь обычно проводились коронации, а в хорошие времена под царским покровительством восстанавливались храмы.

Однако в XII веке единство было восстановлено, экспансия возобновилась и началось умеренное возрождение, который позволяет нам подхватить нить исторического повествования и вплести ее в общую ткань местностей и образов. XII век был временем внутренних крестовых походов, пример которых — неустанные паломничества святого Таклы Хейманьота, который обращал в христианство, свергал идолов и из «дьявольских деревьев» строил храмы⁴⁰. Кажется, в это время родилась идеология «священной войны»; она появилась в готовом виде после долгого созревания: определение Аксума как «питомца Сиона» и его царей как «детей Соломона» приписывается позднейшей традицией дьякону

Яреду, современнику и сподвижнику святого Григория Великого, который создал и гармонизировал песнопения эфиопских монахов⁴¹.

В конце XII и в начале XIII веков эфиопские цари, считавшие себя наследниками Соломона и хранителями Ковчега Завета, покупали строительные материалы в Египте и платили за них золотом. Царь Йемрехана Крестос построил названную его именем большую церковь, которая сохранилась до наших дней. В Зиквале, близ современной столицы, монах по имени Джебре-Менфас-Кведдис поселился на горной вершине и оттуда взывал или читал проповеди окрестным мусульманским и языческим племенам. В скалах Лалибелы начали с геометрической точностью возникать монастырские храмы. Царь, чьим именем названа эта местность и кто, как полагают, построил большинство церквей, подобно другим правителям своей династии, в памятниках того времени не упоминается; эти записи погибли в последующих войнах или, по мнению некоторых ученых, были сознательно уничтожены следующей династией. Их деяния нельзя было фиксировать в записях, пока правили те, кто лишил эту династию престола. Поэтому дальнейшие записи о царе Лалибеле почти бесполезны для оценки его подлинной жизни и поведения, зато передают представление о некоторых постоянных ценностях этого общества и высокую оценку архитектуры мира Лалибелы. Например, подчеркивание личной красоты царя, «с головы до пят без изъянов», есть следствие архитектурного совершенства шедевров, приписываемых этому царю. Рассказы об ангелах, которые работали на стройке невидимыми каменщиками, свидетельствуют о превосходном мастерства. Подчеркивание наемного труда при строительстве вдобавок к деятельности ангелов — следствие отрицания рабства и подневольного труда; все это часто встречается в записях эфиопских монахов. Но прежде всего легенда о том, что царь Лилабела узрел небесное видение и потом постарался воплотить его на земле, роднит его с универсальным цивилизующим порывом: преобразовать природу, чтобы она соответствовала картине совершенства, созданной сознанием. Для приверженцев эти церкви означали благородное расширение искусства возможного, вызов практичности мира. По-

казав, как выглядят церкви на небесах, Бог сказал Лалибеле: «Я делаю тебя царем не ради преходящей славы этого мира, но чтобы ты мог построить такие церкви, какие видел... Ты достоин перенести их в глубины земли моей властью, но не мудростью человеческой, ибо моя мудрость отличается от людской»⁴².

Загве — так именовались цари этой династии — никогда не чувствовали себя на эфиопском троне уверенно и комфортно. Они происходили из племени авга, говорили на одном из кушитских языков и, вероятно, рассматривались элитой метрополии, родными языками которой были амхарский и гезский, как чужаки и захватчики⁴³. В то, что они потомки Соломона, также не верили. Их соперники гораздо лучше использовали веру Эфиопии в то, что она прямая наследница «сабейского царства» или «новый Израиль». Во второй половине XIII века появилась династия, действительно именовавшая себя Соломонидами и считавшая себя законными наследниками царей Аксума.

В 1270 году династия Соломонидов захватила власть и восстановила имперское единство высокогорья. Империю создали ради войн, ее двор превратился в армию, а столица — в военный лагерь. Монастыри Дебра Хайк и Дебра Либанон, а также малый мир религиозных общин островов озера Тана стали школами миссионеров, которым предстояло укрепить власть Эфиопии в завоеванных языческих землях Шоа и Годжам. Главной целью эфиопской политики стал новый короткий путь к морю через Зелию вместо долгой северной дороги к Массаваху: вначале доступ достигался набегами, а потом, после завоеваний негуса Давита в 1403 году, стал постоянным. К этому времени власть Эфиопии простиралась до долины Рифт к югу от верховий Авоша. Те же источники богатства позволили двору погрузиться в роскошь. В 1520 году португальское посольство сообщает о «бесчисленных шатрах», которые перевозят пятьдесят тысяч мулов, о присутствующей на аудиенции толпе в две тысячи придворных, о лошадях с плюмажами и с попонами из тонкой парчи⁴⁴.

Но по мере увеличения границ защищать их становилось все труднее. Когда в 1520-е годы имам Ахмад ибн-Ибрахим поднял племена Аделя на священную войну, оборона Эфио-

пии рухнула с ужасающей внезапностью. Арабский летописец, утверждающий, что сопровождал экспедицию, ярко изобразил падение монастырского комплекса Лалибелы 9 апреля 1533 года:

Шел дождь. Имам всю ночь продвигался вперед, ускоряя шаг. Сильный холод погубил многих солдат. Но вот они добрались до церкви. Здесь собрались монахи, решившие умереть на этом месте. Имам увидел церковь, какой никогда не видел раньше. Она была вырублена в горе; столбы ее были из цельного камня. Не было ничего из дерева, кроме икон и гробниц.

Обычно имам подносил к церкви факел, и «монахи бросались в огонь, как мотыльки на пламя лампы». Но здесь нечему было гореть. После обмена вызовами между мусульманами и христианами Ахмад «предал все их реликвии мечу, сломал каменные статуи и забрал все золотые сосуды и шелковые ткани»⁴⁵.

За следующие десять лет борьбы империя восстала из пепла, проведя успешную, но крайне тяжелую контркампанию. Однако, вплоть до самого конца XIX века она никогда больше не достигала прежнего величия. Проблемы порождало не только давление ислама. Пресечь менее заметное, но более повсеместное проникновение южного племени галла оказалось труднее, и оно имело долговременные последствия. Началось оно примерно в период нападения Ахмада и продолжалось в течение нескольких тридцатилетий. Современники, свидетели поражения мусульман, утверждали, что не знают, как отразить галла. Монах Бахрей в конце XVI века задает вопрос: «Как могли галла победить нас? Ведь мы многочисленны и хорошо вооружены». Его ответ напоминает жалобы, часто звучащие в цивилизованных обществах с их огромными классами военных специалистов, беспомощных во время войны. Монах жалуется: священники «изучают священные книги... и притоптывают во время богослужения, — любопытная характеристика шумных литургий, которые в те дни нравились эфиопам, — и не стыдятся своего страха пе-

ред походом на войну... Среди галла, напротив... все мужчины, от малого до старого, умеют воевать, и потому побеждают и убивают нас»⁴⁶. Эфиопия выжила, потому что отказалась от наиболее дорогих преимуществ цивилизации — монументального строительства, содержания многочисленной интеллектуальной элиты, и потому что умерила свои имперские амбиции. Такая стратегия привела к раздробленной системе правления, которую западные историки часто сравнивают с феодализмом; при этом элита была разъединена, а имперская власть слаба.

Эфиопская цивилизация иллюстрирует одновременно силу и слабость высокогорной родины. Она способна прокормить себя, отразить захватчиков и пользоваться слабостью окружающих народов, заставляя их платить дань или торговать на невыгодных условиях. Но изоляция подобного места имеет тенденцию становиться абсолютной; государство в состоянии поддерживать претензии элиты, только когда оно открыто для торговли или способно использовать торговлю к своей выгоде. Отрезанная от Красного моря — или когда торговля на Красном море переживала кризис, или когда товары из долины Рифт стали уходить к морю по маршрутам, контролируемым врагами, — эфиопская цивилизация потускнела.

Высокие дороги цивилизации: общий обзор азиатских торговых маршрутов

Перекрестки обнаруживаются случайно и приобретают значение благодаря большому количеству проходящих через них товаров. Дороги существуют ради своих конечных пунктов, но собственно их протяженность нередко становится наиболее часто посещаемой их частью. Цивилизации, возникающие вдоль дорог, преодолевают свою изоляцию с помощью иноземных продуктов, дальних влияний и дани, которую собирают с богатства других народов. Их характеристики определяет переплетение влияний и самостоятельности, что демонстрируют Иран и Тибет. Оба эти района представляют собой высокогорные дороги: караванам приходилось

уходить в горы, чтобы обогнуть пустыни. Оба района стали родиной грабительских империй; в их культуре отразилось влияние народов, за счет которых эти цивилизации существовали. Однако обе эти империи, каждая по-своему, демонстрируют, что и высокогорья могут быть креативными и проводить в жизнь новые инициативы — новые решения проблем экологии, новые способы смотреть на мир с большой высоты.

В некоторых отношениях создание иранской цивилизации было классическим случаем перенесения традиций низин на высокогорья⁴⁷. Ограбленные и изнасилованные целым рядом завоевателей, цивилизации аллювиальных долин месопотамской низины (см. ниже, с. 274–278) постепенно поднимались вверх по рекам в северные холмы, уносимые, словно трофей, вначале аккадцами, затем ассирийцами. Создание древней цивилизации Ирана было этапом все того же процесса насильственного перемещения на север, на еще более высокое Иранское плато. После падения в VII веке до н. э. Ассирийской империи район, который ранее занимали месопотамские цивилизации, стал краем империи Ахеменидов, профессиональных завоевателей и сборщиков дани. Их родина лежала высоко, на том месте, которое сегодня называется Ираном, однако в качестве административного центра своего государства они использовали Сузу, древний эламский город на границе Месопотамского мира.

Эти достижения традиционно приписываются Киру Великому, чьи военные походы в середине VI века до н. э. охватывали территорию от Палестины до Гиндукуша, предвосхищая границы, которых достигнет Персидская империя. Исаяя называл Кира помазанником Божьим, потому что тот восстановил Храм в Иерусалиме.

Кто воздвиг от востока мужа правды, призвал его следовать за собою, предал ему народы и покорил царей? Он обратил их мечом его в прах, луком его в солому, разносимую ветром⁴⁸.

Этот жест по отношению к евреям типичен для непредубежденной политики, которая сделала родину Кира котлом,

где смешивались влияния разных цивилизаций. Свои эклектические вкусы в культуре Кир передал своим наследникам.

Город Персеполь был основан Дарием, величайшим из наследников Кира, правившим с 522 по 486 годы до н. э. Под оболочкой нового, отчетливо оригинального стиля заметны влияния ассирийцев, египтян и греков. Однако до того, как Дарий принял решение быть погребенным здесь, Персеполь был отдаленным поселением; построенные персами дороги сделали его доступным. Почти 1700 миль дорог пересекли империю и превратили ее в мост между цивилизациями, который ранее был перекрыт грозными Персидскими горами; империя дотянулась от греческих городов на побережье Эгейского моря до индийского города Таксила за Индом. По дороге перевозили дань: рельефы Персеполя показывают самые разнообразные богатства, которые привозили «великому царю», включая слоновую кость и золото, антилоп и окапи. Однако и отдаленные субъекты получали выгоду от персидского правления: канал связал Нил с Красным морем, в Оксусе и Каруне проводились ирригационные работы, крепости за Кавказом не подпускали степных кочевников.

Иран стал перекрестком дорог и богатой сокровищницей; здесь собирались и накапливались идеи и влияния со всего мира; но это была не просто цивилизация подражателей, создающая только имитации; не был Иран и просто получателем награбленного, которое хранил в своем логове в горах. Его история свидетельствует и о том, что высокогорья могут стать родиной независимой цивилизации. Наиболее яркой отличительной чертой этой цивилизации стала ее религия, персидский взгляд на мир, названный в честь своего легендарного основателя зороастризмом. Жизнь самого Зороастра обычно, хотя без особых оснований, относят к концу VII и началу VI столетий до н. э. Дата создания или возникновения религии, которая носит его имя, неизвестна, но с основания династии Ахеменидов и до окончательного падения империи в VII веке н. э. зороастризм был ее государственной религией. И хотя впоследствии эта религия преследовалась, среди народов иранского происхождения она распространена до сих пор.

Учение Зороастра сохранилось настолько неполно, в таком искаженном и запутанном виде, что уверенно реконст-

руировать его невозможно; вероятно, оно было последовательно монотеистическим⁴⁹. Однако в том виде, в каком учение сохранили его последователи, религия зороастризма основана на принципе — хотя сам этот термин потерял ясность из-за использования в самых разных контекстах — дуализма: мир есть театр постоянной борьбы божественных сил добра и зла. Единое милосердное божество Ахура Мазда представлено огнем и светом, и обряды его почитания обращены к рассвету и разжиганию огня. Дарий представлял себе этого бога как небесного хранителя, покровительственно простершего крылья — на скальном царском рельефе — над царским двором и заставляющего врагов покориться.

Гимны Зороастра становятся понятными в суровом окружении Иранского плато. Они восхваляют пастухов и земледельцев как последователей «истины», а их кочевых противников провозглашают последователями «лжи», обвиняют их в уничтожении посевов и скота⁵⁰. На изображении жертвоприношения быков в соперничающей религии — поклонении богу войны Митре — потоки крови превращаются в колосья пшеницы. Это свидетельствует о трудном пути к изобилию на сухом плато, не пересеченном крупными реками; о том же говорят рассказы Ксенофонта и Геродота о «садах» деревьев, полных дичи, и легенда, которой, очевидно, верили в Греции, о том, что Ксеркс хотел завоевать Европу, «потому что ее деревья столь прекрасны, что ими может владеть только великий царь»⁵¹. В сущности, Иран представлял собой архипелаг небольших участков хорошей почвы и драгоценной воды на обширном безводном плато: Рага с ее солоноватыми ручьями, пресными источниками и горными видами; Хамадан, долина с весенним изобилием воды, дающая хорошие фрукты, но плохую пшеницу; фарская долина Кур, самая богатая провинция древности; равнина Исфахана, обогащенная водой из Зайендеруда, весьма скромного ручья, прославленного в стихах; здесь с глубокой древности почву делали плодородной, собирая и распределяя голубиный помет; Луристан с его горным климатом и горными реками, поддерживавший жизнь большого древнего города Суза; узкие полоски хороших пастбищ и пригодных для орошения земель между горами и пустынями⁵².

Империя Ахеменидов была уничтожена Александром Великим, но ее величие восстановила и даже превзошла последующая династия Сасанидов. Первый шах Сасанид — Ардашир — пришел к власти в 226 году н. э., восстав против династии кочевого происхождения, так называемой парфянской. За предыдущие триста лет эта династия вновь объединила почти всю прежнюю имперскую территорию и в некоторых отношениях вернула ее первоначальный характер, борясь с греческим влиянием, унаследованным от Александра Македонского. Ардашир провозгласил себя наследником Ахеменидов. На большом рельефе, высеченном у гробницы предшествующей династии, он получает диадему — символ власти — от преображенного Ахура Мазды, спустившегося на землю и сидящего верхом. Сасанидское искусство, особенно в работах по серебру, слоновой кости и в скульптуре, расцвело под царским покровительством и благодаря царским заказам.

В отличие от парфян, предпочитавших западные регионы и Месопотамию, Сасаниды укрепляли свою родину на высокогорье Фар и за горами Загрос, строя здесь роскошные дворцы. Богатство искусства и просторных дворцов позволяет определить источник силы Сасанидов: господство на торговых маршрутах, соединяющих Средиземноморье с Индийским океаном, а также на шелковом пути.

С лежавшей на западе Римской империей Сасаниды почти постоянно враждовали; эта вражда символически отражена на знаменитом скальном рельефе, где изображено пленение римского императора Валериана у Ша Сапура; император униженно пресмыкается и молит. Однако обе империи и правителями и подданными рассматривались как божественно учрежденные и постоянные. Каждая сторона признавала в другой цивилизацию (в то время как все остальные народы низводились до ранга варваров). И казалось, ни одна не в состоянии превзойти другую. Такое равновесие, нарушавшееся войнами, которые становились все более яростными, окончательно рухнуло в VII веке. Соответственно ни одна из империй не смогла справиться с неожиданным подъемом арабов. Вдохновленные новой верой — исламом, арабы, проведя ряд беспрецедентных кампаний, последовавших за смертью Мухаммеда в 632 году, отняли у Рима некоторые самые богатые провинции и почти

полностью завоевали Персидскую империю. Последний шах династии Сасанидов пал в битве с ними в 651 году, после чего его империя вошла в новую цивилизацию ислама.

Взгляд вниз с Тибета

В определенном смысле Тибет сменил Иран: гораздо более высокое и неприступное плато, расположенное восточнее, примерно ко времени падения Ирана стало родиной империи, также прилегающей к евразийским торговым путям. Тибетское плато в среднем в три раза выше Иранского, но его история как высокогорного перекрестка почти точно повторяет историю предшественника. Однако если у истории Тибета был прецедент, то его экология беспрецедентна. У каждого человека в сознании сразу два образа Тибета. Первый — «ледяная земля», как называют свою родину сами тибетцы, земля смертоносных гор и пустынь, богатых содой и солью и населенных «отвратительным снежным человеком». Но высочайшая горная страна Земли, одна из самых суровых к обитателям, одновременно и родина «утраченного горизонта» — место, где осуществились мечты о Шангри-ла и где можно жить долго и мирно, если только не подпускать внешний мир⁵³.

Эти два контрастных представления о Тибете соответствуют двум реальным типам сред и двум аспектам высокогорной цивилизации, которые отразил — со ссылкой на собственную область — легендарный царь Шан-Шун: «Видимый извне, это неприступный склон. Видимый изнутри, это сплошное золото и сокровища»⁵⁴. Во всяком случае в плодородных долинах типа Лхасы Шангри-ла кажется вполне правдоподобной. В наиболее полном традиционном географическом описании местного происхождения расхваливается полумифический тибетский Эденеск, где существует благоприятнейший климат:

Гораздо выше окружающих стран, это район, в котором зима и лето, жара и холод не знают крайностей и где нет опасности голода, хищников, ядовитых змей, вредных насекомых, зноя и мороза⁵⁵.

Но богатые почвы и не чрезмерный холод встречаются лишь на узкой полосе на юге. Остальная территория непригодна для обитания или в лучшем случае хороша лишь для кочевников.

У Тибета есть самая устрашающая на свете природная защита — на севере и на юге это высочайшие горы Земли Гималаи и Кунлунь. На востоке, где плато понижается в сторону Китая, соседей удерживали на расстоянии горы меньшей высоты и пустыни. Когда Свен Хедин поднимался к Лхасе по проходам в 17 000 футов высотой между горными потоками, превратившимися в лед, его лучший верблюд погиб, застряв в замерзшей грязи, а «люди сбежали от нас, но почва под нами оставалась прочной»⁵⁶. Временами отчаянный зимний поход Фрэнсиса Янгхазбанда в Лхасу в 1904 году напоминал его участникам, когда они поднимались по «самому проклятому плоскогорью в мире», «скорее отступление французов от Москвы, чем наступление британской армии»; в этом походе погибли больше четырех тысяч яков⁵⁷. До середины двадцатого века требовалось восемь месяцев, чтобы добраться от Пекина до столицы Тибета. Самые ранние известные тибетские стихотворения и надписи воспевают именно неприступность и господствующее положение страны:

Это сердце земли,
огражденное снегом,
исток всех рек,
где горы высоки, а земля чиста,
О, как хороша земля, где люди рождаются
мудрецами и героями!⁵⁸

Тибет — это край, где начинаются реки, но через эту землю протекает только Брахмапутра. В ее долине, а также в меньших долинах верховий Сальвина, Меконга и Янцзы земледелие сегодня приносит урожай пшеницы, бобов, гречихи, корнеплодов, персиков, абрикосов, слив и грецкого ореха. В этих долинах земледелие может быть исключительно древним; но скорее всего в период своего зарождения оно кормило лишь очень небольшое, ограниченное местностью население.

ние. Тибетцы вспоминают свою землю как «место, поросшее травой и окруженное яками»⁵⁹. Во время предполагаемого возникновения первого тибетского государства, в VI веке н. э., китайцы описывали тибетцев как варваров, пастухов, которые «спят в нечистых местах и никогда не моют и не расчесывают волосы. Они не знают времен года. У них нет письма, и для записи они используют веревки с узелками и счетные палочки с зарубками».

Но подобные условия постепенно становятся все менее приемлемыми. После малопонятной сельскохозяйственной революции в пятом столетии н. э. ячмень становится основной культурой; его до сих пор едят в виде скатанных вручную колобков и пьют пиво на перебродившем ячмене. Ячмень создал экономическую основу тибетской цивилизации; последующее политическое развитие создало необходимую организацию. Как только продовольствие начали производить в больших количествах, холодный климат позволил создавать запасы, на которых и основывалось величие Тибета. Земля, где раньше с трудом могли прокормиться небольшие группы кочевников, теперь производила армии, способные совершать дальние переходы, ведя в обозе «десять тысяч» овец и лошадей⁶⁰.

О тибетских царях мало что известно до VII века н. э., но это были монархи-божества, «спускавшиеся со среднего неба высотой в семь звезд», согласно ранним стихотворениям. Поэты наделяли этих обожествляемых царей имперскими претензиями: Тибет они избрали в качестве места, откуда можно править «всеми землями под небом». Подобно всем царям-божествам, им предстояло быть принесенными в жертву, когда их полезность исчерпается, и самые близкие спутники умирали вместе с ними. Им не строили усыпальниц: предполагалось, что после смерти они возвращаются на небо.

В неизвестном году VII века эта система была заменена естественным правом царя. Теперь стали возможны длительные правления, стабильность и преемственность, и покойных царей стали хоронить в могилах под курганами. Первым таким царем, о котором сохранились лишь отрывочные свидетельства, стал Сонгцен Гампо, на чье правление с

627 по 650 годы приходится беспрецедентный рост силы Тибета.

Вопреки современному представлению о тибетцах как исключительно мирных людях и постоянных жертвах агрессии со стороны впервые они появляются в анналах истории в связи с войнами. Угроза, которую представляли армии Сонгцена Гампо, была столь велика, что Китай предпочел в 640 году откупиться от него невестой. В одной из пещер на шелковом пути в Китай сохранилось захоронение с документами, где приводится клятва верности, приносимая этому царю: «Я всегда буду исполнять любой приказ, данный мне царем»⁶¹. Однако на практике тибетский империализм, вероятно, имел форму сбора дани, а не прямого правления или строгого контроля⁶².

После правления Сонгцена Гампо его преемники на протяжении двухсот пятидесяти лет продолжали агрессивную внешнюю политику. Тибетские армии захватили Непал и вторглись в Туркестан. На столбе Зол, воздвигнутом в Лхасе до 750 года, рассказывается о кампаниях в глубине Китая. На западном фронте Тибет вопреки желанию Китая сотрудничал в 751 году с арабами в завоевании Ферганы, за Тянь-Шанем, там, где «три великих экспансионистских государства средневековой Азии — арабы, Китай и Тибет — соприкасаются»⁶³. Внешность некоторых царей отражена на портретах в главном храме Лхасы Джокан и в храме VIII века Юм-бубла-сганг. Цари кивают с фресок или величественно смотрят с резных изображений; но художники, делавшие эти портреты, скорее всего были буддистами, и герои их портретов, кажется, на полпути к нирване, далеко от военного лагеря, который в 821 году посетил китайский посол; он видел, как шаманы бьют в барабаны перед шатром, увешанным «золотыми украшениями в форме драконов, тигров и леопардов». Внутри, в тюрбане «цвета утренних облаков», царь наблюдал, как вожди собственной кровью подписывали договор с Китаем⁶⁴.

Однако китайские источники исключительно по традиции продолжают приписывать тибетским царям варварский облик. Вкусы царей становятся все более космополитическими. Десять из них, включая Сонгцена Гампо, погребены

под небольшими курганами в царском пантеоне в Чонгте (Phyong-rgyas), где им прислуживали «мертвые» товарищи — этих спутников покойных царей больше не приносили в жертву, но они содержались под стражей и ухаживали за подземными могилами без прямого контакта с внешним миром. В дошедших до нас фрагментах видны разительные перемены в культурных контактах: столбы, украшенные в индийском, центральноазиатском или китайском стилях, и стражник-лев, сделанный по персидскому оригиналу, на могиле царя IX века Ралпачана (годы правления 815—838). В правление Трисонг Децена, тибетского царя, современника Карла Великого и Гаруна аль-Рашида, на тибетский язык переводятся тексты с санскрита, китайского и языков Центральной Азии, главным образом буддийского характера, и начинают оказывать воздействие на тибетскую литературу⁶⁵. В стране появилось массовое ремесленное производство, плодами которого восхищались далеко за пределами Тибета: искусство тибетских мастеров упоминается в связи с золотыми механическими игрушками, которые были в качестве подарков отправлены ко двору китайского императора. Тибетская кольчуга снискала славу почти волшебной: например, в 729 году, когда тюркский вождь Су-лу осаждал Камар, арабские лучники, которые «могли попасть в ноздрю», попали в лицо вождю, но все их стрелы отскочили и лишь одна стрела из всего залпа пробила тибетские доспехи⁶⁶.

Правление Ралпачана было последним в период величия Тибета. В конце VIII и начале IX столетий целая цепь серьезных поражений, засвидетельствованная в летописях соседей на всех фронтах, свидетельствует о том, что Тибет перенапряг силы и в ключевых районах в своей обороне опирался теперь на покоренные народы. А когда эти народы начали восставать, распад государства оказался неизбежным. Последний договор на условиях формального равенства был заключен с Китаем в 823 году. Когда убийца Ралпачана, сменивший его на троне, Ландарма, был, в свою очередь, убит в 842 году, не нашлось наследника, чтобы продолжить династию. Царство распалось и погрузилось во тьму. На столетие исчезают монументальное искусство и литература.

«Возрождение» начала XI века связано с постепенным распространением и победой буддизма. Обстоятельства прихода этой религии из Индии известны лишь по легендам. Однако очевидно, что Тибет принимал буддизм не так решительно и быстро, как утверждают позднейшие источники. Хотя Сонгцен Гампо, вероятно, покровительствовал буддийским монахам и ученым, которые часто посещали его двор в свитах непальских и китайских принцесс из его гарема, он продолжал считаться царем-божеством.

Даже Трисонг Децен (годы правления 754—800), которого буддисты прославляют как образец благочестия, а противники называют предателем традиционной царской веры, называет себя в надписи в Чонгте божественным защитником старой веры и одновременно просвещенным сторонником новой. В 729 году он присутствовал на споре между индийскими и китайскими учеными, обсуждавшими вопрос о том, чьи традиции больше соответствуют буддийской дхарме. Победила традиционная точка зрения: душа должна восходить к Будде постепенно, небольшими шагами учения и доброты, воплощение за воплощением; китайский ученый отстаивал немедленное достижение совершенства путем мистического подъема на небо. Но споры эти были преждевременными. Тибет еще явно не стал буддийской страной, да и невозможно было навязать одну традицию в контексте распространения буддизма: действовали многочисленные миссионеры разных религий, основывались монастыри, приходили и уходили армии, распространяя идеи, как прибор бросает гальку; культура, включая религию, распространялась по путям торговых караванов.

Ко времени договора Тибета с Китаем в 821 году буддизм, однако, добился значительного прогресса. В договоре упоминаются как языческие, так и буддийские божества; предусмотрена — наряду с традиционными жертвоприношениями и обрядами смазывания кровью — и возможность для буддистов, участников переговоров, отметить их окончание посвоему. Говорят, царь Ралпачан был так набожен, что разрешал монахам сидеть на своих необыкновенно длинных волосах. Но после его смерти воцарилась реакция, и в следующем столетии буддизм уцелел в Тибете лишь в немногих местах.

Его главным соперником стала не прежняя религия, а новая, которая называлась «бон». О происхождении этой религии ничего определенного не известно, но исторические источники свидетельствуют, что это религия похожа на буддизм, даже во многом от него зависит. Высказывания великого мудреца Гьерпунга, представляющего бон, очень напоминают положения буддийских мудрецов: существование подобно сну, «верность есть бессодержательность», правда должна «превосходить звуки, и термины, и слова». Главное отличие как будто заключалось в отношении к Индии. Буддисты признавали, что их учение пришло оттуда, а сторонники бон возводили свою веру к земле на западе, которую они называли Таджиг (sTag-gzigs), а мистического основателя своей религии Шенраба считали истинным Буддой. Ритуальные различия сохранились и по сей день: в противоположность буддистам сторонники бон освящают место против движения солнца и священный знак свастики чертят наоборот⁶⁷.

В начале XI века под покровительством могущественных землевладельцев во все еще разделенной стране возобновил рост своего влияния буддизм. Началось интенсивное проникновение миссионеров из Индии, перевод текстов и основание религиозных общин. Искусство XI и XII веков отражает постепенный рост богатства покровителей и влияние индийского искусства, особенно в наиболее характерных формах — росписях и гробницах, известных как ступы. К XIII веку буддизм становится неотъемлемой частью Тибета; в соседних странах он клонится к упадку, но становится самой отличительной чертой тибетской цивилизации.

Всякий думающий о Тибете не усомнится в том, что буддизм стал его оригинальной особенностью, так же как его архитектура, язык, уникальное письмо, музыка, кухня и некоторые особенности традиций в живописи и скульптуре. Когда культурные традиции поднимаются в горы или спускаются на плато, они словно попадают в котел, где создается оригинальная смесь созидательной цивилизации. Тибет в отличие от Ирана и Декана не знал неоднократных завоеваний преобразующей силой. Преодолеть его восточные границы

относительно легче, и наступление китайского империализма стало неотъемлемой частью тибетской истории. Но с китайцами, как и с предыдущими имперскими хозяевами Тибета, монголами, отношения Тибета всегда были двусторонними, и, пока (уже в наше время) не было насильственно навязано правление Китая, Тибет категорически не принимал чужую культуру или контроль извне. Даже собственные имперские традиции оставались неизменными вплоть до XVIII века, нарушаясь лишь в моменты политического единства. Историю превращения Тибета из империи в «затерянный мир» можно рассказать коротко.

В 1206 или 1207 году, не восстановив политического единства, Тибет столкнулся с могуществом монголов, и настоятели монастырей, или «ламы», которые теперь коллективно принимали решения, решили этому могуществу подчиниться⁶⁸. В результате гнев монголов не коснулся страны. С 1244 года лама одного из самых могущественных монастырей Сакья становится по сути монгольским «вице-королем» и распределяет налоги в стране по приказам монгольского двора. Тем временем главы тибетских монастырей используют монгольских военачальников как наемников в борьбе друг с другом. В этот период буддизм на практике был далеко не мирной религией и армии монахов вели почти непрерывные войны. Как и во время европейских «религиозных войн», это была борьба за власть под прикрытием теологических разногласий. Движение Джо-нанг-па, которое попыталось соединить буддийский идеал самопожертвования с индийской брахманской доктриной самоосуществления, развязало священную войну, которая привела к гибели монастырей и сожжению книг.

Упадок монгольского государства в XIV веке позволил на короткое время восстановить единство старого Тибетского царства. Монах из монастыря Сакья Бьянг-чаб-гьяд-тшан, воспользовавшись преимуществами главы крупного монастыря, стал независимым военным правителем. К тому времени как в 1368 году рухнула монгольская империя в Китае, он сумел захватить большую часть страны и восстановить ее независимость. Однако в XIV и XV веках тибетское искусство благодаря торговым миссиям, которые могущественные

монастыри посылали за границу для развития торговли, усвоило китайские стили.

Политическое единство окончательно было восстановлено только во время возникновения нового религиозного ордена гелугпа. Этот орден в начале XV века основал Цонкапа, бескомпромиссно строгий реформатор, чью смерть ежегодно отмечают процессией с зажженными лампами; с этими лампами обходят вокруг гробниц и очагов. В отличие от наследственных лам, руководители ордена гелугпа, известные как далай-ламы, считались реинкарнацией своих предшественников — такой метод избрания заимствован из древней монастырской традиции. Парадоксально, но они же считаются последовательными реинкарнациями Авалокитешвары, небесного покровителя Тибета, в чью золотую статую в Лхасе перешла после смерти душа Сонгцена Гампо. К концу XVI века далай-лама возглавлял самое крупное религиозное движение Тибета.

В 1576 году третий далай-лама Соднам Гьяцо принял приглашение приехать ко двору самого могущественного монгольского вождя того времени Алтан-хана (1530—1583) (см. выше, с. 169), который хотел использовать буддизм в своих интересах: эта религия придавала его ханству, раскинувшемуся от северного изгиба Желтой реки до границы с Тибетом, характер, отличавший его от подчиненных государств на болотистой территории Китая⁶⁹. При правлении Алтан-хана и под духовным руководством далай-ламы, который вторично посетил ханство в 1586 году, здесь запретили человеческие жертвы и вообще сократили кровавые жертвоприношения всех видов. Было приказано сжечь онгоны — войлочных идолов, в которых жили духи предков (см. выше, с. 162), их заменили устрашающие статуи Махакалы, семирукого бога, защитника ламаизма. Такая радикальная трансформация не могла совершиться очень быстро. Новая религия вначале была аристократической модой, но в течение следующего столетия буддизм распространился в обществе и по всем не вполне очерченным границами монгольским пастбищам⁷⁰.

Новый союз с монголами дал ордену гелугпа вооруженную силу, в которой тот нуждался в опасном мире межмона-

стырского соперничества в Тибете. К 1656 году гелугпа разгромил другие ордены и всех мирских соперников. Под великолепным руководством пятого далай-ламы начинало казаться, что имперское величие древнего Тибета будет восстановлено. В горных монастырях, воздвигнутых в этот период, зарождалась новая агрессивная сила — впервые она намеренно проявляла себя во дворце-монастыре правителя в Портале, «большой скале», нависающей над Лхасой. Далай-лама принимал выражения покорности от делегаций из Непала, принудил к послушанию Ладак и тщетно пытался покорить Бутан. Но успех монастырского движения потребовал слишком больших средств и людской силы. В 1663 году существовало 1800 религиозных общин, в которых жили свыше ста тысяч монахов и монахинь; вероятно, в XVIII веке пятая часть мужского населения была связана с монастырями⁷¹.

Пятому далай-ламе по-прежнему поклоняются как повелителю-герою. На ежегодной масляной церемонии в монастыре Кумбум пилигримы поклоняются созданным им статуям и зданиям, воссозданным из масла⁷². Перед смертью в 1682 году он предусмотрительно выбрал себе мирского преемника, чтобы тот правил государством. Его любимый министр Сангджа Гьяцо был усажен на «широкий трон бесстрашного льва... как господин неба и земли»⁷³. Возможно, из-за «культурной несоизмеримости», но к своей явной выгоде он скрыл смерть далай-ламы, утверждая, что правитель находится в длительном духовном погружении. И в течение тринадцати лет о смерти далай-ламы официально не сообщалось. Почти одновременно покровители Тибета джунгарские монголы были разгромлены армиями Китая⁷⁴. Такая развязка демонстрирует слабости метода осуществления преемственности посредством реинкарнации: обман регента вызвал длительный политический кризис, из которого Тибет вышел уже как вассальное государство Китайской империи; на протяжении последующих двухсот пятидесяти лет система реинкарнации не могла произвести нового далай-ламу — подлинного лидера. Дни развития тибетской цивилизации окончились.

То же произошло и с контактами с внешним миром, за исключением Китая, Бутана, Сиккима и Непала. После за-

крытия в 1745 году миссии капуцинов Лхаса превратилась для европейцев в «запретный город»; и проникновение в нее должно было принести разочарование. Английские войска, которые с трудом поднимались сюда в 1904 году, полагали разбудить спящую красавицу. Нашли они трущобы — «место, где стоит ужасное зловоние», как написал один из них домой. Вокруг Поталы и других уцелевших памятников теснилось множество хибар и груды нечистот; стены этих монументов, которые издавна еще казались сверкающими, за прошедшие тридцатилетия покрылись толстым слоем грязи⁷⁵. Англичане и китайцы в равной степени могли презирать жителей Тибета, которые явно вернулись к варварству, в котором их последний раз упрекали за 1300 лет до этого.

Часть шестая
ВОДНЫЕ ГРАНИЦЫ

*Цивилизации,
сформированные морем*

С незапамятных времен много необычного сказано и спето о море. Были дни, когда моряков считали морскими людьми, а сам океан — театром романтического и невероятного. Но в последние годы установлено столько простых, очевидных подробностей морской жизни, что в наши дни поэзия соленой воды почти совершенно исчезла.

Герман Мелвилл. Воспоминания
о походе на китобойце

Главный и самый очевидный аспект, в котором море предстает с политической и социальной точки зрения, это аспект пути; или, еще лучше, обширной общинной земли, по которой люди могут ходить в любых направлениях, но где торные тропы свидетельствуют: по каким-то причинам люди предпочитают их другим. Эти торные тропы называются торговыми путями; и в истории мира следует отыскать причины, по которым проложили именно их.

А.Т. Махан. Влияние власти моря на историю²⁵.

11. Земли богов

Цивилизации малых островов

*«Южные моря». — Гавайи и остров Пасхи. —
Алеутские острова. — Мальдивские острова. — Мальта. —
Минойский Крит. — Венеция.*

— Почему, во имя Господа, они решили поселиться здесь, если они не спятили?

Рыжий покачал головой и ответил на собственный вопрос:

— Потому что они спятили...

(О жителях Алеутских островов).

Т. Бэнк II. Родина ветров²⁶.

Все мы, без исключений, живем на островах. Но некоторые из островов нашей планеты настолько больше остальных, что мы решили выделить их в особый класс и назвать континентами.

География Ван Лоома.

Лабиринты островов: навигация полинезийцев

Мы привыкли к богатству малых островов. Население Исландии по некоторым расчетам — самое богатое в мире. Тайвань, Сингапур и Гонконг стали родиной самых динамичных экономик мира. Малые острова, словно магнитом, притягивают богатых людей, особенно тех, кто не любит платить налоги. В такую эпоху, как наша, с ее огромными объемами морской торговли острова могут богатеть как склады и места стоянки кораблей, они словно узлы в торговой сети.

Легко допустить ошибку, приняв современные привилегии за нормальное состояние, или соблазниться традиционным романтическим образом островов, особенно тропических, как райского места — настоящего изобильного рая¹. Но в истории большая часть малых островов была обречена на бедность и отсутствие безопасности. Ограниченная поверхность означает ограниченную возможность производить продукты на месте. Изоляция мешает получению продуктов извне. А море одновременно способ нападения на жителей островов, что вынуждает их к постоянной бдительности и дорогостоящим контрмерам. Их родина становится — как сказал великий французский историк Фернан Бродель об островах Средиземноморья XVI века — «голодными мирами» или «тюрьмами, где едва удастся выжить»².

Даже сегодня многие малые острова относятся к беднейшим местам в мире, если они удалены от торговых и туристических путей или далеки от индустрии ухода от налогов. Другие острова, чтобы выжить, нуждаются в субсидиях материковой экономики, или в специальных налоговых льготах, или в статусе вольных портов, или же превращаются в игорные заведения. Однако существовали и заметные исключения; они свидетельствуют, что, разрывая узы бедности, острова могут очень богатеть; а если сумеют защититься от вторжения, то и породить своеобразные цивилизации.

Обычно, но не исключительно, это происходит благодаря торговле. Хрупкое равновесие трудностей и возможно-

стей — это вызов, отвечая на который, жители некоторых малых островов достигли поразительных результатов. Острова у берегов восточной Африки, например, в различные периоды извлекали выгоду из посредничества в торговле на Индийском океане. В средневековой Килве и Занзибаре XIX века культуры сложились под влиянием Африки, Аравии и Индии. Это можно почувствовать и сегодня, посмотрев на остатки выложенного бело-голубым фарфором купола древней мечети Килвы. У Коморских островов сегодня репутация незавидная — игрушки могущественных держав, жертвы колебаний цен на рынке ванили, — но под властью ширазских султанов в начале современного периода здесь сложилась полная жизни космополитическая культура торгового центра с собственным экспортом: риса, амбры, пряностей, рабов. Некоторые острова юго-восточной Азии в эпоху, которую мы называем Средневековьем, с большой выгодой выращивали особые редкие виды пряностей. В XVI веке испанские и португальские картографы сражались за Тернат и Тидор, стараясь так провести демаркационную линию зон навигации, чтобы богатейшие в мире источники мускатного ореха оказались по их сторону этой линии³.

Море может сформировать островную цивилизацию, изолировав ее или связав с другими землями. В любом случае соседство моря — до того мощная особенность среды, что перед нею все остальные меркнут. Каковы бы ни были почвы и климат, рельеф или животный и растительный мир, если поблизости море, именно оно становится главным фактором. Близость к берегу формирует взгляд на мир и образ мысли. Море страшно, потому что неуступчиво и непреклонно; оно меняет все, к чему прикасается, само оставаясь неизменным. Оно превращает кости в кораллы и глаза в жемчужины. Оно меняет очертания берегов, подмывает их, заливает сушу, поглощает города, создает континенты. На нас, обитателей суши, оно насылает мощные циклоны, которые — несмотря на все тысячелетия нашей цивилизации — по-прежнему символизируют нашу слабость перед природой. У моря нет границ, разве что в молитвах самых набожных людей. Оно часть хаоса, уцелевшего после творения. Море заставляет нас чувствовать себя малыми.

«Малость» — концепция относительная, и, я полагаю, читатель захочет знать, сколь малой должна быть «цивилизация малых островов», чтобы подпадать под эту категорию; однако важен не столько размер, который определяется произвольно, сколько отношение к морю. Если природа цивилизации зависит от ее изолированности, остров — для настоящих целей — мал. Если внутренняя территория так велика, что побережья становятся маргинальными по отношению ко всей цивилизации территориями, остров — для настоящих целей — не мал: но критическая масса в таких расчетах меняется от места к месту в зависимости от обстоятельств.

Малый остров может стать колыбелью цивилизации в двух случаях: обогащая цивилизацию с помощью торговли или заставляя ее рассчитывать только на свои возможности (из-за изолированности). Под «цивилизацией малых островов» в настоящем контексте, следовательно, я подразумеваю цивилизации, сформированные морем одним из этих двух способов. Если внутренние ресурсы острова сыграли решающую роль без его изоляции, я отношу такой остров к другим категориям. На практике многие острова не попадают в этот разряд из-за величины. Остров может быть столь протяженным в одном направлении, что включает больше одной климатической зоны; в таком случае море не будет решающим фактором окружения. Остров может быть таким большим, что на нем внутренних ресурсов и причин для создания цивилизации достаточно без изоляции от внешних влияний; либо остров может стать родиной больше чем одной цивилизации.

Подобно всем классификациям, многие и в этом контексте опираются на небольшие и несущественные различия. Например, Великобритания слишком велика и условия на ней слишком разнообразны, чтобы быть родиной «цивилизации малого острова», но в новейшие времена жители Англии — хотя, мне кажется, это не относится к другим районам острова — культивировали именно то, что можно назвать ментальностью малого острова: все скучные английские учебники истории подчеркивают — часто в самых первых строках, — что история Англии есть функция ее изолированности. В Великобритании до сих пор пишут и читают та-

кие книги по истории, как «Наша островная история» или «Островитяне за морем»⁴. Убежденность в том, что их остров «поднялся из глубины лазурного моря» и подобен жемчужине «в оправе серебряного моря», звучит в их национальных песнях и повторяется в строчках стихотворений, которые они слышат повседневно. В XIX и XX веках англичане делали упор на достижении безопасности с помощью флота. Они создали культ «английской эксцентричности» — это тоже способ идеализации собственной изоляции. Они создали образ «уникальной нации, которая гордится тем, что слегка спятила»⁵. Они сохраняют свои особые отношения с Европейским Союзом. Наслаждаясь своей подчеркнутой изоляцией, англичане одновременно создали миф о себе как о народе моряков, для которого моря — это «английский путь к богатству», а торговые пути — жизненные артерии⁶. Большая часть всего этого — вздор. Привязанность англичан к морю — вовсе не принадлежность «островного народа»: ее разделяет большинство обитателей западноевропейского побережья Атлантического океана (см. ниже, с. 450–467, 599–615). Ирония заключается в том, что для той же части света характерна та же исключительность: каждое утверждение собственной исключительности тут же можно опровергнуть.

Ни научный закон, ни социологическая модель не могут точно предсказать, где море превратит малый остров в цивилизацию. Ибо многие малые острова никак не затронуты влиянием моря. Как ни странно, жители некоторых малых островов никогда не развивали морскую культуру; напротив, иногда они от нее отказывались. Жители Тасмании забыли технологию, которая позволила им переселиться на остров, и даже перестали есть рыбу⁷. На Канарских островах до того, как их открыли европейцы, — во многих случаях люди там видят другие острова, — как говорится в первых сообщениях, были совершенно невежественны в искусстве мореплавания⁸. Последний случай кажется особенно странным, потому что Канары — маленькие острова с ограниченными по сравнению с Тасманией ресурсами. Такая добровольная самоизоляция обычно ведет к культурному обеднению, поскольку контакты с другими народами не стимулируют развитие и обновление. Хотя жители Канарских островов владели неко-

торыми впечатляющими умениями — например, мумифицировали мертвых, строили стены из камня без штукатурки — будущие завоеватели и работорговцы сочли их дикарями; тасманийцы же были настолько лишены даже элементарных искусственно изготовленных предметов и орудий, что на первых изображениях они выглядят обезьянами⁹; белые колонисты охотились на них, как на животных.

Место другого исключительного эксперимента с изоляцией — остров Хирта за Гебридскими островами — может похвастать редким случаем: здесь среда повернула цивилизационный процесс вспять. Встающий из глубины океана остров выглядит неприступным утесом: площадью чуть больше 1500 акров и 1400 футов высотой. Восемь месяцев в году остров заблокирован сильными бурями. Мелкие фермеры и горцы, жившие здесь на протяжении письменной истории, в это время года полностью отрезаны от внешнего мира. В конце XVII века, в период исключительного процветания, на острове было всего одно судно. С 1734 по 1742 год якобиты содержали на этом острове ганноверскую «шпионку» Рэйчел Эрскин, известную как «леди Грейндж»; за несколько лет до ее приезда остров опустошила оспа, как случилось в эпоху европейской экспансии со всеми «примитивными» народами, не имевшими иммунитета к болезням европейцев.

Выращивать что-либо на Хирте вряд ли возможно; есть только небольшая, почти лишенная почвы долина, холодное ущелье между крутыми утесами, а также крутые склоны, на которых пасутся драгоценные овцы островитян. В других местах растительность смывают дождь и мокрый снег. Чтобы выжить, жители острова обменивали птичьи перья и масло у жителей Гебрид на соль и семена зерновых. Все соседи отзывались о жителях Хирты одновременно с отвращением и с нотками романтики. Для гостя в 1697 году они воплощали благородное варварство. «Если поэты выдумывают условия Золотого века, здесь он действительно существует. Я имею в виду невинность и простоту, чистоту, взаимную любовь и сердечную дружбу»¹⁰. Маколей считал их свободными от «всех пороков здравомыслия и времени». За несколько лет до него Генри Брогем разделил политические принципы Маколея, но не его мнение об островитянах, которые, на его

взгляд, жили «в лениости... в животной грязи и природной дикости»¹¹.

Археологические раскопки показывают, что история жизни человека на Хирте часто прерывалась полным исчезновением. Однако последние известные обитатели острова — в тот период, который мы называем Средними веками и началом современности, — жили в мире своеобразного изобилия благодаря огромному количеству птиц, которые прилетают на Хирту выводить птенцов, особенно благодаря тупику (с марта по август) и качурке обыкновенной — в течение всего года, за исключением осени. Утесы сплошь покрывались птицами. Островитяне вбивали на вершине утеса кол, привязывали к нему веревку, спускались по ней, убивали по пути птиц и складывали их в сумку из гусяного желудка — или, если море было спокойно, просто бросали добычу вниз, в лодку у подножия утеса. Из-за недостатка соли они высушивали птиц в продуваемых ветром отверстиях в камне и торфе¹². В 1697 году гость острова, оставивший самое полное описание жизни островитян и сопровождавший сборщика налогов во время инспекционной поездки, пишет, что 180 жителей острова съедали в неделю 16 000 яиц, а за год — 22 600 морских птиц¹³. Аналогичный уровень потребления отмечен в начале XIX века, когда «воздух был полон пернатых», согласно описанию 1819 года. «Море покрыто ими, дома украшены ими... Город вымощен перьями... Островитяне выглядят так, словно их вымазали в смоле и вывалили в перьях; перьев полны их волосы, перьями покрыта одежда... Повсюду запах перьев». Хирта считалась местом, «где питаются лучше всех в мире. Я говорю правду, хозяин»¹⁴. Для представителя обычной цивилизации Хирта стала бы адом, но для поедателей птиц она была подлинным раем. В конце XIX и начале XX веков, когда миссионеры и чиновники силой повернули остров к цивилизованной жизни, обитатели этого не перенесли: последние его жители эмигрировали в 1930 году. Теперь это только птичий остров.

Поэтому кажется счастливым то обстоятельство, что самоизоляция даже среди островитян встречается очень редко: обычно островитяне в поисках богатства смотрят на море, а не ищут его на острове. Вероятно, самую определенно ори-

ентированную на море цивилизацию в мире можно встретить в Полинезии и Меланезии; здесь вопреки ограниченности материалов цивилизация благодаря отваге и технической изобретательности островитян распространялась по ветру — беспрецедентный навигационный подвиг. Это была поистине морская цивилизация, основанная на завоевании той части биосферы, которая наиболее враждебна человеку, — или по крайней мере на компромиссе с нею. Европейские мореплаватели, открывшие в XVIII веке острова Южных морей, вначале не оценили масштаб и природу этих достижений. Полинезийцам они отвели роль благородных дикарей. «Принца» Омай, бродягу и неудачника на родных островах, в 1774—1776 годах принимали в Англии как знаменитость, герцогини хвалили естественность и грациозность его манер, сэр Джошуа Рейнольдс в портрете этого «принца» пытался передать уравновешенность и природную мудрость. Ему приписывали многочисленные шедевры естественности, как, например, в Кембридже, в колледже Св. Марии Магдалины, когда ему предложили понюхать табак, он ответил: «Нет, спасибо, сэр, мой нос не голоден», или когда он превзошел Фанни Бёрни изяществом застольных манер и она пришла к выводу, «как многое может сделать Природа без Искусства»¹⁵. Другой «принц» — Ли Бо с острова Палау в Микронезии — еще более преуспел в сборе комплиментов своей галантностью; когда в 1783 году он умер от оспы, его похоронили в Ротерхитском соборе под надписью:

Остановись, читатель! Природа ждет твоих слез —
Здесь погребен мой принц Ли Бо¹⁶.

Те, кто посещал острова Тихого океана, находили здесь сад наслаждений, каким изобразил эти острова Уильям Ходжес, сопровождавший в 1772 году капитана Кука. В его изображении Таити — восхитительный мир с нимфами на заднем плане: одна из них зазывно повернулась татуированным задом, другая плывет на спине под сверкающим покровом воды. Сексуальное гостеприимство островов подвергло серьезному испытанию дисциплину людей Кука и совсем уничтожило ее у экипажа капитана Блая. Оно стало существенной

составляющей сообщений моряков об этих островах — не знающий стыда рай чувственных наслаждений, как его превозносил Джордж Гамильтон, хирург экспедиции 1790 года:

То, что поэты воображали принадлежностью рая или Аркадии, осуществилось здесь, где земля без приложения труда производит пищу и одежду, где деревья отягощены богатейшими плодами, под ногами природа расстелила ковер ароматных цветов, а красавицы всегда готовы заполнить ваши объятия своей любовью¹⁷.

На французских гравюрах, изображающих остров Пасхи, мы видим, как туземцы в классических позах развлекают иностранцев, вместе с ними разглядывают документы и, когда подобает, обмениваются любовными взглядами под величественным взором огромных каменных статуй. За день до того, как одиннадцать его моряков были убиты на Самоа, Лаперуз назвал эти острова «домом блаженства» «самых счастливых людей на земле... спокойных и серьезных на лоне отдыха», где можно найти архитектуру «не хуже, а иногда и лучше, чем в Париже». Даже остров Пасхи, по отношению к которому Лаперуз проявляет меньший энтузиазм, он считает родиной цивилизации и отмечает проявления цивилизационных грехов — в частности, в поведении местных сводников, которые пытались продать гостям тринадцатилетнюю девочку вопреки ее желанию¹⁸. Короче говоря, в южных морях царило то сочетание свободы и вседозволенности, какое облагораживало варварство в глазах соответственно расположенных гостей¹⁹.

Однако подобные романтические снисходительные представления не соответствовали действительности. Они основывались на оценке материальной культуры сухопутной жизни островитян, где человек почти не бросал вызов природе и времени, где не изготовляли даже глиняную посуду и где — на большинстве островов — не существовало политических институтов, которые могли бы распознать европейские наблюдатели. Но достижения цивилизации южных морей можно оценить только в море: искусство навигации и

кораблестроения островитян приближалось к совершенству; их мастерство навигаторов оставалось беспрецедентным в мире, а их система записи информации на тростниковых картах для своих целей так же хороша, как любая другая обычная система письма.

Разумеется, достижения не были одинаковыми на всем обширном пространстве: наиболее активно под парусами ходили на Каролинских и Маршалловых островах, на Тробриандских островах и островах Тонга; однако на Аньюта плавания были почти робкими, обычно ограничиваясь островом Тикопиа в семидесяти милях, а в редких случаях — двухсотмильным переходом до Новых Гебрид. Больше того, жители Аньюта почти не умели плавать против ветра, они шли под полным парусом, а потом гребли назад против ветра²⁰. Тем не менее можно представить себе общую картину морской культуры, типично развивавшейся на малых островах южных морей.

Вечером накануне начала работы строитель каноэ с традиционными песнопениями укладывал свой топор в тайное святилище. После пира — съедали жирную свинью, посвященную богам, — он на следующий день вставал до рассвета, чтобы выбрать и срубить дерево, при этом постоянно наблюдая за знаменами. Для долгого плавания он будет строить аутриггер, или каноэ с двойным корпусом, оборудованное парусом в форме когтя на мачте и с легкой оснасткой. Корабль будет управляться с помощью весла на корме или «доски-кинжала», которую опускают в море у носа, чтобы повернуть по ветру, или у кормы, чтобы плыть против ветра. Достаточно экипажа из шести человек: два гребца, матрос на парусе, вычерпыватель, сменщик, который может браться за любую работу, если понадобится, и — самый главный из всех — штурман, которому годы опыта позволяют без инструментов отыскивать путь по звездам в обширном Тихом океане²¹.

Историки прежде отказывались признавать, что древние жители Полинезии и Меланезии могли преодолевать тысячи миль открытого океана иначе, как «дрейфуя» в случайном направлении. Но культура плаваний отражена, например, в эпосе о героических путешествиях и в каннибальском пире в

честь мореплавателей с острова Тонга, приплывших с островов Фиджи, свидетелем которого был в 1810 году английский моряк. Островитяне также, подобно викингам, практиковали морское изгнание и согласно их собственным легендам совершали долгие морские паломничества ради отправления священных обрядов. Таитянский навигатор Тупайя, которым восхищался капитан Кук, знал почти обо всех островах и архипелагах океана.

В самом героическом предании рассказывается о Хьюите-Рангирао, чье плавание, возможно в середине VIII века, привело его между огромными белыми скалами, выраставшими из чудовищного моря, к месту, где его остановили непроходимые сплошные льды. Некоторые мифы приписывают открытие Новой Зеландии богоподобному Мауи, который собственной кровью приманил огромного ската; более человечный и понятный образ — Кьюпе, который утверждал, что в плавании с Раратогни, вероятно в середине X века, его вело видение, посланное верховным богом Ио. Возможно, однако, что он следовал за мигрирующими длиннохвостыми кукушками или, как говорится в одной из версий легенды, гнался за гигантским головоногим, укравшим его приманку²². Оставленные им указания направления таковы: «пусть курс будет правей заходящего солнца, луны или Венеры в феврале». В качестве пищи мореплаватели брали с собой сушеные фрукты и рыбу, кокосовые орехи и пасту, сделанную из плодов хлебного дерева, кумары и других растений; запасы были ограничены, и, вероятно, морякам приходилось подолгу голодать. Воду — очень немного — перевозили в тыквах, выдолбленных стволах бамбука или мехах из морских водорослей.

Их корабли выдерживали курс с помощью средств, которые и представить себе не может моряк, привыкший к современной технологии. Полинезийские навигаторы буквально чувствовали свой курс. «Перестань смотреть на парус и рули по ощущению ветра твоей щекой» — традиционный совет навигатору, записанный в 1970-е годы. Некоторые навигаторы имели привычку ложиться на дно лодки и «чувствовать» по ночам движение океанской волны. Согласно европейскому свидетелю XVIII века самым чувствительным местом считались мужские яички. Рулевой ощущал измене-

ния направление ветра в несколько градусов по отношению к волнам, принесенных издалека ветром, и сверялся с тростниковыми картами; некоторые из таких карт с Маршалловых островов дошли до наших дней. Хотя океанские течения невозможно ощутить, полинезийские навигаторы очень многое о них знали: житель Каролинских островов, которого спрашивали уже в наше время, знал о течениях в окружности до двух тысяч миль.

Но прежде всего они определяли свою широту по солнцу и поддерживали курс по звездам. Навигаторы с Каролинских островов определяли свое местоположение по шестнадцати группам путеводных звезд, чье движение они запоминали с помощью ритмичных песен: в дошедших до нас примерах навигация сравнивается со «сбором плодов хлебного дерева» — звезда за звездой. Согласно наблюдениям испанского моряка в 1774 году они умели точно определить расположение каждой из таких звезд и с их помощью находили по ночам нужную гавань, где могли бросить свой коралловый или каменный якорь²³.

Пережившие изоляцию: Гавайские острова и остров Пасхи

Самые смелые моряки, вероятно, могли заплывать очень далеко, и это, возможно, объясняет, почему — по стандартам, обычно применяемым к цивилизациям, — мы находим самые поразительные примеры обществ, основанных полинезийцами, из самых дальних пределов их плаваний: в Новой Зеландии, на Гавайских островах и на острове Пасхи. Последняя пара представляет исключительную аномалию в истории цивилизации: они нарушают то правило, что изоляция приводит к застою. Если бы история всегда развивалась в соответствии с предсказаниями, сделанными на основе обычных выводов — тем более на основе теоретических моделей, большая часть которых совершенно бесполезна, — все крайности полинезийского мира ждала бы судьба подобная судьбе островов Гатама. Крошечный архипелаг в пятистах милях у востоку от Новой Зеландии — самое дальнее место, куда

могли добраться в этом направлении мигранты. Южная широта, холодный климат, недостаток пространства делают эти острова непригодными для земледелия; но в озерах на островах живет множество угрей, в бассейнах, оставленных приливами, размножаются моллюски, а окружающий океан изобилует рыбой. Люди здесь полностью подчинены природе: их немного, и число их не растет; живут они за счет сбора моллюсков или ловли рыбы у берегов, пользуясь для этого простейшей технологией; свою добычу забивают дубинками до смерти. Насколько нам известно, у них не было никаких контактов с внешним миром, пока в 1835 году (ужасное подобие европейского империализма) на них не напали маори, перебив большинство и поработив остальных²⁴.

Первые колонисты Гавайских островов и острова Пасхи, должно быть, тоже испытали воздействие изоляции. Их острова так далеко отстояли от первоначального полинезийского мира, что, подобно маори, они утратили с ним контакт и развили своеобразную культуру, не поддающуюся классификации. Они были изолированы не только обширными расстояниями, которые отделили их от всего мира, но и условиями плавания: при обычных условиях к ним невозможно добраться под парусами. Тихий океан обладает самой регулярной в мире системой ветров, и эти острова так далеки от обычных маршрутов европейцев, что корабли столетиями плавали по своим путям, прежде чем натолкнулись на них²⁵. Маршруты, которыми на них пришли первые колонизаторы-полинезийцы, до сих пор не известны (археологические данные позволяют предположить, что Гавайские острова были заселены в середине первого тысячелетия н. э., а остров Пасха — примерно в 800 году)²⁶. Изоляция острова Пасхи — тот предполагаемый факт, что в течение нескольких столетий никто не посещал этот остров, — отражен в культуре мигрирующих птиц: божество в виде человека-птицы — типичный сюжет петроглифов; ежегодный прилет на остров стай оглушительно кричащих коричневых крачек отмечался ослаблением табу, соревнованиями в добывании яиц и обрядами разжигания огня и жертвоприношениями²⁷.

Изоляция обычно приводит к обеднению культуры: без обмена идеями и без свежих стимулов технология перестает

использоваться и забывается (см. выше, с. 76, 404). Однако на Гавайях самая разветвленная во всем полинезийском мире система интенсивно возделываемых полей; она способна прокормить двести тысяч человек. На острове Пасхи, как известно сегодня каждому школьнику, существовала «загадочная цивилизация», которая привлекала в равной степени ученых и мошенников: первых влекло любопытство, вторых — стремление к сенсации. Попытки найти источник цивилизации острова Пасхи заводили в такие дали, как Перу и космос; однако ее полинезийское происхождение не вызывает никаких сомнений. В культуре острова нет ничего несовместимого с полинезийским происхождением, за исключением выращивания сладкого картофеля: но хронология появления этого растения проблематична и до сих пор не установлена. Вероятно, цивилизация, создавшая знаменитые монументы и разработавшая письменность острова Пасхи, не была знакома с этим растением.

Первые рассказы европейцев о Гавайях полны похвал местным земледельцам. В полевых записях экспедиций 1770-х и 1790-х годов множество описаний полей, окруженных оросительными каналами и каменными стенами, «построенными с точностью, близкой к элегантности», засаженных таро, хлебными деревьями, сладким картофелем, сахарным тростником и кокосовыми пальмами и расположенных с такой точностью, что наблюдатели считали это верным признаком цивилизованности; местные дороги «сделали бы честь любому европейскому инженеру»²⁸. На гравюре, сделанной на основе отчета экспедиции Ванкувера в начале 1790-х годов, система полей расположена так аккуратно, что возникает подозрение: может, изображение сознательно подогнано под европейский идеал? Однако и сегодня, когда поля больше не возделываются, их аккуратное расположение можно увидеть в полдень при свете солнца со склонов гор Хуалалаи или Кохала²⁹. Более того, из всех полинезийских цивилизаций только на Гавайях получило развитие разведение рыб. В решетку полей и бассейнов были встроены другие сооружения цивилизации. На массивных каменных платформах возвышались симметричные храмы, и строительная техника позволяла возводить оборонительные сооружения в два или

три человеческих роста³⁰. Первые европейские посетители видели не только политическую организацию, но и начало создания всеостровной империи — процесс, завершившийся в 1795 году, когда первый император Камехамеха нанес поражение своим последним врагам. Письма не было, но существовал огромный корпус литературных текстов и энциклопедий практических знаний, который сохранялся в памяти.

В подобной изолированной по отношению к остальному миру позиции своеобразная цивилизация могла возникнуть только при эксплуатации разнообразного окружения. Гавайи называют «музеем эволюции». Архипелаг — средоточие разнообразных микроклиматов и уникальных видов, распространенных по берегам и болотам, некогда кишевшим птицами, по высокогорьям и лесам, где много материалов для изготовления веревок и покрытия домов³¹. Первым колонистам, вероятно, прибывшими с низких и однообразных Маркизских островов, Гавайи радушно демонстрировали разнообразный рельеф и многообразие красок — от темной зелени лесов до красного обрамления вулканов и белоснежных вершин³². Кажется очевидной причина, по которой Гавайи сумели преодолеть изоляцию: это произошло благодаря щедрости природы.

С другой стороны, остров Пасхи — великолепный пример того, как цивилизация может развиваться в изоляции без помощи среды. Площадь острова всего 64 квадратных мили. Если не считать острова Питкерн в 1400 милях отсюда, этот остров на протяжении всей истории оставался необитаемым, земли ближе чем 2300 миль, нет. Островной рельеф скромный, он поднимается до 1600 футов над уровнем моря, но без глубоких долин, где могли бы создаваться отложения плодородной почвы. Большую часть года идут дожди, но пористая земля поглощает влагу, а ветер высасывает ее из почвы. Единственное съедобное растение, которое росло здесь до появления колонистов, — небольшая пальма, дающая орехи; заросли этой пальмы когда-то покрывали весь остров. Нет рифов, где обычно водится морская живность, и нет бассейнов, заполняемых приливом; рыбу приходится ловить в открытом море.

Вопреки утверждениям любителей чудес здесь не такие уж трудные условия для существования цивилизации. Но, подобно собаке, идущей на задних лапах, цивилизация здесь достигается ценой усилий, выходящих за границы рационально возможного. Самый поразительный аспект этой культуры — письмо ронгоронго. Никакого аналога ему нет во всем тихоокеанском островном мире. Тайна продолжает оставаться неразгаданной: ни одну из дошедших до нас надписей так и не расшифровали. Сама уникальность этой письменности свидетельствует о том, что это местное изобретение; незнание современными островитянами этого письма говорит о том, что оно было инструментом элиты и оказалось недолговечным. Возможно и другое объяснение. Поскольку до начала XIX века не было известно ни о каких надписях и поскольку миссионерам и этнографам не удалось найти ни одного туземца, который захотел бы или сумел их прочесть, возникло широко распространенное среди ученых подозрение, будто надписи — постконтактный артефакт, сочиненный местными имитаторами; это следствие сопротивления местных жителей европейскому образу жизни, после того как сила письменности была продемонстрирована при подписании договора с представителями Испанской империи в 1770 году. Хотя ученые уделили этой теории большое внимание, я нахожу ее совершенно невероятной; испанские офицеры, подписавшие договор, свидетельствуют о существовании «местных букв»; некоторые подписи под договором идентичны образцам на таблицах, известным с начала XIX века³³.

На фоне необычности таблиц ронгоронго большинство аспектов местной материальной культуры кажутся самыми заурядными и распространенными. Островитяне жили в тростниковых хижинах, но выкладывали стены ям камнем и строили постоянные каменные сооружения (впрочем, «сооружение» слишком сильное слово) для сбора дождевой воды и защиты растений от ветра³⁴. Для общинных ритуалов и пиров они воздвигали каменные платформы, на которых возводили деревянные дома в форме перевернутого каноэ; возможно также, это изображение влагалища: подобные изображения — любимая тема создателей петроглифов (?)³⁵; в некоторых до-

мах крышу поддерживали каменные столбы. По стандартам других полинезийских островов и Новой Зеландии эти сооружения примитивны и обеднены недостатком материалов. Однако когда речь заходит о каменных монументах, жители острова Пасхи образуют совершенно особый класс.

Знаменитые статуи, которые они воздвигали на каменных платформах, не обнаруживают радикальных отличий от резных монолитов на других полинезийских островах; но они гораздо крупнее, их больше, а лучшие из них отличаются исключительной свободой созидания и уверенностью скульпторов. На небольшом острове с немногочисленным населением сооружение большого количества монументальных скульптур должно было стать подлинно общим делом. В каменоломне Рано Рараку, в кратере погасшего вулкана, вырубали и полировали столбы весом от тридцати до сорока тонн. На задней стороне такого столба оставляли что-то вроде кля; он помогал перетаскивать столбы на деревянных полозьях или катках, а может, и на волокушах. До сих пор сохранились столбы, на которых закрепляли веревки. По расчетам, для изготовления и доставки самых крупных статуй необходимы были усилия тридцати человек на протяжении года. Девяносто человек, работая в течение двух месяцев, могли бы увезти столб за четыре мили от каменоломни. Столько же человек за три месяца могли бы воздвигнуть статую на платформе. Статую среднего размера отряд в семьдесят человек мог перевезти за неделю, но тонкая операция подъема и ее установки на место все равно заняла бы от двадцати до тридцати дней. Это были дорогостоящие операции, но при наличии времени их могла осуществить одна большая семья (если смыслом было почитание предков) или примерно четыреста человек, объединившие силы в труде и доставке необходимого³⁶.

Рядом с платформой сооружали земляную насыпь с подпорной стеной из бревен; выкапывали яму, в которую следовало опустить статую — ее ставили на край склона и спускали в яму, поддерживая веревками. Самая большая такая платформа — сейчас ее смыло приливной волной — достигала 150 футов в длину, а соединявшийся с ней подиум был длиной 525 футов. На платформе стояли 15 статуй³⁷, в большин-

1. Меса-Верде, штат Колорадо: когда цивилизация каньонов угасла, «жители ушли далеко от полей, в горы» (см. с. 91).

2. Настенный рельеф, Чан Чан: характерно жесткая, упорядоченно эстетическая дисциплина противостояла Эль-Ниньо и сопротивлялась инкам (см. с. 93).

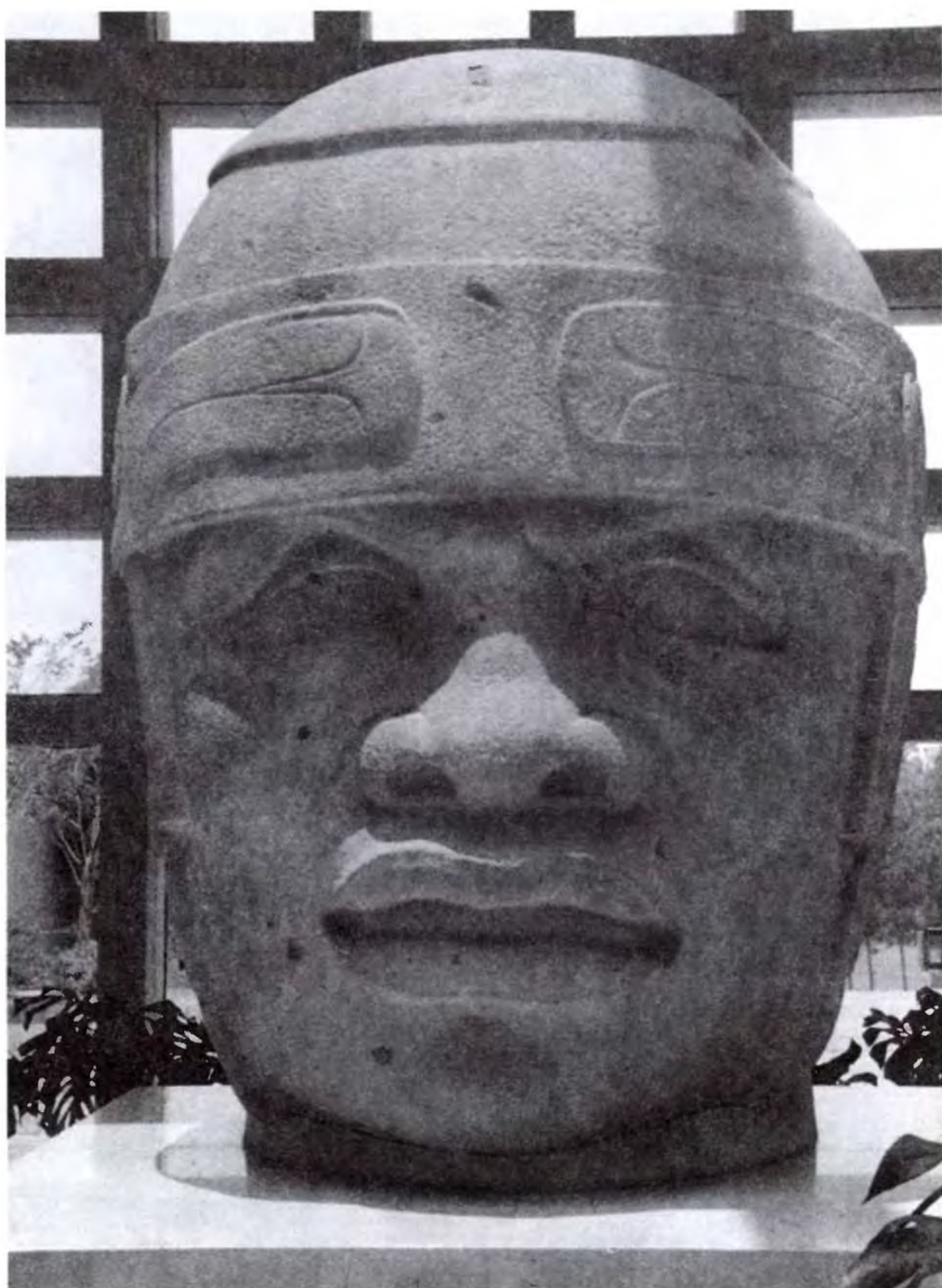

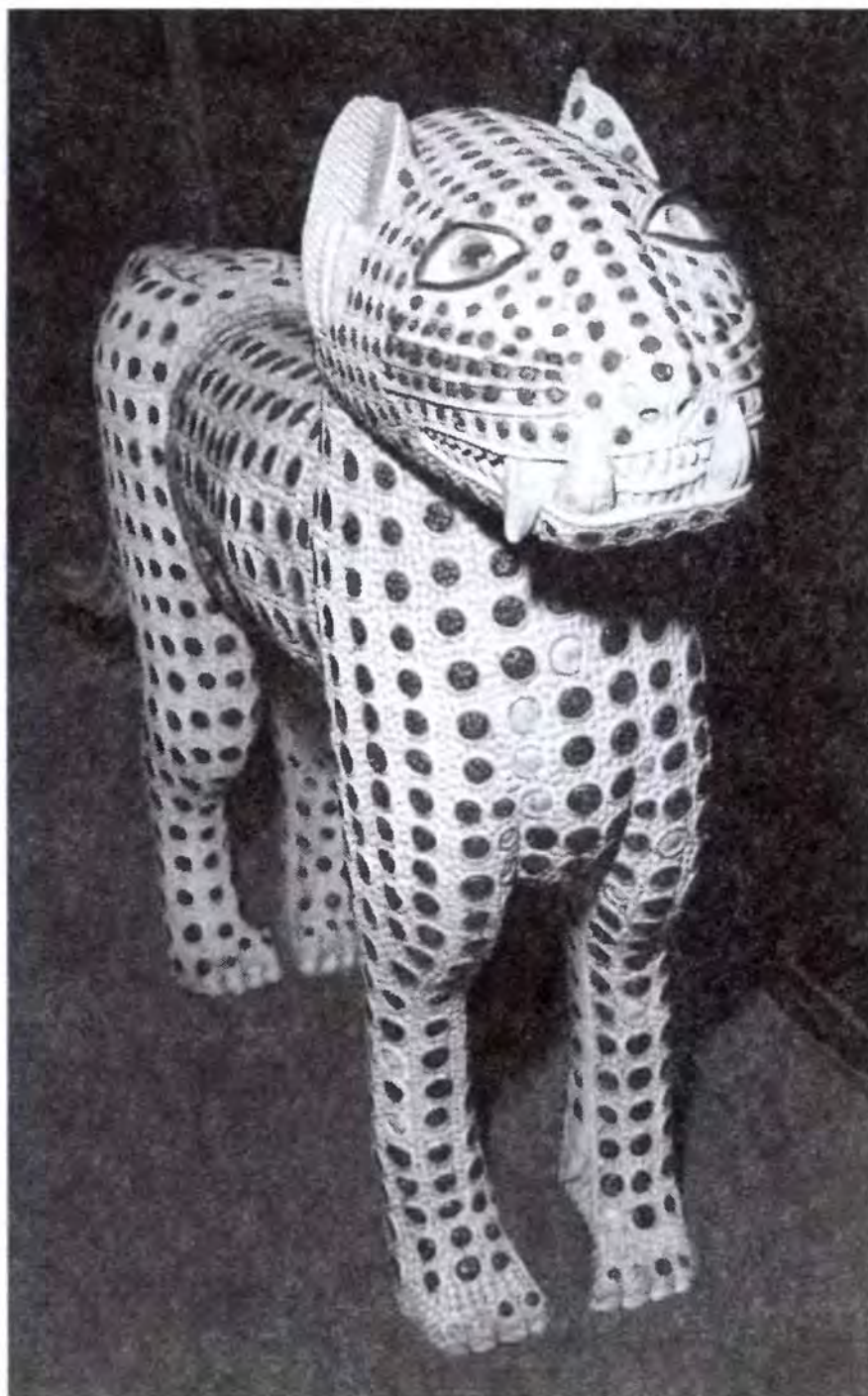
3. Мечеть Джаны, «огромное сооружение из гладкого кирпича-сырца, похожее на конфету», в Сахеле — цивилизация самого обширного района травянистых степей на земле (см. с. 131).

4. Договор ирокезов с деревьями заключался с помощью «ложных лиц» духов леса, которые во время ритуалов надевали шаманы (см. с. 199).

5. Уникальная внешность ранней цивилизации болотистых земель в Центральной Америке: закругленные формы, монументальные фигуры, материалы, добытые благодаря «коммерческому подходу» (см. с. 221).

6. Дворцовая утварь власти и великолепия из Бенина XIX века: леопард из слоновой кости, с инкрустацией из медных дисков и зеркального стекла (см. с. 246–248).

7. В надгробных портретах из Фаюма свобода техники и творчества римского провинциального искусства освежает древнеегипетские погребальные традиции (см. с. 289).

8. Преобразованная природа: церкви в Лалибеле высечены в скалах в попытке воплотить увиденный королем небесный Иерусалим (см. с. 378).

9. Тарксен, Мальта: древнейшие монументальные каменные здания в мире: крайняя расточительность, неожиданно возникшая и недостаточно проясненная (см. с. 422-424).

10. Эстетика, отразившаяся в произведениях героических норвежских ювелиров, эволюционировала от натурализма к абстракции, от язычества к христианскому волшебству, соединив солнце и крест (см. с. 448).

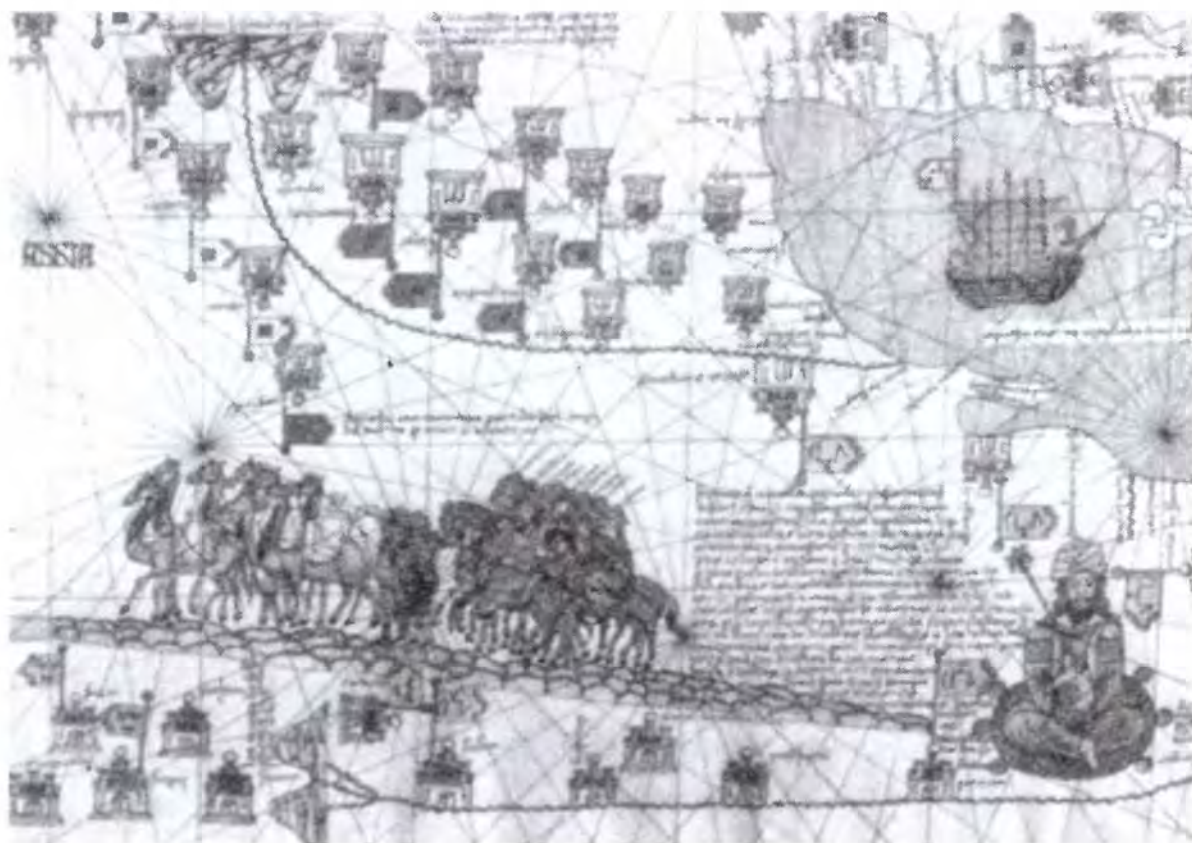
11. Культ вина у северных кельтов требовал вместительных сосудов, сделанных по средиземноморским образцам, с богатыми украшениями и экзотической инкрустацией (см. с. 460).

12. Лас-Вегас: архитектура электрического освещения на Фримонт-стрит. Наследник древней традиции городов в пустынях юго-запада Америки (см. с. 86).

13. Столбовая дорога цивилизаций: шелковый путь «монгольского мира», приписываемый картографу с Майорки Креску Абрахаму (см. с. 102–107).

14. «В перерыве между битвами» на золотой вазе скифской работы примерно V века до н. э. Цивилизация богатства, технической смелости и широких контактов (см. с. 150).

15. Юрта киргиза, принадлежность образа жизни, который распознается в описаниях степной культуры, относящихся к XIII веку (см. с. 161–162).

16. Фабрика селитры в XVIII веке: двусмысленное изображение ранней индустриализации, романтической, героической, зловонной, на картине Дюрамо (см. с. 264).

17. «Страстная геометрия»: организованное воображение на фреске в Катал-Хююке, одном из древнейших поселений, претендующим на городской статус (см. с. 266).

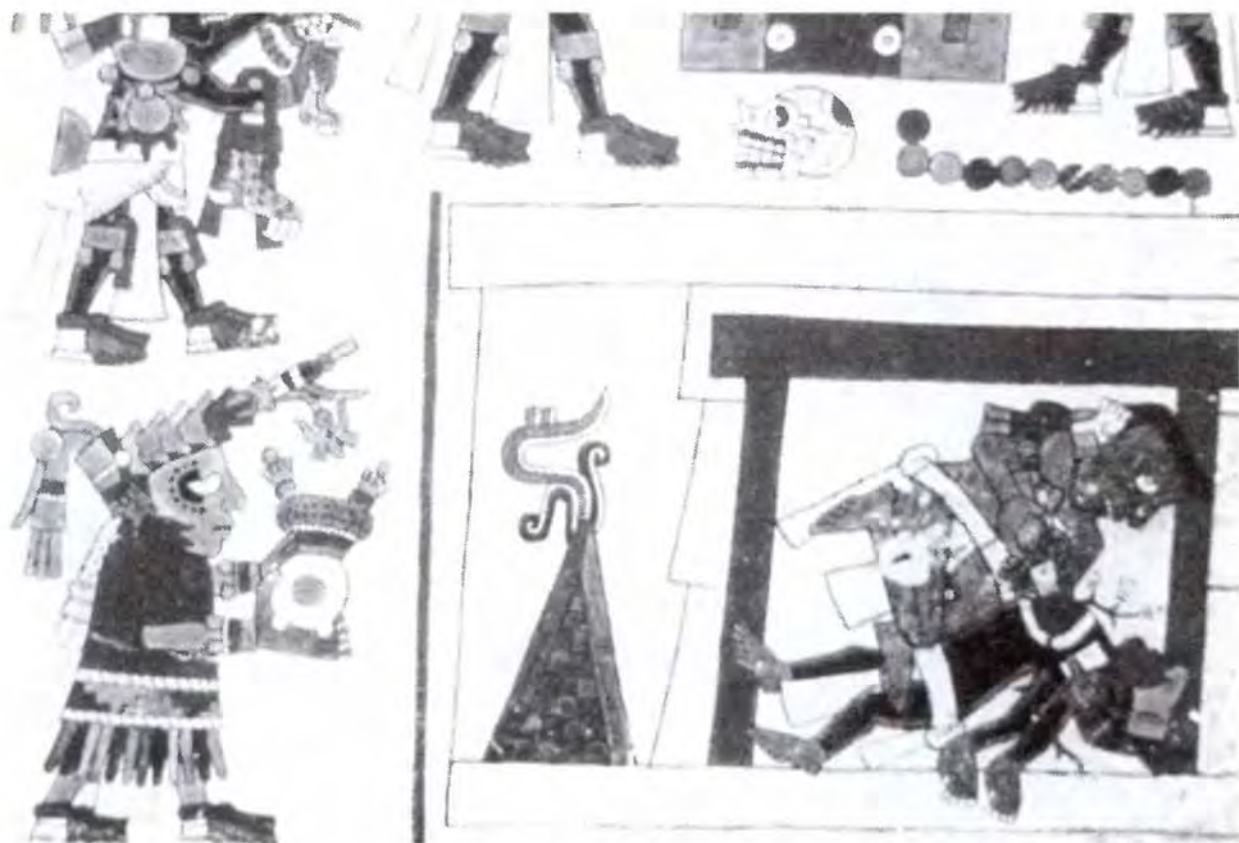
18. Даже на фотографии, где люди специально позируют, видны традиционные черты сотрудничества в тяжелом труде в современной сельскохозяйственной культуре Тайваня (см. с. 314).

19. Характерная озорная, шутовская скульптура ацтеков: обезьяна-слуга ветра, изображенная в момент испускания газов (см. с. 353).

20. Смерть путем жертвоприношения культурного героя, известного по имени-глифу как 8—Олень Тигриный Коготь; вероятно, относится к началу XII века (см с. 348).

21. Процесс цивилизации, 1836 г. Даже на картине сочувствующего Дютро тасманиец, в одежде и с украшениями, изображен с диким, загнанным взглядом (см. с. 404).

22. Великолепие малого острова: гондола дожа, изображенная в 1710 году Карлеварисом, отправляется на ежегодную церемонию брака Венеции с морем (см. с. 431).

23. Кольцо Бродгара, Оркнейские острова: «общество солнцепоклонников в холодном климате» или место рождения мегалитической цивилизации атлантического края Европы? (см. с. 457).

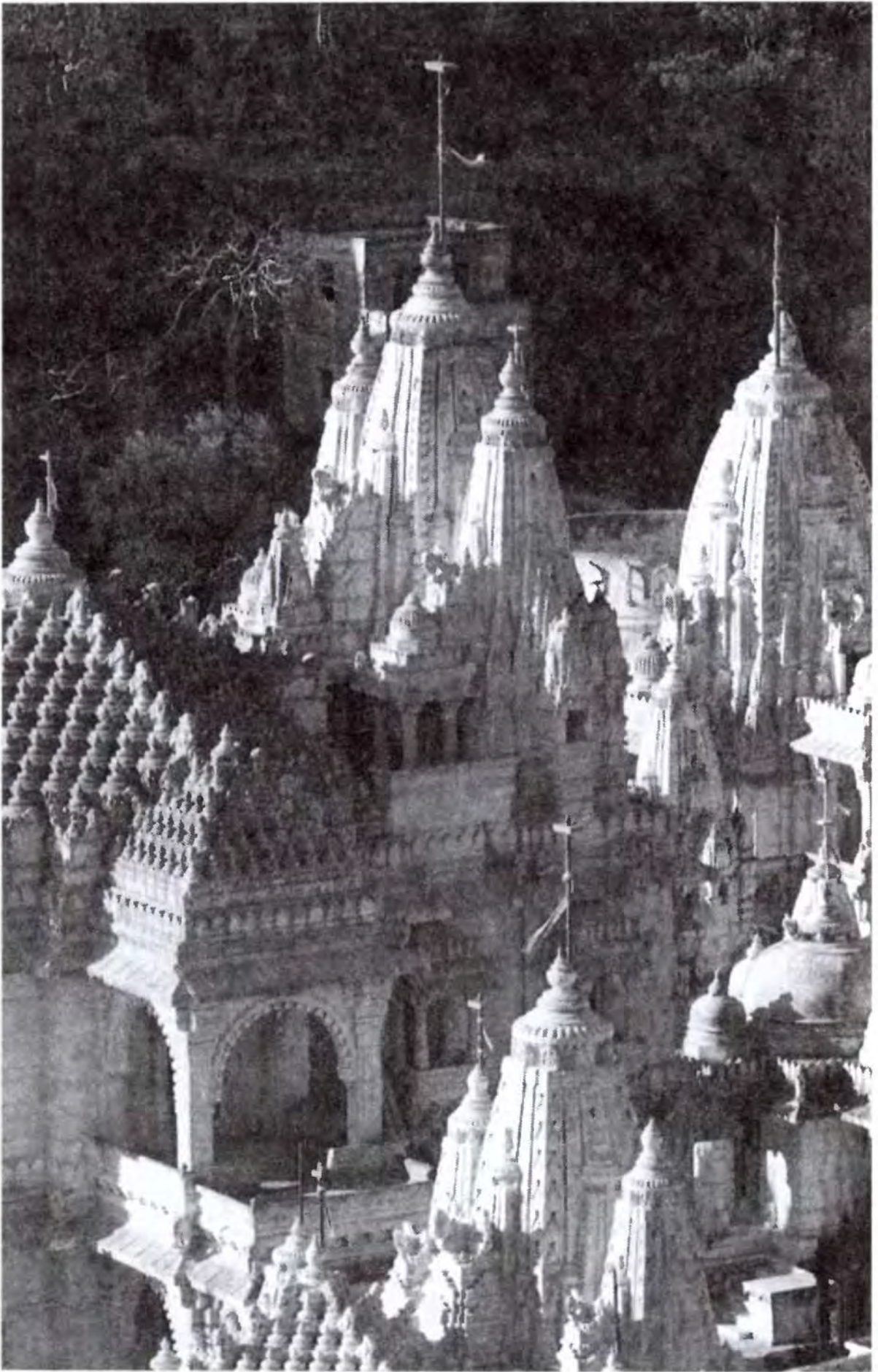
24. Бальтазар Ван дер Аст изображает «острую форму цивилизационного синдрома» — перегруппировку и скрещивание продуктов природы и объектов желания (см. с. 466).

25. Памятники морским путешествиям Сайлендры на Яве вырезаны на камнях Боробудура — реалистически изображенный корабль с растяжкой с уключиной несет героя-купца к Будде (см. с. 488).

26. Эстетика Чола в змеиной грации, чувствительности, тонкости и непревзойденном искусстве мастеров, создателей бронзовых статуэток Шивы и Парвати (см. с. 494).

27. Джайнизм — религия «подъема капитализма»? Раннее развитие морской торговли в Гуджарате позволило оплатить строительство знаменитых храмов Сатрунджайи (см. с. 497).

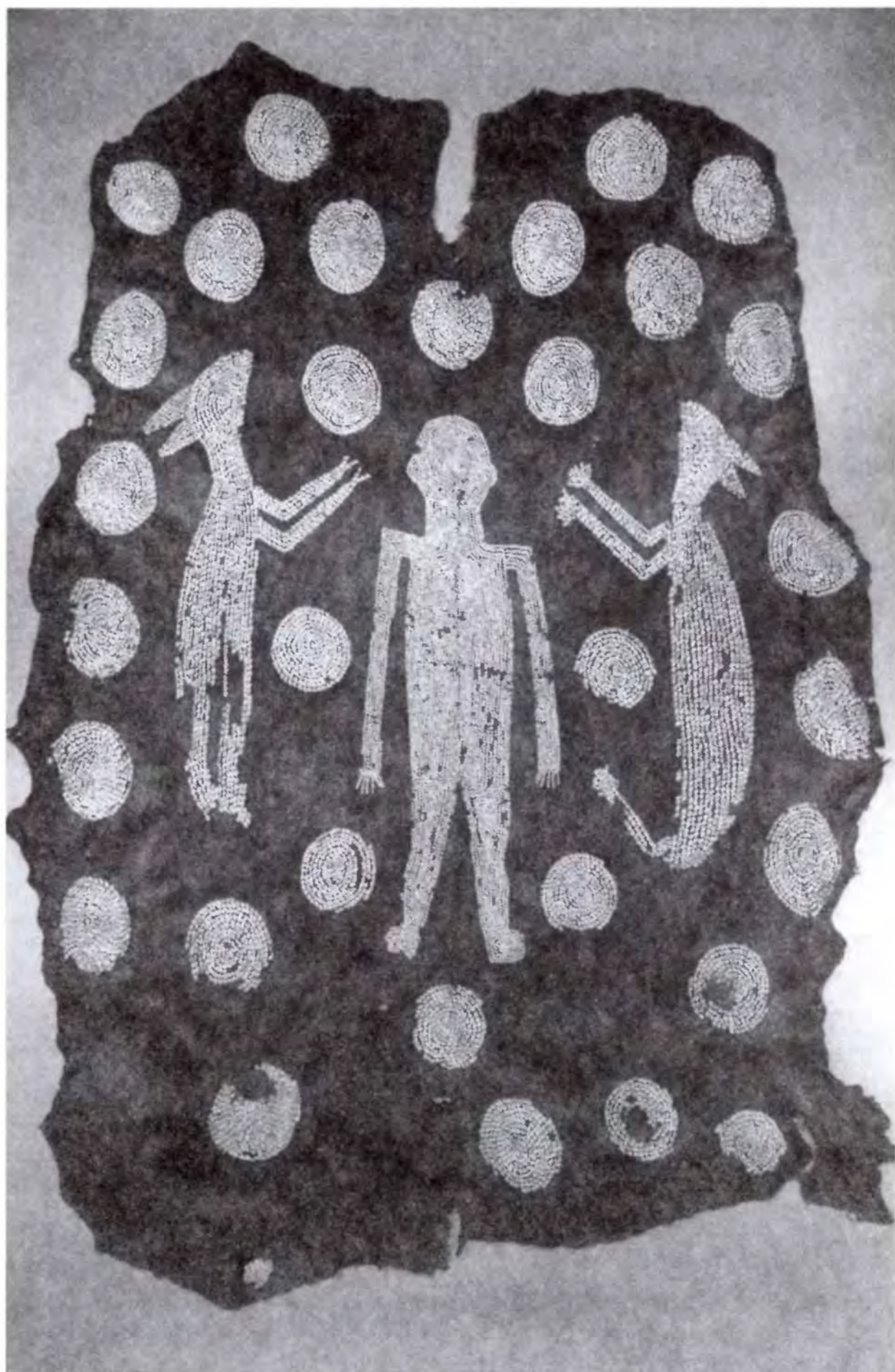
28. Преобразование античности. Необычный мавзолей Теодориха: германский курган, увенчанный шлемом, или игриво-эклектичная позднеимперская усыпальница? (см. с. 543).

29. Медитация и интоксикация. Картина Ву Вея отражает напряжение среди его покровителей: конфуцианский гуманизм, даосское преклонение перед природой (см. с. 575).

30. Запад на востоке: богатый синкретизм шкатулки слоновой кости из Шри-Ланки. Португальский муж, гибридная пища и столовые манеры (см. с. 585).

31. Атлантический фрагмент: «Плащ Поухатана», оленья кожа, добыча Джона Смита из руин доевропейского Нового Света (см. с. 616–620).

32. Под вулканом: новые города типа Антигуа обеспечивают непрерывность развития доевропейской городской цивилизации Америки (см. с. 636).

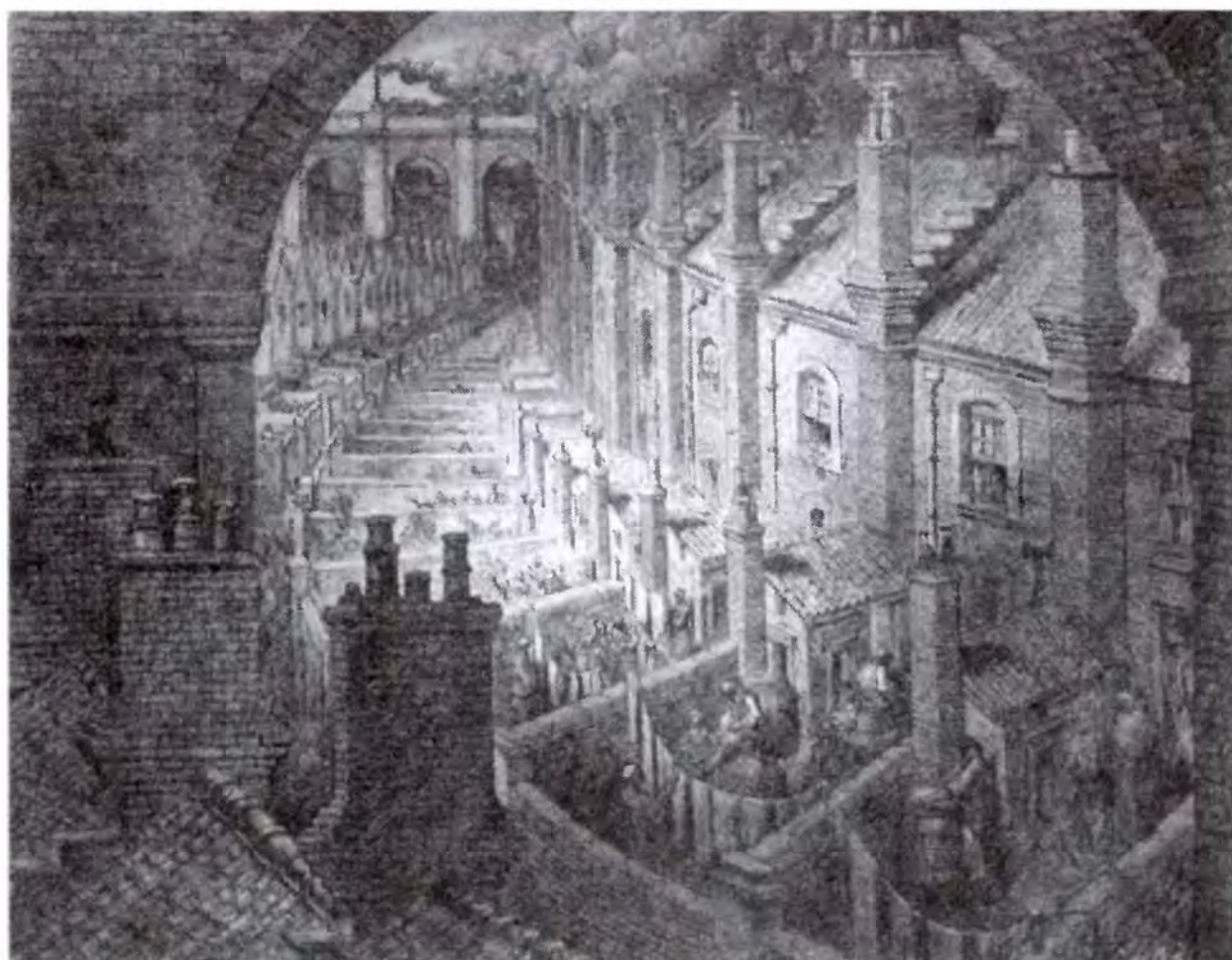
33. Океанская цивилизация: трансатлантическое культурное движение до появления рэгтайма было односторонним: рэгтайм — первая культурная форма, созданная в Америке и пошедшая на экспорт (см. с. 642).

34. «Поцелуй» Бранкузи: новое открытие Западом примитивной эстетики под воздействием культурно-релятивистской антропологии (см. с. 645).

35. Разочарование в индустриализации, отмеченное Доре: масса «калек, бездомных, отчаявшихся, эксплуатируемых, больных, несчастных, укутанных в тряпье и замерзающих» (см. с. 657).

стве своем увенчанные красными «навершиями» — сложными каменными головными уборами из материала, добытого в другой каменоломне; вероятно, они изображали красные тюрбаны островитян самого высокого положения³⁸. Добавлялись белые коралловые глаза; они наделяли статуи властным взглядом и придавали им видимость жизни. Время шло, и статуи становились все больше — явный признак соревновательной инфляции, которая поднимала цену сооружений. И вдруг, совершенно неожиданно, в разгар производства вся система рухнула. На платформах осталось около шестисот статуй и — словно для того, чтобы усугубить загадку, — еще сто пятьдесят лежат в каменоломне неоконченными, на разных стадиях производства. Ко времени появления первых европейских наблюдателей все это было уже покинуто, и, если платформы когда-то и были сценой ритуальной деятельности, никто эту деятельность не наблюдал и не оставил о ней записей.

Гордые монолиты, непочтительно брошенные, оставленные лежать в небрежении, и до сих пор не расшифрованные надписи, вопиющие с таблиц, кажутся реликтами века, к приходу первых европейцев уже минувшего. Грамотность и идеология — всегда жертвы Средневековья. Мы не можем восстановить обстоятельства, при которых начался «темный век» острова Пасхи. Ввиду его отдаленности причиной вряд ли могло стать вторжение извне. Хрупкое экологическое равновесие и ограниченные источники пищи делают самыми естественными объяснениями природные катастрофы, голод и социальную революцию — в любом сочетании. Когда-то в прошлом на острове жила элита наблюдателей за звездами, наслаждавшихся на пирах мясом черепах и дельфинов³⁹. Если таблицы ронгоронго — подлинно древние, для их изготовления необходим был один комплекс профессиональных навыков, для создания каменных статуй — другой. Свидетельства организации соперничающими группами масштабных работ как будто говорят о своеобразной целеустремленности, достигаемой с помощью принуждения. Заманчиво представить себе акт коллективного отказа от идеологии, смотревшей глазами статуй. Когда леса вырубали, птицы повывелись, а земледелие и ветры истощили почву, удовлетворять

амбиции творцов статуй стало все труднее. Период возведения статуй длился примерно восемьсот лет. Удивительно не то, что исчезла элита, возглавлявшая это созидание, а то, что социальная структура, поддерживавшая это строительство, просуществовала так долго.

Гнездо ветров: Алеутские острова

Тому, что делали полинезийцы на юге Тихого океана, нашлась аналогия в северной части того же океана у алеутов. Их острова пользуются недоброй славой у моряков, вынужденных прибираться среди терзаемых бурями скал и заснеженных рифов. Для всех, кто не любит холод, мокрый снег и туман, не выносит страшных ураганных ветров, дующих в горах и истязающих море, местный климат становится настоящей пыткой. Перепад температур невелик, летом столбик термометра редко поднимается выше 50 градусов по Фаренгейту, зимой обычно держится в районе двадцати градусов. Природный комплекс — переменчивые скалы, действующие вулканы, ледяные горы, мили сверкающей окаменевшей лавы, а также отсутствие плодородной почвы — казалось, рассчитан на то, чтобы помешать любым попыткам человека поселиться здесь.

Даже сами жители островов относятся к своей родине неоднозначно: их легенды утверждают, что они пришли сюда из краев, где не бывает зимы и откуда их изгнала война. Однако острова не лишены привлекательности, которая сделала их родиной замечательно изобретательной древней культуры. Эта культура почти без изменений просуществовала тысячи лет; кое-где культурный слой под нынешними поселениями достигает двадцати пяти футов.

Алеутские острова протянулись в Тихом океане от Сибири до Аляски примерно вдоль пятьдесят второй и сорок третьей параллелей; но по сравнению с негостеприимными материковыми землями они кажутся в высшей степени обитаемыми. Японское течение делает температуру относительно высокой. Противоположное течение приносит из Северного Ледовитого океана холодную воду, и это делает архипе-

лаг местом встречи рыбы и китов, тюленей и морских львов, которые охотятся на рыбу: море вокруг Алеутских островов достаточно богато, чтобы прокормить прирожденных морских охотников; вероятно, во время первого контакта с русскими местное население достигало двадцати тысяч человек. Хотя земледелие здесь невозможно, у берегов растут съедобные водоросли, а на небольших участках, удобренных птичьим пометом, можно найти ягоды и травы. Они помогают сбалансировать рацион, обеспечиваемый морем, и составляют фармацевтическую основу знаменитой алеутской традиционной медицины. Когда в 1955 году Тэд Бэнкс с целью сбора образцов растительности прибыл на средний остров Атку и расположенный чуть западнее Умнак, вождь и старейшины показали ему, как собирать и готовить средства от мышечной боли, от ушибов, запора, внутреннего и внешнего кровотечения, боли в животе, боли в горле и одышки⁴⁰.

Хирургия алеутов, также знаменитая, в XIX веке вызывала восхищение у русских ученых-очевидцев. Работали хирурги каменными ножами, костяными иглами и нитями, сделанными из кишок и сухожилий рыбы и морских львов; с помощью таких инструментов они проводили операции, казавшиеся западным хирургам слишком рискованными. Они могли заставить легкое опасть, проткнув его костяной иглой. Практические познания в анатомии они получали тем же эмпирическим путем, что и традиционные европейские медицинские школы: расчленяли тела рабов и погибших в боях. При подготовке к мумифицированию они извлекали внутренние органы покойников⁴¹.

Алеутское окружение требует уважения к себе: островитяне могли выжить, только сотрудничая с ним. Они не могли переформировать его, не могли задушить городами, вообще не могли добиться в нем никаких длительных перемен. Однако мумии демонстрируют попытку сделать хоть что-то постоянным и бросить вызов естественным процессам, остановив их. Мумии помещали в пещеры, а там, где пещер нет, в специально выкопанные ямы, иногда непосредственно под жилищами; мумии одеты и снабжены всем необходимым для дальнейшей жизни: их снабжали сосудами для еды и питья, оружием для охоты и выложенными костяными пластинами

доспехами для войны. Трупы особо высоких особ даже подвешивали на крюки на стенах погребальных пещер, чтобы они казались сидящими, и смазывали жиром из человеческих внутренностей, что придавало им подобие жизни⁴².

В середине XVIII века русские завоеватели принесли с собой все то, что обычно приносит всякий, кто считает себя выше своих жертв: порабощение, насилие над экологией, убийства ради забавы и ужас как метод управления. Первоначальные крайности завоевателей и первых эксплуататоров смягчила деятельность миссионеров и чиновников, но ничто не могло смягчить воздействие новых болезней, к которым у туземцев не было иммунитета. По официальным данным эпидемия 1838/39 годов уничтожила половину местного населения⁴³. Покупка в 1867 году Аляски подвергла Алеутские острова новой волне грабежей, на этот раз американских, и воздействию другой чуждой культуры, навязываемой силой. В XX веке Алеутские острова стали полем битвы соперничающих империй: русской, японской и американской. После кровавых сражений Второй мировой войны то, что еще оставалось от традиционного островного быта, подверглось разлагающему воздействию западной культуры; что выразилось в культурном шоке, потребительстве и сексуальном влиянии американских солдат, которые везде оставляют свои обычные следы: венерические болезни, внебрачных детей, груды биологически перерабатываемого мусора и жителей, привыкших к бесплатным раздачам и не способных позаботиться о себе. Традиционная экология изменилась под действием новой формы эксплуатации: в XIX веке русские ввезли выносливых пастбищных овец.

*Порты, куда стремятся попасть:
от Мальдивских островов до Мальты*

Такие яркие примеры нельзя оставлять без внимания. Но это случаи исключительные. То, чего достигли цивилизации, не питаемые внешними контактами, — островитяне, которые на большей части истории оставались наедине с морем, — превзошли в более благоприятных местах. Для того чтобы

начать строительство островной цивилизации, наиболее пригодны узловые пункты морской торговли или по крайней мере такие места, которые тяжелым трудом можно превратить в перевалочный и складской центр.

Такой поразительный пример дают Мальдивские острова: поразительный, потому что непонятный, а непонятный отчасти из-за фанатичного «иконоборчества» обитателей островов, которые уничтожили множество памятников древности. Если бы не торговля, историк цивилизации во второй раз и не взглянул бы на них. Низменные, погруженные в море, избиваемые циклонами, они изнывают под тропическим солнцем: маленькие атоллы, которые неуверенно выныривают среди океана, словно цепляются за жизнь, опасаясь утонуть. Островов в архипелаге сотни, но лишь один достаточно высок, чтобы почва там была незасоленной. Однако Мальдивы — идеальный торговый перевалочный и складской пункт на одном из древнейших морских торговых путей (см. ниже, с. 561–569).

Исчезнувшие древние строители, которых местные жители называют редидами, возводили храмы, чьи фундаменты до сих пор обнаруживаются при раскопках, и создавали культовые статуи, которые до нас не дошли, но которые, судя по народной памяти, испытали воздействие буддизма. Надписи на неизвестном языке используют символы, напоминающие индийские священные изображения: раковину и солнечное колесо Вишну, рыбу Шивы, свастику, двуверший трезубец Индры⁴⁴. Мраморные плиты, покрытые рельефами, заставляют вспомнить высокие храмы с большими окнами и острыми крышами; возможно, именно так выглядели ранние здания⁴⁵. Самые ранние датированные фрагменты относятся к VI веку н. э., но было бы удивительно, если бы буддизм не проник сюда гораздо раньше, принесенный попутными ветрами из Индии или Шри-Ланки. В XII веке появился ислам, но нельзя предположить, что уничтожение древностей началось немедленно или совершалось систематически: религиозный фанатизм по своей природе склонен к внезапным судорожным вспышкам и приступам ненависти и гнева. В середине XIV века Ибн-Баттута все еще считал Мальдивы «одним из чудес света»⁴⁶.

Средиземное море знает множество подобных примеров, возможно, потому что оно исключительно благоприятно для навигации: здесь нет приливов, климат мягкий, морскую поверхность редко тревожат бури, а система ветров и течений связывает побережья и острова, не заставляя прибегать к дальним плаваниям в открытом море. Насколько нам известно, древнейшее в мире общество, в больших масштабах соорудившее строения из камня, существовало на мальтийских островах Гозо и на самой Мальте, где в IV и III тысячелетиях до н. э. было возведено по меньшей мере тридцать комплексов — от большого до огромного. В это время шумеры строили дома из кирпичей, а первые монументы Египта в лучшем случае не старше. Постройки на Мальте сделаны из аккуратно обработанного известняка. В типичном случае у них треугольный внутренний двор, окруженный массивной внешней стеной высотой до 25 футов. В самой большой и красивой из них в Тарксъене находилась колоссальная статуя, установленная словно для поклонения: это женская фигура, великолепно подходящая для деторождения, с широкими бедрами и выпуклым животом. За ней ухаживали «спящие красавицы» — вокруг расставлены небольшие женские статуи. Ни одна столь же древняя скульптура не может соперничать с этим мальтийским воплощением божественного материнства. Известны фрагменты и других произведений искусства: нечто похожее на резной алтарь и остатки декоративных рельефов, на которых изображены абстрактные спирали и вполне реалистичные олени и быки. Останки тех, кто все это сделал, лежат в общих могилах вместе с тысячами мертвецов⁴⁷.

При взгляде на сегодняшние острова Мальты с их бедными почвами и сухим климатом очень трудно поверить, что они могли прокормить достаточно большое население и генерировать энергию для создания таких монументов. Похоже, все усилия общества уходило на сооружение этих общественных зданий: до сих пор открыто очень мало остатков простых жилищ. Однако к началу III тысячелетия до н. э. относятся два дома на Гозо — достойные жилища «строителей храмов». В этих домах поверх каменной прослойки уложены полы из измельченного известняка, стены кирпичные,

а крыши поддерживались столбами. Площадь пола большого здания 430 квадратных футов. Второй дом значительно меньше. Это позволяет высказать важное предположение относительно Мальты и поставить важный вопрос касательно цивилизации вообще. Достижения древней Мальты были созданы обществом, в котором существовало неравенство: привилегии одних обеспечивал труд других. Ни одна из известных ранних цивилизаций не обладала достаточными ресурсами, чтобы создавать великое искусство или большие монументальные сооружения, не сосредоточиваясь на отдельных проектах. Это означает, что элита — те, кто принимал решения и накапливал богатство, — была существенным элементом процесса возникновения создания масштабных произведений искусства. Кажется, здания Мальты с течением времени становились все грандиознее, их внутренние святилища скрывали все глубже, до них все труднее добраться, словно предводители старались держаться как можно дальше от подчиненных⁴⁸.

В дни величия Тарксьена среда, вероятно, была не такой бедной, как сегодня. Строители оставили лишь небольшие цистерны для сбора дождевой воды: сегодня это было бы непрактично, ведь дождь выпадает редко и непредсказуемо. Современная без преувеличения безлесная линия горизонта на острове, где трава и кусты — единственное, что растет на бедной почве, вряд ли была типична во времена строителей. Возможно, именно они лишили остров деревьев, потому что большое количество бревен шло на крыши; в Скобре, на востоке главного острова, на строительство шла древесина олив, а даже сегодня она считается драгоценной. Лишь крайнее расточительство или набожность могут объяснить такое использование священных деревьев, которые очень трудно вырастить и которые дают жизненно необходимые плоды.

Общество, построившее Тарксьен, исчезло четыре тысячи лет назад — еще более внезапно, чем возникло. Жители покинули поселение, затем, спустя метр стерильного слоя, появились новые обитатели — они использовали металл, но, насколько нам известно, ничего не строили — и набросали своего мусора. Какая участь постигла строителей Тарксьена? Стали ли они жертвами вторжения или сами истожили свою

среду обитания? Или, может быть, их уничтожила природная катастрофа или что-либо иное, о чем мы не подозреваем? Элита, правившая островом, определенно, утратила власть, и здания, в которых она жила, ее образ жизни — все это исчезло вместе с ней.

Мальта заслуживает большего места в истории цивилизации, чем ей уделяет историческая традиция. Но, подобно другим усеянными мегалитами островам Средиземноморья, она низведена до незначительного положения из-за полного исчезновения древней цивилизации. В XVIII веке появились первые сообщения о руинах на Мальте, тогда же были сделаны первые гравюры⁴⁹; примерно в это же время были заново открыты монументальные цивилизации ацтеков и майя (см. выше, с. 188, 232)⁵⁰ и начались раскопки Геркуланума; но если эти другие раскопки — вследствие их отдаленности или, напротив, известности, — постепенно изменили выстроенную археологами картину мира, древняя цивилизация Мальты не была вписана в историю человечества. Она не оказала видимого влияния на то, что последовало за ней. Похоже на фальстарт. Напротив, острова восточного Средиземноморья приобрели героический статус; здесь, хотя и не очень последовательно, прослежена цивилизационная приемственность, оказавшая воздействие на Грецию, а через нее — на весь «западный» мир. Тяга этой нити, соблазн «корней» приводит нас в эгейский бронзовый век через минойский Крит к Кикладским островам в третьем и втором тысячелетиях до н. э. и к элегантным мраморным арфисткам Кароса, которые, перебирая струны, словно начинают новую замечательную эру.

Гибель рая: минойский Крит

Для малого острова Крит весьма велик: его площадь 3200 квадратных миль. Однако две трети острова покрыты горами, где земледелие невозможно. Сегодня это один из самых диких и неприступных европейских ландшафтов. В древние времена условия для земледелия были лучше, почву еще не уничтожила эрозия и на острове росли леса. Но отыскать здесь следы цивилизации всегда было нелегко. К тому вре-

мени, как в 1901 году Артур Эванс в поисках происхождения письменности открыл знаменитый дворец в Кноссе, великолепие древней критской цивилизации было начисто забыто и свыше трех тысяч лет никто и не подозревал о ее существовании. Когда сегодня смотришь на находки археологов — обширные дворцы, их великолепные орнаменты, множество городов и прежде всего на стенные росписи, изображающие богатую, разнообразную жизнь привилегированных членов общества, легко предположить, что древний Крит был чем-то вроде изобильного рая: повсюду сады, полные лилий и ирисов, гладиолусов и крокусов; поля пшеницы и бобов, виноградники, оливковые рощи, миндаль и айва; леса, дающие топливо, мед и оленину; все это окружено морем, полным дельфинов и осьминогов, а в небе летает множество куропа-ток и удонов.

Однако было бы ошибкой судить о нашей жизни по процветанию, которое показывает телевизионная реклама, или о питании бедняков по изображениям столовых богачей. Вот и о процветании древнего Крита нужно судить не только по великому искусству, но по всему объему археологических находок. А эти находки свидетельствуют, что роскошная жизнь, отраженная в искусстве, идет не от природного изобилия. Она опирается на тяжелый труд в суровой среде с малоплодородными почвами и опасными морями. И зависит от строгого контроля за распределением пищи.

Очевидно, что богатой и легкой жизнью в просторных дворцовых залах жили лишь немногие. На росписях мы видим их занятых сплетнями, пирами и играми. В не подвергшихся разграблению поселениях, например Закросе, можно позавидовать роскоши, окружавшей знатных критян: мраморные чаши и кувшины из порфирита, шкатулка для косметики в форме сидящей борзой, сделанная из кристаллического сланца, с маленькой элегантной ручкой⁵¹. Но дворцы существовали вовсе не для того, чтобы в них жили эти люди. Главная функция дворцов — быть складами, где сосредоточивалась пища и откуда ее распределяли среди всего населения. После того как эта цивилизация рухнула и кносский дворец превратился в развалины, люди, глядя на него, представляли себе коридоры и залы частью гигантского лабирин-

та, построенного как дом чудовища, которому приносили в жертву — на съедение — людей. В действительности дворец был построен для хранения огромных глиняных кувшинов; часть их, некогда полных вина, масла и зерна, все еще остается на месте. Каменные сундуки, выложенные свинцом, были чем-то вроде сейфов «центрального банка» для осуществлявшейся под контролем государства торговли; товары развозили корабли, которые вели по морю так искусно, что, по мнению греков, «они сами отыскивали путь в волнах». Дворцовые запасы включали и товары, предназначенные к переработке ремесленниками для перепродажи: в развалинах дворца в Закросе аккуратно лежат слоновьи бивни и страусовые яйца⁵². Особые чиновники записывали на глиняных табличках все подробности хранения, распределения и торговли.

За стенами дворцов в домах подобных миниатюрным дворцам — с колоннами, балконами и галереями на верхних этажах — жили представители среднего класса. Обитатели таких домов вели, как и обитатели дворцов, не чуждались роскоши. Например, они пользовались многоцветной глиняной посудой, тонкой, как фарфор, или сложно разрисованными наземными каменными ваннами.

На краю системы распределения пищи располагались крестьяне, которые эту пищу производили. Эксгумированные останки свидетельствуют, что мало кто из этих людей доживал до сорока лет: это меньше средней ожидаемой продолжительности жизни человека на тысячу лет раньше, задолго до появления цивилизации. Большая часть населения жила на грани голода⁵³. Среда была слишком ненадежной. Через много лет после исчезновения цивилизации греческие писатели изображали Крит землей опустошительных засух. Тем временем на соседнем острове Фера, в середине второго тысячелетия до н. э. (дата этого извержения остается спорной) разрушенном грандиозным извержением, под слоем вулканического пепла и пемзы оказался погребенным роскошный город Акротири. Кносс и аналогичные дворцовые комплексы на побережье в районе Фиастоса, Маллии и Закроса раз или два восстанавливались, становясь все более роскошными, после предполагаемого разрушения по неизвестным причинам; в некоторых случаях это, возможно, были землетрясения.

В более поздних дворцах появились укрепления. Это свидетельствует о новой угрозе — внутренних войнах. Роль Кносса как образца для остальных дворцов, возможно, явилась результатом политического переворота: элита с юга и востока Крита как будто переселилась в Кносс после одного из восстановлений этого дворца. Ко времени последнего разрушения Кносса, которое обычно датируют 1400 годом до н. э., судьба Крита, по-видимому, оказалась тесно связанной с так называемой «микенской» цивилизацией южной Греции (см. выше, с. 306). То, что уцелело после разрушения экологии, погибло в войнах и землетрясениях. Удивительно, как хрупкая экономика, основанная на бюрократических распределительных методах, могла кормить города и элиту так долго.

Часто говорят, будто Крит был отправным пунктом, с которого началась современная западная цивилизация; влияние Крита через Микены и древнюю Грецию распространилось и на нас. Но между ними в течение половины тысячелетия царил «темный век», и в это время о прежней цивилизации забыли. Воспоминания о Микенах в эту бесписьменную эпоху сохранялись только в народной поэзии; а для Греции классического периода древний Крит был тысячелетней легендой — почти такой же древней и далекой, как для нас. Поздняя минойская культура имела нечто общее с создателями классического мира: ее народ, по крайней мере ее элита, пользовалась языком, который может считаться ранней формой греческого; но и это был утраченный мир, отделенный от классической Греции тремя или четырьмя веками до возобновления литературной традиции. Нить, которая как будто должна была привести нас в прошлое, порвалась еще до того, как мы вошли в лабиринт.

После провала минойского эксперимента острова Средиземноморья редко становились родиной самостоятельных цивилизаций. Но не потому, что не способны были восстановить процветание или привлечь культурные влияния. Хотя мореплавание все больше совершенствовалось и корабли двигались все быстрее⁵⁴, острова никогда не становились «местами привала» на линиях сообщения по морю. Майорка, например, была «землей средневекового Wirtschaftwun-

der»⁵⁵ *. Сицилия (вероятно, она слишком велика, чтобы считаться малым островом с соответствующей цивилизацией) стала сосудом, в котором в результате попыток создать собственную империю и организовать свою торговлю в Средиземноморье смешивались влияния греков и мавров, норманнов и германцев, каталонцев и анжуйцев. Современная Мальта — уникальная смесь, весьма своеобразная, ревностно католическая и с семитским языком. Однако остается справедливым утверждение, что большинство новых инициатив в создании цивилизации Средиземноморья приходится на материк (см. ниже, с. 440–444, 509–541). В этом смысле блестящим экспериментом стала Венеция.

Сотворение лагуны: Венеция как цивилизация малого острова

«Наши предки всегда старались украсить этот город красивейшими храмами, частными домами и просторными площадями, чтобы в дикой местности вырос самый красивый и великолепный город современного мира». Эти слова из резолюции венецианского сената 1535 года кажутся вполне справедливыми, когда смотришь на город сегодня.

Стоит отметить, что венецианцы гордятся не только своими нынешними достижениями. Они гордятся и тем, с чего начинали их предки. В старой английской шутке шофер спрашивает дорогу у деревенского жителя. «Точно не знаю, — отвечает деревенщина, — но на вашем месте я бы начинал не отсюда». Внешне Венеция — как раз то место, какого нужно избегать, если хочешь строить великую цивилизацию. Болотистые острова, погруженные в море, все больше опускаются под тяжестью знаменитых зданий, сооруженных надменными и сверх меры уверенными в себе венецианцами прошлого. Чудо Венеции не только в ее невероятной красоте, но и в невозможности ее существования с точки зрения здравого смысла. Сегодня город погружается в воду. Море требует вернуть ему его творение. Нигде лучше, чем здесь, не видно,

* Экономическое чудо (нем.).

что означает цивилизация на практике: великий город, усиленный человеком созданный во враждебном окружении.

Уехав подальше от Лидо, среди тростниковых зарослей Торчелло и Мурано, можно увидеть негостеприимную природу в ее первоначальном виде: до появления на них зданий острова Венеции были всего лишь тростниковыми зарослями и солеными болотами вроде тех, что до сих пор есть поблизости. Ранняя мозаика, изображающая прибытие реликвий покровителя Венеции святого Марка, показывает те же унылые картины. Под рукой нет никаких средств для поддержания жизни, кроме двух, на которые опиралась экономика ранней Венеции: вначале рыболовства, затем торговли. Великий историк Арнольд Тойнби прославился своей теорией о том, что происхождение цивилизации следует искать в стремлении человека ответить на вызов среды. Нигде в мире ответ на этот вызов не был таким ошеломляющим, как в Венеции⁵⁶.

По стандартам итальянских городов Венецию основали поздно, когда римская империя в западном Средиземноморье уже распадалась и жители материка бежали от наседающих варваров. Со временем Венеция стала синонимом великолепия и изысканности, она славилась своей блистающей богатством аристократией. «Венецианская роскошь» для Европы периода Возрождения все равно что «персидская роскошь» для древнего Рима. Слова «Венецианский сенат» сразу вызывают представление о патрицианской гордости и высокомерии правительства республики. Однако в ранние времена жителей Венеции хвалили за их примитивную простоту. «У них в изобилии только рыба, — писал римский наблюдатель в 537 году н. э., — богатые и бедные живут вместе и в равенстве. У всех одинаковая пища и одинаковые дома, поэтому они не завидуют друг другу и свободны от пороков, которые правят миром». Вначале, «усевшись, как водяная птица», они строят деревянные хижины на сваях или на полосках гальки, ограждают их плетеными решетками, чтобы уберечь от волн, а потом выгребают со дна лагун ил, чтобы создать на своем неустойчивом островке основу для более постоянного сооружения. В определенном смысле город до сих пор стоит на сваях: под известняковым фундаментом истрийские сосны и дубы на двадцать пять футов ушли в подвижный песок, что-

бы добраться до более устойчивого слежавшегося песка и глины⁵⁷.

Маленькая республика находилась в союзе с тем, что осталось от Римской империи. Когда Рим был завоеван варварами, единственной имперской столицей осталась Византия. Древнейшие здания, уцелевшие на Венецианском архипелаге, подражают византийским сооружениям. В политике и торговле Венеция была обращена к востоку, к морю.

Однако географически город был расположен удачно для прокладывания торговых маршрутов по Западной Европе: для этого можно было воспользоваться рекой По и альпийскими перевалами. Когда на материк вернулась стабильность, Венеция начала играть роль, определявшую ее историю на протяжении тысячи лет, — роль банковской конторы для всей Западной Европы и восточного Средиземноморья. Как следствие, хотя город никогда не утрачивал своей экзотической внешности, он стал местом встречи культурных влияний, идущих с обеих сторон, и сплавил их в своеобразную цивилизацию.

Венецианское искусство всегда безошибочно распознается как венецианское. На портретах изображены картинно полные люди. Идеализированная красота обычно хорошо прикрыта плотью. Картины создаются красками, они не структурируются рисунком; на каждой картине краски всей палитры. Архитектура стремится к экзотике и яркости: луковичные купола, заостренные концы над готическими архитравами, лепка, изобилующая орнаментами. Готика, определявшая стиль строительства по всей Европе, в Венеции приобретает декоративность. В Венеции и на венецианских территориях интернациональный стиль Высокого Возрождения стал основой причудливого орнаментированного творчества гениев Серлио и Палладио. Вера венецианцев также занимает особое место в истории католицизма: это религия без догм, ортодоксия без преследований. Подобно другим аспектам культуры, пища и язык — явные продукты центра торговли с иноземцами: они близки к пище и языку тех соседей, с которыми поддерживаются постоянные связи, но в то же время отличны из-за принесенных морем влияний и из-за возможных изменений на неприступном острове. Странности Венеции не

из ряда вон, и было бы несправедливо преувеличивать их: они всецело — часть европейского и средиземноморского контекстов, сплетающихся в истории Венеции. Но все в Венеции возникает благодаря ее островному положению. На большей части ее истории это было ее единственное преимущество.

В Средние века осознание венецианцами своей зависимости от морской торговли символизировала ежегодная церемония бракосочетания города с морем, которое до сих пор празднуется в первое воскресенье после Дня Вознесения. Глава республики — дож — возглавляет процессию среди островов и бросает в воду золотое кольцо, словно умиротворяя древнего языческого бога моря. Изображенная в середине XVIII века Каналетто или Карлеварисом, эта церемония выражает спокойную уверенность в несокрушимости силы Венеции⁵⁸. Однако по своему происхождению это — проявление тревоги: церемония должна была обеспечить расположение огромной и всегда беспокойной природной стихии, которая окружала Венецию и вечно грозила поглотить ее.

В целом договор Венеции с морем соблюдался. Адриатика носила корабли венецианцев и поглощала корабли их врагов — как Красное море поглотило фараона; так, во всяком случае, предпочитали думать сами венецианцы. Венеция никогда не становилась жертвой нападения моря. В средневековой Европе по маршруту между Венецией и Александрией перевозили самые ценные грузы: это был последний этап ввоза пряностей с далекого Востока. Постепенно Венеция до того разбогатела, что смогла освободиться от власти Византии. В 1204 году она повернула исторические отношения в противоположную сторону: армия крестоносцев, доставленная на венецианских кораблях, захватила Византию, и победители поделили остатки того, что еще называлось Римской империей.

Венеция становится столицей империи, ее колонии разбросаны по всему восточному Средиземноморью. Вывезенная из Византии добыча украшает фронтон собора Святого Марка и общественные здания Венеции. В отличие от Флоренции и Рима Венеция не могла утверждать, что основана героями классических времен; но награбленное придавало ей

вид древнего города. Над восточным входом в собор победоносно фыркают и ржут большие бронзовые кони. Под ними Геракл, вывезенный из Константинополя, несет эрифманского вепря. За дверьми сокровищницы римские императоры, вырезанные из порфирита почти за тысячу лет до того, как их присвоила Венеция, в дружеском жесте сжимают плечи друг друга. Колоннада, сработанная сирийцами на полторы тысячи лет раньше, ведет в баптистерий⁵⁹.

К богатству, полученному благодаря торговле экзотическими продуктами, Венеция добавила выгоды империи, эксплуатируя свои колонии, чтобы получить больше товаров, на которые был спрос у ее клиентов на западе и севере Европы: сахар, сладкие вина, оливковое масло и особые краски. В XVI и XVII веках конкуренты обнаружили новые маршруты для подвоза пряностей с Востока, но доля Венеции в этой торговле оставалась очень высока. В результате архитектура и искусство создали обрамление каналов и заполнили сегодняшние дворцы, галереи и библиотеки.

Тем временем, однако, восточное Средиземноморье становилось все более ненадежным: в него вторглась новая морская держава. Из азиатских степей верхом прибыли оттоманские турки. Но, добравшись до берегов Средиземного моря, они с конца XIV века проявили поразительную приспособляемость к мореплаваниям. Турецкое мореходство не возникло вдруг и в готовом виде. С начала XIV века пиратские шайки на берегах Леванта возглавляли турецкие атаманы; в распоряжении кое-кого из них, по слухам, были флоты из сотен кораблей. Чем дальше береговую линию захватывали наземные силы, чем дальше на запад оттоманский империализм продвигался, тем большие возможности открывались перед корсарами под началом турецких главарей: у них появлялся доступ к удобным гаваням и к поставкам с материка. Однако на протяжении всего XIV века пиратские набеги осуществлялись малыми кораблями с тактикой «хватай и беги» и были сравнительно скромными предприятиями.

В 1390 году турецкий султан Баязид I начал строительство собственного флота, однако использовал совсем иную тактику, чем независимые мореплаватели до него. Вопреки намерениям турок морские сражения заканчивались их по-

ражениями. Не позже 1466 года венецианский купец в Константинополе утверждал, что для победы над венецианцами на море туркам нужно превосходство в четыре или в пять раз. Однако к тому времени инвестиции Турецкой империи во флот превышали средства, вкладываемые любым христианским государством. Предусмотрительные султаны Мехмет I и Баязид II понимали, что завоевание суши — если оно будет продолжено — следует подкреплять с моря. После долгих поражений и неудачных экспериментов турецкий флот Баязида в войне 1499—1503 годов разгромил венецианцев. Никогда с тех самых пор, как римляне неохотно вышли в море против Карфагена, мореплавание не бывало так успешно освоено государством, ранее его не знавшим. Четырехсотлетнее равновесие между морскими силами христианства и ислама было нарушено — по крайней мере в восточном Средиземноморье. Можно сказать, что в водах Венеции началась новая эра⁶⁰.

Венеция сохраняла осторожные мирные отношения с турками, что уменьшало препятствия к ее торговле; но с XV века торговая аристократия Венеции направляет все больше средств в материковую Италию. Венеция становится сухопутным государством с собственной территорией. Города по берегам По украсились символом власти Венеции — львом святого Марка.

Даже в лучшие дни Венецианская империя была поразительным исключением с точки зрения исторического развития. Во всей Европе города-республики — тем более города-империи — уже ушли в прошлое: большинство их подчинилось монархам сопредельных стран. Венеция оставалась анахронизмом, и ее жителям и подчиненным ей городам приходилось дорого платить за это. Хотя правители республики были купцами — капиталистами-предпринимателями, озабоченными получением прибыли и накоплением богатства, — почти на всем протяжении венецианской истории они придерживались высоких нравственных принципов, ставя на первое место интересы государства. Венецианское искусство посвящено этому коллективному идеалу и отмечает вклад в него отдельных благородных семейств.

В XVII и XVIII веках великолепие венецианского искусства и знаменитые праздники этого города как будто туск-

неют. Соответственно начинается упадок власти и богатства: экономический центр Европы сместился в результате открытия торговых путей через Атлантику и постепенного создания всемирной торговой сети. Странами, которые могли воспользоваться новыми возможностями наилучшим образом, оказались те, у кого был доступ к Атлантическому океану. Войны с турками истощили силы Венеции. Торговлю в XVIII веке удавалось поддерживать, только откупаясь от пиратов и умиротворяя врагов. Территория империи оставалась нетронутой лишь благодаря терпимости соседей. В 1797 году, когда порожденные Французской революцией армии захватили всю северную Италию, независимость Венеции рухнула.

Город сохранился благодаря своей уникальности; это убежище романтических путешественников и мастерская историков искусства. Но отвага его строителей сегодня кажется все более неосмотрительной по мере того, как среда берет реванш; опускаясь под воду под бременем своего наследия, разлагаемая отравленным морем, Венеция силится удержаться на поверхности.

12. Вид с берега

Природа приморской цивилизации

*Оран лаут. — Финикия и Скандинавия. —
Морские Нидерланды.*

*Плывущие под водой,
Морские вестники,
Рассказали эту историю:
Слова этой истории
Таковы.*

Традиционная песня японских ама,
или морского народа Период Ямато²⁷

*Земля за морем за гранью цивилизации,
Но рассказ о ней дает народу хань заслуженное
уважение.*

Бао Хе (VIII век). Послание достопочтенному
господину Ли в Кванзу

Морской народ: приспособленные к волнам

Моря притягивают и отталкивают, устрашают и вдохновляют. Это бездонные котлы, порождающие чудовищ, в одной поэтической строке — зеленые, как драконы, сверкающие и населенные водными змеями; в другой — щедрый, вознаграждающий кубок «земного вина». Они одновременно угрожают жизни и поддерживают ее. Люди обычно не живут в море постоянно — но оран лаут, «морской народ» юго-востока Азии, доказывает, что и море может стать обиталищем человека. Благодаря писателям-фантастам колонизация морского дна стала любимой идеей современности. Однако там, где суша и море проникают друг в друга, где удобные гавани открывают выход к доступным для навигации морям, цивилизация в состоянии воспользоваться разнообразием среды, предлагаемым морем. Море может стать источником пищи, торговым путем и способом распространения.

Его нельзя преобразить так же легко, как земной ландшафт, нельзя покрыть городами, хотя остатки кораблекрушений способны образовать плавучую жилую поверхность на воде или под ней; некоторые живущие в лодках народы и впрямь создают флотилии, которые уместно было бы называть морскими городами или по крайней мере морскими поселениями, пока их не рассеет порыв ветра или необходимость поиска пропитания и убежища. Люди, живущие в море постоянно — а не использующие его время от времени для охоты, миграции, эксплуатации, торговли или войны — должны приспосабливаться к окружению, а не преобразовывать его в своих целях. Как место обитания море подобно пустыне (см. выше, с. 57–112) — и даже превосходит ее суровостью: оно требует сотрудничества, и его нельзя покорить.

Когда перед Первой мировой войной Уолтер Грейндж Уайт служил капелланом в Мергуи в Британской Бирме, он подружился с самым северным морским народом Малайзии, которых называет так, как они называют себя сами, — моке-

нами. Он восхищается ими и симпатизирует им, но признает их образ жизни нецивилизованным. Согласно критериям, принятым в этой книге, мокены представляют антитезис цивилизации: полностью подчиняются природе, зависят исключительно от ее милости. У отдельных общин есть «база» на побережье, в укромных гаванях, или на необитаемых островах; там есть хижины, где можно укрыться в случае необходимости. Но у большинства — на тот период Уайт определял их численность в пять тысяч человек — нет иного дома, кроме лодки, и они буквально всю жизнь проводят в море. На берег они выходят только для торговли, постройки или ремонта лодок и — весьма любопытно — погребения мертвых, которых они не доверяют волнам. В юго-восточной Азии есть немало народов, которые в море как дома; но большинство, вроде племени буги с Сулавеси, прославленного на западе своей способностью приспособиваться к морю, в сущности в море новички; это крестьяне, которых сильно тянет в море¹. Но оран лаут в Малайзии — морской народ в полном смысле слова; самым решительным приверженцем морского образа жизни среди них была община мокенов, описанная Уайтом.

Их скромность и героизм тронули Уайта. Семья — от шести до двенадцати человек — живет в лодке-долбленке в двадцать пять футов длиной, с закругленными помещениями с обоих концов: такая форма как будто специально предназначена для того, чтобы волны подбрасывали обитателей вверх и вниз и препятствовали им передвигаться с большей скоростью. Защиту от волн давали длинные пальмовые стволы, уложенные горизонтально и скрепленные смолой; они образуют борта высотой несколько футов. Палуба из перевязанных стеблей бамбука покрывает почти всю лодку, есть только отверстие для вычерпывания: набравшуюся воду вычерпывают руками или в более благоприятных условиях — бутылкой из тыквы. На палубе — крытая пальмовыми листьями небольшая хижина, куда можно заползти и лечь; это единственное убежище. Если есть возможность, в отверстие посреди палубы вставляют мачту и поднимают парус из пальмовых листьев с оснасткой из плетенных из травы веревок. Чаще же продвижение осуществляется на веслах, укрепленных

в веревочных уключинах. Единственное орудие мokenов для ловли рыбы — гарпун в форме копья с костяным наконечником, потому что мokenы не снисходят до использования сетей или ловушек; то, что нельзя ударить гарпуном, приходится собирать со дна или скал. Поэтому единственная рыба, которую едят мokenы, — полосатая зубатка (она чересчур медлительна и потому уязвима), едят и ракообразных, за которыми приходится нырять или лазить. Даже в лучшие времена на подобной пище долго не протянешь, поэтому приходится менять рыбу и раковины на рис. Для приготовления деликатесов разжигают огонь; на палубу, чтобы она не загорелась, наносят слой земли; над огнем вешают котел. Для удобства у каждого члена семьи на палубе есть своя циновка, на которой сидят или лежат.

С подобным поистине минимальным оснащением мokenы весь год проводят в море, на которое обрушиваются непрерывные бури. Бенгальский залив — одно из самых беспокойных мест, где развито мореплавание; это залив моря, в котором плавал Синдбад, где перемена ветра могла разорить или принести богатство и где согласно тексту середины XX века экипажи китайских джонок не могли продержаться без крепких напитков². Здесь «цивилизованные» морские бродяги рассказывают о кораблекрушениях истории длиной в мачту своего корабля. Морской народ переносит проливные дожди и тайфуны, которые приходят каждый год летом; в это время оран лауты неделями почти не спят и почти не способны добывать пищу. Когда море успокаивается, приходится считаться с малайскими пиратами; в таких обстоятельствах лучшая защита, наиболее рациональная стратегия выживания — бедность. В воде, на которой живут оран лауты, множество акул, так что когда моряки готовят рыбу, отбросы оставляют на дне лодки: бросить их за борт значит привлечь постоянное общество свирепых хищников. Жизнь на кабангах проходит в атмосфере гниения.

У этих людей есть два вида науки: во-первых, умение строить лодки и знание необходимых для этого материалов; и во-вторых, как замечает Уайт, «они знают о рыбах и раковинах все, что можно узнать путем наблюдения»³. Искусство их сводится к плетению циновок, да и те обычно делаются

одинаковыми и почти без украшений. Танцы и музыку — они традиционно играют на бамбуковых флейтах — ко времени, описанному Уайтом, они почти забросили, объяснив ему: «Наше время — время печали». Зависимость от природы, по существу, не оставляет им времени ни для чего другого. Они живут в море и радуются жизни, но не утверждают, что выбрали эту жизнь добровольно. Они утверждают, что были процветающим народом крестьян, но вторжения с севера, из Бирмы, и из Малайзии, с юга, заставили их переселиться в море. Они уходили все дальше на острова, спасались в лодках, когда приходили захватчики, и наконец совсем оставили берег. Их самоназвание буквально означает «потонувшие в море»⁴.

Опыт морского народа Малайзии — крайний случай использования моря как мизансцены цивилизации. Вывод напрашивается. Роль моря в истории цивилизации ограничена двумя аспектами: во-первых, моря становятся дополнительным источником продуктов и материалов для сухопутных общин, живущих на берегу; во-вторых, моря служат коммуникации между цивилизациями. Под «морской цивилизацией» я понимаю цивилизации, сформированные этими двумя аспектами. Независимо от окружения: жаркое оно или холодное, дождливое или сухое — именно эти два аспекта позволяют поместить их в один класс.

Узкие берега: Финикия и Скандинавия

Обычно морские цивилизации обращаются к морю из пустынных или скалистых местностей. Финикийская цивилизация, процветавшая в течение тысячи лет с тринадцатого века до н. э., возникла на плодородном, но узком берегу там, где сегодня Ливан; ширина этой полосы всего несколько миль, а за ней начинаются Ливанские горы. Само название финикийцев говорит о торговле: оно почти несомненно означает «поставщики пурпурной краски» — производимая в Тире краска в древности пользовалась особым спросом на Западе. Подобно всем подобным названиям, оно дано финикийцам извне, но у финикийцев была собственная единая культура,

были свой язык и своя территория. Если воспользоваться словом, дающим легко распознаваемые ассоциации, они были ханаанцами своего побережья. Спустя триста лет после их исчезновения римский поэт вспоминал о финикийцах как об «умном народе, процветавшем в войне и мире. Они добились превосходства в письме, литературе и в прочих искусствах, а также в мореплавании, войне на море и в государственном управлении». Соответствующая скандинавская приморская история разворачивалась дольше и происходила в контрастирующем окружении; но она дает удивительные параллели, которые показывают, что Средиземное море было не единственным цивилизованным морем Европы.

Перед финикийцами лежали воды, доступные благодаря множеству удобных гаваней. Позади них вставали кедровые и сосновые леса, поставлявшие ценные материалы для строительства кораблей и для вывоза. Именно эти корабли, согласно Библии, привозили царю Соломону золото Офира; тирский царь Хирам предоставил Соломону материалы для строительства храма в обмен на продовольствие и масло. Финикийские ремесленники изготовили чашу Ахилла для смешения вина, а финикийские моряки «пронесли ее через туманные воды»⁵. У своих греческих конкурентов финикийцы приобрели репутацию коварного народа: стать объектом клеветы — свидетельство больших достоинств.

Леса Ливана давали строительный материал корабельщикам безлесного Египта. Живой отчет о поездке для покупки леса в 1075 году до н. э. оставил Венуман, купец, посол фараона и служитель культа Амона. «Я, Венуман, — начинает он, — направился из Египта в Великое Сирийское море, руководствуясь только светом звезд, и доплыл до царства Зекера Бала, правителя Библоса». Венуман остановился в харчевне и установил алтарь Амона, покровителя путешественников. Вначале царь отказался принять его, предпочитая, как пишет Венуман, сохранить лес для собственных кораблей. Но далее египетский источник излагает стратегию переговоров, часть которой — драматичная перемена положения. Царь, услышав пророчества приезжего, поздно вечером приглашает к себе посла.

«Я застал его в верхнем покое дворца, — пишет Венуман, — и, когда он отвернулся от окна, волны великого моря

Сирии с силой плескали за его головой». Переговоры начались с того, что обе стороны встали в позу. «Я прибыл, — начал Венуман, — заключить контракт на поставку леса для великого и благородного корабля Амона, царя богов. Как делал твой отец и как делал отец твоего отца, так должен поступить и ты. Дай мне лес с ливанских холмов для постройки корабля».

Зекер Баал выразил негодование: его сотрудничество — это не дань. Он даст лес, только если за него заплатят. «Когда я громовым голосом, от которого раскалывается небо, отдам приказ Ливану, лес будет доставлен к морю». Венуман возразил: «Нет корабля, который не принадлежал бы Амону. Само море принадлежит ему. И ему же принадлежит Ливан, хотя ты говоришь: «Он мой». Сделай, что велит Амон, и у тебя будут жизнь и здоровье».

Тем не менее Венуман отправился назад в Египет и вернулся с четырьмя кувшинами золота и пятью серебра, с тканями и одеждой, с пятьюстами бычьими шкурами и тремястами веревками, с двадцатью мешками чечевицы и тридцатью корзинами рыбы. «И правитель был доволен, он дал триста человек и три тысячи быков, и они доставили лес. Всю зиму они занимались этим и доставили лес к морю»⁶.

Большинство финикийских городов строились на берегу и были гаванями, они «располагались, — как сказал Иезекииль о Тире, — у входа в море... город-купец для множества островов»⁷. Их водяные ворота — какие изображены на рельефе в северной Месопотамии — открывались прямо в море⁸. На монетах, которые финикийцы начали чеканить в VI веке до н. э., обычно изображены торговые галеры на фоне моря⁹. В отчете ассирийского купца девятого века до н. э. рассказывается о жизни гавани Тира: верфи, уставленные кораблями, склады, в которые непрерывно входят и из которых выходят люди, торговля лесом и восстания из-за налогов¹⁰. В злых и ревнивых пророчествах Иезекииля говорится о городе, гордом своей красотой, «которую твои строители усовершенствовали». Приводимый им перечень имеющегося в городе составлен с целью произвести впечатление разлагающей роскоши. Но начинается он с основы всякого богатства — корабельного леса и самих корабельщиков: стройма-

териалы и экипажи, кедр из ливанских лесов, дуб для весел, слоновая кость для скамей, паруса из египетского льна, моряки и конопатчики с финикийского берега. «Все корабли в морях приплывают к тебе за твоими товарами»¹¹.

Подобно многим более поздним морским цивилизациям, Финикия использовала море для основания колоний. Самые ранние из них: Утика (там, где сегодня Тунис) и Гадес (современный Кадис в Испании) — как свидетельствуют легендарные источники, были основаны в XII веке до н. э.; археологические данные свидетельствуют о в высшей степени стремительном распространении колоний по всему западному Средиземноморью: процесс доходил до Мальты (в VIII веке до н. э.) и Сардинии (в IX веке) и затрагивал Танжер и Тамуду в VI веке до н. э. Отсюда финикийские мореплаватели вышли в Атлантический океан и основали торговый пункт в Могадоре. В римских текстах говорится даже о том, что финикийцы огибали Аравийский полуостров и Африку.

Там, где они строили города, они распространяли и свои эклектические вкусы, чего можно ожидать от талассократов: дома с мраморными полами и мавзолеи, украшенные в смешении стилей, заимствованных по всему восточному Средиземноморью. Везде они оставляли следы своих традиционных ремесел: чаны для смешения тирийской краски, обмазанные глиной ульи и стеклодувные мастерские. У них существовали кровожадные культы: во время шумных, потрясающих обрядов Карфагена бронзовые руки изваяний Ваала и Танит бросали в священное пламя новорожденных¹².

Независимые города, оставшиеся в Ливане, поглотил вавилонский и персидский империализм. Центр тяготения финикийского мира переместился на запад. Карфаген, основанный в конце IX или начале VIII столетия до н. э., стал путеводной звездой и главным претендентом на контроль над средиземноморской торговлей — он соперничал вначале с греческими городами, затем с Римской империей. Карфаген был расположен идеально для центра морской цивилизации: отличная гавань посреди Средиземного моря, именно там, где в ней нуждается большинство кораблей, с прилегающей

узкой, но плодородной территорией, изобилующей стадами, пшеничными полями, орошаемыми садами, в которых росли гранаты, и виноградниками. Катон продемонстрировал это римскому сенату одним жестом: желая показать, почему Карфаген должен быть разрушен, он продемонстрировал только что привезенные оттуда спелые сочные плоды инжира — это свидетельствовало и о плодородии земли, и о легкости доставки из нее. Окончательное торжество Рима в 146 году до н. э. оказалось столь полным и мстительным, что Карфаген был разрушен до основания, а почва, на которой он стоял, засеяна солью. Почти всю финикийскую литературу уничтожили. Уцелели лишь немногие надписи. Сохранилось так мало произведений финикийского искусства, что охарактеризовать его невозможно: если в нем было нечто общее, помимо эклектики, мы, вероятно, никогда об этом не узнаем.

Не можем мы и восстановить контекст, в котором возник главный дар финикийцев миру — алфавит. Все системы письма, кроме тех, что развились на основе финикийского, имели силлабическую или логографическую природу либо представляли какую-то комбинацию этих двух типов. При силлабической системе каждый знак означает слог, обычно состоящий из одного гласного и одного согласного; во второй системе знак представляет целое слово. Казалось, эти два способа имеют непревзойденные преимущества для писцов тех цивилизаций, которые их разработали или заимствовали. Во-первых, они требовали от пользователя знания большого количества знаков — обычно около ста в силлабической системе и несколько сотен или даже тысяч в логографической. Поэтому письмо становилось тайным искусством посвященных, загадкой, для разгадывания которой нужно много времени, а оно есть только у привилегированных членов общества. Во-вторых, они экономически были более выгодны: требовали меньше времени для письма и потребляли меньше ценных материалов, таких как каменные или глиняные таблички, папирус, бумага или дорогостоящая кожа; система, в которой каждый знак соответствует звуку, потребляет гораздо больше писчих материалов. Системы письма, основанные на финикийской традиции, на протяжении большей части

истории не могли считаться лучшими, но в последнее время в обществах массовой грамотности и дешевых писчих материалов они оказались как раз на месте. Действительно, легкость, с которой можно овладеть подобной системой, способствовала широкому распространению грамотности и стимулировала контакты — и политические, и торговые, которые письмо облегчает. Письмо не есть необходимая предпосылка цивилизации, но оно очень полезно. И чем проще система письма, тем больше людей можно привлечь к деятельности, требующей грамотности.

Это иллюстрирует руническое письмо — система, также отдаленно связанная по происхождению с финикийским алфавитом. Наше представление о севере нигде не было так искажено и мистифицировано, как при изучении рун. Сочетание романтизма и невежества отдало это практичное и легко применимое письмо во власть магии. Не всегда легко разграничить науку и магию, но руническое письмо, подобно шумерской и минойской системам письменности, вероятно, начиналось как технология бизнеса — для обозначения названий товаров. В Бергене XII века рунические надписи определенно использовались как торговые ярлычки; рунами написаны письма королевских чиновников этого периода; до нас дошло такое количество фрагментов этих писем, что можно предположить наличие обширной корреспонденции¹³. Подобно большинству систем письменности, эта также рассматривалась как божественный дар, «письмо, данное богом», «великолепное», что, однако, вовсе не означает, будто его использование было тайным. Надписи, содержание которых связано с ценными объектами, ассоциируются с молитвами об успехе и, возможно, о бессмертии; но все это желания, которые не выходят за обычные потребности письменных записей практичных людей. Большинство сохранившихся рунических надписей не имеют магического либо ритуального или религиозного контекста, если не считать таковыми заявления о собственности или авторстве.

Мне кажется, эту систему справедливо признать письменностью морской цивилизации. Возможно, она зародилась не здесь, хотя большинство ранних надписей происходит из

южной Дании. В юго-восточной Европе, которую соперничающая теория считает родиной рун, большинство надписей могут быть истолкованы как торговые — это надписи на шейных кольцах и застёжках. Если считать правдоподобной теорию, согласно которой руны происходят от финикийского алфавита через греческое письмо¹⁴, весьма вероятно, что это влияние распространилось на янтарные земли Балтии по хорошо известному греческому торговому пути, который прослеживается вплоть до второго тысячелетия до н. э. С другой стороны, самые ранние известные руны относятся ко второму веку н. э., что говорит о римском влиянии, переданном через Германию и пришедшем в Скандинавию поздно, когда в других культурах эта традиция умирала. В любом случае центры распространения рун, где найдено большинство надписей, это южные районы Скандинавского полуострова.

Руны заняли подобающее им место как датская и шведская письменность в XI и XII веках. Усилия полуграмотных гравёров (во всяком случае, если современный читатель хочет извлечь смысл из этих надписей, приходится допускать наличие в них большого количества орфографических ошибок) — это уцелевшие остатки литературных произведений, которые обычно записывались на непрочных материалах вроде коры или древесины. Многословные оригинальные исландские саги, которые в стране, лишенной деревьев, записывались более основательно, — свидетельство скандинавской литературной традиции.

Жители западной Скандинавии были «финикийцами севера». Узкая обитаемая полоска земли, за которой возвышались поросшие лесами горы, всегда через фьорды и русла рек имела доступ к морю, а море дополняло скудные плоды земли. Природная среда здесь может показаться особо неблагоприятной: холодный север, где сохранились остатки ледникового периода и где низкое солнце обуславливает резкие различия между временами года. Здесь нет олова, чтобы могла развиваться цивилизация бронзового века: ремесленникам приходилось сотни лет рабски копировать бронзовые топоры и кинжалы, завезённые издалека и по очень дорогой цене, возможно, в обмен на янтарь — его высоко

ценили люди Средиземноморья, у которых своего янтаря не было.

Но в самых благоприятных частях региона, на месте нынешних южной Швеции и Дании, в начале второго тысячелетия до н. э. у народа, по вполне понятным причинам одержимого солнцем, возникла энергичная и изобретательная культура, бросившая вызов окружению. Самый красивый артефакт того времени — колесница солнца середины второго тысячелетия, найденная в болотах Трундхольма. По этому естественному архиву, полному разнообразных предметов, а также по находкам в погребениях и наскальным рельефам можно составить картину бронзового века Скандинавии: богатство, позволявшее ввозить металл в больших количествах; внешность элиты — женские наряды с кисточками, рогатые шлемы воинов; предпочтение отдавали извилистым линиям, вероятно, подражающим рогам оленей и лосей; это заметно на рисунках кораблей или в шести бронзовых трубах возрастом в три тысячи лет, найденных в богатом кладе в Брудеvelte¹⁵.

Древние изображения кораблей на скальных рельефах и разнообразие предметов торговли не оставляет сомнений в том, что морская культура в Скандинавии существовала за тысячи лет до того, как викинги, морские купцы, поселенцы и завоеватели Скандинавии впервые появляются в записях, в VIII веке н. э. Хроники, оставленные их жертвами, сделали викингов в нашей исторической традиции символом разрушения; но они обладали и огромной созидательной; творческой силой. С точки зрения технологии их корабли были самыми совершенными в западном мире, а методы навигации в открытом море превосходили все тогда известное грекам, римлянам или кому-либо из морских христианских соседей викингов. В области политики они основали первые задокументированные государства в России и в Исландии и — путем завоевания и расселения — передали отчетливые традиции институционального и законодательного развития Британии и Нормандии, а затем британский и норманнский империализм передал эти традиции многим странам. Художественное наследие викингов включает множество роскошно украшенных предметов: церемониальные сани, которые вместе с

владельцами помещались в могилу, резьбу по дереву, украшения и вышивки, сопоставимые по качеству с тем, на что было способно большинство европейских народов того времени. Хотя их литература почти не дошла до нас, ее традиции ощущаются в исландских сагах, записанных в XIII веке, которые, в свою очередь, оказали огромное влияние на современную романтическую поэзию. Морские народы Скандинавии приняли христианство в конце X и в XI веках н. э. и постепенно влились в западный христианский мир; но их независимые достижения до этого времени показывают, что жизнь в приморье, пусть в негостеприимном и тесноте, может стать отправной точкой для цивилизации, если при этом исследуется и эксплуатируется море¹⁶.

В воспоминаниях, сохранных средневековой литературой Исландии, вся атлантическая колонизация викингов представлена как героический продукт бурного моря и еще более бурных обществ; таковы открытие в начале X века Гренландии, приписываемое Гуннбьерну Ульф-Кракасону, которого погнал на запад переменчивый ветер, или колонизация того же острова Эриком Рыжим, бежавшим в 982 году от убийственных феодальных распрей, или открытие в 986 году Нового Света Бьярни Херольфссоном, который пытался последовать за отцом в Гренландию, но заплыл слишком далеко. В действительности ничего не могло быть естественнее преодоления викингами Атлантического океана: они передвигались от острова к острову и пользовались океанскими течениями. Морякам, привыкшим зависеть от компаса, их способность без карт и технических достижений находить дорогу в открытом море и гавани кажется сверхъестественной. Но, подобно полинезийцам (см. выше, с. 409), викинги были опытными моряками, их наблюдательность еще не пострадала от технической искушенности; они могли, невооруженным глазом наблюдая за солнцем и звездами, примерно определить свое положение в море. Много и достаточно убедительно говорилось о существовании у них так называемого солнечного компаса, хотя сохранились лишь единичные фрагменты подобного устройства; такой прибор должен был состоять из вертикального стержня, закрепленного на круглом деревянном основании. В месте отплытия штурман от-

мечал место тени, отбрасываемой гномоном на основание. Сравнение этой дуги с тенью, отбрасываемой во время плавания, показывает изменение высоты солнца и, следовательно, отклонение от первоначальной широты¹⁷. Если небо было закрыто облаками, а также в туман норвежским мореходам оставалось руководствоваться только догадками, дожидаясь, пока небо не очистится. Подобно полинезийцам и некоторым современным рыбакам, они могли также руководствоваться знакомыми запахами. Приближаясь к земле, они наблюдали за расположением облаков или следовали за летящими птицами — подобно легендарным открывателям Исландии в IX веке, которые держали на борту воронов и время от времени выпускали их.

Их корабли не были ни узкими стремительными кораблями-драконами, ни «украшенными золотом, великолепными хищниками с мачтой», как писали поэты севера; это были широкие глубокие суда того типа, что раскопали археологи в Скульделе в 1962 году. Их кили и ребра делались из дуба, а доски наружного корпуса — из сосны; доски искусно скреплялись деревянными втулками из липы. Были и железные заклепки, возможно, изготовленные молчаливыми бородачатыми кузнецами, которые действовали мехами, молотами и клещами, как изображено на рельефе XII века из Хайлстеда. Щели между досками конопатились шерстью животных, смоченной сосновой смолой. На центральной мачте поднимали квадратный полотняный парус (им пользовались только при попутном ветре); свернутый, этот парус крепился к большой Т-образной стойке; вероятно, были и паруса поменьше для маневрирования. В передней и задней частях корпуса несколько отверстий для весел; ими пользовались при подходе к берегу. Корабль не имел руля и управлялся шестом, который спускали с правого борта ближе к корме. Закрытой верхней палубы не было, поэтому приходилось почти непрерывно вычерпывать деревянными ведрами воду. Припасы: соленое мясо, кислое молоко и пиво — помещались в открытом трюме посередине корабля или в бочках, и сохранить их в сухости было невозможно. На борту нельзя было готовить пищу, но в откопанных кораблях находят и большие котлы; эти котлы использовались на берегу — намек на лишения,

которые приходилось терпеть морякам. А ответ на «твой вопрос, что ищут люди в Гренландии и зачем проходят через такие большие опасности», согласно норвежской книге 1240 года, кроется «в тройственной природе человека. Один мотив — слава, другой — любопытство и третий — алчность»¹⁸.

Образ викингов многим обязан рассказам их жертв и ученым, которые искали в истории ранней Скандинавии кровавые сюжеты, а возможно, по некоторым версиям XIX и XX веков, стремлению нацистов и норвежских националистов оправдать варварскую жестокость. Как и все завоеватели, викинги казались своим противникам скорее разрушителями, чем созидателями; однако они способны были создавать тонкие ткани для элегантных нарядов, как на вышивке, фрагменты которой хранятся в Корабельном музее в Осло: здесь изображена процессия всадников на свирепых норвежских конях, которых мгновенно узнает всякий знакомый с этой породой. Северяне делали усаженные позолоченными гвоздями роскошные экипажи — их можно увидеть на некоторых современных выставках. Из кости кита и моржа они делали потрясающие произведения искусства, непревзойденные в Европе их дней. Они были героями цивилизации и построили в Исландии и Гренландии поселения, почти совершенно не имея под рукой древесины (см. выше, с. 79–82).

Атлантический предел

Большая часть Скандинавии относится к атлантическому району Западной Европы, который, на мой взгляд, образует единую цивилизацию. На первый взгляд, подобное решение кажется неразумным. Эта область раскинулась от Арктики до Средиземного моря, охватывая территории с контрастным климатом, разными экосономами, питанием, религиями, фольклором, музыкальными традициями, историческими воспоминаниями, способами напиваться допьяна. За последние четыре тысячи лет языки европейских народов, к тому же с разными историческими корнями, стали совершенно непонятны

друг другу. У норвежцев есть натурализованное национальное блюдо, которое называется бакалау; прототип у него испанский или португальский, и для его приготовления необходимо оливковое масло. Но подобных следов общего опыта чрезвычайно мало. Когда следуешь по побережью с севера на юг, все, кажется, меняется, за исключением присутствия моря.

Именно море отвело европейским народам атлантического предела единственную в своем роде и ужасную роль в мировой истории. Буквально все морские мировые империи современного исторического периода основаны в этом краю. Этому существует по меньшей мере три возможных объяснения. Италия на короткое время (между 1880 и 1930-ми гг.) создала скромную империю, куда входили Ливия, Додеканезские острова и Африканский Рог. Во все эти колонии можно добраться через Средиземное море и Суэцкий канал, не выходя в Атлантический океан. Россия создала своего рода тихоокеанскую империю — из Алеутских островов (см. выше, с. 420) и ряда участков на западном побережье Америки, пока в 1867 году не продала Аляску США. Неудивительно, что мечта русских о создании Антарктической империи на Тихом океане так и не осуществилась. Наконец, в середине XVII века балтийское герцогство Курляндское на короткий период стало мировой державой, когда энергичный герцог Яков купил Тобаго и основал в западной Африке фактории по торговле рабами, чтобы эксплуатировать быстро развивающийся рынок сахара. Этот грандиозный замысел не пережил шведского вторжения в Курляндию в 1658 году и последующей смерти герцога¹⁹. Шведы тоже не составляют исключения из правила, которое связывает морской империализм с расположением на берегу Атлантического океана: Гетеборг, порт на Северном море, ответвлении Атлантического океана, делает Швецию атлантической державой, и на протяжении периода собственной колониальной экспансии за океан Швеция контролировала доступ к норвежским портам и к Бергену.

Не только морские колониальные империи буквально все основаны атлантическими государствами — нет ни одного атлантического государства, которое бы не делало этого.

Единственные возможные исключения — Норвегия, Ирландия и Исландия; но эти государства добились суверенитета только к XX веку и потому пропустили эпоху великих океанских предприятий. Исландия представляет собой аномалию почти во всех отношениях. Ирландцы, хотя сами и не имели империи, стали участниками и жертвами британского империализма. Когда в 1996 году я приехал в Норвегию, чтобы выступить на конгрессе социалистов, я с примечательным *Schadenfreude** и удивлением обнаружил, что норвежцев терзает чувство вины из-за участия их предков в работорговле, которой занимались Дания и Швеция. Стоит припомнить также, какой огромный вклад внесли вездесущие норвежские моряки в европейские кругосветные плавания XIX века и какую непропорционально большую роль ирландцы и норвежцы сыграли в величайшем колониальном феномене эры (хотя его не часто так классифицируют) — в расширении Соединенных Штатов на территорию всей Америки, главным образом за счет Мексики, Канады и индейских племен²⁰. Что касается остального, то все европейские государства Атлантического побережья в ходе современной истории вышли в океан с целью создания собственных империй. Это касается и относительно небольших и периферийных государств вроде Португалии и Нидерландов и даже Шотландии (в тот короткий период, когда она еще оставалась независимым государством); это касается и Испании, Германии и Швеции, чье атлантическое побережье относительно невелико — они, подобно Янусу, смотрят не только в море, но и на сушу: у них обширные сухопутные территории и множество интересов в иных сферах.

Все это неоспоримые факты, хотя кое-кому из читателей не понравится, как я их представил. Природа связи между положением на берегу Атлантического океана и имперским обликом своевременно получит объяснение (см. ниже, с. 593–614); однако необходимо сразу признать, что на большей части западной оконечности Европы этот облик появился сравнительно поздно. Можно сказать, что до конца Средних веков он или нечто ему подобное есть лишь у скандина-

* Злорадство (нем.).

вов. Очень долгое время моряки из других стран не пытались соревноваться со скандинавами в длительных плаваниях. Чтобы понять, почему западноевропейские атлантические проекты были запущены в одно время, с одной скоростью и одинаковым успехом, полезно спросить: «А что европейцы делали до этого?»

Беспокойство предела: ранняя фаза

Насколько удастся вспомнить или насколько говорят документы, все мои предки со стороны отца жили на северо-западе Испании, в Галиции; они были членами одной из самых западных европейских общин, жили на выступающей в Атлантический океан гранитной скале, скользкой от дождя и зажатой цепкими, похожими на пальцы ледниковыми фьордами; в Европе, за исключением Исландии, Канарских и Азорских островов, лишь немногие португальцы и ирландцы живут на такой же влажной, зеленой, как море, широте. Поэтому, не боясь осуждения, я смею утверждать, что жители крайнего запада Европы — отребье европейской истории, а наши земли — выгребная яма, куда история отправляет свои отбросы.

Западноевропейцы гордятся тем, что первыми взялись за преобразование европейской истории, и своими достижениями: распространением латинского христианства в Средние века, Возрождением, Просвещением, Французской революцией, индустриализацией и Европейским Союзом. Да, верно, это были значительные события культурного развития, развертывавшиеся по всей Европе с запада на восток. Но предположим, что мы рассматриваем европейскую историю в более длительной перспективе — скажем, как один из придуманных мной космических наблюдателей. Европейская культура — если таковая вообще существует — предстанет в этом случае следствием влияний Востока на Запад в меньшей степени, чем обратных: распространение земледелия и индоевропейских языков; греческая и финикийская колонизации; миграции германцев и славян; приход христианства, этой загадочной восточной религии, которую приняла Евро-

па; вторжения из степей; давление Оттоманской империи; распространение того, что принято называть «международным коммунизмом» (этот коммунизм утратил свою империю, но оставил заметный след). Все эти события следует рассматривать на фоне постоянного притока технологий и идей с дальнего Востока: арабская наука, индийская математика и духовность; китайские изобретения, а сравнительно недавно — японская эстетика. Значение подобных влияний для формирования современной Европы только лишь начинает признаваться, но доказательства мы видим повсюду²¹.

Все эти движения и миграции оставляли свои отбросы и своих беженцев, и все это обычно оседало на европейской океанской границе. Побережье Атлантического океана заселяли те, кого сюда изгнали, и те, кого притягивали ресурсы и возможности океана. Край материка от Португалии до Скандинавии был последней остановкой для того, что выбрасывает прибой: для кельтских народов, бежавших от германских захватчиков; для савойских беженцев в Испании и Португалии; для басков, сбившихся в своем углу, спасаясь от более ранних миграций, и для отчаянных мигрантов севера, готовых сражаться с кочевниками и страдать от холода ради сомнительной привилегии свободно возделывать неплодородную почву — для всех этих людей, чью дилемму так ярко изобразил Шекспир:

Сказать по правде и без добавлений,
Нам хочется забрать клочок земли,
Который только и богат названьем.
За пять дукатов я его не взял бы
В аренду. И поляк или норвежец
На нем навряд ли больше наживут^{22*}.

Омываемые единым океаном, эти страны сформировались под действием факторов одинаковой среды. Атлантическая Европа занимает несколько климатических зон: субарктическую, умеренную, средиземноморскую, но объединяет ее наличие достаточного количества осадков и общая или по

* Пер. М. Лозинского.

крайней мере широко распространенная геологическая история, которая изрезала берега Галиции и Норвегии фьордами и усеяла Уэльс, Корнуолл, Галицию и южную Андалусию богатыми залежами металлов; это копи «Нового Света» древних римлян, Эльдorado древности. По низинам реки текут на восток. Это направляло древнюю торговлю по сравнительно узким морским маршрутам, которые огибают Бискайский залив и объединяют регион, как вспомогательная дорога по соседству: Андалусия, Галиция, Корнуолл и Сицилия были связаны еще до появления в первом тысячелетии до н. э. финикийских и греческих купцов (см. ниже, с. 513).

В целом все народы атлантического побережья Европы в свете современной истории можно характеризовать как морские. Атлантика давала работу рыбакам, морякам и торговцам, а как только позволила навигационная технология, начались миграция за море и строительство империй. Но неразрешимый парадокс западноевропейской истории в том, что народы оставались глухи к зову моря столетиями и даже тысячелетиями. Добравшись до моря, они оседали на берегу, словно прижатые господствующими западными ветрами, дующими с моря. Прибрежное плавание поддерживало связь между соседними общинами; морские отшельники вносили свой вклад в загадку моря; а в некоторых местах — точное время начала этого процесса неизвестно — развилось рыболовство на глубоководье. Но за исключением Скандинавии (см. выше, с. 447) достижения цивилизации северо-западной Европы до позднего Средневековья ничем или почти ничем не обязаны морскому горизонту. Все же эта загадка имеет решение, к которому лучше подойти, предварительно кратко рассмотрев предшествующие века морской инерции.

С окончанием последнего ледникового периода, то есть около двадцати тысяч лет назад, атлантический предел превратился в благоприятное место для жизни, где почвы увлажнены достаточным количеством осадков, климат смягчен теплыми водами течения Гольфстрим, горы дают разнообразные полезные ископаемые, а моря изобилуют рыбой. Потенциал этой местности как родины цивилизаций становится очевиден к четвертому тысячелетию до н. э., когда можно заметить «медленно перемалывающие» структуры социаль-

ных изменений, создающих необходимый фон для производства предметов роскоши для рынка и монументального строительства. Некоторые из этих первых свидетельств можно обнаружить в погребениях нового типа, которые распространяются на западе: индивидуальные могилы снабжаются набором подношений, среди которых обычно отмечают оружие и кувшины с узким горлышком. С тех пор, как в 1970-е годы начали находить такие погребения, было высказано предположение, что это следы миграции «народа кувшинов». Это предположение вызвало разнообразные интересные и на какое-то время даже убедительные фантазии. Народ-пьяница считался предшественником испанских конквистадоров: будто бы он верхом на конях рассредоточился по всей Европе из своей предполагаемой прародине в Андалусии; или же это были бродячие кузнецы и лудильщики, перемещавшиеся по течению в самые разные места, где находили их следы. Артефакты, относящиеся к «культуре кувшинов», сегодня почти всеми рассматриваются как результат социальных изменений, независимо, но параллельно происходивших среди соседних народов: когда отдельные члены группы достигали определенного статуса, после смерти их вознаграждали индивидуальными могилами и соответствующими приношениями; кувшины для питья — воспоминания о пирах элиты или о пьяных соревнованиях воинов — могли покупать или копировать на месте и не обязательно свидетельствовать о миграции²³.

Самых значительных — а может, просто чем-то отличившихся — вождей хоронили под массивными каменными сводами, которые, возможно, располагались на месте ритуальных центров. Самые ранние монументальные погребения Британии старше усыпальниц Микен, которые они отдаленно напоминают, не менее чем на тысячу лет. Их камни обтесаны не так ровно, но в целом они предваряют погребальные, конической формы помещения Микен с кронштейнами. В самых выдающихся примерах таких погребений длинные выложенные камнем галереи ведут к месту погребения; их покрытые плесенью стены намекают на возможность существования неразгаданных символов²⁴.

Бросить драматический взгляд на мир вождей позволяет то, что выглядит как будто далеким передовым постом на

Оркнейских островах, заселенных около 3500 года до н. э. Сложно устроенная могила в Мисс-Хоув напоминает храмовый комплекс в Барнхаузе, где центральное здание во время летнего солнцестояния заполняется солнечным светом. Каменные круги в Бродгаре и Стенджессе напоминают уменьшенную геометрию Стоунхенджа. Искусно выстроенная каменная деревня Скара-Бре раскопана вместе с очагами и всеми деталями постройки. Соблазнительно вообразить ее дальней колонией мегалитических метрополисов Уэссекса и Бретани, общества поклоняющихся солнцу в холодном климате, сохраняющего стиль и обычаи «культурного багажа» далекой родины. Но можно сразу почувствовать опасность поспешных заключений о направлении культурных трансмиссий в доисторической Европе, если перевернуть модель: реальные отношения могли быть как раз противоположными. Оркнеи могли играть роль Кикладских островов или Крита Атлантики, где цивилизация возникла самостоятельно, почти без влияния окружающего мира, а потом оказала воздействие на сушу. Культура Уэссекса, развившаяся вокруг Стоунхенджа, могла быть колонией, которая с трудом и медленно, но превзошла материнскую культуру Оркнейских островов, как, например, США превзошли Великобританию.

Подобные неопределенности, множась в трудах ученых, заполняют брешь, не заполненную письменными свидетельствами. По мере того как во второй половине первого тысячелетия до н. э. подобные письменные источники постепенно становятся доступными, у нас складывается представление об обществе, изменившемся со времен мегалитов и богатых погребений: изменившемся благодаря достижениям металлургии, в особенности появлению высокотемпературных печей, в которых можно плавить железо; еще более измененном достижениями в получении соли и стекла и все более масштабной торговлей этими продуктами; об обществе, изменившемся благодаря распространению ржи по северному побережью Атлантического океана; это общество обновлялось и отчасти регрессировало, потому что Атлантический предел привлекал из глубины континента новых мигрантов и новые элиты, которые не интересовались океаном и не использовали его возможности. Постепенное заселение всего

побережья европейского предела людьми, говорящими на кельтских языках, было частью такого процесса.

Из всех соседей, если не считать персов, больше всего внимания кельтам уделяли греки и римляне; они знали кельтов как врагов, торговых партнеров и в конечном счете как участников создания империи, поглотившей большую часть кельтских земель. Они представляли себе кельтов как удивительно однородную группу, учитывая обширность кельтской территории со сходными языками и единым общим самоназванием. Кельтов боялись, рассказы о них вызывали у греков и римлян мурашки по коже: например, кельты охотились за человеческими головами и подвешивали их к седлу. Они практиковали человеческие жертвоприношения, зашивали жертв в больших плетеные изображения своих богов и сжигали живьем.

Их храбрость вошла в пословицу — они не боялись «ни землетрясений, ни волн». Их порывистость была объектом презрения: из-за нее кельты часто терпели поражения в битвах. Пьянство кельтов вызывало уважительный страх и позволяло извлекать прибыль: для итальянских купцов любовь кельтов к вину стала «сокровищницей». Значение питейных ритуалов в кельтской культуре подтверждают находки в погребениях, например, в роскошной могиле богатой тридцатипятилетней хозяйки Викса, похороненной вместе с огромным поразительной работы, греческим сосудом для вина; сосуд так велик, что его пришлось везти по частям, а потом собирать; рядом с ним множество чаш.

В древности главнейшим испытанием для цивилизации становилась проверка на непобедимость. Пленных в битвах считали «природными рабами», самим своим низким положением обреченными служить более сильным. Поэтому в глазах греков и римлян кельты считались презренными, обреченными народами с незавидной судьбой. Самый известный рассказ о них и по сей час — благодаря Гошинни и Удерзо* — рассказ о том, что они боялись, как бы небо не упало

* Рене Гошинни и Альбер Удерзо — авторы знаменитого комикса «Астерикс», по мотивам которого поставлено несколько кинофильмов.

им на головы. Однако, если применить менее строгие критерии, кельтская цивилизация была великолепна. Их профессиональный образованный класс — друиды — не доверял свою древнюю мудрость письменности из понятного стремления сохранить ее в тайне, лишь для себя; однако до нас дошло достаточно надписей на языке этрусков, греков, иберийцев и наконец на римской латинице, чтобы свидетельствовать о стремлении друидов использовать и запись. Письмо использовалось для увековечивания законов — еще одно, согласно критериям Аристотеля, указание на различия между цивилизацией и варварством, — и для административных записей. Когда Цезарь вторгся в Галлию, он смог подсчитать количество противостоящих ему людей по захваченным налоговым документам. Статистические расчеты кельтов опирались на развитую теоретическую математику. Фрагменты календаря для прорицаний, найденного в погребении в Колиньи, — возможно, впрочем, календарь относится к более позднему периоду, когда было сильно римское влияние, — свидетельствуют об умении рассчитывать время по перемещению луны и о столетиях наблюдений за движением небесных тел. Что подтверждает высокую оценку, данную Цезарем астрономии друидов.

Урбанизация, которую римляне отождествляли с цивилизацией, была не слишком развита; когда вождь бриттов Карактус был доставлен в Рим для участия в триумфе, он, должно быть, удивился тому, что создателям такого города захотелось захватить жалкие лачуги его племени. Но в городах, которые кельты строили до вторжения римлян, присутствовали все неотъемлемые удобства цивилизации: поставка свежей воды и канализационная система удаления отходов. И хотя городов было мало, они далеко отстояли друг от друга и по римским стандартам были плохо отстроены, ко времени Трансальпийской войны в последней четверти второго столетия до н. э. галльские кельты построили общество, которое римляне считали похожим на свое: это общество не было основано на племенной структуре, оно было неоднородно, ранг индивида определялся его богатством, доблестью, происхождением и родственными отношениями. Богородство измерялось не землей, а количеством скота; за

пользование скотом крестьяне платили владельцам стад теллятами, свиньями и сеном.

Экономика определялась тем, как тратилось богатство. Самые непродуктивные потребители — мертвые — отнимали огромные средства в виде погребальных подношений. Ненасытность кельтской знати в том, что касалось импорта из Средиземноморья, создавала постоянный торговый дефицит, который требовалось возмещать золотом. На исходе IV века до н. э. предметы роскоши становятся слишком дорогими, чтобы помещать их в могилы. Хотя все чаще встречающаяся подделка кельтских золотых украшений, замена их медными и может иметь определенное отношение к эстетике — сплав золота с медью выглядит привлекательно — скорее это все-таки результат нехватки золота. Пить вино из греческой чаши можно было только с большими затратами. Заменой торговли стали вторжения кельтов на территорию Средиземноморья: Плиний рассказывает, что галльские завоеватели впервые пересекли Альпы, соблаздившись тем, что привозили с собой мигранты из Гельвеции: сушеным инжиром, виноградом, вином и маслом.

Говорили, будто кельты достаточно безрассудны, чтобы сразиться с морем, но кельтские народы с трудом развивали морскую культуру, даже на островах за проливом Ла-Манш, куда они добирались морем. Цезарь восхищался мореходным искусством венетов, живших на территории нынешней Британии: они контролировали морской путь в Британию и «превосходили всех в знании и практике мореплавания»²⁵. В IV веке н. э. Ирландия стала пиратским логовом, а в VI — отправным пунктом плаваний по морю отшельников, которые сами отправлялись в изгнание. В остальных отношениях потенциал атлантического побережья к югу от Скандинавии оставался не востребуемым до конца Средневековья и начала современного периода. Чтобы понять причины этой задержки в освоении (см. ниже, с. 599), стоит взглянуть на морскую цивилизацию, которая начала формироваться в Западной Европе в начале современного периода, когда зов моря был услышан и характерными видами деятельности народов этого региона стали океанская торговля и завоевания.

*«Равновесие суши и воды»:
что манило цивилизацию от отмелей*

Однажды за обедом женщина из Голландии рассказала мне, что, к своему негодованию обнаружила у американцев широко распространенное убеждение, будто ее родина — часть Скандинавии. Я разделил ее удивление, но ответил, что в этой ошибке есть доля поэтической истины. Гронинген и Фризия и территориально, и внешне схожи с Голландией. Местные языки очень близки к тем, на которых говорят в Скандинавии. Подобно Скандинавии, большинство провинций, составляющих сегодня Королевство Нидерланды, выходят к Северному морю и имеют общую со Скандинавией историю. Голландцы плавали по Балтийскому морю весь период существования письменности. Как и скандинавы, голландцы морской народ с ограниченной территорией суши, обладающей очень скромным экономическим потенциалом; они всегда нуждались в продуктах и богатстве моря — они добывали продовольствие и богатства на арене охоты и торговли, которая необыкновенно расширяла их тесное береговое жизненное пространство.

Ни одну страну нельзя лучше рекомендовать как родину морской цивилизации, ибо нигде суша и море не переплетаются так тесно. Нужно увидеть это, чтобы понять, как идеально сочетаются море и берег, сливаются друг с другом в спокойных прибрежных пейзажах, столь любимых голландскими художниками. Плоская болотистая местность почти незаметно идет под уклон на обширных пустынных мелях и полях ила, которые под сверкающей пленкой воды уходят к морю. То небольшое количество суши, что здесь есть, отнято у моря и соленых болот, и английский пропагандист в 1651 году имел полное право назвать Голландию «рвотой моря»²⁶.

Мы мало знаем о древности народа, ставшего голландцами, но франки, некоторое время жившие по соседству на берегу Токсандрии, считали, что происходят от морского чудовища. Такой «водный» миф понятен в контексте их пропитанной водой местности. В современную эпоху превращение купцов в аристократов, распространившееся на всю Ев-

ропу, в северных Нидерландах невозможно: здесь нет земель, которые можно было бы купить. Накопленные богатства приходилось вкладывать в торговлю, рыболовство или китобойные плавания, в дальнейшее наступление на море и в банковское дело. Элита стала городской знатью, занятым коммерцией, а главным источником богатства было море.

Эти люди правили удивительной империей: она родилась в готовом виде с началом государства. Современное Королевство Нидерланды происходит от Республики Объединенных Провинций, созданной в ходе гражданской войны (или, как считают сами голландцы, войны за освобождение) с правлением Габсбургов и их вассалов в 1572—1648 годах. В ходе этой войны Объединенные Провинции нападали на владения Габсбургов в Америке и на Дальнем Востоке, захватывали их и таким образом приобретали колонии, превращаясь в империю. Школой этой империи — контекстом, в котором в предшествующий мирный период голландцы приобрели опыт мореплаваний, — стали маршруты копильщиков рыбы между солеными котловинами Сетубала и районами Балтийского моря, где водилась сельдь, и маршруты эти пролегли почти вдоль всего атлантического побережья Европы. Наследием такого опыта стал постоянный приток опытных моряков. Тогда говорили, что в Объединенных Провинциях легче нанять тысячу моряков, чем сотню солдат. В XVI и XVII веках монополия голландцев на добычу сельди в Европе была общепризнанной: больше никто не соглашался терпеть столь трудные условия и мириться с таким низким доходом. Однако бережливость не была природным свойством голландцев: эту добродетель они приобрели по необходимости. Им приходилось снижать стоимость морских перевозок ради возможности конкурировать с другими перевозчиками. В начале XVII века считалось, что здесь морские перевозки обходятся втрое дешевле, чем у конкурентов²⁷.

Смелость на море позволила вести войну против Габсбургов в самых отдаленных колониях Испанской и Португальской империй. Морская и экономическая стратегии Нидерландов опирались на самый большой в Европе торговый флот. Когда голландцам отказали в доступе к португальской

соли, они отправились в Венесуэлу, в лагуну Пунта-дель-Арайя, и там выламывали соляные блоки железными ломачами²⁸. Когда их отгоняли от одной крепости или фактории на краю португальского мира, они сосредоточивали силы на других. В 1630 году голландский миссионер мог мечтать о морской империи, которая обнимет своим крылом «обнаженного мексиканца, одноногого циклопа, завистливого китайца, жестокого патагонца, черного жителя Мозамбика и жуликоватого суматранца»²⁹. Фантазия подобного разнообразия так и не осуществилась, но голландцы действительно создали самую разбросанную империю в мире. Испанская империя была гораздо обширнее и гуще населена, но не простиралась так далеко на север или на восток. Голландские торговые фактории, крепости, плантации и китобойные станции были рассеяны от Белого моря на севере до крайней южной точки Африки и с запада на восток — от Нагасаки до Пернамбуко и Гудзона. Их торговля «не знала иных границ, кроме поставленных Всемогушим при сотворении мира»³⁰. Амстердам «был известен в таких отдаленных уголках, где никогда не слышали о Лондоне, Париже или Венеции»³¹. Мир разворачивается на страницах «Атласа», изданного Блау. На гравюрах этого атласа Голландия несет мир на своей спине.

Там, где это соответствовало их торговым интересам, голландские теоретики разработали теорию «открытого моря» — свободной конкуренции в торговле. Монополия других народов вызывала у них гнев. У папы не больше прав определять сферы мореплавания, «чем у осла, на котором он ездит»³². В 1608 году в ответ на требование англичан поделиться морской территорией, где водится сельдь, или по крайней мере прибылью от продажи этой сельди голландские законодатели поклялись, что никогда «полностью или частично, прямо или косвенно не откажутся от свободы морей повсюду и во всех областях Земли»³³. Мирные резолюции обычно исполняют, когда нет другого выхода, и голландцы, распространяя морскую свободу на себя, не торопились считать ее правом своих недругов. Там, где им хватало сил стать монополистами, они это делали. «Нельзя вести торговлю без войны и нельзя воевать без торговли», — так суммировал их

стратегию один из самых честолюбивых имперских сатрапов Ян Питерзоон Кун, основавший в 1619 году Батавию на руинах Джакарты³⁴.

Подобно многим морским империям, голландская начала с пиратства и никогда полностью не утрачивала своего отчаянного, безрассудного характера. Великие средневековые империи генуэзцев и каталонцев в Средиземноморье были основаны морскими пиратами, богатевшими на грабежах торговых судов у мусульманских берегов. Принц, известный как Генрих Мореплаватель, всячески поощрял пиратство, и это вызвало многочисленные жалобы, особенно со стороны Арагонского двора, что в конечном счете побудило принца начать строительство империи в Атлантике. Многие моряки испанского флота, установившие в конце XV века господство Испании в Атлантике, в предшествующие два десятилетия получили подготовку как каперы на португальских маршрутах в Гвинею. Начало Британской империи историки обычно — хотя не вполне достоверно — возводят к пиратским набегам английских «морских псов» на испанские торговые маршруты в правление Елизаветы. Голландцы тоже начинали дальние плавания вслед за испанцами и португальцами как активные паразиты, перелетая с место на место и жая там, где представлялась возможность. По мнению китайцев XVII века, голландцы стали в восточных морях пиратами из пиратов:

Те, кого мы называем рыжеволосыми или рыжими варварами, суть то же, что голландцы, живущие в Западном океане. Они коварны и жестоки, знают о торговле все и очень настойчивы и умны в преследовании своей выгоды. В погоне за прибылью они готовы рисковать жизнью, и нет такого отдаленного места, которое они не согласятся посетить... Если встретишься с ними, они тебя обязательно ограбят³⁵.

Наградой за успешное пиратство стала собственная империя, в тому же несмотря на собственную теорию свободной торговли, правители Голландии никогда не отказывались

от мысли, что за торговлю нужно сражаться. В конечном счете огромная цена войны оказалась непомерно разрушительной, подобно проклятию колдуньи, наложенному на благополучного в остальных отношениях новорожденного. Голландия чересчур маленькая страна, чтобы обеспечивать необходимую людскую силу, империя оказалась слишком протяженной, чтобы защищать ее на всех направлениях, система контроля — слишком несовершенной, чтобы остановить утечку богатства вследствие обмана, мошенничества и контрабанды. В XVIII веке голландцы ушли со многих берегов и торговых маршрутов, из многих рыбных мест и создали на Яве сахарно-кофейную торговую империю; их имперские амбиции постепенно сосредоточились здесь. Коллективное стремление к морю, никогда не исчезая окончательно, заметно ослабло. Становилось все труднее находить новобранцев. Олигархи Амстердама отказывались от активной торговли ради куда менее рискованной жизни рантье или банкира. Европейское сознание и французские моды во многом лишили голландскую культуру ее своеобразия.

Однако в промежутке им хватило времени создать не только внушительную империю, раскинувшуюся по всему миру, но и уникальную цивилизацию на родине. Если суть цивилизации — преобразование окружения, первое место здесь должен занять грандиозный проект, согласно которому голландские инженеры в XVII веке отвоевывали сушу у моря. Английский гость в середине XVII века презрительно отозвался о болотистой стране, но сквозь зубы восхищался голландцами, которые «как боги» «определили границы океану и заставили его уходить и приходить по своему желанию»³⁶. Откачивание воды с помощью ветряных мельниц было новой технологией, которая сделала возможным удивительный для того времени прогресс, а голландские специалисты-гидравлики стали желанными гостями на строительстве дамб и плотин во всем мире. Между 1590 и 1640 годами было получено двести тысяч акров суши. Инженер Яан Адриансзон Леегвотер отвоевал 17 500 акров к северу от Амстердама с помощью сорока трех мельниц³⁷. Строительство каналов и дамб не только превращало воду в сушу, но и придавало участкам суши геометрический вид с прямыми угла-

ми и линиями. С высоты эта местность кажется правильной решеткой классического города.

Освоение моря, умение переделывать ландшафты, городская жизнь и цивилизованное времяпрепровождение — все это в определенном смысле результат нехватки земли. «Причина появления такого количества картин и их дешевизна, — сообщал в 1641 году Джон Эвелин, — вызвана недостатком земли для скота, так что рядовой фермер нередко выкладывает две-три тысячи фунтов за такой товар. Дома их полны упомянутых картин, и они продают их на ярмарках с большой выгодой»³⁸.

Амстердам — самый прекрасный памятник голландской цивилизации «золотого века»; местами он просел, великолепные террасы перекошены и оседают, но по-прежнему создают изысканный фон для продавцов наркотиков, футбольных фанатов, туристов и назойливых проституток. Скромно украшенные, с чистыми линиями, сдержанной лепкой и множеством аккуратных блестящих окон фасады вдоль Кайзерсграхт и даже на самом дорогом канале Херенграхт, где купеческие особняки давно скуплены банками, производят впечатление благородной сдержанности. Богатые жители Амстердама могли позволить себе такую внешнюю скромность: богатство демонстрировалось внутри. Можно и сегодня увидеть современные офисы, где внутри лепнина стиля рококо, а над каминами сверкают яркими красками фресок роскошные украшения. «Нигде нет частных домов, — уверял читателей экономист конца XVII века, — убранных и украшенных так роскошно, как дома купцов и других господ в Амстердаме: изобилие картин и мрамора, экстравагантные строения и сады»³⁹. «Аскетизм внутреннего мира», который считается главной ценностью кальвинизма, если и существовал вообще, то заканчивался порога⁴⁰.

Самыми желанными считались товары экзотические: вероятно, не существовало общества, каким бы бедным и нетребовательным оно ни было, для которого это не было бы справедливо⁴¹. Но одержимость собирателя в крайнем проявлении становится одним из основных признаков цивилизационного синдрома: предмет вырывают из его природного контекста и помещают в кунсткамеру; такое в состоянии по-

родить только человеческое воображение. Трансильванские ковры, итальянское стекло, персидские шелка, меха из Москвы, колумбийские изумруды, индийские сапфиры, китайский фарфор, японский лак и акклиматизированные тюльпаны, завезенные когда-то из Турции, — вот какие предметы потребления разбросали голландские живописцы по своим жанровым картинам. Все это приходило извне — и чем из большей дали, тем лучше, с точки зрения владельца. Однако подобное пестрое изобилие, свойственное только Нидерландам, стало отличительным признаком их культуры. Уникальным было и голландское общество — уникально буржуазным, обществом, в котором аристократы и отребье были отеснены к полюсам, «вертикальная структура» была заменена, а большая часть жителей относилась к среднему классу. Пока персонажи групповых портретов кисти Франса Хальса обменивались довольными взглядами, оформлялся аккуратный экономический порядок, изображенный Габриэлем Метсю и Герардом Терборхом.

Вдали от берега: определение морской цивилизации

Если морские цивилизации располагали узкой полоской суши, то в море они заходили очень далеко. Норвежцы достигли Америки, финикийцы — Атлантики, и те и другие вопреки встречным ветрам. В определенном смысле долговременные маршруты составляют архитектуру моря — они определяют силу вызова, бросаемого человеком природе: хотя человек не может постоянно находиться в море, морские пути суть следы, оставленные им на своей карте природы. Однако некоторые исключительно богатые и изобретательные общества возникли на самом берегу и при этом использовали море лишь для рыбной ловли и местной торговли. В доисторической Европе нет места более удивительного и великолепного, чем Варна на берегу Черного моря. Почти за две тысячи лет до того, как были погребены сокровища Ура и Трои, в Варне похоронили царя, сжимающего топор с позолоченной рукоятью, с пенисом в футляре из золота. Вокруг

него разложены почти тысяча золотых украшений, в том числе сотни дисков, которые, должно быть, усеивали сверкающий плащ. В одной этой могиле обнаружили 3 фунта 5 унций золота. Другие богатые могилы представляют собой символические погребения с глиняными масками, но без человеческих останков. Мы знаем поразительно мало о контексте этих погребений, но они расположены неподалеку от самых древних медных копей и металлургических мастерских в мире, в среднем течении Дуная; здесь источники волшебства преобразования, которые делали кузнецов значительными фигурами ранних мифов. Поблизости, в Тартарии (в Румынии), раскопаны глиняные таблички с выдавленными знаками, поразительно напоминающими письменность; впечатление это было столь сильно, что ученые, первыми обнаружившие эти таблички, предположили, что открыли систему письма, возникшую под влиянием письменности Месопотамии (см. выше, с. 272); но эти объекты находились в слое гораздо более древнем, чем самые ранние шумерские надписи⁴².

В число других побережий, где замечательные последствия возникли предположительно под влиянием контактов с морем вопреки отсутствию или невозможности дальней торговли, входят западное подбрюшье Африки, где торговлю Нигера удерживали у берега встречные ветра и течения; тихоокеанское побережье Северной Америки (см. ниже, с. 681); зона торговли и войн маори; мир плотов из бальсы у побережья Перу (см. выше, с. 92–93; ниже, с. 580), где инка Тупак Йупанки прославился тем, что плавал к «островам Золота»⁴³; и Мексиканский залив, где во времена Колумба существовала обширная торговля и межостровные перевозки на каноэ; в Гондурасском заливе Колумб встретил большое торговое каноэ майя, а один из его капитанов, Мартин Пинсон, с помощью туземных лоцманов плавал в Карибском море⁴⁴. Однако я полагаю, что во всех этих случаях цивилизация, возникшая на побережье, в большей степени сформирована сухопутным окружением и относительно немногим обязана морю.

Истинно морских цивилизаций с длительными плаваньями по морю, поразительно мало, особенно если вспом-

нить, какую часть поверхности нашей планеты занимают моря и как много народов живет на побережье. Некоторые берега закованы в лед или льды не дают к ним приблизиться; другие, подветренные, подвержены действию встречных ветров и течений. Иногда легкодоступные моря патрулируют или закрывают враги, которые контролируют все жизненно важные пути. Часть берегов населена народами, не знающими зова моря, «боязливymi жителями суши», которые ждут, пока другие придут и заберут их товар с берега. Есть берега слишком бедные или слишком далекие, чтобы организовать торговлю; им тоже приходится ждать, пока колонисты и чужаки включают их в свою экономическую систему и откроют свои торговые пункты и склады. Показательно, что, хотя северо-западная Австралия тесно связана с системой муссонов юго-восточной Азии, после первого появления аборигенов — ранних морских путешественников, приплывших туда, вероятно, сорок тысяч лет назад, — почти никто туда не плывал, разве что изредка купцы. Техника мореходства, позволившая людям добраться сюда, какой бы она ни была, оказалась забыта.

В Восточной Африке, хотя система муссонов могла способствовать плаваниям и в глубине территории на всем протяжении письменной истории существовала развитая местная торговля, по океану плавали в основном чужаки, за исключением ограниченных маршрутов на запад и на юг к арабам. В Северной Америке, должно быть, туземцев привлекала возможность воспользоваться системой ветров: здесь преобладают западные ветры, но бывают и восточные, гарантирующие возвращение. Однако, насколько нам известно, никто ничего подобного не делал (впрочем, один местный своевольный ученый придумал фантастическое путешествие по Карибскому морю местных женщин, которые «открыли» Америку до 1492 года)⁴⁵. Причина, по которой местные жители не хотели уходить на запад, вероятно, кроется в области культуры, хотя мы вряд ли когда-нибудь узнаем, какова она.

Эти примеры и исключения означают, что до современной эпохи истинно морские цивилизации возникли только в Финикии и Скандинавии — в Средиземном море и на атлан-

тическом побережье Европы, а также в азиатских морях. Некоторые из них традиционно относят к морскому миру, например Гуджарат и Кутчи, где моряки древности владели элементами наиболее поразительной доиндустриальной мореходной технологии; или Чола в Южной Индии и средневековых азиатских морских соперников этой империи; или стремившихся в море голландцев; или коммерчески неудержимую культуру Фучжоу, которой, вероятно, принадлежит мировой рекорд по количеству кораблей и объему и стоимости торговли. Другие цивилизации, которые нам предстоит посетить в двух следующих главах, реже относят к морским: цивилизации японцев, арабов и греков классического периода.

13. В погоне за муссонами

Морские цивилизации Азии

*Япония. — Аравийский полуостров. — Юго-восточная
Азия. — Коромандель и Гуджарат. — Фучжоу.*

Небо было черным, море белым. Пенясь, как шампанское, он перехлестывало через дорогу в нескольких футах от того места, где мы стояли. Пена жгла нам лица. Нетрудно было понять, почему средневековые арабы считали, что ветры приходят с океанского дна, поднимаются к поверхности и, вырываясь в атмосферу, заставляют воду кипеть.

Мы стояли, качаясь на ветру, и держались друг за друга посреди отчаянного веселья. Высокий бледнокожий мужчина рядом со мной прокричал:

— Сэр, откуда вы?

— Из Англии! — крикнул я в ответ.

Эта информация, уносимая ветром, превращалась в слабый звук, когда он передавал ее соседям.

— А что привело вас сюда?

— Это!

Александр Фрейтер. В погоне за муссонами²⁸

Верхом на тайфуне: морская Япония

Даже сегодня большинство японцев живет там же, где они жили всегда, на узких берегах, за которыми возвышаются горы. Море, к которому они жмутся, предназначено для того, чтобы пользоваться им и бояться его, море без названия, хотя и обладающее своеобразным единством, система заливов и проливов между островами, обмывающая атлантическое побережье Японии от Токио до Кюсю. Эдмунд Бланден, чьи стихотворения свидетельствуют о необыкновенном для жителя Запада понимании Японии, почувствовал симбиоз суши и океана. Я пишу это, раскрыв один из его эксцентрических сонетов, написанный в 1953 году:

«О корабль, ветры вновь понесут тебя
В глубины моря».
Так древний поэт обратился
К морскому народу.
И сегодня, глядя на Японию,
каждый восхищающийся ею
Может вспомнить его строки;
Новый корабль готов покинуть причал —
Посмотри, как он светится!
Но по-прежнему океан, волна и течение
Таят свою загадку.
Ни один капитан не знает ответов на все вопросы;
Это необычное море.
Благословен будь корабль и все, что он несет,
Пусть попутный ветер сопровождает его
и его смелый экипаж¹.

Хотя японцев не всегда считают таковыми, они подлинно морской народ, и всю историю Японии ее связи и значительная часть пищи зависели от капризных, непредсказуемых враждебных морей; выращивание риса в удаленных от моря районах всегда было очень трудоемким (см. выше,

с. 316), с чем связано появление очень раннего кодекса «преступлений против неба»: уничтожение борозд, закапывание канав, посадка излишка ростков, напрасная трата воды в шлюзах². Вид Японии с птичьего полета, написанный в 1820 году Кенсаи Йочином, демонстрирует нам великий парадокс японской истории: морской народ, изолированный на много столетий. Ландшафт изображен так, как его видят с моря: самые заметные сооружения, храмы, высокие вершины и пригодные для стоянки гавани. Острова словно обступают залив, пытаясь заключить море в свои объятия, корабли качаются у берегов; картина подчеркивает интимную близость суши и моря.

В одной из древних японских легенд дочь богини моря дарит принцу Угасающий Огонь рыболовные крючки, богатство и победы, но в его снах превращается в дракона: извивающегося змея, в котором легко узнать волнуемый тайфуном океан, которому приходилось противостоять японским морякам³. Во времена средневекового сёгуната политической осью Японии была так называемая «Дорога морского берега», связывавшая двор императора в Киото со штаб-квартирой сёгуна в Камакуре⁴. В знаменитом стихотворении на этом берегу волны смачивают рукава спящего пилигрима Джубутцу⁵. В третьем столетии н. э. китайский сатирик высмеивает обычай японцев обеспечивать безопасность морского плавания, взяв с собой на борт святого человека:

Собравшись плыть по морю в Китай, они всегда находят человека, который не стрижет волос, не избавляется от блох, чья одежда всегда грязна, кто не ест мяса и не ложится с женщинами... Если путешествие проходит благополучно, этому человеку дарят рабов и сокровища. Но если кто-нибудь заболит или вообще что-то пойдет неладно, его немедленно убивают, говоря, что он недобросовестно исполнял обеты⁶.

В конце IV и в начале V столетий протояпонское государство Ямато расширилось по морю за Кансаи, заняв сосед-

ние заливы и острова. Японский флот принимал участие в корейских войнах⁷. Утверждали, что в VII веке у японцев был флот в четыреста кораблей⁸. Море было также местом, откуда приходила культура: возделывание риса, металлургия, письмо, монетная система, буддизм, модель бюрократического устройства, провозглашение имперского статуса государства — все это пришло из Китая или Кореи. Скалистая лесистая местность вокруг святилища Окиносима, священная «плавающая гора» на морском пути в Корею — здесь везде полно сделанных по обету приношений с обоих берегов, это своего рода эпизодичная «хроника» контактов Японии с внешним миром с IV по IX века⁹. Традиционный новогодний корабль регулярно пробуждает мир от ночи¹⁰. Искусство юкио-е создало множество изображений кораблей, преследуемых морскими демонами или переживших бури и штиты. И до сего дня, вероятно, самая известная японская картина изображает волну в то мгновение, когда она вот-вот обрушится потоками пены — знаменитая «Большая волна в Канагава» Хокусаи, выполненная около 1805 года¹¹.

В дневнике, приписываемом неизвестной женщине, описано происходившее свыше тысячи лет назад полное опасностей и трудностей возвращение домой по морю. Женщина рассказывает о плавании в 936 году из префектуры Кочи на южном острове Сикоку — в залив Осаки. На карте это расстояние кажется совсем небольшим, но в Японской империи того времени это было путешествие с далекой границы, с отдаленного островного поста в столицу. Автор дневника называет себя женой возвращающегося губернатора провинции. «Мне говорили, что дневники — мужское дело, — пишет эта женщина. — Тем не менее я тоже пишу дневник, чтобы проверить, по силам ли это женщине».

Авторские описания часто подвергают сомнению на том основании, что это не может быть делом рук женщины¹²; однако среди самых выдающихся японских писателей того времени есть и женщины, а несколько поколений спустя женщины вообще доминируют в литературе. Использование японского языка, а не китайского, который предпочитали мужчины, помещает дневник в категорию, известную в Японии как «женская литература». Ученые, считающие дневник

произведением мужчины, приводят два довода: во-первых, нет сопоставимой литературы той эпохи, созданной женщинами. Этот аргумент можно использовать и для доказательства противного, ибо от упомянутого периода вообще почти не осталось литературных произведений, а в тех, что уцелели, мужчины не пишут на японском и не представляются женщинами. Во-вторых, утверждают, будто некоторые юмористические сцены дневника Тосы не могли быть написаны женщиной — в особенности та, в которой ветер поднимает ей юбки, повергая в смущение¹³; но иронию всегда очень трудно оценить через время и культурную пропасть: то, что автор дневника совмещает ученые отсылки к китайским стихам с заявлениями о своем незнании китайского, может быть блефом или двойным блефом. У женщины это получается не менее забавно, чем у мужчины. И вообще дневник Тосы производит впечатление правдивого.

Увлечшись прекрасным текстом, читатель может поневоле забыть о разнице между тем, что действительно происходило, и литературным описанием событий; тем не менее в тексте отражено подлинное знакомство с водами японских морей, хотя можно заподозрить, что не все происходило точно так, как описано.

Страницы дневника переполняет страх перед морем. В начале пути, среди прощаний, которые «длились весь день и всю ночь», путники молятся о «спокойном и мирном плавании» и проводят обряды умиротворения, бросая в воду амулеты и богатые подарки: драгоценности, зеркала — и совершая возлияния рисового вина. Корабль отходит, гребцы работают веслами. «Встречные ветры препятствовали нам, стремящимся домой, много дней... Мы укрывались в гавани. Когда облака расступились, мы вышли в море, до рассвета. Наши весла пронзали луну». На восьмой день плавания их задержал у Оминато встречный ветер; здесь пришлось переждать девять дней, сочиняя стихотворения и красноречиво тоскуя по столице. Во время следующего перехода пришлось уйти за пределы видимости берега «все дальше и дальше в море. И с каждым гребком берег все больше пропадал из виду».

Страх усиливался, горы и небо темнели, и капитан с боцманом запели, желая подбодрить моряков. У Мурото не-

настье заставило ждать еще пять дней. Когда они наконец двинулись дальше, «пронзая веслами луну», капитана встревожило неожиданно появившееся темное облако. «Будет буря: я возвращаюсь». Далее следует драматичная противоречивая сцена: начинается ясный день, а «капитан тревожно осматривает море. Пираты? Ужас!.. Все мы поседели». Передавая ужас, женщина приводит молитву: «Скажи нам, Бог островов, что белее: прибой на скалах или снег на наших головах?»

От пиратов спасались разными способами: молились богам и буддам, бросали за борт в сторону опасности бумажные амулеты; «пусть как плывут наши подношения, — говорится в молитве, — так же свободно поплывет и наш корабль». Наконец экипаж перешел на греблю по ночам — дело столь опасное, что решиться на него можно только ввиду еще большей опасности. С молитвами миновали страшный водоворот Эйва у Наруто. На третий месяц пути встречный ветер несколько дней мешал продвигаться вперед. «На борту есть что-то такое, чего возжелал бог Сумиёси», — мрачно заявил капитан. Попытались вновь применить бумажные амулеты — безуспешно. Отчаяние усиливалось. Капитан сказал: «Я предлагаю Богу свое драгоценное зеркало!» — и бросил его в море. Ветер переменялся. На следующий день корабль подошел к Осаке. «Мы не можем забыть много такого, что причиняло нам боль, — заключает автор, — но я не могу рассказать обо всем»¹⁴.

Дневник позволяет точно определить продолжительность плавания. Оно началось в двадцать второй день двенадцатой луны и закончилось на шестой день третьей луны нового года. Путь длиной чуть больше четырехсот миль занял 69 дней морского плавания или стоянок в гаванях в ожидании попутного ветра. Существует много причин такой чрезвычайной медленности плавания. Ранг пассажиров требовал неторопливости. Нежелание плыть по ночам в таком обществе могло быть сильнее обычного. Большой галере предположительно приходилось держаться у берега, чтобы иметь доступ к припасам и свежей воде; на более коротком маршруте в открытом море это невозможно. Но, даже если принять все это во внимание, путь в 69 дней кажется не-

обычно долгим. Автор мог ради драматизма растянуть путешествие, чтобы наиболее выгодно расположить случившееся в пути. Но и в этом случае само путешествие должно было быть длительным, иначе описание не было бы столь реалистическим.

Трудность и длительность плавания по японским водам лучше любого мифа о врожденном изоляционизме объясняет, почему до появления парового флота японский империализм не заходил далеко. Помимо собственных островов и ближайших соседних, объектом вспыхивавшей время от времени алчности японских завоевателей становились Китай и Корея, но к этим странам можно попасть только через зону сильных тайфунов, которые топят корабли у самого берега или бросают их на скалы Тонкинского залива, когда моряки подходят с востока к материковой Азии. Редкие японские путешественники, кого заносило в Индийский океан — подобно прообразу героя «Рассказа о выдолбленном дереве» X века, где описывается, как не желавшего того моряка ветром унесло к Персии, — удивлялись поразительной скорости, с какой удавалось с помощью муссонов преодолевать огромные расстояния. Японцев, напротив, ветры словно приковывали к их берегам.

Ветры препятствовали долговременным плаваниям японцев, но служили для моряков побудительным мотивом двигаться дальше на запад вдоль побережья Азии. Благодаря системе муссонов, гарантировавших попутный ветер, некоторые морские цивилизации Индийского океана проложили морские пути удивительной длины к исходу Средних веков, когда никто, кроме норвежцев, не пересекал Атлантику, а Тихий океан все еще оставался непреодолимым (см. ниже, с. 561–569). Наиболее яркие тому примеры представляет история арабов.

Караваны муссонов: арабы и их моря

Западные путешественники и кинематографисты сформировали у нас представление об арабах как о романтических жителях пустынь. Даже собственное представление арабов о

себе напоминает мираж: они идеализируют предполагаемое естественное благородство жителей пустынь бедуинов и жизнь в шатрах и лагерях.

Однако в действительности подлинных жителей пустынь всегда было немного. Колыбелью цивилизации, которую создали и распространили по всему миру арабы, стали узкие плодородные полосы на внешних окраинах Аравийского полуострова, между песком и морем. В особенности в Омане, Хадрамауте и Йемене, прибрежная Аравия обладает всеми географическими условиями для создания морской цивилизации: плодородная почва, способная кормить население, но без возможности продвигаться в глубь суши и без иного, помимо моря, пространства, которое могло бы расширить ресурсную базу.

Арабская цивилизация уже при зарождении была морской в двойном смысле. Ибо пустыня — тоже своего рода море: однообразное, ненаселенное, по-видимому бездорожное обширное пространство, вечно гонимое и переделываемое ветром. Здесь есть свои острова — оазисы, есть ресурсы, которые можно использовать, хотя их, как правило, гораздо меньше, чем в море; но прежде всего это препятствие, которое необходимо преодолеть. Например, Красное море поддается преодолению труднее, чем Аравийская пустыня. Согласно ибн-Маджиду, величайшему арабскому писателю и мореплавателю Средних веков, «оно изобилует незнакомыми местами и существами». До самого конца XVI века у Красного моря была репутация «более опасного, чем великий океан»¹⁵. Именно из-за враждебности его мореплаванию древние моряки, которые пересекали его, очень этим гордились — как участники экспедиции, посланной царицей Хатшепсут за пряностями в 1500 году до н. э., о чем можно прочесть на стенах ее погребального храма (см. выше, с. 282–285). Поэтому большую часть времени, а до IV века до н. э. исключительно, товары, прибывавшие в Йемен с востока, доставлялись верблюжьими караванами из Египта или Сирии.

Даже на наиболее благоприятных по условиям берегах Аравии основать морскую цивилизацию нелегко. Здесь никогда не было достаточно леса для строительства кораблей.

Нет судоходных рек и, если принять во внимание протяженность береговой линии, относительно мало хороших гаваней. На берегах Персидского залива всегда было мало гаваней, где можно взять на борт пресную воду, и гавани эти далеко отстоят друг от друга. Даже систему муссонов — этот дар природы народам, которым посчастливилось жить там, где она действует, — арабским морякам поначалу было трудно использовать. К северу от экватора в Индийском океане зимой преобладают северо-восточные ветры. Почти всю остальную часть года они устойчиво дуют с юга и запада. Рассчитывая время плаваний так, чтобы воспользоваться муссонами, купцы и исследователи могли надежно использовать попутный ветер, помогающий при возвращении. Словно дополнительная награда, течения точно следовали ветрам. Как следствие, Индийский океан стал ареной самых первых в мире долгих плаваний в открытом море. Но в Аравийском море — рукаве океана, который предстояло преодолеть арабам, — весь год бушуют сильные бури, а муссоны достигают особой силы: чтобы плавать в таких условиях, нужно уметь строить прочные корабли (см. ниже, с. 564–566).

Археологические данные о далеком прошлом Аравии весьма обрывочны, хотя постоянно появляются новые. Зарождение оседлой земледельческой жизни на территории, которую сегодня занимает Оман, можно отследить в пятом тысячелетии до н. э., когда началось возделывание сорго. Здесь были одомашнены животные: собаки, верблюды, ослы и крупный рогатый скот — возможно, горбатые зебу. От того времени остались груды камней-памятников. В третьем тысячелетии до н. э. значение Омана и, возможно, Бахрейна как торговых посредников между Индией и Месопотамией начало возрастать. В начале третьего тысячелетия в клинописных текстах все чаще встречается название «Дилнум» — спорного расположения, но несомненно где-то в этом регионе. В трех последних столетиях третьего тысячелетия добавляется название «Царство Маган», обычно отождествляемое с Оманом¹⁶.

Тем временем в Омани появляются каменные здания, печати, украшенные в манере долины Инда, и за ним закреп-

ляется слава места, где плавят медь. Убедительно доказано, что вдобавок к металлу, добываемому на месте, печи Омана работали и на привозных металле и руде. Однако к концу третьего тысячелетия роль торгового центра региона полностью переходит к Бахрейну, и название «Дилнум» начинает ассоциироваться с этим островом. О процветании красноречиво свидетельствуют храмы из обработанного известняка, воздвигнутые в первой половине второго тысячелетия. В тот же период в Йемене — плодородном юго-западном углу полуострова — развиваются оросительная система и экспортная торговля ароматическими веществами, такими, как ладан и мирра, которыми славился этот регион. Товары из Эфиопии, Сомали, Индии по дороге на Ближний Восток проходили через руки йеменских торговцев, пошлины обогащали местные государства и племена.

Однако крушение цивилизации долины Инда (см. выше, с. 306) привело к спаду в экономике Аравийского полуострова; казалось, цивилизации Аравии выжидали до последнего тысячелетия перед новой эрой, пока торговля по Индийскому океану вновь не стала высокоприбыльным занятием. Желание Александра Македонского предпринять завоевательную морскую экспедицию против восточной Аравии, высказанное им пред смертью, не было просто капризом: в это время в регионе существовал внушительный город Тай, окруженный стенами из обработанного камня, окружностью в 8320 футов и средней высотой в 13 футов 6 дюймов¹⁷. Прибрежный город Герра, вероятно, в районе современного Аль-Джубайля, был крупным центром торговли аравийскими благовониями и индийской мануфактурой. Еще не раскопано большое количество надписей хасаитской письменности. О торговых возможностях этого региона говорит очевидное богатство островного порта Файлака, который в третьем и втором тысячелетиях до н. э. последовательно населяли персидские и греческие колонисты¹⁸.

В последние два столетия до Рождества Христова репутация оманской торговли у греческих и римских писателей все укреплялась. Йемен считался землей, где «жители выращивают кассию и корицу для повседневных нужд». Автор греческого руководства по торговле в Индийском океане

считал, что «нет народа богаче, чем жители Сабей и геры, через которых проходит все, что перевозится из Азии или Европы. Это они сделали Сирию столь богатой золотом и обеспечили выгодную торговлю и тысячи других вещей финикийцам»¹⁹.

Однако история арабского мореплавания как будто вновь прервалась — по крайней мере упоминания о нем почти исчезают из дошедших до нас источников — в период «темных веков», которые согласно традиционной историографии предшествовали приходу в начале VII века н. э. пророка Мухаммеда²⁰. Мухаммед оказал революционное воздействие на все стороны жизни, которых касался. Основанный им ислам не просто религия, но образ жизни и план устройства общества, а также строгий, но в то же время чрезвычайно практичный нравственный кодекс, набор правил личной дисциплины и очерк гражданского кодекса законов.

Ислам соединил элементы, заимствованные у христианства и иудаизма, с определенным уважением к некоторым традиционным языческим обрядам и учениям этого региона. Дорогая исламским ученым традиция представляет Мухаммеда пророком Господа, и следовательно, выражаясь обыденным языком, абсолютно оригинальным. Не перенимающее наслоений предшествующих религий, учение Мухаммеда полно грома и грохота от разрыва с прошлым. Однако его ранние последователи, по-видимому, считали себя потомками Авраама от Агари и Измаила и заимствовали у арабских торговых общин Палестины концепцию монотеизма и избрания Господом для исполнения священных заветов²¹. В мирских терминах у Мухаммеда, подобно многим пророкам до и после него, вызывали нравственный протест окружавшие его общественное бесплодие, неравенство и хаос.

Однако он утверждал, что получил свое учение непосредственно от Бога, через ангела, который передал ему божественные слова. Получившийся в итоге Коран оказался столь убедительным и мощным документом, что миллионы людей во всем мире и сегодня верят ему. Ко времени своей смерти пророк вооружил последователей динамичной формой социальной организации, сознанием уникального по-

средством откровений Мухаммеда доступа к божественной истине и убеждением, что война с неверными не только оправданна, но и священна. Воинам был обещан в загробной жизни рай с удовольствиями, аналогичными тем, какие можно получить в этом мире. Наследие Мухаммеда дало исламу организационные и идеологические преимущества перед потенциальными врагами. Через сто лет после его смерти его преемники, «полковые командиры верующих», создали империю более обширную, чем любая империя западного мира.

Широкому распространению ислама способствовал гораздо более вездесущий вектор культуры, чем армии: арабские купцы. Торговля разносила по городам живые примеры преданности исламу, мусульмане повсюду становились портовыми инспекторами, таможенными чиновниками и агентами деспотических монополий. Вслед за купцами по торговым маршрутам шли миссионеры: ученые в поисках покровительства разъясняли обязанности мусульманина новообращенным; титаны духа стремились бросить вызов местным шаманам, соревнуясь с ними в аскетизме, и в сверхъестественных способностях. Кое-где критическое воздействие оказали суфии — исламские мистики, которые исповедовали своего рода популярный анимизм и пантеизм, утверждая, что «ощущают Его ближе, чем жилы на собственной шее». Суфии сосредоточились в Малисе и благодаря династическому союзу в начале XV века ввели здесь ислам, а когда сто лет спустя город захватили португальцы, суфии разошлись оттуда по всей Яве и Суматре. В конце XVI и в XVII столетиях особенно прославился своими миссионерами-суфиями город Асех на северо-западе Суматры. Они распространяли яростный мистицизм сомнительной ортодоксии, как, например, Шамс аль-Дин, который именовал себя пророком последнего века и чьи книги после его смерти в 1630 году были сожжены.

Естественно, арабская цивилизация, преобразованная Мухаммедом, подверглась при этом расширению дальнейшей трансформации. Большая часть завоеваний была сделана за счет римлян и персов, богатые традиции искусства и науки, сохраненные в греческом, римском и персидском мирах, обогатили наследство, полученное от арабов. Арабы остава-

лись элитой внутри ислама, но сам размер империи требовал, чтобы привилегии ранга и власти распространялись и на другие народы, и хотя благодаря Корану арабский язык всегда оставался связующей силой внутри ислама, расширение империи с XIV по XVII век превратило ислам в сообщество людей, говорящих на разных языках. В разных частях исламского мира статус имперского языка наряду с арабским получали персидский (фарси), турецкий, урду, малайский и в меньшей степени монгольский и другие языки Центральной Азии. Тем временем постепенно, путем завоеваний и обращения прибрежного населения, Индийский океан превратился в Исламское озеро (см. ниже, с. 557–560).

С распространением ислама изменилась даже идентичность арабов. Сегодня арабским как своим первым языком владеют десятки миллионов людей, считающих себя арабами, хотя у них нет ни единого предка с Аравийского полуострова. Те приморские общины, которые первыми сформировали арабскую цивилизацию, сегодня всего лишь одни из многих. Ислам стал чем-то большим, чем просто морская цивилизация, он вобрал много сухопутных кочевников и других обитателей суши из глубин континента. Однако достаточно бросить взгляд на сегодняшнюю карту исламского мира, чтобы увидеть, как на протяжении столетий исламская цивилизация продолжала распространяться по морским и пустынным маршрутам наподобие тех, что впервые связали арабскую цивилизацию с внешним миром. На дальних границах, там, где прокладывались маршруты через Аравийский залив и Индийский океан, арабы сталкивались с другими, гораздо более древними морскими цивилизациями, большая часть которых представляла собой благодатную почву для исламских миссионеров. Это область, которая в буддийской космологии изображается как извилистый край мира²².

Кольцо Змеи: моря Юго-Восточной Азии

Существует опасность упустить великие цивилизации юго-востока Азии, зародившиеся далеко от моря и иногда даже в зрелости имевшие с морем очень мало общего — или

вообще ничего. Ангкор (см. выше, с. 238) на протяжении всей своей истории оставался исключительно сухопутным, аграрным государством. То же относится к почти столь же блестящему городскому миру Пагана в среднем течении Иравади, хотя Паган поддерживал отношения сотрудничества, а иногда, особенно в XI веке, — господства с торговыми общинами на Бирманском побережье, с которыми обращались как с вассалами «ниже по течению», обязанными платить дань²³. Имперские государства средневековой — а если считать Матарам, то и ранней современной — Явы старались использовать море, но при этом ими обычно руководили воины-аристократы с внутренних гор; главные святилища и столицы также строились далеко от моря. Когда вьетнамские государства смотрели на море, они делали это с рисовых плантаций в пойме Красной реки. И действительно, за каждым устремлением к морю, за империализмом на юге и юго-западе Азии стоят сельскохозяйственные земли в глубине континента, где выращивается много риса. По сравнению с большинством уже рассмотренных примеров: Финикией, Скандинавией, Голландией, морскими цивилизациями арабов и (по-своему) Японией — морские побережья этого региона имели гораздо больше возможностей, и изобилие им обещало не только море, но и суша. До некоторой степени это применимо даже к Фучжоу, к которому мы сейчас обратимся.

Первое известное нам на этой территории определенно нацеленное на море государство — Фунань — было расположено на узком побережье всего Таиландского залива. Китайские чиновники отмечали его как возможного данника и торгового партнера, когда эта область в третьем столетии н. э. попала в сферу интересов Китая. Культура государства была почти целиком заимствована из Индии; согласно китайским отчетам это хранилище знаний, достаточно богатое, чтобы платить налоги «золотом, серебром, жемчугом и благовониями»²⁴. Его успех зависел от посреднической роли в торговле Китая с Индонезией и Бенгальским заливом: но эту торговлю экономичнее было осуществлять напрямую, без посредников. Такую возможность демонстрировали морские плавания буддийских паломников из Индии. Самый яркий

писатель среди них — Фа Сянь — оставил выразительный рассказ о своей одиссее начала пятого века, когда он в протекающей лодке проплыл по кишасим пиратами морям; эти пираты никого не пропускали мимо²⁵. Фунань со временем поглотило государство Кхмер (см. выше, с. 238), и центр тяготения морского государства переместился на острова Индонезии.

Государство Шривиджая на берегу Суматры уже производило внушительное впечатление, когда в седьмом веке упоминания о нем появляются в китайских источниках. Когда в 671 году здесь останавливался пилигрим И Цзи, в столице находилось до тысячи буддийских монахов, живших своей общиной. Это было царство гаваней, бравших плату за стоянку, и логово пиратов, а в глубине — обрамленная рекой страна сухопутных жителей, снабжавшая гавани людьми и рисом. Наряду со сложной придворной культурой, где большую роль играли индийские и буддийские ученые, в стране сохранились богатые традиции языческой магии, пленявшей мусульманских наблюдателей, и магия эта использовалась для умиротворения моря и контроля над ним. По слухам, вход в устье реки охраняли заколдованные крокодилы, а милость моря покупали ежегодными дарами в виде золотых кирпичей²⁶. Вероятно, это не более странно, чем ежегодные аналогичные обряды, совершавшиеся в Венеции (см. выше, с. 431).

Магия действовала, и столица Палембанг стала местом отдыха купцов, где даже попугаи говорили на четырех языках²⁷. Морская сила Шривиджайи была сосредоточена (и здесь наиболее явственно проявлялся потенциал морской цивилизации) на неровном восточном берегу Суматры с множеством мелких островов и мангровыми рощами, с глубокими заливами и удобными гаванями, с природной защитой — коралловыми рифами — и с обилием рыбы и черепах²⁸. Величие и само существование этого государства — ибо его «неизменно описывали как великое», по словам кантонского чиновника, ведавшего торговлей в начале XI века, — зависели от торговли с Китаем, в особенности сандалом и благовониями (здесь эта страна была монополистом), и от безопасности на море.

В VIII веке у Шривиджайи появился яванский соперник, известный как Царство Гор и Империя Южных Морей. В 767 году яванские захватчики были изгнаны китайскими силами из залива Сон Тей в Тонкине. В 774 году они опустошили южное побережье Аннама; надписи в Чаме выражают ужас перед «людьми, рожденными в чужих землях, людьми, чья пища ужаснее человеческих трупов, страшными, черными, худыми, внушающими дикий страх и опасными, как смерть», приплывшими на лодках. В надписях 778 года говорится о вторжении «армии с Явы, которая высадилась из лодок». В воспоминаниях купца Сулеймана, записанных в 916 году, есть рассказ о кхмерском короле, «молодом и горячем», который неосторожно выразил желание увидеть голову императора Южных Морей «на тарелке передо мной». Император возглавил тайную нежданную вылазку непосредственно в Камбоджу. Он без труда поднялся по реке до столицы, ворвался во дворец и захватил короля... «Я с удовольствием подвергну тебя тому, чему ты собирался подвергнуть меня, чтобы ты вернулся в собственную страну не униженным». Он провозгласил нового короля и передал ему на тарелке голову прежнего как подарок и предупреждение. «С этого времени кхмеры по утрам поворачивались лицом в сторону страны императора и кланялись до земли, выражая свою покорность»²⁹.

Один из заметных парадоксов этого периода в том, что Суматра оставила записи о торговле и войнах, но не оставила крупных памятников; Ява, напротив, оставила памятники, но не оставила никаких записей. Однако есть другие, более убедительные свидетельства того, что на Яве было развито мореплавание: эти свидетельства дошли до нас не в письменном виде, а в резьбе на камне. Если судить о цивилизации по меркам, принятым в этой книге, некоторые периоды яванской истории следует считать периодами великих достижений, в особенности в эру строительства династии Сайлендра в VIII и IX веках. Не чувствуя потребности в развитии собственной морской стратегии, яванские правители эпохи величия Шривиджайи могли сосредоточить достаточно богатства и рабочей силы, чтобы строить буддийские храмы, которым нет равных даже в Индии, — космические диаграммы такого

грандиозного масштаба, что они ясно говорили о привилегированном восхождении на небо их строителей и об их праве владеть всем миром.

Набольшее впечатление производит Боробудур, памятник славы Сайлендра, построенный из миллиона каменных блоков в начале периода величия династии, примерно между 780 и 830 годами. Это был не просто акт самоутверждения новой династии, но также воплощение буддийского взгляда на мир. Буддизм был в высших кругах Явы относительно новой религией: ясно, что Боробудур начинали строить как индуистский храм, но правящая идеология неожиданно изменилась³⁰. Подражая окружающим холмам и в некоторых отношениях превосходя их, храм воплотил уникальный план: это не храм, ибо в нем нет внутренних пространств, но множество террас, ведущих пилигримов вверх, по аналогии с мистическим восхождением, к вершине, символизирующей центральную мировую гору буддийской космологии³¹. Покрытый огромным количеством изображений, Боробудур представляет собой каменную глыбу с рассказом о стадиях подготовки души. Наиболее выразительны те рельефы, которые иллюстрируют нравоучительные притчи буддийских рукописей. И именно здесь мы встречаем купцов и моряков, о которых нет упоминаний в уцелевших архивах.

Один из самых знаменитых рельефов посвящен путешествию Хиру к земле обетованной. Этот верный министр легендарного короля-монаха заслужил милость неба, вмешавшись в поступки злого сына и наследника короля, который, помимо прочих злодейств, приказал похоронить духовного советника своего отца заживо. Хиру получил чудесный совет бежать раньше, чем песчаная буря уничтожит двор злого короля, и был перенесен в страну, которая изображена как берег счастья, со множеством зернохранилищ, павлинов, разнообразных деревьев и гостеприимных обитателей. Согласно боробудурскому рельефу Хиру приплывает к берегу счастья на корабле с растяжкой с уключиной, с несколькими палубами, заполненными матросами, и с надутыми парусами, укрепленными на двух главных мачтах и на бушприте³². Художник видел такие сцены. Он знал во

всех подробностях, как выглядит корабль и как он действует.

Тот же скульптор изобразил рядом другую сцену, которая еще более подчеркивает ценности, характерные для морского народа. Рельеф изображает кораблекрушение: моряки спускают паруса, пассажиры переходят в шлюпку, имеющую собственную мачту. Это эпизод из истории благочестивого купца Майтраканьяки, сына купца из Бенареса, погибшего в море. Мальчик хотел пойти по стопам отца, но мать постаралась уберечь его с помощью набожной лжи. Сначала Майтраканьяке сказали, что его отец владел лавкой, затем — что он был парфюмером, затем — ювелиром. Он по очереди испробовал все эти занятия, каждый раз богател и все нажитое раздавал бедным. Чтобы избавиться от него, другие купцы рассказали ему правду об отце. Боробудурский скульптор изображает, как он сурово прощается с матерью. Майтраканьяка уплыл на торговом корабле; в каждом порту его встречают прекрасные женщины, число их всякий раз удваивается, но в одном из портов его ждет не обычный роскошный прием — его привязывают к пыточному колесу и наказывают за дурное обращение с матерью. Ему сообщают, что его наказание будет длиться шестьдесят шесть тысяч лет, пока его не сменит другой грешник; но Майтраканьяка умоляет никогда не освобождать его, чтобы другой человек не испытывал такой боли. Его немедленно освобождают и переносят в вечное блаженство³³. Такой вид искусства — это, конечно, одновременно свидетельство определенной духовности, — мог сложиться только в коммерческом мире. Он раскрывает торговую этику: купец может быть и святым, и героем, торговля родственна паломничеству, а успеху в торговле должна предшествовать щедрость в подаяниях.

Однако справедливо и то, что, хотя позднее Ява стала родиной развитой морской технологии и мореходных традиций, период строительства храмов не оставил никаких свидетельств развитой торговли, которая могла бы соперничать с торговыми достижениями Шривиджаи. Надпись 927 года, возможно, свидетельствует о том, что внимание начинает обращать в сторону моря: празднуется приезд

сингалезцев, индийцев и бирманцев³⁴; но из этого ничего не вышло. В источниках нет никаких связных сообщений или точных описаний взаимоотношений между покровителями этой архитектуры — династией Сайлендра (восточная Ява) — и их соседями на Суматре. Относительно других периодов в источниках есть сведения о войнах, династических союзах, соперничестве и возможных совместных завоеваниях.

Весь остаток того периода, который мы называем Средневековым, Ява оставалась землей коммерческих достижений и морского потенциала. Из всех богатых заморских земель, обладающих огромными запасами драгоценных и разнообразных товаров, «ничто не превосходит царство арабов. На втором месте Ява, на третьем — Шривиджая. Еще дальше — много других», согласно отчету Чуу Фея 1178 года³⁵. Нечто вроде имперского возрождения произошло в середине XIV века на острове Маджапахит, крепости к востоку от центра власти династии Сайлендра.

Здесь в 1365 году Винада-Прапанья, буддийский ученый из королевского суда, посвящает стихотворение товарищу по детским играм королю Хайану Вуруку. «Нагара-Кертагاما» — это панегирик правителю, опыт унижения его соседей и провозглашение динамичной и агрессивной политики. В нем любовно описываются чудеса королевского дворца в Маджапахите с его железными дверями и «усеянными алмазами» сторожевыми башнями. Маджапахит сравнивается с солнцем и луной, а остальные города королевства «в большом количестве» «подобны звездам». Хайан Вурук путешествует «в бесчисленном множестве карет», или его переносят на львином троне в паланкине, чтобы он получил похвалы в стихах на санскрите от послов иностранных государств. Его королевство, с которым, согласно поэту, во всем мире может сравниться только Индия, на самом деле занимало меньше половины территории Явы, а его потенциал, впустую растраченный нетерпеливой политикой Хайана Вурука, никогда не был реализован. Но амбиции были грандиозные. Поэт перечисляет в числе данников королевства Суматру, Борнео, южную Малайю, Сиам, Камбоджу и Аннам. Он даже Китай и Индию изображает покорными своему властелину, «и другие

страны, — хвастливо пишет он, — готовы выразить покорность Высочайшему Повелителю»³⁶. Размеры и силы Явы вряд ли соответствовали таким претензиям. Тем не менее агрессивный дух, выраженный в придворной поэзии, действительно поддерживал Маджапахит в войнах с коммерческими королевствами-соперниками на Суматре; а морская технология: строительство кораблей, обучение экипажей, навигация здесь были развиты не менее, чем в других частях света³⁷.

Тем временем культуры, выходящие к берегам Южно-Китайского моря, постепенно преобразовывались под влиянием близости богатых торговых маршрутов. Вьетнам на севере и Чам (Аннам) на юге в течение столетий или даже тысячелетий оставались ориентированными на внутренние земли и занимались выращиванием риса; но в VII и VIII веках их прибрежные общины пережили преобразование, уже знакомое нам по истории Голландии: от рыболовства к пиратству, от пиратства к торговле. В X и XI веках оба государства обладали сильными флотами, совершали взаимные набеги, настолько опасные, что приходилось обращаться за помощью к Китаю, обещая за эту помощь розовую воду, греческий огонь, драгоценные жемчужины, сандаловое дерево, слоновую кость, камфору, павлинов и арабские вазы³⁸. Все это были привозные продукты. Ни одно государство не могло самостоятельно производить такое количество собственных товаров — рабов, которых державы захватывали друг у друга в ходе войн.

Моря из молока и масла: морская Индия

Традиционная индийская география похожа на произведение тех, кто никогда не покидал пределы своей страны. Четыре, а со второго столетия до н. э. — семь континентов расходятся во все стороны от горного центра — Меру или Синеру. Вокруг концентрических горных цепей раскинулись семь морей — соответственно из соли, сока сахарного тростника, вина, масла из молока буйволиц, творога, молока и воды. В наиболее сохранившихся иллюстрированных космо-

графиях эти семь морей омывают землю по совершенным окружностям, еще более удаленные от распознаваемого центра — Тибета и треугольной, похожей на лепесток Индии, с которой, как капля росы, стекает Шри-Ланка. Однако рисунки, схематические, будящие воображение, основаны на подлинных наблюдениях за миром, сосредоточенным вокруг великих Гималаев, и океаном, делящимся на моря, каждое из которых представляет маршрут: к «континенту» по молочному морю, к Эфиопии по очищенному маслу и так далее³⁹. Считать на основе подобных космографий, что индийцы не были способны к мореплаванию, все равно что на основе карты подземки считать, что лондонцы не умеют строить железные дороги.

О размахе и древности индийского мореплавания свидетельствуют рассказы, созданные в конце первого тысячелетия до н. э. или непосредственно вслед за этим, собранные в джатаках, а также в буддийских притчах. Тот факт, что в этих рассказах о купцах и мореплавателях Будда изредка воскресает (инкарнируется), противоречит представлению, будто «восточная религия» враждебна торговле, призыванию к накоплению или к морским странствиям. Навигация «с помощью знания звезд» изображается как божественный дар. Бодхисаттва своим вмешательством спасает моряков от соблазнительницы-людоедки на Шри-Ланке. Для набожного мореплавателя он придумывает непотопляемый корабль. Купец из Бенареса по совету Будды покупает в долг корабль и продает груз с прибылью в 200 000 золотых монет. В то же время в этих рассказах наряду с прибылью высоко оцениваются нравственные достоинства. В одном из них брамин по имени Санкха, обеднев из-за собственных щедрых благодеяний, решает «отплыть на корабле в страну золота, откуда я вернусь снова богатым». От кораблекрушения его спасает бог Мани-мекхала, погубивший корабль, чтобы наказать тех, кто совмещает паломничество с торговлей, а также тех, «кто не уважал родителей»⁴⁰.

Пока Шривиджая впадала в застой, Ява дробилась на мелкие царства, а Чампа и Вьетнам находились в состоянии неустойчивого равновесия, образовавшийся в морской торговле вакуум могли в разное время заполнять Китай, Шри-

Ланка и даже Паган. Но Китай не был заинтересован в морской торговле, Шри-Ланка оставался слишком уязвимым для завоевателей, а Паган, хотя здесь существовала научная традиция, которая в этот период пыталась переместить центра тяготения к морю, на берега, некогда занятые Фунанем, был слишком удален от моря. И в XI веке государством Южной Индии было создано довольно непрочное образование, которое некоторые ученые также именуют империей.

Сила царства Чола была сосредоточена на суше, на рисовых полях долины Кавери и на горных пастбищах. Государи этого царства (почти без исключений) гораздо больше внимания уделяли безопасности своих земель и возможностям их расширения, чем морю. Набег на чужие земли по Гангу делал для престижа монархии больше, чем заморские плавания: в этом отношении Чола резко отличается от современных ей христианских государств, в которых «деяния за морем» добавляли славы и святости походам крестоносцев. Потенциал царства Чола как возможной родины морской цивилизации связан с соединением власти, богатства и честолюбия царей с возможностями торговых общин на Коромандельском побережье. В крупнейших портах этого побережья Нагапаттинаме, Каверипумпаттинаме и Мамаллапураме на склады принимались жемчуг, кораллы, орехи бетеля, кардамон, пестро раскрашенный хлопок, черное дерево, янтарь, благовония, слоновая кость, рога носорога и даже живые слоны, на товары ставили царскую печать в виде тигра, и затем товары обменивались на золото⁴¹.

Подобно своим современникам в лесах умеренного климата (см. выше, с. 190–193, 203–212), цари Чолы в гигантских масштабах уничтожали леса и строили города в имперском стиле. Миф об основании династии повествует о том, как царь Кола охотился на антилопу: его вдруг заманил в глубину леса демон, и он оказался в таком месте, где не было ни одного брамина, чтобы принять подношение. Поэтому царь расчистил лес и принялся строить храмы⁴². А наследники следовали его примеру.

Профессия купца сочеталась с профессией пирата; у купцов Чолы были частные армии и репутация «льва, гото-

вого к убийству»⁴³. Имперские амбиции были наиболее сильны у тех царей, кто поддерживал близкие отношения с купцами. Кулоттунга I (1070—1120), снизивший налоги, взимаемые с купцов государством, считал себя — об этом говорит надпись на столбе — героем песен, «которые поют на далеких берегах океана молодые персиянки»⁴⁴. Морской империализм Чолы состоял, вероятно, прежде всего в пиратских набегах, хотя были захвачены и участки земли и в Шри-Ланке, на Мальдивских островах и, возможно, в Малайе стояли гарнизоны. Однако воздействия этих набегов было достаточно, чтобы сокрушить Шривиджаю и обогатить храмы Южной Индии. Храмы были союзниками и помощниками царя в управлении государством, и они же получали наибольшую выгоду от войн. Их вложения в землю и в совершенствование ее обработки в конечном счете могли подорвать морской империализм Чолы — что стало заметно в XIII веке. Но пока влечение к морю сохранялось, списки даров на стенах храмов свидетельствуют о его плодах — переходе от жертвований скота и сельскохозяйственной продукции к роскошным подношениям экзотических товаров и денег, особенно в период между 1000 и 1070 годами. Среди сокровищ Танджора были: золотая корона (такого размера, что на ней держали постоянно горящими сорок ламп), 859 бриллиантов, 309 рубинов, 669 жемчужин, браслеты, серьги, золотые гирлянды, зонтики, подсвечники, опахала, подносы и сосуды⁴⁵.

В течение длительного периода, с середины IX до середины XIII века, утонченное, величественное и чуткое искусство отображало ценности, которые позволили государству Чола подняться над грабежом и эксплуатацией. Даже по меркам индийской цивилизации храмы Чолы были необыкновенно чувственными. Приход династии в Танджор, первую столицу государства, изображается почти как надругательство; согласно надписи, отмечавшей это событие, памятники города подобны украшениям девушки «с прекрасными глазами, грациозными извивами волос, с телом, закутанным в ткань, и с белой, как известь, кожей»⁴⁶. Та же эстетика пронизывает все искусство Чолы. Когда Раджендра (1012—1044) в ознаменование своих побед на Ганге построил новую сто-

лицу, он придал храмам гибкие изгибы, формы изящных королев и богинь, украшавших храмы, построенные его предшественниками. Город строился с размахом, свидетельствовавшим о невероятном честолюбии. В искусственное озеро длиной 60 и шириной 3 мили Раджендра провел воды священной реки. Вид строений, по словам поэта XII века, мог наполнить радостью «все четырнадцать миров, окруженных бушующим океаном». Этот город воплощал самую суть цивилизационных амбиций, ибо «сама природа вокруг стала невидима»⁴⁷.

Коромандельское побережье обладает наилучшими во всей восточной Индии возможностями для превращения в центр торговли. На западном берегу от Биджапура до Малабара тянется длинная полоса торговых государств, удобных гаваней и общин, живущих морем. Но район, который можно считать образцом морского мира, находится на северной оконечности побережья, в Гуджарате. Жители Гуджарата в истории Индии были тем, чем голландцы в Европе и обитатели Фучжоу в Китае: самыми опытными и преданными своему делу мореплавателями. Задолго до того как сформировалась некая гуджаратская сущность, на этой территории располагался большой порт эпохи Хараппа (см. выше, с. 299), Лотал, который вел торговлю с Месопотамией и Персидским заливом и вывозил медь, добытую в Карнатике. Потомки моряков Лотала в середине первого тысячелетия до н. э. стали героями морских рассказов джатаки и купцами, упомянутыми в «Опасностях Эритрейского моря» (см. ниже, с. 561). В одной джатаке (номер 360) говорится о царе, который послал министра, обратив его в исследователя, «по всем морям», чтобы отыскать похищенную царицу. Другая джатака (номер 463) — это рассказ о слепом моряке из Бхаруча, который открывал неведомые моря и основывал выгодную торговлю, потому что «по приметам океана знал, какие в нем скрываются сокровища»⁴⁸. Слепой моряк может показаться столь фантастической выдумкой, что это вызовет недоверие к рассказу; история явно связана с легендами о слепых проводниках в пустыне, где среди изменчивых барханов зрение не дает никаких преимуществ (см. выше, с. 100). Однако волны действительно сходны с песком, и многие рассказы,

существующие ради выраженной в них морали, основаны на реальном опыте.

Причина раннего развития морского дела в Гуджарате становится понятна при взгляде на карту: Камбейский залив окружен множеством бухт, дельт, эстуариев и островов; за водным миром начинается мир плато, гор, пустынь и болот. Поэтому «единственная прибыль» Гуджарата, по словам Сюаньцзая, который в поисках неискаженных текстов буддийских писаний побывал здесь в VII веке н. э., «извлекается из моря». Это преувеличение, но вполне простительное. Вопреки утверждениям социальной теории Вебера, которая говорит, что система ценностей многих религий, в том числе индуизма, несопоставима с капиталистическими ценностями, местные купцы занимались торговлей с не меньшим рвением и преданностью. Отчасти это объясняется тем, что индуизм, подобно всем религиям, выдвигает теоретические стандарты, которые на практике игнорируются: отчасти же причина в том, что профессией моряка начинали овладевать с молодых ногтей, когда еще не было возможности задуматься над выбором. Как сказал купец, который ради участия в боях нарушил кастовые ограничения, «можно оставаться купцом и на поле битвы»⁴⁹. В более поздний, гораздо более документированный период статус купца среди собратьев по вере определялся его богатством, а богатство часто тратилось на религиозные цели и благотворительность. Строгие ограничения, которые каста накладывала на свободу купцов в XIX веке, относятся ко времени, когда жернова экономических перемен значительно уменьшили роль торговли и ремесел в экономике⁵⁰.

Во всяком случае в Гуджарате существовала исключительно большая и мощная джайнитская секта, в которую купцов привлекали прежде всего неосторожные утверждения основателя джайнизма мудреца Махавиры о доступности для представителей всех каст просвещения и возвышения через инкарнации. Согласно стандартам Махавиры подлинно праведна только жизнь, полная самоограничений и монашеского самопожертвования, требующая отказа от насилия по отношению ко всем формам жизни, а в учении Махавиры живыми считаются также земля, камни, огонь и вода. Однако счи-

талось: то, что сегодня именуется «сколачиванием состояния», не имеет отношения к морали, если богатый человек помогает соседям и «старается, чтобы многие наслаждались тем, что он зарабатывает». «Высокое и низкое рождение — это только слова, не имеющие реального содержания»⁵¹. Пожертвования купцов позволили украсить горизонт Гуджарата многочисленными джайнистскими храмами; в ответ сами купцы стали предметом монашеских восхвалений, похвалы расточали их предприимчивости, экономности и щедрости⁵². Храм в Сатринджайе, где, согласно легенде, на землю сошел предок Махавиры, чтобы ему поклонялись, — крупнейший в Индии, он покрывает два холма куполами и шпилями, которые сверкают, как творение кондитера: кажется, будто их кремовые верхушки сотворены богами. Влияние джайнизма на Гуджарат было очевидно для португальских путешественников XVI века. Жоао де Баррос, считавший, что доктрины джайнизма заимствованы у Пифагора, сообщает об исключительных проявлениях набожности: джайнисты покупают у мусульман любое живое существо, чтобы те не могли его убить, «даже если это кобра... чтобы не видеть, как она умирает, и считают, что тем самым служат своему богу»⁵³.

Морскую историю Гуджарата на исходе Средневековья можно изложить в рассказах о султанах, которые называли себя «Повелителями моря» — такой титул свидетельствует о стремлении к господству на море, характерном и для морских государств Европы этого периода⁵⁴; или в рассказах о пиратах, которых видел Марко Поло: эти пираты плавали на кораблях в двадцать и тридцать парусов и «заполняли сотни миль моря, так что ни один купеческий корабль не мог миновать их... ограбив купца, они говорили: «Иди и заработай побольше; может, и это тоже станет нашим»⁵⁵; или ту же историю можно проследить по жизни моряков, подобных тому, кого португальские источники называют «Молемо Канаква» — что просто означает «мусульманский навигатор»: он показал Васко да Гама морской путь по Индийскому океану от Малинди до Калькутты; явных подтверждений легенде о том, что в этом лично повинен Ибн-Маджид, величайший авторитет своего времени в мореплавании⁵⁶, нет. Но

ради экономии времени и места, мы можем судить о морском облике Гуджарата по истории основателя знаменитого порта Диу.

Малик Айаз появился в Гуджарате в 1480-е годы как раб в свите русского знатного путешественника; хозяин ценил его за смелость и искусство стрельбы из лука и подарил султану. Освобожденный за храбрость в бою или по другой версии — за убийство сокола, осквернившего голову султана своими испражнениями, — он был назначен начальником местности, в которой находилась старинная гавань, едва только вновь начавшая благодаря покровительству предшественника Малика выступать из выросших вокруг за столетия джунглей. Ко времени появления в Индийском океане португальцев Малик превратил Диу в укрепленный торговый центр и убедил купцов Красного моря, Персидского залива, Малакки, Китая и Аравии заходить в его порт на пути в северную Индию. Стиль его жизни отражает выгодность торговли. Навещая султана, он брал с собой девятьсот лошадей. Он нанимал тысячу переносчиков воды и угощал своих гостей блюдами индийской, персидской и турецкой кухни на фарфоровых тарелках.

Помимо предпринимательских талантов он демонстрировал и большой дипломатический дар. Когда португальцы в 1509 году уничтожили гуджаратский флот, Малик заключил с победителями договор на самых выгодных условиях, каких смог добиться: его гавань открыта для них, а его собственные клиенты уйдут из торговли перцем, которой собирались заняться португальцы. Но он отказал португальцам в праве построить крепость на его земле и не покорился желанию султана отдать португальцам всю территорию: пришельцы казались султану менее опасными и более сговорчивыми, чем богатые и могущественные подданные вроде Малика. Позже, когда в 1534 году Диу стал португальской крепостью, годы правления Малика вспоминались как золотой век сопротивления христианству; на самом деле ничего подобного не было — перед нами просто типичная история хорошо продуманного равновесия, при котором местные интересы поглощены пришельцами, но власть им не отдана.

Как конкурентов в торговле и империалистов португальцев сменили голландцы и англичане, но морская жизнь Гуджарата продолжалась буквально без изменений. Возможности обогащения купцов увеличивались, мореплавание развивалось. Вирджи Вора, король гуджаратской торговли, который господствовал на всех региональных рынках с первого по последнее десятилетие XVII века, сумел натравить голландцев и англичан друг на друга, к собственной выгоде и ослаблению соперников. В различные периоды он устанавливал монопольные цены на рынках перца, гвоздики, меди, кораллов и ртути, действуя одновременно как главный банкир и поставщик кредитов для европейцев, и был — по словам раздосадованного английского купца в 1643 году — «главным продавцом и монополистом всех европейских товаров»⁵⁷. Это был выдающийся, но не единственный пример жизнеспособности местного капитализма в эпоху проникновения европейцев (см. ниже, с. 609).

Гуджарат был частью периферийного побережья Индии, которое всегда отличалось от самой Индии — районов Ганга и Декана, где были сосредоточены доминирующие государства и цивилизации (см. выше, с. 306, 336). Береговая линия Китая по сравнению с обширным пространством страны, уходящим в глубину Азии, казалась еще меньше. Китай в глазах всего мира — страна, обращенная в глубь самой себя. Однако есть район Китая, где море оказывало постоянное и решающее воздействие на формирование культуры; те же самые районы обеспечивали большую часть заморской торговли Китая и обеспечивали приток колонистов, ставших сегодня «заморскими китайцами»; вероятно, китайцы — народ самой многочисленной и всепроникающей морской колонизации в мире. Можно сказать, что провинция Фучжоу внутри китайской общей культуры обладала собственной вполне уникальной морской цивилизацией.

Морская граница Китая: Фучжоу

Для Марко Поло это было побережье с крупнейшими в мире портами, и по любым меркам оно действительно на протяжении веков оставалось родиной богатейших торговых общин; однако до своего подъема местность, впоследствии ставшая Фучжоу, много столетий пользовалась дурной репутацией как смертоносно негостеприимная земля: узкий малярийный берег, который теснят горы, населенные дикарями. Когда и как его заселили китайцы, неизвестно: ранняя история этих мест слишком темна и провинциальна, чтобы привлечь внимание летописцев, слишком бедна, чтобы отражаться в налоговых документах до IV века н. э. Иными словами, когда думаешь о местах типа Финикии и Греции или Нидерландов и Португалии, приходит в голову, что именно в таких местах можно ожидать возникновения больших коммерческих и даже имперских предприятий.

Как бы рискованно ни было использование моря, оно обещает больше, чем суша. Первый признак использования этих возможностей — быстрый рост населения, о котором свидетельствуют налоговые переписи конца VII и VIII веков. Возможно, этот рост вызван притоком беженцев, привлеченных именно недоступностью района и согласных обрабатывать эти малопродуктивные пограничные земли. Но в IX веке в документах неоднократно упоминается «торговля с Южными морями» на побережье Фучжоу. Это была посредническая и, вероятно, небольшая по масштабам торговля предметами роскоши, которые переправлялись на север, в эстуарий Янцзы. Выход в международную торговлю в большом масштабе стал делом полководцев и землевладельцев, искавших новые возможности обогащения в период распада империи в конце IX и в начале X веков. Ван Янбин, который, по видимому, в 890-х годах создавал эффективное независимое государство с центром в Цюаньчжоу, был известен как «секретарь, собирающий богатства», потому что во времена его правления не проходило и года, чтобы с южных морей не пришел хотя бы один корабль⁵⁸.

Когда начиная с 960-х годов при династии Сун единство государства было восстановлено, по дани, выплачиваемой

провинцией, становится возможно отследить развитые за это время океанские контакты: камфора, ладан, сандаловое дерево, асафетида, мирра, «пряности и лекарства». Столетие спустя порт в Цюаньчжоу «был забит иностранными судами, и привезенные ими товары нагромождались горами»⁵⁹. Описание жизни чиновников, откуда взята эта цитата, ясно дает понять, что отчасти преимущества района заключались в том, что это был крупный центр контрабанды. Контрабандисты договаривались с коррумпированными чиновниками, и те скрывали истинную стоимость товаров. Усилия правительства заставить купцов полностью регистрировать свои товары в порту Хуаньчжоу никогда не достигали успеха, хотя такие попытки неоднократно предпринимались в конце XI и начале XII столетий.

Купцы из Фучжоу начинают фигурировать в торговых документах различных государств с 990-х годов; за последующее столетие их деятельность охватывает Яву, Чампу, Вьетнам, Хайнань, Борнео и Корею. Берег приобрел репутацию места, обладающего природными и, возможно, загадочными преимуществами, что с лихвой искупало его недоступность со стороны суши. Течения способствовали плаваниям и перевозке товаров на север. В XII веке были предприняты грандиозные работы по усовершенствованию инфраструктуры торговли, построены многочисленные плотины, молы, мосты, которые, как говорится в надписи, «приводят в ужас рыбу и драконов» и делают море «подобным дворцу»⁶⁰. Рассчитывая на привозное продовольствие (не менее пятидесяти процентов в конце XII века) Ханчжоу стал или, возможно, казался самым главным портом Китая⁶¹. Хотя «ветер и волны создавали опасности, которые уменьшали прибыли, получаемые в других местах», местный купец Зоу Вей, согласно храмовой надписи 1138 года, смог преодолеть эти ужасы благодаря заклинаниям храмового духа в своем родном порту.

Не стоит смеяться над связью торговли и набожности: китайские экономисты этого периода предвидели теорию Вебера о связи между религией и капитализмом, объяснив процветание Фучжоу преобладанием религии «буддийской чистоты»⁶². Если это напоминает *interweltliche As-*

kese^{*}, которую Вебер приписывал протестантам и евреям, в аналогии есть определенный смысл: буддийское мировоззрение дружелюбно по отношению к купцам, оно освобождает их от унижений, которым они подвергаются в конфуцианском окружении, и от кастовых запретов, которые удерживают на суше многих индусов. Даосизм оказался еще более радушным по отношению к морякам и предпринимателям: в нем есть морские и коммерческие культы, которые позволяют делать подношения богам богатства и моря. Маршруты распространения китайцев усеиваются их храмами, как посвящения святому Николаю и изображения библейского персонажа Товия обозначают маршруты коммерческих путешественников в Средние века на Западе.

Купцы стали пионерами делового империализма: они уходили в море или временно поселялись за морем, в то время как элита, мандарины, предпочитала сушу и ее возможности. По мнению мандаринов, конфуцианскую утопию должны обеспечивать труды многочисленного мирного крестьянства. Ученые-бюрократы относились к морским плаваниям с подозрением, потому что те уводили ресурсы из империи и могли привлечь к стране внимание потенциально опасных варваров. Поэтому тексты средневекового Фучжоу говорят о достижениях купцов уклончиво: более престижной и соответственно более популярной темой были победы кандидатов Фучжоу на экзаменах. Победы бизнеса оставались невоспетыми. Когда в конце XIII века хан Хубилай мечтал о переносе монгольского воинственного империализма на море, большую часть кораблей и моряков поставил ему Фучжоу. Замысел «захватить четыре моря» провалился, но экспедиции с целью завоевания Явы и Японии свидетельствовали о победе при дворе экспансионистской стратегии вопреки благоразумной политике в конфуцианских традициях. Эти экспедиции помогли также расширить взгляд китайцев на мир, побуждали накапливать географические и этнографические данные о далеких странах и начать эру, которая длилась по крайней мере до конца XIV века и во время которой замор-

* Аскезу внутреннего мира (нем.).

ские плавания отлично уравнивали традиционный китайский изоляционизм.

Судя по остаткам гавани, Ханчжоу в свое время получал грузы ароматической древесины, пряностей, приправ и благовоний с Явы, из Кхмера, Аравии и восточной Африки⁶³. В городе были иностранные кварталы, как в столицах страны времен династий Тан и Сун, здесь селились купцы-чужеземцы. Общины иностранцев избирали собственных предводителей, торговали на своих рынках и молились в своих мечетях и церквях. А общины выходцев из Фучжоу процветали за морями, хотя в документальные свидетельства не попадали до конца XIV века, до тех пор, пока смена династии и политики не привлекла к ним внимание. Когда в 1368 году династия Мин запретила заморские плавания, это заставило китайцев Палембанга, например, остаться за морем и заняться пиратством и контрабандой.

В начале XV века короткое время казалось, что заморская торговля может стать государственным делом, а жители Фучжоу — основными специалистами в этой области и участниками⁶⁴. Император Юнлэ был одним из самых агрессивных и нацеленных на море правителей в истории Китая. Инструментом удовлетворения его морских амбиций стал евнух-адмирал Чен Хо, который командовал первой океанской экспедицией «кораблей-сокровищ» в 1405 году. Экспедиция была рассчитана на то, чтобы унижить элиту ученых и возвысить соперничавшие с ней лобби: группу евнухов, стремившихся к власти; купцов, которые хотели получить защиту и поддержку на море в своих заморских предприятиях; империалистов, желавших возобновить программу завоеваний времен Хубилая; религиозный истеблишмент, который хотел отобрать у ученых-управителей право распоряжаться средствами и потому одобрял новые предприятия.

Ряд морских экспедиций, которые продолжались с перерывами до 1433 года, захватывал Индийский океан до Джидды, Ормуза и Занзибара. В результате двор заполнился экзотическими приношениями и приобрел фантастический зверинец из животных, которые, как предполагалось, предвещали добро: жирафов, страусов, львов, леопардов, зебр, антилоп, носорогов и существ, напоминающих белого тигра

с черными пятнами, которые не едят мясо и питаются травой. Эти животные побуждали ученых рассуждать о «различиях» в мире. Они свидетельствовали перед варварами о силе Китая не меньше, чем свержение династии в Шри-Ланке и тирана на Суматре, наказание пиратов и превращение Малакки из рыбацкой деревни в великое торговое царство. На стеле, воздвигнутой в Фучжоу в 1432 году Чен Хо, выражена вера в науку и империю:

В объединении морей и континентов династия Мин зашла дальше, чем Хань и Тан... Страны за горизонтом во всех концах земли стали нашими подданными... Как бы далеко они ни находились, можно рассчитать расстояния до них и ведущие к ним маршруты⁶⁵.

Но стремление проявить силу за океаном ненадолго пережило императора Юнлэ. При дворе снова получили власть ученые-управители и конфуцианские идеи, и купцам Фучжоу, к их досаде, оставалась лишь отведенная законом прибрежная торговля; но, используя недочеты в системе официальной бдительности, они организовали эмигрантские колонии в Малакке, на Борнео и в Японии. Когда в 1567 году ограничения были сняты, подпольный империализм Фучжоу готов был развернуться в полную силу. К 1580-м годам Манилу (там к 1603 году, когда китайский квартал потряс первый погром, жило двадцать пять тысяч китайцев) ежегодно посещали не менее двадцати кораблей из Фучжоу; однако в течение двух десятилетий было восстановлено прежнее количество. Здесь, на территории, номинально принадлежавшей Испании, и в голландской торговой Батавии истинными колонистами были китайцы, которые селились в больших количествах, развивали экономику и обогащали местные общины своими средствами. В популярной шутке XVIII века Манила для выходцев из Фучжоу была «вторым домом»⁶⁶. Наряду с официальной «данью», ежегодно поступавшей в Фучжоу с островов Рюкю: тридцатью разновидностями золотых колец, пятьюдесятью семью видами сырья для производства благовоний, животными семнадцатью редких

видов, включая белых обезьян и попугайчиков с Формозы (Тайваня) — шла частная торговля менее экзотическими товарами: купцы ввозили соломенные циновки, бумагу, стеклянные бутылки, грубые ткани, нарезанных кубиками креветок⁶⁷.

Подгоняемые бедностью или алчностью, жители Фучжоу тысячами переселялись в Корею, Японию и на архипелаги юго-восточной Азии. Среди переселенцев были и капиталисты, например деревенские старосты, в чьих руках сосредоточивался капитал инвесторов, и отчаянные мелкие торговцы, как Ли Чан, который в 1544 году рассказал корейским властям, что бежал из родной деревни, пораженной засухой. «Откуда нам было взять даже простую пищу? У нас не было выбора, пришлось уйти в торговлю, построить лодку и начать торговать с малой прибылью. Ради нескольких мгновений счастья я и моя семья сели в небольшую хрупкую лодку, чтобы пересечь широкий неведомый океан. Легко умереть от солнечных ожогов на гигантских волнах... Огромные валы вздымаются до небес, но мы вынуждены рисковать и идти дальше»⁶⁸. Конечно, этот торговец-нелегал несколько преувеличивал опасность своего занятия. К концу столетия риск торговли заметно снизился, и появился обширный класс нуворишей.

В определенные периоды китайский империализм грозил захватить власть во всем китайском заморском мире. В начале XVII века головорезы, в чьей деятельности торговля сочеталась с пиратством, создавали целые государства или нечто очень похожее; говорили, что у Ли Тана три горы серебра: одна в Японии, одна в Фучжоу и одна в Маниле, и он на собственные средства содержит военные флоты; его преемник Чен Чилунь управлял из Амоя династической и дипломатической сетью, и его называли «Великим морским царем»; он превратился в «космополитическую» фигуру, но оставался образцом традиций, которые олицетворял, — традиций заморского империализма Фучжоу и «симбиотических отношений» между этой провинцией и морем⁶⁹. Его сын Коксинга основал собственное государство с центром в Тайване; это государство соперничало с империей. Однако в целом китайские купцы, не пользуясь поддержкой своего центрального

правительства, предусмотрительно предпочитали использовать для защиты и развития своей деятельности строителей западных империй⁷⁰. У выходцев из Фучжоу были устойчивые морские традиции, но эти люди никогда не пытались создать империю. Они оставались «купцами без империи» или образовывали лишь неформальные империи⁷¹. Они были разбросаны по самостоятельным, часто автономным колониям и сосредоточивались на торговле и ремеслах. Они оказывали влияние на приютившие их общины, эксплуатировали их, развивали новые виды деятельности, поддерживали связь друг с другом, не отличались честолюбием и с расчетливой скрытностью преследовали свои интересы.

14. Традиции Одиссея

Греческое и римское побережья

*Беотия. — Греческие колонии. — Афины. —
Эгейское и Ионическое моря. — Рим. — Римская империя. —
Возрождения и их обрамление.*

*...me tabula sacer
votiva paries indicat uvida
suspendisse potenti
vestimenta maris deo.*

*(А мне гласит
Со священной стены надпись, что влажные
Посвятил я морскому
Ризы богу могучему).*

Гораций. Оды
(Пер. В. Брюсова)

*Как зов наяд, мне голос твой
Звучит за ропотом глухим
Морей, ведя меня домой,
К сиянью Греции святой
И славе, чье имя — Рим.*

Эдгар Алан По. К Елене
(Пер. Г. Кружкова)

Плуг и корабельный нос: разговор с Гесиодом

Представьте себе поэта, идущего за тяжелым плугом. Поскольку это Беотия середины VIII века до н. э., почва жесткая, а плуг громоздкий. В раздражающей манере, какая иногда свойственна младшим братьям, Персий развалился поблизости, наблюдает за работающим Гесиодом и досаждаёт ему глупыми вопросами о том, как разбогатеть. Такой разговор действительно происходил — а может, Гесиод его придумал; но стихотворение, в котором он о нем рассказал, очень реалистично рисует жизнь на бедном берегу богатого моря. Гесиод рассказывает об этом в форме монолога, но можно с большой долей уверенности восстановить вопросы и ответные реплики. Из этого потока слов можно выделить данное Гесиодом древнейшее известное руководство по плаванию под парусами, адресованное древнегреческим морякам¹.

— Греция и бедность — сестры, — начинает Персий, цитируя любимую поговорку Гесиода. — Как мне побыстрее разбогатеть?

— Работай, брат мой, только так голод не будет тебе страшен. Ты получил лучшую часть отцовской земли. Чего еще тебе нужно?

— Мне нужно избежать тяжкого труда. Ты меня знаешь.

— Вначале построй дом, — советует старший брат, — приведи в него женщину, добудь быка для пахоты — женщину-рабыню, а не жену, чтобы она могла по очереди с тобой идти за плугом.

Мне кажется, Гесиод за разговором продолжает идти за плугом и с видимым равнодушием встречает следующее замечание брата:

— Я хочу покупать и продавать товары на далеких рынках.

Мысленным взором я вижу, как в этот миг Персий встает и начинает беспокойно расхаживать. Гесиод раздраженно отвечает:

— Персий, не будь глупцом. Наш отец уже пробовал. Он приплыл сюда на своем черном корабле из эолийского

Кайма, бежал от злой нужды, которой Бог наказывает людей. И где он оказался? В жалкой Аскре, где зимой слишком холодно, а летом слишком жарко, где никогда не бывает хорошо.

— Но именно поэтому мое сердце полно стремлением бежать отсюда — от долгов и безрадостного голода.

— Не сейчас, когда Плеяды погружаются в туманное море: сейчас дуют все ветры. Возделывай землю, как я сказал, и жди сезона плаваний, потом спускай свой корабль в винно-темное море и нагружай его товарами. Чем больше груз, тем больше прибыль.

— Что ты знаешь о плаваниях? Ты выходил в море только раз, когда отправился в Эвбею, на состязание поэтов...

— Где мой гимн победил, а я получил приз — священный треножник. Но как Бог научил меня тайнам сочинения стихов, точно так же сообщил он мне и секреты мореплавания, которые я могу передать тебе.

Мне кажется, Гесиод продолжает говорить задумчиво, словно в трансе.

— В течение пятидесяти дней после поворота солнца, с окончанием утомительной поры жатвы, ты можешь плыть, не опасаясь погубить корабль — если только Посейдон, сотрясатель земли, или Зевс, царь богов, не задумают тебя погубить. В это время ветры легко предугадать, а море спокойно. Ему можно довериться. Но торопись домой, никогда не жди нового вина или осенних дождей, тем более страшной зимы и порывов южного ветра. Может быть, ты больше всего в жизни желаешь денег — но деньги не стоят того, чтобы подвергать себя опасности утонуть в море. И никогда не помещай на борт все свое богатство. Будь скромн, брат мой. Скромность необходима во всем.

Вдохновение оставляет поэта. Божественное сообщение передано. Гесиод продолжает пахоту.

Самые ранние мореплаватели Средиземноморья исчезли. Строители мегалитов на восточных островах забыты. Мудрецы Кикладских островов и Крита бронзового века перешли в область легенд (см. выше, с. 424–428). Финикийцы (см. выше, с. 444) почти исчезают из записей. Завоеватели уничтожили их надписи, большую часть искусства и

даже стерли с лица земли их города. Но греки, которые вышли в море почти в то же самое время, почти три тысячи лет назад, вышли по аналогичным причинам и из такого же окружения, выстояли вопреки всем препонам. Их поселения, города, искусство и книги уцелели там, где сквозь тонкий слой почвы торчат каменные ребра земли. В V веке до н. э. Платон представлял себе Грецию скелетом, проступающим сквозь плоть, иссохшую от болезни². Гесиод жаловался на скупость и неплодородие своей земли. Сама хрупкость окружения заставляла людей, живших в нем, стремиться к изменениям и в то же время опасаться их последствий. Боги всегда стремятся наказать людей за самонадеянность в обращении с природой. Река Скамандр грозила утопить Ахилла за то, что он осквернил ее воды трупами. Геродот считал поражение Ксеркса наказанием за ряд экологически неверных решений: сооружение канала в Атосе, постройку моста через Геллеспонт, а также за то, что царь приказал высечь волны³.

Кажется невероятным, что на таком фоне, на южных землях и прибрежных островах знойного, сухого, скалистого выступа Европы, могла возникнуть цивилизация с такими грандиозными достижениями. Но недостатки суши уравновешивались возможностями моря. «Мы живем вокруг моря, — говорил Сократ, — как лягушки вокруг пруда», и взгляд на карту свидетельствует, что греки действительно жили сетью приморских общин. Платон считал мореплавание одним из величайших достижений человека. Но даже древесину, смолу и парусину сюда приходилось ввозить; ввозился и металл на инструменты строителей кораблей. Поэтому накопление богатства, необходимого для эксплуатации моря, было долгим и трудным процессом.

Погоня за Галатеей: Греция выходит в море

В начале истории, в конце второго тысячелетия до н. э., городская жизнь в Греции из-за опустошительных вторжений почти прекратилась. Кажется, города уцелели лишь в Афинах и Эвбее. Единственные каменные здания (или зда-

ния со стенами из булыжников), дошедшие от этого периода, найдены в Эретрии в Эвбее. Большинство греков проживали в хижинах с соломенными крышами и жили за счет разведения коз. Для сельскохозяйственных орудий металла не хватало; там, где возделывание земли практиковалось, основные площади были заняты ячменем: действительно, в этом регионе с его скудной почвой только это скромное растение относительно низкой питательности и могло расти.

В таких обстоятельствах разбогатеть можно было только с помощью ремесла. В Афинах, Коринфе и некоторых других центрах в X веке до н. э. изготовлялись на экспорт красиво разрисованные вазы. Оливки — единственный продукт сельского хозяйства, производившийся в избытке; их давили, получая масло. Так зарождалась торговля, которая вначале связала города на разных берегах Эгейского и Ионического морей, а затем, начиная с IX века, распространилась по всему Средиземному и Черному морю.

Соседние народы считали греческий ячмень непригодным к еде. Но оливковое масло годилось для вывоза, и выращивание оливок давало большие преимущества. Оливки стали тайным экономическим оружием эгейцев. Выращивание оливок было сезонным и оставляло много свободного времени для мореплаваний. Оливки могли расти на той же земле, что зерновые и бобы, и на большой высоте, до 2300 футов; индустриализация процесса их выращивания привела к накоплению богатства и возникновению бледного подобия капиталистических торговых отношений.

Почти две с половиной тысячи лет назад Геродот собрал рассказы о ранних мореплавателях. Он, например, рассказывает о Колеосе Самосском, который, пользуясь случайными попутными ветрами, пересек все Средиземное море и мимо Геркулесовых столпов, где встречное течение останавливает море, вышел в Атлантический океан. Он направлялся в Египет, но приплыл в юго-западную Испанию. И здесь обнаружил Эльдорадо греков: подлинную и одновременно фантастическую землю, которую греки называли Тартессом, где Геркулес укротил стада Гериона, а царь этих мест, как говорили, прожил сто двадцать лет. «Этот рынок, —

сообщает Геродот, — в то время совершенно не использовался», несмотря на богатые шахты: медь на берегах Рио-Тинто, золото, серебро и железо, сосредоточенные в пиритовом поясе.

Поэтому, вернувшись в свою страну, моряки из Самоса получили за свои товары больше прибыли, чем любые греки, о которых мы знаем, кроме Состратоса из Эгины, но с ним не сравнится никто. Они плавали на круглых торговых судах, но моряки из Фокеи, открывшие Атлантический океан, совершили то же самое плавание на пятидесятивесельном корабле⁴.

В VIII веке металлические орудия позволили земледелию стать более эффективным, но последовавший рост населения сделал потребность в пище и земле еще более настоятельной. Греки стали не только торговцами, но и колонистами: их поселения протянулись до плодородных почв Сицилии, где выращивают пшеницу, до южной Италии и до северных берегов Черного моря, а затем и до богатых рынков в тех краях, где сегодня расположены Франция и Испания⁵. На протяжении VII века многие из этих колоний превратились в самостоятельные внушительные города. Между тем о развитии торговли свидетельствует введение в это время в большинстве греческих городов монетной системы и строительство больших кораблей новых типов. Хотя греческие авторы склонны были идеализировать трудное сельскохозяйственное прошлое, они понимали, что торговля — это жизнь их общества. Многие писатели включают в число героев купцов и мореплавателей — нечто немыслимое для Китая того же периода, где ценились только крестьяне, воины и ученые.

Однако зов моря ощущался не повсеместно: спартанцы обычно предпочитали оставаться дома и создавать империю на соседних территориях. Это, однако, была лишь одна из эксцентрических особенностей лакедемонян, не одобрявшихся богами: пару спартанских империалистов, которые собирались основать город вблизи Коринфа, в 706 году оракул на-

правил «в Сатирион, в воды Тараса, в гавань слева, в место, где козы любят соленую воду и, когда пьют ее, обмакивают в нее кончики седых бород. Здесь постройте Тарентум»⁶. В других центрах обычное стремление империализма — распространяться далеко за свои границы. Колонии основывались с благословения богов и по советам оракулов, особенно жрицы из Дельф. В этом святилище божественные прорицания произносились в эффектной театральной оформлении: трон на трех ножках в виде извивающихся змей поднимался из дымящейся пещерной пропасти — и оракул рекомендовал колонизацию в совершенно неожиданных местах. Основатель Кротона отправился в Дельфы в поисках средства от бездетности, вовсе не собираясь основывать колонию. В 720 году халкидянам велено было основать колонию, чтобы избежать голода. В 640 году жителям Родоса было указано основать колонию на Сицилии и разделить ее с критянами. Основателя Гераклеи на Сицилии осуждали за то, что он не стал проводить обычной подготовки к консультациям с оракулом. Обычно основание колоний связывали с советами оракула, потому что указания Аполлона гарантировали легитимность и продолжительность существования⁷. Основание колоний настолько стало для греков образом жизни, что один из героев пьесы рассуждал о возможности основать колонию на небе. «Дело не в том, что нам опостылел наш город, — говорит будущий колонист, — потому что наш город великий, в нем всякий может потратить свои богатства и заплатить штрафы и налоги». Аристофан знал, как заставить аудиторию посмеяться над собой⁸.

Поскольку греческий мир расширялся в сторону моря, а не суши, колонии сохраняли морской характер того мира, из которого пришли, и мира известных им соседей. Обычно колонии размещались на сильно изрезанных берегах⁹. Однако со временем они могли утратить сходство со своим прежним домом, поскольку колонистами обычно становились отбросы общества, преступники, изгнанники и незаконнорожденные: типичные маргиналы, создающие новое общество, а вовсе не имперские паладины, воссоздающие Грецию за морем¹⁰. В некоторых местах жизнь начинали с того, что укрывались в ямах¹¹. Но ностальгия, потребности

торговли и недостаток воображения — все это вместе заставляло колонистов держаться привычных связей и обычаев, воспроизводя вкусы Греции, повторяя ее чувства, постоянно принимая посетителей из нее. В Навкратисе в дельте Нила, провозгласившем себя «полисом», стояли — наряду со святилищами других греческих культов — храмы Геры Самосской и Аполлона Милетского, ионические портики¹². Обилие в VI и V столетиях чаш, преподнесенных по обету Афродите, свидетельствует о большом количестве посетителей из Греции — секс-туристов, привлеченных в Навкратис похвалой Геродота местным проституткам; возможно, одна такая чаша принадлежит самому Геродоту, если не его тезке; здесь бывали и серьезные путешественники, например Аристофан и Солон, приезжавшие в Египет по делу или в поисках просветления при знакомстве с великой цивилизацией¹³.

Расширяющиеся тем временем связи с остальным миром обогащают воображение греческих художников и мыслителей. Море приносило обратно в Грецию новые культурные влияния: самый яркий тому пример — новая система письма, основанная на образце, заимствованном в VIII веке в восточном Средиземноморье. Письменность сразу стала использоваться для записи новых произведений и для сохранения эпоса, который раньше наизусть читался аэдами на пирах воинов: «Илиада», оцетинившаяся мачтами, и «Одиссея», грохочущая над волнами, — вот примеры жанра, которым восхищались тогда и восхищаются в наши дни. Сообразно своему темпераменту и суждениям читатели соглашались с традицией, которая приписывает оба произведения одному уникальному слепому гению Гомеру, или отвергают эту традицию: свидетельство тому — тесно уставленные книгами полки; усердные бесстрастные ученые тоже до сих пор не могут решить этот вопрос. Я бесчисленное множество раз обсуждал эту проблему с учеными и со своим старшим сыном, который убежден, что это лучшие поэмы в мире. Что касается меня, то я не мог читать их, не слыша стук посоха Гомера; мне кажется, что свидетельства устной передачи текста, рассыпанные на всем протяжении поэм, говорят о поэтическом мастерстве и о владении тра-

диционным искусством; убеждающие своей реальностью картины жизни бронзового века не обязательно следы более древнего текста — возможно, это просто свидетельство вдохновенного воображения.

Ведь греки, воспринимая влияния, не просто подражали им — были ли то влияния извне или из их собственного прошлого. Скульпторы, строители, художники, расписывавшие вазы, — все они с VII и VI веков стали предвестниками классического стиля. Греки более поздних периодов вспоминали VI век как время великих мудрецов, которые обдумывали фундаментальные проблемы науки и общества: Солон в 590-е годы изложил в стихах афинские законы; Фалес предсказал в 585 году солнечное затмение; Анаксимандр около 500 года составил первую известную грекам карту мира и пытался представить, как в первичном водовороте космоса возникла вселенная, или Пифагор, сверхчеловек, наделенный своими последователями сверхъестественными силами и золотым бедром; приписываемая Пифагору теорема о прямоугольных треугольниках и сегодня входит в учебную программу всякой школы. Школы этих мудрецов процветали по краям греческого мира — на западе, в Италии, в случае Пифагора, но в основном на востоке, на островах, которые сегодня принадлежат Турции. Даже во времена расцвета классического периода такие учителя, как Платон или Аристотель, помнили, что их научные традиции восходят к тому, что они именовали «Азией», и куда включали и Египет. До какой степени они были обязаны Египту, в спорах последнего времени, тем не менее преувеличивали; это споры о том, насколько «африканской» была цивилизация Египта и, соответственно, насколько «черной» была культура Афин. Сражения книг проходят в области, где невозможны прямые доказательства. Однако справедливо — и мы ничего не поймем в греческой цивилизации, если не признаем это, — что Греция была землей, открытой восточному Средиземноморью, и греческая культура сформировалась под влиянием самых разных концов морского побережья¹⁴.

В начале следующего столетия греческие общины, объединившиеся для совместной обороны, защитились от своих

главных противников — этрусков на западе и персов на востоке. Но они продолжали воевать друг с другом и соперничать в создании законов и великолепного искусства, а также развлечениях, особенно в постановке пьес и спортивных состязаниях.

Зов Посейдона: Афины и море

Отчасти благодаря несравненному природному преимуществу — серебряным Лаврийским рудникам, к V веку до н. э. самым богатым и могущественным городом Греции стали Афины, флот которых был настолько силен, что Афины смогли обложить другие города данью. Говорили, будто именно здесь Посейдон оспаривал у Афины право обладать городом и бил окрестные скалы волнами, поднятыми трезубцем. Хотя мы представляем себе Афины городом, созданным ради искусства, основными приоритетами его граждан были война и богатство; моралисты Афин пытались подчеркнуть первенство войн. По словам Аристофана, вложенным в уста одного из персонажей, «Афины будут в безопасности, когда смогут землю врагов считать своей... и когда поймут, что их подлинное богатство — это корабли»¹⁵.

Война, искусство и спектакли требовали больших средств. Но (возможно, отчасти потому, что главные решения принимало относительно многочисленное собрание граждан) афиняне не менее высоко ценили образование, особенно умение писать и ораторское искусство — умение убеждать¹⁶. Эти обстоятельства позволили Афинам стать самой плодотворной колыбелью гениев, какую когда-либо знал мир. Развалины, сохранившиеся на холме, где располагались важнейшие общественные сооружения, дают представление о том, как выглядели Афины. Здание на холме было храмом богини — покровительницы города: как и город, который она охраняла, Афина была вооружена для войны, но превыше всего ценила мудрость. Ее храм назывался Парфенон, или Дом девственницы, потому что в пантеоне богов, каким его представляли греки того периода, богиня была незамужней. Даже разрушенное, это здание считается самым прекрасным

из когда-либо созданных людьми и определенно наиболее часто имитируемым.

Ниже располагался театр, куда литературные состязания привлекали всех граждан. Дошедшие до нас пьесы греческих драматургов по-прежнему идут в театрах, им подражают, особенно архетипической саге о мести — «Орестея» Эсхила или трагедии родства «Царь Эдип» Софокла: именно эти трагедии побудили Аристотеля дать устойчивое определение трагедии как истории падения героя, вызванного не случайными несчастьями, а его собственными пороками¹⁷. Одна из них дала название комплексу, который Фрейд выделил в собственном подсознании. Даже трагедии, которые разворачиваются в тесном, напряженном, заполненном взаимными родственными связями пространстве небольших дворов, городских элит и королевских семейств, выходят за пределы сцены и связаны с более широким миром. «Орестея» — это рассказ о возвращении домой, а рассказ об Эдипе заканчивается изгнанием.

Под колоннадами вокруг общественных пространств восседали ученые. В качестве учителей прежде всего стоит выделить Платона и Аристотеля. Подобно многим другим великим учителям и ученикам, их связывали отношения любви и ненависти: Аристотель восхищался своим учителем, но пытался доказать его неправоту. Платон считал себя политическим мыслителем и сделал или начал множество разнообразных попыток описать идеальное общество: нарисованные им картины оказывались исключительно авторитарными и очень неприятными. Однако его метафизические размышления весьма глубоки. Их трудно подытожить без упрощения и очернения: уже было сказано, что вся западная философия есть «примечания к Платону», но сущность его учения, вероятно, в том, что за пределами того, о чем говорят наши мысли и чувства, существуют реальные объекты и события. Важность вклада Платона не столько в его собственных рассуждениях, сколько в том, что он в своих диалогах передал всю широту классического мышления. Его язык сохранил поэтическую гениальность и сложность, с какими говорили мудрецы предшествующих поколений. Восприятие подобно теням на стене, обманывающим того, кто живет в

пещере; душа подобна морскому божеству, деформированному эрозией, обросшему за долгое погружение ракушками, но способному восстать из водорослей и скал и вернуть красоту и истину¹⁸.

Из многочисленных достижений Аристотеля самым выдающимся стала формулировка правил логики, согласно которым мы, начиная с утверждения, которое считаем истинным, можем делать правдоподобные заключения. Статус Аристотеля в этом смысле явно изумил бы его самого: он был сыном врача из Стагиры, греческого порта на границе с миром варваров, который ранее никогда не породил мыслителей. Его семья служила при дворе северного тирана, как и он сам — до средних лет. Его отец был придворным врачом, и любимой наукой Аристотеля стала биология, а любимым занятием — вскрытия: перейдя к логике, он анализировал заключения так, как это делает анатом, рассекающий лягушку. Аристотель никогда не считал, что можно дойти до истины с помощью одного разума: начинать нужно с наблюдений за фактами и подвергать проверке правдивость показаний органов чувств. Для него природа открыта для исследования, а не скрыта, чтобы что-то о ней выдумывать. Он был тем, что мы сегодня называем эмпириком: в поисках правды ему требовались доказательства, а не только сама правда. Но он лучше всех анализировал способы работы разума, вообще то, как действует разум¹⁹.

Многие поколения школьников западного мира должны были пережить то же, что Платон и Аристотель, как это описано в великой книге У. К. Гетри о греческой философии. Гетри восхищается Платоном, но понимает Аристотеля²⁰. Он посчитал вначале причиной то, что мышление Аристотеля «преждевременно» современно. И только когда вырос, понял, что все как раз наоборот: не Аристотель мыслит, как мы, а мы, подчинившись его влиянию, мыслим, как Аристотель. Он менял все, чего касалась его мысль. «У отцов, — согласно персонажу «Имени Розы»,

было сказано все, что требовалось знать о значении слова Божия. Но как только Бозций выпустил свое толкование Философа, божественная тайна Сло-

ва превратилась в сотворенную людьми пародию, основанную на категориях и силлогизмах. В книге Бытия сказано все, что требуется знать о строении космоса. Но достаточно было заново открыть физические сочинения Философа, чтобы переосмыслить устройство мира, на этот раз в материальных терминах, в категориях глухой и липкой материи...»²¹

К концу V века (Платон еще был молодым человеком) Афины утратили свое политическое господство, им нанес поражение союз городов. К IV веку до н. э. все греческие общины ушли в тень или контролировались новыми зарубежными империями — вначале Македонией, затем Римом. Но это означало лишь более широкое распространение греческой цивилизации: и македонцы, и римляне поглотили греческую культуру и в своих завоеваниях еще дальше разнесли ее плоды.

И все же, несмотря на уникальный вклад древних греков в культуру всего мира, мы не должны идеализировать их, как многие историки в прошлом. Наиболее основательное в их наследии было в свое время наиболее эксцентричным и нетипичным: Сократа приговорили к самоубийству; Аристотель был изгнан из Афин и умер в изгнании; Пифагора, вероятно, убили во время мятежа черни; Софоклу пришлось защищаться от обвинений в безумии; Платон с отвращением отказался от политики. В свое время Аристотель удалился в пещеру, а Диоген поселился в бочке. Большинство греков не разделяло разумного представления философов о мире, но видело его игровой площадкой капризных богов и демонов, которых приходилось умиротворять кровавыми жертвоприношениями. Когда мы думаем о классических зданиях и статуях, не следует видеть в них образцы чистого, «классического» вкуса — такое представление создалось за прошедшие с тех пор столетия; нужно видеть их в ярких, кричащих красках, какими они были написаны в свое время. Наши представления о морали греков должны основываться скорее на грубоватых репликах комических персонажей, нежели на утонченной учительской мудрости философов. И хотя современное представление о демократии действи-

тельно восходит к греческому образцу, не стоит забывать, что демократия в те дни была жесткой застывшей системой, которая не допускала к власти целые классы — женщин, рабов.

Эллинистический круиз: пять чудес античности

Собственное представление греков о морской природе их цивилизации можно почувствовать, прочитав о приключениях Одиссея или аргонавтов; но, вероятно, более реалистической реконструкцией исторического опыта греков на морях послужит туристический круиз по самым рекомендуемым местам — такой круиз был действительно возможен во втором столетии до н. э.

«Семь чудес» (число условное, разные авторы выбирали разные чудеса), отобранные древними авторами за грандиозность и способность внушать благоговение, создавались в течение двух тысяч лет. За исключением символических номинаций, относящихся к внутренним районам Египта и Вавилона, все они созданы греками и сосредоточены около оживленных маршрутов, связывавших греческий мир и восточное Средиземноморье. За два тысячелетия, минувшие со времени их создания, все они, за исключением одного, стали жертвами землетрясений, оседания почвы, грабежей и запустения. Но умы, придумавшие их, технику, позволившую их воздвигнуть, общества, которые приносили жертвы во имя их сотворения, — все это можно увидеть в сохранившихся с той поры описаниях. И понять, что превращало их в диво.

В 1950-е годы, когда американский инженерный журнал представил читателям семь отобранных им современных чудес, список возглавила чикагская канализационная система²². По меркам древних, такой выбор был бы не только глупым, но и наводящим уныние. Ибо для составителей списка чудес древности сами эти чудеса были не просто проявлением технической изобретательности или социальной зрелости. Они были *spectacula* — зримыми чудесами, созерцаемыми в благоговейном страхе, «зрелищем» в том смысле, какой вкладыв-

вают в это слово современные туристы. Самым важным, неизменным их качеством становилась их поразительный вид, их выдающееся положение.

Ничто не демонстрирует упомянутое свойство лучше Фароса, или Александрийского маяка. Это чудо было построено последним из семи, и его фрагменты были открыты также последними. Недавно подводные археологи осматривали Александрийскую гавань в поисках камней Фароса, рухнувшего шестьсот лет назад (овладевшие Египтом мусульмане презирали памятники язычества). Раскопки следовало проводить осторожно: в древности в Александрии была одна из самых роскошных морских эспланад, и большая часть того, что приняло море, принадлежала другим зданиям. Но на гранитных блоках, поднятых со дна гавани, еще можно было различить то, что мстительное Средиземное море оставило от первоначального и самого образцового маяка в мире.

Во многих современных языках от названия «Фарос» образованы слова, означающие «лампа» и «маяк»*. Древние тексты прославляют маяк, помогающий морякам пройти через скалистый вход в гавань. Но это не был маяк в современном смысле. Он должен был не предупреждать корабли, а привлекать их. Фарос служил гигантской рекламой Александрии — это был самый яркий из проектов, благодаря которым недавно основанный город превратился в путеводную звезду всего Средиземноморья, в «величайший торговый центр обитаемого мира». Маяк возвышался на 330 футов. Его сверкающие белые стены были покрыты многочисленными статуями. Его гигантское зеркало из полированной бронзы, отражавшее днем солнце, а ночью — огонь, можно было — согласно надежным источникам — увидеть за 35 миль. Но маяк светил не столько ради кораблей, сколько ради самих александрийцев, он рассказывал о них миру, прославлял их царей и оповещал о том, как они гордятся своим городом, хвастал богатством их элиты и рекламировал их коммерческие ценности. В ожидании новых сведений, полученных археологами, мы можем воспользоваться древними описа-

* В русском языке от него же происходит слово «парус».

ниями, чтобы воссоздать не только облик самого Фароса, но и общество, которое он освещал.

Место для постройки города выбрал сам Александр Македонский, когда плыл вверх по реке, чтобы стать фараоном, опьяненный собственным божественным величием и одержимый идеей объединения греческой и египетской традиций. Ввиду отсутствия других материалов план города и места расположения храмов греческих и египетских богов были изображены на земле с помощью горсти зерен, что прорицатели тут же сочли предзнаменованием будущего процветания.

Когда мечтатель-завоеватель умер, а империю поделили между собой его военачальники, Египет достался самому успешному из них: Птолемею вернулся в Александрию, чтобы построить собственную столицу и гробницу для тела своего господина (самой дорогой реликвии эллинистического мира) подальше от места упокоения прежних фараонов, лицом к Греции. Он приказал проложить улицу шириной в 330 футов, украшенную на всем протяжении колоннадой, и построить занимающий более четверти города дворцовый комплекс, который включал бы не только царские апартаменты, но и архетипическое «научное пространство» — зоопарк, самую большую библиотеку западного мира и Мусейон, «жилище муз», где, согласно одному из критиков академической жизни, «книжные черви, запершись в своих каморках, получали еду и бесконечно спорили друг с другом»²³.

Остров Фарос, на котором стоял маяк, представлял собой Александрию в миниатюре. За его стенами теснились местные египтяне, которые казались готовыми для мумифицирования, но переняли греческий язык и культуру. Здесь можно было услышать характерный александрийский жаргон, который резал слух историку Полибию: «местные египтяне, вспыльчивые и дикие; толпа самоуверенных безжалостных купцов и граждане Александрии — смешанная порода, не вполне надежная, но греческая по происхождению и не забывшая греческий образ жизни»²⁴. Этой общине переселенцев нужен был Фарос; лишённые корней хотели иметь символ своего единства; бродяги нуждались в магните, притягивавшем богатство, которого они жаждали.

Фарос отражал и притягивал это богатство. Корабли, приходившие на его свет, отдавали в виде налогов до 50 процентов предметов роскоши с Эгейского и Черного морей: родосские вина, афинский мед, понтийские орехи, византийские сушеные фрукты и рыбу, хиосский сыр. К 270 году до н. э., когда был построен маяк, торговля распространилась на Сицилию и южную Италию. К концу столетия в эту сферу вошли Галлия и Испания. Описания придворной жизни в правление Филадельфа, преемника Птолемея, когда проводились основные работы по строительству Фароса заполняют картины подавляющего изобилия: статуи Победы с золотыми крыльями, золотыми коронами и рогами изобилия, алтари, треножники и чаши для смешивания вина во время священных возлияний, статуи сатиров и чашников, все из золота, с занавесями и коврами из Персии и Финикии²⁵.

Фарос был построен Александрией придворной ради Александрии коммерческой. По единому мнению ученых последнего времени, инициатором и главным организатором строительства был Сосострат из Книда, придворный, чиновник и посол у Птолемея и Филадельфа. Его мир можно увидеть с помощью стихов Каллимаха, лауреата ранней Александрии, поэта, которому чаще всего подражали впоследствии. Это был двуликий мир. Одно лицо с самой низменной лестью обращалось к трону, воспевая апофеоз одной царицы или надругательство над локоном другой. Помещенный в царский храм в 216 году до н. э. ради благополучного возвращения царя из военного похода, этот локон в воображении Каллимаха был похищен ревнивой богиней любви и скрыт среди звезд.

Другое лицо придворного мира обращено к полусвету с его трагедиями однополой любви и прегрешениями против строгого вкуса. Одно из самых трогательных стихотворений Каллимаха посвящено отдававшемуся за деньги мальчику, чья алчная мать нашла более богатого клиента; однако поэт одновременно испытывает отвращение к «мальчику, которым может обладать любой мужчина; я не пью из общественного фонтана: все общее меня отталкивает»²⁶. Эти суетливые, склонные к фантазиям александрийцы любили «Книги чудес»²⁷ и сами дали миру одно из чудес — Фарос. Хотя

потребовалось немало времени, чтобы маяк занял свое место в привычном списке чудес, он воплощал именно те черты, которые обычно восхищают во всех семи главных зрелищах. Он бросался в глаза, олицетворял вызов природе, обладал внушительными размерами, хвастливостью, оригинальностью, богатством и внушал благоговение, делавшее его не просто мирским сооружением. Ибо Фарос был посвящен Протею, вечно меняющемуся морскому богу, а его свет охраняли статуи Зевса Спасителя и трубящими в раковины тритонами; возможно, здесь действовало механическое приспособление, дававшее морякам дополнительный сигнал.

Техническое мастерство, позволявшее маяку работать и ставившее в тупик средневековых посетителей, по-прежнему не поддается объяснению. Внешне маяк напоминал свои изображения, сохранившиеся на монетах. Согласно последним теориям маяк был построен из гранита, облицованного белым известняком, на высоком постаменте, с не очень высоким заостренным кверху первым этажом и посаженной на него башней. Реконструкции, на которых показано почти современное помещение с огнем на самом верху, следует отбросить как вымысел. Ни в одном подлинном описании нет сведений о средствах, позволявших перемещать наверх топливо; да и вряд ли на маяке постоянно горел огонь: топливо в Александрии относилось к самым редким и дорогим предметам потребления. Бронзовое зеркало, разбитое неуклюжими средневековыми рабочими в попытке реставрации, было средством, с помощью которого небольшое пламя в глубине сооружения усиливалось и рассылалось²⁸. Однако в древности избегали плавать по ночам, и Фарос как маяк наиболее эффективно действовал днем: зеркало улавливало солнечный свет и бросало в море сфокусированный луч. Целью маяка было не столько осветить ночью, сколько ослепить днем. Подобно всем чудесам древности, Фарос построен скорее из хвастовства, чем для пользы. Высокомерие было неотъемлемым качеством строителей древних чудес.

Чтобы считаться чудом морской цивилизации, нужно быть видным с моря. В этом отношении соперником Фароса

было сооружение, доведшее высокомерие до крайних пределов и в своем бахвальстве отказавшееся от хорошего вкуса. Мавзолей в Галикарнасе поражал своими диспропорциями. Он был построен как усыпальница весьма заурядного человека. Царя Мавсола, умершего в 351 году до н. э., греческие авторы презирали: полуварвар по рождению, он правил своей родной Карией, располагавшейся на территории современной Турции, с дозволения персидского императора. В жены он взял собственную сестру — эта традиция династических инцестов вызывала у греков отвращение. В Афинах он пользовался репутацией алчного скупца, ненадежного союзника и коварного предателя. Вопреки своим эллинистическим вкусам он любил и восточное искусство: Мавзолей стал оригинальным произведением именно благодаря отходу от греческой эстетики. Хотя сестра-жена преклонялась перед Мавсолом — после его смерти она устроила игры в его честь и не жалела денег на завершение строительства его гробницы, — Мавсол был посредственным правителем, и его достижения в войнах и дипломатии весьма скромны. Если бы не Мавзолей, о нем вряд ли упоминали бы, если бы вообще помнили.

Его гробница изначально задумывалась не в греческом вкусе. Должно быть, в древности Кария была гораздо богаче, чем позволяет предположить современная выжженная местность. Но Мавзолей строили из дешевых материалов, покрывая мрамором лишь сверху: строитель скупился на средства. С точки зрения стиля сооружение превратилось в великолепную мешанину. Оно напоминает одновременно местные гробницы, погребальные костры нумидийцев и усыпальницу персидского императора. Верхний его этаж подражал египетской ступенчатой пирамиде. Главный архитектурный элемент греческого происхождения — перистиль из колонн, поддерживающих имитацию храма. Сегодня нечто близко напоминающее Мавзолей можно увидеть в Мельбурне, где создавался под влиянием попыток археологических реконструкций национальный мемориал погибших в Первой мировой войне.

Даже по стандартам своего времени это было кричащее яркое сооружение с группой охраняющих львов, выкрашен-

ных через одного в красный и белый цвета. Мавзолей был большим — 130 на 130 футов в основании и, вероятно, 140 футов высотой (до стоявшей на его вершине прекрасно изваянной колесницы), — но все же недостаточно большим, чтобы поражать только размером. Причину впечатления, которое Мавзолей производил на зрителей, прежде всего следует искать в сотнях украшавших его скульптур, особенно в дошедших до нас портретных статуях самого Мавсола и его горюющей сестры-супруги. Отождествление строится на предположениях; но кого еще могли представлять эти статуи?²⁹ В древности эти статуи так поражали своим совершенством гостей, видевших их, что их неизменно приписывали самым знаменитым греческим скульпторам того времени. Созерцаемый вблизи, Мавзолей таким образом получал определенное право считаться чудом света. А вид издалека давал ему другое преимущество — это было отлично рассчитанное великолепное зрелище. Галикарнас стоял среди беспорядочно разбросанных деревень и был городом, созданным по приказу Мавсола. Он был построен вокруг Мавзолея с нарочитой крайне театральностью: морские паломники, плывущие в Эфес или из него, обязательно увидят его с моря и поразятся. Наконец, Мавзолей привлекателен своим исключительным бахвальством и самонадеянностью, которые заметны и в других деяниях Мавсола: в его стремлении освободиться от положения данника могущественных соседей, в его пресловутой ненасытности в налогах, в его огромных тратах на укрепления и корабли. Успех, которого он не достиг при жизни, пришел к нему после смерти: он был погребен как герой и, возможно, даже обрел божественное бессмертие. Кого еще могла ждать элегантная колесница на Мавзолею, как не самого царя, чтобы вознести его на небо?

Последние обитатели покинули Галикарнас, вероятно, в VII веке н. э., но Мавзолей — полуразрушенный, заросший зеленью — по-прежнему стоял, когда в XIV веке эту местность заняли и принялись укреплять рыцари-госпитальеры. Между 1494 и 1522 годами они снесли то, что оставалось от памятника, чтобы построить свой замок: каменные блоки они использовали при строительстве, а мрамор пережигали на известь³⁰.

Расположенный вблизи Эфеса и Родоса, Мавзолей входил в маршрут туриста, стремившегося увидеть чудеса древности. Южнее на том же маршруте любой плывущий на корабле турист напрягся бы при первом же взгляде на здание, которое вызывало в зрителях мистическое чувство — почему, мы не можем сказать с уверенностью. Ранний составитель списка семи чудес, который утверждал, что «видел стены неприступного Вавилона, на которых можно устраивать гонки колесниц, и изображение Зевса на берегах Алфея.

«Я видел, — говорит он, — висячие сады и колосса бога-солнца, великие сотворенные человеком пирамиды и огромную усыпальницу Мавсола. Но когда я увидел священный дом Артемиды, поднимающийся к облакам, все остальное поблекло в сравнении, ибо само солнце никогда не видело ничего подобного за пределами неба»³¹.

Оценка кажется несообразно восторженной для здания, которое — если судить по тому немногому, что нам известно о его виде, — было наименее впечатляющим из всех общепризнанных чудес древности. Оно стояло болотистой низине. Конечно, здание было большое, богатое, бросающееся в глаза и роскошно украшенное. Но многие другие греческие храмы превосходили его в этих отношениях. Храм Артемиды не отличался особой изобретательностью проекта. Культовая статуя, помещенная в него, была обычной работы и вкуса и не вполне соответствовала идеалам греческой эстетики: не охотница в легких одеяниях, знакомая нам по классическому искусству, — Артемида Эфесская была азиатской богиней, матерью-землей, высокой, немигающей, с мощной вислой грудью и раздутыми сосками.

Чтобы понять, какое впечатление производило здание, мы должны проникнуть под внешнее и вызвать мистическую оживляющую силу, которая производила такое глубокое впечатление на древних. Конечно, во многом храм обязан своей репутацией искусному коммерческому манипулирова-

нию образами. Хвалебные строки, процитированные выше, могли быть рекламным слоганом второго столетия до н. э. Можно предположить, что Антипатру Сидонскому, автору этих строк, заплатила эфесская жрица, желавшая привлечь паломников и подхлестнуть торговлю. Двести лет спустя подобные соображения заставили эфесских мятежников изгнать святого Павла. Предприниматель, контролировавший рынок серебряных статуэток богини, опасался утверждений Павла, что «боги, созданные человеческими руками, вовсе не боги». Он предупреждал своих слушателей: «Это не только подорвет нашу торговлю, но и уничтожит престиж богини, которую почитают во всей Азии и даже во всем мире». Толпа кричала «Велика Артемида Эфесская!» еще два часа после бегства Павла.

Такого рода свидетельства важности и распространенности культа Артемиды Эфесской сами по себе свидетельствуют о притягательности ее храма, который привлекал множество верующих и способствовал оживленной торговле. Это место очень долго считалось святым. Храму, которым восхищался Антипатр, предшествовали другие. Недавние раскопки обнаружили святилище VIII века до н. э., которое в VII веке было уничтожено наводнением. Его около 560 года до н. э. сменило более роскошное сооружение, построенное на пожертвования Креза, лидийского царя, вошедшего в пословицу своим богатством, — во всяком случае, это самая поздняя дата на монетах, найденных в слое на уровне фундамента. В свою очередь был разрушен и новый храм в середине IV века: по легенде его поджег безумец, стремившийся этим поступком увековечить свое имя. Предложение Александра Македонского оплатить строительство нового храма эфесцы отвергли на том основании, как было сказано, что «один бог не может делать приношения другому».

Тем не менее жертвования на протяжении ста с лишним лет строительства приходили со всех концов света и позволили создать величественный монумент. Большой частью того, что мы знаем об истории здания, мы обязаны Джону Тертлу Вуду, который в 1863 году оставил свою работу конструктора железнодорожной станции в Смирне, чтобы заняться

поисками древних строений. После шести лет раскопок в гораздо более перспективных с виду местах он обнаружил под двадцатью футами земли развалины. Его последователи смогли продолжить работу, для которой Вуду предварительно пришлось осушить местность.

Храм стоял на платформе в 430 футов длиной, и подходить к нему нужно было по постаменту из мраморных ступеней. Помещения богини окружали 127 ионических колонн, желобчатых и украшенных вопреки обычным канонам греческого вкуса фризами у оснований. Вход в храм и фронтон охраняли статуи амазонок, которые, согласно легенде, были среди паломников, находивших убежище под защитой Артемиды или отдохавших у этих гигантских грудей. Время шло, даваемые по обетам приношения накапливались. Антаблемент украшали все новые статуи, а под ними сверкали таблички и щиты.

Храм разбогател на приношениях пилигримов, но не богатство было источником преклонения перед ним. Каждое из семи чудес по-своему выражало некие общие для всех них свойства. Пирамиды особенно выделялись своим размером, Зевс Олимпийский — богатством, Мавзолей — высокомерием, висячие сады Вавилона — своим вызовом природе. Колосс служил высшим олицетворением технической изобретательности. Фарос прежде всего был заметен, бросался в глаза. А храм Артемиды, хотя и обладал всеми перечисленными качествами, но в скромных масштабах и не мог сравниться с другими чудесами. Его особым свойством, в чем он не имел равных и что заставило включать его в список чудес, были священное благоговение и страх, которые он внушал почитателям.

Храм Артемиды считался наделенным особой святостью. Сюда бежал Геркулес, укрываясь от людей. Здесь находили убежище от врагов и другие, менее известные беженцы. Здесь император Юлиан был тайно обращен в язычество. Поклонение богине было связано с многочисленными пышными ритуалами, когда облака благовоний затмевали солнце или когда статую богини несли в театр на представление в процессии с разыгрыванием театральных сцен и жертвоприношениями. Культ становился мистическим: Артемида, вызванная обря-

дами на наружном алтаре во дворе храма, появлялась перед почитателями в окне постамента. Если нам трудно понять привлекательность храма в его дни, вероятно, это потому, что мы утратили почтение к храму: способность распознать священное в творениях собственных рук и ответить на него поклонением³².

Самое западное из семи чудес — статуя Зевса в Олимпии — было и самым роскошным творением древности. А на восточном островном краю греческого мира находилось самое технически смелое, Колосс Родосский. Зевс служил утверждению панэллинистического чувства, Колосс — утверждению местной идентичности в агрессивной области соперничества между греческими государствами. Согласно мифу эпохи Возрождения Колосс «перешагивал» родосскую гавань, так что суда проходили между его ног. Это нелепая фантазия. Но можно сказать, что вдвоем Зевс и Колосс перешагивали через весь греческий мир.

Подобно Фаросу Александрийскому, построенному в то же время, Колосс был гигантской рекламой, созданной, чтобы быть видимой издалека и привлекать корабли в богатую торговую гавань Родоса. Его созданием была отмечена победа в 304 году до н. э. над наступавшими македонянами, когда для избавления от труднейшего в истории острова кризиса хозяева вооружали рабов, а женщины отдавали волосы на тетивы луков. Сооружение Колосса — «второго солнца, сияющего, как первое», — было частично оплачено за счет продажи осадного обоза, брошенного македонянами при отступлении. В посвящении говорилось:

Тебе, о Солнце, жители дорийского Родоса посвятили этого возносящегося к небу колосса... когда покрыли страну богатством, отнятым у врагов. Не только по морю, но и по суше простерли они прекрасный свет неограниченной свободы. Ибо те, кто происходит от Геракла, господствуют на суше и на море.

Сегодня это звучит противоречиво, ибо для родосцев свобода означала господство над соперниками.

Однако колосс был не столько свидетельством прошлых достижений, сколько вкладом в будущее. Родосцев прославила торговля. «Десять родосцев, десять кораблей» — гласила популярная пословица³³. Выделив свою гавань с помощью самой заметной в мире статуи, они поклонялись своему богу и солнцу и одновременно рекламировали свои товары.

Статуя высотой в 70 локтей — вероятно, около 120 футов, — должна была оказаться вдвое выше любого тогдашнего сооружения в греческом мире. В скульпторы избрали Харета, родом с самого Родоса, обладавшего огромным опытом в литье из бронзы. Согласно техническому описанию, сделанному еще до исчезновения Колосса, скульптор начал с постамента из белого мрамора, «такого высокого, что он был выше других статуй»; к этому постаменту он прикрепил ноги. Затем он создал внутренний каркас из каменных столбов, соединенных железными прутьями, «выкованными словно силами циклопов».

Работа продолжалась двенадцать лет; каждую часть статуи отливали отдельно, возможно, сначала в гипсе, затем в бронзе и добавляли к уже имевшимся частям. По мере продвижения работы Харет, чтобы получить рабочую площадь вокруг статуи, построил поднимающийся от земли пандус, широкий, как Трафальгарская площадь, и высокий, как колонна Нельсона. «Он потратил столько бронзы, — говорится в техническом описании, — что в литейных могло не хватить металла, ибо отливка этой статуи была чудом работы по металлу».

Для того чтобы быть видным издали, Колосс должен был стоять на возвышении, господствуя над гаванью, возможно в районе крепости, где сегодня стоит церковь Святого Иоанна Колосского, или на горе Кузнецов в западном углу древнего города. Статуя должна была представлять бога солнца в характерной позе: ноги вместе, рука заслоняет взор от солнца — как на современной резьбе — или воздевает вверх «свет свободы», которому была посвящена надпись на основании статуи и который скопировал Гюстав Эффель, создавая современного потомка Колосса для Нью-Йорка.

Ноги статуи подогнулись во время землетрясения 226 или 227 года до н. э. Большинство поклонников, восхищавшихся этим чудом, видели его уже в разрушенном состоянии: воплощением трагической судьбы безудержных амбиций. Родосцы почитали любые статуи, даже статуи врагов они предпочитали сохранять, а не уничтожать. Но для мусульман, разграбивших остров в 654 году, павший идол годился только на лом: чтобы вывезти все фрагменты, по слухам, потребовалось 900 верблюдов³⁴.

Зевс Олимпийский тоже бесследно исчез. Он был разграблен, когда на смену язычеству пришло христианство, а затем в V веке н. э., когда ему было уже почти тысячу лет, погиб в огне. Но сохранились по крайней мере его описание в текстах паломников и изображения на монетах и геммах. Сработанный целиком из золота и слоновой кости (этим материалам отдавали предпочтение при изготовлении статуй, созданных по обету), он ослеплял, превосходя роскошью все подобные работы. Зевс был изображен сидящим, в золотой мантии и сандалиях, в руках он держал скипетр и фигуру Ники, богини победы. Его корона в форме оливковых ветвей почти касалась потолка храма на высоте в сорок футов, откуда жрецы постоянно смазывали статую. Это был триумф реализма и одновременно безрассудства. Утверждали, что скульптор уловил момент, когда Зевс, нахмутив чело, ударяет молнией. В храме была галерея, поднявшись на которую, посетители могли вблизи рассмотреть жизнеподобное выражение лица бога.

Образ скульптора восстановить легче, чем облик его творения. Это был знаменитый Фидий, создавший лучшую резьбу Парфенона. При раскопках близ того места, где стояла статуя, обнаружена его рабочая мастерская, а в ней найдены обломки слоновой кости, форма для отливки мантии, сломанные инструменты и кувшин с надписью «Я принадлежу Фидию». Фидий украсил трон Зевса не только обычными изображениями кентавров, амазонок и подвигов Геракла, но и изображением своего возлюбленного, Пантарка, который показан как участник соревнований мальчиков по борьбе на Олимпийских играх 436 года до н. э.

Игры — обряд, посвященный Зевсу, — проходили каждые четыре года на протяжении пяти дней в самую жгучую жару, в конце уборки урожая. Греки прекращали войны и приезжали из самых отдаленных колоний, чтобы принять в них участие, ибо было сказано, что Геракл «основал Олимпиады, дабы обозначить единство греков»³⁵. Характерно, что греки демонстрировали свое единство в соревновательных видах спорта и результат поединков отражался на престиже государства. В 416 году — «когда мы считали, что уничтожены войной», — репутация Афин была восстановлена победой в соревнованиях колесниц. В 330-е годы Филипп Македонский отметил победу своей колесницы, устроив себе кенотаф в священной роще Зевса. Эта роща была уставлена храмами и статуями, отмечавшими индивидуальные победы. Да и сам храм Зевса, воздвигнутый впервые в 456 году до н. э., был благодарностью за победу в войне. Но статуя бога превосходила всех соперников, она создавалась на пожертвования со всей Греции: реализация олимпийского духа, который со времен античности идеализировался и почитается и в наши дни³⁶.

Итак, в списке чудес древности преобладают морские ориентиры: Колосс, Фарос, Мавзолей, — и прибрежные храмы: Зевса и Артемиды. Греки строили мир, как можно более удаленный от варварства: сознательно сконструированный и искусственный. Но они продолжали держаться моря. Презируя все дикое, они в то же время понимали, что неотделимы от природы. Изображая себя, они пользовались порожденными землей материалами, из которых, как они верили, они и созданы. Они создавали свои скульптуры из камня и металла, вырывая для этого материал из недр земли.

Вокруг Среднего моря: древний Рим как морская цивилизация

Римляне ненавидели море и боялись его. «Тот, кто первым осмелился спустить корабль в угрюмое море, — писал один римский поэт другому около 30 года до н. э., — должно

быть, обладал дубовым сердцем, покрытым тройным слоем бронзы»³⁷. В Овидиевой версии истории Медеи героиня не решается стать любовницей Ясона, опасаясь предстоящего ему океанского плавания. Однако эти «моряки поневоле» сделали Средиземное море своим — «mare nostrum»^{*}, как они его называли, завоевав все его берега.

За два последние столетия перед наступлением христианской эры они развили и укрепили средиземноморскую сеть, созданную греческими купцами и поселенцами. Стало возможно говорить о «Средиземноморском мире», более тесно связанном в политическом, экономическом и культурном отношении, чем когда-либо прежде и потом. Постоянный неудовлетворенный поиск безопасности границ увел римлян далеко от Средиземноморья к Рейну и за Ла-Манш. Но римская цивилизация оставалась зависимой от моря как главной оси коммуникаций и канала, по которому шел обмен вкусами и товарами, идеями и артефактами, людьми и влияниями.

Как они это сделали, остается загадкой, одной из величайших неразрешенных проблем всемирной истории. Римляне начинали как маленькая крестьянская община, старающаяся удержаться в нестратегическом месте, на неплодородной почве, где не было рудных жил и не было порта. Их собственные историки создали миф о мирном в глубине души народе, который обрел империю случайно, а все завоевания — результат самообороны. На самом деле римляне были воинственны по необходимости: у них не было иной возможности разбогатеть, кроме как за счет соседей. Они создали общество, организованное ради войны, где победа считалась высшей ценностью. Римский гражданин был обязан отдать военной службе не меньше 16 лет, и граждан воспитывали в убеждении, что «умереть за родину достойно и приятно». Победы отмечались общественными демонстрациями добычи — пресловутыми триумфами. В особенности культивировались терпение и выносливость, так что римляне морально были готовы переживать поражения: подобно другим великим империали-

* Наше море (лат.).

стам, они умели «проигрывать сражения, но выигрывать войны».

Рим довольствовался положением сухопутной державы почти до конца III века до н. э., когда, достигнув пределов возможного расширения в Италии, римляне устремились к богатствам Сицилии, Сардинии и Испании. Тут они столкнулись с самой грозной морской империей западного Средиземноморья — Карфагеном. Неохотно, но с безграничной и непобедимой основательностью Рим вышел в море, чтобы одолеть карфагенян на их территории.

Одновременно та же наступательная инерция на восточном фланге привела римское оружие на острова Адриатического моря, и здесь римляне столкнулись с империями восточного Средиземноморья: вначале с Македонией, аннексированной Римом в 148 году до н. э. через пятьдесят лет войн, шедших с переменным успехом, затем с Пергамом, завоеванным в 133 году до н. э. Когда сто лет спустя добавился Египет, буквально все побережье Средиземного моря стало собственностью Рима. У такой прибрежной империи обнаружилось протяженные уязвимые сухопутные границы. На африканском и левантинском берегах римская территория казалась защищенной обширностью пустынь; как выяснилось впоследствии, это было обманчивое впечатление. Европейский фланг, однако, несмотря на сотни лет непрерывных завоеваний, никогда не казался достаточно безопасным. Расширение империи в этом направлении изменило суть римского эксперимента: империя превратилась в партнерство с кельтами, которые населяли большую часть завоеванных территорий (см. выше, с. 457–460). Эти народы — они говорили на родственных языках, но, казалось, постоянно воевали друг с другом — обладали качествами, которые римляне могли оценить и использовать: вошедшей в пословицы смелостью, склонностью к пьянству, математическими способностями и городскими привычками. Хотя в реальной жизни некоторые прототипы обитателей деревни Астерикса решительно защищали свою независимость, в целом кельты с энтузиазмом приняли «романизацию», усвоили облик и речь завоевателей и вкусы, которые римляне передали им от классической Греции.

А вот германцы, чья территория лежала непосредственно за землями кельтов, казались большинству римлян недостойными даже завоевания — «дикие существа», неспособные к цивилизованным искусствам (см. выше, с. 201–203). Римляне предоставили германцев самим себе, ограничившись немногими краткими набегами. Вероятно, это была ошибка. Если бы римский мир ассимилировал народы, жившие на его границах, он мог бы, подобно Китаю на другом краю евразийской степи, выжить и тысячелетиями оставаться хранителем общего наследия оседлых народов против кочевников извне. Вместо этого почти всех германцев презрительно исключили, и они мстили за это при каждой возможности.

Римская власть, однажды установившись, крепла благодаря сотрудничеству местных элит: чиновников завоеванных общин, вождей племен. Иберийские чиновники, например, при вынесении судебных решений следовали римским законам, которые приказывали отлить в бронзе. Иудейские цари и германские военные вожди правили с согласия Рима. На одном уровне империя была федерацией городов, на другом — федерацией народов, причем основными партнерами римлян на востоке были греки, а на западе кельты.

Римское самосознание, латинская речь и средиземноморский образ жизни распространяли по империи колонии и гарнизоны. На атлантическом берегу Португалии, где соленые брызги разъедают мозаику, колонисты снесли центр своего города, чтобы перестроить его по римскому образцу. Канализационные коллекторы в Испании, постаменты в Паннонии, саркофаги в Сирии — везде заметен мгновенно распознаваемый «классический» стиль римского искусства. В пограничном Кельне на берегу Рейна полусидит на ложе ветеран, ему прислуживают жена и сын, перед ним еда и вино — все как у патриция в Риме. Могильный камень в северной Британии увековечивает память шестнадцатилетнего сирийского мальчика, умершего в стране, которую оплакивавшие его считали Киммерией — дождливой, туманной землей; эта земля, считал Гомер, лежит на пути в Аид³⁸. На этом далеком острове римская культура была так хорошо известна, что граверы третьего века заставляли граждан

вспомнить знаменитые строки Вергилия, поместив на монеты их начальные буквы.

Торговля и война разносили элементы общей цивилизации по всему миру. Империя действовала, обогащая свои субъекты и соблазняя их. Например, купцов из клана долины Дуэро в Испании хоронили в Венгрии. Греческие гончары делали огромные кувшины, в которых вино перевозили из Андалусии в Прованс. Поскольку Римская империя расширяла границы средиземноморской цивилизации далеко за пределы морского бассейна, товары Средиземноморья оказались среди наиболее широко экспортируемых; по мере того как ремесло географически специализировалось, разнонаправленные коммерческие отношения связали всю империю. Например, на юго-западе Испании уцелели огромные испарители фабрик, в которых из крови и внутренностей тунца и сардин делали гарнум — любимый рыбный соус империи. Северо-восток Галлии был центром производства текстиля: история жизни торговцев этой мануфактурой выгравирована в мавзолее в Игеле, на границе Германии и Люксембурга. Купцы перевозили по дорогам и рекам огромные кипы готовой ткани и продавали ее в изысканно оформленных лавках, а прибыль сопровождали пирами, которые должны были отразить их более высокий по сравнению с соседями-крестьянами статус.

Придуманый Петронием купец Тримальхио, устроитель самых знаменитых из таких пиров, был прототипом нувориша, который нанимает трубача, чтобы тот «давал ему знать, какая часть его жизни уже миновала»³⁹. Вообще следить за временем могли себе позволить лишь богатые люди. Тримальхио приказал изобразить себя в обществе богов, а первые свои сбритые волосы хранил в золотой шкатулке. На своем памятнике он приказал изобразить корабли под всеми парусами. Его флот плавал по всем морям, где была развита римская торговля. Он «приказал привезти пчел из Афин, чтобы наслаждаться домашним аттическим медом... Только вчера он написал в Индию, чтобы ему прислали семена диких грибов»⁴⁰. Во время одной перевозки вина он потерял из-за кораблекрушения тридцать миллионов сестерциев, но при следующей перевозке заработал гораздо больше. Ломящийся от яств пиршественный

стол купцов, когда об этом написал Петроний, уже был предметом постоянных шуток. Горация угощали «медовыми яблоками, сорванными при свете убывающей луны»⁴¹. Гораций ради звуковых поэтических эффектов использовал многочисленные экзотические слова, поэтому его произведения — настоящий кладезь привозных товаров. Другим любимым приемом Горация было выражать презрение к купеческой профессии; он делал это, чтобы подчеркнуть добродетельную простоту своей сабинской фермы. Его стихи полны торговыми аллюзиями: горами пшеницы из сардинских зернохранилищ, индийского золота и слоновой кости, сирийских чаш для питья, «которые складывают в груды те, кто дорог богам и может дважды и трижды в год посетить Атлантическое море и невредимым вернуться назад»⁴². Римляне никогда не отказывались от первоначальных достоинств военного и сельскохозяйственного общества, с которых начинался сам Рим, но постепенно усвоили и ценности коммерческого общества, обращенного к морю и далеко уходящего во внешний мир.

Обычно говорят, что в империи начался упадок и она погибла, но справедливее будет сказать, что она постепенно менялась и изменилась столь радикально, что перестала существовать. О самом критическом периоде ее истории поведают самые знаменитые руины Рима — развалины Форума, и не надписями, а расположением камней. То, что мы можем сегодня увидеть, восходит преимущественно к концу III и началу IV столетий н. э. — к периоду расцвета общественных проектов, затеянных императорами, которые верили в гражданский дух, общественные обряды и языческих богов, ассоциировавшихся с великими прежними достижениями Рима. Эти памятники гордого прошлого были обречены на то, чтобы их украшения разграбили, а камни, из которых они сооружены, использовали для построек в будущем с его измененными приоритетами. Самое большое здание Форума — невероятно огромная базилика 306—312 годов н. э., чьи ниши делают карликовым все окружающее, — было и почти самым последним. С этого момента императоры стали христианами, они отказались от прежних обрядов и позволяли построенным ради них сооружениям разрушаться и гнить.

Правление первого императора-христианина было подобно рву, проведенному поперек истории Рима и повернувшему эту историю в новое русло. Основав новую столицу на востоке, Константин обрек Рим на упадок, а Форум — на застой. Его триумфальная арка символически закрывает вид на восток. Издалека она выглядит внушительно — гордым возвращением к имперским традициям; но по сравнению с другими арками это низкокачественная работа с примитивными по исполнению фризами, сюжеты которых заимствованы с соседних зданий. С тех пор на Форуме появилась только колонна в честь Фоки — сентиментальный часовой, глядящий на стареющие развалины.

Тем временем статусу Рима угрожала смена приоритетов, которая удерживала императоров на востоке. Эту перемену можно и сегодня ощутить в центре Стамбула, в самой высокой точке города, среди облаков выхлопных газов и столбов пыли. Здесь, обожженные, разбитые, полупогребенные, город, избранный в 323 году н. э. в качестве новой столицы империи, все еще украшают остатки древнего мира. «Змеиный» треножник дельфийского оракула, обелиски Египта времен фараонов и колонна, на которой вырезана сцена на ипподроме, — вот почти все, что осталось от сокровищ трех континентов, наскоро собранных, чтобы придать достоинство новому городу. Под колонной, на которой возвышалась статуя Константина, были погребены Палладий Трои, статуя Афины из самих Афин, солнечные лучи короны Аполлона, гвозди от распятия Христа и фрагменты самого подлинного креста — «капсула времени» эры взаимной трансформации язычества и христианства.

Из-за своей длинной, неровной и извилистой сухопутной границы Римская империя стала жертвой собственного успеха. Исключенные из нее народы хотели в нее попасть — и не только как грабители или наемники, но как постоянные жители, с которыми империя делилась бы собственностью. Давление этих народов оказалось непреодолимым. В большинстве случаев они не были такими разрушителями римской цивилизации, как это традиционно изображалось: германские и славянские народы принесли в некоторых отно-

шениях новое и культурно обогащающее наследие. Но их приход способствовал долгому, медленному процессу преобразований — политической и культурной раздробленности, которая на место единой власти Рима поставила власть множества небольших королевств. Латинская речь разбилась на несколько взаимно непонятных языков, и в период интенсивной колонизации империи извне, с конца IV века н. э., римский мир стал гораздо более разнообразным, чем раньше, — так несколько раз встряхнув калейдоскоп, получаешь более сложный узор.

Но ощущение единства средиземноморских берегов, общее чувство принадлежности к единой цивилизации сохранилось до неожиданного травматического изменения, которое датируют периодом между 634 и 718 годами. В это время некогда надежно защищенные пустынями фланги Римской империи внезапно пали перед чужаками из Аравии — региона, который никогда не считался опасным.

Ибо в 632 году умер пророк Мухаммед, оставив реформированным арабам новую религию. У его последователей оказалась строго упорядоченная и динамичная форма организации и идеология священной войны с неверными. Прежде чем завоевательный натиск выдохся, потеряв инерцию — у стен Константинополя и в горах северной Испании на исходе второго десятилетия VIII века — арабы рассекли средиземноморскую цивилизацию надвое. Они не испытывали перед Римом благоговения и страха и не предлагали ему союз, как прежние захватчики. Отныне большая часть завоеванных ими земель принадлежала соперничающей цивилизации — исламу.

Распространение классики: греческое и римское наследие расходится по всему миру

«Классические» труды — те, что никогда не утрачивают своего влияния и всегда остаются актуальными. Цивилизация Греции V и IV веков до н. э. заслуживает названия «классической», потому что с этих пор ей не перестают подражать. Достичь столь устойчивого положения в памяти

и воображении нелегко. В наше время искусству и мысли того, что мы называем западным миром, никогда этого не видать.

Ведь цивилизационный проект можно оценивать по той уверенности, с какой он рассчитывает на будущее. Сегодня, например, воздвигаются сооружения, которые должны ознаменовать две тысячи лет нашей эры и выразить надежду на то, что следующее тысячелетие будет лучше. Но, будь то Рейхстаг или Альбертополис, парк Виго или Кардиффская опера, современные европейские проекты не привлекали общественного внимания. Лондонский Купол тысячелетия — это всего лишь пузырь, пузырь, которому суждено раздуться и опасть; гигантское колесо обозрения, глядящее на Вестминстер, кажется неуклюжей ярмарочной шуткой, иронической пародией на общество, выбрасывающее все ценное. Все наши мечты кажутся бесцельными, и у нас нет стандартов, по которым можно было бы судить о наших планах.

Наш традиционный источник стандартов — классическая древность, родительская цивилизация, как нам хотелось бы верить, современного «Запада». Если архитектор хочет придать своей постройке вид значительный и величественный, он копирует стили древности. Пол Маккартни излагал свой план создания Колледжа искусств в Ливерпуле на приеме, где был подан торт в виде здания, в котором Маккартни хотел бы разместить свой колледж, — это было подражание древнегреческому храму. Историю западной драмы можно изложить исключительно в терминах влияния нескольких пьес, написанных в Афинах в V веке до н. э. Боги Древней Греции всегда обеспечивали художников персонализациями добродетелей и пороков. А труды мыслителей классического периода по-прежнему поставляют нам методу, с помощью которой мы обычно пытаемся отделить истину от лжи, правильное от неверного. Никто не поймет искусство, философию или литературу западного мира более поздних периодов периодов, если он не знаком с классической Грецией. И классическое наследие не ограничивается «Западом». Оно вышло далеко за его пределы, его получили почти все народы во всем мире.

Это совершенно иной тип передачи, чем тот, благодаря которому влияние Китая вышло за пределы родины этой цивилизации (см. выше, с. 315–319, 500–506), хотя, возможно, в будущем влияние Китая окажется более стойким и всепроникающим. Хотя завоевания, торговля и колонизация играли свою роль, влияние Греции и Рима во многом распространялось благодаря поклонникам этой культуры внутри других культур. Более того, память и образы классического мира распространялись, по исторической случайности, и евангелистами — теми самыми людьми, которые отвергали богов классической древности. Ведь в последние два столетия формального существования Римской империи на западе церковь и государство подкупили друг друга. Восточная мистическая религия, иудаистическая ересь, проповедовавшаяся бедным и чудаковатым раввином, в котором, как считали верующие, воплотился Бог, стала государственным средством общения с космическими силами. Религия, бывшая верой рабов, женщин и бедняков, пленила элиту, погруженную в классическое искусство, литературу и философию. У христианства и язычества в IV веке были единые представления о мире: их этика восходила к стоикам, метафизика — к Платону, логика мышления — к Аристотелю, а современная политическая власть — к Риму. Аскеты обеих традиций с их строгими постами и завшивленными бородами были неразличимы. Святой Иероним дал обет перестать читать Вергилия, но не смог его сдержать. Святой Августин испытывал отвращение к непостоянству и несоответствиям классической литературы, но сам вводил классическую мысль в христианскую традицию.

Чем дальше от Рима, чем холоднее климат, враждебнее окружение и страшнее угроза и давление со стороны варваров, тем более драгоценным казалось наследие древнего средиземноморского мира. Почти все нападавшие на империю поддавались этому влечению и, не обязательно отказываясь от собственной идентичности, одновременно принимали средиземноморскую культуру. Соблазненные теплым югом вестготы украшали распятия изображениями виноградной лозы. Длиннобородые короли носили знаки различия консулов и на манер римских наместников разъезжали

в запряженных быками экипажах. Русский царь присвоил себе титул Константина. Франкский император спал в сапогах, подражая Августу. Англосаксонские поэты отдавали дань трудам римских «гигантов». К приходу варваров христианство стало неотъемлемой частью жизни Рима. Влившись в «христианский мир», Римская империя передала ему свой магнетизм, притягивавший окружающие народы, которые завидовали относительно богатству христианского мира или восхищались его грамотностью и технической развитостью.

Как это происходило — история очень долгая, и, может быть, ее лучше представить в виде нескольких отдельных перемежающихся эпизодов. Первый эпизод происходит в тюремной камере патриция Боэция, ожидающего казни по приказу короля, которому он служил. Действие происходит в Италии остготов в середине VI века. Боэций стал героем западной традиции, хотя его труды исчезли с полок библиотек и из учебных программ. Даже среди образованных людей сегодня мало кто знает это имя, и еще меньше тех, кто может что-нибудь сказать о нем. Контекст его жизни можно восстановить в воображении по тому, что уцелело от церквей и мавзолея Равенны, одного из придворных центров короля Теодориха. Здесь сверкающая мозаика воспроизводит картины исчезнувшего бытия: крещение, поклонение в церкви, работу и смерть; все это собрано воедино. У римлян и готов были собственные баптистерии, почти одинаковые, но украшенные изображениями разных святых. Это различие перешло в конфликт: римская реконкиста изображена в церкви Сан-Витале, где на иконах мы видим свиту и самого торжествующего императора Юстиниана — хозяин Боэция утверждал, что ему удалось отразить наступление императора. Боэций напряженно работал, стараясь романизировать Теодориха. Ограниченность успеха этой его работы явствует из куполообразной структуры сооружения, где похоронен король: эклектическая экстравагантность такого типа была излюбленным стилем клонящегося к упадку Рима, но одновременно усыпальница напоминает курганы, которые по традиции насыпались над умершими германскими военными вождями.

Бозций стал жертвой того, что сейчас называют «шоком будущего». В мире невероятных изменений, где традиционные ценности растворялись, а традиционные институты распадались, он упорно цеплялся за старый порядок, настаивая на необходимости сохранить и продолжить существование Римской империи, радуясь тому, что его сыновей выбрали консулами, и финансируя одомашнивание захватчиков-варваров. Он много лет пользовался доверенностью короля, но в конце концов отстаивание справедливости и сопротивление угнетению (так он считал) привели его к падению. Он защищал крестьян от реквизиций, своих коллег-сенаторов — от преследований и весь римский сенат — от коллективного обвинения в измене. Заключенный в кирпичной башне в Павии, он написал об «Утешении философией».

Суть «Утешения» — вкратце — в том, что заключение Бозция не противоречит доброте Бога. Бозций выделяет Платона и Аристотеля как единственных подлинных философов. Платон больше соответствует его настроению в темнице, но Бозций подытоживает принципы мышления Аристотеля, и эта его работа будет поддерживать традиции формальной логики на протяжении всего европейского Средневековья. Бозций готовится к смерти, опечаленный, но полный сознания собственной правоты, — по примеру Сократа. «Утешение» — прекрасная книга, оказавшая огромное влияние. Она позволила соединить классическую языческую систему ценностей, ставящей во главу угла счастье, с христианской традицией самопожертвования, самоограничения и преклонения перед Богом. Бозций утверждает, что счастье и Бог идентичны⁴³.

Следующий эпизод: мрачное влажное помещение Нортумбрианского монастыря зимой 685 года н. э., среди серых камней, глядящих на серое море, где холод пронизывает камни здания и кости живущих в нем. В этом году от чумы вымерла почти вся община. Уцелели лишь аббат и маленький мальчик. Когда монастырь снова начал расти, мальчик был рукоположен в сан, потому что остался в нем, но никогда не занимал в своем ордене заметного положения и не обладал властью. Поэтому мы можем предположить,

что у него не было административного дара. Однако он стал выдающимся ученым. Звали его Беда, и работы по грамматике, истории, теологии, науке и комментарии к Библии сделали его украшением средневековой учености, а Нортумбрия в начале VIII века стала лучом света в «темных веках».

Самое удивительное в этом нортумбрианском «ренессансе» — первом в Европе, по мнению ученых, достойном такого названия, — то, что он шел в такой дали от Средиземноморья, сердца классической европейской цивилизации. Нортумбрия Беды так далека от Рима, насколько можно удалиться от него, не пересекая границы. Ближайшим римским памятником любого размера был Адрианов вал. Поверхностность проникновения римской культуры видна в резьбе на шкатулке из китовой кости, сделанной в Нортумбрии, вероятно, лет за тридцать (до Беды). Наряду со сценами рождения Христа и младенцами Ромулом и Ремом кузнец Вёлунд (король эльфов) собирается обесчестить принцессу и улететь на волшебных крыльях. Так работало воображение на границах Римской империи в «темные века», смешивая христианские, римские и германские мифы и создавая из этой смеси великое искусство. Здесь Беда мечтал о Риме, учил греческий, писал стихи на древнеанглийском и помогал вновь разжечь утраченное знание в стране, которая прежде его почти не ведала. На смертном одре он переводил евангелие от Иоанна и труды этимолога из Севильи⁴⁴. Задним числом легко рисовать таких людей, как Боэций и Беда, строителями интеллектуальных бункеров, где они лихорадочно записывают знания мира, пока он окончательно не исчезнет под обломками рухнувшего классицизма. Однако на самом деле они были оптимистами, чьи труды сочинялись надолго и сознательно были рассчитаны на длительное процветание.

Эти особенности остались характерными для любого последующего возрождения. Классическое наследие не только оживало, но и перемещалось в регионы, которые ранее его почти или совсем не знали. Каролингское возрождение начала IX века имел далеко идущие последствия, но его центр находился в Ахене, на самой границе Римской импе-

рии. Следующее великое возрождение — так называемое Оттонское в конце X века — происходил в Саксонии, в которой вряд ли когда-нибудь видели живого римлянина. Однако здесь Розвита из Гандерсгейма переписывала комедии, восхваляющие чистоту и целомудрие в духе Теренция и Плавта. Ренессанс XII века не только перешел за границы латинской культуры, но и озарил светом учености на редко посещаемые уголки Европы — народы лесов, болот и гор (см. выше, с. 205–212). Из Италии периода кватроченто и Саченто великий Ренессанс, который дал название всем остальным, перемахнул в новые отдаленные земли. В 1460-е годы гуманист король Венгрии Матиаш Корвин выстроил себе дворец, имитирующий одну из вилл Плиния. В 1472 году царица Софья пригласила в Москву, которую ее супруг провозгласил «третьим Римом», итальянских архитекторов и инженеров. В 1507 году Сигизмунд I Польский начал украшать Краков в стиле Ренессанса, а в 1548 году Сигизмунд II, сын уроженки Милана, основал в Вильнюсе ренессансный двор⁴⁵. В то же время начало европейского распространения за океаны до определенной степени разнесло влияние Ренессанса еще дальше, особенно в Испанской империи. Францисканцы основали трилингвистический коллеж в Тлателоко. Гуманистическая наука нашла родину в Мехико, где печатный станок появился раньше, чем в Мадриде. Города в тени Анд и церкви на берегах озера Титикака планировались согласно указаниям Витрувия⁴⁶.

Последнее в этой цепи возрождений, распространившее влияние классической цивилизации еще дальше, совпало с великой эрой империалистического расширения Европы в XIX веке. Размах и степень влияния греческой и латинской культуры оправдывают использование термина «ренессанс» применительно к периоду, когда, например, Хазлитту казалось, что его современники «всегда говорят о Греции и Риме» и когда герцог Карл из Розенмольда представлял себе Европу в виде склона, поднимающегося к Альпам, казавшимся ему вратами к родине европейской культуры⁴⁷. Греческий и особенно латинский языки были обязательными составляющими подготовки европейцев, готовившихся осу-

ществлять власть на имперских территориях. Европа XIX века переживала возрождение в двух возможных технических смыслах слова: во-первых, увеличение благодаря достижениям науки разнообразия и качества доступных классических текстов; и во-вторых, введение в литературную традицию ранее не использовавшихся классических текстов. Ибо хотя влияние греческой трагедии было давним, оно передавалось через «Поэтику» Аристотеля или через римскую адаптацию Сенеки. В XIX веке оригиналы Софокла, Еврипида и Эсхила очаровывали напрямую — и тем сильнее. Последний ренессанс легко распространялся на ранее недоступные территории: благодаря обучению колониальной элиты в метрополии, благодаря мирскому евангелизму имперских чиновников и учителей и благодаря удобствам плаваний на пароходах.

Распространение наследия греков и римлян — передача эстафетной палочки цивилизации в новые руки — было сознательным обязательством империализма XIX века. «То, чем греческий и латынь были для современников Мора и Аскема, — писал Маколей в своем знаменитом меморандуме 1835 года, — тем стал наш язык для народа Индии»⁴⁸. Это пишет автор, который, по его собственным словам, чаще проводил недели в Латинуме и Аттике, чем в Миддлсексе»⁴⁹. В определенном смысле Индия была не так уж далека от границ старого греко-римского мира. Ее западные порты образовали часть Периплуса на Эритрейском море. Она входила в маршрут Агатрхидеса и в амбиции Александра⁵⁰. По теории, популярной в XIX и в начале XX века, Индия происхождением связана с древней Грецией благодаря предполагаемой миграции, которая, как считалось, объясняет сходство между санскритом и греческим и позволяет считать, что у Греции и Индии были общие предки. Эта теория, в настоящее время в основном отвергнутая, мне кажется, во многом способствовала созданию в Индии благоприятного климата для восприятия европейского влияния. Индусы могли воспринять его без стыда и чувства унижения, поскольку могли считать, что возвращают себе наследие собственного прошлого. Даже такой строгий критик европейских нравов, как Свами Вивеканан-

да, считал греческое наследие в определенном смысле индийским и уважал учения «гуру Явана» Афин V и IV веков до н. э.⁵¹

Поэтому неудивительно, что термин «возрождение» в Индии употреблялся чаще, чем в других частях Азии XIX века. А в самой Индии он чаще всего применялся к Бенгалии. Один из наиболее заслуженных бенгальских историков в своем знаменитом высказывании утверждал, что бенгальский ренессанс превосходит европейский образец. Это «ренессанс более глубокий, широкий и революционный, чем ренессанс в Европе после падения Константинополя»⁵². По традиции, связывающей всякий ренессанс с влиянием Европы, бенгальский ренессанс обычно ассоциируют с именем раджи Раммохуна Роя (1772—1833), его начинателя и первого философа⁵³. «Ренессансный гуманизм», который он передал своим ученикам и поклонникам, восходит к европейскому просвещению XVIII века, с его рационалистической эпистемологией и мирской этикой. Раммохун Рой создал почти божественный культ человеческой природы, он предписывал ученикам обязательное чтение Вольтера и, когда бенгальский епископ по ошибке поздравил его с обращением в христианство, ответил, что «не собирается менять один предрассудок на другой»⁵⁴.

Конечно, восприятие и адаптация Индией классических европейских традиций было ограниченным по глубине и диапазону. Влияние Роя было не таким простым, как кажется на первый взгляд. Насколько нам известно, он занялся изучением западной литературы, будучи весьма сведущим в парсизме и ведантизме. Учение Аристотеля, видимо, уже было знакомо ему по исламским источникам, когда он ознакомился с его западной версией⁵⁵. Вполне уместным будет с иронией отметить здесь, что восточное Возрождение в двенадцатом веке знало Аристотеля по арабским и сирийским источникам наравне с европейскими. Как заметил один из специалистов, знакомый с великолепной работой Роя, «целестремленность к подлинному золотому веку индусов» делала его «прогрессивным ориенталистом» с некоторой примесью западничества⁵⁶. В самом деле, слово *набайягаран* на бенгали можно использовать в значении «возрождение», но в

довольно специфическом смысле: как переосознание того, что уже когда-то имело место, и переосмысление его в новом свете. В этом смысле, оставаясь в девятнадцатом веке, бенгальцы вернулись к Упанишатам, Гите и Калидасе, даже к средневековому бенгальскому вишнуизму, рассматривая их с точки зрения западных учений, но при этом возрождая часть собственного прошлого⁵⁷.

Можно реконструировать много подобных историй о распространении влияния Греции и Рима на культуры за пределами Запада: Малави и Нагою, Кейптаун и Джакарту, Сибирь и Сайгон — на самые неожиданные места, где греческие и римские авторы входят в программу и где банки, библиотеки и церкви строят на пьедесталах и с портиками. Показательный пример — и очень совершенный, поскольку относится к культуре, в которой христианство было воспринято как часть общего влияния, — дают Филиппины XIX века. Главное действующее лицо нашего последнего эпизода — герой филиппинского национализма Хосе Рисаль. Его можно представить как продукт последнего европейского ренессанса. Этот азиат получил европейское образование, он был лучшим студентом Мадридского университета своего времени. Это был человек Возрождения, *homo universale**, который добивался успеха во всем, за что ни брался: в поэзии и прозе, в скульптуре и хирургии, в образовании и революции, в профессии антиквара и в антиколониализме. Подобно истинному универсальному человеку, он в то же время везде оказывался не совсем уместен: в Гонконге он был «испанским врачом», а в Маниле «китайским метисом». Он заполнил свой великий роман *Noli me tangere* («Не прикасайся ко мне») классическими аллюзиями. На титульном листе он умудрился упомянуть Гомера, Цезаря, греческие трагедии, Шиллера и Шекспира: парад знаменитостей традиции, к которой он приписывал и себя. Его исследования языков народов, обитающих на Филиппинах, проведены в русле гуманистической традиции — это продолжение усилий некоторых ранних ученых священников-испанцев на островах. Он предвосхитил «плеяду» филиппинских писателей, готовых про-

* Многосторонний человек (лат.).

должить его дело⁵⁸. Когда пытаешься объяснить суть его характера, на ум часто приходят сопоставления с Возрождением. Он «Сервантес Азии» или «тагалогский Шекспир». Когда Унамуно назвал его «тагалогским Гамлетом», он думал не о средневековом датском принце, а о драматическом персонаже эпохи Возрождения.

Это, конечно, не вся правда о Рисале. Он искал вдохновения и в туземных традициях, наследником которых себя считал. Тагалогскую поэзию он слышал раньше, чем научился читать по-испански. Его комментарии к одной из самых ранних испанских хроник филиппинской истории были частью поисков золотого века Филиппин, еще не испорченного колониальным опытом. От ученого и писателя, представляющего традиции Ренессанса, можно было этого ожидать. Ренессанс обычно вызывает разные типы оживления литературы. В монастыре Беды бард Кадмен пел старинные народные песни. Карл Великий, покровитель Каролингского Возрождения, приказал записать традиционные франкские стихи, прежде чем они будут забыты, хотя, увы, они все же, по видимому, утрачены. В каждом последующем европейском ренессансе за возрождением классики следовало оживление интереса к народному творчеству. Неудивительно, что то же самое происходило, когда ренессанс достиг более отдаленных берегов. В последние месяцы своего изгнания в Минданао, оторванный от метрополии и космополитического окружения, в котором провел всю жизнь, Рисаль как будто еще больше углубил свою связь с тем, чтобы было частью прошлого его родины. Когда она вернулась в Манилу, чтобы быть расстрелянным за участие в революционном национальном движении, он потребовал изменения своего смертного приговора, где его называли «китайцем-полукровкой»: он хотел, чтобы его называли «чистокровным туземцем». Не совсем справедливое требование, но оно полностью отражает состояние его сознания, его протест против культурной гибридации, которой была посвящена работа всей его жизни. Идя на казнь, он оттолкнул распятие, протянутое благожелательным священником и, готовясь встретить залп, повернулся в сторону моря. Европейское влияние, которое сделало его одновременно классицистом и националистом, пришло отту-

да — из великой, хаотичной, глубоководной среды, которую лишь недавно начал одомашнивать человек. Чтобы понять, как мировой океан стал если не обитаемым, то по крайней мере доступным для пересечения и превратился во множество дорог, соединяющих цивилизации, мы последуем за предсмертным взглядом Рисаля.

Часть седьмая
РАССЕКАЯ ВОЛНЫ

Овладение океаном

*Мы чувствуем долгую пульсацию,
приливы и отливы бесконечного движения,
Тоны невидимой тайны,
смутные и обширные предположения.
Уолт Уитмен. Листья травы*

*Alles is aus dem Wasser entsprungen,
Alles wird durch das Wasser erhalten,
Ozean, gönn'uns dein ewiges Walten.*

*Вода, из себя все творя,
Все зиждет,
Вся жизнь – в океане!*

Гете

15. Почти самая последняя среда

Подъем океанических цивилизаций

*От Индийского океана к Атлантическому
и от Атлантического к Индийскому*

- *Всегда держи корабль готовым к выходу в море.*
- *Как только бросишь якорь, сделай все необходимое, чтобы можно было быстро вытравить якорную цепь.*
- *При первых признаках непогоды спускай брам-стенгю и бери два рифа.*
- *Как только получишь сигнал о выходе в море, делай это немедленно, потому что ветер меняется быстрее, чем можно было ожидать.*
- *Никогда не пытайся отставиваться на якоре в бурю.*
- *Никогда не направляй корабль носом к суше в дурную погоду: в такое время течения бывают стремительными и непредсказуемыми. Многие корабли погибли из-за этого...*

Наставления капитанам в Порт-Луисе,
остров Маврикий. Цитируется Аланом Вильерсом
в книге «Моря муссонов»³⁰

Мусульманское озеро

Чуть больше ста лет назад вождь племени яо по имени Матака в глубине восточной Африки на берегах озера Ньяса передел своих людей в арабское платье, спустил на воду индийские дау, насадил кокосовые рощи и преобразил свою приозерную столицу с помощью архитектуры суахили. Когда ему удалось вырастить манго, он воскликнул: «Ах! Наконец-то я изменил яо так, что страна стала напоминать берег!»¹

Мне трудно представить себе исход его цивилизационного эксперимента: возможно, столица вождя приобрела вид дряхлый, неуместный и не соответствующий среде. Однако этот эпизод вписывается в контекст одного из величайших творческих изменений в мировой истории: преобразования Индийского океана в исламское озеро; этот океан стал так основательно использоваться для передачи культурных влияний, что эти влияния достигли даже яо, которые жили на самых окраинах бассейнов рек, впадающих в Индийский океан, а освоение доступных для мореплавания мест во всем мире, использование океанских маршрутов привели мировые цивилизации к тесным контактам друг с другом, а в некоторых случаях и к смене цивилизациями среды своего зарождения. Океанская среда, которая рассматривается в последней части этой книги, представляет интерес, как арена, на которой происходило распространение и модификация цивилизаций. В этом процессе океаны, первоначально — только средство общения цивилизаций, превратились в главную ось, на которой цивилизации преобразуются.

По мусульманскому озеру, к которому так стремился вождь Матака, успешно плавал Ибн-Баттута. Когда он вышел в море впервые — это было примерно в 1320-е годы, — он отказался занять предложенное ему место на корабле, перевозившем верблюдов: он был испуган, а верблюды, вечно жующие и толкающиеся, усиливали его страх. Он отплыл из Джидды на корабле, корпус которого был скреплен кокосовой тканью, прошпаклеван щепками фигового дерева и сма-

зан бобровой струей и акульим жиром. Ветер оказался встречным, пассажиров мутило. Путь до Индийского океана был труден, со множеством отклонений от маршрута в Красном море и с длительными стоянками на обоих берегах, но наконец Ибн-Баттута достиг Адена, «порта купцов из Индии». Аден показался ему неинтересным, лишенным удобств, труднодостижимым с суши, лишенным воды — воду очень дорого продавали бедуины — и ужасно жарким. Однако город был так богат, что некоторые его жители владели всеми товарами большого корабля и действовали без партнеров.

Оттуда он добрался до Заилы на побережье Сомали: здесь жил чернокожие шииты, а «их город самый вонючий в мире... Причина вони в качестве рыбы и в крови верблюдов, которых они убивают прямо на улицах». Тем не менее Ибн-Баттута по-прежнему чувствовал, что находится в исламском мире. В Могадишу, куда он добрался через 15 дней плавания, его удивили неслыханные обычаи. Как ученый, он должен был еще до того, как найдет себе жилище, представиться султану. Язык был незнакомым, но образованные местные жители говорили и по-арабски. Тучность местных жителей так бросалась в глаза, что гость не раз это комментирует. Незнакомая пища застала его врасплох. Его угощали бананами, сваренными в молоке, и манго, которое он описывает как напоминающее яблоки с камешками. Однако все эти новшества его не тревожили, потому что и в этой цивилизации он чувствовал себя как дома.

То же смешанное ощущение преобладало, и когда он приплыл в Момбасу с ее восхитительными деревянными мечетями, куда заходили, помыв ноги. Южной точки своего плавания он достиг в Килве (см. выше, с. 402), где ислам оставался неизменным, несмотря на отдаленность места. Столица «прекрасный город, один из лучше всего выстроенных». С язычниками на материке велись постоянные джихады. Из Килвы муссоны безостановочно донесли Ибн-Баттуту до Зафари на южном побережье Аравии, где жители кормили скот сушеными сардинами и поливали просо водой из глубоких колодцев. Жили они за счет поставки лошадей через море в Калькутту.

Плавая по этим морям, Ибн-Баттута время от времени мог испытывать негодование, столкнувшись с каким-нибудь нечистым обычаем или не соответствующим правилам ритуалом: в Мазире, например, жители неправильно забивали птицу. В Омане его шокировало почтение к убийце Али и неправильности в молитвенных обрядах. На Мальдивах, где жители «набожны и справедливы», он не мог помешать женщинам ходить с голой грудью, хотя местные власти оказали ему честь, провозгласив кади. Тем не менее единство мира, в котором мусульманин всегда чувствует себя среди своих, поразительно².

Автор утверждает, что с южного берега Аравии отправился в Индию; но подробный рассказ есть только о предыдущем этапе плавания. На дальней стороне океана, где существовали огромные общины неверных, он мог безопасно и для себя, и для своих предубеждений перемещаться исключительно в мусульманских кругах; чувство превосходства его религии в нем укрепило наблюдение за варварскими обычаями индусов и в особенности посещение обряда саможжения вдовы, где он потерял бы сознание, «если бы спутники не плеснули мне в лицо водой»³. Величайшим чудом Индии, по его рассказу, был султан Дели Ибн-Туглук, «из всех людей самый склонный одаривать — и проливать кровь»⁴. Этот правитель с его огромным аппетитом и необъяснимыми переменами настроения, который то покровительствовал автору, то угрожал ему, произвел на Ибн-Баттуту огромное впечатление. Однако в его описании нашлось место и обнадеживающим картинам: он перечисляет благочестивых людей и описывает большую мечеть Дели с ее минаретами с золотыми верхушками.

В описании путешествия дальше Дели рассказ Ибн-Баттуты становится ненадежным, появляется много стереотипных положений, а подлинное путешествие описывается очень бегло. Ибн-Баттута подвергался реальной опасности в мире все более многочисленных неверных; но куда бы он ни приплыл по океану, везде отыскивались мусульманские общины или просто мусульмане, которые спасали его от опасности, или его развлекали «прекрасные и добродетельные» шейхи. Даже в Китае он мог рассчитывать на дружбу и гос-

теприимство единоверцев, мог обняться и всплакнуть вместе с другими магрибинцами⁵. Ислам стал первой мировой океанической цивилизацией. Позже в таком же процессе будут преодолены Атлантический и Тихий океаны, их соединят торговые маршруты. Океаны стали путями проникновения цивилизаций в новые среды; они также сводили соперничающие цивилизации, приводили их к взаимодействию, конфликтам и культурным обменам.

Океаны сыграли в истории цивилизаций большую, но не исключительную роль. Другие среды, едва пригодные для обитания или заселенные цивилизациями без больших амбиций, также относительно легко могли использоваться как пути связи: мы видели, как купцы и путники часто посещали пустыни и не пригодные к возделыванию степи, связывая противоположные концы Евразии и различные климатические зоны северной Африки (см. выше, с. 100–107, 133–140, 166–172). Океаны — как и положено самым обширным и труднопреодолимым поверхностям планеты — оказались последней завоеванной средой. Пока океаны не пересекли регулярные маршруты, некоторые цивилизации оставались буквально отрезанными от остальных. Существовало очень мало возможностей для взаимосвязи образцов жизни в сопоставимых средах в разных концах света; вряд ли могла быть основана «новая Европа» в Австралии или под вершинами Южной Америки либо новая Африка на островах Карибского моря⁶. У цивилизаций было относительно мало возможностей колонизировать незнакомые среды: не могло существовать ни Чайнатауна в Лондоне или в Сан-Франциско, ни японских сельскохозяйственных колоний в Бразилии, ни каучуковых плантаций в Малайе, ни пианино в Боготе. И бесперспективной навсегда осталась бы все еще нереализованная мечта (или фантазия) о всемирной цивилизации, порожденной триумфами и компромиссами в ходе обмена влияниями по охватывающим весь мир маршрутам.

Раннее развитие Индийского океана

Этот процесс, где бы ни начался, занимал много времени, но быстрее всего он шел в Индийском океане. Раннее развитие Индийского океана как зоны дальнего мореплавания и культурных обменов — один из самых интересных исторических фактов; он невероятно важен и, если задуматься, загадочен; тем не менее в существующей литературе он едва замечен, тем более объяснен. Только если сопоставить условия плавания в Индийском океане с теми, что существуют повсюду в других местах, становится очевидна исключительная роль этого океана в истории. Ибо именно здесь, вероятно, началось плавание по морю на дальние расстояния. Здесь миф наделил Будду подвигами мореплавания (см. выше, с. 492), и здесь принц Манохара, как утверждают, нанес на карту свое путешествие из Индии к легендарной горе Срикунджа на восемьсот лет раньше, чем появились первые морские карты на западе. Легендарный персидский кораблестроитель Джамшид, как говорят, пересекал «воды и стремительно переходил из области в область»⁷. Эти легенды отражают реальность: раннее начало долгих плаваний и культурные обмены на всем протяжении этой части мира.

В далекой древности мореплаватели открывали пути, которые позволяли преодолевать океанские просторы. Цивилизации Хараппы и шумеров соприкоснулись с морем во втором тысячелетии до н. э., хотя, по-видимому, использовали только прибрежные маршруты⁸. Порты западной Индии и почти всего восточного побережья Африки были частями Периплуса Эритрейского моря, вероятно, к середине первого тысячелетия н. э.⁹ Плиний считал, что знает время, необходимое для плавания из Адена в Индию¹⁰. Китайские плавания в Индию фиксируются (правда, не всегда определенно) с середины первого тысячелетия до н. э.¹¹ По меньшей мере с V века н. э. существуют многочисленные свидетельства о плаваниях между Китаем и Персидским заливом, так же как об оживленной торговле, связывавшей воедино все маршруты¹².

Ни один протяженный морской маршрут не использовался так активно и так рано. Остальные океаны большую часть истории человечества играли второстепенную роль. За

исключением связи Исландии с Марклендом, которая то ослабевала, то крепла с XI по XIV век, и контактов Скандинавии с норвежской колонией в Гренландии в IX—XV вв., никаких достоверных коммерческих плаваний до Колумба не существовало. Строго говоря, их не было до 1493 года, когда Колумб проложил лучшие маршруты через Атлантику. Обширный Тихий океан потребовал еще больше времени для своего завоевания. Старинные полинезийские мореплаватели были, вероятно, самыми искусными в мире, но из-за примитивной технологии сохранения пищи и пресной воды вынуждены были переплывать от острова к острову. Их дальние плавания были слишком рискованными или слишком зависели от удачи, чтобы их повторить, и поэтому полинезийцы утрачивали связь со своими колониями (см. выше, с. 409—418). Даже те ученые, которые предполагают, что древние китайские и японские мореплаватели достигли западного побережья Америки, обычно не говорят о регулярных плаваниях. Насколько нам известно, никто не сумел пересечь Тихий океан в обоих направлениях, пока брат Андре де Урданета, величайший мореплаватель своего времени, не был извлечен из кельи в испанском монастыре, чтобы возглавить экспедицию 1564—1565 годов, которой удалось поймать необходимый попутный ветер¹³. Поэтому до XVI столетия Атлантический и Тихий океаны были препятствиями для контактов, они разделяли народы, в то время как Индийский океан, уже много столетий как пересеченный судоходными маршрутами, связывал большинство культур, существовавших на его берегах. Вплоть до XIX века объем и значение торговли на этом океане были наиболее существенными.

Тем временем через этот океан осуществлялись самые значительные, определяющие историю мира контакты: распространение индуизма, буддизма и ислама в юго-восточной Азии; перевозка паломников в Мекку, которая делала этих людей основным вектором перемен в культуре; превращение океана в период, который мы называем Средневековьем, в исламское озеро; длительная, оказавшая исключительное влияние на культуру морская торговля восточной Азии с Африкой и Ближним Востоком и частично передача китайской

технологии на запад, особенно при династии Сун. Маршруты, проложенные по Индийскому океану, позволили осуществить самые значительные имперские эксперименты. От этих маршрутов зависели, например, торговые империи восточной Африки, такие как Мвене Мутапа и Эфиопия в свое время, приморские государства Индии, юго-восточной Азии, Аравии и Аравийского залива, шедшие из Фуджоу империализм и колонизация средневекового и начала современного периода. В XVIII и XIX веках Индийский океан остается главным театром новых инициатив в мировой истории, как лаборатория экспериментов Запада в «экологическом империализме»¹⁴.

Когда водные пути можно использовать как средства коммуникации, они часто становятся культурным ферментом и средством обмена; но до начала мореплавания на Атлантическом и Тихом океанах нигде в мире это не происходило в таком масштабе. Хотя по меркам этих поздних пришельцев Индийский океан мал, он гораздо больше любой другой ранней системы морских маршрутов, таких как Средиземноморье, Балтика, Карибское море, изгиб Бенина и прибрежные воды атлантической Европы и тихоокеанской Японии. С точки зрения мировой истории расстояние очень важно. Чем дальше простирается влияние источника, тем глобальнее его результаты.

Давность и смелость морских традиций Индийского океана объясняется регулярностью муссонной системы ветров. Строго говоря, океаны вообще не существуют: это конструкты сознания, игра воображения картографов, способ жителей суши делить водное пространство в связи с землями, на которых они проживают. Для моряков же важны — сужу по их словам, будучи сам из числа тех историков мореплавания, у кого морская болезнь бывает и в ванне, — не определения карты, а направление ветра и течений. Водные массы объединяют ветер и течение, а не материки и острова, омываемые этими массами. Единственное серьезное различие существует между системой муссонов, с одной стороны, и преобладающими на протяжении большей части года ветрами — с другой. Пространство вокруг Индийского океана определяется достижимостью муссонной системы

приморской Азии: эта система охватывает весь Индийский океан, как его обычно понимают, выше пространства, занятого пассатами, а также северо-западную часть Тихого океана. Большую часть остальных океанов Земли охватывает система пассатов.

Система муссонов действует как эскалатор, направление движения которого можно менять. Большую часть года ветер устойчиво дует с юга и запада. Летом нагретый воздух поднимается вверх, и его место занимает прохладный воздух с моря, уравнивая давление. Воздушный поток с моря несет дожди, которые выпадают на суше, охлаждая ее и одновременно создавая энергию, которая нагревает воздух. Ветер гонит зону вертикальной конвекции в глубины континента, всасывая влажный морской воздух. Правильно рассчитав время плавания, моряки, идущие под парусами, могут рассчитывать на попутный ветер и уходя в плавание, и при возвращении домой.

Не часто вполне оценивают тот факт, что подавляющее большинство морских экспедиций и исследований проведено при попутном ветре: главным образом потому, что вернуться домой морякам не менее важно, чем доплыть до чего-то нового. Замечательные исключения вроде плавания Колумба или ранних испанских трансатлантических путешествий считаются выдающимися достижениями именно потому, что моряки решили плыть при попутном ветре. Условия Индийского океана освобождают мореходов от таких ограничений. Можно себе представить, что чувствуешь, когда год за годом ветер дует попеременно то в лицо, то в спину, и ты наконец понимаешь, что путешествие по ветру не обязательно лишит тебя возможности вернуться домой. Предсказуемость ветров делала Индийский океан наиболее благоприятной морской средой для долгих плаваний.

Моряки, оказавшиеся в таком окружении, конечно, не всегда оценивали свою удачу. Все они постоянно ждут опасностей и трудностей в море, и в местных литературах полно страшных рассказов, рассчитанных на то, чтобы отпугнуть конкурентов или внушить набожный страх. Для рассказчиков моря — это непреодолимый соблазн выводить подходящее для морализаторства окружение, где бури —

это стрелы из колчанов непостоянных и назойливых божеств; в большинстве культур внезапно поднявшийся ветер считается феноменом, которым специально манипулирует Бог или боги. Те, кто плывал по Индийскому океану в парусный век, наряду с такими традициями обладали обостренным ощущением препятствий. Судя по рассказам из первых рук, любую морскую среду следует считать враждебной человеку¹⁵. Для того чтобы оценить относительную благосклонность некоторых морей к человеку, необходим сравнительный подход.

В старой карте, показывающей Индийский океан замкнутым сушей¹⁶, есть некая поэтическая истина, потому что выбраться из этого моря очень трудно. Не дошедшее до нас, но многократно цитируемое руководство по мореплаванию, восходящее по крайней мере к XII веку, предупреждает о «всепоглощающем море, которое делает возвращение невозможным» и в котором Александр создал грозный образ с поднятой в предупреждении рукой: «Это plus ultra* плаваний, и что лежит за морем, не знает ни один человек»¹⁷. Из этого океана трудно было выбраться, но не менее трудно было в него войти. Доступ с востока вряд ли возможен летом, когда тайфуны дуют в сторону подветренных берегов. До XVI века огромное пустое пространство соседнего Тихого океана предохраняло Индийский океан от проникновения из-за китайских морей. Попасть в океан с запада можно было только долгим и трудным путем вокруг южной Африки, пользуясь протухшим продовольствием и испорченной водой. Затем нужно было плыть с юга на север, но эти просторы летом охраняли сильнейшие штормы: человек, знающий репутацию этих вод, никогда не решился бы без очень важной причины плыть по ним в сезон ураганов между десятым и тридцатым градусами южной широты и шестидесятым и девяностым градусами восточной долготы. В самые лучшие времена подветренные берега оконечности Африки были усеяны обломками кораблекрушений. От аль-Масуди в X веке до Дуарте Барбозы в XVI веке авторы путеводителей по океану отмечают, что практически северная граница плавания — усеян-

* Конец, заключительная часть (лат.).

ные костями берега Наталя и Транскея, где люди, пережившие крушение португальских кораблей, написали «Трагическую историю моря»¹⁸.

Поэтому на протяжении почти всей истории океан оставался уделом народов, живших на его берегах, или тех, кто — подобно некоторым европейским и азиатским купцам — пришел из глубины континента, чтобы стать частью океанского мира. Но даже для таких закаленных людей плавание под парусами представляло собой опасность. Даже в часто посещаемых местах — в Бенгальском заливе и Аравийском море — круглый год бушуют штормы, и стоило кораблю выйти в океан, как ему угрожала эта опасность. Океаническая система щедро отводила время на плавание: с апреля по июнь для тех кораблей, что идут на восток, подгоняемые юго-западными муссонами, после чего на протяжении нескольких месяцев сильных ветров можно было плыть на запад, используя северо-восточные муссоны. Однако чтобы наилучшим образом воспользоваться этой системой, проплыть дальше и вернуться с товарами и прибылью быстрее, необходимо было двигаться в одном направлении в конце периода муссонов, чтобы уменьшить время, которое груженный корабль проводит в ожидании перемены ветров.

Такое расписание плаваний кажется скучным и действующим на нервы, но в парусную эпоху оно обозначало игру со смертью. Особенно в пути на восток: поздние муссоны пользовались у моряков дурной славой. Это ярко показывает отчет посла, который в XV веке отправился из Персии ко двору в Виджаянагаре. Посол задержался в Ормузе,

ожидаая времени отплытия, то есть чтобы прошли начало и середина сезона муссонов. Мы дождались исхода времени муссонов, когда следует опасаться бурь и нападений пиратов... Едва я почувствовал запах судна и понял, какие ужасы моря ждудт меня, я упал в глубочайший обморок, и три дня лишь слабое дыхание свидетельствовало, что я еще жив. Когда я очнулся, купцы, моими близкие

друзья, в один голос вскричали, что время для плавания упущено и что всякий, кто теперь выйдет в море, сам будет виноват в своей гибели¹⁹.

Наиболее опасное время ожидало и тех, кто начинал плавание изнутри Красного моря: чтобы воспользоваться северным ветром, который помогает выбраться из этого опасного и узкого «бутылочного горла», приходилось отплывать в июле и пересекать Аравийское море в августе. У такого тяжелого испытания было и одно преимущество: при сильном ветре весь путь до Индии, если он проделан благополучно, занимал всего восемнадцать-двадцать дней. Можно было избежать сезона ненастий, но тогда приходилось плыть против северо-восточного муссона. Дау, традиционный корабль Синдбада, был оснащен треугольными парусами, привязанными к реям, которые можно было поворачивать с каждым поворотом ветра: иными словами, такой корабль мог двигаться и против ветра, всего на несколько градусов отклоняясь от намеченного курса²⁰.

Саги Синдбада — всего лишь несколько капель в океане рассказов о злом море. Я больше всего люблю рассказ Бузурга ибн-Шахрияра, чей отец был морским капитаном, из текста середины X века «Книга о чудесах Индии». В рассказе говорится о Абхаре, уроженце Кирмана: тот вначале был пастухом, а потом ушел в море и стал самым знаменитым мореплавателем своего времени. Он семь раз плавал в Китай и обратно. Одно такое безопасно проделанное путешествие считалось чудом; проделать его дважды совершенно невозможно. Согласно автору, завершить подобное плавание удавалось лишь благодаря счастливому случаю; разумеется, это преувеличение, но оно свидетельствует о том, какую славу снискал Абхара. Я говорю об эпизоде, когда Абхару в полный штиль подобрал в море арабский корабль, где капитаном был отец автора: этот корабль шел из Ситрафа в Китай, в Тонкинский залив. Знаменитый моряк один сидел в корабельной шлюпке, и у него был лишь глоток воды. Думая спасти его, экипаж судна предложил Абхаре подняться на борт. Но тот согласился сделать это только как капитан корабля с жалованием в тысячу дина-

ров, которое ему должны заплатить товарами в пункте назначения и по рыночной цене. Пораженные моряки уговаривали его присоединиться к ним, чтобы спастись, но он ответил: «Ваше положение хуже моего». Слава знаменитого моряка подействовала. «Мы сказали: «На корабле много товаров и богатств и много людей. Нам не помешает совет Абхары за тысячу динаров».

Ударили по рукам. Заявив: «У нас нет времени ждать», — Абхара приказал сбросить в воду тяжелые грузы, срубить главную мачту и срезать якорную цепь, чтобы облегчить корабль. Через три дня показалось «большое облако, похожее на минарет» — классический признак тайфуна. Корабль не только пережил бурю, но Абхара благополучно привел его в Китай, где все товары были выгодно проданы, а на обратном пути сумел вернуться в то самое место, где остались корабельные якоря, выброшенные на берег и едва видные среди скал. Если бы не вмешательство Абхары, корабль несомненно погиб бы²¹. На одном уровне рассказ свидетельствует о том, каким видели море плававшие по нему: оно полно опасностей, и только долгая практика и опыт, полученный ценой смертельного риска, могут помочь преодолеть эти опасности.

Однако на другом уровне рассказ об Абхаре свидетельствует о больших преимуществах плавания по Индийскому океану: если уцелеешь, сможешь быстро преодолевать большие расстояния в обоих направлениях. А это означало возможность обогащения: для купцов и моряков, которые перевозили и продавали товары, а также для государств и цивилизаций, которые этими товарами обменивались. По стандартам других морей на Индийском океане моряки не испытывали больших трудностей.

За то время, что «дама» Тоза затратила на плавание с юга, от Сикоку до Осаки (см. выше, с. 475–477), Абхара — примерно в тот же период — мог на парусах, используя северо-восточный муссон, проплыть от Палембанга или от Асеи на Суматре через весь Индийский океан до Адена; даже если бы он вышел от побережья Фучжоу в Китае, это удлинит плавание всего на сорок дней или на месяц, а будь условия особенно благоприятными, он, по некоторым расче-

там, затратил бы на дорогу двадцать дней²². Чен Хо (см. выше, с. 503) потребовалось двадцать шесть дней, чтобы зимой добраться от Суматры до Цейлона и тридцать пять — от Калькутты до Ормуза²³.

Возвращение обычно требовало больше времени. Отчасти это происходило потому, что корабли из Персидского залива обычно заходили на юг до широты Сокотры, чтобы избежать самых сильных штормов; к тому же те, кто хотел за один сезон добраться до Китая, не могли рассчитывать на благоприятные ветры, чтобы пересечь северную часть Китайских морей, как можно делать на пути из Фучжоу. На переход между Суматрой и Китаем приходилось отводить от пятидесяти до шестидесяти дней. Только по меркам плавания от порта выхода это могло показаться досадной задержкой. Больше того, такую задержку частично искупало более быстрое прохождение середины маршрута по океану к югу от Бенгальского залива: самое короткое плавание Чен Хо — 1491 миля между Калькуттой и Куала-Пасу — заняло четырнадцать дней²⁴. Во всяком случае, если в трансокеанском плавании корабль держался примерно одной широты, оно становилось приятно недолгим. Абду'р Раззак, уже упоминавшийся робкий персидский посол, добрался до Калькутты всего восемнадцать дней спустя после того, как достиг Аравийского побережья. Ибн-Баттута то же самое путешествие проделал за более обычный срок — за двадцать восемь дней. Ничто лучше этих данных не свидетельствует о благоприятной природе Индийского океана — наиболее пригодной для навигации среды.

Если подобные рассуждения кажутся неосновательными, полезно будет сравнение со Средиземным морем, относительно спокойным, где не бывает приливов. Оно пользовалось такой славой, что даже римляне, ненавидевшие морские походы (см. выше, с. 534), называли его *aequor* — «ровным». Трудности и опасности, подстерегающие в море, были хорошо известны Псалмопевцу: «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мною». Самые ранние рассказы о Средиземном море повествуют о бурях, кораблекрушениях и о чудесном счастливом спасении. Венамун, автор самого раннего известного

мне «путевого дневника», в конце XI века до н. э. чрезвычайно гордился своим скромным плаванием из Египта в Библос: в его рассказе о поездке в Ливан на закупки леса для строительства большого корабля Амона гремит гром и воет буря (см. выше, с. 441). Ко времени появления первого известного практического руководства по мореплаванию — поэмы Гесиода «Труды и дни» (см. выше, с. 509) — зловещая репутация моря уже вполне установилась. Гесиод подчеркивает краткость навигации, ограниченной — вероятно, его оценка чересчур консервативна — пятьюдесятью днями после сбора урожая. Но и в эти безопасные дни кораблю угрожают непредсказуемые разрушительные порывы Зевса или Посейдона.

Хотя на практике скромные границы, установленные Гесиодом, расширялись по мере накопления морского опыта и строительства более прочных кораблей, зимнее плавание в Средиземном море на протяжении всей парусной эпохи оставалось опасным. И это была не единственная причина запретов. Вся морская литература и все искусство периода парусного мореплавания, от Псалмопевца и святого Павла, повествует о многочисленных и разнообразных опасностях. Например, в начале XV века Кристофоро Боундельмонте написал устрашающий рассказ о плавании по Эгейскому морю; отдельные эпизоды кажутся написанными прямо на корабле. Он рассказывает о крушении своего корабля у маленького острова близ Самоса, где он из последних сил вскарабкался на скалу. «Здесь священник Кристофоро умер от ужасного голода», уже решил было он, когда его спас проходивший мимо корабль. Он рассказывает также, что на Теносе на добравшихся до берега жертв кораблекрушения нападают дикие кони. В других историях он повествует о турецких моряках, которые уплыли с Псары на плотах, сделанных их козьих шкур, и о человеке, который восемь дней плавал на доске, а потом целый год прожил на скале, питаясь растениями и корнями²⁵. Книги и картины, посвященные кораблекрушениям, в которых святого Юстаса буря разлучает с любимой, а святой Николай спасает тонущих моряков от участи, более страшной, чем потеря всех товаров, приучили обитателей суши бояться моря.

Однако я полагаю, что именно непродолжительность сезона мореплаваний не позволила морякам Средиземноморья соревноваться в эффективности плаваний — то есть в преодолении одинаковых по длине маршрутов за кратчайшее время — с их современниками на Индийском океане. Короткий сезон обуславливал непродолжительность плаваний, какие можно было совершить за год. К тому же характер ветров делал плавание с востока на запад очень долгим. Наиболее подробные источники о продолжительности плаваний датируются Высоким и Поздним Средневековьем, когда время плаваний, вероятно, по сравнению с древностью сократилось ввиду развития парусного судоходства и перехода к сберегающим время плаваниям по открытому морю между основными портами. Но все равно длительность плавания была неизбежна: у берегов шли на веслах с многочисленными остановками для пополнения запасов воды и продовольствия, а при хождении под парусами на север и на запад по большей части приходилось идти против ветра. Шестидесят дней — срок, за который пересекали Индийский океан, — потребовалось в 867 году Бернарду Мудрому, чтобы доплыть из Яффы до окрестностей Рима. Ибн-Джубайр на генуэзском корабле плыл из Акры в Мессину пятьдесят семь дней. Во время Шестого крестового похода флот Людовика Святого потратил на возвращение из Акры в Гиерес десять недель. В 1395 году плавание из Яффы в Венецию заняло свыше пяти месяцев. Это исключение, но продолжительность в семьдесят дней вполне нормальна. Плавания в западной части Средиземноморья были еще более утомительны: приходилось проходить Мессинский пролив, где, как говорит Ибн-Джубайр, «море встает стеной и кипит как котел», или преодолевать пиратские воды к югу от Сицилии. В 1396 году один корабль смог добраться из Бейрута в Геную за сорок три дня. Но и такое необычно недолгое плавание все равно было утомительно по отношению к преодолеваемым расстояниям, особенно по стандартам Индийского океана. Плавания по Средиземноморью с запада на восток были относительно короткими, но для моряков одинаково важен расчет времени в обоих направлениях²⁶.

На протяжении почти всей истории возможности делать подобные сопоставления не было и в помине. Не было трансатлантических плаваний, с которыми можно было бы сравнить плавания по Индийскому океану. Колумбу посчастливилось — или хватило мастерства — обнаружить один из лучших возможных трансатлантических маршрутов, и он прошел его быстро. Но такое начало оказалось обманчивым. В XVI и в первой половине XVII века плавание в группе кораблей от Санлукара до Веракруса в среднем занимало девяносто один день. От Кадиса до того же пункта назначения плыли в среднем лишь семьдесят пять дней, потому что на таком маршруте не приходилось преодолевать песчаные отмели, какие окружают Санлукар, однако и плавание в сто один день считалось обычным явлением. Обратная дорога от Мексики до Андалусии никогда не занимала меньше семидесяти дней и могла быть гораздо длительнее: есть данные о таком плавании продолжительностью двести девяносто восемь дней, проведенных в море, но это крайний случай. Путь до Истмуса в Панаме занимал примерно столько же времени, сколько и до Новой Испании при плавании из Европы, но обычное время обратного пути — между ста семью и ста семидесятью тремя днями²⁷. Когда испанские моряки в конце XVI века открыли двустороннее сообщение через Тихий океан, обычно уходило три месяца, чтобы доплыть из Акапулько до Манилы, и шесть месяцев — на обратный путь²⁸.

С учетом этих фактов Индийский океан по сравнению с другими морями выглядит гораздо более пригодным для плаваний на большие расстояния и для имперских и коммерческих соблазнов и возможностей, связанных с такими плаваниями. В свете подобных сравнений самая интересная проблема истории океана кажется мне и самой раздражающей. Почему торговля с Индийского океана не распространилась на весь мир, как было в случае Атлантического океана? Почему империи этого океана не распространили свое влияние на другие океаны, как народы, населяющие побережье Атлантики? Почему сравнительно незрелые и ограниченные империи и коммерческие системы Атлантики во многих самых главных отношениях превзошли то, что существовало в Индийском океане? Чтобы приблизиться к ответу на

эти вопросы, нужно принять участие в одном из самых знаменитых плаваний в истории: насколько нам известно, это первое плавание, связавшее Индийский океан с Атлантическим, первое плавание, объединившее систему муссонов с системой пассатов.

Тень Васко да Гамы

В 1997 году, через пятьсот лет после первого плавания Васко да Гамы в Индию, историки начали отмечать это событие серией конференций, которые продолжались без перерывов два года. Мало какие события прошлого считаются столь важными, чтобы так отмечаться. Пятисотлетие каких еще событий мог отмечать мир накануне третьего тысячелетия? От Стокгольма и Москвы до Сонгая и Мекки свидетели пятьсот лет назад описывали то, что считали незабываемыми событиями.

Например, в 1497 году датский король Ханс триумфально вступил в Стокгольм, но пятисотлетие этого события не вызвало никакого интереса, хотя пятьсот лет назад судьба Кальмарской унии стала важнейшим событием для будущего Скандинавии. Когда думаешь, чего Дания и Швеция достигли порознь в начале современного периода, заманчиво порассуждать о том, что было бы, сохрани они единство. В 1497 году московский царь Иван III издал знаменитый кодекс законов «Судебник». Согласно русским историкам, это был решающий шаг на пути создания Российского государства, которое с тех пор играет решающую роль в мире; но и это событие не привлекло сопоставимого внимания. Мало кто вспомнит польско-молдавский конфликт, происходивший как раз в это время, хотя считается, что именно он привел к закреплению границы между католическим христианством и тем, что можно назвать Оттоманским союзом, на юго-востоке Европы. В 1497 году и примерно на протяжении всего плавания Васко да Гамы Леонардо писал в Милане «Тайную вечерю» — но в связи с пятисотлетием плавания Васко да Гамы этот факт прошел неотмеченным. В том же году в Персии умер шах Рустам — эту смерть историки Персии обычно считают

кульминацией средневековой империи и прелюдией к подъему Сафавидов; однако пятисотлетие этого события прошло буквально никем не замеченным. Еще одной жертвой 1497 года был Али Хадж, король Борну (см. выше, с. 130), но о его смерти сегодня никто не помнит, тем более не отмечает ее, хотя в то время многим народам это казалось самым значительным в мире событием. Между тем император Сонгая Мухаммед Турей Аския совершал путешествие, которое могло бы поспорить с плаванием Васко да Гамы за право называться самым важным путешествием того времени: император взял с собой в паломничество в Мекку почти триста тысяч золотых динаров и восемьсот человек охраны в свите; он прибыл, чтобы Шариф наделил его символами власти. Приход к власти в Сонгае Мухаммеда означал победу правоверия над языческими «царями-волшебниками», которые ранее занимали трон. Это паломничество имело огромное значение для превращения ислама в главную религию Сахеля в Африке²⁹. Однако эта годовщина не вызвала заметного международного резонанса.

Нельзя просто говорить о значении чего-либо, не уточнив, значения для кого или чего. Наше отношение к Васко да Гаме отчасти связано с нашим местом наследников исторической традиции, которая всегда считала это плавание важнейшим достижением; однако наш взгляд отчасти определяется задним числом: мы смотрим на это плавание с позиций современного мира.

Например, это плавание определено было эпизодом встречи Востока и Запада, столь важной для нас, живущих в мире, сформированном подобными встречами: траектория мировой истории, нацеленная на Восток, кажется при взгляде в прошлое начавшейся с этого плавания; эта траектория распространила на Восток влияние Запада и в некоторых случаях определила господство Запада над Азией; однако она же усилила возможности взаимовлияния противоположных окраин Евразии. Сегодня, когда кажется, что влияния исходят преимущественно с Востока, мы склонны считать, что испытываем долговременную отдачу от процесса, начатого Васко да Гамой. Более того, это плавание было этапом в глобализации торговли, которая стала существенной чертой

экономики нашего времени. Наиболее высокую оценку Васко дал Адам Смит, этот апостол мировой торговли, который считал плавание Васко наряду с плаванием Колумба самым важным событием в мировой истории³⁰. Хотя как ранний европейский империалист Васко был неудачником, его плавание стало прелюдией европейского вторжения в Азию, которое сыграло такую огромную роль в истории последних пятисот лет и оставило нам весьма проблематичное наследие. То, что современные историки уделяют главное внимание насильственной и непредсказуемой природе встреч Васко с некоторыми народами, отражает постколониальную тревогу относительно настоящих и будущих расовых взаимоотношений и о том, что многие народы в развивающемся мире все еще считают себя эксплуатируемыми³¹. Короче говоря, Васко интересует нас, потому что нам кажется, будто его опыт открывает нам нечто важное в нашем нынешнем сложном положении.

Я хочу отказаться от привычной перспективы и взглянуть на путешествие Васко во всемирном контексте с более объективной точки зрения. Перспектива, которую я предлагаю, скорее воображаемая: иначе не достичь уровня объективности, недостижимого для реальных людей, погруженных в историю, которую они пытаются описать. Например, космический наблюдатель, приглашаемый на разных этапах, мог бы избавить нас от предположений, сделанных задним числом. И *fin de siècle** предшествующих столетий нашего тысячелетия он — я использую мужской род, хотя этот космический наблюдатель кажется мне существом женского пола, — увидит совсем не такими, как мы.

Вместо западных научных достижений и укрепления господства западного мира он, возможно, обратит особое внимание на конфликт титанов будущего: Китая и Японии, происходивший как раз в то время. Или его внимание привлекло бы то, что можно назвать началом уничтожения западного империализма в Абиссинии силами хорошо вооруженных армий Менелика в Адове. Глядя на 1790-е годы, наши историки обычно ослеплены историей Французской

* Конец века (*фр.*), здесь: исходы.

революции и распространением ее идей победоносными армиями; но внимание космического наблюдателя мог бы привлечь Китай, где смерть императора Чен Луна примерно совпала с концом длительного и великолепного расширения империи и началом «сна гиганта», отмеченного Наполеоном. Глядя на 1690-е годы, мы вспоминаем прежде всего войны между Вильгельмом Оранским и Людовиком XIV, а космический наблюдатель мог бы подчеркнуть важность установления постоянной границы между Россией и Китаем по реке Амур. В 1590-х годах мучительная, зловонная смерть Филиппа II представляет в нашей современной, западной исторической традиции «поворотным пунктом» в мировой истории — началом так называемого «упадка Испании». Но на другой стороне земного шара почти одновременно умер другой деятель *Weltpolitik** — японский диктатор и завоеватель Хидэёси; и в космической перспективе его смерть могла показаться не менее значительным событием.

Если бы космический наблюдатель бросил взгляд на 1490-е годы и мы попросили бы его определить те потенциалы имперского строительства и развития торговли на дальние расстояния, которые могли бы дать в будущем максимальный эффект, я думаю, справедливо будет отметить, что он не начал бы свой осмотр с относительно отсталых и периферийных общин на морском побережье Западной Европы. Он заметил бы наличие нескольких культур и цивилизаций, разделенных большими расстояниями, слабыми связями, а в некоторых случаях — взаимным незнанием или отсутствием интереса. Он смог бы заметить — преимущественно за пределами распространения западного христианства — некое движение по краям, расширение политических границ или начало расширения заселения, торговли, завоеваний или прозелитизма, которые в будущем сделают мир ареной взаимного соперничества, столкновения растущих цивилизаций и слияния или конфликтов больших человеческих общин.

Со временем этот процесс свелся к господству Западной Европы. Но в 1490 годы наш космический наблюдатель, если он не наделен, как мы, возможностью делать выводы задним

* Мировой политики (*нем.*).

числом, не смог бы предсказать такой исход. Такие источники мотивации, как материальное изобилие, научное любопытство, миссионерское рвение, коммерческий дух и бессмысленная агрессия, не были специфическими для какой-то отдельной части света, и по сравнению с Китаем, частью ислама и юго-восточной Азией — а в некоторых отношениях даже с Полинезией — западное христианство уступало в части технических ресурсов, с которыми можно было предпринимать долгие плавания, поддерживать в плаваниях жизнь, находить направление в незнакомых местах, сохранять и передавать накопленную информацию.

Наш космический наблюдатель начал бы, вероятно, с противоположного конца Евразии, с Китая, откуда в прошлом не раз исходили инициативы, меняющие мир, и где в прошлом перспективы морского расширения в больших масштабах продемонстрировали экспедиции, которые собирали редкости в Индии и Африке и вмешивались в политику юго-восточной Азии и Шри-Ланки (см. выше, с. 503). Но если бы наш наблюдатель продолжал смотреть в том направлении, он был бы разочарован. Чжу Ютан, император Сяо-цзун, унаследовавший небесный мандат в 1487 году, проявил удивительную личную энергию. Он хотел быть совершенным правителем в традициях Конфуция. По его приказу были убиты или изгнаны придворные колдуны предшествовавшего правления. От императорской службы были отстранены тысячи буддийских и даосских монахов. Поставщик порнографии предшествовавшего императора был также отставлен и осужден. Новый правитель проявлял чудеса сыновней преданности, он восстановил все прежние ритуалы, вновь ввел лекции на циновках и поддерживал такие начинания в конфуцианском стиле, как изучение кодексов законов и преобразование управления на основе справедливости. Поэтому его правление стало «эрой добрых чувств» между императором и ученой элитой и источником вдохновения для конфуцианских придворных панегиристов. Понять характер императора можно в спокойной, полной достоинства атмосфере Литературного павильона, который император добавил к храму Конфуция в культовом центре этого мудреца в Чу-фу, или разглядывая некоторые

картины художников, которым он покровительствовал: некоторые клиенты Ву Вей требовали даосских образов, но придворные работы художника совсем иные, на них изображены ученые, медитирующие на едва намеченном ландшафте; эти картины провозглашают торжество конфуцианского идеала над идеей природы, провозглашенной Дао³².

Но времена династии Мин, времена торжества идеалов Конфуция в Китае одновременно стали периодом имперского отдыха. Из фракций, существовавших при дворе, купцы, священники и военные были сторонниками экспансионистских авантур и свободы иностранной торговли. Конфуцианцы же поддерживали политику изоляционизма и провозглашали необходимость расширения империи путем мирного привлечения к ней соседних народов. К тому же в правление Хунчи военные возможности Китая целиком поглощала борьба с восстаниями некитайских племен в провинциях.

Большинство традиционных или потенциальных государств Азии и Африки в 1490-е годы испытывали аналогичные трудности, их расширение сдерживали различные препятствия. В 1493 году сёгун вынужден уйти из Киото, и японский город-двор становится столицей одного из воинственных государств, на которые распалась страна. Юго-восточная Азия, обладавшая огромными имперскими аппетитами во времена Ангкора, Шривиджайи и Маджахапита, стала относительно спокойной, и лишь вьетнамцы реально угрожали соседям.

В Индии ни одно из существующих государств не было способно расширить свои границы. Виджаянагар был прекрасен при Нарашиме, первом правителе недолговечной династии Салюва, но лишь до его смерти в 1493 году. Он, вероятно, начал строительство храмового комплекса Витала к востоку от центра города; но территориальные приобретения при нем кончились³³. Из других государств Индии султанат Дели проявил необычайную агрессивность в правление Сикандара Лоди, который захватил Бихар, но при этом так ослабил государство, что оно не смогло продвинуться к соседям в Раджпут и сопротивляться нашествию Бабура, которое последовало через несколько лет после смерти Сикандара³⁴. В Гуджарате было высокоразвитое торговое судоходство, но

его ленивый султан не делал никаких попыток развивать морской империализм (см. выше, с. 497–498). Персия находилась в упадке, и со времен Тамерлана в Центральной Азии не появлялся вождь, способный угрожать внешнему миру. Мирные морские предприятия Индийского океана развивались очень бурно. Арабские навигационные указания конца XV века охватывают океан от Южной Африки до Южно-Китайского моря. Однако Васко да Гама удалось проникнуть в мир, где было много места для новых покупателей и продавцов, но никакие имперские амбиции не препятствовали использованию моря.

В Африке после смерти в 1468 году негуса Зара Якоба экспансия Эфиопии прекратилась и наступил перерыв в череде гражданских войн; с 1494 года, когда негус Эскендер умер после военного поражения в Аделе, перспективы возрождения были слабыми. Сонгай, объединивший два крупных торговых центра в среднем течении Нигера, мог бы произвести впечатление на космического наблюдателя: в Гао и сегодня можно видеть гробницу Мухаммада Турея; это кирпичная насыпь, ощетилившаяся балками, словно для того чтобы предотвратить жертвоприношения, достойный мавзолей для принца-воина; но, подобно другим империям Сахеля, которые ему предшествовали, Гане и Мали, Сонгай оставался запертым в саванне, где может действовать кавалерия; пустыни и тропические леса создавали для него естественные границы.

С точки зрения космического наблюдателя, и другое перспективное государство Черной Африки — Мвене Мутапа — имело такие же ограничения. Правители этого государства никогда не стремились к непосредственной власти за своими границами. Их страна была богата тканями и солью, слонами и золотом, и их вполне устраивали береговые поселения, которые позволяли торговать через Индийский океан. Между тем (если бы нашего космического зрителя интересовали богатство и великолепие) самым заметным правителем Африки в конце XV века он бы счел Квайт-бея из Египта, хотя эксперименты султана в области алхимии и завершились неудачей; султан мстительно ослепил придворного алхимика Али Ибн-аль-Маршуши за то, что тот не сумел пре-

вратить неблагородный металл в золото. Однако ни одно египетское государство не сумело распространить свое господство на Азию или в глубины Африки. Египет мамелюков не смог с помощью богатства превратить государство в империю, возможно, из-за слабости государственной структуры, которой руководила военная каста, предоставлявшая великолепную легкую кавалерию, но в сфере пехоты и артиллерии зависевшая от наемников и сбора налогов³⁵. Каждая империя должна пройти проверку средой: способна ли она приспособить среду своего обитания так, чтобы та поддерживала территориальное расширение. Ни один африканский правитель того периода не был заинтересован в проведении подобной проверки.

Более впечатляющее расширение привлекло бы внимание космического наблюдателя в западном полушарии, где ацтеки и инки правили двумя наиболее успешными военными государствами. Трудно судить о точности хронологии инков, но в 1490-е годы их империя, вероятно, приближалась к пику своего роста, протянувшись более чем на тридцать градусов долготы от Кито до реки Био-Био и включив в себя почти все оседлые народы и племена района Анд. Длинное узкое государство проходило через множество климатических зон, а поскольку на его территории располагалась высокая и крутая горная цепь, в нем были представлены почти все природные зоны, известные человеку, от высокогорий Анд до побережий и джунглей у их основания. Если бы космический наблюдатель оценивал потенциал в понятиях приспособления к среде, он, несомненно, счел бы инков самыми впечатляющими создателями империи своего времени. Против них говорила бы их техническая отсталость: инки не использовали твердые металлы; но истинная проверка технологии — ее пригодность в свое время и на своем месте, а с этим у инков все было в порядке.

Их центральноамериканский эквивалент, ацтеки, не столь жестко контролировали зависимые от них племена, но и их гегемония к 1490-м годам заметно усилилась. Это было правление Ауицотля, которого в колониальные времена вспоминали как величайшего из ацтекских завоевателей. Ему приписывали покорение сорока пяти общин от реки Пунако на

севере до Ксоконоско на тихоокеанском побережье, там, где теперь граница Гватемалы, — на юге. Его армии стремительно преодолевали во всех направлениях тысячи миль страшно пересеченной местности. Они действовали в средах почти столь же разнообразных, как у инков, что отражено в перечнях дани, которую получала столица ацтеков Теночтитлан: какао и хлопок доставлялись с низин на спинах сотен тысяч носильщиков; сюда же поступали экзотические дары леса вроде плодов дерева кецаль и шкур ягуаров, редкие раковины с побережья Мексиканского залива, нефрит и янтарь, медь и благовония с далекого юга, золото из Мексики и оленьи шкуры и курительные трубки для табака из-за гор (см. выше, с. 357–359).

Мало государств «Старого Света» могут поспорить с этими американскими гегемониями в стремительности и масштабах расширения и разнообразии сред. В Западной Европе морские империи конца Средневековья находились в расстройстве и упадке: барселонская династия прервалась, правление перешло в чужие руки, и государство ослабло и уменьшилось; закончились времена республики Генуя, и генуэзские купцы довольствовались тем, что богатели под иностранным владычеством. Венеция все более последовательно обращалась к собственной *terra ferma**. Основные сухопутные государства прошлого: Великобритания, Польша, Венгрия — отказались от имперских притязаний или встретили сильных противников. Кастилия в этом десятилетии необычайно быстро росла, но завоевание Гранады и Канарских островов могло показаться космическому наблюдателю бесперспективным и чересчур трудоемким, а приобретение Эспаньолы и Мелильи — малозначительным. Португалия не сделала никаких территориальных приобретений, если не считать колонизации островов в Гвинейском заливе отрядами отчаявшихся изгнанников и беженцев³⁶. Франция была в этот период самым быстро расширяющимся европейским государством, но действия Карла VIII в Италии, стратегически неразумные, отвлекали от более перспективных границ и свергали Францию в тяжелые войны.

* Суша, земля (*лат.*).

Только государства на восточном краю Европы проявляли агрессию и динамизм, достаточно заметные, чтобы произвести впечатление на космического наблюдателя: Московия и, возможно, Османский султанат. 1490-е годы часто считаются перерывом в завоеваниях Османской империи, потому что в начале этого десятилетия мамелюки остановили продвижение армий Баязида II на спорной сицилийской границе. Однако с турецкой точки зрения это был несомненный успех, потому что он подорвал имперские претензии мамелюков, стремившихся стать повелителями всех правоверных. Турки использовали возможность реорганизации своих сил. Когда Османская империя и мамелюки сошлись в следующей войне, преимущество турок было очевидно, а исход неизбежен. Аналогично военные кампании Баязида на границах с Венгрией и Польшей на протяжении 1490-х годов сопровождались скромными вторжениями на чужие земли и не дали никаких территориальных приобретений, но лишь потому, что военные действия велись в карательных, предупредительных или сдерживающих целях и небольшими силами; если бы турки нацеливались на большие приобретения, они могли бы выставить гораздо более мощные и многочисленные армии. Практической их целью была демонстрация силы.

Большее значение имели события исхода десятилетия, когда Баязид начал успешную морскую войну с Венецией, используя самые большие военные корабли, какие только были известны на Средиземном море (см. выше, с. 432). Османское государство на средиземноморской арене было неопытным новичком, а Венеция — одним из старейших и наиболее успешных морских государств; но преимущество турок с самого начала военных действий было очевидным. Они прорвали объединенный венецианско-французский флот, вошли в Коринфский залив и захватили Лепанто. Война, продолжавшаяся все следующее десятилетие, дала туркам три ощутимых и долговременных преимущества: у них появилась своя средиземноморская империя, они господствовали на всем Восточном Средиземноморье вплоть до Лепанто и — прежде всего — доказали свою удивительную приспособляемость³⁷. Стоит повторить: с тех пор как римляне неохотно вышли в море, чтобы покорить Карфаген, примеров такого

успешного овладения моря сухопутным народом не было. Если бы космического наблюдателя попросили отметить потенциально значительное морское событие десятилетия, он скорее указал бы на начало морского господства Оттоманской империи, чем на блуждания скромной флотилии Васко да Гамы.

На суше в конце XV века самым стремительно расширяющимся государством стала Московия. В правление Ивана III Московское княжество (если можно измерять государство с размытыми и неопределенными границами) выросло с 73 тысяч до 230 тысяч квадратных миль. Обычно историки сосредоточивают внимание на подчинении Иваном III Новгорода и на войнах с Казанью и Литвой; но в 1490-е годы взгляд космического наблюдателя устремился бы к другим границам — на промерзший север, в «землю тьмы», где скрывались огромные богатства. В следующем столетии меха стали для Московии тем же, чем были пряности для Лисабона, — сокровищем, которое доставляли с границ империи исследователи, завоеватели и отчаянные купцы. Дорога на север, в землю добытчиков мехов, проходила по реке Вымь по направлению к Печоре — эту дорогу проложил в конце XIV века Стефан Пермский. В погоне за мехами миссионеров сменили военные: их старания возрастали по мере того, как удавалось отстранить от торговли мехами казанских купцов. В 1465, 1472 и 1483 годах Иван посылает экспедиции в Пермь и на Обь за данью — собольими мехами, но самым значительным стало вторжение 1499 года. Близ устья Печоры был основан город Пустозерск: на всем протяжении завоевания русскими Сибири их успех измеряется количеством построенных городов. Армия, предположительно численностью в четыре тысячи человек, с санями, запряженными оленями и собаками, зимой перешла по льду Печору и достигла Оби за Полярным Уралом, вернувшись оттуда с тысячей пленных и огромным количеством мехов. Посол Ивана в Милане говорил, что у его господина собольих и горностаевых мехов на миллион золотых дукатов³⁸.

Это было лишь скромное начало российских завоеваний в Сибири. До 1580-х территории за Уралом не были постоянными владением: граница по Оби оставалась таинственным

местом; Зигмунд фон Герберштейн во время своего посещения Москвы в 1517 году слышал *mirabilia** «о немых людях, которые умирают и снова возрождаются, о Золотой Бабе, о людях чудовищного обличья и рыбах, похожих внешне на людей»³⁹. Тем не менее первая большая кампания на Оби несомненно была началом чего-то значительного. Морские империи, основанные западноевропейскими государствами по следам Колумба, Кабота и Васко да Гамы, исчезли. Поистине из всех европейских империй, основанных в начале современного периода, уцелела только Российская империя в Сибири; ее потенциал и сегодня далеко не освоен. И если космическому наблюдателю судьба югры в 1490-е годы покажется более интересной, чем участь араваков или кои-кои, кто может сказать, что он не прав?

Плавание Васко да Гамы

Исторические даты обычно отмечают без оглядки на научные данные. Несомненно, современная относящаяся к рассматриваемой проблеме наука по крайней мере со Второй мировой войны, а в некоторых отношениях — и со времен Первой⁴⁰, значительно снизила оценку, обычно дававшуюся плаванию Васко. Причины, делавшие это плавание столь памятным, при научном рассмотрении оказались несостоятельными.

Западный империализм в Индийском океане времен Васко да Гамы сегодня считается незначительным явлением, и «эра Васко да Гамы» в этой части света ничем особенным не отличается от предыдущего периода. Местные империи и торговые государства продолжали господствовать и оставались в основном нетронутыми, а европейское владычество ограничивалось — по крайней мере еще и в значительной части XVII века — отдельными местами, что не меняло общей картины: в этой картине колонизация была «призрачной» и осуществлялась больше по частным инициативам⁴¹. Даже в XVIII веке вторжение европейцев в Азию почти не

* Рассказы о необыкновенном, необычном (*лат.*).

угрожало «равенству цивилизаций». Европейские купцы, проникшие в Индийский океан, обогнув мыс Доброй Надежды, сейчас считаются похожими на своих древних и средневековых предшественников, которые обычно проникали туда по Нилу и по Красному морю: они вливались в существующую торговую сеть, обслуживали местные рынки и поставщиков и в худшем случае вызывали лишь местные и временные диспропорции. Только в XVII веке ситуация коренным образом изменилась — Голландская Ост-Индская компания проложила первый новый маршрут через океан, захватила монополию в поставке важнейших продуктов и в конце столетия перешла к избирательному контролю над производством, а не только над торговлей; но приписывать эту революцию Васко да Гаме неуместно.

Преувеличена и отвага Васко да Гамы-исследователя. Легко представить себе общеизвестные сведения о его экспедиции таким образом, что они порочат ее командира. Его знаменитый уход в глубины Южной Атлантики может считаться беспрецедентным по длительности для европейских мореплавателей. Но продемонстрировал он скорее смелость, чем предусмотрительность. Можно предположить, что Васко сделал этот крюк, чтобы поймать ветер, который унесет его за мыс Доброй Надежды. На самом деле он ошибся в определении широты, слишком рано повернул на восток и в результате приплыл не к тому берегу Африки. Затем ему пришлось бороться со встречными течениями, которые потащили его назад и едва не заставили вообще повернуть обратно. Хотя он добрался до Индийского океана по новому маршруту — насколько нам известно, до него никто не плывал этим путем, — сам океан он, следуя указаниям местного лоцмана, пересек по линии, известной уже много столетий. Добравшись до Индии, да Гама поставил под угрозу всю будущую европейскую деятельность и торговлю, по ошибке приняв индусов за христиан и оскорбив хозяина так сильно, что, по словам современника, «вся земля желала ему зла». На обратном пути он безрассудно не прислушался к советам местных моряков и рискнул исходом плавания, отправившись на запад в августе, перед самым сезоном сильных штормов. На протяжении всей экспедиции его людям приходилось сно-

сильные тяготы, что почти половина погибла; в какой-то момент на кораблях оставалось по семь-восемь дееспособных членов команды, а в январе 1499 года, вблизи Момбасы, из-за недостатка моряков один корабль пришлось бросить⁴².

Не обладал Васко и привлекательным нравом. Принадлежащие ему — исключительно деловые — бумаги написаны невыразительным канцелярским стилем. Даже в эпоху своего величия, став адмиралом, графом и вице-королем, он оставался молчуном и не вызывал восторга у окружающих. Биографы поэтому старались опираться на легенды: золотую — о смелом первопроходце, превосходившем всех современников, и черную — о безжалостном, хищном империалисте. В действительности он не был ни героем, ни злодеем, просто вспыльчивым провинциалом, лишенным вкуса к придворной жизни; *hovegeau*^{*}, вознесшимся в непривычное величие; козлом отпущения, которому неожиданно повезло: по настоянию тех, кто надеялся, что он потерпит неудачу, ему поручили возглавить плавание. Он был ксенофобом, пересаженным в тропики, современником Ренессанса, не понявшим его сути и потому развивавшим торговлю с помощью кровопролития.

Во всяком случае плавание Васко никак нельзя считать важнейшим событием в истории Индийского океана. Если мы задумаемся о некоторых событиях в истории океана, который мы уже посещали в этой книге: о великих неведомых гениях или авантюристах, первыми начавших плавание по Аравийскому морю и связавших цивилизации Шумера и Индии; или о неизвестных пионерах прямого сообщения между Аравией и Китаем; о тех, кто доставлял в Аксум или на Танганьiku китайские изделия, которые находят археологи; о так называемых мореплавателях вак-вак, которые с юго-восточными пассатами пересекли океан и основали австронезийские колонии на берегах Мадагаскара и восточной Африки до начала нынешнего тысячелетия; о тех, кто первым проложил маршрут через Мальдивские острова и дал возможность за девять месяцев совершать коммерческое плавание из Китая в Персидский залив и обратно; о последнем плавании Чен Хо, которое ознаменовало конец китайского

^{*} Мелкопоместный дворянин (*фр.*).

морского империализма; или — уже после Васко — о голландских мореплавателях начала XVII века, открывших неизвестный прежде маршрут от мыса Доброй Надежды до островов Пряностей (Молукских островов), пролегавший поперек пассатов; или о первых героических плаваниях пароходов, которые в прошлом столетии свергли или по крайней мере ограничили власть ветров, — если мы вспомним о них, то поймем, что на место рыцарей, изменивших историю океана, есть немало претендентов и некоторые из них заслуживают этого гораздо больше Васко.

Конечно, во многих отношениях значение плавания Васко по-прежнему очень велико. Для Португалии, для Западной Европы, для Бразилии и соседних с ней регионов, для многих районов западной и южной Африки это плавание имело огромные последствия, куда более значительные, чем для Индийского океана. Когда Васко отправился в путь, цель, к которой он стремился, не имела ничего общего с изменением мира, зато его плавание должно было избавить португальцев от сознания своей неполноценности. Король, напутствуя Васко и его капитанов, выразился в своей речи очень определенно. «Я хочу как можно больше увеличить наследие своего королевства, чтобы иметь возможность более свободно вознаграждать каждого подданного за его службу». Он также выразил надежду, что «Индия и другие части восточного мира» примут христианскую веру и потому «мы получим Его награду и славу и честь среди людей». Он говорил о королевствах и богатствах, «возвращенных из рук варваров», и ссылаясь на сокровища, описанные древними авторами и уже накопленные Венецией, Генуей, Флоренцией «и другими великими городами Италии»⁴³.

Португалия добилась части последствий, к которым стремилась, и с тех пор рассматривается в мире как пионер западной цивилизации (что хорошо) и авангард западного империализма (что во всяком случае двусмысленно). Именно здесь — на берегах и на просторах Атлантики — сильно ощущается наследие Васко. Если хотите увидеть последствия его достижений, это можно сделать и на Востоке: линия небоскребов Гоа в стиле барокко, рухнувшие укрепления Малакки⁴⁴, растрескавшиеся гербы над входами в дома Кам-

бея⁴⁵, уцелевший фасад исчезнувшей церкви в Макао. Но чтобы увидеть живые, самые важные следствия этого плавания, нужно отправиться в Копакабану или Каскию, в Лиссабон или Луанду. Хотя последствия вторжения Васко в Индийский океан на деле скромнее, чем считалось раньше, это плавание несомненно оказало огромное влияние на историю Атлантики, ибо связало те примитивные области обмена, которые только начинали испытывать воздействие дальних плаваний по сравнению с водным пространством, где существовала более старая и богатая зона торговли. Выявив природу системы ветров Южной Атлантики, плавание Васко создало предпосылки для установления морской связи Европы с Африкой и той частью Южной Америки, которая прежде оставалась недоступной.

Наиболее известные объяснения причин всемирного распространения европейской цивилизации не принимают во внимание существенную роль, сыгранную расположением материка по отношению к Атлантике. Традиционный подход заключается в перечислении элементов превосходства в общественном устройстве, экономике, техники или — в общем и целом — в культуре Западной Европы. Говорится, например, о техническом превосходстве западных методов навигации, ведения военных действий и организации экономики — но первая из таких величайших, раскинувшихся на весь мир империй, Испания, создавалась без тех промышленных технологий, которыми впоследствии, правда на короткое время, Европа овладела монопольно. Прибегают к социокультурным объяснениям в стиле Вебера: различия в системе ценностей делают одни народы более склонными к торговле и созданию империй, чем другие; но есть, например, что-то определенно неверное в обращении к «конфуцианским ценностям» для объяснения таких разнородных явлений, как ослабление морского империализма Китая в XV веке, развитие китайской торговли в XVIII веке и бизнес-империализм «восточных тигров» в XX столетии. Недостаточно заявить, что море послужило причиной упадка на Востоке — оперируя конфуцианской низкой оценкой мореплавания, отношением к нему как к «осквернению касты», несмотря на то, что подобное отношение было облагораживающим стимулом для рыцар-

ских приключений в западной традиции; вообще существует большое количество исключений из общего правила. Часто говорят, что азиатские государства были в целом враждебны торговле: обобщение неубедительное, когда оно применяется к столь обширному и разнообразному миру, включающему государства, активно занимавшиеся торговлей. Можно подумать, что купцы Индийского океана были пресыщены ограниченными возможностями и их плавания удовлетворяли лишь потребности внутриокеанской торговли. Хотя в этом утверждении содержится некое подобие истины, в то же время отказ замечать возможности дальнейшего обогащения кажется совершенно несовместимым с торговой профессией. Напротив, раннее появление западноевропейских исследователей и конквистадоров считалось реакцией на относительную бедность, наподобие отчаянных усилий сегодняшних «развивающихся государств» использовать оффшорные ресурсы.

Я не намерен отвергать все эти разнообразные полезные объяснения и многие другие подобного же типа — просто я говорю о том, что подозревают все исследователи, работающие в этой области: этих объяснений недостаточно. Нам приходится признать, что Атлантика — особый океан и что атлантическое расположение, особенно в Западной Европе, дает преимущества, которые нигде больше не достижимы. Если Индийский океан — это море, в котором внимание мореплавателя направлено внутрь, на систему муссонов и на торговые пути между поясами бурь, атлантические пассаты устремлены ко всему остальному миру. Маршрут, открытый Колумбом, связал густонаселенную центральную полосу Евразии, которая тянется от восточного края материка до атлантического побережья, с окружением великих цивилизаций Нового Света, располагавшегося за пределами досягаемости, по другую сторону океана. На маршруте, которым первым прошел Васко да Гама, атлантические ветры увлекали корабли в ревущие сороковые широты, которые продолжают в Индийском океане и окольцовывают весь мир. Относительный застой Индийского океана и глобальное буйство океана Атлантического неизбежно следует объяснять с точки зрения географического детерминизма — тиранией

ветров. Морякам потребовалось много времени, чтобы расшифровать атлантический код ветров, но, когда эта задача была решена, ветры понесли их в другие океаны, к другим культурам. И наша следующая задача — воссоздать этот процесс.

Сегодня Атлантика все больше уступает ведущую роль Тихому океану, который превращается в величайшую дорогу мира — эту роль некогда играл Индийский океан. Но если развитие будет ускоряться, упомянутая роль и Тихому океану достанется ненадолго. Можно попробовать догадаться, какой океан в будущем станет определяющим фактором развития цивилизаций (см. ниже, с. 687). А пока — в сравнении с тем долгим периодом, когда мировая история формировалась под воздействием торговых маршрутов Индийского океана — и Атлантический, и Тихий океаны кажутся выскочками, приобретшими всемирное значение лишь на короткое время. Тем, кто сегодня пытается воспитать сознание общности интересов и чувств у народов, живущих на берегах Индийского океана и в приморских районах Азии, не на что жаловаться, даже если им кажется, будто в наши дни Атлантический и Тихий океаны «затерли» Индийский. Когда созданные моим воображением хранители галактического музея с огромного расстояния во времени и пространстве посмотрят на наш мир, они увидят, как долго и надежно Индийский океан служил главным путем торговли и взаимовлияния культур, и признают, несмотря на события недавней истории, Индийский океан самым влиятельным океаном мира.

16. Переплывая Атлантический океан

Возникновение атлантической цивилизации

Распространение культуры из Европы в Америку и наоборот

Ведь по свидетельству наших записей, государство ваше положило предел дерзости несметных воинских сил, отправлявшихся на завоевание всей Европы и Азии, а путь державших от Атлантического моря. Через море это в те времена возможно было переправиться, ибо еще существовал остров, лежавший перед тем проливом, который называется на вашем языке Геракловыми столпами. Этот остров превышал своими размерами Ливию и Азию, вместе взятые, и с него тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов — на весь противоположащий материк, который охватывал то море, что и впрямь заслуживает такое название (ведь море по эту сторону упомянутого пролива является всего лишь заливом с узким проходом в него, тогда как море по ту сторону пролива есть море в собственном смысле слова, равно как и окружающая его земля воистину и вполне справедливо может быть названа материком). На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возникло удивительное по величине и могуществу царство, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка, а сверх того, по эту сторону пролива они овладели Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Тиррении. И вот вся эта сплоченная мощь была брошена на то, чтобы одним ударом свергнуть в рабство и ваши и наши земли и все вообще страны по эту сторону пролива. Именно тогда, Солон, государство ваше явило всему миру блистательное доказательство своей доблести и силы: всех превосходя твердостью духа и опытностью в военном деле, оно сначала встало во главе эллинов, но из-за измены союзников оказалось предоставленным самому себе, в одиночестве встре-

тилось с крайними опасностями и все же одолело завоевателей и воздвигло победные трофеи. Тех, кто еще не был поработан, оно спасло от угрозы рабства; всех же остальных, сколько ни обитало нас по эту сторону Геракловых столпов, оно великодушно сделало свободными. Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину.

Платон. Тимей

Происхождение европейской Атлантики¹

Однажды я читал в Бостоне лекцию о том, как испанцы обращались с туземными народами своей империи. После лекции в публике поднялся мэр и спросил, не считаю ли я, что англичане обращались с ирландцами еще хуже. Влияние ирландского наследия в Бостоне — одно из многих свидетельств того, что, оказавшись в Новой Англии, вы чувствуете себя на берегу все того же пруда и все той же культуры, которые оставили позади; все это перебралось на другой берег, почти не изменившись и не утратив в пути своей идентичности. Здесь, в Провиденсе, штат Род-Айленд, где я пишу эти строки, единственный иностранный консул — португалец; я живу недалеко от пекарни, где по утрам покупаю сладкий хлеб на завтрак или *pasteis de Tentúgal* к чаю. На соседней парковке висит знак «Не паркуйтесь, если вы не португалец». Легко вспомнить родину предков и их печали.

По всему здешнему побережью разбросаны места, населенные исключительно португальцами или ирландцами, здесь все напоминает родину и смотрит назад, через океан. Эти районы окружены другими, с иными трансатлантическими воспоминаниями и традициями. В некоторых отношениях Новая Англия соответствует данному выше определению морской цивилизации: узкое приморское побережье,

культура которого сформирована морем (см. с. 402); но это и нечто большее — это часть цивилизации двух побережий, которые смотрят друг на друга.

Небольшие общины тянутся за Атлантический океан. То же происходит с ощущением принадлежности к единой цивилизации. Когда сегодня говорят о «западной цивилизации», обычно имеют в виду атлантическую общность, включающую часть Западной Европы и большую часть Америки. Создание этого мира по обе стороны океана явилось любопытным отклонением в истории цивилизации. Другие цивилизации, выходя за пределы территории своего возникновения, делали это постепенно, понемногу продвигались по соседним районам или преодолевали узкие моря, перекидываясь с острова на остров или от одного торгового центра к другому. Даже необычайно ранняя история Индийского океана как основы цивилизаций подтверждает такой образец, поскольку это происходило в океане, который в отличие от остальных можно пересечь, переходя от гавани к гавани, от одного безопасного берега к другому: моряки, находившие кратчайшие пути через океан, знали, куда направляются. Перемещение народов, обычаев, вкусов, образа жизни и ощущения принадлежности через пространство такого океана, как Атлантический (берега этого океана взаимно недоступны, если не прибегать к долгому плаванию в открытом море или полету по воздуху) было, когда оно началось, явлением беспрецедентным.

Чтобы овладеть океанской средой, необходимо проникнуть в тайны ее ветров и течений. На протяжении всей эпохи парусных плаваний — то есть по существу на протяжении почти всей истории человечества — географии принадлежала абсолютная власть в определении того, что может человек в море: по сравнению с ней культура, идеи, гениальность и харизма отдельных людей и все прочие двигатели истории играли лишь незначительную роль. Большая часть наших объяснений того, что происходило в истории, страдает избытком теплого воздуха и недостатком ветра.

В Атлантике господствует система пассатов, то есть регулярные преобладающие ветры дуют в одном и том же направлении независимо от времени года. От северо-западного

угла Африки до широты в несколько градусов выше экватора весь год дуют пассаты, они уводят к землям вокруг Карибского моря; летом эти ветры заходят еще дальше на север, их можно отчетливо ощутить на юго-западных берегах Иберийского полуострова. Благодаря северо-восточным пассатам морские общины в устьях Тежу и Гвадалквивира имели по сравнению с другими областями морской Европы привилегированный доступ к большей части остального мира. Огромные размеры Испанской и Португальской империй времен парусного мореходства отчасти объясняются именно этим благоприятным обстоятельством. В южном полушарии тот же образец отражается почти зеркально, ветры связывают Южную Африку с Бразилией. Как и северо-западные пассаты, южные при приближении к экватору направляются более строго на восток. Между этими двумя системами вдоль экватора или чуть севернее его пролегают почти безветренные широты, которые получили название экваториальной штилевой полосы. За широтами пассатов в обоих полушариях дуют западные ветры. В южном полушарии они особенно сильны и постоянны.

Из этого регулярного расписания есть три крупных исключения: на сгибе Африканского локтя, в Гвинейском заливе, ветер, подобный муссону, большую часть года высасывает воздух из Сахары, превращая низ Африканского выступа на западе материка в опасный подветренный котел. В северной полосе западных ветров кратковременная весенняя перемена ветра на восточный помогает объяснить, почему в период парусного мореплавания британский империализм сумел захватить большую часть Северной Америки. На далеком севере, за Британскими островами, западные ветры не так сильны и существует система течений, действующая по часовой стрелке; в этой системе преобладает течение Ирмингера, которое южнее Полярного круга уходит на запад от Скандинавии: это объясняет, что позволило норвежским мореплавателям добраться до Фарерских островов, Исландии, Гренландии и части Северной Америки. Мореплаватели, которые хотели наилучшим образом использовать систему ветров, могли воспользоваться другими течениями. Например, тем, кто следует из Европы в район Карибского моря, помо-

гает Гольфстрим, открытый в 1513 году испанским исследователем, искавшим «источник юности»²; это течение связывает северо-восточный маршрут пассатов с западными ветрами, дующими в обратном направлении. Бразильское течение, проходящее вдоль берегов Южной Америки, идет поперек юго-восточных пассатов, уменьшая опасности плавания у подветренного берега.

Рассматриваемая в целом система ветров напоминает текст, записанный несколькими шифрами. Один из этих шифров был в 1490-е годы разгадан сосредоточенными усилиями сразу нескольких мореплавателей, вслед за тем были быстро прочитаны и остальные. Однако предыдущие усилия были долгими и трудными, ведь ранние исследователи, чей кругозор ограничивался небольшими участками океана, где господствовали как будто неизменные ветры, походили на шифровальщиков, получивших для работы лишь часть текста. Только длительный сбор информации и накопленный опыт позволили добиться прорыва. Но и тогда понадобилось внезапное почти чудесное озарение, чтобы расколоть систему и начать быстро ее расшифровывать.

Атлантический океан широк, но впервые его пересекли лишь потому, что считали узким. Человек, который положил начало активной фазе освоения океанов, верил, что Атлантический океан узок; это был Христофор Колумб. Как и многое другое в его сознании, это убеждение было иррациональным или суеверным — торжеством желания над разумом; но именно оно внушило ему уверенность и позволило сделать то, что не удавалось его предшественникам. Роль Колумба, хотя и уникальная, разумеется, вписана в сеть интересных контекстов. Наиболее заметный и поразительный из них тот, что сразу бросается в глаза: плавания Колумба — часть огромных достижений Европы в 1490-е годы. Этот прорыв оправдывает репутацию исхода XV века как одного из ключевых моментов в истории человечества — ведь хотя превосходство атлантической цивилизации, вероятно, уже стало кратковременным эпизодом нашего прошлого, невозможно представить себе настоящее без него — а следовательно, без первых трансатлантических плаваний, заложивших основу маршрутов, на которой и обрел форму атлантический мир.

Внезапный скачок позволил преодолеть океан и открыл доступ ко всем частям света — в особенности к зоне огромного коммерческого и имперского потенциала в Америке и Азии. Это событие и фон, на котором оно происходило, требуют пристального внимания: их важность в истории цивилизаций фундаментальна, и вопреки огромному количеству написанного по этой теме, а может, именно по этой причине они все еще остаются не вполне понятыми.

Великий атлантический прорыв непосредственно связан с тремя плаваниями (если не трогать предполагаемые более ранние путешествия, сведения о которых либо вовсе отсутствуют, либо сомнительны). Первым стало плавание Колумба в 1493 году: он пересек Атлантический океан и проложил жизнеспособные, пригодные к эксплуатации маршруты через центральную часть Атлантики до Америки и обратно — маршруты, которые никто не сможет улучшить за все время существования парусного флота. (Более раннее плавание Колумба 1492 года я считаю второстепенным, потому что маршрут, открытый в этом плавании, оказался неудовлетворительным, и его больше никогда не пытались освоить.) Вторым было плавание Джона Кабота в 1496 году из Бристоля на Ньюфаундленд и обратно: так возник путь по морю в Северную Америку, с использованием восточных ветров, дующих весной: в то время этот маршрут не очень ценился, но в конечном счете именно он стал главной дорогой к огромной имперской территории и наиболее используемой «новой Европе», созданной в начале современного колониционного периода (см. выше, с. 561). Наконец, первое плавание Васко да Гамы в Индию проложило маршрут через полосу юго-восточных атлантических пассатов к области западных ветров на далеком юге. В последующей мировой истории мало что можно понять, если не рассматривать эти плавания в контексте всего западноевропейского мореходства.

Общим следствием этих трех плаваний стала расшифровка системы атлантических ветров. Теперь, вместо того чтобы быть препятствием на пути экспансии европейских народов в сторону моря, океан превратился в средство доступа к ранее недоступным империям и рынкам. Европейский

запад получил возможность расширяться за свои исторические границы. Вклад Кабота был относительно невелик: Кабот расшифровал маргинальный, но полезный участок кода ветров. Колумб навсегда связал противоположные берега Атлантики, но последствия его плавания этим ограничились — к его разочарованию, поскольку ему не удалось добраться до богатых торговых районов Азии. Васко добыл ключ к Южной Атлантике — расшифровал схему юго-восточных пассатов и ревущих сороковых, которые, пройдя по всему югу Атлантики, переходят в Индийский океан и дальше — в Тихий. В конечном счете именно его открытие имело самые далеко идущие последствия — ведь юго-восточные пассаты давали возможность достичь Южной Америки и Азии, а западные ветры юга опоясывают весь земной шар; на всем последующем протяжении парусного века именно они определяли самые оживленные торговые маршруты.

Коротко говоря, прорыв 1490-х сделал возможной атлантическую цивилизацию: моряки смогли установить надежное регулярное сообщение между западными берегами Старого Света и восточными берегами Нового. Атлантический океан, который на всем протяжении письменной истории был преградой, теперь превратился в звено связи.

После столь длительного периода отсутствия активности и достижений у морских общин на берегах океана эта перемена кажется поразительной (см. выше, с. 451–455). Прошедшее лучше оценивать на фоне почти непостижимо *longue durée** истории из одиннадцатой главы, которую мы не закончили (см. выше, с. 460). Примерно тысячу лет назад проникновение вначале римской культуры и завоеваний, затем (медленно, но верно) христианства превратило атлантическую дугу Европы во внешний край того, что историки называют западным христианством — преемником цивилизаций Греции и Рима, для которого характерно использование латыни как универсального языка науки, образования и ритуалов и христианские обряды согласно традиции, сохранившейся в Риме. Это была замечательная цивилизация, добив-

* Долговременный (*фр.*).

шаяся в искусстве и науке достижений, которые и сегодня высоко ценятся в Западной Европе. Но этой цивилизации некуда было расширяться.

На картах мира того времени она занимала внешний край. Ученые Персии или Китая, уверенные в превосходстве собственных научных традиций, едва упоминают в своих работах христианскую цивилизацию³. Усилия распространиться на восток и на юг — по суше в Восточной Европе или по Средиземному морю в Азию и Африку — принесли определенные плоды, но в целом были пресечены или остановлены болезнями и сильными морозами⁴. На севере и западе, близ наиболее открытых берегов, моряки могли исследовать лишь узкую полосу океана — мешали встречные западные ветры. В некоторых общинах развились местные и региональные морские культуры, в частности, имели место случаи группового рыболовства в открытом море: это были школы, опытом которых воспользовались мореплаватели 1490-х годов; здесь строились их корабли и набирались экипажи. Далекие выходы в океан изредка совершали норвежские моряки и колонисты в Средние века и исследователи и поселенцы архипелагов восточной Атлантики в XIV и XV веках. Пользуясь северными течениями, которые вели через океан, моряки из Скандинавии и Ирландии в IX веке открыли для колонизации Исландию, а в XI Гренландию. До середины XIV века исландцы плавали на материк Северной Америки. Однако с уничтожением колонии на Гренландии (см. выше, с. 82) самые дальние такие плавания прекратились.

Между тем, когда в XIII веке началась продолжительная зафиксированная в письменных документах история эксплуатации Атлантики, ни одна из морских общин океанского побережья не принимала участия в ее создании. Европейское открытие Атлантики было предприятием, организованным в глубине Средиземного моря, главным образом моряками Генуи и Майорки, которые, преодолев встречные течения в Гибралтарском проливе, открыли выход из своего моря. Там одни из них занялись знакомой торговлей на севере; другие повернули на юг, в неизведанные — насколько нам известно, испокон века — воды к атлантическому по-

бережью Африки и к островам Мадейры и Канарским. Именно этим маршрутом, например, в 1291 году поплыли братья Вивальди, первые исследователи, чье имя известно; они отправились «искать Индию за океан», тем самым на два столетия опередив замысел Колумба и сформулировав его в тех же терминах. С тех пор о них никто ничего не слышал, но они вдохновили других моряков на плавания, в результате которых Канарские острова стали «так же хорошо известны» Петrarке — он утверждал это в 1330-е годы, — «как Франция»⁵.

На протяжении всего XIV века продолжались подобные плавания, сосредоточенные в основном на поисках источников торговли золотом в Сахаре (см. выше, с. 100, 134). Всего несколько документов позволяют нам увидеть неясные фигуры, о которых хотелось бы знать гораздо больше: Ланцаротто Малеколло из Генуи, который до 1339 года построил башню на острове, все еще называемом в его честь Ланцароте; Гийом Сафон, моряк с Майорки, чья просьба о вознаграждении является единственным источником знаний о плавании 1342 года; Луи де ла Серда, лишенный наследства отпрыск Кастильского королевского дома, которого папа назвал «Принцем удачи» и которому предоставил в 1344 году право основать собственное королевство на Канарских островах; Хайме Феррер с Майорки, погибший в 1346 году в районе мыса Джуби, где он искал «золотую реку»; и францисканские миссионеры конца XIV века из епископства Тельде на Канарских островах — а также перебившие их туземцы⁶.

На обратном пути, двигаясь против ветра моряки, у которых не было решительно никакой возможности определять свою долготу, все дальше углублялись в океан в поисках западных ветров, которые помогли бы им вернуться домой. Эти рискованные поиски вознаградило открытие Азорских островов — архипелага посреди океана, более чем в семистах милях от ближайшей суши. С 1380-х годов на морских картах вполне узнаваемы все, кроме двух, острова этой группы. Этот этап недооценивается в существующей литературе, но на деле он имел огромное значение: начались плавания беспрецедентной для Европы длитель-

ности в открытом море; с 1430 годов, когда на Азорах открылся промежуточный порт, куда завезли овец и где выращивали пшеницу, такие плавания становятся вполне обычными⁷.

Тем не менее подлинно атлантической цивилизации — такой, которая использует Атлантический океан как главное средство сообщения, — речи не было до установления регулярных трансатлантических маршрутов. Самая перспективная область поисков пути через океан располагалась в полосе северо-восточных пассатов. Но пересечь коридор пассатов по всей его ширине было делом опасным и устрашающим. Никто не знал точно, насколько широк этот коридор и что лежит за ним. Загадочное место на картах оставалось пустым или заполнялось вымышленными островами, или землями из классических легенд, созданными воображением картографов: землей антиподов, неведомым континентом, существование которого предполагалось в теории, дабы восстановить симметрию планеты (этот материк якобы воспроизводил на «темной стороне» очертания известных континентов), или Гесперидами, где совершил один из своих подвигов Геракл, или в той или иной форме всплывшей Атлантидой⁸.

На протяжении XV века не раз пытались исследовать Атлантический океан по всей его ширине, но эти попытки были заранее обречены, поскольку предпринимались в полосе западных ветров — мореплавателям хотелось обеспечить себе гарантированный возврат. Мы можем проследить за сделанными тогда небольшими открытиями по сохранившимся редким картам и документам. Например, есть карта плавания 1427 года португальского моряка Диего де Сильвеса, о котором вообще больше ничего не известно; эта драгоценная запись едва не погибла, когда Жорж Санд в период своего увлечения Шопеном рассматривала ее и случайно залила чернилами. Сильвес первым определил взаимное расположение Азорских островов, обеспечив безопасность последующим поколениям моряков⁹. В середине столетия были достигнуты самые западные острова архипелага. На протяжении последующих трех десятилетий португальский двор организовал несколько экспедиций в Атлан-

тику, но о достижениях этих экспедиций нам ничего не известно — возможно потому, что они отплывали от Азорских островов и западные ветры гнали их обратно. Лишь очень внимательный наблюдатель заметил бы эти пробные усилия, послужившие основой для прорыва 1490-х годов. В некоторых отношениях это напоминало выпадение через порог: потребности в особых новшествах не было, поскольку знания и практический опыт европейских моряков накапливались понемногу, шаг за шагом, пока творцы атлантического прорыва не обнаружили, что оказались на другом краю неведомого пространства. Атлантическому прорыву несомненно предшествовала длинная цепь ничем не примечательных перемен, благодаря которой моряки все дальше уходили в океан.

Западноевропейская морская инициатива обычно неверно толкуется как уникальная. На самом деле XV век по непонятным причинам стал эпохой оживления интереса к морским исследованиям во всем мире. Наиболее известный случай — выход Китая в Индийский океан. Между 1405 и 1433 годами грозные экспедиции адмирала Чен Хо достигли Джидды и Занзибара и произвели несколько имперских вторжений на берега Индийского океана. В первой экспедиции участвовало 27 780 человек, они плыли на шестидесяти двух самых больших из когда-либо построенных джонках и 225 кораблях поддержки. Последняя экспедиция преодолела 12 618 миль. Китайцы уничтожили пиратское царство в Шривиджае, основали марионеточное государство в Малакке, устраняли и сажали на трон королей в Шри-Ланке, а на Суматре свергли вождя, который отказался платить Китаю дань. «Страны за горизонтом во всех концах земли теперь покорны нам», — провозгласил адмирал¹⁰. Тем временем оттоманские турки постепенно создавали свою морскую мощь, которая позволила им к концу столетия стать морскими империалистами первого класса: они захватили все восточное Средиземноморье, вторглись в Индийский океан и захватывали испанские корабли, чтобы получить сведения о Новом Свете. Если ранним колониальным легендам можно верить, во время правления самого известного завоевателя Тупака Инки Йупанки отправили в Тихий океан экспе-

дицию на бальсовых плотках к предполагаемым «островам богов»¹¹.

Даже Россия в 1430-е годы — это было последнее десятилетие плаваний Чен Хо и период наиболее интенсивных исследований португальцами Канарских островов — начала морскую экспансию. Свидетельства мы видим на иконе, которая сейчас находится в художественной галерее в Москве, а когда-то хранилась в монастыре на Белом море. На ней изображены монахи, поклоняющиеся Богоматери на острове в роскошном монастыре с заостренными куполами, золотым алтарем и башнями, подобными свечам. Великолепие этой сцены, должно быть, продукт набожного воображения, потому что в действительности остров нищий и голый; большую часть года он окружен льдами.

Центральную часть — поклонение Богоматери — окружают клейма с историей о легендарном основании монастыря за столетие до того, как была написана икона. На первом изображении монахи гребут, направляясь на остров. Туземцев-рыбаков изгоняют хлыстами «сверкающие фигуры молодых ангелов». Услышав об этом, настоятель Савватий возносит хвалу Господу. На остров приплывают купцы: святое воинство, которое демонстрирует им монах Зосима, окружено пламенем. Когда монахи спасают жертв кораблекрушения, умиравших на соседнем острове в пещере, Савватий и Зосима появляются, чудесным образом переходя со льдины на льдину, и отгоняют лед. Зосиме в видении является «плавучая церковь», и в соответствии с этим видением на острове строятся здания монастыря. Невзирая на пустынную местность, ангелы снабжают монастырскую общину хлебом, маслом и солью. Настоятели-предшественники Зосимы уходили, не выдерживая трудных условий. Но Зосима спокойно отгонял искушавших его демонов¹². Мы видим все составляющие типичной для XV века истории морского империализма: божественное вдохновение; героическое плавание в опасном окружении; безжалостное обращение с туземцами; попытки приспособиться или отыскать поддерживающее жизнь окружение; быстрое возникновение коммерческого интереса; достижение процветания благодаря настойчивости.

Однако ни одна из этих инициатив не дала многого. Вскоре после последнего плавания Чен Хо морская активность китайцев прекратилась, по-видимому, в результате победы при дворе партии мандаринов-конфуцианцев, которые ненавидели империализм и презирали торговлю¹³. Инкам, если они действительно выходили в море, не хватало традиций, а следовательно и технологии, необходимой для успешного плавания. Расширение Оттоманской империи остановили проливы: во всех направлениях — в центральном Средиземноморье, в Персидском заливе и в Красном море — доступ к океанам был возможен только по узким проливам, которые легко контролировал враг. Перед лицом скованных льдом морей расширение России в XV веке неизбежно и подавляюще происходило на суше.

Названные препятствия позволяют объяснить преимущества Западной Европы. Начиная предприятия, объемлющие весь мир, важно находиться в нужном месте. В парусный век успех морских плаваний зависел от доступа к попутным ветрам и течениям. Моряки в Индийском и в западной части Тихого океана не встречали благоприятных условий за пределами зоны муссонов, если пытались из нее выйти. Единственный путь по морю на запад через Тихий океан заканчивался тупиком, пока в колониальный период на западном побережье Америки не возникли торговые поселения. Пути из Индийского океана на юг были очень трудны и опасны; к тому же они вели к бесперспективным местам. На морских берегах Азии и восточной Африки у наиболее опытных в то время в мореходстве народов не было никаких побудительных причин искать торговых партнеров в других районах. Наиболее предприимчивые в мире мореходы, совершавшие дальние плавания, — полинезийцы — самим своим местоположением были обречены на плавание по ветру: вероятно, к началу второго тысячелетия н. э. они достигли пределов возможной при доступной им технологии экспансии. Самые дальние их поселения: на Гавайях, на острове Пасхи и в Новой Зеландии — были слишком далекими, чтобы поддерживать с ними контакты, и к тому времени как они были обнаружены в XVII и XVIII веках европейскими моряками, у переселенцев уже сотни лет

копились культурные расхождения с теми местами, откуда они приплыли.

Напротив, Атлантический океан вел ко всему остальному миру. Начиная с самого северо-западного края, системы ветров этого океана давали легкий доступ к столбовым морским дорогам, пересекающим весь мир. Атлантические ветры естественным образом приводили в другие океаны. За исключением нескольких магрибских общин, которые в этот критический период оставались поразительно равнодушными к долгим плаваниям, ни у одного народа на атлантическом побережье не было технологий и традиций, имевшихся в распоряжении европейцев. Почему магрибинцы не опередили европейцев или не последовали их примеру? Традиционно их морской потенциал недооценивался. В большей части литературы того времени реальный опыт заменялся воображением: океан представлялся котлом, в котором зарождались фантастические сказания. Аль-Идриси, придворный географ Роджера II Сицилийского, установил традицию, которой придерживалось большинство последующих авторов. «Никто не знает, — писал он, — что лежит за морем... из-за препятствующих плаваниям трудностей: глубокой тьмы, высоких волн, частых бурь, многочисленных чудовищ и яростных ветров... Ни один моряк не смеет углубляться в открытое море. Все они держатся берегов»¹⁴. Но если дальние плавания предпринимались редко, то не из-за отсутствия пригодных кораблей, людей или боевого духа. Скорее дальним плаваниям мешала сама интенсивность прибрежной торговли: чересчур большой ее объем, миграции и частые морские войны — вот что занимало моряков, у которых, как и в Индийском океане, не было побудительных мотивов изыскивать новые возможности¹⁵.

На других атлантических берегах никто не был заинтересован в соперничестве с западноевропейскими начинаниями. Торговые люди Карибского бассейна не имели возможностей для долгих плаваний; торговля городов и царств Западной Африки была ориентирована на речные перевозки и прибрежный каботаж¹⁶. Однако проблема, с которой мы начали, остается: преимущества атлантической позиции всегда оставались за приморскими общинами Западной Европы.

Если приморское расположение — решающий фактор, почему дальние морские плавания западных европейцев так долго откладывались?

Технологическая сторона проблемы

Одна распространенная теория объясняет атлантический прорыв усовершенствованием технологии. Это неверно, потому что технология, позволившая морякам в 1490-е годы переплыть океан, была в их распоряжении в течение столетий. Технический прогресс в кораблестроении, определении курса и сохранении продовольствия на протяжении Средневековья никогда не останавливался. Однако этот прогресс происходил как бы титрованием, капля за каплей, и нельзя сказать, что к моменту атлантического прорыва он достиг критического предела. Профессия, например, корабельного плотника была весьма почетной, освященной изображениями судов, на которых корабли ассоциировались с самыми яркими созданиями воображения того времени: ковчег спасения, корабль на море в шторм и корабль дураков. Наши знания о средневековом кораблестроении происходят в основном из картин, посвященных Ною¹⁷. В столь глубоко погруженном в традицию контексте было бы удивительно встретить какие-либо новшества; конечно, в Средние века усовершенствования накапливались, но только очень медленно, постепенно увеличивающимися шагами. Первым из двух значительных, хотя внешне и не очень заметных новшеств, главных в конце Средневековья, стало появление метода каркасных конструкций, который с северных берегов распространился на всю Европу. Этот метод был принят не из-за преимуществ, которые он давал на море, а скорее из-за возможности экономить материалы при строительстве кораблей: теперь доски можно было укладывать одна к другой, не тратя лишнего материала, и прибивать к каркасу без больших затрат гвоздей; при этом исчезала нужда в опытных мастерах, которые раньше воздвигали корпус доска за доской. Вторым новшеством стал неумолимый рост сложности такелажа одновременно с улучшением

его управляемости. Это очень полезное усовершенствование, но слишком постепенное, чтобы объяснить феномен 1490-х годов. Корабли Колумба, Кабота и Васко да Гамы ничем существенным не отличались от тех, что были у моряков в предшествующие столетия (хотя в начале этого столетия португальское прибрежное мореплавание у атлантического побережья Африки уже воспользовалось достижениями в строительстве кораблей)¹⁸.

Все плавания важнейшего десятилетия основаны на скромных достижениях средневековой технологии. Это корабли с прямым парусным вооружением на тяжелых каркасах (с четырехугольными парусами); компас; примитивная навигация по звездам. Единственным недавним новшеством, имевшим значение, стало появление новых вместилищ для воды и продовольствия; это было важно, особенно для кораблей Васко да Гамы, которым пришлось провести в открытом море втрое больше времени, чем кораблям Колумба. К этому новшеству, вероятно, пришли методом проб и ошибок во время долгих португальских плаваний в открытом море, когда возвращались из экспедиций в Африку за рабами и золотом¹⁹. Однако было бы нелепым преувеличением считать усовершенствование бочонков для пресной воды технологической революцией, потрясшей мир.

Советы руководства по мореплаванию примерно 1190 года представляют раннюю стадию принятия в Европе наиболее рудиментарных приборов для навигации: когда луна и звезды не видны, объясняет Гийот Провансальский, моряк должен опустить в сосуд с водой плавающую соломинку с булавкой, «хорошо натертой тем уродливым коричневым камнем, который притягивает к себе железо, и кончик булавки всегда будет поворачиваться на север». Удобный компас появился в XIII веке: острие уравнили и укрепили в одной точке, так что оно могло вращаться на 360 градусов; обычно окружность делилась на шестьдесят частей. В течение Средних веков постепенно появлялись и весьма несовершенные усваивались другие навигационные приборы, но их применение откладывалось и усложнялось естественным консерватизмом традиционного ремесла.

Например, морские астролябии, которые позволяют моряку по высоте солнца или Полярной звезды над горизонтом определить свою широту, к началу XII века уже были известны в Западной Европе; из упоминаний и по немногим уцелевшим экземплярам мы знаем о существовании письменных таблиц, которые позволяли работать с этими приборами. Однако астролябии были на немногих кораблях. Использовать таблицы для определения широты по долготе солнечного дня было легче, но для этого требовалось более точное измерение времени, чем то, что было в распоряжении капитанов: обычно на корабле юнга переворачивал песочные часы²⁰. Для опытного капитана — а другие в открытое море не выходили — в конце XV века лучшим инструментом навигации по-прежнему оставался невооруженный глаз²¹.

Другим техническим новшеством, которое могло быть частично использовано в плаваниях, стали морские карты. С XIII века составители навигационных руководств проценивали практический опыт моряков в определении курса и давали указания, которые могли бы помочь штурману, не знающему местности. Самое раннее из дошедших до нас таких руководств — пособие начала XIII века касательно плавания между Акрой и Венецией. Примерно в середине того же столетия появляется «Compasso di navigare», самое раннее морское руководство по всему Средиземному морю, порт за портом описывающее берега, от мыса Святого Винсента по часовой стрелке до Сафи. Примерно в тот же период аналогичную информацию начали предоставлять «учебные карты». Самое раннее упоминание о них относится к 1270 году: такая карта сопровождала Людовика Святого в его крестовом походе в Тунис, и именно ее разложил перед ним генуэзский специалист, когда король пожелал узнать, близко ли он от Сардинии. Однако не позже 1228 года каталанский купец Пер Мартелл показывал своим спутникам предстоящий маршрут на Майорку, разворачивая перед ними карту²². Морская карта не была бесполезна для исследователей. Она давала возможность фиксировать свои открытия и передать сведения о них, накапливать информацию, на которой основывались новые инициативы; но по очевидным причинам полез-

ность таких карт была ограничена. Они не могли помочь участникам прорыва 1490-х, поскольку те направлялись в неведомое. У Колумба во время его первого плавания через Атлантику была карта, но она была по неизбежности основана на догадках и, как выяснилось, вводила в заблуждение²³. За исключением, может быть, новых бочонков для воды новые технологии не играли никакой роли в распространении европейского мореплавания на весь мир. И у европейцев этого периода не было никаких преимуществ в строительстве кораблей и навигации по сравнению с морскими культурами Азии²⁴.

Власть культуры

Когда вдруг объяснения, берущие за основу технологию, оказываются неудовлетворительными, исследователи часто предполагают, что причина в особенностях западноевропейской культуры. Культура — часть нечестивой троицы: культура, хаос и шляпы с загнутыми полями; именно эта троица бродит по историческим версиям, заменив традиционные теории причинности. Она дает возможность объяснить все и ничего. Атлантический прорыв — часть более значительного феномена: «подъема запада», «европейского чуда», достижения европейскими обществами господствующего положения в современной истории. Благодаря смещению традиционных средоточий власти и источников инициатив прежние центры, например Китай, Индия и исламский мир, отошли на периферию, а центрами стали Западная Европа и Новый Свет. Капитализм, империализм, современная наука, индустриализация, индивидуализм, демократия — все эти великие меняющие мир инициативы недавнего прошлого, вероятно, являются каждая по-своему изобретением обществ, чья основа — в Западной Европе. Отчасти так считают потому, что инициативам из других частей мира не уделяется должное внимание. Однако отчасти это попросту правда. Поэтому заманчиво приписать атлантический прорыв со всеми его последствиями чему-то особенному в культуре Западной Европы.

От большинства особенностей культуры, обычно называемых как доказательства, толку нет — либо потому что они не уникальны для Европы, либо потому что не сосредоточивались исключительно в тех приморских регионах Западной Европы, откуда был совершен атлантический прорыв, либо они оказываются ложными, либо, наконец, не приходятся на нужное время. Политическая культура соперничающих государственных систем существовала и в юго-восточной Азии. Как религия, совместимая с коммерцией, христианство оказывается равным джайнизму или даже уступает ему (см. выше, с. 497), некоторым буддийским традициям (см. выше, с. 488—489, 492), исламу и иудаизму наряду с другими религиями. Традиции научного любопытства и эмпирических методов были по крайней мере так же сильны в Индии и в Китае, хотя справедливо и то, что позднее в Европе и частях Америки, заселенных европейцами, формируется определенно новая научная культура²⁵.

Миссионерское рвение — широко распространенный порок или добродетель, и (хотя большинство историков игнорируют этот факт) ислам и буддизм прошли через стремительное распространение на новых территориях и среди новых конгрегаций примерно в тот же период, что и христианство, то есть в конце Средневековья и самом начале современного периода²⁶. Империализм и агрессия не являются крайностями исключительно белого человека: европейские империи современного мира и их преемницы в заселенных европейцами районах возникли в мире, полном соперничающих современников.

Тем не менее в Западной Европе именно в нужный период существовала особая культура исследований и авантюры. По своей природе такая культура может возникнуть лишь за длительный период и никогда не может относиться лишь к такому концентрированному отрезку времени, как 1490-е года, на которые приходится атлантический прорыв; но, как мне кажется, именно в это время она приблизилась к своему пику. В позднее Средневековье западноевропейские христианские путешественники идеализировали приключения и авантюры. Многие из них пытались воплотить в жизнь великий аристократический эпос эпохи Средневеко-

вья, «кодекс» рыцарства, в соответствии с которым в Западной Европе оценивались все поступки элиты²⁷. Корабли их напоминали коней, накрытых пестрыми чепраками, и они преодолевали волны, словно скакали на породистых рысаках. Их ролевой моделью были вольные принцы, которые в популярных рыцарских романах завоевывают себе королевства благодаря отчаянной храбрости — «бульварные романы» своего времени; очень часто их приключения происходили на море: средневековый «Брут», который после падения Трои основал королевство Альбион, или Аматис Галльский, который сражался с гигантами и завоевал зачарованный остров, или принц Туриан, который переплыл океан и нашел там богатство и любовь²⁸. Колумб, чья траектория жизни поразительно напоминает сюжет рыцарского романа — действие которого происходит в море, — вероятно, постоянно держал в сознании такую ролевую модель. Награду за то, что первым увидел землю во время первого плавания, он требовал, вероятно, не столько из алчности, сколько потому, что его плавание, хотя и беспрецедентное в жизни, имело прецедент в литературе: в испанской версии средневекового романа об Александре герой открыл Азию во время плавания по морю, причем, как подчеркивает автор, он первым из всех моряков увидел ее²⁹. Несмотря на досадную неразговорчивость и необщительность, которые делают Васко да Гама почти недоступным, можно не сомневаться, что он серьезно воспринимал свои обязанности рыцаря вначале ордена Св. Иакова, а затем Христа. Кабот оставил даже меньше, чем Васко, свидетельств, по которым мы могли бы восстановить его внутренний мир, но Бристоль, откуда он отплыл, был знаком с английскими рыцарскими романами о приключениях на море, включая *Gestae Arthuri* («Деяния Артура»), которое приписывает таинственному королю, помимо всего прочего, завоевание Гренландии и Северного полюса. Генрих VII, этот уравновешенный монарх с репутацией дельца, и сам был восприимчив к таким романам и назвал своего наследника Артуром, королем настоящего и будущего, который, как Карл Великий или Александр, однажды вернется, чтобы снова получить свое королевство³⁰. Это мессианское ощущение связывает

рыцарскую традицию с чувствами, которые господствовали при королевских дворах, отправивших экспедиции Колумба и Васко да Гамы. Фердинанд Католический (Святой) позволил представить себя в традиции, поколениями жившей при Арагонском дворе, «последним императором мира», пророчески предсказанным еще в XII веке; дон Мануэль Португальский был также склонен к подобному «высокому стилю», который делал его ответственным за идею похода на Иерусалим через Индийский океан³¹.

Хотя было бы неверно обвинять другие культуры во враждебности или равнодушии к торговле и мореплаванию, культ морского рыцарства имел своим следствием в Европе облагораживание занятий, которые в других местах считались осквернением касты или тормозили социальную подвижность и продвижение вверх. Сухопутное довольство вызывало у элиты, не читавшей морских рыцарских романов, презрение к морской жизни. Усилия Китая начала XV века на море были подорваны оппозицией мандаринов, представлявших интересы сухопутных классов (см. выше, с. 503, 577). В Малакке XV века купцы носили дворянские титулы, а индийские купцы использовали низший стиль *ни-на*, происходящий от санскрита; но и те и другие получить высшие чины не могли³². Правители этого региона постоянно марали руки торговлей, но никто из них не мог титуловать себя, как португальский король, «повелителем торговли и мореплавания». Однако было бы ошибкой полагать, что предрассудки замедлили развитие морской Азии или ее потенциал торговле с далекими землями был ограничен культурными препятствиями: напротив, многие азиатские государства управлялись султанами и шахами, не чуждым духа предпринимательства; способность традиционных обществ этого региона становиться родиной империй и катапультой капитализма продемонстрирована насыщенной торговой и имперской историей многих из них (см. выше, с. 478–500).

Диктатура времени

Коммерческая инициатива редко проявляется в атмосфере довольства, и в любой длительной гонке выгодно неожиданно выскакивать из-за спины. Атлантический прорыв 1490-х годов напоминает усилия сегодняшних развивающихся стран, отчаянно пытающихся привлечь оффшорные ресурсы. Сопоставимый прорыв в Индийском океане трудно представить себе именно потому, что здесь существовала исключительно богатая торговля. Она полностью занимала все имевшиеся корабли, а те, кто ее вел, получали соответствующее вознаграждение. В таких условиях пересекать пояс бурь, который защищает океан с юга, и огибать Африку или пытаться в поисках новых рынков пересечь Тихий океан было бы ненужным риском и напрасной тратой средств; а вот для сравнительно небогатой экономики Западной Европы такие затраты казались стоящими. Возможно, именно по этой простейшей причине Васко да Гама оказался в Калькутте — раньше, чем какой-нибудь индийский, арабский, китайский или индонезийский купец «открыл» Европу, проплыв по морю; вопреки технологическому превосходству и богатым традициям мореплавания на Востоке. Прорыв произошел не из-за какого-либо превосходства Европы; напротив, к нему побудило своего рода ощущение неполноценности: нищим приходится биться как рыба об лед. Как советовала Лазарильо де Тормесу его мать: относительно бедный должен стараться догнать относительно богатого в надежде, что из этого что-нибудь да выйдет³³.

Тем не менее для рассчитанных на много лет коммерческих предприятий вроде плаваний 1490-х годов в далекие океаны и к далеким континентам по ранее неизвестным маршрутам необходим капитал. В этой связи нельзя исключить объяснение, помогающее привязать прорыв именно к этому периоду. У 1490-х годов есть особенность, которая может объяснить исключительные достижения этого десятилетия, — причем это единственная особенность, которую признают абсолютно все: 1490-е годы наступили после 1480-х. Предшествующее десятилетие оказалось исключи-

тельно выгодным для инвестиций в атлантические плаванья. Депутаты португальских Кортесов в 1481—1482 годах превозносили *Wirtschaftswunder** Мадейры и Порто-Санто, утверждая, что только за один 1480 год «двадцать больших кораблей с полубаками и сорок или пятьдесят других взяли груз, в основном сахар, не считая других товаров и других кораблей, шедших к названным островам... ибо названные острова обладают достоинствами и богатством, которые там можно взять»³⁴. В 1482 году в устье реки Бенья была воздвигнута крепость Сан-Хорхе-да-Мина, которая должна была обеспечить португальцам контроль над торговлей золотом, в то время как торговлей с Африкой управляли из Каса-да-Мина, в непосредственном соседстве с королевским дворцом в Лиссабоне. Трудоемкое и дорогостоящее кастильское предприятие в Атлантическом океане — завоевание Канарских островов — начало приносить прибыль, как только острова были захвачены и превращены в плантации сахарного тростника. В 1484 году, в том самом году, когда было официально объявлено о завершении завоевания, на острове Гран-Канария, в Гаете, была открыта первая сахарная фабрика; вскоре за ней последовала вторая — в Гуйаре; быстрое развитие сахарной промышленности свидетельствует об успехе этих предприятий³⁵. Наконец, есть основания полагать, что в 1480-е годы начала приносить прибыль эксплуатация северной Атлантики из Бристоля — на том самом маршруте, которым прошел Кабот. Когда датский королевский двор запретил торговлю с Исландией, в Бристоле из портовых документов исчезли северные товары, но в 1480-е годы снова появляются продукты добычи китов и моржовая кость. Тот факт, что исследовательская экспедиция 1481 года взяла с собой огромное количество соли, подтверждает, что были открыты богатые рыбные места — может быть, из Бристоля даже начали ловлю на изобильных ньюфаундлендских банках³⁶. Даже в небогатой экономике Западной Европы 1490-х годов было достаточно денег для дальнейших исследований, потому что прибыль 1480-х была многообещающей.

* Экономическое чудо (нем.).

Атлантический прорыв привел к коммерческим и имперским последствиям, которые в общем и целом признают все, но о деталях которых идут ожесточенные споры. Однако, глядя из сегодняшнего огромного далека, можно сказать, что самое важное последствие этих плаваний коснулось статуса науки. Европейское превосходство в науке не может объяснить прорыв; напротив, возникновение этого превосходства отчасти причинно связано с прорывом. С точки зрения перспектив истории науки плавания вроде путешествий Колумба и Васко да Гамы были крупномасштабными экспериментами, переводившими географические гипотезы в точное знание. Раболепное отношение Колумба к старым текстам наряду с его парадоксальной радостью, когда ему удавалось на основе своего опыта исправить эти тексты, свидетельствует о том, что Колумб был одним из последних факелоносцев — представителей средневековой космографии, стоявшим на плечах предшественников, и одновременно одним из первых маяков научной революции, огонь которого зажгли эксперименты по проверке прежних знаний. Плаванию Васко да Гамы предшествовали другие, пробные экспедиции: в 1488 году Бартоломео Диас обогнул мыс Доброй Надежды, в 1487—1490 годах португальская разведывательная экспедиция достигла Индийского океана по Красному морю. Как и плавания Колумба и Кабота, это были предприятия, подталкиваемые вопросами, поставленными географией гуманистов XV века. Каковы размеры мира? Насколько широк Атлантический океан? Окружен ли Индийский океан сушей, как утверждали традиции древней географии? Точное место этих исследований в экономической и политической истории — спорный вопрос; однако сделанные в ходе их открытия сразу становились частью научной картины мира, создавалась единая карта мира и его ресурсов. Прежние цивилизации составляли представление о планете на основе догм космологии, индуктивных догадок, неожиданных откровений и унаследованной традиции, а не путем усовершенствования и развития теории. Сегодняшним представлением мы во многом обязаны практическим данным эмпирических наблюдателей, которых мы называем исследователями и мореплавателями.

Атлантическая цивилизация в черном и белом: имперская эра

В результате неожиданных достижений 1490-х годов атлантическая Европа смогла перешагнуть через океан и начать завоевания, колонизацию и торговлю. К концу XVIII века возникли четыре большие атлантические империи: Испанская, Португальская, Французская и Британская. Одного взгляда на сегодняшнюю карту преобладающих языков Америки достаточно, чтобы убедиться, насколько глубоко укоренились эти империи. В меньшем масштабе определенную роль в развитии трансокеанского империализма сыграли Нидерланды, Дания, Германия, Швеция, Шотландия и Курляндия (см. выше, с. 451); постепенно в этом стали принимать участие и страны из глубины Западной Европы.

Первым следствием этого процесса стало создание единой атлантической цивилизации, захватившей оба берега океана. В XVII веке эта зачаточная цивилизация начала развиваться в Северной, Центральной и Южной Америках и на атлантических берегах Африки, а не только в Европе. Первой постоянной атлантической колонией в Северной Америке был испанский форт Сан-Агостин во Флориде, где начиная с 1567 года жило постоянное население. Но это было исключительно военное присутствие: в крепости стоял гарнизон, который не уходил с берега и через небольшие промежутки сменялся. Сан-Агостин был частью Карибского мира, который он защищал, отражая нападения французских захватчиков на маршруте, ведущем в Испанию от Санто-Доминго или Гаваны по северному Флоридскому течению, связанному с Гольфстримом и западными ветрами. Основа атлантической цивилизации оставалась неполной, пока севернее не расцвели английские колонии, а по северному океанскому коридору не развились торговые пути. Из всех европейских вторжений в это полушарие в начале современного периода Испанская империя была самой крупной, великолепной и бескомпромиссной в преобразовании среды. Но для понимания того, как развивалась атлантическая цивилизация, более показательна история английских колоний.

«Мэйфлауэр» стал символом Америки и вызывает в сознании каждого представление о героическом веке колонизации; однако первым постоянным поселением на территории современных Соединенных Штатов была колония в Виргинии, а не в Массачусетсе, и космические хранители музея отвели бы первое место в своей экспозиции плаванию кораблей, которые привезли сюда первых переселенцев в 1607 году; это были корабли «Годспид», «Сюзан Констант» и «Дискавери». Виргиния почти во всех отношениях стала классическим образцом этапов создания атлантической цивилизации: дорогостоящее приспособление к новому окружению; лицемерно маскируемая безжалостность; хрупкие отношения между расами, которые начинаются как двусмысленные и становятся кровавыми и эксплуататорскими; демографическая катастрофа и вызванные ею стойкие, беспринципные революционные последствия — среди прочего новая экономика, основанная на новых растениях и новой агрономии, с новой рабочей силой.

Подбор переселенцев и экипажей был разрешен английским королем для «создания первых плантаций и постройки первых домов в любом месте на побережье Виргинии». Место было избрано не из-за его привлекательности, а в надежде на то, что не найдется соперников, которые попытались бы его отвоевать. В рекламном девизе, сочиненном в 1609 году Робертом Джонсоном, пропагандистом экспедиции, смертоносные болота и непроходимые леса превратились в потенциальную «Новую Британию» — «Nova Britannia... предлагает великолепные плоды на плантациях Виргинии»³⁷. Самообман рисовал соблазнительные картины «доброй земли, и если Бог нас любит, он отдаст нам эту землю и все, что она может принести... землю, более приятную и здоровую, более теплую, чем Англия, и вполне подходящую для нашей природы»³⁸.

Там, где все превосходно, только человек может оказаться злым. Джонсон предупреждает:

Там есть долины и равнины со сладкими ручьями, подобными жилам организма; есть холмы и горы, обещающие скрытые сокровища, которые еще

никто не искал... Есть надежда на прибыль... но следите за своими мыслями... горький корень алчности не должен прорасти в ваших сердцах; если золотой сон не оправдает наших ожиданий, не нужно недовольно отворачиваться от него и винить кого-то³⁹.

Среди неприятных фактов, которые старалась скрыть пропаганда, один был особенно досадным. Ибо в этом раю уже жил свой Адам. Туземцев характеризовали — в соответствии с ожиданиями поселенцев — как готовое приобретение: вначале как идеально подходящих для эксплуатации существ, затем, почти тут же, как дикарей, недостойных человеческих прав.

Эта земля населена дикими и свирепыми людьми... они подобны стадам лесных оленей. Их единственный закон — природа... однако... в целом они полны любви и встречают наших людей с большой добротой... Что же касается вытеснения дикарей, у нас нет такого намерения... разве что они проявят себя как неприрученные звери⁴⁰.

На непредубежденный взгляд туземцы вели безнадежно варварский образ жизни. На самом же деле у них были зачатки того, что европейцы считали существенными признаками цивилизации: они строили поселки и даже города. Конфедерацию, которую они создали, признавали независимым государством с той же легитимностью, что и государства белых в Европе, а правитель этого государства наделялся божественными качествами:

Их великого императора зовут Поухатан... по причине своего могущества — и честолюбия в юности — величие и границы его империи он расширил сильнее, чем его предшественники в прежние времена... Он добрый старик, еще не дряхлый, хотя прожил много холодных бурных зим, во время которых терпеливо сносил многие неприятности и

удары судьбы, возвеличив свои имя и семью; предполагают, что ему чуть меньше восьмидесяти лет... Удивительно, как столь варварский и нецивилизованный принц может демонстрировать такое могущество, которое часто вызывает благоговение и поражает тех, кто предстает перед ним; но таковы проявления его божественной природы, и хотя эти (и другие) язычники не видят света истины и не проникнуты благословенным духом Христа, я, однако, убежден, что в нем есть полезная набожность и необычность (дарованные, как и должно, царем царей), делающие его непосредственным божественным инструментом на земле.

«Подданные у его ног... делают все, что он приказывает, и стоит ему нахмуриться, трепещут самые великие»⁴¹.

Законы и обычаи христианства того времени не давали оснований для войны с этими людьми. Указания английского правительства колонистам насыщены жаргоном того времени, но под гладкой речью чувствуются колкости:

Если вы сочтете это удобным, мы считаем разумным, чтобы вначале вы удалили (от туземцев)... их... священников, захватив их врасплох и удерживая в качестве пленников, ибо они так окутаны туманом и бедствиями своего безверия и так приводят всех в ужас своей тиранией, будучи скованными смертными узами с дьяволом, что, пока они живы и отравляют умы, вы не добьетесь прогресса в своей славной работе и мира с ними у вас не будет. Мы не сочтем жестокостью или отступлением от милосердия, коль скоро вы обойдетесь с ними сурово и накажете вплоть до смерти, если это покажется необходимым или удобным⁴².

Модель, которую имели в виду англичане, очевидна: они собирались повторить завоевание Кортесом Мексики. Что касается правителя индейцев, то о нем в инструкции говорилось: «Если не удастся захватить его, сделайте его своим

данником». Однако вначале переселенцам мешали некомпетентность и незнакомство с окружением. Мало кто из них разбирался в земледелии или строительстве, и единственным способом выжить для них стало милосердие индейцев. «Индейцы ежедневно давали нам, — признают переселенцы, — зерно и мясо, сколько могли выделить». Хозяева были сознательно снисходительны. «Мы можем выращивать растения везде, — как сообщается в отчете, говорили они, — и знаем, что вы не сможете жить, если мы не поделимся с вами урожаем и тем, что вам приносим»⁴³.

Так соревнование не выиграть. И в конечном счете содержать так постоянную колонию невозможно. Мирная политика разваливалась — разрываемая взаимным неприятием англичан и хозяев, — когда поселенцами стал командовать человек типа Кортеса и разработал новый подход, агрессивный, безжалостный и бескомпромиссный. Джон Смит стал первым великим американским боссом, тираном, чей истинный нрав, жестокий, смелый и решительный, скрывала глянцева оболочка диснеевского мифа. Он утверждал, что способен колдовством выманить у индейцев богатства и женщин. Но настоящим средством содержания колонии для него стал ужас.

Как выразился один из его современников-колонистов:

приказ из Англии был совершенно недвусмысленным — не оскорблять туземцев... но на беду они столкнулись с капитаном Смитом, который без дальнейших размышлений так с ними обошелся, что за одними гонялся по всему острову, других привел в ужас избиениями и заключением в тюрьму... Это вселило в них такой страх и покорность, что само имя капитана пугало их⁴⁴.

Смит откровенно рассказывал о взаимных жестокостях, в которые вылились его отношения с индейцами, и приказал на картушах карты, иллюстрирующей его завоевание, изобразить картины насилия.

Подобную же тактику он применил и к тем колонистам, которые не подчинились ему. «Поскольку я обладаю всей

полнотой власти, — объявил он, — вам придется подчиниться закону: всякий, кто не работает, не ест, за исключением больных или раненых. Ибо труд тридцати или сорока честных и старательных людей не должен идти на содержание ста пятидесяти ленивых негодяев».

Проницательные современники считали капитана Смита Мюнхгаузенем — фантастом, который создал себе репутацию обманом и писал романтические книги, где восхвалял себя и расписывал свои приключения. Когда прочитаешь его собственные рассказы о том, какую сексуальную энергию он проявил в гареме турецкого султана, ни за что не поверишь его утверждениям, будто Покахонтас его любила. Его рассказы вызвали появление нескольких сатирических поэм о «не знающе себе равных в доблести капитане Джоне», который —

Как чума, сражает оба пола,
Ибо ранит не только дам, но и рыцарей:
В юности он был так гладок лицом,
Что королева земли Нет думала, что он
Искуснейший брадобрей из Польши,
И он поистине был не любим богами,
Ибо оставил ее так нелюбезно...
Короче, трубы славы воспевают его деяния,
Хотя свинопас на его месте был бы более уместен⁴⁵.

За время пребывания в плену у индейцев Поухатана Смит, как утверждалось, «так очаровал эти бедные души... демонстрируя им круглую форму земли, ход луны и звезд, причину смены дня и ночи, огромные размеры морей... что они сочли его пророком»⁴⁶. Кое-что в этом рассказе, возможно, правда (хотя он подозрительно напоминает утверждения о себе Колумба). При первой своей встрече с английскими захватчиками индейцы Виргинии действительно были изумлены астрономическими приборами: но автопортрет проницательного героя, силой интеллекта побеждающего врагов, очень древний литературный прием, который следует воспринимать со здоровым скептицизмом. Это часть легенды, которую сочинил о себе сам Смит. То, что он выделился сре-

ди первых виргинцев, свидетельствует только о том, как жалок был состав первой партии переселенцев. В совет его выбрали, потому что он один из немногих побывал на военной службе, наемником в Турции, и потому имел хоть какой-то нужный опыт.

Когда он пострадал при несчастном случае и был вынужден вернуться в Англию, колонисты обрадовались. «Дикари тоже поняли, что Смит уехал, восстали, уничтожали все и убивали всех встреченных»⁴⁷. Колония лишилась всего: безопасности, работы, еды.

Теперь нам всем не хватает капитана Смита, и даже самые большие его недоброжелатели сожалеют об утрате. Теперь мы не получаем от дикарей ни кукурузы, ни продовольствия, ни дани, одни только смертельные раны, нанесенные дубинками и стрелами. Что касается наших свиней, кур, коз, овец, лошадей и прочих животных, их пожирают наши командиры и офицеры; нам же достаются лишь жалкие объедки. Мечи, стрелы и многие вещи мы продаем варварам, чьи пальцы перепачканы нашей кровью: из-за жестокости местных жителей, несдержанности нашего губернатора и утраты наших кораблей через шесть месяцев из пятисот человек осталось не более шестидесяти бедняг. Невозможно описать, что мы вытерпели, но виноваты только мы сами, отсутствие у нас предусмотрительности, трудолюбия и управления, а не недостатки и бедность местности, как обычно полагают.

Новые поселенцы, приплывшие из Англии в мае 1610 года,

увидели сломанные палисадники, раскрытые двери, снятые с петель ворота и пустые дома (обитатели которых умерли), разграбленные и сожженные... Если наши люди выходили за пределы блокгауза, их убивали индейцы; а внутри свирепствовали голод и болезни⁴⁸.

Правление Смита было лишь временным средством. Подлинным спасителем колонии стал предприимчивый заядлый курильщик по имени Джон Рольф. Недовольный табаком, который курили виргинские индейцы, он в 1611 году додумался до доставки с Карибского моря семян испанского табака. Его идея сработала. В 1617 году было собрано двадцать тысяч фунтов табака. В 1622 году, как сообщалось, «все лето ничего не делали, только оборонялись и сажали табак, который здесь ходит как серебро, и многие, собирая и высушивая его, богатеют, но многие остаются бедными»⁴⁹. В этом году, несмотря на возобновление войны с индейцами, было выращено шестьдесят тысяч фунтов⁵⁰. В 1627 году Виргиния произвела полмиллиона фунтов табаку, а в 1669 — пятнадцать миллионов.

Табак сделал колонию жизнеспособной, но климат по-прежнему убивал приехавших сюда англичан: из пятнадцати тысяч человек, приплывших в Виргинию с 1607 по 1622 год, выжило всего две тысячи. Число индейцев уменьшалось из-за войн с колонистами и распространения незнакомых болезней, завезенных из Европы. В конечном счете оказалось, что рабочую силу может обеспечить только ввоз черных рабов. В колонии еще до упоминания о первом корабле, доставившем негров в 1619 году, были чернокожие: голландский военный «продал нам двадцать черномазых». В следующие несколько десятилетий в списках белых слуг и наряду с такими списками в документах колонии упоминаются и черные рабы, обычно без имени и даже без даты прибытия: эти упущения очень важны, потому что позволяют отличить от рабов слуг, у которых существовал определенный срок службы, определявшийся размером долга. До 1660-х годов число рабов оставалось небольшим, потому что постоянно прибывали бедняки-мигранты из Англии, которые могли выполнять ту же работу и стоили примерно вдвое дешевле африканского раба. Однако и использовать белых бедняков оказалось дорого — среди вновь прибывших был очень высокий уровень смертности: вместо двух рабов приходилось нанимать четверых белых. С 1650 до 1674 год прибыло сорок пять тысяч работников. К этому времени здесь было,

вероятно, не больше трех тысяч черных рабов. Однако позже соотношение начало быстро меняться на противоположное⁵¹.

Скоро определенную роль в виргинском обществе начали играть свободные черные, но обычно это были освобожденные рабы, а не слуги, отработавшие свой долг. «Антонио Нигро», проданный как раб в 1621 году, в 1650 превратился в свободного человека Энтони Джонсона, у него была черная жена, собственные рабы и двести пятьдесят акров земли. Фрэнсис Пэйн купил ему свободу за 1650 фунтов табака⁵². Другие черные не принимали свободу от белых, они убегали в леса и создали там мини-Африку. В 1672 году банда таких маронов* вызвала такой страх, что белым по закону разрешено было охотиться на них и убивать без предупреждения; это даже поощрялось. В 1676 году колонию сотрясали восстание белых фермеров-бедняков и страх перед мятежом негров, которые могли заключить в союз с голландцами. В 1691 году черный партизан по имени Минго возглавлял целый отряд, охотившийся за едой и оружием⁵³.

Мир, созданный рабами

Как следствие, отдельные части Виргинии больше напоминали «новую Африку», чем «новую Европу». Но в Новом Свете в целом атлантическая цивилизация, постепенно оформившаяся в XVIII веке, была подлинно, распознаваемо атлантической — перемещенной через океан с африканского берега в той же степени, что и с европейского. Это была уже не просто европейская — атлантическая цивилизация, потому что, хотя и родилась в Европе, большая часть составлявших ее людей — человеческий фактор цивилизации — пришла из Африки.

Юг Виргинии, как и южная часть Бразилии, был преимущественно миром черных и в начале XVIII века воспринималась как «вторая Гвинея»⁵⁴. Другие общие особенности виргинского образца также повторялись на большей части

* Марон — беглый негр.

атлантического побережья Америки, в том числе на островах Карибского моря и в южных районах бразильской Сьерра-ду-Мар: новые виды растений, рассчитанных на широкомасштабный экспорт, система плантаций; следствием везде был расчет на черных рабов. Количественное преобладание черных среди заатлантических колонистов было подавляющим: в среднем свыше семидесяти процентов мигрантов, перевезенных между 1520 и 1820 годами, были черными⁵⁵. Из всех массовых миграций, происходивших в период развития океанских коммуникаций, самым массовым стало переселение из Африки в Америку. Более того, на всем атлантическом побережье Америки культура, завезенная африканцами, оставалась африканской, и присутствие европейских хозяев или соседей лишь незначительно влияло на нее, если влияло вообще⁵⁶.

В этот период большинство рабских общин Америки не воспроизводились естественным путем по причинам, которые нам еще не совсем ясны, но в их числе явно было и бесчеловечное обращение, какому подвергались рабы. Англиканский священник Морган Годвин, «защитник негров», осуждал крайности, свидетелем которых был в 1660-е и 1670-е годы в Виргинии и на Барбадосе: плантаторы видели в неграх вьючных животных; они противились крещению рабов, потому что по обычаю рабов-христиан полагалось через пять лет освобождать⁵⁷; они держали рабов голодными и успешно уничтожали младенцев, не позволяя матерям кормить их. Среди наказаний числились избиения, отрезание ушей и оскотление⁵⁸. Иезуитский пророк и придворный проповедник Антонио де Виейра, чья бабушка была мулаткой, сравнивал страдания рабов в Бразилии с крестными муками Христа; но его благожелательный совет сводился к терпению, а не к освобождению — за исключением освобождения сознания:

Христос сносил всевозможные жестокости, вы тоже. Но если вы терпеливо перенесете кандалы, заключение, избиения, раны и презрительные клички, то он вознаградит вас как мучеников... Служа хозяину, служите ему не как человек служит дру-

гому человеку, а как человек служит Богу. Тогда вы будете служить не как рабы, а как свободные люди, и повиноваться будете не как рабы, а как сыновья⁵⁹.

Правила поведения надсмотрщика на плантации сахарного тростника (1663 год) рекомендовали наказания для плохо ведущих себя рабов:

не бить их палкой, не бросать в них камнями или черепицей, но, если раб того заслуживает, привязать его к экипажу и выпороть. После порки его следует исколоть острым ножом или бритвой, натереть раны солью, лимонным соком или мочой и затем на несколько дней заковать раба в цепи.

В конце столетия моралист-иезуит перечислил обязательства рабовладельцев: документ в неявной форме описывает, как хозяева обращались с рабами: недоедание, тяжелая работа, сексуальные притязания, когда «хозяин обладает рабами, как Люцифер наслаждается своими дьяволами», отсутствие одежды, доходящее до непристойности, жестокие и несправедливые наказания, отказ в помощи больным⁶⁰. Земля для белых считается чистилищем, но для черных она ад⁶¹. Согласно итальянскому капуцину, который в 1682 году посетил Багию, «рабы, прожившие семь лет, считались долгожителями»⁶². Из малоизвестного, ужасающе прозаического перечня болезней Вест-Индии, составленного в 1764 году, мы узнаем о средствах лечения фрамбезии (называемой еще «тропический сифилис»; нужно часто сплевывать, а также прикладывать ярь-медянку и сурьму) и язв на ногах у «беглых негров, а также у ленивых, у тех, кто ест грязь... что делают... не только женщины»⁶³.

Поэтому, просто чтобы поддерживать необходимое количество работников, требовался постоянный ввоз. К концу XVII века в Новый Свет было перевезено свыше полутора миллионов черных рабов. На самом деле из Африки их вывезли значительно больше, но плавание через Атлантический океан, по крайней мере длительное, для многих оказывалось

смертельным. Рабы поступали — в разных количествах в разное время — с атлантического побережья Африки, особенно с выступа Западной Африки — из Конго и Анголы. Обычно их поставляли черные продавцы, приобретшие рабов в ходе войн и набегов, в ходе которых вторгались на многие сотни миль в глубины материка. Несмотря на обширность территории, где происходили захваты, вывоз рабочей силы серьезно подействовал на общины, бывшие целью работорговцев. Историки много спорят о последствиях, но некоторые положения считаются общепринятыми. Так, например, ангольский рынок какое-то время поставлял преимущественно женщин. Отдельные районы по окраинам территории, где происходила охота на рабов, обезлюдели. Рынок рабов привел к войнам между черными за добычу и к возникновению в Африке грабительских королевств. В Дагомее дорога к королевскому дворцу была вымощена человеческими костями. В глубине Анголы злобные королевы бросали вызов людоедскому царству Лунды в соперничестве за рабов. А тем временем количество портов на побережье Атлантики, откуда отправляли рабов, все увеличивалось.

В пути рабы умирали сотнями; поскольку покупали их дешево, а продавали дорого, владельцы груза не жалели рабов и выбрасывали трупы за борт⁶⁴. В 1820 году французский работорговец в пути держал рабов в бочках, чтобы быстрее выбросить их за борт при появлении патрульного корабля. Когда на борту «Кентукки» в 1844 году казнили взбунтовавшихся рабов, им сначала отрубали ноги, «чтобы сбечь кандалы»; согласно рассказу участника казни, «она превращалась во всевозможные развлеченья»⁶⁵. В 1781 году хозяин «Зонга» утопил 133 больных раба, потому что, умри они естественной смертью, он не получил бы за них страховку: «рабы приравнивались к лошадям, бросившимся за борт»⁶⁶.

Несмотря на огромные потери в пути, в месте назначения рабы составляли большинство колониального населения: например, в 1700 году на Ямайке приходилось сорок пять тысяч черных на восемь тысяч других людей всех категорий. В Лиме, самом испанском городе Перу, согласно переписи 1614 года из населения в 24 454 человека черных

было больше десяти тысяч. К концу XVII века черные составляли подавляющее большинство во многих районах Мексики и прибрежного Перу — вообще везде, где росла экономика плантаций. Большинство таких районов располагались на океанском побережье или вблизи него: английская Северная Америка от Виргинии к югу, Вест-Индия, а также прибрежные районы Мексики, Центральной Америки, Венесуэлы и места выращивания сахарного тростника в Гвиане и Бразилии. Самыми африканскими районами становились поселения маронов — мятежные республики или разбойничьи царства, основанные беглыми рабами. В Эсмеральде, в Колумбии, такое царство маронов заключило в 1599 году договор с испанской короной. В Суринаме первая маронская община возникла в 1663 году, когда португальские евреи отправили своих черных рабов в глубину страны, чтобы не платить за них налог⁶⁷. В Пальмаресе, в Пернамбуко, независимое черное царство просуществовало с середины столетия до 1694 года: в период высшего расцвета этого государства король Зумби мог выставить армию в пять тысяч человек⁶⁸.

Культура Пальмареса была гибридной — частично африканской, частично португальской. На посетителей этого государства производила впечатление эффективность управления и достоинство, которым были окружены государственные институты. Согласно отчету одного иезуита, у короля был дворец

и дома для его семьи, в его дворце постоянно находилась охрана и чиновники. Обращались с ним со всеми почестями, какие полагаются королю и правителю. Когда он входил, в знак признания его власти и уважения к нему все преклоняли колени. Его называли «ваше величество» и проявляли удивительную покорность⁶⁹.

Черная элита Пальмареса была достаточно богата, чтобы покупать собственных рабов и большое количество оружия, с помощью которого отражались попытки португальцев вернуть себе территорию. Столица государства — Макако — счита-

лась неприступной. После смерти Зумби и краха его царства покойный король продолжал вдохновлять черных на восстания — он превратился в короля-призрак, в тень Африки.

Культура большинства рабских общин была плюралистической, поскольку в одну общину попадали люди из самых разных районов Африки. Но в анклавах маронов это всегда была африканская культура, почти не затронутая влиянием белых. Власти католических государств поощряли крещение рабов: в Бразилии, например, рабам разрешалось посещать мессы и они могли крестить своих детей. Однако на практике владельцы не выполняли подобные распоряжения, желая держать рабов подальше от относительно человеческого обращения священников. Рабов, отправлявшихся в Бразилию, грузили на корабли со словами: «Знайте, что теперь вы дети Господа. Вы направляетесь в португальские земли, где узнаете суть святой истины. Больше не думайте о своих родных землях и не ешьте собак, лошадей и крыс. Будьте счастливы»⁷⁰.

Это было самое близкое знакомство с христианством, какое дозволялось большинству рабов. Развлечениями рабов были племенная музыка и танцы; с 1681 года папа дал рабам конголезского происхождения в Бразилии разрешение выбирать на время праздника Богородицы «короля» и «королеву»; они должны были руководить песнями и танцами⁷¹. Пища — основной элемент культуры — готовилась и распределялась так же, как по другую сторону Атлантики. У рабов преобладали свои методы установления справедливости, а управление делами, в особенности в английских колониях, хозяева передавали черным «губернаторам» или избранным «королям»⁷². Украшения, брачные обычаи, выбор имени — все это делалось, как в Африке: «почти чисто африканская цивилизация»⁷³. Практика крещения и роль крестных родителей создавали основу, на которую накладывались ритуальные родственные отношения; рабы в своей новой земле продолжали поддерживать племенные и национальные связи. Духовное утешение предоставляли колдуны. И сегодня на пляжах Рио или Багии по ночам, когда туристов сменяют духи, по-прежнему практикуется своеобразный синкретизм черных религий: соединение христиан-

ских образов с формами вуду, привезенными непосредственно из Африки⁷⁴.

За пределами мира плантаций черные постепенно превратились в этническое меньшинство, состоявшее из домашних слуг, наложниц, освобожденных рабов, занимавшихся самым непопулярными ремеслами или, если они прибывали из соответствующих областей Африки, технических работников на шахтах. Как ни парадоксально, но чем меньше их было относительно других колонистов и местных жителей, тем легче они интегрировались и тем легче их отпрыски могли попасть в белую элиту или элиту смешанного происхождения. По крайней мере в испанских и португальских владениях потомки свободных черных по закону пользовались равными правами с белыми. Яркие примеры использования этих прав дают дон Энрике Диас и дон Жоао Фернандес Виейра, которые за услуги, оказанные Бразилии в войне против голландских захватчиков с 1644 по 1654 год — в так называемой «Войне за божественную свободу», — были произведены в дворяне. Однако в целом административная дискриминация и врожденный расизм постоянно угнетали черных. Женщина, посетившая аукцион, полагала, что черные относятся к тому, что их продают, так же как коровы или овцы. Рынок превращал черных рабов в обычный товар. Однако на каждом этапе своей истории работорговля насмеялась над законами экономики.

Если бы эти законы действовали, работорговля бы никогда не возникла. Рабство не использовалось бы из-за своей неэффективности. Но это была часть мира несвободного труда, типичного для экономики, предшествующей современности⁷⁵. За исключением коротких периодов нехватки рабов, вызванных войнами или политическим вмешательством, перевозчики, если повезет, получали прибыль. Мало кто зарабатывал состояние лотереей, в которой большинство проигрывало⁷⁶. Бизнес отчасти поддерживала сопутствующая торговля: в Африку везли крепкие напитки, устаревшие мушкетеры, пестрые ткани и разный дешевый хлам; из Европы везли товары, потакавшие изнеженным вкусам плантаторов. Империям требовалась торговля рабами. Без рабов большинство колоний Нового Света были нежизнеспособны:

в некоторых случаях не было вообще никакой альтернативы, потому что вся местная рабочая сила погибла вследствие неконтролируемого распространения болезней. Заводчики рабов пытались экспериментировать, создавая фермы, на которых выращивали детей черных рабов; плантаторы южных штатов США могли вообще отказаться от проклятия торговли, создав условия, при которых каста рабов самовоспроизводилась. Однако большинство плантаторов так плохо обращались со своими рабами, что те не могли размножаться в необходимых количествах. И на большей части истории торговли рабами оставалась единственным средством пополнения их рядов.

Рабов поставляли из специально предназначенных для этого портов и рабских загонов. Джим Буи, герой обороны Аламо, заработал целое состояние, контрабандой провозя рабов, а затем выдавая своих сообщников; Элизабет «Мамаша» Скелтон в 1840-е годы доход от торговли рабами вкладывала в плантации арахиса на реках Нуньес и Понгас; на кофейных плантациях ее соседа «Монго Джона» Ормонда работало от пяти до шести тысяч рабов, а «его склады были забиты порохом, пальмовым маслом, алкоголем и золотом»; отец Демане из Гории «под предлогом организации женского монастыря *Sacré Coeur** получал в свое распоряжение красивейших мулаток со всей округи». Купцы говорили, что гавань Вида была бы «самым замечательным местом во вселенной», если бы не малярия и желтая лихорадка⁷⁷.

Работорговля держалась прежде всего на том, что была выгодна всем — кроме самих рабов. Африканскими общинами, поставлявшими пленных, управляли военные вожди и аристократия, зависевшие от войн. Услышав о требованиях аболиционистов, король Гелеле из Дагомеи сказал сэру Ричарду Бёртону: «Если я не смогу продавать взятых на войне пленных, я должен буду их убить; разве Европе это понравится?» По-своему поддерживали работорговлю образ жизни, мысли и нужды европейских потребителей, не потому что они были варварами — хотя некоторые из них, несомненно, были, — но ввиду природы их цивилизации⁷⁸. Их

* Святое сердце (фр.).

отношение сформировала классическая модель жизни. Если древняя Греция и Рим созданы рабами, почему нельзя создать тем же способом более современную и в равной степени нравственную модель? Основатель португальской Анголы верил, что изобилие рабов позволит ему воссоздать античность⁷⁹. И, наконец, свою роль в поддержке работорговли играл расизм, но роль незначительную. Научный расизм возник позже. До освобождения рабов большинство авторитетов в области морали и философии считали, что все люди равны и обладают общим наследием, хотя были и исключения вроде Эдварда Лонга, который в 1774 году в своей «Истории Ямайки» предположил, что черные по своим расовым характеристикам уступают белым; в число этих характеристик входит и «их звериный или зловонный запах», который нам более заметен у «самых глупых экземпляров»⁸⁰.

Лишь перспектива освобождения сделала работорговлю безопасно выгодной. Волна требований освобождения рабов в два последние десятилетия XVIII века вызвала настоящий бум в работорговле. Когда освобождение рабов начало становиться действительностью, цены взлетели и это позволило Педро Бланко из Кадиса заработать огромное состояние; в 1830-е годы он содержал гарем из пятидесяти черных девушек, а также держал на службе юриста, пять бухгалтеров и двух кассиров. Чем дальше заходил процесс освобождения, тем хуже становились условия жизни рабов: им приходилось жить в более тесных помещениях, чаще подвергаться риску, к тому же они не были защищены от порочных наклонностей преступников, в чьи руки постепенно переходила торговля. Освобожденным рабам тоже приходилось несладко: в типичном случае такой раб в Сьерра-Леоне оказывался на участке земли в четверть акра с набедренной повязкой, одной кастрюлей и лопатой, предоставленными британским правительством. Тысячи моряков, преимущественно англичан, погибли на патрульных судах, преследуя благородные идеалы; но их усилия сделали рынок рабов еще более отвратительным.

К концу XVIII столетия в Северную и Южную Америку эмигрировали полтора миллиона европейцев: за тот же период из Африки, чтобы служить им, привезли вчетверо больше

рабов, и некоторые части атлантического мира в XVIII веке напоминали африканские колонии. В XVI веке в Эквадоре царьки в качестве знака своей власти носили в носу золотые кольца — обычай, унаследованный от африканских предков. На гасиендах XVII века черные надсмотрщики управляли индейцами-пеонами. В Ямайке в XVIII веке британская администрация передала управление черным сообществом суду старейшин и тайному обществу «Обеа». Гаити XIX века превратилось в «черную империю» — карикатуру на белый империализм. Повсюду, партнеры и жертвы европейцев, черные играли жизненно важную роль в создании атлантической цивилизации⁸¹.

Но мы почти забыли — или сознательно упустили — эту часть нашего прошлого. В XIX веке и в большей части XX природа атлантической цивилизации сузилась. Новый Свет стал продолжением и расширением Европы по четырем причинам: ввиду прекращения работорговли и освобождения рабов; окультуривания черных рабов в обществе, где преобладают белые ценности; решительного демографического сдвига, вызванного массовым притоком белых поселенцев в XIX веке; и прежде всего потому, что один из основных составляющих элементов этой цивилизации — Атлантический океан — можно преодолеть только с помощью технологий, контролируемых европейцами. Только вследствие этих перемен Атлантическая цивилизация стала «западной цивилизацией», то есть не чем иным как белой цивилизацией европейского происхождения.

Было бы утешительно считать, что запрет работорговли не вызван экономикой, а представляет собой редкое торжество чистой морали. За этот запрет боролись истинные филантропы, но их успех стал результатом изменившихся обстоятельств, а не перемены в сердцах. Квакеры были в первых рядах сторонников запрета, но некоторые из них сами оставались рабовладельцами. Просвещение выдвинуло фигуру «благородного негра», но отдельные купцы считали, что успокаивают свою совесть, называя корабли *Liberté*, *Ça-Ira* и *Jean-Jacques*⁸² *.

* «Свобода», «Так будет!» — песня времен Французской революции; и «Жан-Жак», имеется в виду Жан-Жак Руссо.

Моральная сторона дела была ясна, хотя сторонники работорговли утверждали, что спасают африканцев от еще более жестокой тирании на родине.

Аболиционистская литература была по большей части слабой, неубедительной и слащавой. Одна из самых влиятельных работ была написана в 1788 году самоучкой Энн Иерсли и вызывала у читателей ощущение виновности в том, что «идеи справедливости и гуманизма распространяются только на одну человеческую расу». Но английскую публику в проблемах рабства больше интересовали похотливые рассказы и сцены. Такого рода анекдоты постоянно встречаются в «первом американском романе» Джонатана Корнкоба, описывающем эротические развлечения героя с красивой мулаткой. «Если масса хочет горшок, — говорит героиня, — он высовывает из-под одеяла руку, а если хочет меня — ногу». Книги, написанные черными, разочаровывают: авторы не свободны от жалости к себе и от излишней религиозности. Мэри Принс написала наиболее убедительное повествование о том, что пережила в рабстве: ее страдания описаны без рисовки, простота рассказа лишь усиливает ужас. Но ее труд появился слишком поздно, чтобы оказать существенное влияние, а ее обвинения в жестокости были отвергнуты судом. Утверждения Джеймса Рэмси, «Лас-Касас Ямайки», содержат столько уступок точке зрения рабовладельцев, что автор почти не защищает свободу. Автора «Поразительной красоты», бывшего капитана корабля работорговцев, больше интересует моральное воздействие на хозяев, чем положение рабов⁸³.

Поскольку рабство практиковалось почти во всех обществах, его нельзя считать просто аморальным или иррациональным. Современное отвращение к нему в исторической перспективе настолько необычно, что нуждается в объяснении. Современная литература предлагает три точки зрения. Во-первых, освобождение стало следствием развития просвещения, которое позволило гуманитариям обнажить несправедливости, ранее остававшиеся незамеченными. Во-вторых, экономику, основанную на рабстве, сменил капитализм, который находит другие, более продуктивные способы эксплуатации рабочей силы. Наконец, в-третьих,

рабы сами завоевали свободу: непокорность и восстания вынудили белых хозяев отказаться от системы, которую невозможно сохранить. Свобода, когда она пришла, стала неизбежным результатом медленно действующих сил: кровавого урожая сопротивления рабов, распространения болезней, эксплуатации новых источников рабочей силы, индустриализации отдельных видов труда, которыми традиционно занимались рабы, ростом потребностей плантаций в новой рабочей силе, вызванным всплеском покупательского спроса под угрозой отмены рабства. Нам даже не вполне понятно, что именно считали в рабстве гнусным ранние аболиционисты: другие формы эксплуатации, в том числе потогонный труд на фабриках и труд заключенных, они оставляли без внимания. В первое время они даже способствовали увеличению торговли рабами, взвинтив цены. Насильственное освобождение рабов уродовало экономику, разрушало общество и оставляло целые караваны рабов умирать в цепях. Работоторговлю сменили другие формы угнетения. Некоторые работоторговцы перешли на еще более прибыльный ввоз кули, чьи страдания стали новым фокусом имперской филантропии⁸⁴.

В конечном счете по всему полушарию белые американцы оказались способными лучше поддерживать свою традиционную культуру и связь с обществами, откуда они происходили. Это неудивительно: белые устанавливали стандарты и контролировали контакты. Разумеется, черные были не единственными жертвами. С одной стороны, создание атлантической цивилизации было позорным процессом, который по ходу своего развития истреблял коренные туземные цивилизации и культуры — некоторые из них уничтожались сознательно, другие изгонялись из пригодной для жизни среды вновь прибывшими, третьи гибли под губительным воздействием европейских болезней, к которым у туземцев не было иммунитета. Но с другой точки зрения эта цивилизация явилась огромным достижением, перенесшим образ жизни и мышления через океан и преобразовавшим среду в Новом Свете, где пришельцы строили города, растили скот и возделывали новые культуры, превращая Новый Свет в искаженное подобие Старого.

Конечно, пересадка обществ в трансатлантическом масштабе была невозможна без огромных разрывов, без возникновения новых инициатив и радикальных новых подходов. Некоторые такие инициативы стали выбором колонистов, стремившихся к новому началу и к уходу от чего-то ненавистного им в родном обществе: обычно это религиозные преследования, ограниченные социальные возможности, бедность и (в поразительно большом количестве случаев) нежеланная жена. Другие трансмутации стали следствием воздействия среды. Ибо «эффект фронта» действительно существует: когда люди переселяются в новые земли, возникает разрыв между центром и периферией⁸⁵. Отчасти причина в различии поколений, потому что в среднем авангард пионеров — люди молодые. Отчасти дело в необходимости приспособить образ жизни или политические обычаи к новому, незнакомому климату. Феодализм не действует там, где нет работы. Деспотизм нельзя навязать там, где расстояния велики, а связь слаба. Там, где природа враждебна, сотрудничество неизбежно.

Поэтому неудивительно, что та часть атлантической цивилизации, которая оказалась в Новом Свете, очень быстро развила черты, отличные от моделей метрополии: в некоторых случаях она стала более демократичной или более плюралистичной в вопросах религии, более смешанной в расовом отношении, а в других случаях — более зависимой от рабского труда или от местной пищи; более бюрократической, более *étatiste**, где правительство метрополии находит действенные противовесы местным властям, или даже более аристократической, когда, например, на гасиендах наемные пеоны работают, почти как рабы; или, наконец, такой, где первые колонисты устанавливают тиранические династические режимы и строжайшие социальные ограничения⁸⁶.

Разрыв в политической культуре, к которому привела переправа через Атлантический океан, особенно нагляден в случае Северной Америки. Но обычно куда меньше внимания обращают на то, как параллельно, но с огромными от-

* Национальный, националистический (*фр.*).

клонениями развивалась цивилизация в Южной Америке. Заморская империя, приобретенная Кастилией, стала образцом «современного» государственного управления. Ибо здесь, где расстояние и время защищали колонистов от контроля с полуострова, корона ревниво относилась к своей власти; правосудие стало достоянием назначенных королем чиновников; церковное покровительство регламентировалось королем. Администрация пыталась регламентировать мельчайшие подробности жизни подданных в Маниле и в Мичоакане, вплоть до веса груза, который разрешалось переносить туземным работникам, и до решения, кому позволено носить шпагу на улице. За исключением нескольких поместий «феодалного» в широком смысле характера и отдельных церковных «отступлений», где права короны успешно ограничивались религиозными указаниями, империя — со всеми искажениями и неэффективностью, вызванными недоступностью во времени и пространстве, — управлялась из Мадрида: результат был парадоксальный. Местные общины переставали отождествлять себя с метрополией. «Креольский патриотизм» переписывал историю Америки, делая достижения креолов не уступающим Старому Свету; креольские ученые пересматривали естественную историю своего полушария, доказывая, что это самая лучшая среда, благосклонная к добродетельным.

Несмотря на желание дистанцироваться от дома, которое гнало колонистов через Атлантику, несмотря на новую политическую культуру, которую они развивали, на новое осознание своей идентичности, единая, охватывающая все берега Атлантического океана цивилизация начала формироваться по-настоящему в самом начале современного периода. Общины, оторванные от Европы, с удивительной цепкостью придерживались некоторых прежних обычаев. Они давали своим городам названия городов своей прежней родины⁸⁷. Они копировали оставленную на родине архитектуру, иногда используя местные материалы и местных строителей, что придавало зданиям совершенно другой облик, хотя когда Филипп Харрингтон, морской капитан, державший в ящике своего письменного стола *Vitruvius Britannicus*, в 1764 году построил в Ньюпорте греческий храм, он

благоразумно распорядился придать дереву вид камня⁸⁸. Поселенцы предпочитали акклиматизировать растения со своей родины, а не осваивать местные сорта, которые лучше выживали и были более питательными⁸⁹. Они реконструировали особенности тех обществ, от которых пытались сбежать: преследования по религиозным мотивам, социальную нетерпимость, вражду к чужакам. В Массачусетсе XVII века кальвинисты изгнали квакеров и баптистов в отдаленные районы. В XVI веке испанские солдаты и пираты становились правителями на Антигуа или в Боготе, вешали у себя над дверьми гербы и называли индейцев, плативших им дань, своими вассалами⁹⁰. Светские и духовные конквистадоры стремились построить американскую утопию без евреев и еретиков⁹¹.

Возможно, самое заметное доказательство того, что цивилизация, которую они помогали создать, была подлинно атлантической, — их города, эти давнишние показатели цивилизации, согласно общепринятым критериям. В колониальных городах воплощено представление горожан о себе. В первые столетия присутствия европейцев в Америке улицы прокладывались и здания воздвигались в традициях классической Греции и Рима: именно в период колонизации эти традиции оценивались в Европе особенно высоко. Невозможно не восхищаться стилем, в котором построен, скажем, Мехико на высоте в 7500 футов на развалинах старой столицы ацтеков Теночтитлана, или сконструирован у подножия вулканов на плоскогорьях Гватемалы величественный Антигуа, или в самой глухой местности заложена Филадельфия, — все эти примеры воплощают сочетание принципов классического городского строительства и братской любви.

17. Атлантика и то, что за ней

Атлантическое превосходство и взгляд на весь мир

*От Атлантического к Тихому океану,
от Тихого океана ко всему миру*

Хогг часто излагал свою теорию, которую принимал близко к сердцу. «Для дикаря в джунглях, — обычно говорил он, — для нашего предка-варвара вся жизнь была лотереей. Все, с чем он сталкивался, было крайне опасным. Его жизнь была буквально одной затянувшейся азартной игрой. Но времена изменились, возникла цивилизация, развилось общество, и по мере того как оно развивалось, а цивилизация шла вперед, элементы случайности, риска постепенно уходили из жизни человека». Тут он замолкал, оглядывал всех и спрашивал: «Есть тут кто-нибудь настолько глупый, чтобы в это поверить?»

Уильям Бойд. Армадилло

*Дубы — это деревья последних дней.
Когда земля расколется, они будут здесь:
Разбросанные повсюду,
Обмениваясь древним деревянным взглядом,
В котором нет никакого волнения.*

Питер Гиссарт. Камео (1993)

Кризис и обновление атлантической цивилизации

На протяжении столетий своего формирования (XVI—XVIII вв.) атлантическая цивилизация была поверхностной, слабой и фрагментарной. Несмотря на все свое преобразующее воздействие, общий объем трансатлантической торговли и колонизации мал по сравнению с традициями других частей света. Американские колонисты вырабатывали собственную идентичность, свою региональную экономику и политические предпочтения, они поворачивались спиной к океану, искали независимости от своих европейских партнеров или хозяев и сосредоточивались на расширении собственной американской территории. С 1776 года, когда только появившиеся Соединенные Штаты провозгласили свою независимость от Британии, выживанию атлантической цивилизации угрожала целая серия подобных разрывов.

К 1803 году Франция отказалась от большей части своих колоний или их у нее отобрали; в 1828 году Испания предоставила почти всем своим колониям независимость. Бразилия независима от Португалии с 1829 года. Хотя часть своих колоний, особенно в Карибском море, европейские империи сохранили, Атлантический океан как будто снова превращался в пропасть, разделяя обитателей противоположных берегов.

К счастью для выживания атлантической цивилизации, почти немедленно новые политические, социальные и экономические связи, новые символы общих ценностей и экономики начали заменять те, что были разорваны движением за независимость. И не успел кризис американской цивилизации разразиться, как отдельные фрагменты вновь начали соединяться. После обретения независимости экономические связи, интеллектуальный обмен, морская торговля — все это стало более интенсивным.

Особенно существенными в этом отношении оказались идеи. В начале XIX века демократия казалась одной из

«своеобразных особенностей» Америки, и большинство европейцев ей не доверяло. Однако в конечном счете она стала американским уроком, который преодолел Атлантику и восстановил моральное единство Западной Европы и Соединенных Штатов. Европейцы в Америке наблюдали демократию и ее последствия: предположительно образцовые тюрьмы и заводы, хорошие школы, современные психиатрические лечебницы и открытость всех правительственных учреждений. Они словно видели будущее и убеждались, что оно действует. В 1828 году Карл Постл рекомендовал Америку в качестве образца для «объединения народа во имя общего блага». В 1831 году де Токвиль считал демократию способом сдерживать самомнение, выпущенное наружу свободой. Примерно в то же самое время Шандор Болони, «Колумб демократии», вернулся в родную Венгрию, расточая похвалы «молодому исполину человеческих прав и свободы». Его соотечественник и товарищ по революционной деятельности Лайош Кошут в американском изгнании решил, что «демократия — это дух нашего века»¹. Пока в Европе в этом отношении никто ничего не делал; но американские свидетельства вторгались в европейские представления о политике.

Романтизм — шкала ценностей, ставившей чувства выше разума, — обернулся другой, все более мощной силой, которая перешагнула через Атлантический океан. Сознание своей вины перед Новым Светом оживляло воображение, разожженное «диким и грозным великолепием» американской природы или предполагаемым благородством «дикарей» западного полушария. Индивидуализм — система приоритетов, которая ставит желания и права индивида выше коллективных интересов: интересов общества, государства и в крайних случаях даже церкви и семьи, — возник и вопреки многим вызовам оставался наиболее отличительной чертой, объединявшей образ мыслей в Западной Европе и Америке.

Одновременно и парадоксально через океан перебрался и социализм. Граждане Соединенных Штатов верят, что живут в «земле свободы»; но сила их общества — солидарность, гражданственность, общинный дух и общительность; они выросли из американского исторического опыта и перевешивают индивидуализм. Америка в действительности ни-

когда не была землей одиноких рейнджеров. На каждого вооруженного пистолетом индивидуалиста на улице и на каждую неклеяменую корову в загоне приходились тысячи законопослушных граждан в фортах и караванах фургонов. При той разновидности коммунизма, которая процветала на фронтах, на почве ранней Америки расцвел социализм. Последователи Этьена Кабе, Роберта Оуэна и Шарля Фурье строили захолустные утопии на социалистических принципах — города Икара, которые смело начинали, но всегда терпели поражения². Сегодня от них остались лишь развалины; предсказание Карла Маркса, что Америка станет первой страной победившей социалистической революции, оказалось ложным — как и большинство других его предсказаний. Но заброшенные коммунны — напоминание о том, чему он был свидетелем, и том, какой большой вклад внесла Америка в развитие социализма.

На протяжении почти всего XIX века Америка влияла на Европу, отправляя назад идеи европейского происхождения. В Европе признавались отдельные писатели и художники Америки, но ни одно возникшее в Америке культурное движение не укоренилось в Старом Свете — если не считать спиритизма, который возник за обеденными столами среднего класса в Нью-Йорке в 1842 году и за несколько поколений приблизился по обе стороны Атлантического океана по своим масштабам к массовой религии³. Тем временем в области больших идей и высокой культуры ничто специфически американское не завладело умами европейцев. Несмотря на неустанные рекомендации сторонников прогресса, европейские элиты относились к демократии сдержанно или с отвращением. Однако в последнем десятилетии XIX века неожиданный взрыв американского культурного влияния начал оказывать новое, преобразующее влияние на театр европейской жизни: атлантическая цивилизация приобретала новую форму, на этот раз определенно белого, европейского характера, и с продолжительными и значительными последствиями.

Началось в области политики, с публикации в 1888 году руководства об «Американском государстве» оксфордского историка и профессора юриспруденции Джеймса Брайса. Брайс составил перечень уроков, которые европейские госу-

дарства могут усвоить у Америки. Избирательное право (только для мужчин), по мнению Брайса, нуждается в уточнениях, поскольку нельзя доверять право голоса черным и беднякам. Политикам не следует предоставлять заработную плату — у них развивается продажность и привычки наемников. Плебисциты — хорошая мысль, а вот выборность судей — нет. В целом же, несмотря на множество исключений, американское политическое развитие представлялось образцовым или во всяком случае неизбежным. Брайс сравнил его с лампой Данте, «освещающей ступени, по которым европейским нациям суждено идти вслед за Америкой»⁴. Демократические реформы 1880-х и начала 1890-х годов следовали советам Брайса, повторяя пример Америки. То же справедливо относительно конституций Австралии и Новой Зеландии, которые формулировались примерно в это же время. С поразительной внезапностью американская конституция из похвального примера превратилась в образец, которому необходимо следовать.

Почти немедленно океан начала пересекать подлинно американская культура. В 1893 и 1894 годах Антон Дворжак, который несколько лет руководил американской консерваторией, в своей симфонии «Новый Свет» и в «Библейских песнях» помог миру услышать музыку негритянских спиричуэлс; но первой отчетливо американской формой музыки, оказавшей преобразующее воздействие на Старый Свет, была музыка совсем иного типа, недооцененная, должная роль которой в мировой истории никогда не уделялась: это рэгтайм. В 1906 году Дебюсси написал «Голливогский кэкуок», и в течение нескольких лет ритмы рэгтайма явственно слышались в произведениях Сати, Хиндемита и Стравинского. Рэгтайм выражал негодование в Лондоне и Париже⁵. Обычно говорят, что американские музыкальные вкусы начали завоевывать Европу в результате Первой мировой войны: доказательство видят в распространении джаз-бэндов, прорыве американской музыкальной комедии и во вторжении Улицы луженых жестянок* и Голливуда. Песни продвигались вместе с войсками. И тем не менее вначале был рэгтайм.

* Tin Pan Alley, квартал на Манхэттене в конце XIX века, в котором были сосредоточены музыкальные магазины, нотные

Часто говорят, что до второй половины XX века американское визуальное искусство находилось под воздействием европейских веяний⁶; при этом, однако, не придают должного значения архитектуре, единственно подлинно популярному виду высокого искусства — ведь люди, которые никогда не ходят в картинные галереи, не могут по пути на работу не смотреть на здания. В годы рэгтайма американская архитектура сделала значительный шаг вперед, наиболее внятно представленный в работах Фрэнка Ллойда Райта и Луиса Салливана. Небоскреб на стальном каркасе, впервые придуманный в Чикаго в 1880-е годы, стал подчеркнуто американским даром миру. Когда перед самой Первой мировой войной было завершено строительство Эмпайр Стейт Билдинг, этот небоскреб стал самым заметным прыщом на лице планеты: возможно, со времен пирамиды Хеопса это было самое честолубивое здание в мире.

Наряду с воздействием американского искусства и музыки начало сказываться и влияние американской мысли и науки. В 1907 году Уильям Джеймс опубликовал свой «Прагматизм», который разошелся в Европе в количестве шестидесяти тысяч экземпляров и который Бергсон приветствовал как «философию будущего»⁷. Это была непропеченная ерунда — утверждение, что предположение верно, если оно полезно, и что, например, христианство оправдано социальными преимуществами, которые оно предоставляет; но зато это была полностью доморощенная американская философия, созданная американским мыслителем, который отверг известную европеизацию своего брата* и создал философскую систему, созвучную суевериям американской жизни и суматохе американского бизнеса⁸.

В науке к концу XIX века Америка уже обладала репутацией страны преобразующих мир технологий: телеграф, телефон, мимеограф, звукозаписывающие аппараты. Братья Райт подкрепили эту репутацию созданием жизнеспособной,

издательства и фирмы грамзаписи. Позже это выражение стало обозначать всю индустрию популярной музыки, прежде всего безвкусные музыкальные поделки.

* Речь идет о знаменитом писателе Генри Джеймсе.

управляемой летающей машины тяжелее воздуха. Примерно в то же время американские методологии произвели революцию в области антропологии. Среди предположительно ценных научных достижений конца XIX века была теория об эволюционном превосходстве некоторых народов и индивидов: мир представлялся разделенным на части по расовому признаку. Эта теория была опровергнута в первом десятилетии XX века, в основном благодаря недооцененному герою западной либеральной традиции Францу Боасу. Немецкий еврей, ставший старейшиной и духовным вождем американской антропологии, он не только обнажил ошибки расистской краниологии, но также изгнал из всех самых значительных, быстрорастущих и влиятельных национальных антропологических школ само представление о том, что общества можно ранжировать в соответствии с моделью развития мышления. Боас доказал, что люди в разных культурах мыслят по-разному не потому, что обладают более развитым мыслительным аппаратом, а потому, что их мысль отражает унаследованные традиции, которыми они окружены, и окружение, в котором они живут⁹.

В молодости Боас участвовал в полевых исследованиях, в зрелые годы стал музейным работником; он всегда стремился понять людей и артефакты, с которыми контактировал. Объект исследования его учеников — коренные жители Америки — находился на расстоянии короткой поездки по железной дороге. Привычка к полевой работе окончательно закрепила убеждение, что культурный релятивизм неизбежен. Это убеждение подтвердило огромное количество самых разнообразных данных, не соответствующих грубо иерархическим схемам XIX века. Потребовалось немало времени, чтобы это убеждение вышло за пределы кругов ученых, находившихся под непосредственным влиянием Боаса. Но уже в первом десятилетии XX века оно сказалось на методах работы английских ученых. В это время в Оксфорде главной фигурой в антропологии был Р. Р. Марретт, которого поверхностные наблюдатели могли обвинить в консервативном пренебрежении полевыми исследованиями. Он говорил, что нет необходимости изучать обычаи дикарей в поле, так как их легко наблюдать в преподавательских

Оксфорда. Однако на самом деле он очень усердно способствовал развитию полевых работ, приглашая вернувшихся из экспедиций исследователей выступить на его оксфордском семинаре¹⁰. Примерно в это же время в Европе пересматривается статус «примитивного» в искусстве благодаря открытию художников, которые ранее считались интересными лишь для этнографов. В первом десятилетии века Бранкузи, Пикассо и художники группы «Синий всадник» подражают работам, которые классифицировались как варварские. Постепенно, несмотря на сопротивление, особенно во Франции, взгляд Боаса на человечество проник в мышление Старого Света.

Этот общий, обнимающий Европу и Америку мир идей опирался на два достижения, развивавшихся на протяжении многих предшествующих десятилетий: во-первых, на новые технологии преодоления океана и, во-вторых, на движение самых эффективных векторов культурных перемен: людей и денег. В 1819 году Атлантический океан — из Джорджии в Ливерпуль — впервые пересек пароход «Саванна»¹¹; к 1840-м годам паровые двигатели освободили мореплавание от тирании ветров и течений. В 1870-е годы океан пересекли линии телеграфа, за ними в 1901 году последовало беспроводное сообщение. Американскую цивилизацию сделало возможной прежде всего океанское сообщение, поскольку корабли везли из Европы не только людей и товары, но и идеи. Число мигрантов из Западной Европы в Соединенные Штаты к 1880-м годам выросло со ста двадцати тысяч до пяти миллионов с четвертью, а в первой четверти XX века — до шести с лишним миллионов¹². К этому времени Соединенные Штаты ужесточили иммиграционный контроль. Статуя Свободы возвышалась над бдительными чиновниками, приветствующими приехавших и отсеивающими нежелательных. В тот же период, правда в несколько меньших размерах, излишки европейского населения направлялись и в другие части Америки, особенно в такие страны, как Канада, Аргентина и южная Бразилия, где условия походили на оставленные мигрантами на родине. Приток людей сопровождался притоком инвестиций. Европейские вложения в Северную и Южную Америку были жизненно необходи-

мы для строительства железных дорог, которые к началу XX века расширили протяженность трансатлантической связи на все западное полушарие. Воздействие железных дорог на атлантическую цивилизацию было двойственным. С одной стороны, они отбирали у океана перевозки и превосходили корабли в легкости и скорости перемещения; но с другой, расширили границы того, что мы называем атлантическим порядком.

Единство атлантической цивилизации символизировали два события начала XX века. В 1917 году первые из трех миллионов американских солдат прибыли в Европу для участия в первом в истории Соединенных Штатов вмешательстве в европейские дела; впоследствии такие вмешательства становятся все более частыми. Через десять лет как огромное достижение отмечался одиночный полет Чарльза Линдберга через Атлантический океан. На самом деле это было достаточно скромное достижение, потому что многочисленные авиаторы уже проделывали этот маршрут вдвоем, но пресса приветствовала Линдберга как «нового Христа», «победившего смерть». В Ле-Бурже невиданная толпа прославляла мальчика, первым увидевшего с отцовских плеч героя. В Кройдоне толпа встречающих затоптала несколько человек. Отчасти массовую истерию вызвала пресса, но полет Линдберга действительно символизировал популярную идею укрепления атлантического союза: полетом, по словам американского посла в Париже, «руководило» то же сознание единой судьбы, которое привело в Европу американские армии. Это сознание общей судьбы еще более укрепилось после 1944 года, когда американская военная мощь сыграла важную роль в освобождении Западной Европы, а американская культура — особенно в форме популярных кинофильмов, еды и музыки — глубоко проникла во вкусы западноевропейцев¹³. Тем временем Берти Вустер* и «Провинциальная леди»** могли чувствовать себя в Нью-Йорке,

* Герой произведений английского писателя Пэлама Гренвилла Вудхауза.

** Роман английской писательницы Э. М. Делафилд «Дневник провинциалки», 1930.

как дома, а «Пираты» побеждали на европейской стороне Атлантики.

Это вовсе не означает, что связи атлантической цивилизации были одинаково прочны в обоих концах или что ни в Европе, ни в Америке не было стремления эти связи разорвать. Атлантическому согласию времен Первой мировой войны угрожали изоляционизм, протекционистская реакция в Америке, удерживавшая Соединенные Штаты вне мировой дипломатической системы, как это было в двадцатые и тридцатые годы. Америка едва не разорвала длительные человеческие связи, которые прикрепляли ее к Европе: в 1913 году океан пересекли 1,2 миллиона мигрантов; когда в 1921 году были введены новые иммиграционные правила, это количество упало до 357 тысяч. После новых изменений в 1924 году численность мигрантов упала еще вдвое¹⁴. В двадцатые годы Америка была слишком безопасной и богатой, чтобы избежать самодовольства и стремления отгородиться от мира. Потребовались кризис и война, чтобы вернуть цепи на столбы атлантической общности.

Как и генералы, экономические стратеги — пленники ретроспективы: они всегда сражаются с предыдущим кризисом. После краха 1929 года кризис усугубили скупость и консерватизм бюджета. Герберт Гувер искал в прошлом, кого бы обвинить в бедах страны. «Главной причиной Великой депрессии» он назвал Первую мировую войну. Однако на самом деле война благоприятствовала бизнесу: проблемы начались, когда наступил мир. Пережив послевоенный шок демобилизации экономики, Америка прожила семь «тучных» лет, когда кредиты раздували инфляцию. Машины превратились в самый обычный товар народного потребления. Строители возводили дома «к самому солнцу». Большой бизнес вытеснил мелкий на обочину. Несколько финансовых фараонов строили «пирамиды» из миллионов держателей акций, контролируя рынок ценных бумаг и манипулируя голосами, а в это время в Европе диктаторы брали верх над демократией. Капиталисты, сказал Франклин Д. Рузвельт, который так и не простил своих высокомерных соучеников, забаллотировавших его при вступлении в студенческий клуб в Гарварде, хотели «власти для себя, рабства для рес-

публики». Гувер, узколобый аскет, при этом не доверявший богатым, не дождался никакой благодарности за то, что предсказал последствия: «спекулятивная лихорадка» переросла в депрессию. 1929 год — год американских самоубийств — запустил цикл отчаяния. Смертельный прыжок короля трестов Джеймса Дж. Риордана привел к катастрофе всех брокеров. Америка с опозданием пережила состояние, знакомое Европе со времен войны: нервное расстройство. Фред Астер пытался вывести из него своих поклонников песнями. Слушай музыку и танцуй. Встряхнись и приведи себя в порядок.

Согласно мифу, встряхнуться помог Новый Курс: подъем обеспечили экономисты, обратившиеся к нравственности. Рузвельт обеспечил социальную стабильность в стране вооруженных индивидуалистов: вспыльчивые преступники и бродяги в ковбойских сапогах ушли на киноэкран. «Никто, — провозгласил Рузвельт, — не будет забыт». Однако в действительности Новый Курс не принес никакого волшебства: он совпал с фазой роста краткого мини-цикла, после чего снова началось падение. Гитлер насмеялся над Америкой, кастрированной бедностью¹⁵. Изоляция и бессилие — единственная международная политика, какую могла позволить себе республика. У Рузвельта не было крупных идей. «Философия? — спрашивал он. — Я христианин и демократ. И это все». Но у него была постоянная цель: Новый Курс задумывался с тем, чтобы обезопасить жизнь рядового человека; арсенал демократии использовался для защиты мира. И то и другое было попыткой отделить «свободу от страха»¹⁶.

От спада американцев спасло то, чего они больше всего боялись: война. В 1945 году союзники были у них в долгу, а враги в тюрьме. Эра злобы сменилась эпохой «больших ожиданий»¹⁷. Одним из результатов стала иллюзия, что нынешнее столетие — «столетие американское»; это провозгласил в 1941 году один из основных культурных векторов Америки во всем мире — журнал «Лайф». Генри Р. Льюс, который изобрел эту фразу, хотел заставить Америку вступить во Вторую мировую войну: идея «первого великого американского столетия» должна была разбудить в американцах соз-

вание их принадлежности к мировому сообществу. В своем «видении двадцатого века» Америка отводила себе роль, состоящую из четырех частей: «Америка как центр все расширяющихся кругов предприимчивости, Америка как учебный центр искусных слуг человечества, Америка как добрый самаритянин, искренне верящий, что дающие благословеннее получающих, и Америка как двигатель свободы и справедливости». Пока Америка не вступила в войну, американское столетие оставалось нереализованной идеей. На самом деле получилось пол американских столетия.

Самым неожиданным исходом войны для Америки стало то, что она вошла во вкус. Поняв, что «арсенал демократии» может быть банковским вкладом, она больше никогда не возвращалась к изоляционизму. Она принялась разрабатывать безумные «сдерживающие средства» и оцетичилась обычным оборонительным оружием. Она стала вести войны по всему миру, иногда называя их «миротворческими операциями» и «миссиями». В событиях этого периода соблазнительно увидеть первый этап следующей фазы истории цивилизаций, в которой атлантическая цивилизация станет всемирной: кажется, это можно предвидеть, глядя на воодушевление американцев по поводу своей всемирной роли и на все расширяющееся воздействие американской культуры, которая постепенно нашла свою публику во всем мире.

Европейцы упрекают Америку в заботе лишь о собственных интересах, но это не совсем справедливо: американцы любят статус своей страны как сверхдержавы и, хотя ворчат по поводу цены, которую приходится платить за роль «мирового полицейского», одновременно гордятся этой обязанностью. Но со времен Второй мировой войны Америка нуждается в партнерах для поддержания своего статуса главной державы. Вначале, с 1940-х по 1980-е годы, она была втянута в «холодную» войну с соперничающей сверхдержавой и соревнование с иной системой экономического и социального планирования. Называвшийся вначале «международным коммунизмом», впоследствии враг стал известен как «Советская империя». Когда в 1989—1991 годах эта империя рухнула, задним числом она могла показаться дряхлой и обветшалой.

Но в расцвете сил, с 1940-х по 1970-е годы, она такой не казалась. Россия обзавелась ядерным арсеналом и разработала космическую программу, изначально опередив Соединенные Штаты в «космической гонке». Несмотря на опасность макроэкономических тенденций централизованно планируемой экономики и на неэффективность государственной собственности, казалось, что коммунистическая экономическая система работает. В быстро деколонизировавшемся мире 1960-х годов русская риторика, основанная на антиимпериализме, давала России новых союзников из числа развивающихся государств. Успех русских в установлении своей гегемонии в Восточной Европе и в обретении новых союзников вызвал на Западе возникновение особой формы паранойи, известной как «теория домино», согласно которой мир, часть за частью, будет попадать во власть коммунистов. В попытке подпереть падающие костяшки домино Америка ввязалась в катастрофическую войну во Вьетнаме: поражение, нанесенное небольшим государством, заставило Америку выглядеть уязвимой в потенциальной большой войне. На Западе появилось множество критиков Америки, которые готовы были разорвать связи с ней — даже, по сути, выйти из западной цивилизации и начать новый эксперимент, отказавшись от определяющих идеологий Запада. Но они всегда оставались в меньшинстве. Политика холодной войны укрепила трансатлантические узы. Общее чувство опасности стимулировало взаимные контакты.

В конечном счете Америка победила Россию в «состоянии расходов», потому что только капиталистическая экономика смогла обеспечить «и пушки, и масло». Между тем, однако, Америка никогда не ощущала себя в безопасности настолько, чтобы вернуться к изоляционизму. Крепость, в которой Запад отбил нападение коммунизма, покоилась на «столпах атлантической солидарности». Западные европейцы в неохотно, но позволили превратить большую часть своей территории в первую линию американской обороны; ее усеяли американские базы, она оцетинилась американским оружием. Задним числом последний великий век атлантической солидарности может показаться фактическим признанием слабости.

Вначале крах Советов не ослабил атлантическую систему, хотя в конечном счете он несомненно сделает это, поскольку без общей угрозы у Америки и Западной Европы не будет общих интересов. Теперь европейские партнеры стали нужны Америке не для борьбы с коммунизмом, а для участия во всемирных полицейских операциях. В последние годы XX века, по мере того как доля Америки в мировой экономике уменьшалась, росла стоимость миротворческих операций. Теперь мир, «безопасный для демократии», потребовалось защищать от мирового терроризма иррациональных культов и фракций и от государств под властью непредсказуемых диктаторов, таких как Ирак Саддама Хусейна или Сербия Слободана Милошевича. Общественное мнение требовало усиления вмешательства для защиты прав человека и решения экологических проблем. Теорию справедливых войн пришлось расширить до искажений, чтобы оправдать новую роль атлантического альянса как «гуманитарного» воина, бомбежками заставляющего согласиться с набором нравственных догм, который по существу не менялся с того момента, как Вудро Вильсон впервые вовлек Америку в войну: самоопределение, демократические формы управление, неагрессивность.

К концу XX века евро-американское сотрудничество по-прежнему выглядит обманчиво впечатляющим. Бомбежки НАТО позволили силой навязать юговосточной Европе два радикальных новых направления политики: вначале эффективное разделение Боснии на три с кровью отрезанных куски, каждый из которых стал участником гражданской войны. Новые бомбежки потребовались, чтобы заставить Сербию передать власть в Косово сепаратистам. В некоторой степени эти две операции, сомнительные с точки зрения морали и двусмысленные по последствиям, заставили американцев и их европейских союзников и дальше действовать вместе. Миротворческие силы, направленные в этот регион, застряли здесь на неопределенное время: как швы, наложенные в полевых условиях, они не поддаются удалению. С другой стороны, операциями так плохо руководили, они оказывались настолько неуспешными, что вызвали у американцев и европейцев взаимную настороженность. Операция в Косово лишь

усугубила войну, увеличила количество жертв и вознаградила террористов. Она вызвала негодование у жертв натовских бомбежек в Сербии и Черногории, а также принесла счет на сто миллиардов долларов. Хотя пропаганда НАТО пытается оправдать эти операции как «войну за цивилизацию», на самом деле их целью было избежать позора.

Если НАТО отступит, оно потеряет свой хвалебный «мандат». Оно объявило, что будет бомбить, и теперь вынуждено действовать, невзирая на последствия. Пентагон, однако, выступил против... Так же поступили и европейские дипломаты, занимающиеся балканскими проблемами. В ответ только: «Наш мандат»¹⁸.

Когда атлантический союз расколется и западную цивилизацию разорвет политическая пропасть, покажется, что эти действия оправдывают подобный исход, продемонстрировав все пороки, подорвавшие «мандат» цивилизации.

Западная цивилизация: границы и ограничения

В самом широком понимании, с включением всех стран, подпавших под сильное влияние Западной Европы и Америки, атлантическая цивилизация получила название «западной». Одно это свидетельствует о том, с какой точностью и верностью Европа и Америка воспроизводят друг друга. Технологии распространяют цивилизацию; то же самое делает ее способность привлекать подражателей. Мы видели много цивилизаций, способных распространяться на другие территории из места своего возникновения, но западная цивилизация в этом отношении особенно преуспела. В XIX веке промышленная изобретательность позволила ей занять степи, которые прежде не поддавались возделыванию; военная и экономическая мощь навязала ее стандарты и некоторые черты культуры почти повсюду, где обитает человек; в XX веке ее экономика позволила завалить всю планету отходами. Влияние западной цивилизации в мире превосхо-

дит все, что было при ее предшественниках; эта цивилизация распространилась на все среды обитания, что ранее было невозможно. Причем она стала такой не только благодаря своему техническому и экономическому превосходству, но и потому, что тем, кто находится за ее пределами, она нравится и они тоже хотят воспользоваться ее преимуществами.

Однако не все воспринимают подобные результаты с одинаковым удовлетворением. Говорят, когда Ганди спросили, что он думает о западной цивилизации, он ответил, что «это была бы неплохая мысль». В некоторых странах растет возмущение господством Соединенных Штатов, здесь ему пытаются сопротивляться. Самые бросающиеся в глаза черты культуры западной цивилизации вызывают яростное неприятие в разных частях мира: индивидуализма боятся как явления антисоциального, демократию считают опасной, искусство и музыку для массового потребителя называют декадентской. Равенство полов вызывает опасения ввиду того, что может вызвать нарушение естественно сложившегося порядка. Индустриализация, обычно считающаяся самым большим достижением атлантической цивилизации, распространившись на весь мир, вызвала и нежелательные последствия: не соответствующие особенностям местности технологии и распад привычного стиля жизни — в то числе конвейеры на производстве, урбанизация по западному образцу, распад семей, появление больших армий в результате массового призыва — все это обрушилось на среды, которые, если бы не привлекательность западного примера, могли бы сохраниться. Но главное, демократия высоко ценит материальное процветание огромного большинства граждан, и это оказывается страшной угрозой для среды. Критики западной цивилизации обвиняют ее в невосполнимом уничтожении мировых ресурсов. Те из нас, кто восхищается западной цивилизацией, кому нравится в ней жить, должны понимать окружающее нас недовольство, если хотят, чтобы наша цивилизация уцелела.

Недовольство, вызываемое западной цивилизацией, исходит из таких противоречивых источников, что невозможно ответить на него, тоже не впадая в противоречие. С одной

стороны, критики запада считают его излишне цивилизованным; с другой, запад обвиняют в недостаточной цивилизованности. Критики первой разновидности оценивают последствия западной цивилизации ее воздействием на естественный мир: сокрушительный, угрожающий масштаб, в каком происходит преобразование природы; расплзающиеся уродливые города во всех частях света; загрязняющее действие промышленности, которая в этих городах развивается; безжалостность и разрушительная эффективность, с какими природу грабят, чтобы накормить и обогреть эти города; уничтожение целых видов, разрушение природной красоты. Критики второго типа говорят о цене, которую платит человек: недостатки капиталистической морали, социальные и политические последствия неравенства, недовольство и страдания обездоленных, невозможность достичь счастья. Согласно недавним или текущим данным западная цивилизация по стандартам остального мира переживает упадок вопреки — а может, благодаря — материальному процветанию. Семьи распадаются, количество разводов растет, многие предпочитают вообще не вступать в брак. Количество бездомных и нищих непрерывно увеличивается. Степень нарушения законов становится угрожающей: индивиды, преследуя личные цели, отвергают верность традиционным общинам, связям, забывают о гражданской ответственности и взаимной поддержке. Все это дает достаточно поводов обвинять западную цивилизацию. Для тех, кто живет внутри этой цивилизации, все это — повод искать возможности улучшения. В глазах защитников иных систем ценностей — таких, как ислам или «азиатский путь», — это то, чего следует избегать.

У этого разочарования долгая история, которая начинается внутри западного мира. Уже в XIX веке в Западной Европе и в Америке слышались голоса неудовлетворенных «евангелием работы» и верой в «усовершенствования». В определенном смысле они могут служить неплохим путеводителем по прогрессу цивилизации, который можно измерять громкостью голосов таких критиков. Вначале эти голоса казались доносящимися из диких, отсталых мест, это были голоса врагов цивилизации, потому что, судя по их возможностям из-

менять природу, паровая машина и индустриальный город были высшими достижениями цивилизации за все время ее существования. Оппоненты — «луддиты» или «разрушители», равнодушные или враждебные красоте и неизбежности прогресса, в то время как создатели «усовершенствований» — герои. Герои не делают историю, зато история делает героев. Ценности и тенденции века можно определить по тому, каких героев он избирает. Например, в XVIII веке Англия делала настоящих идолов из исследователей и «благородных дикарей». В XIX героями стали механики, предприниматели и изобретатели. Жизнь инженеров стала темой книг — примерно так же, как жизнь художников Италии периода Возрождения или жизнь святых и королей в средневековой Европе.

Как тогда говорили, создатели новой технологии «приближаются к свойствам и преимуществам высших существ». Механики становились героями «эпоса инструментов»¹⁹. Когда Изамбард Кингдом Брунель сошел с платформы во время открытия величественного железного моста, построенного им в 1857 году через реку Теймар, морской оркестр заиграл «Смотрите, идет победитель»²⁰. Изобретателю пулемета Армстронга, который первым попытался использовать в домашнем хозяйстве гидроэлектроэнергию, предложили занять албанский трон. Те герои, которые сражались в войнах против других людей, не могли конкурировать с инженерами, сражавшимися с природой. Самым красноречивым апостолом паровой машины был Сэмюэль Смайлс, который отождествлял индустриализацию с прогрессом и верил, что промышленность способна не только обогащать людей, но и делать их более совершенными.

«Ранние изобретения, — писал он в 1860-е годы, — впрягли ветер и воду в паруса и колеса... но... уголь, вода и немного машинного масла — вот все, что нужно паровой машине, у которой внутренности железные, а сердце огненное, чтобы работать день и ночь без отдыха и сна... Паровые машины качают воду, приводят в действие ткацкие станки, молотят зерно, печатают книги, обрабатывают металл, па-

шут землю, пилят лес, забивают гвозди, движут корабли и паровозы, выкапывают доки; иными словами, дают господство над всеми материалами, которые повседневно использует человек»²¹.

Промышленность покоряла природу, не обязательно задевая романтическую чувствительность. Романтика пара заставляла паровые машины казаться «благородными», прекрасными и даже изящными. Дж. М. У. Тернер рисовал их так, что они словно сливались с природой; Феликс Мендельсон в свой музыкальный отчет о поездке в Шотландию, где он следовал распространённому увлечению своего времени — изучал туманное, загадочное прошлое Европы, включил песни паровой машины. Промышленные эксперименты приобретали характер приключений, импровизации, даже очарования. Рассказ современника об одном из великих моментов истории промышленности — открытии бессемеровского процесса, который превращает железо в сталь, — типичен и преподносит открытие скорее как волшебство и чудо, чем как научное достижение. Великий изобретатель сэра Генри Бессемер сделал последние приготовления,

примитивный аппарат был готов, паровая машина начала нагнетать воздух под высоким давлением через дно сосуда... механик, и сам изумленный, вылил металл. Немедленно началось вулканическое извержение, поток искр невиданной яркости... на глазах изумленных зрителей разворачивались различные стадии процесса... Никто не смел приблизиться... и, что самое удивительное, в результате получилась сталь!²²

Причудливое и романтическое представление о промышленности сквозит в газетной похвале 1855 года фабрикам Сабадели, в районе Барселоны: «И эти фабрики, величественные и элегантные... должны внушать их владельцам и всем людям чувство гордости... Эти дворцы олицетворяют не тщеславие или высокомерие, но любовь к работе и уважение к ее достоинствам и результатам»²³.

Однако вне образцовых фабрик и идеальных городов — на улицах, в трущобах, возникших ввиду большой концентрации рабочего люда, — усилия создать промышленности романтическое окружение — воссоздать среди «мрачных сатанинских заводов» град небесный — завершились ужасным провалом. Алексис де Токвиль, который в 1835 году путешествовал по Англии, представлял выгоды индустриализации как золото, добытое из «помойки». «Из этой грязной сточной канавы, — писал он, — течет, оплодотворяя весь мир, величайший поток современной промышленности». Промышленные революции мигрировали и распространялись, повсюду оставляя характерные следы: поэт и священник Джерард Мэнли Хопкинс видел «голую почву, обожженную торговлей, замаранную трудом», несущую на себе «грязные следы человека». Повсюду благие намерения приводили к ужасным результатам. Об индустриальном прогрессе можно судить по подсчетам прибыли и сопоставлению результатов: по сводкам заболеваемости и столкновений в перенаселенных городах, по литаниям святым «евангелия от работы», которые богатели благодаря своей предприимчивости и использовали богатство в духе «просвещенного эгоизма», или по громкости криков жителей городских трущоб, оторванных от корней и перемещенных в безжалостное окружение. Все это есть в романах, в статьях журналистов и официальных документах того времени. Третий Лондон, по словам одного из персонажей романа Гаскелл 1848 года, «зияет дырами несправедливости и подлости». В 1842 году Гюстав Доре совершил в Лондон «паломничество в поисках живописного», но увидел лишь то, что подходило для темного, мрачного, леденящего кровь искусства. Его взгляд повсюду наткнулся на калек, бездомных, отчаявшихся, эксплуатируемых, больных, несчастных, укутанных в тряпье и замерзающих. Даже в портретах представителей высшего общества, процветающих купцов или ремесленников, его карандаш оставляет темный, свинцовый след²⁴.

Ибо в большинстве мест, где шла индустриализация, она была отвратительной, жестокой и быстрой. Она породила наскоро построенные города, рассадники грязи, насилия и болезней. Барселонский врач Хайме Саларих в 1850-х и

1860-х годах и манчестерский реформатор Эдвин Чедвик в 1830-х и 1840-х годах рисовали одну и ту же клиническую картину состояния работников ткацких фабрик: сильная потливость, вялость, желудочные заболевания, затрудненное дыхание, затрудненные движения, плохие вентиляция легких и кровообращение, умственная отсталость, расстроенные нервы, изъеденные легкие и многочисленные отравления машинными маслами и красками. Лондонские бедняки жили «в скотских условиях деградации и грязи» — это не выдуманная характеристика, а слова Джона Саймона, официально ответственного за здоровье населения. Среди последствий индустриализации и перенаселенности городские реформаторы указывают на рост сексуальной распущенности и на ухудшение здоровья. Карл Маркс, который спал со своей служанкой, утверждал, что безжалостные боссы подвергают своих работниц сексуальной эксплуатации. Мир ремесленников и гильдий исчез во время сейсмических толчков, которые подняли над городами заводы, как дымящиеся вулканы, и сплюснули традиционные структуры общества. Индустриальные города, изображавшиеся художниками начала века, с ростом информированности были отвергнуты почти единогласно. Теперь они изображались как нечто уродливое и разросшееся, где отчуждение порождает нищету, болезни, преступления и моральную деградацию. Несмотря на все социальные усовершенствования и непрерывный рост благосостояния за последние сто лет, часть этого образа индустриального города по-прежнему соответствует действительности: согласно большинству оценок промышленный город остается средой, которая одновременно воплощает цивилизацию и отталкивает от нее, средоточием площадей и бульваров, сточных канав и трущоб, где рядом с образцами высочайших достижений блуждает множество бездомных²⁵.

В XX веке отвержение западной цивилизации усилилось. Конечно, во многом это связано со все возрастающим многословием жертв западного колониализма и со все увеличивающейся степенью свободы, с которой они могут выражать свои мнения в эпоху «отступления империализма». Однако для устойчивости западной цивилизации гораздо большее

значение имеет утрата самообладания изнутри — рухнувшая уверенность в превосходстве Запада. Критика изнутри не сводится только к высказываниям интеллектуального авангарда или привычно циничного левого края цивилизации. Хотя в большинстве популярных средств информации до второй половины XX века преобладало «здоровое империалистическое чувство», популистская кампания за революционные изменения, ведущаяся и слева и справа, отражала глубокую обеспокоенность недостатками цивилизации. И многие средства массовой информации оказались доступны для некоторых прогрессивных мыслителей с их разочарованием. Вероятно, самыми важными из таких информационных средств были комиксы — единственный подлинно новый жанр, порожденный столетием. Признанным мастером этого жанра был Эрже*, чьи книги расходились очень широко: он самый переводимый писатель столетия. Хотя его часто обвиняли в сочувствии империализму и даже фашизму, на самом деле он всегда был на стороне слабых против сильных. В книгу, которая мне нравится больше других — *Le Lotus bleu*** , основанную на событиях 1931 года в Маньчжурии, он включил небольшой рассказ; действие рассказа происходит в Шанхае; его герой — самодовольный колонизатор, который болтает о «*notre belle civilization occidentale*»*** и при этом избивает «грязного китаезу».

Империи белых, господствовавшие в мире в начале столетия, оправдывали себя тем, что-де выполняют «цивилизаторскую миссию»; однако они сами дали примеры варварства и не сумели устранить из мира, которым правили, жестокость и дикость. Раны, открывшиеся во время первых экспериментов по деколонизации в 1940-е годы в Индии, Палестине и Индонезии, загноились; колониальные войны 1950-х годов в Кении, Индокитае и Алжире были «варварскими войнами за мир». В 1960-е годы, когда большинство белых империй рухнуло и возникшие новые госу-

* Настоящее имя Жорж Реми, бельгийский автор комиксов и художник.

** Синий лотос (*фр.*).

*** Наша прекрасная западная цивилизация (*фр.*).

дарства утонули в крови, отвращение к западной цивилизации проникло в массовую культуру: в «песни протеста» популярных певцов, в риторику о необходимости «выйти» и о «повороте к восточной мудрости». После этих событий западная цивилизация так и не смогла оправиться и вернуть себе всеобщее одобрение: итоги столетия говорили против этого.

В отвращении к западной цивилизации мир мог повернуться к чему-то лучшему. Но отвращение оказалось слишком сильным: оно породило голоса, отказывающиеся цивилизации в шансах на выживание или активно призывающие к отказу от цивилизационных традиций. Стало казаться, что цивилизация не стоит тех усилий, которые делаются для ее создания. Ибо опыт столетия оказался удивительно парадоксальным. Это было лучшее из времен. И худшее. Оно родилось в надежде и породило катастрофы. Двадцатый век продемонстрировал больше творческих способностей, больше усилий, больше технической изобретательности, больше планирования, больше свободы, больше стремления к добру, чем до сих пор знала история человечества. Но это было и столетие самых разрушительных войн, самых страшных массовых убийств, самых отвратительных тираний, самых больших пропастей между богатством и бедностью, самого сильного загрязнения среды, самого большого количества отходов и самых жестоких разочарований. Главная загадка двадцатого века: почему это все произошло? Иными словами, почему подвел прогресс?

Популярны четыре ответа на этот вопрос. Во-первых, говорят, что прогресс подвел, потому что человек забыл Бога. Самые страшные злодеяния века — на счету атеистических движений: фашизма и коммунизма. Согласно такой теории то, что самое мирское столетие в истории человечества оказалось и самым несправедливым и жестоким, не просто совпадение. Человек, который не боится Бога, говорят религиозные моралисты, не в состоянии соблюдать законы морали. Такие рассуждения кажутся очевидно неверными. У верующих нет монополии на добродетель, и, как свидетельствует вся история, во имя религии совершалось не меньше зла, чем при ее отсутствии.

Другие утверждают, что усовершенствования всегда были лишь иллюзией, что в действительности их не было, что человеческая природа никогда не менялась и так называемый прогресс — каждое новое решение — порождает собственные проблемы. В определенной степени это справедливо. Например, открытие новых источников энергии усиливает загрязнение среды. Победа над детской смертностью привела к возникновению проблемы контроля над ростом населения. Освобождение женщин привело к кризису в семейных отношениях. Рост терпимости сопровождался ростом преступности. Рост демократии стал крупнейшим достижением нашего столетия — но электоратом можно манипулировать в неблагоприятных целях. Однако вообще отказывать прогрессу в существовании значит отвергать очевидные факты и, кстати, подрывать наши надежды на будущее.

Наконец, прогрессу, возможно, препятствуют собственные противоречия. Прогресс — злейший враг самому себе, потому что пробуждает надежды, которым никогда не суждено сбыться. Согласно моему коллеге Джону Нейбауэру из Голландского института продвинутых исследований, это было «столетие грез». Предыдущие века считали сновидения предзнаменованиями. Мы освятили их как окна в подсознательное происхождение мотиваций человека. Мы сделали их отправным пунктом своего искусства и даже пытались подменить ими рациональное, критическое мышление. «И что происходит, — спросил меня Нейбауэр за кружкой пива в баре, — когда сны не сбываются?»

Конечно, неудача прогресса может быть обманом восприятия — жертвой дурных новостей. Двадцатый век характеризуют как выход на первый план массового общества: огромных, лишенных корней масс городского населения, всегда ждущих новостей и жадных до развлечений. Как правило, преобладает поиск сенсаций. Дурные новости прогоняют хорошие. Люди не замечают успеха, потому что неудача для журналистов и ученых гораздо интереснее. Но иллюзии, если люди в них верят, иногда меняют ход истории. Ложь, в которую поверили люди, сильнее того, что происходит на самом деле. Поэтому даже если неудача прогресса — миф, он все равно будет частью нашего прошлого.

Столетие начиналось с опасных оптимистических заблуждений. Вначале казалось, что эволюция сделала людей лучше. На самом деле, если наше чувство красоты и добра есть продукт эволюции, оно подобно разуму: давно застыло и нисколько не развивается. В напряжении войн или стресса, ослабленное наркотиками и демагогией, представление людей о приличиях исчезло. Во время Второй мировой войны сотни тысяч во всех прочих отношениях обычных, приличных людей в Европе участвовали в массовых убийствах соседей. Во время вьетнамского конфликта приличных, патриотически настроенных американских солдат, которые любили мамочку и ели яблочный пирог, так опьянила кровь и одурманил адреналин, что они убивали женщин и детей в Мэй-Ли. Несомненно среди палачей Пол Пота, тиранов Восточного Тимора, убийц Руанды и тех, кто проводил этнические чистки в Косово и Боснии, были хорошие ребята.

Более того, когда столетие начиналось, житейская мудрость сообщила, что история куда-то направляется: то ли ко всеобщей свободе, то ли к всемирному правительству, то ли к социалистической революции и «бесклассовому обществу» или, возможно, к тысячелетию, предопределенному Богом. Сегодня похоже, что история так не развивается. Она переходит от одного кризиса к другому без всякой последовательности или порядка, без предсказуемых исходов. Это подлинно хаотическая система. Утрата сознания «судьбы» или даже просто направления очень затрудняет поддержание цивилизации; без этого ослабевает притяжение телеологических ожиданий; вера в будущее, которую Тойнби и Кеннет Кларк считали необходимым свойством цивилизации (см. выше, с. 33), исчезает.

Вера в прогресс поддерживалась тем, что оказалось *faux amis**. Например, на протяжении столетия все ускоряющееся развитие науки породило ложные надежды. В первом десятилетии века казалось, что предела человеческим возможностям нет. Наука демонстрировала свои возможности завоевать все уголки физической вселенной, и люди начали надеяться, что

* Заблуждение (*фр.*).

такие же преобразования она вызовет в нравственности и в обществе. При помощи планирования можно искоренить болезни и несправедливость. И все будут счастливы. В действительности планирование почти всегда оказывалось ошибочным. Наука эффективнее помогала злу, чем добру. «Научно» построенные общества оборачивались тоталитарными кошмарами. Псевдонаука нацистов и коммунистов оправдывала уничтожение целых народов и классов.

Даже успехи подлинной науки оказались двусмысленными. Автомобили и контрацептивные таблетки сотворили чудеса в области достижения индивидуумом свободы, но при этом они угрожают здоровью и меняют мораль. Промышленное загрязнение способно задушить планету. Атомная энергия может спасти мир, но может и уничтожить его. Прогресс в медицине привел к нарушению сбалансированного прироста населения, которое невозможно прокормить, а тем временем болезнетворные микроорганизмы вырабатывают иммунитет к нашим лекарствам. Стоимость медицинской технологии привела к возникновению жестокой пропасти между богатыми и бедными. У нас избыток информационных технологий и огромные изъятия в образовании. Невероятный прогресс в области технологии производства пищи привел к непристойному парадоксу: пищевые излишества рядом с голодом. Количество жизней, уничтоженных в первой половине века безжалостным тоталитаризмом в обществах, гордящихся своим гуманистическим мандатом, превосходит количество погибших в конце столетия. К исходу века люди потеряли веру в то, что наука спасет мир: напротив, победило представление о науке как о Франкенштейне. Исследования в области роботехники и информационных технологий вызывают ужас, а космологические рассуждения — лишь замешательство. Все стали бояться генных манипуляций.

Политика разочаровала еще сильнее науки. Большую часть века мир представлял собой поле боя соперничающих идеологий, безответственно раздававших обещания в стремлении завербовать больше сторонников. На самом деле ни капитализм, ни коммунизм не в состоянии дать людям счастье. Коммунизм наделял огромной властью всемогущее го-

сударство и разлагал собственную партийную элиту. Капитализм работал, но не очень хорошо (см. выше, с. 259): он вознаграждал алчность и безжалостность, плодил бедняков, раздувал рынок до того, что тот готов был лопнуть, порождал нестабильность и задавил мир потребленческим подходом. В начале последнего десятилетия века оптимизм на миг возродился благодаря распространению демократии и неожиданному всемирному консенсусу относительно экономической свободы; но это настроение исчезло. Столетие завершилось новым циклом неудержимых кризисов, неконтролируемых природных катастроф и геноцидными войнами.

Существует очень немного «уроков истории», и люди уж точно никогда их не усваивают. Но опыт двадцатого века, по-видимому, все-таки учит одному: если вы толкуете цивилизацию как прогрессивную, то обязательно разочаруетесь. Если верите в древний идеализм, который стремился развить свободу путем манипулирования обществом, вы обречены на поражение при столкновении с действительностью. Если вы встраиваете в свою модель цивилизации мораль, модель окажется нежизнеспособной. Если вы считаете цивилизацию такой разновидностью общества, которая может высвободить доброту человека, вы обманываете себя. Подлинный вызов понимаемой так цивилизации приходит изнутри. Цивилизация тонкокожа: стоит ее поскрести, и покажется варварство. Цивилизация и варварство обычно считаются взаимоисключающими категориями, но каждое общество есть их смесь. И каждый индивид тоже. Под влиянием демагогии или лишений вполне нормальные, приличные люди убивают соседей. Вера в кумулятивно развивающуюся цивилизацию очень опасна. Например, политика умиротворения была основана на вполне разумной вере: немцы, которые внесли такой огромный вклад в искусство и науку, не способны на зверства. Неудивительно, что историки XX века склонны к пессимизму²⁶. Есть вечное определение: оптимист говорит, что это лучший из миров. А пессимист ему верит.

И если за последние сто лет непрерывных разочарований произошло хоть что-то хорошее, так это то, что мы теперь

смотрим в будущее с гораздо более скромными ожиданиями. А если так, то мы будем выше ценить свои успехи и найдем в себе смелость снова попытаться запустить прогресс и поддерживать его. Мартин Гилберт говорил от имени миллионов, когда признавался, что темп изменений утешает его и поддерживает веру в народную мудрость. При демократии «самое пессимистическое предсказание, — говорит он, — может измениться за один день»²⁷. Похоже на «старайтесь извлечь лучшее из плохой работы», но это хороший пример практичного средства. Настроение исхода столетия лучше всего передал Джекоб Дельвейд из Католического университета в Брюсселе. «Будущее столетие, — предсказывал он в разговоре со мной в 1999 году, — будет лучше этого. Конечно, будет — мы так изувечили свой мир, что дальше некуда».

Следующая остановка после Атлантики

1) Месть природы

В последнее время мировая история творилась под знаками господства западной цивилизации; но уже в конце Первой мировой войны был предсказан ее закат, и он происходит — все более бурно. Сегодня западной цивилизации грозит растворение в цивилизации всемирной или смена тихоокеанской цивилизацией. В истории все проходит — и западная цивилизация, подобно всем предыдущим, погибнет — или преобразится.

Ибо история цивилизаций — это тропа, вьющаяся между руинами. Ни одна цивилизация не существовала бесконечно долго. Все они кончали катастрофами: в одних случаях слишком эксплуатировалось окружение; в других войны и революции привели к возврату варварства. Почему мы должны считать, что избежим подобной же участи? А пока мы ждем катастрофы или стараемся избежать ее, как будет меняться цивилизация, в которой мы живем?

Угроза, которая возникает сегодня наиболее часто, — экологическая катастрофа. Мы привыкли представлять себе

биосферу как тонкую оболочку вокруг обнаженной планеты — как вуаль, которую мы изнашиваем и обрываем. Совершенно невозможно точно подсчитать, не поглощаем ли мы ресурсы быстрее, чем они возобновляются. Источники пищи и плодородные земли уничтожают и превращают в пустыню многочисленные ракетные испытания. Наша неспособность распределять пищу привела к появлению миллионов жертв голода. В то же время ослепительные достижения научной агрономии привели к появлению глобальных излишков продовольствия. Количество неиспользованных площадей на планете — и за ее пределами — по-прежнему огромно, и наша техника постоянно совершенствуется, делая обитаемыми ранее непригодные к жизни среды. Традиционные источники топлива под угрозой наших непредусмотрительных требований, но без устали ищем и часто находим новые залежи. Наша техника использования практически неисчерпаемой энергии Солнца и движения Земли до сих пор в зародышевом состоянии. Земная атмосфера кажется все более угрожающе изношенной, и общественность уже привыкла видеть в ней «озоновые дыры»; но в действительности жизнеспособность атмосферы зависит от равновесия составляющих ее компонентов, а человеческая деятельность может нарушить это равновесие. Поэтому ошибки, подсказанные благоразумием, кажутся утешительными.

Однако наши экологические приоритеты недооценивают природу. Забавное проявление человеческого высокомерия — считать, что главная тема истории цивилизации в наше время пересмотрена и что в борьбе человека с природой превосходство теперь на стороне человека. Однако опыт прошлого свидетельствует, что как бы безжалостно мы ни обращались с окружением, оно всегда отвечает ударом на удар. Мы уничтожаем звенья экоцепи, но по-прежнему связаны ею. Большинство видов исчезает не из-за нас, а невзирая на нас. Тем не менее существуют виды, которые жили до нас и, вероятно, будут жить и после нас. Море и пустыня, джунгли и лед, дождь и ветер возвращают себе куски планеты, которые мы от нее «отгрызаем».

Мы, люди, считаем себя лучшими существами на планете. Но что если мы ошибаемся? Согласно одному из наших

любимых мифов Адам перестал быть венцом творения, когда был изгнан из рая. Его потомки могут вновь утратить свой рай. Если бы мы могли взглянуть на наш мир объективно, мы бы, вероятно, заметили другие виды, оспаривающие у нас первенство: растения, которые переживут нас, или микробов, которые вызовут «всеобщую эпидемию». Один из способов достичь объективности — поменяться ролями и взглянуть на вещи с нечеловеческой точки зрения. С точки зрения Понго, например, в истории Доди Смита о ста одном далматинце люди в его доме стали его домашними животными. Бык на арене, который сообразно своей природе сражается насмерть, бросает вызов тем желающим добра критикам, которые предпочли бы убить его не так красочно, но в соответствующей санитарным требованиям скотобойне. Капуста кричит под ножом огородника. Более высокомерные формы жизни, чем наша — если таковые существуют, — отвели бы нам более скромное место в творении, чем цивилизации прошлого отводили человеку.

Никто не знает, как или когда человеку додумался до того, что он лучше всей остальной природы. Примитивный разум полагался на другие виды, большие по размерам, более сильные, выносливые или быстрые, чем человек. К животным, которые были врагами, относились с благоговением и страхом, а союзниками восхищались. Мегалитические охотники, оставившие нетронутые могилы в Скейтхолме (см. выше, с. 66), считали своих собак равноправными членами общества, хоронили их со свидетельствами их смелости, а в некоторых случаях с бóльшими почестями, чем людей. За такими домами, как мой, где повсюду разбросаны подушки с вышитой надписью «Таксы тоже люди», стоит давняя традиция. На протяжении большей части истории люди не только боялись остальной экосистемы или умиротворяли ее, они подражали ей в зооморфных танцах. Или, создавая свои артефакты, строя здания, воздавали дань деревьям и животным, имитируя их. Вместо того, чтобы представлять себя созданными по образу Бога, они создавали своих богов в образе животных. А когда доходили до высшего высокомерия, изображая богов, то делали это в шкурах и перьях, с рогами и в звериных масках.

В цивилизациях, которые хвалят или проклинают за выработку нашего представления о превосходстве человека: в цивилизациях Китая, Индии, древних греков и евреев — представление о том, что человек царь или повелитель планеты, не может быть прослежено до очень глубокой древности: не дальше чем до второго тысячелетия до н. э. Появившись же, это представление не распространялось широко. Египетская цивилизация продолжала держаться своих богов с лицами крокодилов и шакалов. Цивилизации Америки поклонялись тем частям своего окружения, которыми питались. Взаимозависимость человека и маиса не предусматривала превосходства партнера-человека. Напротив, это люди поклонялись початкам в обрядах служения им, в то время как початки обладали божественной прерогативой самопожертвования ради поклонявшихся им. Нет никакого парадокса в идее бога, приносящего себя в жертву, чтобы накормить верующих: Бог христиан делает это ежедневно.

В большей части остального мира и большую часть времени преобладало подобное же отношение. В сотрудничестве с другими частями природы люди считали себя равными или подчиненными партнерами. Или, борясь за выживание во враждебном окружении, рассматривали остальные виды как равных или более сильных соперников. Даже в Западной Европе триста лет назад считалось, что животные обладают правами, практически равными человеческим. Крыс, опустошавших амбары, саранчу, уничтожавшую посевы, ласточек, испражнявшихся на святыни, собак, укусивших человека, подвергали суду за их «преступления», на суде у них были адвокаты, и их иногда даже оправдывали²⁸. В Уэльсе и во Франции паломники поклонялись мощам канонизированных собак: может ли существовать более убедительное доказательство морального равенства человека и животного?²⁹ И сегодня защитники прав животных — это ультраконсервативные революционеры, которые хотят перевести часы на сотни лет назад.

Представление человека о своем превосходстве складывалось постепенно, но здесь на его стороне мощные авторитеты. Это совершенно отчетливо видно в книге Бытия: «Все движущееся, что живет, будет вам в пищу, — говорит Бог

Ною, — как зелень травную даю вам все»*. Стоики также считали, что природа существует лишь для того, чтобы удовлетворять потребности человека. Гуманисты Возрождения — коллективный нарциссизм всего вида — сделали это представление наследием современного мира. Сегодня большинство из нас считают, что люди — лучшее попадание Бога, или, иными словами, венец творения. Даже сторонники освобождения мясных телят в Англии руководствуются соображениями снисходительного сочувствия.

Однако до сих пор существуют культуры, где есть вера в существование ангелов и демонов во плоти, которые, будучи неотделимы от природы, покровительствуют человеку или подвергают его опасности благодаря своим сверхъестественным страшным силам. Японцы с их традиционным представлением о природе, кишасей божествами, несомненно представляют более типичный для человека образ мыслей, чем современные представители Запада. В традициях индуизма, который отводит человеку высшее место как итог реинкарнации, мысль о превосходстве человека выражена все же очень осторожно. К нечеловеческим формам жизни здесь относятся почитательно, в духе, аналогичном тому, что мы сегодня называем «глубокой экологией»: не только сохраняя окружение и воздерживаясь от его безответственной эксплуатации, но считая его священным. Когда в книге Э. М. Форстера «Поездка в Индию» миссионер допускает, что «обезьяны могут также пользоваться коллективным благословением», брамин спрашивает его: «А как же насекомые, апельсины, кристаллы и грязь?» Ученые, считающие, что жизнь возникла как случайное химическое совпадение, не должны уклоняться от включения в нее и кристаллов.

Прежде чем отвергнуть столь широко разделяемое суждение, надо рассмотреть доказательства очевидного превосходства человека и попытаться объективно их оценить. Много из того, что мы считаем очевидным, просто стремление занять привилегированное место в мире. Почти все остальное — проявления кризиса идентичности личности: неубедительные попытки провести линию раздела между человеком

* Быт 9:3.

и другими животными. Аристотель считал, что людей возвышают их социальные, общественные привычки и обычаи, но непредубежденный взгляд увидит предсказуемые, коллективные действия муравьев или пчел, представляющих лучшую модель, чем наша. Человек часто хвастает своей уникальной способностью создавать орудия труда: тот, кто изучает планету Земля откуда-то со стороны, из Вселенной, увидит в этом только уникальный физический изъян. Справедливо, что лишь человек готовит пищу, прежде чем съесть ее (за исключением одного вида обезьян, которые предпочитают очищать лакомые кусочки), но было бы непростительной самонадеянностью представлять эту особенность единственной в своем роде добродетелью. Мы расхваливаем размер своего головного мозга, и это, конечно, хороший критерий, но только по нашим собственным меркам. Некоторые из нас любят утверждать, что человек — единственное животное, обладающее собственностью, но даже будь это правдой — ибо стада обезьян защищают свои участки, а собаки дерутся из-за костей, — это была бы лишь рекомендация с сомнительной точки зрения.

Способность познавать, даже сознание и душа — атрибуты, которые мы приписываем себе в стремлении дать определение. Мы предполагаем, что лишь человек обладает представлениями о высшем, но, подобно большинству наших утверждений о собственном превосходстве, это есть лишь результат нашей неспособности общаться с другими видами. Это все равно что считать тупыми людей, язык которых вы не понимаете. Никто еще не сумел научить шимпанзе человеческой речи³⁰. С другой стороны, даже самые усердные ученые добились лишь незначительных результатов в попытках поговорить с гориллой. Разочаровывают эксперименты, в которых шимпанзе отказываются понимать знаковый язык для выражения абстрактных понятий. Нет никакого сомнения, что горилл, с их стороны, так же раздражает бестолковость их собеседников-людей. Скорость, с которой некоторые микроорганизмы вооружаются против бомбардировки их антибиотиками, настолько выше всего, что когда-либо происходило в процессе эволюции, что напоминает разумную реакцию. Сознание, из которого мы исключаем микро-

бов, может быть приписано им другими существами на основании неизвестных нам критериев.

Сама попытка отделить себя от животных есть обманчивая форма самовосхваления. Это различие никогда не проводилось достаточно удовлетворительно. В XVIII веке, на фоне озорных сатирических песенок, лорд Монбоддо утомлял читателей своей теорией о том, что орангутаны были людьми³¹. Герой одного из романов Томаса Лав Пикока — орангутан, который, обладая всеми разумными способностями, кроме речи, приобретает репутацию глубокого мыслителя, титул баронета и место в Палате общин. А тем временем пигмеев, готтентотов и австралийских аборигенов не относили к людям. Сегодня мы предпочитаем классифицировать человека как животное, неразрывно связанное эволюцией с этим царством, и считаем, что это решает дело. Но по сравнению с другими существами мы по-прежнему упорно отводим себе высшее место.

Конечно, есть доводы и в нашу пользу. Человек способен выжить в гораздо большем числе сред, чем любое другое живое существо. Вероятно, мы из всех видов обладаем лучшей коллективной памятью, наша способность фиксировать информацию лучше вооружает нас для того, что мы зовем прогрессом, и для использования разнообразного опыта — хотя, если судить по тому, как мы пользуемся своими преимуществами, нас могут счесть неполноценными. И, точно так же как историки измеряют успешность общества его способностью вести войны, мы обладаем преимуществами в уничтожении других видов. В этом отношении нас превосходят лишь несколько видов микроорганизмов. Большинство других поводов гордиться своим положением человека трудно или невозможно оценить по объективным стандартам.

Безотносительно к своим ошибкам и усилиям мы по-прежнему находимся в полной власти природы; у нас нет возможности контролировать долговременные климатические изменения, которые в прошлом не раз задерживали или останавливали развитие человека. Вероятно, нас скорее удивит новый ледниковый период, неожиданно обрушившийся на нас, чем опалит глобальное потепление, возникшее из-за

наших ошибок. Между тем потепление может причинить планете вред в других отношениях, ускорив высушивание, обжигая края обитаемых зон и превращая в опасное скопление микробов все разрастающиеся поля водорослей и мусора, плавающие по всему мировому океану.

Несмотря на «чудеса» современной медицины, болезни кажутся непобедимыми всем, кроме обладателей самодовольного или ленивого воображения. Микроорганизмы, вызывающие болезни, стремительно эволюционируют. Как стафилококки победили пенициллин, так современные штаммы проявляют тенденцию сопротивляться антибиотикам: сегодня эти адаптации опережают способность медицинских исследований реагировать на них. Несколько лет назад считалось, что в результате глобальной программы вакцинации туберкулез уничтожен: новый W-штамм этой болезни сопротивляется всем средствам воздействия и убивает половину заболевших. СПИД, несомненно, не последняя массовая болезнь, которая возникла со стремительной внезапностью и убила и убьет миллионы, прежде чем будет найдено средство от нее. Нас ожидают новые пандемии, подобные пандемии инфлюэнцы в 1917—1918 годах, которая унесла больше жизней, чем Первая мировая война. Как и микроорганизмы, контролировать переносящих болезни паразитов удастся все с большим трудом, особенно это относится к малярийным комарам и к все растущим популяциям городских крыс³². Вот рассуждение, над которым стоит задуматься: в истории медицины, как и во многих других аспектах истории, последние два столетия были обманчивой интерлюдией — нетипичным эпизодом. Мы убедили себя, что снижение вирулентности возбудителей болезней — произошло исключительно в результате наших усилий в области гигиены, профилактики и лечения. Но не менее вероятно, что мы воспользовались перерывом в эволюции — незамеченным и незафиксированным периодом относительно низкой вредоносности в биологии болезней. Если это так, нет оснований полагать, что этот период будет длиться бесконечно.

Консервативное движение заставило нас озаботиться выносливостью природы, как будто природе без нас не выжить. Деревья, лишайники, водоросли существовали до нас

и будут существовать, когда нас не станет: какой объективный тест может быть убедительнее? В стихотворении Питера Гиссарта, приведенном в качестве эпиграфа в начале этой главы, дубы становятся страшным символом устойчивости природы. Они буквально держат нас, проникая своими холодными, как железо, цепкими, как клешни, корнями глубоко в землю. Я предпочитаю думать, что они сменят нас без всякой злобы, но соблазнительно счесть их торжество справедливым. Пока мы оплакиваем или прославляем свою власть над природой, сама природа ждет часа мести.

2) Угроза, созданная нами самими

Не обязательно ждать, чтобы все разрушил Пан: люди могут справиться и без посторонней помощи. Цивилизации, которые щадит природа, регулярно уничтожают себя сами. Обычно считается, что угроза уничтожения мира в ядерной войне в конце XX века уменьшилась, когда политические изменения позволили мировым державам перестать угрожать друг другу атомным оружием. Однако большая часть этого оружия осталась нетронутой; теперь им располагает больше государств, в том числе и ненадежные режимы, к тому же такое оружие можно изготовить частным образом — террористы и организованная преступность тут не исключение. Поэтому страшной опасностью будущего скорее становится то, что я назвал «маленьким локальным ядерным холокостом», а не всеобъемлющий Армагеддон, которого опасались в недавней истории. Все более угрожающим выглядит биологическое и химическое оружие, с которым человечество еще не сталкивалось в больших масштабах: когда в 1995 году в Японии полиция арестовала членов секты «Аум Синрикё», сообщалось, что подозреваемые приготовили большие количества спор бактерии *Clostridium difficile*, чтобы заменить яд, который они уже распространяли. Даже мирное применение атомной энергии чревато опасностями: разрушение реактора может отравить обширные пространства, и мы до сих пор не знаем, как избавляться от ядерных отходов.

Иногда цивилизации поглощались захватчиками. Одна из наиболее заметных современных тенденций — различная демографическая статистика областей, где население сокращается, и многих районов мира, преимущественно самых бедных и обездоленных, — где оно непрерывно и быстрыми темпами растет. Это вызвало у многих опасения травматического притока населения из бедных районов, где слишком много голодных ртов, в богатые области, где есть излишек продовольствия. Результат, как полагают, будет аналогичен преобразованию Европы времен классической древности при вторжении «варваров» в Римскую империю или предполагаемому уничтожению древней цивилизации долины Инда иммигрантами извне (см. выше, с. 300–306)³³.

Однако долговременные тенденции развития населения планеты обнадеживают. За исключением Африки рост населения замедляется, если вообще не приостанавливается; тревожные предсказания делаются относительно некоторых других районов, особенно Китая, но специалисты в данной области всерьез их не воспринимают³⁴. В определенном смысле перемещение населения из относительно неразвитых районов в более богатые зоны действительно происходит, но мигранты в целом не проявляют враждебности к цивилизации хозяев и не угрожают поглотить эту цивилизацию. Напротив, иммигранты становятся фактором культурного влияния, которое способно иметь не только разрушительные, но и обогащающие последствия. По мере того как уровень рождаемости падает, а продолжительность жизни растет, нарушается традиционный демографический баланс: мир молодых бродяг и гуляк, которым «правит молодость», становится геронтократией Дарби и Джоан*. На Западе это изменение происходит благодаря развитию медицины и продлению жизни; в Китае — из-за демографического пробела, созданного тиранической политикой контроля рождаемости. По-

* В Великобритании существуют «клубы Дарби и Джоан» для людей пенсионного возраста — по имени старой любящей пары в одноименной балладе Г. Вудфолла. Такие клубы создаются благотворительными организациями и устраивают вечера, концерты, экскурсии и т. п.

следствия этого обычно вызывают опасения, но они же могут оказаться благотворными. Пожилые люди будут работать дольше; для молодых и некомпетентных будет освобождаться меньшее количество рабочих мест; в консервативной нирване мира пожилых будут высоко цениться мир и спокойствие.

Я не собираюсь утверждать, что планету не могут ждать неожиданные катастрофы. В мире, накрытом тенью воинственного религиозного фундаментализма, и исламского, и христианского, или амбициозного, раздраженного и изолированного Китая потенциала для идеологически мотивированного насилия не меньше, чем раньше. Революции в прошлом не раз уничтожали цивилизации. В этом столетии цивилизация дважды едва не погибла, уничтоженная революционными движениями, во главе которых стояли диктаторы, откровенно враждебные традициям цивилизованной жизни. Две современные тенденции развивающегося мира заставляют опасаться оживления политического варварства. Во-первых, это демографический спад. Средний возраст населения растет, и относительное количество дееспособных людей рабочего возраста сокращается, так что приходится содержать все больше стариков и больных; обходится такое содержание все дороже, и нагрузка на трудящееся население все больше. На таком фоне все существующие в мире системы социального обеспечения выглядят неудовлетворительно, особенно в среднем звене. Во-вторых, непрерывно увеличивается «материальная пропасть», разделяющая богатых и бедных членов общества: это многих заставляет опасаться негодования «низших классов», лишенных привилегий и плохо образованных, превращающихся в разрушительную революционную силу.

Проблема будущего городов неотделима от проблемы перемещения населения между относительно бедными и относительно богатыми зонами и революционной угрозы со стороны новых низших классов. В 1900 году пять процентов населения планеты жило в городах с населением свыше ста тысяч человек. Сегодня это число — сорок пять процентов. Что еще тревожнее, многие самые крупные и быстрорастущие города мира расширяются так стремительно, что

не знают никакого экологического контроля или социальной политики; в итоге миллионы обитателей таких городов остаются без элементарных санитарных условий и медицинской помощи. Последние статистические данные, собранные агентствами Организации Объединенных Наций, свидетельствуют о смягчении проблемы; например, самые большие города мира Мехико и Сан-Паулу недавно насчитывали свыше двадцати миллионов обитателей каждый; сейчас считается, что в них живет 15,6 и 16 миллионов человек соответственно. Однако проблема быстрорастущих городов третьего мира с населением от одного до десяти миллионов человек остается острой и все обостряется³⁵. В таких городах скапливаются люди без корней и опор, здесь процветают преступления и болезни, отчужденность и аморальность. Города, которые традиционно считались существенным признаком цивилизованной жизни, могут задушить цивилизацию.

Если мы не научимся жить в «мультицивилизованном мире» (см. выше, с. 38), нам грозит перспектива «цивилизационных войн»³⁶. Европа — самое подходящее место, где их можно вообразить по линии деления «Восток» — «Запад», христианство и ислам. Стена разрушена, но Шалтай-Болтай уцелел. Озорной «глава буянов»* со все большей свободой бродит по Европе, усаживается на новые или возрожденные преграды в, казалось бы, забытых местах и провозглашает непредвиденные конфликты. После падения стены стало труднее предсказывать войны и гораздо труднее обеспечивать мир. Мир после стены напоминает изображение в зеркале: многочисленные инверсии, искажения нормального; сосуществующие противоречия. Национальные государства проявляют противоположные тенденции к распаду и глобализации. «Модернизация» создает *Grossräume*** , напоминающее старые империи. Геополитика кажется подчиненной менталитету и самоопределениям, но кровь и земля остаются взаимно, несмываемо загрязненными: Дейтонские соглаше-

* Lord of Misrule — распорядитель рождественских увеселений в «доброй старой Англии».

** Общее пространство (нем.).

ния замешены на них. В них же выкапываются и заполняются массовые захоронения в Косово.

Кажется, что Берлинская стена была снесена лишь для того, чтобы создать ряд новых барьеров дальше на востоке. Исключение Турции и Советского Союза из европейских институтов можно понять и даже оправдать. Но это было ошибкой. Мирная Европа должна быть плюралистической Европой. Чтобы мир был прочным, он должен быть достаточно плюралистичным, чтобы включать и мусульман, и достаточно смелым, чтобы в него входило и большинство населения периферии. Если люди поверят в «столкновение цивилизаций», это пророчество обязательно осуществится. У России и Турции разные идентичности, и у каждой есть свои союзники: они по любым меркам — европейские государства, но не обязательно должны ими оставаться. И остальным европейцам придется винить только себя, если русские и турки решат взяться за правило: «если не можешь к ним присоединиться, побей их». Однажды это правило может превратиться в политику³⁷.

Даже без войны цивилизации способны увянуть, утратив контакт с собственными традициями: недавние рассуждения сосредоточивались на том, что традиционные религии может изъесть мирская эрозия, или традиционное образование не устоит перед неконтролируемым воздействием новых информационных каналов, или традиционные общины не выдержат социальных перемен, или традиционная этика погибнет под натиском пугающего «прогресса» экспериментов в области генетики. Информационная технология, которую многие приветствуют как благо для человечества, другим представляется силой, растворяющей традиционные социальные связи. Исследования в области искусственного разума, призванные освободить человека от однообразного труда, лучше выполняемого машинами, вызвали у людей страх перед будущим, в котором ими будут руководить хозяева-роботы. Пионеры генетических экспериментов и искусственного разума одного поколения в другом становятся Франкенштейнами.

Ни один человек, хорошо осведомленный в этих областях, не склонен поддерживать подобные страхи: система социального обеспечения будет реформирована, чтобы спра-

виться с демографическими переменами, или подкреплена воскрешением традиционных «семейных ценностей»; низший класс подкупят или задавят; мегагорода продолжат сокращаться до разумных размеров; информационные технологии дадут свои раскрепощающие плоды, от которых уже вкушают наиболее продвинутые пользователи; генетические исследования, возможно, и не создадут мир, в котором нам захочется жить, но смогут сделать его более устойчивым, остановив эволюцию и победив голод и болезни. Однако распространенные тревоги относительно будущего, вызванные быстрыми переменами, не просто порождение невежества. Они — симптомы действительно существующей серьезной проблемы, проблемы мира, захваченного «шоком будущего»³⁸. Люди, находящие изменения непереносимыми, становятся неудержимыми.

В результате возникает опасность, более серьезная, чем сознательный страх жертв. Ибо когда сознание неустойчиво из-за стремительных перемен и ставящих в тупик технологий, избиратели склоняются в сторону «недовольных людишек» и пророков порядка. Во все усложняющихся обществах, старающихся справиться с растущими ожиданиями, гигантскими коллективными проектами, ошеломляющими нарушениями демографического равновесия и пугающими внешними угрозами, порядок и социальный контроль начинают цениться выше свободы и прав личности. Устои общества подрывают моральная безответственность, сексуальная вседозволенность, отчужденность низшего класса, терроризм и рост преступности, и все это становится горючим для реванша тоталитаризма и религиозного фанатизма. Я жду консервативной нирваны, но меня преследует видение, которое я изложил в конце «Тысячелетия»*: коммунисты и фашисты снова на улицах, они вцепились друг в друга, как клонированный твари из Парка юрского периода.

Как обычно говорят, новая *Kulturkampf*** идет между либерализмом и «моралью большинства». Во всемирной дерев-

* «Millenium» — название одной из предыдущих книг автора.

** Культурная война, война культур (нем.).

не либерализм — это орудие борьбы за выживание. Без него мультикультурные плюралистические общества, к которым подводит нас история, утонут в крови. Но он выглядит обреченным, запрограммированным на саморазрушение. Ослабленный несоответствиями, наш либерализм стал невыразительным и вялым. Аборт и эвтаназия — вот дорогая цена жизни, отягощенной излишествами: защита абортов и эвтаназии ставит под угрозу принцип неприкосновенности жизни, например, преступников, социально опасных или генетически нежелательных людей, излишка бедных и больных. В руках мирянина либеральные принципы становятся предтечами лагерей смерти и евгеники. Культурный релятивизм — пробный камень разнообразного мира — также имеет свои сомнительные последствия: как призывать его на защиту, допустим, полигамии, или заранее обусловленных браков, или инцеста, если исключаешь каннибализм, или женское обрезание, или «сворачивание малолетних»? Наследникам либерализма в поколении моих детей предстоит защищать культурный релятивизм, одновременно защищая нас от его худших последствий. Им придется найти способы защитить свободу от нее самой. Свобода слова и свобода объединений и союзов способствует возникновению партий, которые стремятся уничтожить эту свободу. Свободное общество безоружно против террористов³⁹.

Большинство из нас не готово признать будущее цивилизованным, если придется отказаться от того, что мы считаем ценностями цивилизации: от веры в неприкосновенность человеческой жизни, от уважения к достоинству личности и от защиты слабых от сильных. Но нам приходится признать, что большинство цивилизаций прошлого не разделяли этих ценностей. Цивилизация и тирания совместимы. Более того, на протяжении почти всей истории они были нераздельны. Цивилизации никогда не возникли бы без фанатичных стремлений фараонов и фаланг, без самоотверженного труда миллионов подданных, без жертв. Если цивилизации не погибнут или не вернуться к варварству, они в будущем вновь станут иными. Невозможно предсказать, какими они станут, но мы можем кое-что сказать о том, где они сформируются.

3) Последний океан

Одна из возможностей такова: атлантическая цивилизация, доминирующая в современном мире, сменится цивилизацией тихоокеанской. Атлантическая цивилизация возникла в результате появления возможности обмена через океан. Потребовалось гораздо больше времени, чтобы то же произошло в Тихом океане. Однако сейчас можно представить себе тихоокеанскую цивилизацию, объемлющую все народы тихоокеанских побережий: «восточную» цивилизацию по всей окружности Тихого океана, сравнимую с «западной» цивилизацией, возникшей по окружности Атлантического океана.

Из-за обширности и неукротимости ветров в эпоху парусного мореплавания пересечь Тихий океан было трудно. Две мощные системы, образуемые самыми сильными в мире ветрами, делят этот океан в районе экватора. Плавание с востока на запад сравнительно легко в центральных широтах, но возвратное плавание возможно только в далеких северных или южных широтах, где до самого XIX века берега были непродуктивными и посещались редко. Несмотря на все свое навигационное искусство (см. выше, с. 409—411), полинезийские одиссеи заходили не дальше Гавайских островов и острова Пасхи. Если даже японские или китайские корабли в те времена, которые мы называем древними или Средневековьем, и находили дорогу в Америку, то нам не известно ни о каком регулярном движении. Когда в 1520—1521 годах Магеллан совершил первое зафиксированное плавание через Тихий океан, выйдя с востока, его корабли не могли найти пути назад. Двусторонний маршрут был обнаружен только в 1565 году, когда отец Андре де Урданета завершил свое рекордное плавание в 11600 миль за пять месяцев и восемь дней, дойдя почти до 40° северной широты, чтобы вернуться в Мексику с Филиппин (см. выше, с. 561).

Тихий океан не мог стать зоной обширных обменов до второй половины XIX века, когда мощь парового двигателя начала сокращать его до разумных размеров. Но даже тогда Тихий океан по сравнению с другими, более освоенными океанами: Атлантическим и Индийским — оставался сонным захолустьем, пока на его берегах не началась промышленная

революция. Относительно внезапно Тихий океан во второй половине XX века стал «экономическим гигантом», который к 1990-м годам уже давал половину мировой продукции и обеспечивал более половины всемирной торговли. В 1980-х годах огромный поток людей и инвестиций, берущий начало в основном в восточной Азии, с особенной интенсивностью начал связывать берега Тихого океана деловой сетью, направляясь преимущественно из Японии, Гонконга и Лос-Анджелеса.

К началу 1980-х годов, когда жители обоих берегов начали обмен понимающими взглядами через «океан будущего», стало очевидно, что мир вступает в «тихоокеанскую эру». «Представители народов, по географической случайности сгруппированные на берегах Тихого океана, — пишет журналист Саймон Винчестер, который провел пятилетнее исследовательское паломничество по этим берегам, — начали смотреть внутрь, на самих себя, отказавшись от взглядов на тех, кто за ними... Они смотрели через обширное водное пространство и общались друг с другом: Шанхай с Сантьяго, Сидней с Гонконгом, Джакарта с Лимой и Раппонги с Голливудом — и при этом достигали своего рода «тихоокеанской идентичности»⁴⁰.

«Тихоокеанская цивилизация» достигнет зрелости, когда на вопрос «Где Ванкувер?» или «Где Брисбейн?» ответ будет не только «В Канаде» или «В Австралии», но и «На Тихом океане»; или когда Сан-Франциско или Сиэтл будут казаться городами не на краю запада, а на краю востока; или когда австралийцев станут считать, как иногда и сегодня, жителями Азии; или когда белых калифорнийцев или новозеландцев общие интересы объединят с японцами или южнокорейцами, как сегодня такие интересы объединяют многих голландцев с жителями Северной Италии или лондонцев с жителями Люксембурга. А пока это происходит, все может перекрыть другая — всемирная — цивилизация.

Ибо в этой книге на протяжении тысячелетий можно проследить тенденции к укрупнению цивилизаций. Самый захватывающий пример — рост атлантической цивилизации от относительно небольшого района Западной Европы до всего мира. Другой пример — распространение ислама с не-

большой узкой полоски в Аравии между морем и пустыней. Если довести этот процесс до логического завершения, этим завершением станет единая цивилизация на всем земном шаре. Многие наблюдатели уже отмечают признаки «глобализации», указывая на огромное мировое влияние западного империализма. Даже страны, никогда не становившиеся субъектами западных империй, — Китай, Таиланд или Тонга — усвоили основы западной культуры, которая, в свою очередь, в результате влияний с противоположной стороны пережила модификацию⁴¹.

Международные связи оказывают безошибочное ускоряющее влияние почти на все страны и культуры мира: «во всех аспектах жизни... от культуры до преступности и от финансов до духовности» все меняется «при растущей интенсивности, напряженности и скорости глобальных взаимодействий»⁴². Эту тенденцию ускорили возможности современных технологий торговли и связи. Экономика как будто встала на сторону глобализации. На всемирном рынке люди и товары передвигаются с большей чем когда-либо свободой⁴³. Сегодня на планете единственными изолированными человеческими сообществами остаются немногие в самых отдаленных уголках, в зоне тундры и льдов, пустынь и джунглей, и их количество непрерывно сокращается. Для всех нас остальных, живущих в соприкасающихся обществах, подвергающихся непрерывным взаимодействиям и взаимовлияниям, ощущение того, что мы становимся все более похожими друг на друга, непреодолимо. «Глобальная» культура объяла весь мир своими одинаковыми стилями и продуктами. Путешественник может пройти по всему миру через ряд почти одинаковых аэропортов, не ощущая никакой культурной дислокации. Мгновенная телесвязь помогает обмениваться образами и ощущением, пусть призрачным, единого опыта. Даже в отсутствии внешней угрозы, которая представлялась в виде НЛО или пришельцев из космоса, мы все больше отождествляем себя с другими, потому что наше ощущение общности возникает из привычки противопоставлять себя всей остальной природе. Огромные перемещения населения, сопровождавшие современные взлеты и падения мировых империй, означают, что в наши дни

мало стран остаются привязанными к определенному району мира⁴⁴.

Усиление взаимосвязей как будто ведет к усилению взаимозависимости, которая в свою очередь требует нового, более широкого, поистине всемирного «каркаса» для действий, выходящего за границы прежних государств, блоков и цивилизаций⁴⁵. Впереди маячит «геоуправительство». В момент написания этих строк самыми заметными примерами подобного развития являются всемирная борьба за права человека, распространение и размах взаимных договоров об экстрадиции и угроза или обещание Соединенных Штатов Америки превратиться во «всемирного полицейского» в качестве суррогата «нового всемирного порядка»⁴⁶.

В одном словаре глобализация означает американизацию — не только из-за всемирной популярности американской культуры или притягательности американской модели достижения величия и экономического успеха, но просто потому, что самый крупный бизнес мира во многом принадлежит американцам. Никто не может контролировать информационные технологии, но самое существенное приближение к такому контролю мы наблюдаем в Америке, откуда исходит большинство вложений. Для осуществления своих амбиций большой бизнес нуждается во всем мире⁴⁷. В глобализованном мире повсюду будут действовать мультинациональные корпорации — планета будет окрашена в цвета кока-колы и перекрыта дугами Макдональдса. Америка создает большую часть новых кинофильмов и мыльных опер, массовой музыки и литературы. Одним из следствий становится то, что *au niveau linguistique on pourrait plus proprement parler "anglicisation"*⁴⁸ *.

Но глобализация имеет свои пределы, и «глобальная цивилизация», вероятно, находится за ними, в недостижимой дали. Там, где глобализация рассматривается преимущественно как движение западного происхождения — как завоевание мира западной культурой, — она встречает ожесточенное сопротивление как угроза самобытным традициям

* На лингвистическом уровне правильнее было бы говорить об «англизации» (фр.).

остальных частей мира, и даже в самих западных странах ее отвергают общины, которые не считают себя полноправными партнерами западной цивилизации⁴⁹. Среди тех, кто считает себя не входящими в западную цивилизацию, сторонники революционных движений, исламские фундаменталисты, движение «Черное сознание», многие движения коренных американцев (индейцев) и даже некоторые формы феминизма.

Более того, опыт показывает, что, пересекая исторические границы, культурные влияния не только усваиваются, но и адаптируются. Культуры могут заимствовать элементы друг у друга, не теряя идентичности. Самый поразительный пример — Япония, которая сегодня рассматривается Западом как почетная западная страна, добившаяся богатства и преуспевания потому, что умело воспроизводила западные обычаи и методы. Но сами японцы видят себя совсем иначе. На поверхности пруда отражается Запад, но в глубине Япония нисколько не изменилась. Осознание японцами своей идентичности исторически основано на представлении о собственной уникальности, и, хотя они искусно конкурируют на западных рынках, носят западную одежду, слушают западную музыку и коллекционируют западное искусство, они не отказались ни от одной из своих драгоценных традиций. Играя в бейсбол, японцы рассматривают эту игру как свою, воплощая в ней традиционные культы юношеского героизма и чистоты. Западные костюмы японцев становятся униформой для выражения коллективных ценностей и социальной гармонии, которую японцы считают главным источником своих успехов в бизнесе⁵⁰. Я говорю это не как предостережение и без желания поддержать предупреждения некоторых наблюдателей; это просто иллюстрация факта глобализации: сегодня идентичность формируется как реакция на мировые тенденции, а не просто для самоопределения и отличия от соседей⁵¹.

Глобализация культуры — феномен, несущий в себе семена своего поражения. Когда народы оказываются вовлечены в крупные единства, они тянутся к успокаивающим и привычным местным или региональным корням. Вот почему супергосударства спустя какое-то время распадаются; вот почему старые идентичности выдерживают столетия погру-

жения в большие империи. Если люди всего мира когда-нибудь смогут думать о себе как о представителях единой глобальной цивилизации, это будет очень гетерогенная цивилизация, кое-где в пятнах разновидностей.

История цивилизаций не знает образцов. Поэтому их будущее непредсказуемо. Большинства «фаз», на которые делилось их прошлое, никогда не было (см. выше, с. 45—45); поэтому говорить о наступающей фазе по меньшей мере преждевременно. Но я не могу противиться искушению разделить на фазы историю, рассказанную в последней части этой книги. Это была история трех океанов, которые по очереди доминировали в разные по продолжительности периоды: образование единого Индийского океана превратило его в исламское озеро; из пересечений Атлантического океана возникла современная западная цивилизация; мы можем смутно видеть, как освоение Тихого океана положило образованию начало новой общности людей. Остался последний океан. Последнюю фазу океанической истории можно усмотреть в пересечении Арктики подводными лодками и в воздушных перелетах по большим окружностям Земли: если глобальная цивилизация действительно возникнет, я могу представить себе, что историки будущего опишут ее формирование на новых маршрутах, как это делали их предшественники на своих «домашних» океанах. Возможно, и Северный Ледовитый океан будет рассматриваться как домашний океан всего мира.

Если так, будет доказана одна из основных тем этой книги: не существует окружения, в котором не может развиваться цивилизация. Тем временем, хотя я и пытался избежать какого бы то ни было детерминизма, география в широком смысле — осязаемые реальности планеты, потребности природы, почвы и семена, ветры и волны — сформировала мир, представленный на страницах книги. В особенности по мере того как цивилизации перерастали место своего происхождения, они — согласно представленным в книге аргументам — разносились ветром. Поэтому я должен вспомнить некоторые принципы, с которых мы начинали: человеческие инициативы, которым природа придает форму и перед которыми ставит ограничения, возникают в сознании и в стра-

стях. Все, что происходит и регистрируется в осязаемой земной материи, начинается с идей и пристрастий. А что касается остального, то, приближаясь к завершению книги, я чувствую то же, что географ Эдмон Бланден. «Таковыми истинами, — сказал он в конце своей лекции, —

...Мы обязаны благословенной географии
Это так же верно, как магнит и полюс
И с этим познанием мы можем прогнать
Всех рогатых химер и все зловерные заблуждения...

Несколько строк спустя он смолк. Часы тикали. Лектор поднял голову и обнаружил, что его аудитория исчезла. Несомненно, утешил он себя, отправилась подтверждать его теории. Мне кажется, что меня ждет такая же участь.

Эпилог: сад Дерекка Джармана

Это была книга о различных местах: поиск гробницы, или развалин, или ландшафта, или морского вида, где можно мгновенно постигнуть цивилизацию, но — никаких образов, никаких идей. Это опасение — или желание его — посещает меня, когда я делаю мою последнюю остановку: в Данджнессе, на берегу Ла-Манша, в самом мрачном месте во всей Британии.

Уныние может быть вдохновляющим: дикое болото, окутанный туманом город, цепочка блестящих отмелей на берегу. Но Данджнесс мрачен какой-то озадачивающей, сводящей с ума, отчаянной мрачностью. Ландшафт проседает, словно море и соль сдавили его или выпили из него всю энергию. Он совершенно плоский, ничто не заставляет поднимать взор или брови. Поверженная, жалкая, совершенно плоская — больная от злоупотреблений или равнодушия — земля жметя к морю. Такая плоскость грозит нам в конце мира: холмы расплющатся, возвышенности станут ужасающе плоскими.

Из этой плоскости торчат два страшных выступа: слепой голый маяк и сразу за ним металлический каркас атомной электростанции. Металлические изгороди, трубы, провода, согнутые и разорванные мостики господствуют на участке природы, которая и без них кажется выжженной какой-то катастрофой. В воздухе пахнет сталью и водорослями.

С маяка можно увидеть траву в пятнах соли, которая борется за жизнь на галечном берегу. У воды несколько рыбачьих хижин, сделанных кое-как, кричаще раскрашенных дешевыми красками. Как ни удивительно, есть и паб, где по вечерам собираются туристы, смеются, окликают друг друга, насмехаясь над окружающим бедствием. Их развязная, оживленная бесчувственность — последнее оскорбление Данджнессу: пустыня требует мести.

Идешь по гальке. Невозможно пересечь ее элегантно. Она словно цепляется, тянет тебя за ноги. Ничто не растет на

ней, почти никто на ней не живет. Однако вы идете к саду, посаженному в камнях Дерекком Джарманом*.

Он пришел сюда умирать от СПИДа. В выборе такого ужасного, в чем-то уже мертвого места было что-то утешительное, словно это место отдыха Прометея, которому предназначено умереть на скале, или камера осужденного, или безрадостная оратория для святого перед встречей с Богом. Маленький домик Джармана в стиле рыбацких хижин выглядит временным, непрочным. Рядом сад без ограды, приглашающий, но отталкивающий — ибо Джарман создал его, воплотив свои страдания: сад мучений, и распада, и гниения, и боли.

Он не хотел признавать этого. Перед смертью он написал книгу о своем саде. Он изобразил Данджнесс эксцентрически привлекательным, а свое садоводство — разнообразно мягкого лечения. Он описывал, как трудился расчищая полосы гальки, чтобы насыпать плодородную почву и посадить семена экологически дружественных местных растений. Глянцевые снимки сделали это место окаменевшим и замаскировали ужас. Джарман почти не упоминает груды плавника, разбросанные по саду как пародии на скульптуру, пни со спутанными корнями, фаллические остря. Только два намека в этом символическом программировании: слова Джармана, что он планировал «сад белой ведьмы», желая нейтрализовать зловещее дыхание электростанции, и его ссылка на телевизионную группу, которая пришла к нему снять программу о СПИДе, — но, по словам Джармана, снять программу о СПИДе невозможно⁵². Поскольку он сам создал такую программу, это не очень искреннее отрицание.

Перед домом — полоска обычного сада, попытка дисциплинировать Данджнесс, придав ему оптимизм и плодородие: ящик с привозной почвой, нерешительно цветущая роза. Это единственная уступка приличиям. На этой Голгофе у цветов есть шипы. По всему остальному участку Джарман расположил глыбы и груды выброшенного морем мусора. Он поставил их на клумбы из гальки: рангоуты и рей мертвых кораблей, доски и кили рыбацких лодок, раздавленных и из-

* Известный английский кинорежиссер.

ломанных морем. Все краски вылиняли, стерлись. Остовы изъедены червями, как мертвая плоть, или свисают, как больные члены, изуродованные, иссохшие, искореженные агонией, расколотые, пробитые гвоздями. Гвозди неэстетично торчат из них, покрытые ржавчиной, словно кровью. Большую их часть вытащили из моря, не соскребя наросты: эти обломки обросли ракушками моллюсков, как разрастаниями разновидности страшного герпеса.

Как трупы, торчат из камней накрененные мачты и бушприты, усаженные бубонами, жесткими морскими наростами. Якорные цепи ржавеют на шеях монолитов, как знак отличия садистского масонства, который с гордостью носят и в смерти. Между ними Джарман установил маленькие круги из камней, как напоминание о строителях каменных кругов древних цивилизаций. Когда обходишь их, галька скрипит и визжит под ногами. Это окаменевший лес страшных рассказов, где очарование злобно, а любовь разлагает. Однако предметы, которые выбрал и установил Джарман, принадлежат к долгой цивилизованной традиции: *objet trouvé**, превращенная в искусство невооруженным взглядом эстета. Больше чем что-либо другое эти иззубренные монолиты напоминают «чудесные камни» необычной формы, которые были украшением стола любого уважающего себя ученого древнего Китая⁵³.

Мы ожидаем, что на берегу цивилизация кончится. Под властью электростанции в Данджнессе кажется, что она уже кончилась. Но попытка Дерека Джармана превратить это отвратительное опустошение в сад кажется не менее героической, чем любое другое сопротивление среде, описанное в этой книге. Ландшафту, который человек лишил любви и смысла, Джарман возвращал значение. Из моря, источника жизни и болота смерти, он изымал плоды человеческого труда, уничтоженные природой. Он воскрешал их. Он взял обитель отчаяния и превратил ее в мемориал. Сад Дерека Джармана вызывает самую разную реакцию, от скуки до восхищения. Одни посетители находят его бессмысленным, или отвратительным, или зловещим. Другие видят в нем лишь

* Находка (*фр.*).

проявления болезни — фетишизм, переросший в фанатизм. Третьи при виде этого мусора пожимают плечами. Когда умрет партнер Джармана, трудно представить себе, что кто-нибудь будет ценить этот сад или сохранять его, как его следует сохранять.

Возможно, это неважно. Между электростанцией и морем — символом загрязнения природы и агентом этой мстительной природы — сад если еще не мертв, то обречен на смерть. Однако, как и для многих плодов цивилизаций, сама уязвимость делает его памятником цивилизации: вызовом, брошенным природе, шагом в неравной борьбе. После всех разочарований, которыми усеяна история цивилизаций: торжества варварства, кровопролития, отступлений прогресса, наступления природы, наших неудач усовершенствовать природу, — нам остается лишь продолжать попытки стремиться сохранить жизнь цивилизации. Даже на берегу и на гальке *il faut cultiver notre jardin**.

* Надо возделывать свой сад (*фр.*). Фраза из повести Вольтера «Кандид, или Простодушный».

ПРИМЕЧАНИЯ

Эпиграфы

1. Sophocles, *Antigone*, (332.-369), translated by Elizabeth Wyck-off (Chicago, 1959).
2. C. F. Volney, *Les Ruines* (1791) (*Œuvres*, vol. i (Paris, 1989), p. 170).
3. R. Queneau, *Le Vol d'Icare* (1968, p. 14).
4. Ted Bank II, *Birthplace of Winds* ((London, 1957), p. 73).
5. Bernabe Cobo, *Historia de Nuevo Mundo* (1653), book II, chapter 1.
6. Olaus Magnus, *Description of the Northern Peoples* (1555), ed. P. Foote (vol. I (London, The Hakluyt Society, 1996), p. 1).
7. Francesco Negri, *Viaggio setentrionale* (1700), отрывок в R. Bosi, *The Lapps* (New York, 1960), p. 16.
8. Columella, *De Agricultura* (2–3).
9. James Fenimore Cooper, *The Prairie* ((New York, n.d.), p. 32).
10. C. Masson, *Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan and the Panjab* (3 vols, London, 1842, vol. I, p. 58).
11. Walt Whitman, 'Song of Myself', *Leaves of Grass* (ed. M. Cowley (Harmondsworth, 1986), p. 30).
12. J. Frazer, *The Golden Bough* (vol. i (1935), p. 248).
13. *Le Huron: comedie* (1768) (Sc. XIII).
14. Thoreau, *Walden or Life in the Woods* (Boston, 1906, pp. 289–290).
15. Stefan Zeromski, *Pruszcza Jodlowa* (1926), отрывок в S. Schama, *Landscape and Memory* (p. 66).
16. Ibn Khaldun, *The Muqaddimah* (tr. F. Rosenthal, 3 vols (Princeton, 1967), vol. I, p. 71).
17. A. Waley, *The Book of Songs* (p. 162).
18. Jack R. Harlan, *Crops and Men* (Madison, 1992, p. 8).
19. Tanizaki Junichuro, *In Praise of Shadows* (tr. T.J. Harper and E.G. Seidensticker (London, 1991), p. 21–22).

20. Samuel Johnson, *A Journey to the Western Isles of Scotland* (ed. M. Lascelles (Yale University Press, 1971), p. 43).
21. Joel Martinez Hernandez, 'Quesqui Nahuamacehualme Tiztoqueh?' (отрывок в М. Leon-Portilla, *The Broken Spears* (Boston, 1992), p. 107).
22. Bernabe Cobo, *Historia del Nuevo Mundo* (1653), book I.
23. Samuel Johnson, *Rasselas*, отрывок в Т. Pakenham, *The Mountains of Rasselas* ((New York, 1959), p. 58).
24. Thomas Love Peacock, *Headlong Hall*, ch. 6 (*The Novels of Thomas Love Peacock*, ed. D. Garrett (London, 1963), p. 42).
25. A. T. Mahan, *The Influence of Sea Power upon History* (Boston, 1894, p. 25).
26. (on the Aleutian islanders) — T. Bank II, *Birthplace of the Wnds* (New York, 1956, p. 265).
27. Традиционная песня японских *ама*, живущих на море, периода Ямато (приведено в Brown, p. 487).
28. Alexander Frater, *Chasing the Monsoon* (New York, 1991, p. 60).
29. Horace, *Odes* (1.5).
30. Former instructions to skippers at Port Louis, Mauritius, приведено в Alan Villiers, *Monsoon Seas* (New York, 1952, p. 30).
31. Plato, *Timaeus* (24E-25D; trans. R. G. Bury (London, 1929), p. 43).
32. William Boyd, *Armadillo* (London, 1998, p. 217).

Предисловие

1. J. Mármol, *Amalia*, 2 vols (Buenos Aires, 1944), vol. i, p. 39. Интерпретацией обстановки Амалии я обязан замечанию профессора Беатрис Пастор.

Вступление. Цивилизационный зуд

1. Под «обществом» я понимаю любую группу людей, имеющих общее представление о своей принадлежности к этой группе. Это, разумеется, не определение — просто руководство к употреблению в данном контексте.
2. Наиболее полезные резюме истории мира и связанных с нею проблем см. M. Melko and L. R. Scott, eds, *The Bounda-*

- ries of Civilizations in Space and Time* (Lanham, Md., 1987); F. Braudel, *Grammaire des civilisations* (Paris, 1987), pp. 33–39; J. Huizinga, ‘Geschonden Wereld: een Beschouwing over de kansen op herstel van onze beschaving’, *Verzamelde Werken*, vii (Haarlem, 1950), pp. 479–490. Я благодарен профессору Х. Весселингу и доктору У. Хьюджхольцу за эту ссылку. Также полезны А. Vanuls, ‘Les Mots "culture" et "civilisation" en français et allemand’, *Études germaniques*, xxiv (1969), pp. 171–180; E. Benveniste, *Civilisation: contribution à l’histoire d’un mot* (Paris, 1954); E. Dampierre, ‘Note on "culture" and "civilisation"’, *Comparative Studies in History and Society*, iii (1961), pp. 328–340.
3. Н. Fairchild, *The Noble Savage* (London, 192); H. Lane, *The Wild Boy of Aveyron* (London, 1977); R. Shattuck, *The Forbidden Experiment: the Story of the Wild Boy of Aveyron* (New York, 1980).
 4. J.-M.-G. Itard, *The Wild Boy of Aveyron*, ed. and trans. G. and M. Humphrey (New York, 1962), p. 66.
 5. A. Danzat, J. Dubois and H. Mitterand, *Nouveau dictionnaire etymologique et historique* (Paris, 1971), p. 170.
 6. T. Steel, *The Life and Death of St Kilda* (Glasgow, 1986), p. 34.
 7. Я должен отчетливо прояснить, что не отделяю человека от природы: человек часть природы. Если язык, которым я пользуюсь, иногда отражает веру в традиционную дихотомию, то лишь по одной причине: некоторые общества придавали ей такое большое значение, что она приобретала черты реальности, то есть люди вели себя так, словно подобная дихотомия действительно существует. См. P. Coates, *Nature: Changing Attitudes since Ancient Times* (London, 1998); J.-M. Drouin, *Réinventer la nature: l’écologie et son histoire* (Paris, 1974), особенно pp. 174–193; а также P. Descola and G. Palsson, eds, *Nature and Society: Anthropological Perspectives* (London and New York, 1996), pp. 2–14, 63–67. Я благодарен профессору Франсу Тьюсу за предоставление мне этой работы.
 8. J. Goudsblom, *Fire and Civilization* (London, 1992), pp. 2, 6–7, 23.
 9. О различии, каким я его вижу, см. A. L. Kroeber and C. Kluckhohn, *Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions (Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology*, xlvii (1952)), pp. 15–29; Huizinga, op.

cit., pp. 485–486. Альфред Вебер использовал термин *Hochkulturen* для обозначения обществ, обладающих отличительными чертами, приписываемыми в других западных языках цивилизации, а термин *Zivilisation* применял к таким обществам, если те демонстрировали и другие особенности: огромные всепроникающие структуры (особенно политического или религиозного характера, хотя иногда он намекает, что бывают необходимы и достаточны и обычные технологии или объединяющие коммуникационные системы) и «рациональный» экономический порядок. *Kulturgeschichte als Kultursoziologie* (Munich, 1950), особенно pp. 25–27 (о различии между *Kulturen* и *Hochkulturen*) и 428.

10. F. Haskell, *Taste and the Antique* (New Haven and London, 1981), pp. 148–151.
11. K. Clark, *Civilisation: a Personal View* (Harmondsworth, 1982), pp. 18, 27.
12. «Поскольку с августа 1914 по ноябрь 1918 Великобритания и ее союзники сражались за цивилизацию, я полагаю, не будет неуместным уточнить, что такое цивилизация» С. Bell, *Civilization: an Essay* (New York, 1928), p. 3; программа такого же типа была провозглашена Альбертом Швейцером, например, в *The Decay and Restoration of Civilization* (London, 1932); работа Питирима Сорокина *Social and Cultural Dynamics*, 4 vols (New York, 1937–41), почти не имеет значения, разве что в определенном идеологическом контексте, но автор вдохновлялся такой же одержимостью: стремлением объяснить крах революции, в которой он играл незначительную роль. Его подлинно ошеломляющую попытку определить цивилизацию или по крайней мере отграничить ее от культуры можно найти в четвертом томе, обезоруживающе названном *Basic Problems, Principles and Methods* (1941), pp. 145–196. Тот факт, что немцы используют термины *Kultur* и *Zivilisation* в ином смысле, чем другие языки, вызывает большую потерю времени и большое негодование: концепт цивилизации у немецких мыслителей тот же, что и у всех остальных. См. выше п. 9 и S. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York, 1996), p. 41.
13. *The Decline of the West*, 2 vols (New York, 1966), vol. I, pp. 230, 396.

14. Ibid., pp. 31, 106.
15. K. R. Popper, *The Open Society and its Enemies*, 2 vols (London, 1947), vol. ii, pp. 72.
16. *Man Makes Himself* (London, 1936), pp. 74, 118.
17. *Social Evolution* (London, 1951), p. 26.
18. *Civilization and Climate* (New Haven, 1922), особ. pp. 335–345.
19. A. J. Toynbee, *A Study of History*, vol. i (London, 1934), pp. 147–148, 189.
20. Ibid., p. 192.
21. R. Redfield, *The Primitive World and its Transformations*, pp. 112.-21.
22. P. Valéry, *La Crise de l'esprit*.
23. 'Une civilisation qui sait qu'elle est mortelle ne peut être une civilisation comme les autres'. J. Monnerot, *Sociologie du communisme* (Paris, 1949), p. 492; отрывок приведен в E. Callot, *Civilisation et civilisations: recherche d'une philosophie de la culture* (Paris, 1954), p. vii.
24. V. Alexandrov, *The Tukhachevsky Affair* (1963); J. F. C. Fuller, *The Decisive Battles of the Western World*, 2 vols (London, 1970), vol. ii, pp. 405–228.
25. A. Bramwell, *Blood and Soil: Richard Walther Dane and Hitler's 'Green Party'* (Bourne End, 1985).
26. P. Hulten, ed., *Futurism and Futurisms* (New York, 1986). See E. Hobsbawm, 'Barbarism: a User's guide', *New Left Review*, ccvi (1994), pp. 44–54; мой параграф основан на моей книге *Millennium: A History of Our Last Thousand Years* (New York, 1995), pp. 513–17 и *The Times Illustrated History of Europe* (London, 1995), pp. 173–174.
27. M. Mead, *Coming of Age in Samoa* (New York, 1928).
28. Это новое пересмотренное издание: P. Geyl, 'Toynbee the Prophet', *Debates with Historians* (London, 1974).
29. P. Bagby, *Culture and History: Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations* (London, 1958), p. 184.
30. W. H. McNeill, *Arnold Toynbee: a Life* (New York, 1989), pp. 251–252. Я благодарен профессору Леонарду Блюссе за то, что он указал мне на эту работу.
31. A. Quigley, *The Evolution of Civilizations: an Introduction to Historical Analysis* (New York, 1961), особ. pp. 66–92; M. Melko, *The Nature of Civilizations* (Boston, 1969), pp. 101–

- 60; C. H. Brough, *The Cycle of Civilization: a Scientific, Deterministic Analysis of Civilization, its Social Basis, Patterns and Projected Future* (Detroit, 1965); C. Tilly, *As Sociology Meets History* (New York, 1981); *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons* (New York, 1984); S. K. Sanderson, *Social Transformations: a General Theory of Historical Development* (Oxford, 1995), особ. pp. 53–85.
32. Clark, op. cit., p. 17; Сэр Дэвид Аттенборо, который предложил работу Кларка Би-би-си, в телевизионном интервью рассказал о ее происхождении: Кларк не хотел обращаться к телевидению, но согласился, когда Аттенборо использовал слово «цивилизация» для объяснения темы серии, как он ее себе представлял. См. *ibid.*, p. 14.
33. N. Elias, *The Civilising Process* (Oxford, 1994), p. 3.
34. *Power and Civility: the Civilizing Process*, vol. ii (New York, 1982), 52.
35. Huizinga, op. cit., p. 481.
36. См. например C. Renfrew, *Before Civilization* (Harmondsworth, 1976) and *The Emergence of Civilization* (London, 1972).
37. Журнал «школы» историков, к которой он принадлежит, продолжал различать «экономики, общества, цивилизации», но в своей последней работе он предпочитал говорить о «мировом порядке» как подходящем объекте изучения, причем имел в виду группу групп, которая имеет общую политическую космологию или концепцию единой политической ойкумены. Так, можно считать «мировым порядком» Китай из-за небесного мандата, или западное христианство как мир, несущий на себе отпечаток римского представления об универсальной империи, или ислам, верящий, что мандат на политическую власть исходит от пророка. Это был полезный концепт, но сегодня политологи используют термин «мировой порядок» для обозначения системы глобальных политических и экономических взаимоотношений, направленных на укрепление или сохранение мира, и такое понимание восходит к Броделю. Мысли Броделя на эту тему лучше всего представлены в его *Grammaire des civilisations*, op. cit., pp. 33–68.
38. *Ibid.*, p. 23.
39. *Ibid.*, p. 41.
40. *The Age of Reconnaissance* (London, 1963).

41. J. Needham et al., *Science and Civilisation in China* (Cambridge, 1954 — in progress).
42. *Ibid.*, vol. iv, part III (1971), pp. 540–553.
43. Huntington, *op. cit.*, pp. 21–29.
44. См., например, превосходное изложение в E. Wolf, *Europe and the Peoples Without History* (New York, 1983).
45. Or ‘defining characteristic’: *op. cit.*, p. 47.
46. *Ibid.*, pp. 26–27, 48, 159.
47. F. Koneczny, *On the Plurality of Civilizations* (London, 1962), p. 167.
48. Выдающиеся работы такого типа включают W. H. McNeill, *The Rise of the West: a History of the Human Community* (Chicago, 1963); I. Wallerstein, *The Modern World-system*, 3 vols so far (New York, 1972 — in progress); L. S. Stavrianos, *Lifelines from our Past: a New World History* (New York, 1992); G. Parker, ed., *The Times Atlas of World History: 5th edn* (London, 1993); D. Landes, *The Wealth and Poverty of Nations* (New York, 1998); A. Gunder Frank, *ReOrient: Global Economy in the Asian Age* (Berkeley and Los Angeles, 1998).
49. Fernández-Armesto, *Millennium*, *op. cit.*, p. 20.
50. ‘des systèmes complexes et solidaires qui, sans être limités à un organisme politique déterminé, sont pourtant localisable dans le temps et dans l’espace ... qui ont leur unité, leur manière d’être propre’. E. Durckheim and M. Mauss, ‘Note sur la notion de civilisation’, *Année sociologique*, xii, p. 47. Перевод этого текста приведен в ‘Note on the Notion of Civilization’, *Social Research*, xxxviii (1971), pp. 808–813.
51. A. L. Kroeber, *An Anthropologist Looks at History* (Berkeley and Los Angeles, 1963); *Style and Civilization* (Berkeley and Los Angeles, 1963).
52. O. F. Anderle, ed., *The Problem of Civilizations* (The Hague, 1961), p. 5.
53. *Op. cit.*, p. 17.
54. *Op. cit.*, pp. 63–129.
55. A. Quigley, *The Evolution of Civilizations: an Introduction to Historical Analysis* (New York, 1961), p. 32.
56. См. полезное резюме традиции, *op. cit.*, pp. 42–48, см. 26–27. В M. Melko and L. R. Scott, eds, *The Boundaries of Civilizations in Space and Time* (Lanham, Md., 1987) великолепный подбор разнообразных писем, собранных и проанали-

зированных с привлекательной серьезностью и ироничностью.

57. A. Levi-Strauss, *The Elementary Structures of Kinship* (London, 1971), p. 23.
58. Alfred North Whitehead, *Adventures of Ideas* (New York, 1933), p. 365.
59. 'La civilización no es otra cosa que el ensayo de reducir la fuerza a *ultima ratio*', J. Ortega y Gasset, *La rebelión de las masas* (Madrid, 1930), p. 114.
60. R. G. Collingwood, *The New Leviathan*, ed. D. Boucher (Oxford, 1992), pp. 283–299.
61. Op. cit., vol. xii, pp. 279.
62. Op. cit., pp. 67, 200–264.
63. «Тот же этимологический довод скажет нам, что «циркуляризация» означает превращение чего-либо в круглое; тот факт, что на самом деле это означает ознакомление человека с каким-либо документом, именуемым циркуляром, бросает тень сомнения на весь довод». Collingwood, op. cit., p. 281.
64. S. Freud, *Civilization and its Discontents* (New York, 1961), p. 44.
65. S. W. Itzkoff, *The Making of the Civilized Mind* (New York, 1990), pp. 9, 274.
66. Ibid., p. 26.
67. Op. cit., vol. xii, p. 279.
68. L. Mumford, *The Transformations of Man* (New York, 1956), pp. 44–45.
69. S. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York, 1996), p. 574.
70. См. аргументы J. Derrida, *De la grammatologie* (Paris, 1967), который, я полагаю, в этом прав; и великолепный образцовый анализ карт и «писем-рисунков» коренных американцев G. Brotherson, *Book of the Fourth World: Reading the Native Americans through their Literature* (Cambridge, 1992).
71. В качестве выборки см. Melko and Scott, eds, op. cit., и особенно L. R. Scott, 'Qualities of Civilizations', на pp. 5–10.
72. P. R. S. Moorey, ed., *The Origins of Civilization* (Oxford, 1979), pp. v-vi.
73. N. Bondt, 'De Gevolgen der Beschaaving en van de Levenswyze der Hedendaagische Beschaafde Volken', *Nieuw Algemeen Magazijn van Wetenschap, Konst en Smaack*, iv (1797),

р. 703–724. Я благодарен профессору Питеру Райтбергену, который обратил мое внимание на эту работу.

74. McNeill, *op. cit.*, p. 96.

75. R. J. Puttnam and S. D. Wratten, *Principles of Ecology* (London, 1984), p. 15.

76. Huntington, *op. cit.*, pp. 45–46.

77. *Ibid.*, p. 259.

78. *Ibid.*, pp. 127–148.

79. N. Elias, *The Symbol Theory*, ed. R. Kilminster (London, 1991), p. 146. Я благодарю профессора Джоана Гоудсблома за ознакомление с этой работой.

Часть первая. Бесплодная земля

1. Царство льда

1. E. Gruening, ed., *An Alaskan Reader, 1867–1967* (New York, 1966), p. 369.

2. J. Ross, *Narrative of a Second Voyage in Search of a Northwest Passage* (London, 1835), p. 191.

3. F. G. Jackson, *The Great Frozen Land* (London, 1895), p. 17.

4. F. Fernández-Armesto, 'Inglaterra y el atlántico en la baja edad media', в книге A. Béthencourt y Massieu et al., *Canarias e Inglaterra a través de los siglos* (Las Palmas, 1996), pp. 14–16.

5. H. P. Lovecraft, *At the Mountains of Madness and Other Tales of Terror* (New York, 1971), pp. 45–46.

6. Y. Slezkine, *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North* (Ithaca, NY, 1994), p. 80.

7. K. Donner, *Among the Samoyed in Siberia* (New Haven, 1954), pp. 7–8, 101.

8. *Ibid.*, pp. 114–129, 144.

9. Slezkine, *op. cit.*, pp. 56–57, 115.

10. *Ibid.*, pp. 126–127, 133.

11. Jackson, *op. cit.*, pp. 57, 62, 75, 77.

12. Отрывок в R. Bosi, *The Lapps* (New York, 1960), p. 43.

13. Olaus Magnus, *Description of the Northern Peoples* (1555), ed. P. Foote, vol. i (London, The Hakluyt Society, 1996), p. 201.

14. Slezkine, *op. cit.*, pp. 33–35.

15. N.-A. Valkeapaa, *Greetings from Lappland: the Sami, Europe's Forgotten People* (London, 1983), p. 9.
16. L. Larsson, 'Big Dog and Poor Man: Mortuary Practices in Mesolithic Societies in Southern Sweden', в книге T. B. Larsson and H. Lundmark, *Approaches to Swedish Prehistory: a Spectrum of Problems and Perspectives in Contemporary Research* (Oxford, 1989), pp. 211–223.
17. Valkeapaa, op. cit., p. 17.
18. J. and K. Imbrie, *Ice Ages: Solving the Mystery* (Short Hills, NJ), 1979; A. Berger, *Milankovitch and Climate* (Dordrecht, 1986).
19. M. Jochim, 'Late Pleistocene Refugia in Europe', в книге O. Soffer, ed., *The Pleistocene Old World: Regional Perspectives* (New York, 1987), pp. 317–331.
20. B. V. Eriksen, 'Resource Exploitation, Subsistence Strategies, and Adaptiveness in Late Pleistocene-Early Holocene Northwest Europe', в книге L. G. Straus et al., eds, *Humans at the End of the Ice Age: the Archaeology of the Pleistocene-Holocene Transition* (New York, 1996), p. 119.
21. N. Benecke, 'Studies on Early Dog Remains from Northern Europe', *Journal of Archaeological Science*, xiv (1987), pp. 31–49.
22. L. Straus, 'Les Derniers chasseurs de rennes du monde pyrénéen: l'abri Dufaure: un gisement tardiglaciaire en Gascogne', *Mémoires de la Société Préhistorique Française*, xxii (1995); конечно, не следует предполагать, что северные олени во всех регионах играли принципиально важную роль. См. Eriksen, loc. cit., p. 115.
23. J. Turi, *Turi's Book of Lappland* (New York, 1910), p. 22.
24. Bosi, op. cit., p. 158.
25. Soffer, op. cit., pp. 333–348.
26. Jackson, op. cit., p. 71.
27. G. Eriksson, 'Darwinism and Sami Legislation' в книге B. Jahreskog, ed., *The Sami National Minority in Sweden* (Stockholm, 1982), pp. 89–101.
28. Op. cit., p. 54.
29. Bosi, op. cit., p. 53.
30. L. Forsberg, 'Economic and Social Change in the Interior of Northern Sweden 6,000 BC-1000 AD' в книге T. B. Larson and H. Lundmark, eds, *Approaches to Swedish Prehistory: a Spec-*

trum of Problems and Perspectives in Contemporary Research (Oxford, 1989), pp. 75–77.

31. Donner, op. cit., p. 104.
32. A. Spencer, *The Lapps* (New York, 1978), pp. 43–59.
33. P. Hajdo, *The Samoyed Peoples and Languages* (Bloomington, 1963), p. 10.
34. Ibid., p. 13.
35. Donner, op. cit., p. 106.
36. Olaus Magnus, op. cit., p. 63.
37. Ibid., p. 222.
38. Ibid., pp. 20, 22, 19, 46–48, 50–53.
39. Ibid., pp. 18, 194.
40. Hajdø, op. cit., p. 35.
41. D. B. Quinn et al., eds, *New American World*, 5 vols (London, 1979), vol. iv, pp. 209, 211, 240. Я благодарен профессору Джойсу Чаплину, указавшему мне этот текст.
42. B. G. Trigger and W. E. Washburn, eds, *The Cambridge History of the Native Peoples of the Americas*, vol. i, part I (Cambridge, 1996), p. 134.
43. D. R. Yesner, 'Human Adaptation at the Pleistocene-Holocene Boundary (circa 13,000 to 8,000 BP) in Eastern Beringia', в книге Straus et al., eds., op. cit., pp. 255–276.
44. Ross, op. cit., p. 245.
45. M. S. Maxwell, 'Pre-Dorset and Dorset Prehistory of Canada', в книге D. Damas, ed., *Handbook of North American Indians* (Washington, 1984), p. 362.
46. R. G. Condon et al., *The Northern Copper Inuit: a History* (Norman, Oklahoma, 1996), p. 64.
47. J. Diamond, *Guns, Germs and Steel: the Fates of Human Societies* (London, 1997), pp. 257–258, 311–313.
48. Ross, op. cit., p. 186.
49. D. E. Dumond, *The Eskimos and Aleuts* (London, 1987), pp. 139–141.
50. J. Bockstoe, *Arctic Passages* (New York, 1991), pp. 18–19, 32.
51. Ibid., pp. 41, 47–48.
52. A. Fienup-Riordan, *Boundaries and Passages: Rule and Ritual in Yup'ik Eskimo Oral Tradition* (Norman, Oklahoma, 1994), pp. 266–298.
53. *The Private Journal of G.F. Lyon* (London, 1824), p. 330.
54. Dumond, op. cit., p. 142.

55. Op. cit., p. 257.
56. Adam of Bremen, *History of the Archbishops of Hamburg-Bremen*, ed. P. J. Tschan (New York, 1959), p. 218.
57. K. Seaver, *The Frozen Echo; Greenland and the Exploration of North America, c. A.D. 1000–1500* (Stanford, 1996), p. 95.
58. Ibid., pp. 21, 48, 50–51.
59. Seaver, op. cit., p. 104.
60. Ibid., pp. 190–194.
61. Ibid., pp. 174–175.
62. T. McGovern, 'Economics of Extinction in Norse Greenland', в книге T. M. Wrigley, M. J. Ingram and G. Farmer, eds., *Climate and History: Studies in Past Climates and their Impact on Man* (Cambridge, 1980), pp. 404–434.
63. R. Vaughan, *The Arctic: a History* (Stroud, 1994), p. 2.40.

2. Смерть Земли

1. E. Wagner, *Gravity: Stories* (London, 1997), p. 204.
2. Ibid., pp. 197–231.
3. R. Venturi, D. Scott Brown and S. Izenour, *Learning from Las Vegas: the Forgotten Symbolism of Architectural Form* (Cambridge, Mass, and London, 1997), pp. 9–72.
4. J. W. Elmore, et al., eds, *A Guide to the Architecture of Metro Phoenix* (Phoenix, 1983).
5. V. L. Scarborough and D. R. Wilcox, eds, *The Mesoamerican Ball Game* (Tucson, 1991).
6. B. G. Trigger and W. E. Washburn, eds, *The Cambridge History of the Native Peoples of North America*, vol. i, part I (Cambridge, 1996), pp. 203–233. См. также S. Lekson et al., *Great Pueblo Architecture of Chaco Canyon, New Mexico* (Albuquerque, 1984).
7. *The Desert Smells like Rain: a Naturalist in Papago Indian Country* (San Francisco, 1982); *Enduring Seeds: Native American Agriculture and Wild Plant Conservation* (San Francisco, 1989).
8. G. Bawden, *The Moche* (Oxford, 1996), pp. 44–67.
9. Ibid., pp. 110–22.
10. S. G. Pozorski, 'Subsistence Systems in the Chimu State', в книге Moseley and Keen, eds, *Chan Chan* (Albuquerque, 1982), pp. 182–183.

11. M. E. Moseley and E. Deeds, 'The Land in Front of Chan Chan' в книге M. E. Moseley and K. C. Day, eds, op. cit., p. 48.
12. J. Reinhard, *The Nazca Lines: a New Perspective on their Origin and Meaning* (Lima, 1985); W. J. Conklin and M. E. Moseley, 'The Patterns of Art and Power in the Early Intermediate Period' в книге R. W. Keatinge, ed., *Peruvian Prehistory: an Overview of Pre-Inca and Inca Society* (Cambridge, 1988), pp. 157–158.
13. Herodotus, *Histories*, IV, p. 183.
14. C. M. Daniels, *The Garamantes of Southern Libya* (Michigan, 1988).
15. J. Wellard, *Lost Worlds of Africa* (New York, 1967), pp. 17–25.
16. Ibid., p. 44.
17. M. C. Chamla, *Les Populations anciennes du Sahara et des régions limitrophes* (Paris, 1968), pp. 200–210.
18. J. Nicolaisen, *Economy and Culture of the Pastoral Tuareg* (Copenhagen, 1963), pp. 209–216.
19. Leo Africanus, отрывки в M. Brett and E. Fentress, *The Berbers* (Oxford, 1996), p. 201.
20. J. Needham, *Science and Civilisation in China* (Cambridge, 1956 — in progress), vol. iv, part I (1962), pp. 330–332; part III (1971), pp. 651–656; part VII (1986), pp. 568–579; W. H. McNeill, *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force and Society since AD 1000* (Chicago, 1982), pp. 24–62.
21. H. A. R. Gibb and C. F. Beckingham, eds, *The Travels of Ibn Battuta, A.D. 1325–1354*, vol. iv (London, The Hakluyt Society, 1994), pp. 946–950.
22. R. Latham, ed., *The Travels of Marco Polo* (Harmondsworth, 1972), p. 39.
23. A. Stein, *Ruins of Desert Cathay: Personal Narrative of Explorations in Central Asia and Westernmost China*, 2 vols (London, 1912), vol. ii, p. 404.
24. Ibid., p. 85.
25. Stein, op. cit., vol. ii, p. 321; A. von Le Coq, *Buried Treasures of Chinese Turkestan* (New York, 1929), p. 36.
26. M. Ipsiroglu, *Painting and Culture of the Mongols* (London, 1967), pp. 70–81, 102–104.
27. H. Yule, ed., *Cathay and the Way Thither*, 2nd ed., 4 vols (London, The Hakluyt Society, 1914–16), vol. iii (1914), pp. 146–152.

28. Ibid., p. 154.
29. J. Grosjean, *Mapamundi: the Catalan Atlas of the Year 1375* (Geneva, 1978).
30. O. Lattimore, *The Desert Road to Turkestan* (Boston, 1929), p. 50.
31. Ibid., p. 54; von Le Coq, op. cit., p. 66.
32. Von Le Coq, op. cit., pp. 25–26.
33. Stein, op. cit., vol. ii, p. 23.
34. Ibid., p. 172.
35. V. H. Mair, 'Dunhuang as a Funnel for Central Asian Nomads into China' в книге G. Seaman, ed., *Ecology and Empire: Nomads in the Cultural Evolution of the Old World* (Los Angeles, 1989), pp. 143–163.
36. Lattimore, op. cit., p. 91.
37. Ibid., p. 88.
38. Ibid., p. 183.
39. Ibid., p. 219.
40. R. Grousset, *The Empire of the Steppes: a History of Central Asia* (New Brunswick, 1970), pp. 538–539; F. Fernández-Armesto, *Millennium: A History of Our Last Thousand Years* (New York, 1995), p. 261.
41. Lattimore, op. cit., p. 274.
42. Yule, op. cit., vol. iii.
43. L. Marshall, *The !Kung of Nyae Nyae* (Cambridge, Mass., 1976), p. 39.
44. E. Lucas Bridges, *Uttermost Part of the Earth* (New York, 1949), я использовал сравнение с Тьерра-дель-Фуэго.
45. R. J. Gordon, *Picturing Bushmen: the Denver Expedition of 1925* (Athens, Ohio, 1997), pp. 16, 29, 84.
46. G. A. Farini, *Through the Kalahari Desert: a Narrative of a Journey with Gun, Camera and Notebook to Lake N'Gami and Back* (New York, 1886), p. 269.
47. E. N. Wilmsen, *Land Filled with Flies: a Political Economy of the Kalahari* (Chicago, 1989), p. 31.
48. L. van der Post, *The Lost World of the Kalahari* (New York, 1958), p. 33.
49. Marshall, op. cit., p. 13.
50. Van der Post, op. cit., p. 226.
51. Ibid., p. 215.
52. Marshall, op. cit., p. 19.

53. R. B. Lee and I. De Vore, eds., *Kalahari Hunter-Gatherers* (Cambridge, Mass., 1976), pp. 28–43.
54. Ibid., p. 102.
55. Ibid., p. 94.
56. Van der Post, op. cit., p. 240.
57. Ibid., p. 9.
58. Ibid., pp. 252–261.
59. Lee and De Vore, op. cit., pp. 42, 112.

Часть вторая. Листья травы

3. Порывы ветра

1. J. Fenimore Cooper, *The Prairie* (New York, n.d.), p. 6.
2. См. W. Cronon, *Nature's Metropolis: Chicago and the Great West* (New York, 1991). Я благодарен Саре Ньюман за знакомство с М. Pollan, *A Place of My Own: the Education of an Amateur Builder* (London, 1997), замечательной книгой, откуда я заимствовал эту ссылку.
3. W. Brandon, *Quivira: Europeans in the Region of the Santa Fe Trail, 1540–1820* (Athens, Ohio, 1990), p. 27.
4. J. Ibañez Cerdá, ed., *Atlas de Joan Martines 1587* (Madrid, 1973).
5. Ibid., p. 31.
6. G. Parker Winship, ed., *The Journey of Coronado* (Golden, Co., 1990), p. 117.
7. Ibid., p. 129.
8. Ibid., p. 119.
9. Brandon, op. cit., p. 36.
10. Winship, op. cit., pp. 151–152.
11. R. White, 'The Winning of the West: the Expansion of the Western Sioux in the Eighteenth and Nineteenth Centuries', *Journal of American History*, lxxv (1978), pp. 319–343.
12. R. B. Hassrick, *The Sioux: Life and Customs of a Warrior Society* (Norman, Oklahoma, 1964), p. 68.
13. E. A. Thompson, *A History of Attila and the Huns* (Oxford, 1948).
14. T. Falkner, *A Description of Patagonia and the Adjoining Parts of South America* (London, 1774), pp. 103, 121. Я благодарен

- профессору Раулю Мандрини за эту ссылку. См. R. Mandrini, 'Indios y fronteras en el area pampeana (siglos xvi-xix): balance y perspectives', *Anuario del IHES*, vii (1992), pp. 59–73; 'Las fronteras y la sociedad indígena en el ámbito pampeano', *ibid.*, xii (1997), pp. 23–34. О Фолкнере см. R. F. Doublet, 'An Englishman in Rio de la Plata', *The Month*, xxiii (1960), pp. 216–226; G. Furlong Cárdiff, *La personalidad de Tomás Falkner* (Buenos Aires, 1929).
15. J. Pimentel, *La física de la monarquía: ciencia y política en el pensamiento de Alejandro Malaspina (1754–1810)* (Madrid, 1998), pp. 194–195, 205.
 16. S. P. Blier, *The Anatomy of Architecture: Ontology and Metaphor in Batammalibe Architectural Expression* (Cambridge, 1987), p. 2.
 17. *Ibid.*, pp. 46, 51.
 18. S. F. Nadel, *A Black Byzantium: the Kingdom of Nupe in Nigeria* (Oxford, 1942), p. 76.
 19. J. Diamond, *Guns, Germs and Steel: the Fates of Human Societies* (London, 1997), особенно pp. 176–191.
 20. M. El Fasi, ed., *Unesco General History of Africa*, vol. iii (London, 1988), pp. 445–450.
 21. *Ibid.*, p. 555.
 22. J.-L. Bourgeois, *Spectacular Vernacular: the Adobe Tradition* (New York, 1989).
 23. S. K. and R. J. McIntosh, *Prehistoric Investigations in the Region of Jenne, Mali: a Study in the Development of Urbanism in the Sahel*, 2 vols (Oxford, 1980); D. T. Niane, ed., *Unesco General History of Africa*, vol. iv (London, 1984), p. 118.
 24. *Ibid.*, pp. 22–28.
 25. H. T. Norris, *Saharan Myth and Legend* (1972), pp. 108–109.
 26. N. Levtzion, *Ancient Ghana and Mali* (London, 1973), p. 42.
 27. Norris, *op. cit.*, pp. 107–108.
 28. Al-Idrisi, *Opus Geographicum*, ed. A. Bombaci et al., vol. i (Paris, 1970), pp. 22–26; Levtzion, *op. cit.*, pp. 10–34.
 29. N. Levtzion and J. F. P. Hopkins, eds, *Corpus of Early Arabic Sources for West African History* (Cambridge, 1981), p. 32.
 30. *Ibid.*, pp. 58, 276; P. D. Curtin, 'The Lure of Bambuk Gold', *Journal of African History*, xiv (1973), pp. 623–631; R. Mauny, *Tableau géographique de l'ouest africain au moyen âge d'après les Sources écrites, la tradition et l'archéologie* (Dakar, 1961).

31. Niane, ed., op. cit., pp. 149–150.
32. H. A. R. Gibb and C. F. Beckingham, eds, *The Travels of Ibn Battuta, A.D. 1325–1354*, vol. iv (London, The Hakluyt Society, 1994), p. 968.
33. Ibid., pp. 957–966; Levtzion, op. cit., pp. 105–114.
34. F. Fernández-Armesto, *Millennium: A History of the Last Thousand Years* (New York, 1995), pp. 185–224.
35. E. W. R. Bovill, *The Golden Trade of the Moors* (Oxford, 1970), p. 91.
36. M. Hiskett, *The Sword of Truth: the Life and Times of the Shehu Usman dan Fodio* (New York, 1973), p. 128.
37. F. Fernández-Armesto, 'O mundo dos 1490', в книге D. Curto, ed., *O Tempo de Vasco da Gama* (Lisbon, 1998), pp. 43–67, особ. p. 64.
38. L. Kaba, 'Power, Prosperity and Social Inequality in Songhay (1464–1591)' в книге E. P. Scott, ed., *Life Before the Drought* (Boston, 1984), pp. 29–48.
39. A. C. Hess, *The Forgotten Frontier: a History of the Sixteenth-century Ibero-African Frontier* (Chicago, 1978), pp. 115–118.
40. C. Hibbert, *Africa Explored: Europeans in the Dark Continent* (New York, 1982), p. 188–189.
41. Hiskett, op. cit., p. 58.
42. Ibid., p. 41, 120.
43. Ibid., p. 66.
44. H. A. S. Johnston, *The Fulani Empire of Sokoto* (London, 1967), p. 94.
45. Ibid., p. 101.
46. Ibid., p. 105.
47. Ibid., pp. 22–23.
48. Ibid., p. 258.
49. Ibid., pp. 156–157.
50. M. J. Watts, 'The Demise of the Moral Economy: Food and Famine in a Sudano-Sahelian Region in Historical Perspective' в книге Scott, ed., op. cit., p. 127.
51. Johnston, op. cit., p. 240.

4. Дорога цивилизаций

1. P. P. Semonov, *Travels in the Tian'-Shan'*, ed. C. Thomas (London, 1998), pp. 49–51.
2. J. Bisch, *Mongolia, Unknown Land* (New York, 1963), pp. xv, 38–39.
3. E. D. Clark, *Travels in Russia, Tartary and Turkey* (Edinburgh, 1839), p. 47, отрывок в D. Christian, *A History of Russia, Central Asia and Mongolia, i: Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire* (Oxford, 1998), p. 15.
4. G. A. Geyer, *Waiting for Winter to End: an Extraordinary Journey through Soviet Central Asia* (Washington, DC, 1994), pp. 49–50. Я благодарен автору за экземпляр этой увлекательной книги.
5. M. Gimbutas, *Bronze-age Cultures in Central and Eastern Europe* (1965); S. Piggott, *The Earliest Wheeled Transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea* (1984).
6. C. C. Lamberg-Karlovsky, 'The Oxus Civilization: the Bronze Age of Central Asia', *Antiquity*, lxxviii (1994), pp. 398–405.
7. Herodotus, IV, 13–14.
8. T. Talbot-Rice, *The Scythians* (London, 1958), pp. 92–123; R. Rolle, *Die Welt der Skythen* (Luzern and Frankfurt, 1980), pp. 19–37, 57–77.
9. E. D. Phillips, *The Royal Hordes* (London, 1965); T. Sulimirski, *The Sarmatians* (1976).
10. H. Baudet, *Het Paradijs op Aarde* (Amsterdam, 1959), p. 5.
11. C. Mackerras, ed., *The Uighur Empire according to the Tang Dynasty Histories: a Study in Sino-Uighur Relations, 744–840* (Columbia, SC, 1972.), pp. 13, 66.
12. R. C. Egan, *The Literary Works of Ou-yang Hsiu (1007-1072)* (Cambridge, Mass. 1984), p. 14.
13. Ibid., p. 15.
14. Ibid., p. 38.
15. Ibid., p. 113.
16. Ibid., p. 34.
17. R. L. Davis, *Wind against the Mountain: the Crisis of Politics and Culture in Thirteenth-century China* (1996), p. 18.
18. J. T. C. Liu, *Reform in Sung China: Wang An-Shih (1021–1086) and his New Policies* (1959), pp. 37, 45, 55.
19. Egan, op. cit., p. 10.

20. Liu, op. cit., p. 54.
21. Egan, op. cit., pp. 115–116.
22. Bisch, op. cit., p. 33.
23. J. Mirsky, *Chinese Travellers in the Middle Ages* (London, 1968), pp. 34–82.
24. R. Grousset, *The Empire of the Steppes* (New Brunswick, 1970), p. 249.
25. Davis, op. cit., p. 62.
26. Ibid., p. 101.
27. Ibid., p. 109.
28. Ibid., p. 115.
29. Ibid., p. 118.
30. F. Fernández-Armesto, 'Medieval Ethnography', *Journal of the Anthropological Society of Oxford*, xiii (1982), pp. 283–284; G. A. Bezzola, *Die Mongolen in abendländische Sicht* (Bern, 1974), pp. 134–144.
31. C. D'Ohsson, *Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-jhan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan*, 4 vols (The Hague, 1834–1835), vol. i, p. 404, см. Grousset, op. cit., p. 249.
32. P. Jackson, ed., *The Travels of Friar William of Rubruck* (London, The Hakluyt Society, 1981), pp. 71, 97–171; E. Phillips, *The Mongols* (London, 1968), p. 101.
33. Ibid., p. 72.
34. См. описание современной юрты в N. Z. Shakhanova, 'The Yurt in the Traditional Worldview of Central Asian Nomads', в книге G. Seaman, ed., *Foundations of Empire: Archaeology and Art of the Eurasian Steppes* (Los Angeles, 1989), pp. 157–183.
35. Ibid., pp. 72–73.
36. Ibid., p. 74.
37. Ibid., p. 75.
38. Ibid., pp. 75–78.
39. Ibid., pp. 113–114.
40. R. Latham, ed., *The Travels of Marco Polo* (Harmondsworth, 1972), p. 113.
41. A.-A. Khowaiter, *Baibars the First: his Endeavours and Achievements* (London, 1978), pp. 42–43.
42. Phillips, op. cit., pp. 22–25.
43. Amir Khusrau, приведено в A. H. Hamadani, *The Frontier Policy of the Delhi Sultans* (Islamabad, 1986), p. 124.

44. Jackson, ed., op. cit., pp. 183, 208.
45. M. Rossabi, *Voyager from Xanadu: Rabban Sauma and the First Journey from China to the West* (New York, 1992).
46. F. Fernández-Armesto, *Millennium: A History of Our Last Thousand Years* (New York, 1995), p. 306.
47. J. Needham, *Science and Civilisation in China* (Cambridge, 1954 — in progress), vol. v, part I (by Tsien Tsuen-Hsuei) (Cambridge, 1985), pp. 293–319.
48. J. Evans, ed., *The Flowering of the Middle Ages* (London, 1967), p. 83.
49. C. H. Haskins, *The Renaissance of the Twelfth Century* (Cambridge, Mass., 1927), pp. 310, 332–334.
50. F. Fernández-Armesto, *Truth: a History* (London, 1997), pp. 137–141; J. Needham, *The Grand Titration: Science and Society in East and West* (London, 1969), pp. 86–115. Лучшая современная работа о скорее рациональной, нежели эмпирической традиции древнего Китая и Индии — J. Goody, *The East in the West* (Cambridge, 1996).
51. Needham, op. cit., vol. ii (Cambridge, 1956), pp. 56–170.
52. H. Maspero, *China in Antiquity* (n. p., 1978), p. 22.
53. Needham, op. cit., vol. iv, parts I (Cambridge, 1962), pp. 330–332 and III (Cambridge, 1971), pp. 651–656; v, part VII (Cambridge, 1986), pp. 568–700; W. H. McNeill, *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society Since AD 1000* (Chicago, 1982), pp. 24–62.

Часть третья. Под дождем

5. Дикие леса

1. P. Matarasso, ed., *The Cistercian World: Monastic Writing of the Twelfth Century* (London, 1993), pp. 5–6.
2. Charles Kingsley, *The Roman and the Teuton* (London, 1891), pp. 226–227.
3. R. Fletcher, *The Barbarian Conversion* (New York, 1998), pp. 45, 206, 213.
4. P. Marrasini, ed., *Il Gadla Yemrehane Krestos: introduzione, testo critico, traduzione* (Naples, 1995), pp. 85–86.

5. M. Letts, ed., *Mandeville's Travels*, 2 vols (London, 1953), vol. I, ch. 22; M. Seymour, ed., *Mandeville's Travels* (London, 1968) p. 156.
6. J. D. Hughes, *Ecology in Ancient Civilizations* (Albuquerque, 1975), p. 33.
7. R. Bernheimer, *The Wild Man in the Middle Ages* (New York, 1967); T. Husband, ed., *The Medieval Wild Man* (New York, 1980), pp. 70, 87.
8. H. Soly and J. Van de Wiele, eds, *Carolus: Charles Quint 1500–1558* (Ghent, 1999), p. 221.
9. R. Morris, ed., *Sir Gawayne and the Green Knight* (London, 1864), pp. 23–25, 29, 67, 70, 77.
10. B. Hell, *Le Sang noir: chasse et mythe du sauvage en Europe* (Paris, 1994).
11. R. M. Eaton, *Islam and the Bengal Frontier, 1200–1760* (Cambridge, Mass., 1993).
12. J. Needham, *Science and Civilisation in China* (Cambridge, 1954 — in progress), vol. vi (Cambridge, 1996) (chapter 42b 'Forestry' by N. K. Menzies), pp. 539–689, особ. p. 635.
13. R. C. Egan, *The Literary Works of Ou-yang Hsiu (1007–1072)* (Cambridge, Mass., 1984), p. 100.
14. Ibid., p. 636.
15. *Critias*, 111B.
16. R. Grove, *Green Imperialism: Colonial Expansion, Tropical Island Edens and the Origins of Environmentalism, 1600–1860* (Cambridge, 1995), p. 20.
17. J. Frazer, *The Golden Bough: the Magic Art and the Evolution of Kings*, 2 vols (New York, 1935), vol. i, p. 8.
18. Ibid., p. 2.
19. Ibid., p. 376.
20. Ibid., vol. ii, pp. 12–19.
21. J. D. Hughes, 'Early Greek and Roman Environmentalists', в книге L. J. Bilsky, ed., *Historical Ecology: Essays on Environment and Social Change* (Port Washington, N.Y., 1980), pp. 45–59, особ. p. 48.
22. Needham, op. cit., p. 631.
23. S. Daniels, 'The Political Iconography of Woodland' в книге D. Cosgrove and S. Daniels, *The Iconography of Landscape* (Cambridge, 1988), pp. 43–82, особ. pp. 52–57.
24. S. Schama, *Landscape and Memory* (New York, 1995), p. 61.

25. V. Scully, *Architecture: the Natural and the Manmade* (New York, 1991), pp. 65–104.
26. *De Architectura*, Bk. II, ch. I, 1–3.
27. Schama, op. cit., pp. 230–238.
28. F. Fernández-Armesto, *Barcelona: a Thousand Years of the City's Past* (Oxford, 1992), pp. 203–212.
29. D. Brading, *The First America* (Cambridge, 1991), pp. 428–462; A. Gerbi, *La disputa del nuevo mundo: historia de una polémica* (Mexico, 1982).
30. О контексте этих открытий см. В. Кеен, *Los aztecas en la mentalidad occidental*; лучшим отчетом остается самый ранний, написанный в 1792 году: А. де Леон и Гама, *Descripción histórica y cronológica de las dos piedras que con ocasión del nuevo empedrado que se está formando en la plaza principal de México se hallaron en ella en el año de 1790*, ed. С. М. де Бустаманте, 2 vols (Mexico, 1832), vol. i, pp. 8–13; vol. ii, pp. 73–79.
31. Удовлетворительного отчета пока нет. Ожидается публикация работы профессора Хорхе Канитареса Эсгуэрры, см. Р. Cabello Carro, *Política investigadora de la época de Carlos III en el área maya* (Madrid, 1992).
32. В. D. Smith, 'The Origins of Agriculture in Eastern North America', *Science*, ccxlvii (1989), pp. 1566–1571.
33. В. G. Trigger and W. E. Washburn, eds, *The Cambridge History of the Native Peoples of the Americas, I: North America*, vol. i (Cambridge, 1996), p. 162; S. Johannesen and L. A. Whalley, 'Floral Analysis' в книге С. Bentz et al., *Late Woodland Sites in the American Bottom Uplands* (Urbana, 1988), pp. 265–288.
34. N. Lopinot, 'Food Production Reconsidered' в книге Pauketat and Emerson, *Cahokia: Domination and Ideology in the Mississippian World* (Lincoln, Nebraska, 1997), p. 57; G. J. Armelagos and M. C. Hill, 'An Evaluation of the Biocultural Consequences of the Mississippian Transformation', в книге D. H. Dye and C. A. Cox, eds, *Towns and Temples along the Mississippi* (Tuscaloosa, 1990), pp. 16–37.
35. Trigger and Washburn, eds, op. cit., p. 284.
36. p. 286; P. Phillips and J. Brown, *Pre-Columbian Shell Engravings from the Craig Mound at Spiro, Oklahoma* (Cambridge, 1984), p. 126; D. S. Brose et al., *Ancient Art of the American*

- Woodland Indians* (New York, 1985), pp. 115 (fig. 19), 182 (pi. 133), 186 (pi. 134).
37. Ibid., p. 96.
 38. J. E. Kelly, 'Cahokia as a Gateway Center' в книге T. E. Emerson and R. B. Lewis, eds, *Cahokia and the Hinterlands: Middle Mississippian Cultures of the Midwest* (Urbana, 1991), pp. 61–80.
 39. Henry M. Brackenridge, приведено в Pauketat and Emerson, eds, op. cit., p. 11.
 40. Ibid., p. 121.
 41. T. R. Pauketat, *The Ascent of Chiefs: Cahokia and Mississippian Politics in Native North America* (Tuscaloosa, 1994), p. 73.
 42. Pauketat and Emerson, op. cit., p. 199; Brose et al., op. cit., pp. 158–159, pis. 113, 114.
 43. G. Sagard, *The Long Journey to the Country of the Hurons*, ed. G. M. Wrong (Toronto, 1939), pp. 52, 91.
 44. Baron de Lahontan, *Dialogues curieux entre l'auteur et un sauvage et Mémoire de l'Amérique septentrionale*, ed. G. Chinard (Baltimore, 1931), p. 205.
 45. *Nouveaux voyages de M. le Baron de Lahontan dans l'Amérique septentrionale*, 2 vols (The Hague, 1703), i, p. 42.
 46. Ibid., pp. 153–155.
 47. *Le Huron: comédie* (Paris, 1768), pp. 13, 23, 51–54.
 48. H. Hornbeck Tanner, ed., *Atlas of Great Lakes Indian History* (Norman, 1986), p. 5.
 49. Op. cit., p. 103.
 50. W. N. Fenton, *The False Faces of the Iroquois* (Norman, 1987), p. 383.
 51. Ibid., p. 27.
 52. L. Davies, *The Iron Hand of Mars* (New York, 1992), pp. 220–224.
 53. Tacitus, *The Agricola and the Germania*, trans. H. Mattingly and S. A. Handford (London, 1970), pp. 104–105.
 54. Ibid., pp. 114–115.
 55. Ibid., pp. 104–105, 114–115, 121.
 56. D. J. Herlihy, 'Attitudes towards Environment in Medieval Society', в книге Bilsky, ed., op. cit., pp. 100–16, особ. p. 103.
 57. *Verona in età gotica e langobarda* (Verona, 1982).
 58. Needham, op. cit., p. 562.
 59. Panovsky, p. 67.

60. R. Bechmann, *Les Racines des cathédrales: l'architecture gothique, expression des conditions du milieu* (Paris, 1981), pp. 141–142.
61. G. H. Pertz and R. Kopke, eds, *Herbordi Dialogue de Vita Ottonis Episcopi Babergensis* (Hanover, 1868), pp. 59–60.
62. R. Bartlett, *Gerald of Wales* (Oxford, 1982), p. 165.
63. J. Veillard, *Le Guide du pèlerin* (Macon, 1950), pp. 26, 28, 32.
64. G. W. Greenaway, *Arnold of Brescia* (Cambridge, 1931); J. D. Anderson and E. T. Kennan, eds, *The Works of Bernard of Clairvaux, xiii: Five Books on Consideration: Advice to a Pope* (Kalamazoo, 1976), p. 111.
65. S. A. Zenkovsky, ed., *The Nikonian Chronicle from the Year 1132 to 1240*, vol. ii (Princeton, 1984), p. 5.
66. M. Tikomirov, *The Towns of Ancient Rus* (Moscow, 1959), pp. 220–222; S. Franklin and J. Shepard, *The Emergence of Rus, 750–1200* (London, 1996), p. 283, 343–345; H. Birnbaum, *Lord Novgorod the Great* (Columbus, 1981), pp. 45, 77. M. W. Thompson, *Novgorod the Great: Excavations in the Medieval City* (1967); S. Franklin, 'Literacy and Documentation in Early Medieval Russia' в *Speculum*, lx (1985), 1–38.
67. R. Bartlett, *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change, 950–1350* (Princeton, 1993), p. 133.
68. Matarasso, ed., op. cit., pp. 287–290.
69. J. Diamond, *Guns, Germs and Steel: the Fates of Human Societies* (London, 1997), pp. 195–210.
70. Schama, op. cit., p. 96.

Б. Сердце тьмы

1. L. M. Serpenti, *Cultivators in the Swamps* (Amsterdam, 1977).
2. Ibid., p. 10.
3. Ibid., p. 7.
4. Ibid., pp. 21–62.
5. R. S. MacNeish, 'The Origins of New World Civilization', *Scientific American*, (1964).
6. L. Schele, 'The Olmec Mountains and Tree of Creation in Mesoamerican Cosmology' в книге М. D. Coe et al., *The Olmec World: Ritual and Rulership* (Princeton, 1995), pp. 105–117, особ. p. 106.

7. N. Hammond, 'Cultura hermana: Reappraising the Olmec', *Quarterly Review of Archaeology*, ix (1991), pp. 1–4.
8. E. P. Benson and B. de la Fuente, eds, *Olmec Art of Ancient Mexico* (Washington, DC, 1996), cat. no. 1, pp. 154–155.
9. *Ibid.*, cat. 42, p. 205, cat. 60–71, pp. 226–229; Coe et al., *op. cit.*, pp. 170–176; P. T. Furst, 'The Olmec Were-Jaguar Motif in the Light of Ethnographic Reality', в книге E. P. Benson, ed., *Dumbarton Oaks Conference on the Olmec* (Washington, 1968), pp. 143–174.
10. F. K. Reilly, 'Art, Ritual and Rulership in the Olmec World', в книге Coe et al., *op. cit.*, pp. 27–45, особ. p. 35.
11. E.g. P. T. Furst, 'Shamanism, Transformation and Olmec Art', *ibid.*, pp. 68–81.
12. W. Raleigh, *The Discovery of the Large, Rich and Beautiful Empire of Guiana with a Relation of the Great and Golden City of Manoa* (London, The Hakluyt Society, 1848), p. 11. Написание исправлено.
13. J. L. Stephens, *Incidents of Travel in Yucatan*, 2 vols (Norman, 1962), vol. i, pp. 85–86.
14. Приведено у Coedès, p. 54.
15. J. Miskic, *Borobudur: Golden Tales of the Buddha* (Boston, 1990), , p. 17.
16. Обзор проблемы плодородности тропических лесов см. P. W. Richards, *The Tropical Rain Forest: an Ecological Study* (London, 1979).
17. F. Fernández-Armesto, ed., *The Times Atlas of World Exploration* (London, 1991), p. 133; A. Rossel and R. Herve, eds, *Le Mappemonde de Sébastien Cabot* (Paris, 1968).
18. G. de Carvajal et al., *La aventura del Amazonas*, ed. R. Díaz (Madrid, 1986), pp. 47–67.
19. Разница между «сладкой» и высокотоксичной «горькой» формами растения в степени. E. Moran, 'Food, Development and Man in the Tropics' в книге M. Arnott, ed., *Gastronomy* (The Hague, 1975), p. 173; использование маниока в наше время описано в E. Carmichael et al., *The Hidden Peoples of the Amazon* (London, 1985), p. 61.
20. B. J. Meggers, *Amazonia: Man and Culture in a Counterfeit Paradise* (Chicago, 1971), p. 30.
21. D. Lathrap, *The Upper Amazon* (New York, 1970), p. 44.
22. G. Edmundson, ed., *Journal of the Travels and Labours of Father Samuel Fritz in the River of the Amazons between 1686 and*

- 1723 (London, The Hakluyt Society, 1922), pp. 50–51. В этой и следующей цитатах перевод слегка модифицирован.
23. Ibid., p. 61.
 24. Meggers, *op. cit.*, pp. 19–21.
 25. W. Balée, 'The Culture of the Amazonian Forest' в книге D. A. Posey and W. Balée, eds, *Resource Management in Amazonia: Indigenous and Folk Strategies* (New York, 1989), pp. 1–16.
 26. L. Schele and M. Miller, *The Blood of Kings: Dynasty and Ritual in Maya Art* (New York, 1986), pp. 64–65, 157.
 27. Ibid., pp. 122–125, 175–199; W. Fash, *Scribes, Warriors and Kings: the City of Copan and the Ancient Maya* (London, 1991).
 28. K. O. Pope and B. H. Dahlin, 'Ancient Maya Wetland Agriculture: New Insights from Ecological and Remote Sensing Research', *Journal of Field Archaeology*, xvi (1989), pp. 87–106.
 29. M. D. Coe, *Breaking the Maya Code* (London, 1992), pp. 179–191.
 30. J. Marcus, *Mesoamerican Writing Systems: Propaganda, Myth and History in Four Ancient Civilizations* (Princeton, 1992).
 31. G. Michel, *The Rulers of Tikal: a Historical Reconstruction and Field Guide to the Stelae* (Guatemala, 1989), pp. 31–38, 77–90.
 32. Ibid., pp. 53–56, 116–122.
 33. E. Manikka, *Angkor Wat: Time, Space, Kingship* (Honolulu, 1996), p. 159.
 34. Ibid., p. 23.
 35. Ibid., p. 51.
 36. J. Mirsky, *Chinese Travellers in the Middle Ages* (London, 1968), pp. 203–215.
 37. G. Coedès, *Angkor: an Introduction* (London, 1963), pp. 104–105.
 38. Ibid., p. 96.
 39. Ibid., p. 86.
 40. Ramacandra Kaulacara, *Silpa Prakasa*, trans A. Boner and S. Rath Sarma (Leiden, 1966), p. xxxiii; отрывок в Manikka, *op. cit.*, p. 8.
 41. Ibid., p. 42.
 42. Ibid., p. 46.
 43. G. Coedès, *The Indianised States of South-east Asia* (London, 1968), p. 173.

44. A. F. C. Ryder, *Benin and the Europeans, 1485–1897* (New York, 1969), plate 2(a).
45. K. Ezra, *Royal Art of Benin: the Perls Collection in the Metropolitan Museum of Art* (New York, 1992), pp. 9, 117.
46. Ryder, op. cit., p. 70.
47. Ezra, op. cit., p. 118.
48. G. Connah, *The Archaeology of Benin: Excavations and Other Researches in and around Benin City, Nigeria* (Oxford, 1975), p. 105.
49. Ryder, op. cit., pp. 12–14, 72.
50. P. J. C. Dark, *An Introduction to Benin Art and Technology* (Oxford, 1973), p. 102 and pi. 56, ill. 19.
51. Ibid., p. 100 and pi. 46, ill. 98.
52. Ryder, op. cit., pp. 31–33, 37, 84–85, 234–235.
53. Ibid., p. 206.
54. Ibid., pp. 17–18.
55. R. Home, *City of Blood Revisited* (London, 1982), pp. 36, 43–47.
56. Ibid., pp. ix-x.

Часть четвертая. Блестящие поля грязи

7. Одинокие и равнинные пески

1. Н. Frankfort, *Kingship and the Gods* (Chicago, 1948), p. 274.
2. К. Wittfogel, *Oriental Despotism: a Comparative Study of Total Power* (New Haven, 1957).
3. Кажется, нет конца этой работе, подтверждающей реальность проблемы, сформулированной таким образом, насколько мне известно, впервые в L. R. Binford, 'Post-Pleistocene Adaptions' в книге S. R. and L. R. Binford, eds, *New Perspectives in Archaeology* (Chicago, 1968), pp. 313–341 and M. D. Sahlins, *Stone Age Economics* (Chicago, 1972), особенно pp. 1–39.
4. Этот взгляд неразрывно связан с V. G. Childe, *The Neolithic Revolution* (New York, 1925); см. J. R. Harlan, J. M. J. de Wet and A. Stemler, *Origins of African Plant Domestication* (The Hague, 1976), pp. 1–5.

5. S. J. Fiedel, *Prehistory of the Americas* (New York, 1987), p. 162.
6. B. M. Fagan, *The Journey from Eden: the Peopling of Our World* (London, 1990), p. 225.
7. W. H. McNeill, *The Human Condition: an Ecological and Historical View* (Princeton, 1980), pp. 19–20.
8. J. L. Angell, 'Health as crucial factor in the changes from Hunting to developed Farming in the Eastern Mediterranean', в книге M. N. Cohen and G. J. Armelagos, eds, *Paleopathology at the Origins of Agriculture* (New York, 1984), pp. 51–73; T. Taylor, *The Prehistory of Sex* (London, 1996).
9. T. D. Price and J. A. Brown, 'Aspects of Hunter-gatherer Complexity', в книге *Prehistoric Hunter-gatherers* (New York, 1985); L. H. Keeley, *War Before Civilization: the Myth of the Peaceful Savage* (Oxford, 1996); J. Haas, ed., *The Anthropology of War* (Cambridge, 1990).
10. J. R. Harlan, *Crops and Man* (Madison, 1992), p. 27.
11. M. N. Cohen, *The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture* (New Haven, 1977); E. Boserup, *The Conditions of Agricultural Growth: the Economics of Agrarian Change under Population Pressure* (London, 1965); D. R. Harris, 'Alternative Pathways toward Agriculture', в книге C. A. Reed, ed., *Origins of Agriculture* (The Hague, 1977), pp. 179–243. См. также A. B. Gebauer and T. D. Price, eds, *Transitions to Agriculture in Prehistory* (Madison, 1992), особенно таблица сопоставления конкурирующих теорий на p. 2.
12. B. Bronson, 'The Earliest Farming: Demography as Cause and Consequence' в книге S. Polgar, ed., *Population, Ecology and Social Evolution* (The Hague, 1975).
13. См. например R. Kuttner, *Everything for Sale: the Virtues and Limitations of Markets* (Chicago, 1999); E. Luttwak, *Turbo Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy* (London, 1998).
14. Harlan, op. cit., pp. 35–36.
15. Собрано много доказательств тому, хотя и с другой перспективы, в B. Hayden, 'Pathways to Power: Principles for Creating Socioeconomic Inequalities' в книге T. D. Price and G. M. Feinman, eds, *Foundations of Social Inequality* (New York, 1995), pp. 15–86.

16. См. А. В. Gebauer and Т. D. Price, 'Foragers to Farmers: an Introduction', в книге *Transitions to Agriculture in Prehistory* (op. cit.), pp. 1–10.
17. А. J. Taylor, ed., *The Standard of Living in Britain in the Industrial Revolution* (London, 1975) особенно вклад Е. J. Hobsbawm и Е. Р. Thompson, см. pp. 58–92 и 124–153; F. Fernández-Armesto, *Barcelona: a Thousand Years of the City's Past* (Oxford, 1992), pp. 173–174.
18. F. Fernández-Armesto, *The Times Illustrated History of Europe* (London, 1995), pp. 145–146.
19. В. J. Kemp, *Ancient Egypt: Anatomy of a Civilization* (London, 1989), p. 12.
20. Иер 12:5, 49:19.
21. К. М. Kenyon, *Digging Up Jericho* (London, 1957), p. 29.
22. Ibid., pp. 54–55.
23. J. Bartlett, *Jericho* (Grand Rapids, 1982), pp. 16, 42, 44.
24. Kenyon, op. cit., p. 72.
25. Bartlett, op. cit., pp. 40–42.
26. J. Mellaart, 'Çatal Hüyük: a Neolithic Town in Anatolia' в книге М. Wheeler, ed., *New Aspects of Archaeology* (New York, 1967).
27. I. Hodder, ed., *On the Surface: Çatal Hüyük 1993–1995* (Cambridge, 1996).
28. Т. F. Lynch, ed., *Guitarrero Cave: Early Man in the Andes* (New York, 1980); см. В. Smith, 'The Origins of Agriculture in the Americas', *Evolutionary Anthropology*, iii (1995).
29. Harlan, op. cit., p. 19.
30. С. F. Gorman, 'Excavations at Spirit Cave, North Thailand: Some Interim Interpretations', *Asian Perspectives*, xiii (1970), pp. 197–207; J. C. White, *Discovery of a Lost Bronze Age: Ban Chiang* (Philadelphia, 1982), pp. 13,
31. Fernández-Armesto, op. cit., pp. 12–13.
32. С. Renfrew, 'Carbon-14 and the Prehistory of Europe', *Scientific American*, 225.4 (1971), pp. 63–72; *Problems in European Prehistory* (London, 1979); *Before Civilisation* (London, 1973).
33. J. Diamond, *Guns, Germs and Steel: the Fates of Human Societies* (London, 1997), p. 312; см. выше, pp. 279, 305, 335.
34. W. Meacham in D. N. Keightley, ed., *The Origins of Chinese Civilization* (Berkeley, 1983), p. 169.

35. См. J. Needham, *Science and Civilisation in China* (Cambridge, 1954 — in progress), vol. iv, part III (Cambridge, 1971), pp. 540–553.
36. G. Brotherston, *The Book of the Fourth World: Reading the Native Americas through their Literatures* (Cambridge, 1992); J. Derrida, *De la grammatologie* (Baltimore, 1976), pp. 88–136.
37. J. Hawkes, *The First Great Civilizations: Life in Mesopotamia, the Indus Valley and Egypt* (London, 1973), pp. 11, 21, 264–267, 325–342.
38. J. B. Pritchard, ed., *The Ancient Near East: an Anthology of Texts and Pictures* (Princeton, 1958), p. 244.
39. Ibid., p. 68.
40. Ibid., p. 251.
41. Frankfort, op. cit.
42. Pritchard, op. cit., p. 69.
43. G. Pettinato, *Ebla: a New Look at History* (Baltimore, 1991), pp. 88, 107; *The Archives of Ebla* (New York, 1981), pp. 156–180.
44. H. Saggs, *The Greatness that was Babylon* (London, 1988), pp. 124–127.
45. D. J. Wiseman, *Nebuchadnezzar and Babylon* (London, 1985).
46. I. L. Finkel, 'The Hanging Gardens of Babylon', в книге P. Clayton and M. Price, eds, *The Seven Wonders of the Ancient World* (London, 1989), pp. 38–58.
47. M. W. Helms, *Craft and the Kingly Ideal: Art, Trade and Power* (Austin, 1993), pp. 93–170.
48. E. Naville, *The Temple of Deir el Bahari* (London, 1894), plates 47–61.
49. F. Fernández-Armesto, *Columbus* (London, 1996), p. 87.
50. E. Naville, op. cit., pp. 21–25; M. Liverani, *Prestige and Interest: International Relations in the Near East c. 1600–1100 BC* (Padua, 1990), pp. 240–244.
51. Kemp, op. cit, pp. 120–128.
52. Ibid., pp. 195, 237.
53. J. B. Pritchard, ed., *The Ancient Near East: Supplementary Texts and Pictures Relating to the Old Testament* (Princeton, 1969), p. 26.
54. Ibid., p. 24.
55. Ibid., p. 254.
56. Kemp, op. cit., p. 195.

57. K. W. Butzner, *Early Hydraulic Civilization in Egypt: a Study in Cultural Ecology* (Chicago, 1976), p. 27.
58. Pritchard, op. cit., p. 229.
59. Ibid., p. 7.
60. Plato, *Timaeus*, 22E.
61. Kemp, op. cit., pp. 218–221.
62. Ibid., pp. 253–254.
63. H. S. Smith et al., eds, *Ancient Centres of Egyptian Civilization* (Windsor Forest, n.d.), p. 18.
64. Pritchard, op. cit., p. 259.
65. Butzner, op. cit., p. 9.
66. Ibid., p. 21.
67. Pritchard, op. cit., p. 409.
68. II, 35.
69. Pritchard, op. cit., p. 186; R. Drews, *The End of the Bronze Age: Changes in Warfare and the Catastrophe ca. 1200 BC* (Princeton, 1993), pp. 19–21.
70. II, 126.
71. I. E. S. Edwards, *The Great Pyramids of Egypt* (London, 1993), p. 251.
72. P. Hodges, *How the Pyramids Were Built* (Shaftesbury, 1989).
73. Edwards, op. cit., pp. 245–292.
74. Этот текст повторяет F. Fernández-Armesto, *Truth; a History* (London, 1997), pp. 132–137.

8. О башмаках и рисе

1. C. Masson, *A Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan and the Panjab*, 3 vols (London, 1842), vol. i, p. 453. См. G. Whitteridge, *Charles Masson of Afghanistan: Explorer, Archaeologist, Numismatist and Intelligence Agent* (Warminster, 1986).
2. Относительно местонахождения Сангалы см. A. B. Bosworth, *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*, 2 vols (Oxford, 1995), vol. ii, pp. 327, 331.
3. G. L. Posspehl, 'Discovering India's Earliest Cities' в книге G. L. Posspehl, ed., *Harappan Civilisation: a Contemporary Perspective* (New Delhi, 1982), pp. 405–413.

4. B. and R. Allchin, *The Rise of Civilization in India and Pakistan* (Cambridge, 1982), p. 166.
5. Ibid., pp. 133–138, 167.
6. Vishnu-Mittre and R. Savithri, 'Food Economy of the Harappans', в книге Posspehl, ed., op. cit., pp. 205–221.
7. K. A. R. Kennedy, 'Skulls, Aryans and Flowing Drains: the Interface of Archaeology and Skeletal Biology in the Study of the Harappan Civilization', в книге ibid., pp. 289–295.
8. A. Parpola, *Deciphering the Indus Script* (Cambridge, 1994). Эта работа представляет стадию длительного процесса расшифровки методом проб и ошибок; если предположение Парполы — о том, что люди Хараппы говорили на одном из дравидских языков, — не выдержит проверки, это не будет означать, что недействителен метод.
9. Allchin and Allchin, op. cit., pp. 210–216.
10. Kennedy, loc. cit., p. 291.
11. D. P. Agrawalk and R. K. Sood, 'Ecological Factors and the Harappan Civilization', в книге Posspehl, ed., op. cit., pp. 223–229.
12. Ibid., p. 18.
13. Kennedy, loc. cit., p. 292.
14. C. Renfrew, *Archaeology and Language* (London, 1987). Я вторю F. Fernández-Armesto, *The Times Illustrated History of Europe* (London, 1995), pp. 13–14. Защита традиционной позиции J. P. Mallory, *In Search of the Indo-Europeans* (1989) слишком ясно демонстрирует отсутствие археологических доказательств существования индоевропейцев и их миграций. См. также E. Leach, 'Aryan Invasions over Four Millennia' в книге E. Ohnuki-Tierney, ed., *Culture Through Time: Anthropological Approaches* (Stanford, 1990), pp. 227–245.
15. Rig Veda, 6.70.
16. Ibid., 1.32.
17. Vishnu-Mittre, 'The Harappan Civilization and the Need for a New Approach' в книге Posspehl, ed., op. cit., pp. 31–39, особ. p. 37.
18. Allchin and Allchin, op. cit., p. 308.
19. M. K. Dhavalikar, 'Daimabad Bronzes' в книге Posspehl, ed., op. cit., pp. 361–366. Я еще не имел возможности подтвердить предположение В. М. Панде, ibid., p. 398, что знаки письма Инда найдены в том же поселении.

20. B. P. Sinha, 'Harappan Fallout(?) in the Mid-Gangetic Valley' в книге Posspehl, ed., op. cit., pp. 135–139.
21. S. Kemper, *The Presence of the Past: Chronicles, Politics and Culture in Sinhala Life* (Ithaca, 1991), pp. 2–3, 8, 32, 43, 54–59.
22. J. Brow, *Demonia and Development: the Struggle for Community in a Sri Lankan Village* (Tucson, 1996), pp. 33–34.
23. J. Still, *The Jungle Tide* (Edinburgh, 1930), p. 75; процитировано в А. J. Toynbee, *A Study of History*, vol. ii (London, 1934), p. 5.
24. Michael C. Rogers's translation in P. H. Lee, ed., *Sourcebook of Korean Civilization*, vol. i (New York, 1993), p. 14.
25. H. Maspero, *China in Antiquity* (n.p., 1978), pp. 14–15.
26. Ibid., p. 17.
27. D. N. Keightley, ed., *The Origins of Chinese Civilization* (Berkeley, 1983), p. 27.
28. K. C. Chang, *Shang Civilization* (New Haven and London, 1980), pp. 138–141; A. Waley, *The Book of Songs Translated from the Chinese* (London, 1937), p. 309.
29. Ibid., p. 24.
30. Ibid., 242.
31. Chang, op. cit., p. 70.
32. Te-Tzu Chang, 'The Origins and Early Culture of the Cereal Grains and Food Legumes' в книге Keightley, op. cit., pp. 66–68.
33. W. Fogg, 'Swidden Cultivation of Foxtail Millet by Taiwan Aborigines: a Cultural Analogue of the Domestication of *Serica italica* in China', ibid., pp. 95–115.
34. Waley, op. cit., pp. 164–167.
35. Te-Tzu Chang, loc. cit., p. 81.
36. Chang, *Shang Civilization*, pp. 148–149.
37. Maspero, op. cit., p. 382.
38. Lu Sung Mao 300 in Shih-chung, процитировано в М. Н. Fried, 'Tribe to State or State to Tribe in Ancient China?' в книге Keightley, op. cit., pp. 467–493, особ. pp. 488–489.
39. Chang, op. cit., p. 12.
40. R. Pearson, 'The Ch'ing-lien-kang Culture and the Chinese Neolithic', в книге Keightley, op. cit., pp. 119–145.
41. Needham et al., op. cit., vi, part II (by F. Bray) (Cambridge, 1984), p. 491.

42. Ho Ping-ti, *The Cradle of the East* (Hong Kong, 1975), p. 362.
43. D. S. Nivison, 'A Neo-Confucian Visionary: Ou-yang Hsiu' в книге D. S. Nivison and A. F. Wright, eds, *Confucianism in Action* (1959), pp. 97–132; F. Fernández-Armesto, *Millennium: A History of Our Last Thousand Years* (New York, 1995), p. 56.
44. Это, однако, был более медленный и поздний процесс, чем обычно считается; см. S. T. Leong, *Migration and Ethnicity in Chinese History: Hakka, Pangmin and their Neighbours*, (Stanford, 1997) и R. Bin Wong, 'The Social and Political Construction of Identities in the Qing Empire', *Itinerario* (forthcoming), xxv (2001).
45. К. С. Chang, 'The Late Shang State' в книге Keightley, op. cit., p. 573.
46. К. С. Chang, *Art, Myth and Ritual: the Path to Political Authority in Ancient China* (Cambridge, Mass., 1983), p. 10.
47. Shih в книге В. Karlgren, *The Book of Odes* (Stockholm, 1974), p. 189; приведено в К. С. Chang, *Art*, op. cit., p. 18; другая версия в Waley, op. cit., p. 248.
48. Chang, *Shang Civilization*, op. cit., p. 161.
49. Waley, op. cit., pp. 113–136.
50. К. С. Chang, в книге Keightley, op. cit., pp. 495–464.
51. Chang, *Shang Civilization*, op. cit., pp. 185–186.
52. Ibid., p. 12.
53. Li Chi, *The Beginnings of Chinese Civilization* (Seattle, 1957), p. 23; отрывок в ibid., p. 142.
54. Chang, *Art*, op. cit., p. 45.
55. F. Fernández-Armesto, *Truth: a History* (London, 1998), pp. 47–64.
56. Chang, *Art*, op. cit., p. 34.
57. Ibid., p. 42.
58. Ibid., pp. 37–38.
59. Chang, *Shang Civilization*, op. cit., p. 195.
60. S. N. Eisenstadt, ed., *The Origins and Diversity of Axial Age Civilizations* (Albany, 1986).
61. F. Fernández-Armesto, *Millennium: A History of Our Last Thousand Years* (New York, 1995), pp. 49–50, 258–262.
62. V. Purcell, *The Overseas Chinese in South-east Asia* (Oxford, 1980); Yuan-li and Chun-his Wu, *Economic Development in south-east Asia: the Chinese Dimension* (Stanford, 1980); L. Pan, *Sons of the Yellow Emperor* (Tokyo, 1990); R. Skeldun, ed.,

Reluctant Exiles? Migration from Hong Kong and the New Orleans Chinese (London, 1994); S. Seagrave, *Lords of the Rim* (London, 1995).

63. C. P. Fitzgerald, *China: a Short Cultural History* (London, 1950), pp. 339–340.
64. *Odes*, III, xxix, 27.

Часть пятая. Небесные зеркала

9. Облачные сады

1. A. Pagden, ed., *Hernán Cortés, Letters from Mexico* (New York, 1971), p. 55.
2. *Ibid.*, pp. 77–78.
3. B. Díaz de Castillo, *Historia verdadera de la conquista de la Nueva España*, ed. J. Ramírez Cabañas, 2 vols (Mexico, 1968), vol. i, p. 260.
4. См. H. R. Trevor-Roper, *The European Witch-Craze of the Sixteenth and Seventeenth Centuries* (Harmondsworth, 1978).
5. J. Vieillard, *Le Livre du pèlerin* (Macon, 1950), pp. 26, 28.
6. E. Le Roy Ladurie, *The Beggar and the Professor: a Sixteenth-century Family Saga* (Chicago, 1997), pp. 10, 16–30.
7. *Boswell's Journal of a Tour to the Highlands*, ed. F. A. Pottle and C. H. Bennett (New York, 1936), p. 210; *The Works of Samuel Johnson*, 9 vols (London, 1825), vol. ix, pp. 24, 97.
8. D. Lang, *Armenia: Cradle of Civilization* (London, 1980), pp. 30–31.
9. C. I. Beckwith, *The Tibetan Empire in Central Asia: a history of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs and Chinese during the Early Middle Ages* (Princeton, 1987), p. 129.
10. G. Yazdani, ed., *The Early History of the Deccan*, vol. i (London, 1960), p. 13.
11. K. C. Day, 'Storage and Labor Service: a Production and Management Design for the Andean Area', в книге M. E. Moseley and K. C. Day, eds, *Chan Chan: Andean Desert City* (Albuquerque, 1982), pp. 338–349.
12. C. Morris and A. von Hagen, *The Inka Empire and its Andean Origins* (New York, 1993), p. 54.

13. T. C. Patterson, 'The Huaca La Florida, Rimac Valley, Peru', в книге С. В. Donnan, ed., *Early Ceremonial Architecture of the Andes* (Washington, DC, 1985), pp. 59–70.
14. T. Pozorski, 'The Early Horizon Site of Huaca de los Reyes: Societal Implications', *American Antiquity*, xlv (1980), pp. 100–161.
15. R. L. Burger, 'Unity and Heterogeneity within the Chavin Horizon', в книге R. W. Keatinge, ed., *Peruvian Prehistory: an Overview of Pre-Inca and Inca Society* (Cambridge, 1988), pp. 99–144.
16. Ibid., p. 161.
17. A. Kolata, 'The Agricultural Foundations of the Tiwanaku State: a View from the Heartland', *American Antiquity*, li, pp. 748–762; 'The Technology and Organization of Agricultural Production in the Tiwanaku State', *Latin American Antiquity*, ii (1991), pp. 99–125; см. D. E. Arnold, *Ecology and Ceramic Production in an Andean Community* (Cambridge, 1993), p. 31.
18. K. Berrin, ed., *Feathered Serpents and Flowering Trees: Reconstructing the Murals of Teotihuacan* (San Francisco, 1988), pp. 141–228.
19. R. E. Blanton, *Monte Albn: Settlement Patterns at the Ancient Zapotec Capital* (New York, 1978).
20. J. Marcus and K. V. Flannery, *Zapotec Civilization* (London, 1966), p. 197.
21. J. W. Whitecotton, *Zapotec Ethnology: Pictorial Genealogies in Eastern Oaxaca* (Nashville, 1990).
22. R. Spores, 'Tututepec: a Post-classic Mixtec Conquest State', *Ancient Mesoamerica*, iv (1993), pp. 167–174.
23. R. A. Diehl, *Tula: the Toltec Capital of Ancient Mexico* (London, 1983), pp. 41, 162.
24. M. J. Macri, 'Maya and other Mesoamerican Scripts' в книге P. Daniels and W. Bright, eds, *The World's Writing Systems* (Oxford, 1996), pp. 172–182. Обсуждение проблемы кипу было основательно выведено из равновесия открытием иезуитского трактата, ранее известного только по ссылке 1750 года и содержащего часть алфавита инков: опубликовано в С. Animato, P. A. Rossi and C. Miccinelli, *Quipu: il nodo parlante dei misteriosi Incas* (Genoa, 1994) и обсуждается в V. and D. Domenici, 'Talking Knots of the Inka', *Archaeology*

- (November-December 1996), pp. 50–56. См. также M. and R. Ascher, *Code of the Quipu: a Study in Media, Mathematics and Culture* (Ann Arbor, 1981); E. H. Boone and W. D. Mignolo, eds, *Writing without Words: Alternative Literacies in Mesoamerica and the Andes* (Durham, NC, 1994), особенно замечания Т. Камминса о проблеме кипу, pp. 188–219. См. также выше, с. 272.
25. N. Wachtel, 'The mitimas of the Cochabamba Valley: the Colonisation Policy of Huayna Capac', в книге G. A. Collier, R. I. Rosaldo and J. D. Wirth, eds, *The Inca and Aztec States 1400–1800* (New York, 1982), pp. 199–235.
 26. F. Solis, *Gloria y fama mexicana* (Mexico, 1991), pp. 98, 104, 108, in, 112.
 27. Hipólito Unanue, 'Observaciones sobre el clima de Lima y sus influencias en los seres organizados, en especial el hombre' в книге J. Arias-Schreiber Pezet, ed., *Los ideólogos: Hipólito Unanue*, vol. viii (Lima, 1974), p. 47. Я обязан этой ссылкой любезности профессора Хорхе Канитареса Эсгуэрры.
 28. J. V. Murra, *Vormaciones económicas y políticas del mundo andino* (Lima, 1975), pp. 45–57.
 29. R. E. Blanton, 'The Basin of Mexico Market System and the Growth of Empire' в книге F. Berdan et al., *Aztec Imperial Strategies* (Washington, DC), 1996, pp. 47–84; см. S. Gorenstein and H. Perlstein Pollard, *The Tarascan Civilization: a Late Pre-Hispanic Culture System* (Nashville, 1983), pp. 98–102.
 30. M. G. Hodge, 'Political Organization of Central Provinces' в книге Berdan et al., op. cit., p. 29.
 31. B. de Sahagún, *Historia general de las cosas de Nueva España*, ed. A. M. Garibay K(itana) (Mexico, 1989), p. 463.
 32. M. E. Smith, *The Aztecs* (Oxford, 1997), pp. 69–79.
 33. J. R. Parsons, 'The Role of Chinampa agriculture in the Food Supply of Aztec Tenochtitlan', в книге C. E. Cleland, ed., *Cultural Change and Continuity: Essays in Honor of James Bennett Griffin* (New York, 1976), pp. 233–257.
 34. J. Cooper Clark, ed., *Codex Mendoza*, 3 vols (London, 1931–1932), vol. i, fos 19–55; F. Berdan and J. de Durand-Forest, eds, *Matrícula de tributes: códice de Moctezuma* (Codices Selecti, lxviii) (Graz, 1980).
 35. C. Morris and D. E. Thompson, *Huánuco Pampa: an Inca City and its Hinterland* (London, 1985), p. 90.

36. P. Cieza de Leon, *Crónicas del Perú*, ed. F. Canm, 3 vols (Lima, 1987), vol. ii, p. 81; см. vol. iii, pp. 226–227.
37. G. W. Conrad and A. A. Demarest, *Religion and Empire: the Dynamics of Aztec and Inca Expansion* (New York, 1984).
38. A. Chavero, ed., *Lienzo de Tlaxcala* (Mexico, 1979), plates 9, 10, 14, 21 etc.; в подготовленной к печати работе Дж. Е. Кича считает это доказательство ненадежным, в основном на базе прочтения В. Díaz, op. cit., vol. ii, pp. 32–49, 54–57, и полагает, что испанцы играли важную роль в сражении. Я благодарен профессору Кичу за то, что он показал мне рукопись своей работы.
39. S. Lombardo de Ruiz et al., *Atlas histórico de la ciudad de México*, 2 vols (Mexico, 1996–1997), vol. i, pp. 214–285.

10. Подъем в рай

1. L. Trégance, *Adventures in New Guinea: the Narrative of Louis Tregance, a French Sailor*, ed. H. Crocker (London, 1876).
2. J. Diamond, *Guns, Germs and Steel: the Fates of Human Societies* (London, 1997), pp. 146–150, 303.
3. B. Connolly and R. Anderson, *First Contact* (New York, 1987), p. 24.
4. Ibid., p. 29.
5. P. Brown, *Highland Peoples of New Guinea* (Cambridge, 1978), pp. 10–11.
6. M. Godelier, 'Social hierarchies among the Baruya of New Guinea', в книге А. Strathern, *Inequality in New Guinea Highlands Societies* (Cambridge, 1982), p. 6.
7. D. K. Feil, *The Evolution of Highland Papua New Guinea Societies* (Cambridge, 1987), p. 16.
8. J. Golson, 'Kuk and the Development of Agriculture in New Guinea: Retrospection and Introspection', в книге D. E. Yen and J. M. J. Mummery, eds, *Pacific Production Systems: Approaches to Economic History* (Canberra, 1983), pp. 139–147.
9. H. C. Brookfield, 'The Ecology of Highland Settlement: Some Suggestions', в книге J. B. Watson, ed., *New Guinea: the Central Highlands* (Menasha, Wisconsin, 1964) (*American Anthropologist*, lxvi, special number).
10. Feil, op. cit., pp. 27–30.

11. Connolly and Anderson, op. cit., p. 14.
12. C. R. Hallpike, *Bloodshed and Vengeance in the Papuan Mountains: the Generation of Conflicts in Tauade Society* (Oxford, 1977), pp. 229–231.
13. Ibid., p. 235; Diamond, op. cit., p. 277.
14. R. Rosaldo, *Culture and Truth: the Remaking of Social Analysis* (Boston, 1989), p. 1.
15. M. J. Harner, *The Jívaro* (New York, 1972).
16. J. de Barros, *Asia*, dec. I, bk X, ch. 1.
17. P. S. Garlake, 'Pastoralism and Zimbabwe', *Journal of African History*, xix, pp. 479–493.
18. D. T. Beach, *The Shona and Zimbabwe* (London, 1980).
19. W. G. L. Randies, *The Empire of Monomotapa* (Harare, 1981).
20. J. H. Kramers and G. Wiet, eds, *Configuration de la terre* (Beirut and Paris, 1964), vol. i, p. 56.
21. R. S. Whiteway, ed., *The Portuguese Expedition to Abyssinia in 1541–1543 as Narrated by Castanhoso* (London, The Hakluyt Society, 1902), p. 6.
22. D. S. Philippon, 'The Excavations at Aksum', *Antiquaries' Journal*, lxxv (1995), pp. 1–41.
23. C. F. Beckingham and G. W. B. Huntingford, eds, *Some Records of Ethiopia* (London, The Hakluyt Society, 1954), p. 45.
24. Y. M. Kobishanov, 'Aksum: Political System, Economics and Culture, First to Fourth Century' в книге G. Mokhtar, ed., *Unesco History of Africa*, vol. ii (Berkeley, 1981).
25. D. W. Philippon, 'Aksum in Africa', *Journal of Ethiopian Studies*, xxiii (1990), pp. 55–65.
26. K. Conti-Rossini, ed., *Vitae Sanctorum Antiquorum*, i (*Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*, xxvii) (Louvain, 1955), pp. 41, 47–48.
27. B. Turaiez, ed., *Vitae Sanctorum Indigenarum*, ii: *Ada S. Aaronis et Philippi* (*Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*, xxxi) (Louvain, 1955), p. 120.
28. R. K. P. Pankhurst, ed., *The Ethiopian Royal Chronicles* (Addis Ababa, 1967), pp. 47–48.
29. S. Kur and E. Cerulli, eds, *Actes de Iyasus Mo'a* (*Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*, cclx) (1965), p. 45.
30. G. W. B. Huntingford, *The Historical Geography of Ethiopia* (Oxford, 1989), p. 54.
31. Ibid., p. 56.

32. T. T. Mehouria, 'Christian Aksum' в книге Mokhtar, ed., op. cit., p. 406.
33. Huntingford, op. cit., p. 59.
34. P. Marrassini, 'Some Considerations on the Problem of the "Syriac Influences" on Aksumite Ethiopia', *Journal of Ethiopian Studies*, xxiii (1990), pp. 35–46.
35. T. Mekouria, 'The Horn of Africa' в книге I. Hrbek, ed., *Unesco General History of Africa*, vol. iii (1992), p. 558.
36. G. W. B. Huntingford, "'The Wealth of Kings" and the End of the Zagwe Dynasty', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, xxviii (1965), p. 6.
37. Mekouria, 'The Horn', op. cit., p. 566.
38. S. Munro-Hay, 'The Rise and Fall of Aksum: Chronological Considerations', *Journal of Ethiopian Studies*, xxxiii (1990), pp. 47–53.
39. K. W. Butzer, *Archaeology as Human Ecology: Method and Theory for a Contextual Approach* (Cambridge, 1982), p. 145.
40. Huntingford, op. cit., p. 70.
41. Conti-Rossini, ed., op. cit., p. 4.
42. Pankhurst, op. cit., p. 9.
43. T. Tamrat in R. Oliver, ed., *Cambridge History of Africa*, vol. iii (1977), p. 112.
44. C. W. F. Beckingham and G. W. B. Huntingford, eds, *The Prester John of the Indies*, 2 vols (Cambridge, The Hakluyt Society, 1961), vol. i, pp. 266–307.
45. A. Kammerer, *La Mer rouge, l'Abyssinie et l'Arabie au XVIe et XVIIe siècles*, vol. iv (Cairo, 1947), p. 174.
46. Pankhurst, op. cit., pp. 91–93; Beckingham and Huntingford, eds, op. cit., pp. 125–127.
47. Это восхитительно, но неубедительно, по крайней мере в части иранской имперской идеи, оспорено Фогельзангом, который представляет империю Ахеменидов как источник кочевых традиций на восточной окраине Ирана. *The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire: the Eastern Iranian Evidence* (Leiden, 1992).
48. Исайя 41:2.
49. R. C. Zaehner, *The Dawn and Twilight of Zoroastrianism* (New York, 1961), см. особенно pp. 170–172.
50. Ibid., p. 40.
51. C. Tuplin, 'The Parks and Gardens of the Achaemenid Empire', *Achaemenid Studies* (Stuttgart, 1996), pp. 80–131.

52. W. Barthold, *An Historical Geography of Iran* (Princeton, 1984).
53. P. Bishop, *The Myth of Shangri-La* (Berkeley, 1989).
54. D. Snellgrove and H. Richardson, *A Cultural History of Tibet* (Boston, 1986), p. 60.
55. *The Geography of Tibet according to the 'Dzam-Gling-Rgyas-Bshad'*, ed. T. V. Wylie (Rome, 1962), p. 54.
56. S. Hedin, *A Conquest of Tibet* (New York, 1934), pp. 104–105.
57. P. Fleming, *Bayonets to Lhasa* (New York, 1961), pp. 102, 113, 121.
58. Snellgrove and Richardson, op. cit., p. 23.
59. Или скудные кустарники, преобразованные в землю добра и богатства. F. W. Thomas, ed., *Tibetan Literary Texts and Documents Concerning Chinese Turkestan* (London, 1935), pp. 59, 69, 261, 275.
60. C. I. Beckwith, *The Tibetan Empire in Central Asia: a history of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs and Chinese during the Early Middle Ages* (Princeton, 1987), p. 100.
61. Snellgrove and Richardson, op. cit., p. 28.
62. Beckwith, op. cit., p. 40.
63. Ibid., pp. 81–83.
64. Snellgrove and Richardson, op. cit., p. 64.
65. Beckwith, op. cit., p. 183.
66. Ibid., pp. 109–110.
67. R. A. Stein, *Tibetan Civilisation* (London, 1972), p. 241.
68. R. Grousset, *The Empire of the Steppes* (New Brunswick, 1970), p. 226.
69. O. Lattimore, *Inner Asian Frontiers of China* (New York, 1951), pp. 84–86.
70. W. Heissig, *The Religions of Mongolia* (London, 1980), pp. 24–38; F. Fernández-Armesto, *Millennium: A History of Our Last Thousand Years* (New York, 1995), p. 306.
71. Stein, op. cit., pp. 138–139.
72. S. C. Rijnhart, *With the Tibetans in Tent and Temple* (Chicago, 1901).
73. Z. Ahmad, *Sino-Tibetan Relations in the Seventeenth Century* (Rome, 1970), p. 43; O. and E. Lattimore, *Silks, Spices and Empire* (New York, 1968), p. 141.
74. Ahmad, op. cit., p. 286.

75. Fleming, *op. cit.*, pp. 232–233, 240. Замечательные подборки фотографий есть в С. Bass, *Inside the Treasure-House* (1990) и S. Batchelour, *The Tibet Guide* (1987). Самые великолепные изображения ландшафтов выполнены Николаем Рерихом и собраны в нью-йоркском музее его имени.

Часть шестая. Водные границы

11. Земли богов

1. R. Grove, *Green Imperialism: Colonial Expansion, Tropical Island Edens and the Origins of Environmentalism, 1600–1860* (Cambridge, 1995), pp. 16–50.
2. F. Braudel, *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*, 2 vols (Paris, 1966), vol. i, pp. 137, 139.
3. O. Spate, *The Spanish Lake* (Canberra, 1979), p. 94–97.
4. Критику этой традиции см. в: N. Davies, *The Isles* (London, 1999), pp. xxvii—xl.
5. J. Truslow Adams, *Building the British Empire* (New York, 1938), p. ix. Я в долгу перед книгой моего отца: Augusto As-sía, *Los ingleses en su isla* (Madrid, 1947).
6. Ключевые тексты собраны в: J. В. Hattendorf, ed., *Tobias Gentleman: England's Way to Win Wealth and to Employ Mariners* (New York, 1992).
7. R. Jones, 'Why did the Tasmanians Stop Eating Fish?' в книге R. Gould, ed., *Explorations in Ethnoarchaeology* (Albuquerque, 1978), pp. 11–48.
8. F. Fernández-Armesto, *The Canary Islands after the Conquest* (Oxford, 1982), p. 7.
9. J. McPhee et al., *Masterpieces from the National Gallery of Victoria* (Melbourne, 1996), p. 9; см. В. Smith, *Australian Painting, 1788–1970* (Melbourne, 1971), pp. 26–27.
10. M. Martin, *A Description of the Western Islands of Scotland, circa 1695, including A Voyage to St Kilda*, ed. D. Munro (Edinburgh, 1994), p. 465.
11. T. Steel, *The Life and Death of St Kilda* (Glasgow, 1986), pp. 51, 93.
12. G. P. Stell and M. Harman, *Buildings of St Kilda* (Edinburgh, 1988), pp. 28–31.

13. Ibid., pp. 57, 64–65.
14. John Macculloch, 1819, приведено в *ibid.*, pp. 56, 71.
15. E. H. McCormick, *Omai: Pacific Envoy* (Auckland, 1977), pp. 117, 128.
16. E. S. Dodge, *Islands and Empires: Western Impact on the Pacific and East Asia* (Minneapolis, 1976), p. 49.
17. N. A. Rowe, *Samoa under the Sailing Gods* (New York, 1930), p. 19.
18. Ibid., p. 16; J. Dunmore, ed., *The Journal of Jean-Francois de Galaup de la Perouse, 1785–1788*, 2 vols (London, The Hakluyt Society, 1994), vol. i, p. 67, plate opp. p. 55; vol. ii, pp. 394–395.
19. F. Fernández-Armesto, *Millennium: A History of Our Last Thousand Years* (New York, 1995), p. 482.
20. R. Feinberg, *Polynesian Seafaring and Navigation: Ocean Travel in Anutan Society* (Kent, Ohio, 1988), pp. 25, 89.
21. P. Bellwood, *The Polynesians: the History of an Island People* (London, 1978), pp. 39–44; *Man's Conquest of the Pacific: the Prehistory of Southeast Asia and Oceania* (New York, 1979), pp. 196–303; G. Irwin, *The Prehistoric Exploration and Colonisation of the Pacific* (Cambridge, 1992), pp. 7–9, 43–63.
22. P. H. Buck (Te Rangi Hiroa), *Vikings of the Sunrise* (New York, 1938), pp. 268–269.
23. F. Fernández-Armesto, *Truth: a History* (London, 1997), pp. 126–128, based in turn on: D. L. Oliver, *Oceania: the Native Cultures of Australia and the Pacific Islands*, 2 vols (Honolulu, 1989), vol. i, pp. 361–422; B. Finney, *Hokule'a: the Way to Tahiti* (New York, 1979); B. Malinowski, *Argonauts of the Western Pacific: an Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagoes of Melanesian New Guinea* (London, 1972), pp. 105–148.
24. J. Diamond, *Guns, Germs and Steel: the Fates of Human Societies* (London, 1997), pp. 53–57; M. King, *Mori Mori* (Auckland, 1989).
25. R. Langdon, *The Lost Caravel* (Sydney, 1975).
26. B. Finney, 'Voyaging and Isolation in Rapa Nui History', *Rapa Nui Journal*, vii (1993), pp. 1–6.
27. J. A. Van Tilburg, *Easter Island: Archaeology, Ecology and Culture* (Washington, DC, 1994), pp. 59–60.

28. P. V. Kirch, *Feathered Gods and Fishhooks: an Introduction to Hawaiian Archaeology and Prehistory* (Honolulu, 1989), p. 215.
29. *Ibid.*, pp. 3–30.
30. *Ibid.*, pp. 2–11.
31. *Ibid.*, pp. 27–30.
32. *Ibid.*, p. 154.
33. B. Glanvill Corney, ed., *The Voyage of Captain Don Felipe Gonzalez (sic) ... to Easter Island in 1770–1771* (Cambridge, The Hakluyt Society, 1908), pp. 48–49.
34. Van Tilburg, *op. cit.*, pp. 64–66.
35. *Ibid.*, p. 72.
36. *Ibid.*, p. 159.
37. W. Mulloy, 'A Speculative Reconstruction of Techniques of Carving, Transporting and Erecting Easter Island Statues', *Archaeology and Physical Anthropology in Oceania*, v (1970), pp. 1–23.
38. Van Tilburg, *op. cit.*, p. 142.
39. *Ibid.*, pp. 90–91, 103.
40. T. Bank, *Birthplace of the Winds* (New York, 1956), pp. 90–91, 203.
41. *Ibid.*, pp. 88–89.
42. *Ibid.*, p. 230.
43. Bank, p. 218.
44. T. Heyerdahl, *The Maldive Mystery* (Bethesda, Md., 1986), pp. 263–264.
45. *Ibid.*, p. 212.
46. H. A. R. Gibb and C. F. Beckingham, eds, *The Travels of Ibn Battuta, AD 1325–1354*, 4 vols (London, The Hakluyt Society), vol. iv (1994), p. 822.
47. J. D. Evans, *Prehistoric Antiquities of the Maltese Islands* (London, 1971).
48. C. Malone et al., 'A House for the Temple-builders', *Antiquity*, lxii (1988), pp. 29–301.
49. J. Houel, *Voyage pittoresque des Iles de Sicilie, de Malte et de Liparie*, 4 vols (Paris, 1787).
50. Fernández-Armesto, *op. cit.*, pp. 357–358.
51. N. Platon, *Zakros: the Discovery of a Lost Palace of Ancient Crete* (New York, 1971), pp. 64–66.
52. *Ibid.*, pp. 61, 245.
53. O. Dickinson, *The Aegean Bronze Age* (Cambridge, 1994).

54. J. H. Pryor, *Geography, Technology and War: Studies in the Maritime History of the Mediterranean, 649–1571* (Cambridge, 1988), pp. 25–86.
55. F. Fernández-Armesto, *Before Columbus: Exploration and Colonisation from the Mediterranean to the Atlantic, 1229–1492* (Philadelphia, 1987), p. 26; D. Abulafia, *A Mediterranean Emporium* (Cambridge, 1994), pp. 127–128, 168.
56. A. J. Toynbee, *A Study of History* (London, 1934), vol. i, p. 271; vol. ii, pp. 1–72.
57. D. Howard, *The Architectural History of Venice* (London, 1987), pp. 15–18; A. Macadam, *Blue Guide: Venice* (London, 1989), pp. 48–49.
58. J. Martineau and A. Robinon, eds, *The Glory of Venice* (New Haven and London, 1994), pp. 95, 444.
59. F. Fernández-Armesto, *Millennium: A History of Our Last Thousand Years* (New York, 1995), pp. 76–77.
60. F. Fernández-Armesto, 'Naval Warfare after the Viking Age', в книге М. Keen, ed., *Medieval Warfare: a History* (Oxford, 1999), pp. 230–251.

12. Вид с берега

1. C. Pelras, *The Bugis* (Oxford, 1996).
2. J. Zhang, 'Relations between China and the Arabs', *Journal of Oman Studies*, vi: i (1983), pp. 91–109, особенно p. 99.
3. W. Grainge White, *The Sea Gypsies of Malaya* (London, 1922), p. 298.
4. Ibid., pp. 40–47, 58–60.
5. *Iliad*, 23. 744.
6. H. Goedicke, ed., *The Report of Wenamun* (Baltimore, 1975).
7. Иез 27:3.
8. L. W. King, *Bronze Reliefs from the Gates of Shalaneser* (London, 1915), вкладки 13–14; объяснения А. Н. Layard из Dept of Antiquities, ВМ, приведены в D. Harden, *The Phoenicians* (London, 1962), вкладка 50, правая секция; E. Goubel et al., *Les Phéniciens et le monde méditerranéen* (Luxembourg, 1986), figs. 13, 21.
9. *British Museum Catalogue of Coins: Phoenicia* (London, 1910), pis. 18, nos 6 and 7; 19, no. 5 (Sidon galley and waves); 28, no. 9 (Tyre: dolphin).

10. J. B. Pritchard, *Recovering Sarepta, a Phoenician City* (Princeton, 1978), p. 29.
11. Иез 27:4.
12. P. MacKendrick, *The North African Stones Speak* (Chapel Hill, 1980), pp. 8–27.
13. R. I. Page, *Runes* (Berkeley, 1987), p. 8.
14. R. L. Morris, *Runic and Mediterranean Epigraphy* (Odense, 1988).
15. P. V. Glob, *The Mound People* (1974).
16. P. Foote and D. Wilson, *The Viking Achievement* (London, 1984).
17. G. Jones, *A History of the Vikings* (Oxford, 1968), pp. 192–194.
18. Ibid., p. 212.
19. A. V. Berkis, *The History of the Duchy of Courland, 1561–1765* (Towson, Md., 1969), pp. 75–79, 144–157, 191–195.
20. I. Semmingsen, *Norway to America: a History of the Migration* (Minneapolis, 1980), pp. 121–131; A. Schrier, *Ireland and the American Migration* (Minneapolis, 1958).
21. J. Needham, *Science and Civilisation in China* (Cambridge, 1954 — in progress), vol. iv, pt I (Cambridge, 1962), pp. 330–332; pt II (1965), pp. 599–602; pt III (1971), pp. 651–656; vol. v, pt VII (1986), pp. 568–579; D. Lach, *Asia in the Making of Europe*, vol. ii (Chicago, 1977), pp. 395–445, 556–560; J. Goody, *The East in the West* (Cambridge, 1996).
22. *Hamlet*, IV, iv, 17–22.
23. R. J. Harrison, *The Beaker Folk: Copper Archaeology in Western Europe* (London, 1980).
24. A. Burl, *Megalithic Brittany* (London, 1985).
25. *De Bello Gallico*, III, 8.
26. S. Schama, *The Embarrassment of Riches: an Interpretation of Dutch Culture in the Golden Age* (New York, 1987), p. 263.
27. C. R. Boxer, *The Dutch Seaborne Empire* (New York, 1965), pp. 65–66, 80.
28. W. Kloosters, *The Dutch in the Americas, 1600–1800* (Providence, RI, 1998), p. 7.
29. Ibid., p. 25.
30. Charles Davenant, приведено в Schama, op. cit., p. 224.
31. Boxer, op. cit., p. 4.
32. Kloosters, op. cit., p. 23.
33. Boxer, op. cit., p. 90.

34. Ibid., p. 96.
35. Ibid, p. 236.
36. Schama, op. cit., p. 44.
37. Ibid., p. 38.
38. Boxer, op. cit., 171.
39. B. de Mandeville, *The Fable of the Bees*, ed. D. Garman (London, 1934), p. 144; отрывок в Schama, op. cit., 297.
40. Ibid., особ. pp. 310–311.
41. Mary W. Helms, *Ulysses' Sail: an Ethnographic Odyssey of Power, Knowledge and Geographical Distance* (Princeton, 1988).
42. C. Renfrew, 'Varna and the Social Context of Early Metallurgy' в книге C. Renfrew, ed., *Problems in European Prehistory* (London, 1979), pp. 377–384; *Le premier Or de l'humanité en Bulgarie: V^e millénaire* (Paris, 1989).
43. T. Heyerdahl and A. Skjolsvold, *Archaeological Evidence of Pre-Spanish Visits to the Galapagos Islands* (Oslo, 1990); T. Heyerdahl, *American Indians in the Pacific: the Theory behind the Kon-tiki Expedition* (London, 1952); C. Jack-Hinton, *The Search for the Islands of Solomon, 1567–1838* (Oxford, 1969), pp. 24–27, 32–34.
44. A. Szaszdy Nagy, *Los guías de Guanahani y la llegada de Pinzón a Puerto Rico* (Valladolid, 1995).
45. J. Perez de Tudela Bueso, *Mirabilis in Altis: Estudio crítico sobre el origen y significado del proyecto descubridor de Cristóbal Colón* (Madrid, 1983).

13. В погоне за муссонами

1. E. Blunden, *A Hong Kong House: Poems 1951–1961* (London, 1962), p. 34.
2. D. J. Lu, ed., *Japan: a documentary history* (New York, 1997), p. 19.
3. D. Keene, *Anthology of Japanese Literature* (New York, 1960), p. 29.
4. D. Keene, *Travellers of a Hundred Ages* (New York, 1989), p. 114.
5. Ibid., p. 179.
6. *History of Wei*, отрывок в Lu, ed., op. cit., p. 12.
7. D. M. Brown, ed., *The Cambridge History of Japan, i: Ancient Japan* (Cambridge, 1993), pp. 12.4, 131, 140–144.

8. Ibid., pp. 33, 207.
9. Ibid., pp. 312–315.
10. L. Smith, ed., *Ukiyoe: Images of Unknown Japan* (London, 1985), p. 39.
11. Muneshige Narazaki, *Hokusai: 'The Thirty-Six Views of Mount Fuji'* (Tokyo, 1968), pp. 36–37; картину следует сопоставить с более мягким (и более поздним) изображением большой волны тем же художником. Hokusai, *One Hundred Views of Mount Fuji*, ed. H. D. Smith II (New York, 1988), pp. 118–119, 205.
12. Keene, *Travellers*, op. cit., pp. 21–25.
13. Т. J. Harper, 'Bilingualism as Bisexualism', в книге W. J. Boot, ed., *Literatuur en Teetaligheid* (Leiden, 1990), pp. 247–262. Я благодарю профессора Бута, обратившего мое внимание на эту работу и давшего мне эту книгу.
14. Keene, ed., op. cit., *Anthology*, pp. 82–91; о ритуалах примирения см. C. von Varschner, *Les Relations officielles du Japon avec la Chine aux VIIIe et IXe siècles* (Geneva, 1985), pp. 40–45.
15. G. R. Tibbetts, *Arab Navigation in the Indian Ocean before the Coming of the Portuguese* (London, 1971).
16. M. Rice, *Search for the Paradise Land: an Introduction to the Archaeology of Bahrain and the Persian Gulf* (London, 1985); *The Archaeology of the Arabian Gulf, c. 5000–323 B.C.* (London, 1994).
17. D. T. Potts, *The Arabian Gulf in Antiquity*, vol. ii (Oxford, 1990), pis 1 and 2.
18. Ibid., pis 5, 6 and 7.
19. G. W. B. Huntingford, ed., *The Periplus of the Erythraean Sea* (London, The Hakluyt Society, 1980), p. 37.
20. G. Hourani, *Arab Seafaring in the Indian Ocean in Ancient and Medieval Times* (Princeton, 1995).
21. P. Crone and M. Cook, *Hagarism: the Making of the Islamic World* (Cambridge, 1977).
22. J. B. Harley and D. Woodward, eds, *The History of Cartography* (Chicago, in progress), vol. ii, part II: *Cartography in the Traditional East and Southeast Asian Societies* (1994).
23. M. Aung-Thwin, *Pagan: the Origins of Modern Burma* (Honolulu, 1985), pp. 104–105, 151.
24. K. R. Hall, *Maritime Trade and State Development in Early Southeast Asia* (Honolulu, 1985), p. 48.

25. J. Mirsky, *The Great Chinese Travellers: an anthology* (Chicago, 1974).
26. Ibid., p. 85.
27. O. W. Wolters, *The Fall of Srivijaya in Malay History* (Ithaca, 1970), P. 39.
28. Ibid., p. 10.
29. G. Coedès, *Angkor: an Introduction* (London, 1963), pp. 71–72.
30. J. Miksic, *Borobudur: Golden Tales of the Buddha* (Boston, 1990), p. 17.
31. Soekomono, *Chandi Borobudur* (Amsterdam and Paris, 1976), p. 17.
32. Miksic, op. cit., pp. 67–69.
33. Ibid., pp. 88, 91–93.
34. Wolters, op. cit., p. 19.
35. O. W. Wolters, *Early Indonesian Commerce: a Study of the Origins of Sri Vijaya* (Ithaca, 1967), p. 251; Hall, op. cit., p. 195.
36. T. Pigeaud, *Java in the Fourteenth Century*, 5 vols (The Hague, 1960), vol. iii, pp. 9–23, 97, 99; vol. iv, pp. 37, 547.
37. A. Reid, *South-east Asia in the Age of Commerce, 1450–1680*, 2 vols (Cambridge, 1988–1993), ii, pp. 39–45; P. Y. Manguin, ‘The Southeast Asian Ship: an Historical Approach’, в книге F. Fernández-Armesto, ed., *The Global Opportunity* (Aldershot and Brookfield, Vt, 1995), pp. 33–43.
38. Hall, op. cit., p. 183.
39. Harley and Woodward, eds, op. cit., vol. ii, part I (1992), pp. 337, 397, plate 30; vol. ii, part II (1994), pp. 723–728.
40. *The Jataka or Stories of the Buddha’s Former Birth*, ed. E. B. Cowell, 7 vols (Cambridge, 1895–1913), vol. i, pp. 10, 19–20; vol. ii, pp. 89–91; vol. iv, pp. 10–12, 86–90 (nos. 2, 4, 196, 442).
41. K. R. Hall, *Trade and Statecraft in the Age of Colas* (New Delhi, 1980), p. 166.
42. Ibid., p. 9; B. Stein, *Peasant State and Society in Medieval South India* (Delhi, 1980), p. 322.
43. Hall, *Trade and Statecraft*, op. cit., p. 193.
44. Ibid., p. 173.
45. B. K. Pandeya, *Temple Economy under the Colas (c. 850–1070)* (New Delhi, 1984), p. 38.

46. V. Dehejia, *Art of the Imperial Cholas* (New York, 1990), p. xiv.
47. Ibid., pp. 79–80.
48. Cowell, ed., op. cit., vol. iii, pp. 123–125; vol. iv, pp. 86–90.
49. B. Chattopadhyaya, *The Making of Early Medieval India* (Delhi, 1997), p. 112.
50. M. Mehta, *Indian Merchants and Entrepreneurs in Historical Perspective* (Delhi, 1991), pp. 16–19, 35–36; V. K. Jain, *Trade and Traders in Western India, AD 100–1300* (New Delhi, 1990), p. 84.
51. A. T. Embree, *Sources of Indian Tradition*, vol. i (New York, 1988), p. 74.
52. M. Mehta, *Indian Merchants and Entrepreneurs in Historical Perspective* (Delhi, 1991), pp. 18, 98.
53. *Decadas da Asia*, Dec. IV, book 5, ch. 1.
54. F. Fernández-Armesto, ‘Naval Warfare after the Viking Age’, в книге М. Н. Keen, ed, *Medieval Warfare: a History* (Oxford, 1999).
55. Marco Polo, *The Travels*, ed. R. Latham (Harmondsworth, 1968), p. 290.
56. Свидетельства восхитительно подытожены в G. Winius, *Portugal the Pathfinder* (Madison, 1995), pp. 119–120.
57. Mehta, op. cit., pp. 53–63.
58. H. R. Clark, *Communities, Trade and Networks: Southern Fujian Province from the Third to the Thirteenth Centuries* (Cambridge, 1991), p. 65.
59. Ibid., p. 123.
60. E. B. Vermeer, *Chinese Local History: Stone Inscriptions from Fukien in the Sung to Ch'ing Periods* (Boulder, 1991), p. 156. О мостах см. также ‘The Great Granite Bridges of Fukien’ в книге С. R. Boxer, ed., *South China in the Sixteenth Century* (London, The Hakluyt Society, 1953), pp. 332–340, and L. Renchuan, ‘Fukien’s Private Sea Trade in the 16th and 17th Centuries’ в книге E. B. Vermeer, ed., *Development and Decline of Fukien Province in the 17th and 18th Centuries* (Leiden, 1990), pp. 163–215, особ. p. 167. Я благодарен профессору Леонарду Блиссе, позволившему мне воспользоваться этой работой, которая имеет большое значения для морской истории Фучжоу.
61. Clark, op. cit., p. 4.

62. Ibid., p. 135–140.
63. J. N. Green, 'The Song Dynasty Shipwreck at Quanzhou, Fujian Province, People's Republic of China', *International Journal of Nautical Archaeology*, xii (1983), pp. 253–261.
64. C. Pin-Tsun, 'Maritime Trade and Local Economy in Late Ming Fukien', в книге Vermeer, ed., op. cit., pp. 63–81, особенно p. 69.
65. J. Duyvendak, 'The true dates of the Chinese Maritime Expeditions of the Early Fifteenth Century', *T'oung Pao*, xxxiv (1938), pp. 399–412; F. Fernández-Armesto, *Millennium: A History of Our Last Thousand Years* (New York, 1995), p. 144.
66. T'ien Ju-k'ang, 'The Chinese Junk Trade: Merchants, Entrepreneurs and Coolies 1600–1850', в книге K. Friedland, ed., *Maritime Aspects of Migration* (Cologne, 1989), p. 382. Я благодарю профессора Леонарда Бласса за эту ссылку.
67. Renchan, op. cit., pp. 176–177.
68. Ibid., p. 180.
69. L. Blusse, 'Mannan-Jen or Cosmopolitan? The Rise of Cheng Chih-lung Alias Nicolas Iquan', в книге Vermeer, ed., op. cit., pp. 244–264.
70. Fernández-Armesto, op. cit., pp. 315–319; Wang Gungwu, 'Merchants without Empire: the Hokkien Sojourning Communities', в книге J. D. Tracy, ed., *The Rise of Merchant Empires: Long-distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750* (Cambridge, 1990), pp. 399–421.
71. L. Blusse, 'Chinese Century: the Eighteenth Century in the China Sea Region', *Archipel*, lviii (1999), pp. 107–129.

14. Традиции Одиссея

1. *Works and Days*, 392–420, 450–475, 613–705; tr. A. W. Mair (Oxford, 1908), pp. 11, 15–17, 23–25.
2. *Critias*, 111B.
3. J. D. Hughes, *Ecology in Ancient Civilizations* (Albuquerque, 1975), pp. 53–54.
4. *Histories*, 4.152.
5. J. Boardman, *The Greeks Overseas: their Early Colonies and Trade* (London, 1980).

6. C Morgan, *Athletes and Oracles: the Transformation of Olympia and Delphi in the Eighth Century BC* (Cambridge, 1990), p. 188.
7. *Ibid.*, pp. 172–178, 186–190.
8. *Birds*, 33; tr. B. Bickley Rogers (London, 1924), p. 133.
9. A. Snodgrass, 'The Nature and Standing of the Early Western Colonies' в книге G. R. Tsetskhladze and F. De Angelis, eds, *The Archaeology of Greek Colonisation: Essays Presented to Sir John Boardman* (Oxford, 1994), pp. 1–10.
10. I. Malkin, *Religion and Greek Colonisation* (Leiden, 1987); J. Boardman, *op. cit.* p. 163.
11. G. R. Tsetskhladze, 'Greek Penetration of the Black Sea' в книге Tsetskhladze and De Angelis, *op. cit.*, p. 117.
12. Boardman, *op. cit.*, pp. 119–121.
13. *Ibid.*, pp. 131–132.
14. W. L. West, *The East Face of Helicon: West Asiatic Elements in Poetry and Myth* (Oxford, 1997).
15. Aristophanes, *Frogs*, 1462–1464; tr. Rogers, *op. cit.*, p. 431.
16. R. Meiggs, *The Athenian Empire* (Oxford, 1972).
17. *Poetics*, XIII, 5–6; ed. W. Hamilton Fyfe (London, 1932), pp. 46–47.
18. *Republic*, ed. D. Lee (Harmondsworth, 1974), p. 444.
19. F. Fernández-Armesto, *Truth: a History* (London, 1997), pp. 102–104.
20. *A History of Greek Philosophy*, 6 vols (Cambridge, 1962–1981), vol. vi (1981), pp. 11.
21. U. Eco, *The Name of the Rose* (San Diego, 1983), p. 473.
22. L. Cottrell, *Wonders of Antiquity* (London, 1960).
23. *Ibid.*, p. 63; P. M. Fraser, *Ptolemaic Alexandria*, 3 vols (Oxford, 1972), vol. i, p. 317.
24. *Ibid.*, p. 61.
25. *Ibid.*, pp. 132–172.
26. *Ibid.*, p. 717–763.
27. *Ibid.*, p. 774.
28. P. A. Clayton and M. J. Price, *The Seven Wonders of the Ancient World* (London and New York, 1988), pp. 138–157.
29. Мавзолей изображен на монетах: *Annual of the British School at Athens*, liii-liv (1958–1959), pi. 73. *BM Coins*, Caria, p. 195 no. 11.
30. K. Jeppesen and A. Luttrell, *The Mausolleion at Halikarnassos*, ii (1986).

31. Clayton and Price, *op. cit.*, p. 12.
32. A. Bammer, 'Les Sanctuaires à l'Artemision d'Éphèse', *Revue archéologique*, i (1991), pp. 63–84; Clayton and Price, *op. cit.*, pp. 78–99.
33. C. Karousos, *Rhodos* (n.p., n.d., (original Greek ed. 1949)), p. 30.
34. H. Maryon, 'The Colossus of Rhodes', *Journal of Hellenic Studies*, lxxvi (1956), pp. 68–86.
35. H. van Loog, 'Olympie: politique et culture', в книге D. Vanhove, ed., *Le Sport dans la Grèce antique* (Brussels, 1992.), p. 137.
36. G. M. A. Richter, 'The Pheidian Zeus at Olympia', *Hesperia*, xxv (1966), plates 53 и особенно 54; J. Swaddling, *The Ancient Olympic Games* (London, 1980); A. Gabriel, 'La construction, l'attitude et l'emplacement du Colosse de Rhodes', *Bulletin de correspondance hellénique*, lvi (1931), p. 337 (reconstruction of Colossus with torch). Helios relief: Rhodes Archaeological Museum, inv no 13612 (reproduced in *Clara Rhodos*, v (part 2.) (1932), pp. 24–26, plate II and fig. 15).
37. Horace (to Vergil), *Odes*, I. 3, w. 9–12.
38. P. Salway, *The Frontier People of Roman Britain* (London, 1965), p. 213.
39. *Satyricon*, ed. W. K. Kelly (London, 1854), p. 219.
40. *Ibid.*, p. 231.
41. *Satires*, II.8.301.
42. *Odes*, I.31.
43. Этот пассаж созвучен Fernández-Armesto, *Truth*, *op. cit.*, pp. 107–108; см. M. Gibson, ed., *Boethius: his Life, Thought and Influence* (Oxford, 1981), pp. 73–134.
44. P. Hunter Blair, *The World of Bede* (Cambridge, 1990).
45. См. мою попытку отображения на карте распространения Возрождения в *The Times Illustrated History of Europe* (London, 1996), p. 98.
46. V. Fraser, *The Architecture of Conquest: Building in the Vice-royalty of Peru, 1535–1635* (Cambridge, 1990).
47. R. H. Jenkyns, *The Victorians and Ancient Greece* (London, 1981), pp. 13–16, 171–172.
48. W. F. B. Laurie, ed., 'Lord Macaulay's Great Minute on Education in India', *Sketches of Some Distinguished Anglo-Indians*, ii (1888), p. 176.

49. Jenkyns, *op. cit.*, p. 97.
50. Agatharchides of Cnidos, *On the Erythraean Sea*, ed. S. M. Burstein (London, The Hakluyt Society, 1989), pp. 49, 70, 85, 174; G. W. B. Huntingford, ed., *The Periplus of the Erythraean Sea* (London, The Hakluyt Society, 1980).
51. Swami Vivekananda, *Complete Works*, vol. iv (Calcutta, 1992), p. 401; T. Rayachaudhuri, *Europe Reconsidered: Perceptions of the West in Nineteenth-century Bengal* (Delhi, 1988), pp. 271–273.
52. J. Sarkar, *History of Bengal*, vol. ii (Calcutta, 1948), p. 498.
53. D. Kopf, *British Orientalism and the Bengali Renaissance* (London, 1969), pp. 273–291.
54. M. K. Haldar, *Renaissance and Reaction in Nineteenth-century Bengal: Bankim Chandra Chattopadhyay* (Columbia, Mo., 1977), pp. 4–6; A. F. Salahuddin Ahmed, 'Rammohun Roy and His Contemporaries', в книге V. C. Joshi, ed., *Rammohun Roy and the Process of Modernisation in India* (Delhi, 1975), p. 94.
55. R. K. Ray in Joshi, ed., *op. cit.*, p. 7; A. Poddar, *Renaissance in Bengal: Quests and Confrontations, 1800–1860* (Simla, 1970), p. 48.
56. D. Kopf, *The Brahma Samaj and the Shaping of the Modern Indian Mind* (Princeton, 1979), p. 94.
57. Я благодарен Вильяму Рейдайсу за такой метод изложения событий.
58. A. Coates, *Rizal* (London, 1968), p. 149.

Часть седьмая. Рассекая волны

15. Почти самая последняя среда

1. E. A. Alpers, 'Trade, State and Society among the Yao in the Nineteenth Century', *Journal of African History*, x (1970), pp. 405–420.
2. H. A. R. Gibb, ed., *The Travels of Ibn Battuta A.D. 1325–1354*, vol. ii (Cambridge, The Hakluyt Society, 1962), pp. 360–401; vol. iv (1994), pp. 827–828, 841.
3. *Ibid.*, vol. iii (1971), p. 616.
4. *Ibid.*, p. 657.

5. Ibid., p. 900.
6. Выражение «новая Европа» изобретено Альфредом Кросби: Alfred W. Crosby, *Ecological Imperialism: the Biological Expansion of Europe, 900–1900* (Cambridge, 1986).
7. H. Hasan, *A History of Persian Navigation* (London, 1928), p. 1.
8. S. Ratnagar, *Encounters: the Westerly Trade of the Harappa Civilization* (Delhi, 1981).
9. L. Casson, *The Periplus Maris Erythraei* (Princeton, 1989), pp. 7, 21–27, 34–35, 58–61, 69, 74–89; G. W. B. Huntingford, ed., *The Periplus of the Erythraean Sea* (London, The Hakluyt Society, 1980), pp. 8–12, 81–86, 106–120.
10. *Natural History*, VI, xxvi, 104.
11. J. Needham, *Science and Civilization in China* (Cambridge, 1956 — in progress), vol. iv, part III (1971), pp. 42–44.
12. O. W. Wolters, *Early Indonesian Commerce: a Study of the Origins of Srivijaya* (Ithaca, N.Y., 1967), pp. 32–48; M. Tampoe, *Maritime Trade between China and the West: an Archaeological Study of the Ceramics from Siraf (Persian Gulf), 8th to 15th centuries AD* (London, 1986), p. 119; K. N. Chaudhuri, *Trade and Civilization in the Indian Ocean: an Economic History from the Rise of Islam to 1750* (Cambridge, 1985), pp. 49–53.
13. O. H. K. Spate, *The Spanish Lake* (Minneapolis, 1979), pp. 101–106; M. Mitchell, *Friar Andrés de Urdaneta, O.S.A.* (London, 1964), pp. 132–139.
14. R. H. Grove, *Green Imperialism: Colonial Expansion, Tropical Island Edens and the Origins of Environmentalism, 1600–1800* (Cambridge, 1995). pp. 168–263, 374–379, 386–393.
15. См. Chaudhuri, op. cit., p. 15.
16. См. например К. Nebenzahl, *Atlas of Columbus and the Great Discoveries* (Chicago, 1970), pp. 4–5.
17. Hasan, op. cit., pp. 129–130.
18. Al-Masudi, *Les Prairies d'or*, ed. B. Meynard and P. Courteille, 9 vols (Paris, 1861–1914), vol. iii (1897), p. 6; M. Longworth Dames, ed., *The Book of Duarte Barbosa*, 2 vols (London, The Hakluyt Society, 1898), vol. i, p. 4; C. R. Boxer, ed., *The Tragic History of the Sea, 1589–1622* (London, The Hakluyt Society, 1959).
19. 'Narrative of the Journey of Abd-er-Razzak' в книге R. H. Major, ed., *India in the Fifteenth Century* (London, The Hakluyt Society, 1857), p. 7.

20. Villiers, *Monsoon Seas: the Story of the Indian Ocean* (New York, 1952.), pp. 56–57.
21. Buzurg ibn Shahriyar of Ramhormouz, *The Book of the Wonders of India*, ed. G. S. P. Freeman-Grenville (London, 1981), pp. 49ff.
22. Tampoe, op. cit., p. 121; J. Zang, 'Relations between China and the Arabs', *Journal of Oman Studies*, vi: part I (1983), pp. 99–109, оcoб. p. 99; J. C. van Leur, *Indonesian Trade and Society: Essays in Asian Social and Economic History* (The Hague, 1955), pp. 85–86; J. Takakusu, ed., *I-tsing: a Record of the Buddhist Religion* (Oxford, 1896), pp. xxvii–xxx, xlvi.
23. Ma Huan, *The Overall Survey of the Ocean Shores*, ed J. V. G. Mills (London, The Hakluyt Society, 1970), pp. 15–18.
24. Ibid., p. 27.
25. Buondelmonti, *Descriptio Insule Crete et Liber Insularum, c. XI: Creta*, ed. M.-A. van Spitael (Herakleion, 1981).
26. J. H. Pryor, *Geography, Technology and War: Studies in the Maritime History of the Mediterranean, 649–1571* (Cambridge, 1988), pp. 1–3, 23, 36, 51, 89–90, 98; см. F. Braudel, *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*, 2 vols (Paris, 1966), vol. i, pp. 331–335.
27. P. Chaunu, *Conquête et exploitation des nouveaux mondes (XVIe siècle)* Paris, 1969), pp. 277–90; *Séville et l'Atlantique (1504–1650)*, part I, vol. vi (Paris, 1956), pp. 178–189, 312–321.
28. G. Parker, *The Grand Strategy of Philip II* (New Haven and London, 1998), p. 50.
29. J. Spencer Trimingham, *Islam in West Africa* (Oxford, 1944), p. 144; J. O. Hunwick, 'Religion and State in the Songhay Empire, 1464–1591', в книге I. M. Lewis, ed., *Islam in Tropical Africa* (Oxford 1966), pp. 296–317.
30. *The Wealth of Nations*, TV, vii, b.61 (London, 1937, p. 590).
31. Disney, 'Vasco da Gama's Reputation for Violence: the Alleged Atrocities at Calicut in 1502', *Indica*, xxxii (1995), pp. 11–28; S. Subrahmanyam, *The Career and Legend of Vasco da Gama* (Cambridge, 1997), pp. 205–210, 318.
32. F. W. Mote, 'The Chieng-hua and Hung-chih Reigns, 1464–1505', в книге D. Twitchett and K. K. Fairbank, eds, *The Cambridge History of China*, vol. vii (Cambridge, 1988), pp. 343–402; я прежде всего имею в виду картину Ву Вей «Мудрец, сидящий под деревом» в музее изящных ис-

- кустств в Бостоне. См. также R. M. Burchart et al., *Painters of the Great Ming: the Imperial Court and the Zhe School* (Dallas, 1993).
33. Stein, *Vijayanagar*, pp. 111–112; G. Michell, *Architecture and Art of South India* (Cambridge, 1995), pp. 13, 39, pi. 13.
 34. F. Fernández-Armesto, 'O Mundo dos 1490' в книге D. Curto, ed., *O Tempo de Vasco da Gama* (Lisbon, 1998), pp 43–58.
 35. Ibid., pp. 191–207; C. F. Petry, *Protectors or Praetorians: the Last Mamluk Sultans and Egypt's Waning as a Great Power* (Cambridge, Mass., 1994).
 36. F. Fernández-Armesto, *Before Columbus: Exploration and Colonisation from the Mediterranean to the Atlantic, 1229–1492* (Philadelphia, 1987), p. 201.
 37. P. Brummett, *Ottoman Seapower and Levantine Diplomacy in the Age of Discovery* (New Haven, 1994); A. C. Hess, 'The Evolution of the Ottoman Seaborne Empire in the Age of the Oceanic Discoveries, 1453–1525', *American Historical Review*, lxxv (1970), pp. 1892–1919.
 38. J. Martin, *Treasure of the Land of Darkness* (Cambridge, 1986), pp. 83, 95; 'Muscovy's North-east Expansion: the Context and a Cause', *Cahiers du monde russe et soviétique*, xxiv, no. 4 (1983), pp. 459–470; Y. Semyonov, *Siberia* (London, 1963), p. 23; M. Alef, 'Muscovite Military Reforms in the Second Half of the Fifteenth Century', *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, xviii (1973), pp. 73–108.
 39. S. van Herberstein, *Notes upon Russia*, ed. R. H. Major, 2 vols (London, The Hakluyt Society, 1852), ii, 42.
 40. Van Leur, op. cit., pp. 122, 268–89; A. H. Lybyer, 'The Ottoman Turks and the Routes of Oriental Trade', *English Historical Review*, xxx (1915), pp. 577–588; A. Disney, ed., *Historiography of Europeans in Africa and Asia, 1450–1800* (Aldershot, 1995), pp. xii-xvi.
 41. G. Winius, 'The Shadow Empire of Goa in the Bay of Bengal', *Itinerario*, vii (1983), pp. 83–101; S. Subrahmanyam, *Improvising Empire: Portuguese Trade and Settlement in the Bay of Bengal, 1500–1700* (Delhi, 1990).
 42. Subrahmanyam, op. cit., pp. 145–148.
 43. J. de Barros, *Asia: Dicadas I & II*, ed. A. Baião (Lisbon, 1932), p. 80; I. vi, 1.
 44. Fernández-Armesto, op. cit, p. 283.

45. K. C. Chaudhuri, *Asia Before Europe* (Cambridge, 1986), pp. 346–349.

16. Переплывающая Атлантический океан

1. Версия публиковалась в *Itinerario*, xxiv (2000).
2. S. E. Morison, *The European Discovery of America: the Southern Voyages* (New York, 1974), pp. 502–517; L. Olschki, 'Ponce de Leon's Fountain of Youth: History of a Geographic Myth', *Hispanic American Historical Review*, xxi (1941), pp. 361–385.
3. *Encyclopaedia of Islam*, new edition, s.v. 'Djuggraffiya'; J. B. Harley and D. Woodward, eds, *The History of Cartography*, ii, I and II (Chicago, 1992).
4. См. F. Fernández-Armesto, *Before Columbus: Exploration and Colonization from the Mediterranean to the Atlantic, 1229–1492* (Philadelphia, 1987); *Millennium: A History of Our Last Thousand Years* (New York, 1995), pp. 162–163; J. R. S. Phillips, *European Expansion in the Middle Ages* (Oxford, 1988); P. Chaunu, *L'Expansion européenne du xiiie au xve siècles* (Paris, 1969), pp. 93–97.
5. F. Fernández-Armesto, 'Spanish Atlantic Voyages and Conquests before Columbus' в книге J. B. Hattendorf, ed., *Maritime History, i: the Age of Discovery* (Malabar, Fl., 1996), p. 138.
6. *Ibid.*, pp. 137–147.
7. F. Fernández-Armesto, 'Atlantic Exploration Before Columbus' в книге G. R. Winius, ed., *Portugal the Pathfinder* (Madison, 1995), pp. 41–70.
8. F. Fernández-Armesto, *Before Columbus: Exploration and Colonisation from the Mediterranean to the Atlantic, 1229–1492* (Philadelphia, 1987), pp. 245–252.
9. A. Cortesão, *História da cartografia portuguesa*, 2 vols, (Coimbra, 1968–1970), ii, 150–152.
10. J. Duyvendak, 'The True Dates of the Chinese Maritime Expeditions in the Early XVth Century', *T'oung Pao*, xxxiv (1938), pp. 399–412.
11. C. Jack-Hinton, *The Search for the Isles of Solomon* (Oxford, 1965), p. 25; T. Heyerdahl, *American Indians in the Pacific: the Theory behind the Kon-Tiki Expedition* (London, 1952).

12. R. Cormack and D. Glaze, eds, *The Art of Holy Russia: Icons from Moscow, 1400–1660* (London, 1998), pp. 152–155.
13. E. L. Dreyer, *Early Ming China: a Political History, 1355–1435* (Stanford, 1982), pp. 67–120.
14. C. Picard, *L'Océan atlantique musulman au moyen âge* (Paris, 1997), pp. 31–32.
15. *Ibid.*, pp. 393–458.
16. E. J. Alagoa, 'Long-distance Trade and States in the Niger Delta', *Journal of African History*, xi (1970), pp. 319–329; 'The Niger Delta States and their Neighbours', в книге J. F. Ade Ajayi and M. Crowder, eds, *History of West Africa*, vol. I (Harlow, 1976), pp. 331–373; J. G. Campbell, *A Short History of the Ilajes* (London, 1970). Этой ссылкой я обязан доктору Айодеи Олукоджу из университета Лагоса.
17. R. W. Unger, *The Art of Medieval Technology: Images of Noah the Shipbuilder* (New Brunswick, NJ, 1991).
18. R. W. Unger, 'Portuguese Shipbuilding and the Early Voyages to the Guinea Coast', в книге F. Fernández-Armesto, ed., *The European Opportunity* (Aldershot and Brookfield, Vt., 1995), pp. 43–64; F. Fernández-Armesto, 'Naval Warfare after the Viking Age' в книге M. H. Keen, ed., *Medieval Warfare: a History*, (Oxford, 1999), pp. 230–52; P. E. Russell, *Prince Henry 'the Navigator': a Life* (New Haven, 2000), pp. 225–230.
19. R. Barker, 'Shipshape for Discoveries and Return', *The Mariner's Mirror*, lxxviii (1992), pp. 433–447.
20. R. Laguarda Trías, *El enigma de las latitudes de Colón* (Valladolid, 1974).
21. P. Adam, 'Navigation primitive et navigation astronomique', *VIe colloque internationale d'histoire maritime* (Paris, 1966), pp. 91–110.
22. T. Campbell, 'Portulan Charts from the Late Thirteenth Century to 1500', в книге J. B. Harley and D. L. Woodward, eds, *The History of Cartography, I: Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean* (Chicago, 1987), pp. 371–463; Fernández-Armesto, *Before Columbus*, op. cit., p. 15.
23. F. Fernández-Armesto, *Columbus*, op. cit., pp. 75–76.
24. F. Fernández-Armesto, ed., *The Global Opportunity* (Aldershot and Brookfield, Vt., 1995), pp. 1–93.
25. A. W. Crosby, *The Measure of Reality: Quantification and Western Society, 1250–1600* (Cambridge, 1997); F. Fernández-

- Armesto, *Truth: a History* (London, 1997), pp. 120–160; J. Goody, *The East in the West* (Cambridge, 1996); самое широкое сопоставительное изучение «западного» и «восточного» образа мыслей можно найти в R. Collins, *The Sociology of Philosophies* (Cambridge, Mass., 1998).
26. F. Fernández-Armesto, *Millennium: A History of Our Last Thousand Years* (New York, 1995), pp. 283–308.
 27. M. H. Keen, *Chivalry* (New Haven, 1984).
 28. F. Fernández-Armesto, 'The Sea and Chivalry in Late Medieval Spain', в книге J. B. Hattendorf, ed., *Maritime History, i: The Age of Discovery* (Malabar, Fl., 1996), pp. 137–148; 'Exploration and Discovery', в книге C. Allmand, ed., *The New Cambridge Medieval History*, vol. .vii (Cambridge, 1998), pp. 175–201.
 29. F. Fernández-Armesto, 'The Contexts of Coloumbus: Myth, Reality and Self-Perception', в книге A. Disney, ed., *Columbus and the Consequences of 1492*. (Melbourne, 1994), pp. 7–19, особ. p. 10.
 30. F. Fernández-Armesto, 'Inglaterra y el Atlántico en la baja edad media', в книге A. Béthencourt Massieu et al., *Canarias e Inglaterra a través de la historia* (Las Palmas, 1995), pp. 11–28.
 31. A. Milhou, *Colón y su mentalidad mesiánica en el ambiente frandscanista español* (Valladolid, 1983); S. Subrahmanyam, *Improvising Empire: Portuguese Trade and Settlement in the Bay of Bengal, 1500–1700* (Delhi, 1990), pp. 54–57.
 32. L. F. R. Thomaz, 'The Economic Policy of the Sultanate of Malacca (XVth-XVIth centuries)', *Moyen-orient et Océan Indien*, vii, pp. 1–12, особ. p. 8.
 33. *La vida de Lazarillo de Torntes*, tratado I. A. Valbuena y Prat, ed., *La novela picaresca española* (Madrid, 1968), p. 85.
 34. F. Fernández-Armesto, *Before Columbus*, op. cit., pp. 198–199.
 35. F. Fernández-Armesto, *Las Islas Canarias después de la conquista: la creación de una sodedad colonial a principios del siglo XVI* (Las Palmas, 1997), p. 135.
 36. D. B. Quinn, *England and the Discovery of America, 1481–1620* (New York, 1974), pp. 5–23.
 37. D. B. Quinn, ed., *New American World*, 5 vols (New York, 1978), vol. v, p. 235.
 38. Ibid., p. 238.

39. Ibid., p. 239.
40. Ibid.
41. W. Strachey, *The Historie of Travell into Virginia Britannia* (1612), ed. L. B. Wright and V. Freund (London, The Hakluyt Society, 1953), pp. 56–61.
42. 'Instruction to Sir Thos Gates for government of Virginia', May 1609, Quinn, *New American World*, op. cit., vol. v, p. 213.
43. J. Smith, *The True Travels, Adventures and Observations*, vol. i, p. 152.
44. Thomas Studley, *The Proceedings of the English Colonie in Virginia*, p. 318.
45. D. Lloyd, *The Legend of Captain Jones* (London, 1636).
46. Strachey, op. cit., p. 315.
47. K. O. Kuppermann, ed., *Captain John Smith* (Chapel Hill, 1988), p. 129.
48. Strachey, op. cit., pp. 289–290.
49. J. Smith, *The Generall Historie of Virginia, New England and the Summer Isles* (Glasgow, 1907), p. 306.
50. M. Henderson, *Tobacco in Colonial Virginia: 'The Sovereign Remedy'* (Williamsburg, 1957).
51. C. M. Gradie, 'Spanish Jesuits in Virginia: the Mission that Failed', *The Virginia Magazine of History and Biography*, xcix (1988), pp. 131–156; C. M. Lewis and A. J. Loomie, eds, *The Spanish Jesuit Mission in Virginia, 1570–1572* (Chapel Hill, 1953).
52. R. Blackburn, *The Making of New World Slavery from the Baroque to the Modern, 1492–1800* (London, 1997), pp. 225–258; M. Sobel, *The World they Made Together* (Princeton, 1987); I. Berlin, *Many Thousands Gone: the First Two Centuries of Slavery in Colonial America* (Cambridge, 1998); P. D. Morgan, *Slave Counterpoint: Black Culture in the Eighteenth-century Chesapeake and Low Country* (Chapel Hill, 1998).
53. R. Price, *Maroon Societies: Rebel Slave Communities in the Americas* (Garden City, 1973), p. 152.
54. A. J. Russell-Wood, *The Black Man in Slavery and Freedom in Colonial Brazil* (London, 1982), p. 1.
55. G. Heuman, 'The British West Indies', в книге W. R. Louis et al., eds, *The Oxford History of the British Empire*, 5 vols (Oxford, 1999), vol. iii, p. 472; самые убедительные данные приведены в таблицах в: D. Eltis, 'Atlantic History in Global Per-

- spective', *Itinerario*, xxiii (1999), no. 2., pp. 141–161, ocoб. pp. 151–152.
56. J. Thornton, *Africa and the Africans in the Making of the Atlantic World, 1400–1680* (Cambridge, 1992).
 57. Durand, of Dauphine, *A Frenchman in Virginia, being the Memoirs of a Huguenot Refugee in 1686*, ed. F. Harrison, (n.p., 1923), p. 95.
 58. Blackburn, op. cit., p. 259.
 59. Russell-Wood, op. cit., p. 4; K. M. de Queiros Mattoso, *To be a Slave in Brazil, 1550–1888* (New Brunswick, NJ, 1986), pp. 96–99.
 60. J. Benci, *Economia cristiana dos senhores no governo dos escravos*, ed. S. Leite (Porto, 1954), p. 100.
 61. C. R. Boxer, *The Golden Age of Brazil* (Berkeley and Los Angeles, 1962), p. 1.
 62. Ibid., p. 174.
 63. A Bewell, ed., *Slavery, Abolition and Emancipation: Writings in the British Romantic Period, vii, Medicine and the West Indian Slave Trade* (London, 1999), p. 288.
 64. Последние резюме данных см. J. Inikori and S. Engerman, eds, *The Atlantic Slave Trade: Effects on Economics, Society and Peoples in Africa, the Americas and Europe* (Durham, 1997).
 65. H. Thomas, *The Slave Trade: the History of the Atlantic Slave Trade, 1440–1870* (London, 1997), p. 719.
 66. P. Hogg, *Slavery: the Afro-American Experience* (New York, 1979), pp. 20–30.
 67. R. Bastide, *African Civilisations in the New World* (New York, 1971), p. 52.
 68. M. L. Conniff and T. J. Davis, eds, *Africans in the Americas: a History of the Black Diaspora* (New York, 1994), p. 98.
 69. D. Freitas, *Palmares, a guerra dos escravos* (Rio de Janeiro, 1982), p. 103.
 70. Queiros Mattoso, op. cit., p. 32.
 71. Ibid., p. 128.
 72. Bastide, op. cit., p. 92.
 73. Ibid., p. 53.
 74. A. Metraux, *Haiti: Black Peasants and their Religion* (London, 1960); Bastide, op. cit., p. 72; R. Bastide, *The African Religions of Brazil* (Baltimore, 1978).

75. P. Emmer, 'European Expansion and Unfree Labour: an Introduction', *Itinerario*, xxi (1997), pp. 9–14.
76. Thomas, *op. cit.*, p. 442. С точки зрения владельцев плантаций рабство имело экономический смысл, пока не было доступа к лучшим источникам рабочей силы, хотя классический случай R. W. Fogel and S. Engerman, *Time on the Cross: the Economics of Negro Slavery*, 2 vols (London, 1974), особенно: pp. 58–106 and 158–192, был модифицирован, за исключением дельты Миссисипи, к которой относится большинство статистических данных этих авторов.
77. *Ibid.*, pp. 616, 683.
78. *Ibid.*, p. 776.
79. *Ibid.*, p. 72, 113.
80. P. J. Kitson, ed., *Theories of Race* (London, 1999), p. 4.
81. J. Thornton, *Africa and the Africans in the Making of the Atlantic World, 1400–1680* (1992), особ. pp. 129–205.
82. Thomas, *op. cit.*, p. 466.
83. P. J. Kitson, D. Lee et al., eds, *Slavery, Abolition and Emancipation: Writings in the British Romantic Period*, 8 vols (London, 1999), vol. i, pp. 343–364 (for Mary Prince); vol. ii, pp. 3–36 (for Ramsay); vol. iv, pp. 126–157 (for Yearsley); vol. vi, pp. 66–67 (for Corncob).
84. D. Northrup, 'Migration: Africa, Asia, the Pacific', в книге Louis et al., eds, *op. cit.*, vol. iii, pp. 88–100.
85. J. Greene, *Peripheries and Center* (Athens, Ga., 1986), pp. 166–167.
86. D. W. Meinig, *The Shaping of America, i: Atlantic America, 1492–1800* (New Haven, 1986).
87. G. R. Stewart, *Names on the Land: a Historical Account of Place-naming in the United States* (New York, 1945).
88. V. Fraser, *The Architecture of Conquest: Building in the Viceroyalty of Peru, 1535–1635* (Cambridge, 1990).
89. A. W. Crosby, *The Columbian Exchange: biological and cultural consequences of 1492* (Westport, Conn. 1972).
90. Lockhart and Otte, *Letters and People of the Spanish Indies: sixteenth century* (Cambridge, 1976).
91. G. Baudot, *Utopie et histoire au Mexique: les premiers chroniqueurs de la civilisation mexicaine, 1520–1569* (Toulouse, 1977); J. L. Phelan, *The Millennial Kingdom of the Franciscans*

in the New World: a Study of the Writings of Geronimo de Mendieta (Berkeley and Los Angeles, 1970).

17. Атлантика и то, что за ней

1. M. Pachter and F. Wein, eds, *Abroad in America: Visitors to the New Nation* (Reading, Mass, and London, 1976).
2. W. A. Hinds, *American Communities and Co-operative Colonies* (New York, 1908); D. D. Egbert, *Socialism and American Art* (New York, 1967); A. E. Bestor, *Backwoods Utopias: the Sectarian and Owenite Phases of Communitarian Socialism in America, 1663–1829* (Philadelphia, 1950), особенно pp. 36, 59, 94–132.
3. T. Hall, *The Spiritualists* (London, 1962).
4. J. Bryce, *The American Commonwealth*, 3 vols (London, 1888), vol. iii, pp. 357–363.
5. J. Hasse, ed., *Ragtime: its History, Composers and Music* (London, 1985), pp. 29–32, 80–83.
6. M. Kimmelman, 'A Century of Art: Just How American Was It?', *The New York Times*, 18 April 1999. Я благодарен профессору Клаудио Велизу за этот отрывок.
7. R. B. Perry, *The Thought and Character of William James* (London, 1948), p. 621.
8. G. Wilson Allen, *William James: a Biography* (London, 1967), p. 417.
9. F. Boas, *The Mind of Primitive Man* (New York, 1913), p. 113.
10. G. Stocking, ed., *The Shaping of American Anthropology, 1883–1911: a Frank Boas Reader* (New York, 1974); F. Fernández-Armesto, *Truth: a history* (London, 1998), p. 24; E. E. Evans-Pritchard, *Theories of Primitive Religion* (Oxford, 1965), p. 35.
11. L. P. Paine, *Ships of the World* (Boston, 1997), pp. 460–461.
12. P. Butel, *Histoire de l'atlantique de l'antiquité à nos jours* (Paris, 1997), p. 153.
13. F. Fernández-Armesto, *Millennium: A History of Our Last Thousand Years* (New York, 1995), pp. 394–422; M. Eksteins, *Rites of Spring* (London, 1990), pp. 326–363. Благодарю Джима Кокрейна за рассказ об этой книге.
14. Butel, op. cit., p. 280.

15. D. Kennedy, *Freedom from Fear* (New York, 1999), pp. 277–279, 378, 392.
16. *Ibid.*, pp. 363–380.
17. Фраза была сочинена Дж. Паттерсоном: J. Patterson, *Grand Expectations* (Oxford, 1998).
18. M. Glenny, *The Balkans: Nationalism, War and the Great Powers* (London, 1999), p. 657.
19. W. T. Jeans, *The Creators of the Age of Steel* (London, 1884), pp. 10, 214.
20. L. T. C. Rolt, *Isambard Kingdom Brunel* (1957), pp. 185–186.
21. S. Smiles, *Industrial Biography: Iron-workers and Tool-makers* (Boston, 1864), p. 400.
22. Jeans, *op. cit.*, p. 38.
23. J. Benet and C. Marti, *Barcelona a mitjan segle XIX*, 2 vols (Barcelona, 1976), vol. i, pp. 67.
24. R. Porter, *London: a Social History* (London, 1984); G. Dore and B. Jerrold, *London: a Pilgrimage* (London, 1842); J. Burnett, *A Social History of Housing, 1815–1970* (London, 1978), pp. 142–144.
25. J. M. Mackenzie, ‘The Popular Culture of Empire in Britain’, в книге W. R. Louis, ed., *The Oxford History of the British Empire*, 5 vols (Oxford, 1999), vol. iv, pp. 212–231.
26. Это самый видный из авторов оптимистического настроения или тех, кто поддается пессимизму *malgré soi*. См. для примера J. Roberts, *Twentieth Century* (London, 1999), pp. 575–582, 838–839; M. Gilbert, *Challenge to Civilization: a History of the Twentieth Century 1952–1999* (London, 1999), pp. 908–932.
27. Gilbert, *op. cit.*, p. 932.
28. K. Thomas, *Man and the Natural World: Changing Attitudes in England, 1500–1800* (London, 1983).
29. R. Aubert, ed., *Dictionnaire d’histoire et de géographie ecclésiastiques* (Paris, in progress), xxvii (1988), cols 1097–1099, s.v. I. Guinefort.
30. S. Pinker, *The Language Instinct: the New Science of Language and Mind* (London, 1994), pp. 335–342.
31. H. W. Janson, *Apes and Ape Lore in the Middle Ages and Renaissance* (New York, 1952), p. 352.
32. Laurie Garret, ‘The Return of Infectious Disease’, *Foreign Affairs*, January/February 1996, pp. 66–79; *The Coming Plague*:

- Newly Emerging Diseases in a World out of Balance* (New York, 1994), особенно pp. 411–456, 618–619.
33. P. Kennedy, *Preparing for the Twenty-first Century* (New York, 1993), pp. 44–46; A. Sen, *Food, Economics and Entitlement* (Helsinki, 1987); *Hunger and Public Action* (Oxford, 1989); P. R. and A. E. Ehrlich, *The Population Explosion* (New York, 1991); *The Stork and the Plow: the Equity Answer to the Human Dilemma* (New York, 1995).
 34. L. Brown, *Who Will Feed China? Wake-up Call for a Small Planet* (New York, 1995).
 35. J. E. Hardoy and D. Satterthwaite, eds, *Small and Intermediate Centers: Their Role in Regional and National Development in the Third World* (Boulder, Co., 1986).
 36. S. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York, 1996), p. 302.
 37. См. O. Tunander, P. Baev and V. I. Einagel, eds, *Geopolitics in Post-wall Europe: Security, Territory and Identity* (London, 1997).
 38. Термин придумал А. Тоффлер: А. Toffler, *Future Shock* (London, 1970).
 39. Этот пассаж позаимствован из: F. Fernández-Armesto, *Religion* (London, 1998), pp. 30–31.
 40. S. Winchester, *The Pacific* (London, 1992), p. 446; Fernández-Armesto, *Millennium*, op. cit., pp. 631–720.
 41. J. M. Roberts, *The Triumph of the West* (London, 1985).
 42. D. Held, A. McGrew, D. Goldblatt, J. Perraton, *Global Transformations: Politics, Economics and Culture* (Cambridge, 1999), pp. 2, 15. Эта работа — самый существенный и осмысленный путеводитель по современным спорам о природе и перспективах глобализации.
 43. Ibid., pp. 149–235.
 44. Ibid., pp. 283–326.
 45. M. Albrow, *The Global Age* (Cambridge, 1996), p. 85.
 46. Held et al., op. cit., pp. 124–148.
 47. Ibid., pp. 242–282.
 48. S. Roic, 'La Globalisation dans sa poche', *PEN International*, xlix (1999), no. 2, pp. 48–50.
 49. M. Geyer and C. Bright, 'World History in a Global Age', *American Historical Review*, с (1995); R. Burbach, ed., *Globalization and its Discontents* (London, 1997).
 50. Fernández-Armesto, *Millennium*, op. cit., pp. 603–629.

51. J. Friedman, 'Global System, Globalization and the Parameters of Modernity', в книге M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson, eds, *Global Modernities* (London, 1995), pp. 69–90. Я благодарен профессору Хайде Герстенберг за эту ссылку.
52. *Derek Jarman's Garden* (London, 1995).
53. См. R. D. Moury, *Worlds within Worlds: the Richard Rosenblum Collection of Chinese Scholars' Rocks* (Cambridge, Mass., 1997).

Список иллюстраций

1. Меса-Верде, штат Колорадо.
2. Настенный рельеф, Чан Чан.
3. Мечеть Джаны.
4. Маски ирокезов.
5. Ольмекская голова.
6. Дворцовая утварь из Бенина.
7. Надгробный портрет из Фаюма.
8. Церковь в Лалибеле.
9. Тарксьен, Мальта.
10. Норвежские ювелирные изделия.
11. Кельтские сосуды для вина.
12. Лас-Вегас.
13. Каталанский атлас.
14. Скифская золотая ваза.
15. Юрта киргиза.
16. Фабрика селитры XVIII века.
17. Катал-Хююк.
18. Сельское хозяйство на Тайване.
19. Ацтекская обезьяна.
20. Микстекский рисунок.
21. Тасманиец на картине Дютро.
22. Гондола дожа, изображенная Карлеварисом.
23. Кольцо Бродгара, Оркнейские острова.
24. Застывшая жизнь Бальтазара Ван дер Аста.
25. Боробудур: вырезанный на камне корабль.
26. Чола: бронзовые статуэтки Шивы и Парвати.
27. Храмы Сатрунджайи.
28. Мавзолей Теодориха.
29. Пьяный мудрец Ву Вея.
30. Шкатулка слоновой кости из Шри-Ланки.
31. Плащ Поухатана.
32. Антигуа.
33. Исполнители рэгтайма.
34. «Поцелуй» Бранкузи.
35. «Вид с балкона на Лондон» Доре.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ-2», т. (495) 641-22-89
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Менделеевская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТРК «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 107, т. (383) 230-12-91
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов-на-Дону, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30, т. (8352) 374-19-60
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр. Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радишева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Научно-популярное издание

**Фернандес-Арместо Фелипе
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

**Художественный редактор О.Н. Адаскина
Младший редактор Н.В. Дмитриева**

**Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 25.12.2008.
Формат 84×108¹/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,32.
С.: Ист.библ.(новая). Тираж 1500 экз. Заказ 239.
С.: Philosophy. Тираж 1500 экз. Заказ 240.**

**Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — литература научная и производственная**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.**

**ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru**

**ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1**

**Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0150205 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by**

**РУП «Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0131528 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, пр. Независимости, 79. Заказ 337.**

**ОАО «Полиграфкомбинат имени Я. Коласа».
ЛП № 02330/0056617 от 27.03.2004.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.**